

TS

2768
09

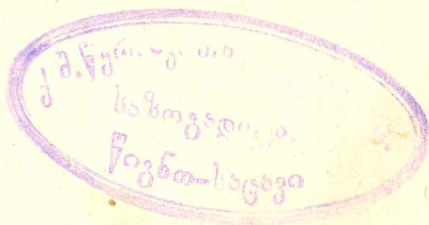

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

ОСНОВАНІЯ СОЦІОЛОГІИ.

301
2708
БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ОСНОВАНІЯ СОЦІОЛОГІИ

ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА

~~2146.501~~
~~30~~

Переводъ съ англійскаго

Томъ первый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ И. И. ВИЛИВИНА
1876.

II, II, 897 стр. (22 x 14), [б. и. 7.]

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позво-
ляется. С.-Петербургъ, Апрѣля 21 дня 1876 года.

Цензоръ Архимандритъ *Иосифъ*.

Сиб. Типографія В. Демакова. Новый пер., д. № 7.

TS

2768

09

Книга, представляемая на судъ публики, есть продолженіе обширнаго труда—«Система Синтетической Философiи»—начатаго авторомъ въ 50-хъ годахъ. До сихъ поръ появились слѣдующія части: 1) «Основные Начала» (русской публикѣ знакомы только отчасти, по изданію Тиблена); 2) «Основанія Біологіи» (есть русскій переводъ Герда); 3) «Основанія Психологіи» (переводъ появится на дняхъ), и 4) «Основанія Соціологіи», только начатыя авторомъ (настоящая книга есть переводъ всего, что до сихъ поръ появилось въ подлинникѣ). Окончить этотъ трудъ авторъ разсчитываетъ не раньше, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ, — мы же, съ своей стороны, будемъ знакомить русскую публику по мѣрѣ того, какъ авторъ будетъ заканчивать изслѣдованіе какого-нибудь отдѣльнаго вопроса, какъ напримѣръ въ настоящей книгѣ.

4 Хотя изложеніе автора строго научно, и онъ далекъ отъ всякой теологической догматики, тѣмъ неменѣе, мы сочли нужнымъ выкинуть кое-какіе примѣры, служащіе добавочной иллюстраціей развиваемыхъ имъ идей: оставить ихъ мы находили неудобнымъ. По большей части такія урѣзки не превышаютъ нѣсколькихъ строкъ; но въ одномъ случаѣ намъ пришлось выкинуть цѣлый параграфъ, именно 202. Всѣ выпущенныя нами мѣста обозначены знакомъ — — —. Кромѣ того, нѣкоторые выводы автора о предметахъ духовнаго міра, осно-

ванные имъ на одной эмпирической почвѣ, мы въ концѣ книги пояснили краткими примѣчаніями, заимствуемыми изъ другихъ источниковъ знанія и общечеловѣческихъ вѣрованій.

Вначалѣ переводчикъ имѣлъ намѣреніе прилагать подстрочныя примѣчанія, содержація примѣры изъ области славянскаго міра, — во многихъ случаяхъ еще съ болѣею силою, чѣмъ въ подлинникѣ, подтверждающія развиваемыя авторомъ идеи, но это, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, осуществиться не могло. Если, иногда, и приводились имъ кое-какія данныя на этотъ счетъ, то это дѣлалось случайно, безсистемно. Общій характеръ дальнѣйшихъ выпусковъ можно и теперь, болѣе или менѣе, опредѣлить по «Описательной Соціологіи», издаваемой авторомъ въ сотрудничествѣ со многими учеными. Изданіе это заключаетъ подборъ фактовъ, касающихся умственной, нравственной, экономической, политической, эстетической и др. сторонъ жизни разныхъ народовъ, — фактовъ, которые должны послужить автору матеріаломъ для дальнѣйшей философской разработки вопроса. Программа этого изданія и дастъ возможность собрать заблаговременно подходящіе матеріалы изъ русской жизни. Переводчикъ надѣется въ послѣдующихъ частяхъ перевода дѣлать добавленія болѣе систематически, чѣмъ это оказалось для него возможнымъ въ настоящей книгѣ.

Что же касается до языка, то переводчикъ старался, по возможности, точнѣе и яснѣе передавать мысль автора, хотя точность эта зачастую шла въ ущербъ легкости, плавности изложенія. Если по прочтеніи книги читатель скажетъ, что въ ней нѣтъ ничего непонятнаго, неяснаго, то цѣль переводчика, въ этомъ отношеніи, достигнута.

СОДЕРЖАНІЕ I-го тома.

Часть I. — Данныя соціологіи.		СТР.
Глава	I. Надъ-органическое развитие	1
—	II. Факторы общественныхъ явленій.	7
—	III. Первобытные вѣшніе факторы	15
—	IV. Первобытные внутренніе факторы	39
—	V. Первобытный человѣкъ.—Сторона физическая	42
—	VI. Первобытный человѣкъ.—Чувства	57
—	VII. Первобытный человѣкъ.—Умъ.	84
—	VIII. Первобытныя идеи.	104
—	IX. Идеи объ одушевленномъ и неодушевленномъ	137
—	X. Идеи о снѣ и сновидѣніяхъ.	146
—	XI. Идеи объ обморокахъ, апоплексіи, каталепси, экста- тическомъ изступленіи и другихъ формахъ безчувственного состоянія	158
—	XII. Идеи о смерти и воскресеніи	166
—	XIII. Идеи о душахъ, тѣняхъ (привидѣніяхъ), духахъ, демо- нахъ и пр.	185
—	XIV. Идеи о загробной жизни.	198
—	XV. Идеи о загробномъ мірѣ	215
—	XVI. Идеи о сверхъестественныхъ дѣтеляхъ	233
—	XVII. О сверхъестественныхъ дѣтеляхъ, какъ о причинахъ эпилепсіи и конвульсій, горячечнаго бреда и помѣша- тельства, болѣзней и смерти	241
—	XVIII. Вдохновеніе, ясновидѣніе, заклинаніе, колдовство	252
—	XIX. Священныя мѣста, храмы и алтари; жертвоприношеніе, постъ и умилоствленіе; славословіе, молитва и пр.	269

Глава	XX. Поклонение предкамъ вообще.	301
—	XXI. Поклонение идоламъ и фетишамъ.	331
—	XXII. Поклонение животнымъ.	354
—	XXIII. Поклонение растеніямъ.	380
—	XXIV. Поклонение природѣ.	394
—	XXV. Божества.	421
—	XXVI. Первобытное міросозерцаніе.	442
—	XXVII. Область социологіи.	455

Приложенія:

Приложеніе А.	464
Приложеніе В.	482
Къ русскому изданію.	495

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДАННЫЯ СОЦІОЛОГІИ.

ГЛАВА I.

НАДЪ-ОРГАНИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ¹⁾).

§ 1. Въ предыдущихъ частяхъ этого труда (Синтетическая Философія) мы установили три крупно-отличающіеся другъ отъ друга рода развитія; теперь мы обращаемся къ изученію третьяго изъ нихъ. Первый родъ это — неорганическое развитіе; еслибы мы занялись его разсмотрѣніемъ, то оно потребовало бы двухъ томовъ, изъ которыхъ въ первомъ заключалась бы астрогенія, а во второмъ — геогенія; но мы оставили изученіе этого рода развитія въ сторонѣ, потому что намъ казалось нежелательнымъ отсрочивать на неопредѣленное время разсмотрѣніе болѣе важныхъ приложений нашего общаго ученія, ради основательнаго изложенія тѣхъ менѣе важныхъ приложений этого ученія, которыя логически имъ предшествуютъ. Въ четырехъ томахъ, послѣдовавшихъ за Основными Началами, разсматривалось органическое развитіе, причемъ два первые тома имѣли дѣло съ тѣми физическими явленіями, которыя представляютъ намъ всѣ классы живыхъ агрегатовъ, растительныхъ и животныхъ, а два послѣдніе — съ тѣми болѣе спеціальными явленіями, которыя мы отличаемъ названіемъ психическихъ и которыя обнаруживаются только наиболѣе развитыми органическими агрегатами. Теперь мы приступаемъ къ послѣднему остающемуся отдѣлу, а именно къ надъ-органическому развитію.

Хотя это слово имѣетъ уже само по себѣ описательный характеръ и хотя въ Основныхъ Началахъ, § 111, я снабдилъ его пояснительнымъ замѣчаніемъ, тѣмъ неменѣе я нахожу небезполезнымъ объяснить здѣсь его значеніе болѣе полнымъ образомъ.

§ 2. Пока мы занимаемся фактами, обнаруживаемыми индивидуальнымъ организмомъ въ продолженіе его роста, зрѣлости и упадка, до тѣхъ поръ мы изу-

¹⁾ Super-Organic Evolution.

Г. Спенсеръ. Основанія Соціологіи. Т. I.

чаемъ лишь органическое развитіе. Если мы даже возьмемъ въ соображеніе, — какъ мы и должны это сдѣлать, — тѣ дѣйствія и воздѣйствія, которыя имѣютъ мѣсто между этимъ организмомъ и организмами другихъ родовъ, организмами, съ которыми онъ вступаетъ въ отношеніе въ силу условій его жизни, то мы все-таки еще не выйдемъ вслѣдствіе этого изъ предѣловъ органическаго развитія. Точно также мы не имѣемъ права считать, будто-бы мы вышли изъ предѣловъ этой области, когда мы перейдемъ къ тѣмъ группамъ фактовъ, которыя часто обнаруживаются передъ нами въ явленіяхъ воспитанія животными ихъ дѣтенышей; хотя здѣсь, во взаимномъ сѣтрудничествѣ родителей, мы уже видимъ зародышъ новаго порядка явленій. Но, признавая вполне тотъ фактъ, что соединенныя дѣйствія родителей въ дѣлѣ выкормленія ими ихъ дѣтенышей предназначаютъ собою процессы такого класса, который долженъ быть поставленъ выше класса чисто-органическихъ процессовъ, а также признавая тотъ фактъ, что нѣкоторые продукты этихъ соединенныхъ дѣйствій, каковы напримѣръ гнѣзда, должны быть принимаемы за предназначенія продуктовъ надъ-органическаго класса, мы тѣмъ неменѣе имѣемъ право считать, что надъ-органическое развитіе начинается только тогда, когда является на сцену нѣчто большее, чѣмъ совокупныя усилія родителей. Конечно, здѣсь невозможно провести сколько-нибудь абсолютной раздѣльной черты. Коль скоро здѣсь имѣло мѣсто развитіе, то та форма его, которая занимаетъ насъ здѣсь и которую мы отличили названіемъ надъ-органической, могла возникнуть не иначе, какъ изъ органической его формы, путемъ ряда нечувствительныхъ переходовъ. Однакоже мы можемъ съ удобствомъ обозначить занимающую насъ теперь форму, какъ такую, которая обнимаетъ собою всѣ процессы и продукты, предполагающіе координированныя дѣйствія многихъ индивидовъ, координированныя дѣйствія, посредствомъ которыхъ достигаются результаты, превосходящіе по своей величинѣ и сложности результаты, достижимые путемъ индивидуальныхъ дѣйствій.

Существуетъ много различныхъ группъ надъ-органическихъ явленій; я намеренъ указать здѣсь вкратцѣ на нѣкоторыя наименѣе значительныя изъ этихъ явленій, ради поясненія только-что даннаго опредѣленія.

§ 3. Наиболеѣ знакомыя каждому изъ насъ и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, наиболѣе поучительныя изъ числа этихъ явленій доставляются намъ общежительными насѣкомыми. Въ процессахъ, выполняемыхъ этими насѣкомыми, обнаруживается сѣтрудничество, соединенное въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ очень значительнымъ раздѣленіемъ труда, а продукты этихъ процессовъ, по своимъ размѣрамъ и сложности, далеко превосходятъ то, что бы могло быть достигнуто при отсутствіи соединенныхъ усилій.

Едвали нужно подкрѣплять эти истины подробностями изъ жизни пчелъ и

ость, такъ какъ эти подробности въ этой мѣрѣ достаточно извѣстны каждому. Извѣстно, что эти насѣкомыя образуютъ между собою общины (хотя, какъ мы сейчасъ увидимъ, это слово должно быть понимаемо здѣсь съ извѣстными ограниченіями), общины, въ которыхъ отдѣльныя единицы и агрегатъ стоятъ въ очень опредѣленныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Между индивидуальной организаціей ульевои пчелы и организаціей улья, какъ правильнаго агрегата индивидовъ съ правильно-устроеннымъ жильемъ, существуетъ строго-опредѣленная связь. Подобно тому, какъ зародышъ осы развивается въ совершенный индивидъ, такъ точно взрослая оса - царица, этотъ зародышъ осинаго общества, развивается во множество индивидовъ съ опредѣленно-приспособленными структурными особенностями и дѣятельностями. Это значить другими словами, что ростъ и развитіе общественнаго агрегата аналогичны здѣсь съ ростомъ и развитіемъ индивидуальнаго агрегата. Хотя строенія и отправления, обнаруживаемыя общиною, менѣе специфичны, чѣмъ строенія и отправления, обнаруживаемыя индивидомъ, тѣмъ неменѣе они все-таки представляютъ весьма значительную степень специфичности. Какъ доказательство того, что развитіе этого порядка возникло здѣсь по тому же самому способу, какъ и болѣе простые порядки развитія, можно добавить здѣсь еще тотъ фактъ, что и у пчелъ, и у осъ различные роды обнаруживаютъ это общественное развитіе въ различныхъ степеняхъ. Отъ такихъ родовъ, которые обладаютъ уединенными привычками, мы переходимъ здѣсь, чрезъ роды, обладающіе общественными привычками лишь въ очень слабыхъ степеняхъ, къ родамъ, обладающимъ этими привычками въ степеняхъ очень значительныхъ.

У нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ процессъ надъ-органическаго развитія заходитъ гораздо далѣе; у нѣкоторыхъ видовъ, говорю я, такъ какъ и здѣсь мы тоже находимъ, что различные виды достигли различныхъ ступеней развитія, и что образуемая ими общества различаются между собою въ огромной степени какъ по величинѣ, такъ и по сложности. У видовъ, ушедшихъ наиболѣе далеко по этому пути, раздѣленіе труда доведено дотого, что различные классы индивидовъ обладаютъ отличнымъ строеніемъ, т. е. оказываются приспособленными по самому своему устройству для различныхъ отправленій. Иногда, какъ напримѣръ у бѣлыхъ муравьевъ, или термитовъ (которые, впрочемъ, принадлежатъ къ другому порядку насѣкомыхъ), кромѣ самцевъ и самокъ, существуютъ еще солдаты и рабочіе, а недавно было показано, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь существуютъ два рода самцевъ и самокъ: крылатые и безкрылые, такъ что всего здѣсь бываетъ иногда до шести отличныхъ другъ отъ друга формъ. У саюбскихъ муравьевъ (*Saïba ants*), кромѣ двухъ развитыхъ половыхъ формъ, существуетъ еще три разновидности формъ, неразвитыя въ половомъ отношеніи: одинъ классъ

рабочихъ, трудящихся внутри муравейника, и два класса рабочихъ, занимающихся различными работами внѣ муравейника. Кромѣ раздѣленія труда между индивидами данной общины, устроенными, какъ мы видѣли, различнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ еще дальнѣйшее раздѣленіе труда, достигаемое посредствомъ порабощенія муравьевъ другихъ видовъ. Мы знаемъ также, что здѣсь существуетъ содержаніе другихъ насѣкомыхъ, иногда ради ихъ выдѣленій, иногда же ради неизвѣстныхъ намъ цѣлей; такъ что, какъ указываетъ сэръ Джонъ Лёббокъ, нѣкоторые муравьи держатъ болѣе домашнихъ животныхъ, чѣмъ люди. Къ этому мы должны еще прибавить, что у членовъ этихъ общинъ существуетъ система знаковъ, или сигналовъ, равносильная грубому языку; а также очень выработанные приемы для проведения подземныхъ ходовъ, для прокладки и устройства дорогъ и для возведенія ихъ построекъ, построекъ, о методическомъ характерѣ которыхъ можно судить изъ показаній Тёки (Tuskey), который говоритъ, что въ Конго онъ „нашелъ цѣлую банзу (деревню) муравьиныхъ холмовъ, расположенную съ болѣею правильностью, чѣмъ банзы туземныхъ жителей“; или изъ показаній Швейнфурта, который говоритъ, что цѣлаго тома едва хватило бы на то, чтобы описать кладовыя, комнаты, коридоры, мосты и пр., содержащіяся въ муравейникѣ термитовъ.

Но, какъ мы уже намекали выше, хотя общежительныя насѣкомыя обнаруживаютъ такой родъ развитія, который долженъ быть поставленъ много выше, чѣмъ чисто органическое развитіе, и хотя образуемые ими агрегаты походятъ на общественные агрегаты со многихъ сторонъ, тѣмъ неменѣе эти агрегаты все-таки не суть истинные общественные агрегаты. То развитіе, которое мы замѣчаемъ въ нихъ, представляетъ, съ существенныхъ своихъ сторонъ, промежуточное звено между развитіемъ органическимъ и надъ-органическимъ, въ томъ значеніи этого слова, которое мы будемъ придавать ему повсюду. Ибо каждое изъ этихъ обществъ есть въ дѣйствительности ничто иное, какъ обширная семья. Это не есть союзъ между сходными индивидами, существенно-независимыми другъ отъ друга со стороны родства и приблизительно равными между собою по своимъ способностямъ; но это есть союзъ между дѣтьми одной матери, распространяющійся въ иныхъ случаяхъ лишь на одно поколѣніе, а въ другихъ—на большее число поколѣній; а изъ этой общности родства возникаетъ возможность появленія классовъ, обладающихъ несходными строеніями, а слѣдовательно, и несходными отправлениями. Та спеціализація отправления, которая является въ одной изъ этихъ обширныхъ и сложныхъ семей насѣкомыхъ, должна считаться сродною не съ тою спеціализаціей отправления, которая является въ обществѣ, правильно называемомъ этимъ именемъ, а съ тою, которая обыкновенно является между полами. Ибо все отличіе состоитъ въ томъ

что, вмѣсто двухъ родовъ индивидовъ, происходящихъ отъ тѣхъ же самыхъ родителей, мы имѣемъ здѣсь нѣсколько родовъ индивидовъ, происходящихъ отъ тѣхъ же самыхъ родителей и, вмѣсто простаго сотрудничества между двумя дифференцированными (или отлично устроенными одинъ отъ другаго) индивидами въ дѣлѣ вскармливанія потомства, мы имѣемъ здѣсь сложное сотрудничество многихъ взаимно-дифференцированныхъ классовъ индивидовъ въ дѣлѣ вскармливанія потомства.

§ 4. Единственные истинныя зачаточныя формы надъ-органическаго развитія суть тѣ, которыя мы находимъ у нѣкоторыхъ изъ высшихъ типовъ позвоночныхъ.

Нѣкоторыя птицы образуютъ общины, въ которыхъ, кромѣ простаго скопленія, или агрегаціи, существуетъ еще и нѣкоторая, хотя и небольшая, степень соподчиненности, или координаціи. Грачи представляютъ въ этомъ отношеніи наиболѣе знакомый для насъ примѣръ. У нихъ мы видимъ такую степень интеграціи, какая нужна для удержанія вмѣстѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе однихъ и тѣхъ же семействъ и для исключенія чужаковъ. У нихъ существуетъ нѣкоторая грубая форма правленія, нѣкоторое признаніе права собственности, нѣкоторое наказаніе для обидчиковъ и нарушителей извѣстныхъ общихъ правилъ, и даже иногда изгнаніе такихъ преступниковъ. Здѣсь есть нѣкоторая слабая специализація, проявляющаяся въ поставленіи часовыхъ на то время, когда остальная стая пасется. Точно также здѣсь существуетъ извѣстная правильность въ дѣйствіяхъ всей общины по отношенію къ времени отлетовъ и прилетовъ. Ясно, что здѣсь достигнуто сотрудничество, могущее быть сравнено по своей степени съ тѣмъ, которое обнаруживается у тѣхъ мелкихъ группъ наиболѣе низко-стоящихъ человеческихъ существъ, у которыхъ не существуетъ никакого правительства.

Большинство родовъ стадныхъ млекопитающихъ обнаруживаютъ немногимъ болѣе союза, имѣющаго сущность и форму простой ассоціаціи. Однакоже, въ обыкновенномъ стремленіи къ господству со стороны самаго сильнаго самца въ стадѣ мы уже видимъ слабый слѣдъ правительственной организаціи. Нѣкоторая степень сотрудничества проявляется, въ видахъ наступательныхъ цѣлей, животными, охотящимися стаями, и, въ видахъ оборонительныхъ цѣлей, животными, подвергающимися преслѣдованіямъ со стороны хищниковъ; такъ Россъ рассказываетъ про сѣверо-американскихъ буйволовъ, что у нихъ быки собираются вмѣстѣ, чтобы охранять коровъ, во время теленія, отъ волковъ, медвѣдей и другихъ враговъ. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ стадныхъ животныхъ, какъ напр. у бобровъ, общественное сотрудничество доходитъ до очень значительной степени, и ихъ соединенные труды доставляютъ очень замѣчательные продукты, въ формѣ жилищъ. Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ приматовъ, стадность является въ соеди-

неніи съ нѣкоторымъ подчиненіемъ, съ нѣкоторой комбинаціей общественныхъ силъ и съ нѣкоторымъ обнаруженіемъ общественныхъ чувствъ. Здѣсь существуетъ послушаніе вождемъ, здѣсь существуетъ союзъ индивидуальныхъ силъ, здѣсь существуютъ часовые и сигналы; здѣсь имѣется нѣкоторая идея о собственности; здѣсь наблюдается нѣкоторый обмѣнъ услугъ; здѣсь существуетъ усыновленіе сиротъ; здѣсь, наконецъ, безпокойство за участь нѣкоторыхъ членовъ общины, находящихся въ опасности, заставляетъ всю общину, въ ея цѣломъ, дѣлать усилія для поданія помощи этимъ членамъ.

§ 5. Всякій, обладающій относящимися сюда свѣдѣніями, могъ бы значительно расширить эти классы истинъ, и притомъ съ большою пользою; что касается до меня, то я изложилъ ихъ здѣсь и пояснилъ примѣрами по многимъ причинамъ. Я сдѣлалъ это отчасти потому, что мнѣ казалось нужнымъ показать, что, кромѣ органическаго развитія, существуетъ еще стремленіе къ возникновенію по многимъ направленіямъ дальнѣйшаго и болѣе высокаго порядка развитія. Отчасти же моя цѣль состояла въ томъ, чтобы дать удобопонятное представленіе объ этомъ надъ-органическомъ развитіи, какъ о развитіи не одного только рода, но какъ о развитіи нѣсколькихъ различныхъ родовъ, опредѣляемыхъ особенностями тѣхъ различныхъ видовъ организмовъ, между которыми это развитіе обнаруживается. Наконецъ, я привелъ вышеизложенные факты еще и потому, что они прямо указываютъ на то обстоятельство, что надъ-органическое развитіе самаго высшаго порядка возникаетъ изъ порядка не болѣе высокаго, чѣмъ тотъ, который проявляется въ разнообразнѣйшихъ формахъ во всемъ животномъ мірѣ вообще.

Бросивъ взглядъ на перечисленные выше факты и сдѣлавъ эти замѣчанія, мы можемъ теперь ограничить наши будущія изслѣдованія лишь тою формою надъ-органическаго развитія, которая и по своей обширности, и по своей сложности, и по своей важности превосходитъ всѣ остальные въ такой громадной степени, что дѣлаетъ ихъ сравнительно незаслуживающими вниманія, сравнительно незначительными, почти настолько незначительными, чтобы даже не упоминать о нихъ рядомъ съ нею. Я говорю, конечно, о той формѣ этого развитія, которую проявляютъ человѣческія общества, въ ихъ ростѣ, въ ихъ устройствѣ, въ ихъ отправленіяхъ и въ ихъ продуктахъ. Къ этимъ-то явленіямъ, обнаруживающимся въ только-что упомянутыхъ процессахъ и продуктахъ человѣческихъ обществъ и обозначаемымъ однимъ общимъ именемъ социальныхъ явленій, составляющихъ матерьялъ изслѣдованій социологій, мы и перейдемъ теперь.

ГЛАВА II.

ФАКТОРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ.

§ 6. Вся совокупность явлений, обнаруживаемых какимъ-либо единичнымъ неодушевленнымъ предметомъ, зависитъ отъ взаимодѣйствія между его собственными силами и тѣми силами, дѣйствіямъ которыхъ онъ подверженъ; примѣромъ можетъ служить кусокъ металла, частицы котораго или сохраняютъ твердое состояніе, или переходятъ въ жидкое состояніе, сообразно отчасти съ ихъ собственной природою, а отчасти со свойствами падающихъ на нихъ волнъ теплоты. Тоже самое можетъ быть сказано и о каждой группѣ неодушевленныхъ предметовъ. Будетъ ли то возъ кирпичей, сложенный на землю, или бочка песку, высыпанная на дорогу, или мѣшокъ съ дѣтскими игрушечными шариками изъ стекла, вытряхнутый на полъ, во всякомъ случаѣ поведеніе каждой изъ этихъ сборныхъ массъ, — въ одномъ случаѣ стоящей въ видѣ высокой груды съ крутыми боками, въ другомъ случаѣ имѣющей видъ кучи съ боками гораздо болѣе пологими, а въ третьемъ — распространяющейся во всѣ стороны и раскатывающейся по всѣмъ направленіямъ, — опредѣляется каждый разъ отчасти свойствами индивидуальных членовъ группы, а отчасти силами тяготѣнія, сцѣпленія и тренія, дѣйствію которыхъ эти члены подвержены и совокупно и порознь.

Тоже самое остается справедливымъ и тогда, когда какой-либо раздѣльный агрегатъ состоитъ изъ органическихъ тѣлъ, какъ напримѣръ изъ членовъ какаго-нибудь животнаго вида. Ибо всякій видъ возрастаетъ или убываетъ въ числѣ своихъ членовъ, расширяетъ или суживаетъ мѣсто своего обитанія, кочуетъ или ведетъ осѣдлое существованіе, придерживается стараго образа жизни или переходитъ къ новому, вълѣдствіе совокупныхъ вліяній его внутренней природы и окружающихъ его внѣшнихъ дѣйствій неорганическаго и органическаго характера.

Тоже самое, наконецъ, справедливо и по отношенію къ агрегатамъ людей. Всѣ явленія, обнаруживаемыя какимъ бы то ни было обществомъ,—будетъ ли это еще зачаточное общество или общество подвинувшееся уже очень далеко по пути прогресса,—всегда могутъ быть отнесены или къ свойствамъ единицъ даннаго общества, или къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ эти единицы существуютъ. Понятно, что этотъ фактъ долженъ лечь въ основаніе первичнаго раздѣленія факторовъ общественныхъ явленій.

§ 7. Эти двѣ группы факторовъ,—внутреннихъ и внѣшнихъ,—подлежать дальнѣйшему подраздѣленію. Въ каждой изъ нихъ заключаются другія, меньшія группы факторовъ, отличающіяся одна отъ другой достаточно рѣзкимъ образомъ.

Начавъ съ внѣшнихъ факторовъ, мы видимъ, что ихъ существуетъ много различныхъ родовъ, причемъ съ самаго начала каждый родъ имѣетъ свое особенное дѣйствіе. Здѣсь достаточно будетъ простаго перечисленія этихъ факторовъ. Вопервыхъ, мы имѣемъ климатъ: жаркій, холодный или умѣренный, сырой или сухой, постоянный или измѣнчивый. Потомъ мы имѣемъ почву, причемъ она можетъ быть доступною и годною для населенія въ большей или меньшей своей части, а эта годная часть опять-таки можетъ быть плодородною въ большей или меньшей степени; мы имѣемъ тутъ также очертаніе почвы, которое можетъ быть однообразнымъ или разнообразнымъ. Затѣмъ мы имѣемъ растительныя произведенія, то изобильныя и количественно, и качественно, то скудныя съ той или съ другой изъ этихъ сторонъ, или же съ обѣихъ этихъ сторонъ имѣетъ. Наконецъ, кромѣ флоры данной мѣстности, мы имѣемъ еще ея фауну, которая оказываетъ высокое вліяніе и притомъ многими различными путями, а именно, не только числомъ ея видовъ и индивидовъ, но еще и пропорціей между тѣми видами и особями, которые полезны, и тѣми, которые вредны. Отъ этихъ-то группъ условій, неорганическаго и органическаго рода, характеризующихъ данную среду, зависить прежде всего возможность общественного различія.

Когда мы обратимся къ внутреннимъ факторамъ, то мы должны будемъ замѣтить прежде всего, что, рассматриваемый какъ общественная единица, индивидуальный человѣкъ обладаетъ извѣстными физическими свойствами, которыя имѣютъ несомнѣнную силу въ дѣлѣ опредѣленія роста и устройства общества. Онъ также обладаетъ въ каждомъ случаѣ болѣе или менѣе замѣтными эмоціональными особенностями, которыя помогаютъ, препятствуютъ или видоизмѣняютъ дѣятельности общества и сопровождающее ихъ развитіе по разнымъ направленіямъ. Точно также степень его ума и свойственныя ему направленія мысли становятся всегда одними изъ причинъ общественного застоя или общественныхъ перемѣнъ.

Таковы первичныя группы факторовъ общественныхъ явленій: теперь намъ

остается посмотрѣть на вторичныя, или производныя, группы этихъ факторовъ, вызываемыя къ жизни самимъ общественнымъ развитіемъ.

§ 8. Прежде всего мы должны упомянуть о прогрессивныхъ измѣненіяхъ среды, неорганической и органической, вызываемыхъ дѣятельностями обществъ.

Къ числу такихъ измѣненій относятся измѣненія въ климатъ, причиняемыя расчистками и осушками. Эти измѣненія могутъ быть или благопріятными для общественнаго развитія, какъ напримѣръ, когда черезчуръ дождливая страна становится менѣе дождливою, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ, или когда болотистая область дѣлается болѣе здоровой и плодородной вслѣдствіе отведенія водъ¹⁾; или же они могутъ быть неблагопріятными для него, какъ напримѣръ, когда, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, страна и безъ того уже сухая дѣлается совершенно безводною и пустынною, какъ это мы видимъ на примѣрѣ мѣстообитанія древнихъ семитическихъ цивилизацій или, въ болѣе умѣренной степени, на примѣрѣ Испаніи.

За этимъ слѣдуютъ перемѣны въ качествѣ и количествѣ растительной жизни производимыя обществами въ занимаемыхъ ими областяхъ. Перемѣны эти бываютъ троякаго рода. Впервыхъ, мы имѣемъ постоянно возрастающее замѣщеніе растений, не ведущихъ къ развитію общества, растеніями, ведущими къ такому развитію; вовторыхъ, мы имѣемъ постепенное создаваніе новыхъ, лучшихъ разновидностей этихъ полезныхъ растений, приводящее современемъ къ чрезвычайно сильнымъ отклоненіямъ отъ первобытныхъ родичей; наконецъ, въ третьихъ, мы имѣемъ введеніе новыхъ полезныхъ растений.

Одновременно съ этими перемѣнами общественный прогрессъ производитъ подобныя же перемѣны и въ фаунѣ данной области. Впервыхъ, мы имѣемъ

¹⁾ Не лишне замѣтить, что осушка имѣетъ своимъ послѣдствіемъ увеличеніе того, что, выражаясь фигурально, могло бы быть названо почвеннымъ дыханіемъ, или дыханіемъ земнаго шара, и отъ чего зависитъ жизнь растений, а слѣдовательно и наземныхъ животныхъ, а слѣдовательно и людей. Всякая перемѣна въ атмосферическомъ давленіи производитъ изодня въ день выходенія и вхожденія воздуха во всѣ щели и трещины почвы, во всѣ заключенныя въ ней пустоты. Глубина, до которой проникаютъ эти неправильныя вдыханія и выдыханія, увеличивается съ освобожденіемъ почвы отъ воды, такъ какъ пустоты, занятыя водою, не могутъ наполняться воздухомъ. Слѣдовательно, осушка позволяетъ распространяться до болѣе значительной глубины тѣмъ химическимъ разложеніямъ, которыя производятся воздухомъ, возобновляющимся при каждомъ паденіи и поднятіи барометра; а такъ какъ растительная жизнь зависитъ отъ этихъ разложеній, то осушка благопріятствуетъ ей.

уменьшеніе или даже полное истребленіе нѣкоторыхъ или многихъ вредныхъ видовъ. Затѣмъ мы имѣемъ разведеніе полезныхъ видовъ, приводящее къ двоякому послѣдствію: къ увеличенію ихъ численности и къ измѣненію ихъ качествъ въ выгодную для общества сторону. Наконецъ, мы имѣемъ акклиматизацію желательныхъ видовъ, привозимыхъ изъ чужихъ странъ.

Стоитъ только представить себѣ громадный контрастъ между населеннымъ волками лѣсомъ и кишачимъ дичью болотомъ, покрывавшими когда-то данную мѣстность, и тѣми полями и лугами, покрытыми жатвами и стадами, которые занимаютъ ее теперь, чтобы убѣдиться, что окружающая общество среда, неорганическая и органическая, претерпѣваетъ, вслѣдствіе прогресса этого общества, постоянное и весьма замѣтное преобразованіе, и что это преобразованіе становится чрезвычайно важнымъ вторичнымъ факторомъ въ общественномъ развитіи.

§ 9. Другой вторичный факторъ, котораго тоже не слѣдуетъ упускать изъ виду, заключается въ возрастаніи объема общественного агрегата, сопровождаемомъ обыкновенно и возрастаніемъ его плотности.

Независимо отъ общественныхъ переменъ, производимыхъ какимъ-либо другимъ образомъ, существуютъ общественныя переменныя, вызываемыя просто самимъ ростомъ общества. Масса есть въ одно и тоже время и условіе и результатъ совершающейся въ обществѣ организаціи. Ясно, что только множественность единицъ дѣлаетъ возможной разнородность строенія. Раздѣленіе труда не можетъ быть проведено далеко, когда существуетъ лишь немного индивидовъ, между которыми долженъ быть раздѣленъ этотъ трудъ. При отсутствіи значительнаго числа индивидовъ не можетъ существовать дифференціація на классы. Сложныя сотрудичества, какъ правительственнаго, такъ и промышленнаго характера, совершенно не возможны, когда не существуетъ населенія, достаточно обширнаго для того, чтобы снабжать эти сотрудичества многочисленными родами и градациями агентовъ. И многія развитыя формы дѣятельности, какъ хищническаго, такъ и мирнаго характера, становятся выполнимыми только съ помощью той силы, которую доставляютъ лишь обширныя массы людей.

Отсюда слѣдуетъ, что общественный ростъ, рассматриваемый просто какъ накопленіе все большаго и большаго числа индивидовъ, есть также одинъ изъ занимающихъ насъ производныхъ факторовъ; и что онъ, подобно остальнымъ, также есть въ одно и тоже время и слѣдствіе и причина общественного прогресса. Другіе факторы взаимно содѣйствуютъ другъ другу для произведенія этого фактора, а онъ, въ свою очередь, соединяется съ другими факторами для произведенія дальнѣйшихъ переменъ.

§ 10. Слѣдующій вторичный, или производный, факторъ, на который намъ приходится обратить вниманіе, есть взаимное вліяніе общества и составляющихъ

его единицъ, т. е. вліяніе цѣлаго на свои части и частей на составляемое ими цѣлое.

Какъ скоро общественная комбинація пріобрѣтаетъ нѣкоторую прочность, сейчасъ же начинаются дѣйствія и воздѣйствія между обществомъ, взятымъ какъ цѣлое, и каждымъ отдѣльнымъ его членомъ, причемъ каждая изъ сторонъ вліяетъ на природу другой стороны. Тотъ контроль, которымъ обладаетъ агрегатъ по отношенію къ составляющимъ его единицамъ, постоянно стремится сформировать ихъ дѣйствія, чувства и идеи сообразно съ общественными требованіями; а эти дѣйствія, чувства и идеи, поскольку они измѣняются вслѣдствіе измѣненій въ окружающихъ условіяхъ, стремятся переформировать общество сообразно съ ними самими.

Слѣдовательно, вдобавокъ къ первоначальной природѣ индивидовъ и къ первоначальной природѣ общества, которое они образуютъ, мы должны еще принимать въ расчетъ такъ сказать наведенную природу индивидовъ и общества. Составляющія общество единицы непрерывно подвергаются налагаемымъ на нихъ обществомъ видоизмѣненіямъ; и эти видоизмѣненные единицы, въ свою очередь, налагаютъ на прежнія видоизмѣненія въ строеніи общества новыя и новыя видоизмѣненія. Подъ конецъ это постоянное взаимодействіе становится могущественною причиною преобразованія и отдѣльных индивидовъ и цѣлаго общества.

§ 11. Существуетъ еще одинъ производный факторъ чрезвычайной важности. Я разумю вліяніе надъ-органической среды, т. е. дѣйствіе и воздѣйствіе между даннымъ обществомъ и сосѣдними съ нимъ обществами.

Пока существуютъ одни только мелкія, кочующія кучки людей, лишеныя всякой организаціи, до тѣхъ поръ столкновенія этихъ группъ одна съ другой не могутъ вызывать перемѣнъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ. Но когда разъ возникло опредѣленное главенство, званіе вождя, — къ чему стремятся дать поводъ самыя эти столкновенія, въ особенности когда они оканчиваются покореніемъ и порабощеніемъ на продолжительное время, — возникаютъ и зачатки политической организаціи; причемъ, какъ вначалѣ, такъ и впоследствии, войны обществъ между собою имѣютъ огромное вліяніе на развитіе общественнаго устройства или, лучше сказать, на развитіе одной половины этого устройства. Ибо я могу мимоходомъ указать здѣсь вкратцѣ на тотъ фактъ, — который я разовью впоследствии болѣе полно, — что промышленная организація общества опредѣляется главнымъ образомъ его неорганическою и органическою средою, правительственная же организація опредѣляется главнымъ образомъ его надъ-органическою средою, т. е. дѣятельностями тѣхъ сосѣднихъ съ нимъ обществъ, съ которыми оно ведетъ борьбу за существованіе.

§ 12. Послѣ этого намъ остается рассмотретьъ изъ группы производныхъ

факторовъ еще только одинъ членъ, могущество котораго едвали можетъ быть преувеличено. Я разумю здѣсь скопленіе тѣхъ надъ-органическихъ продуктовъ, которые мы обыкновенно отличаемъ названіемъ искусственныхъ, но которые, съ философской точки зрѣнія, не менѣе естественны, чѣмъ всѣ другіе продукты, являющіеся результатомъ развитія. Эти продукты представляютъ нѣсколько различныхъ порядковъ.

Прежде всего идутъ здѣсь матерьяльные приспособленія и приборы, которые начинаясь грубо-обитыми кремнями, оканчиваются сложными самодѣйствующими орудіями какой-нибудь машинной фабрики, движимой паромъ; которые восходятъ отъ простыхъ бумеранговъ до пушекъ въ тридцать пять тоннъ вѣсомъ и которые отъ хижинъ изъ вѣтвей и травы вырастаютъ до большихъ городовъ, съ ихъ дворцами и соборами.

Затѣмъ мы имѣемъ здѣсь языкъ, способный вначалѣ лишь дополнять собою жесты при сообщеніи самыхъ простыхъ идей, но подъ-конецъ дѣлающійся способнымъ къ точному выраженію представленій высочайшей сложности. Отъ этой ступени, на которой языкъ передаетъ мысли лишь съ помощью звуковъ и только одному или немногимъ другимъ лицамъ, мы постепенно доходимъ чрезъ живописное письмо до современнаго пароваго печатанія, причемъ число лицъ, съ которыми можно приходить въ сообщеніе, возрастаетъ до неопредѣленныхъ предѣловъ; а объемистыя собранія литературныхъ памятниковъ дѣлаютъ доступными для каждаго желающаго мысли и чувства безчисленнаго количества людей всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

Параллельно съ этимъ подвигается впередъ и развитіе знанія, завершающееся наукою. Счетъ по пальцамъ разростается въ математику, широко раскидывающую предѣлы своей области, наблюденіе лунныхъ перелѣтовъ приводитъ подъ-конецъ къ теоріи солнечной системы, и вообще на различныхъ послѣдовательныхъ ступеняхъ прогресса возникаютъ одна за другой такія науки, самыя зародыши которыхъ не могли быть открыты вначалѣ.

Въ тоже самое время, когда-то немногочисленные и простые обычаи, становясь болѣе многочисленными, опредѣленными и постоянными, слагаются въ законодательныя системы. Изъ немногочисленныхъ грубыхъ суевѣрій вырастаютъ роскошныя, обработанныя мифологіи, теологіи и космогоніи. Общественное мнѣніе, уже воплощенное въ вѣрованіяхъ, воплощается также въ общепринятыхъ кодексахъ приличій, хорошаго поведенія и свѣтскихъ церемоній, а также въ установленіи общественныхъ чувствъ.

Послѣ этого развиваются постепенно также и тѣ продукты, которые мы называемъ эстетическими и которые сами по себѣ образуютъ группу высокой сложности. Отъ ожерельевъ изъ рыбьихъ костей мы восходимъ здѣсь до костюмовъ, поражающихъ своей отдѣлкою, пышностью и безконечнымъ разнообразіемъ; изъ нестройныхъ военныхъ пѣсенъ дикарей являются

наши симфоніи и оперы; простыя гробницы развиваются въ великолѣпные храмы; на мѣсто пещеръ съ грубыми значками и изображеніями на стѣнахъ появляются подъ-конецъ картинныя галлерей; а рассказы о подвигахъ вождя, сопровождаемые мимическими тѣлодвиженіями, даютъ начало нашей эпосѣ, драмѣ, лирикѣ и огромной массѣ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній фантазій, равно какъ біографій и исторій.

Каждый изъ этихъ разнообразныхъ порядковъ надъ-органическихъ продуктовъ постоянно развиваетъ внутри себя новыя роды и виды въ то самое время, какъ онъ самъ ежедневно разрастается въ болѣе и болѣе обширное цѣлое; и каждый изъ этихъ порядковъ постоянно дѣйствуетъ на другіе, подвергаясь въ тоже самое время постояннымъ воздѣйствіямъ съ ихъ стороны; а всѣ они, взятые вмѣстѣ, образуютъ неизмѣримо-обширную, неизмѣримо-сложную и неизмѣримо-могущественную группу вліяній. Въ продолженіе общественнаго развитія эти вліянія производятъ непрерывно различныя видоизмѣненія въ индивидахъ и въ обществахъ и, въ тоже самое время, сами подвергаются видоизмѣненіямъ вслѣдствіе дѣйствія на нихъ индивидовъ и общества. Они принимаютъ постепенно такую форму, въ которой они могутъ быть разсматриваемы или какъ неживая часть самаго общества, или какъ добавочная среда, становящаяся подъ-конецъ даже болѣе важною, чѣмъ первоначальная среда, настолько болѣе важною, что является возможность существованія общественной жизни высокаго типа при такихъ неорганическихъ и органическихъ условіяхъ, которыя первоначально воспрепятствовали бы ея появленію и развитію.

§ 13. Таковы факторы общественныхъ явленій, представленные здѣсь въ самомъ краткомъ очеркѣ. Но даже изъ этого самаго общаго очерка ихъ мы можемъ уже видѣть, что ихъ взаимная комбинація должна представлять чрезвычайную сложность.

Исходя изъ той первичной истины, что общественныя явленія зависятъ отчасти отъ природы индивидовъ, а отчасти отъ тѣхъ силъ, дѣйствію которыхъ эти индивиды подвергаются, мы видимъ, что эти двѣ фундаментально-отличныя группы факторовъ, съ теченіемъ общественнаго прогресса, все болѣе и болѣе усложняются примѣсю другихъ группъ факторовъ. Предустановленныя окружающія вліянія, неорганическаго и органическаго характера, представляющіяся вначалѣ почти неизмѣняемыми, становятся все болѣе и болѣе измѣняемыми дѣйствіями на нихъ развивающагося общества. Простое возрастаніе населенія выводитъ съ собою на сцену новыя причины преобразованія, становящіяся постепенно все болѣе и болѣе важными. Тѣ вліянія, которыя оказываетъ общество на природу составляющихъ его единицъ, равно какъ и тѣ вліянія, которыя оказываютъ эти единицы на природу составляемаго ими общества, непрестанно

содѣйствуютъ другъ другу въ дѣлѣ созданія новыхъ элементовъ. По мѣрѣ своего прогрессивнаго возрастанія въ объемѣ и во внутреннемъ устройствѣ различныя общества, и своими войнами, и своими промышленными сношеніями, вызываютъ одно въ другомъ глубокія метаморфозы. Въ тоже самое время постоянно накаплиющіеся и постоянно усложняющіеся надъ-органическіе продукты, вещественные и духовные, составляютъ изъ себя новую группу факторовъ, становящихся все болѣе и болѣе вліятельными причинами дальнѣйшихъ перемѣнъ. Такъ что, какъ ни сложны наши факторы въ самомъ началѣ, но они становятся еще болѣе сложными съ каждымъ шагомъ по пути прогресса, вслѣдствіе присоединенія къ нимъ новыхъ факторовъ, которые сами опять-таки становятся болѣе и болѣе сложными, по мѣрѣ того какъ они становятся болѣе и болѣе сильными и вліятельными.

Но теперь, послѣ этого бѣглаго обзора факторовъ всѣхъ порядковъ, первоначальныхъ и производныхъ, мы должны пренебречь на-время производными факторами и сосредоточить наше вниманіе исключительно или почти исключительно на факторахъ первобытнаго характера. Мы должны, насколько это будетъ возможно, ограничить данныя социологии, къ изученію которыхъ мы теперь приступаемъ, лишь тѣми первичными данными, которыя общи-всѣмъ общественнымъ явленіямъ вообще и которыя легко открываются даже въ самыхъ простыхъ обществахъ. Придерживаясь изложеннаго выше крупнаго раздѣленія причинъ, вліяющихъ совокупно другъ съ другомъ на общественныя явленія, на внѣшнія и внутреннія, мы начнемъ наше разсмотрѣніе этихъ причинъ съ первой ихъ группы, т. е. съ причинъ внѣшнихъ.

ГЛАВА III.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ.

§ 14. Полный очеркъ или даже сколько-нибудь полный очеркъ первобытныхъ внѣшнихъ факторовъ требуетъ такихъ свѣдѣній о прошедшемъ, которыми мы не обладаемъ и на пріобрѣтеніе которыхъ мы едва ли можемъ имѣть какую-либо надежду. Въ настоящее время, когда соединенныя усилія геологовъ и археологовъ показываютъ намъ, что существованіе человѣка восходитъ къ такому времени, которое едва ли можетъ быть обозначено достаточно сильно названіемъ „до-историческаго“; въ настоящее время, когда ископаемые слѣды человѣческихъ рукодѣлій и ремеслъ показываютъ намъ, что со времени образованія самыхъ грубыхъ общественныхъ группъ имѣли мѣсто не только осадочныя отложенія значительной толщины и послѣдующія обширныя обнаженія, но еще и громадныя измѣненія въ распредѣленіи суши и моря, — мы можемъ видѣть ясно, что вліянія внѣшнихъ условій на общественное развитіе не могутъ быть прослѣжены сполна. Припоминая, что тѣ 20,000 лѣтъ, или около того, въ теченіе которыхъ человѣкъ жительствовавъ въ долинѣ Нила, стали въ нашихъ глазахъ сравнительно ничтожнымъ періодомъ времени послѣ того, какъ мы открыли доказательства того, что человѣкъ со-существовавъ съ крупными толстокожими и съ другими вымершими млекопитающими древнихъ наносовъ; припоминая, что человѣческіе обитатели Англіи восходятъ къ той эпохѣ, о которой нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что она была ледяною; припоминая, что въ Америкѣ, рядомъ съ костями мастодонта, погребенными въ аллювіѣ Бурбенза, были найдены также наконечники стрѣлъ и другіе слѣды дикарей, убившихъ этого члена животной расы, не имѣющей въ настоящее время ни одного представителя въ этой части свѣта; припоминая, что, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ и ихъ

истолкованій, данныхъ профессоромъ Гёксли, мы имѣемъ право думать, что тѣ обширныя осѣданія почвы, которыя превратили прежній континентъ въ нынѣшній Восточный Архипелагъ, имѣли мѣсто послѣ того, какъ негрская раса уже установилась, какъ отдѣльная разновидность человѣка, — мы должны заключить изъ всего этого, что мы не можемъ имѣть никакой надежды прослѣдить внѣшніе факторы общественныхъ явленій не только до ихъ первыхъ формъ, но даже ни до чего похожаго на эти первыя формы.

Впрочемъ, даже при такомъ бѣгломъ обзорѣ геологическихъ свидѣтельствъ, выступаетъ на видъ одна важная истина. Всѣ эти геологическія и метеорологическія перемѣны, равно какъ и слѣдовавшія за ними перемѣны во флорѣ и фаунѣ, должны были причинять во всѣхъ частяхъ земнаго шара непрерывныя эмиграціи и иммиграціи. Изъ каждой мѣстности, становившейся, вслѣдствіе усиленія суровости условій, менѣе обитаемою, должна была исходить и распространяться болѣе или менѣе обширная волна диффузіи; и въ каждую мѣстность, становившуюся болѣе благопріятной для человѣческаго существованія, вслѣдствіе ли улучшенія климата, или вслѣдствіе увеличенія количества мѣстной пищи, или вслѣдствіе того и другаго вмѣстѣ, должна была направляться болѣе или менѣе значительная волна концентраціи; а крупныя геологическія перемѣны, здѣсь опускавшія болѣе или менѣе значительныя части суши, а тамъ поднимающія ихъ, должны были производить другія перемѣненія мѣстныхъ человѣческихъ расъ. Постоянно все болѣе и болѣе накапливающіеся факты показываютъ намъ, что такіе насильственно-вызванные приливы и отливы дѣйствительно происходили отъ времени до времени во многихъ мѣстностяхъ, а, вѣроятно, даже въ большей части мѣстностей земнаго шара. А такія волны эмиграціи и иммиграціи, вызываемыя многочисленными причинами, представляющими множество разновидностей и усложненій, происходящія здѣсь черезъ долгіе, а тамъ черезъ короткіе промежутки времени, и составленныя то изъ потомковъ первобытныхъ обитателей, то изъ людей, ведущихъ свое родство отъ другихъ племенъ, должны были постоянно приводить разсѣянныя группы человѣческой расы въ соприкосновеніе съ болѣе или менѣе новыми для нихъ условіями.

Намъ придется удовольствоваться здѣсь этимъ представленіемъ о томъ способѣ, посредствомъ котораго внѣшніе факторы, могущіе быть названными первобытными въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, дѣйствовали совокупно другъ съ другомъ въ продолженіе всѣхъ прошедшихъ временъ; что же касается до болѣе основательнаго разсмотрѣнія ихъ вліяній, то мы должны будемъ ограничиться въ этомъ отношеніи разсмотрѣніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя мы имѣемъ передъ собой еще и въ настоящее время.

§ 15. Жизнь вообще возможна только между извѣстными предѣлами темпе-

ратуры; а жизнь высшихъ типовъ возможна только въ сравнительно-тѣсныхъ предѣлахъ температуры, поддерживаемыхъ если не естественно, то искусственно. Отсюда слѣдуетъ, что жизнь общественная, — предполагающая не только одну человѣческую жизнь, но еще и ту растительную и животную жизнь, отъ которой зависитъ жизнь человѣческая, — ограничивается нѣкоторыми крайними предѣлами холода и тепла.

Холодъ, хотя бы и очень значительный, не исключаетъ безусловно возможности существованія теплокровныхъ животныхъ, если только данная мѣстность снабжаетъ ихъ нужнымъ количествомъ средствъ для произведенія теплоты. Арктическая фауна заключаетъ въ себѣ много разнообразныхъ морскихъ и наземныхъ млекопитающихъ, крупныхъ и мелкихъ; но существованіе всѣхъ этихъ млекопитающихъ зависитъ, прямо или косвенно, отъ существованія низшихъ морскихъ животныхъ, позвоночныхъ и беспозвоночныхъ, жизнь которыхъ прекратилась бы очень быстро, еслибы теплыя течения, идущія отъ тропиковъ, не мѣшали образованію льда. Отсюда слѣдуетъ, что человѣческая жизнь въ арктическихъ областяхъ, зависящая главнымъ образомъ отъ только-что упомянутыхъ млекопитающихъ, отдаленнымъ образомъ зависитъ, также какъ и жизнь этихъ млекопитающихъ, отъ того же самаго источника теплоты.

Здѣсь мы должны замѣтить тотъ фактъ, что тамъ, гдѣ температура, требующаяся для жизненныхъ отравленій человѣка, можетъ быть поддерживаема лишь съ трудомъ, общественное развитіе не возможно. Тутъ не можетъ быть ни достаточнаго избытка силъ у каждаго отдѣльнаго индивида, ни достаточнаго числа индивидовъ. Не только вся энергія эскимоса тратится главнѣйшимъ образомъ на защиту его отъ потери теплоты и на откладываніе запасовъ, съ помощью которыхъ онъ могъ бы продолжать такое сохраненіе своей животной теплоты въ продолженіе длинной арктической ночи, но и самыя физиологическія его процессы видоизмѣнены въ значительной степени для той же самой цѣли. Не имѣя топлива, да и не имѣя возможности жечь въ своей снѣговой хижинѣ что-либо кромѣ лампы, питаемой тюленьимъ жиромъ, — такъ какъ въ противномъ случаѣ стѣны этой хижины растаяли бы, — Эскимось принужденъ поддерживать теплоту своего тѣла, которая не можетъ быть удержана даже его толстою мѣховою одеждою, посредствомъ пожиранія огромныхъ количествъ сала и жира; и его пищеварительная система, обремененная въ высокой степени, ради доставленія тѣхъ веществъ, съ помощью которыхъ можно было бы вознаградить за чрезвычайныя потери теплоты чрезъ лучеиспусканіе, доставляетъ менѣе матеріаловъ для другихъ жизненныхъ надобностей. Эта высокая физиологическая стоимость индивидуальной жизни, задерживая косвенно умноженіе индивидовъ, останавливаетъ общественное развитіе.

Подобное же отношеніе между причиною и

слѣдствіемъ мы можемъ видѣть въ южномъ полушаріи, у еще болѣе несчастныхъ огнеземельцевъ. Живя, почти совершенно безъ всякой одежды, въ области постоянныхъ дождевыхъ и снѣжныхъ бурь, отъ которыхъ жалкія жилища изъ хвороста и травы почти не защищаютъ ихъ, и имѣя очень мало пищи, кромѣ рыбы и слизняковъ, эти существа, почти не имѣющія, судя по описаніямъ, человѣческаго вида, встрѣчаютъ столько трудностей въ дѣлѣ сохраненія жизненнаго равновѣсія, въ виду такихъ частыхъ, быстрыхъ и сильныхъ потерь теплоты, что всякій избытокъ въ дѣлѣ индивидуальнаго развитія оказывается здѣсь ограниченнымъ очень тѣсными предѣлами; а вслѣдствіе этого являются такіе же ограниченія избытка въ дѣлѣ произведенія и взрожденія новыхъ индивидовъ. Вслѣдствіе этого число индивидовъ остается здѣсь всегда слишкомъ незначительнымъ для обнаруженія чего-либо большаго, чѣмъ зачаточное общественное существованіе.

Хотя въ нѣкоторыхъ тропическихъ областяхъ противоположная крайность температуры мѣшаетъ жизненнымъ дѣятельностямъ настолько сильно, что препятствуетъ общественному развитію, однакоже препятствія, возникающія изъ этой причины, имѣютъ, повидимому, исключительный характеръ и могутъ считаться сравнительно неважными. Количество жизни вообще и жизни млекопитающихъ въ частности, равно какъ и индивидуальная высота той и другой, бываютъ наибольшими въ мѣстностяхъ, которыя относятся къ числу самыхъ жаркихъ. Полное бездѣйствіе и молчаніе, наблюдаемая въ такихъ мѣстностяхъ во время полуденнаго зноя, дѣйствительно указываютъ на обезсиліе; но зато въ болѣе прохладныя часы сутокъ мы видимъ здѣсь такое развитіе энергіи, которое вознаграждаетъ за это обезсиліе. Если правда, что разновидности человѣческой расы, приспособленныя къ этимъ мѣстностямъ, выказываютъ, сравнительно съ нами, нѣкоторую лѣнливую безпечность, то правда также и то, что эта лѣнность и безпечность едвали превышаютъ или даже равняются лѣнности и безпечности первобытнаго человѣка въ умѣренныхъ климатахъ. Разсматриваемые во всей своей массѣ, факты не подкрѣпляютъ той общераспространенной идеи, что большой жаръ мѣшаетъ прогрессу. Многія общества возникли въ жаркихъ климатахъ, и въ тѣхъ же жаркихъ климатахъ достигли обширнаго и сложнаго развитія. Всѣ самыя раннія цивилизаціи, о которыхъ только дошли до насъ какія-либо свѣдѣнія, принадлежали къ областямъ, которыя если и не были тропическими, то почти равнялись тропическимъ по высотѣ температуры. Индія и южный Китай, въ ихъ теперешнемъ состояніи, показываютъ намъ прирѣзъ значительнаго общественнаго развитія между тропиками. Кромѣ этого, замѣчательные архитектурные остатки Явы и Камбоджи свидѣтельствуютъ о другихъ тропическихъ цивилизаціяхъ на востокѣ; что же касается

до запада, то достаточно только назвать по имени вымершія общества Центральной Америки, Мексики и Перу, чтобы для каждаго стало ясно, что въ Новомъ Свѣтѣ въ прошлыя времена существовали очень значительныя общественныя успѣхи въ самыхъ жаркихъ областяхъ.

Тотъ же самый результатъ получается изъ сравненія обществъ грубыхъ типовъ, развившихся въ теплыхъ климатахъ, съ такими же обществами, принадлежащими болѣе холоднымъ климатамъ. Таити, острова Тонга и Сандвичевы острова лежатъ между тропиками, и въ нихъ, при ихъ открытіи, найдены были уже достигнутыми такія стадіи общественнаго развитія, которыя, принимая въ соображеніе отсутствіе тамъ металловъ, слѣдуетъ считать очень замѣчательными. Такъ что, хотя чрезмѣрный жаръ мѣшаетъ жизненнымъ дѣятельностямъ не только челоуѣка, съ его нынѣшнимъ устройствомъ, но и всѣхъ млекопитающихъ вообще, тѣмъ неменѣе такой жаръ мѣшаетъ развитію тѣлесной энергіи только въ продолженіе нѣкоторой части дня, причеиъ тотъ же самый жаръ, вслѣдствіе производимаго имъ обилія матерьяловъ для жизни, благопріятствуетъ общественному развитію съ большинства сторонъ въ гораздо большей степени, чѣмъ онъ мѣшаетъ ему съ нѣкоторыхъ сторонъ.

Я ничуть не скрываю отъ себя того факта, что въ новѣйшія времена наибольшее развитіе, какъ со стороны величины, такъ и со стороны сложности, замѣчается въ обществахъ умѣренныхъ странъ. Я просто соединяю этотъ фактъ съ тѣмъ другимъ фактомъ, что первыя значительныя общества возникли въ жаркихъ климатахъ и что тамъ же были достигнуты первыя ступени общественнаго развитія. Изъ соединенія этихъ двухъ фактовъ получается полная истина, которая заключается, повидимому, въ томъ, что болѣе раннія стадіи прогресса должны были быть пройдены тамъ, гдѣ препятствія, представляемыя неорганическими условіями, были наименьшими; что послѣ проиженія этихъ стадій и послѣ нѣкотораго прогресса житейскихъ искусствъ получилась для обществъ возможность развиваться въ такихъ областяхъ, гдѣ сопротивленія были болѣе значительными, и что дальнѣйшія развитія житейскихъ искусствъ и идущія параллельно съ ними дальнѣйшія усовершенствованія въ сотрудничествѣ дѣлали общества способными, вслѣдствіе унаслѣдованія истекающихъ отсюда выгодъ, укореняться и разрастаться въ такихъ областяхъ, которыя, вслѣдствіе климатическихъ и другихъ условій, представляли относительно очень большія сопротивленія.

Итакъ, разсматривая всѣ эти факты съ самой общей точки зрѣнія, мы должны сказать, что такъ какъ солнечное лучеиспусканіе есть источникъ тѣхъ силъ, посредствомъ которыхъ ведется жизнь, растительная и животная; и такъ какъ, на основаніи этого, солнечное лучеиспусканіе есть также источникъ и

тѣхъ силъ, которыя обнаруживаются въ человѣческой жизни, а слѣдовательно и въ общественной, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что никакое значительное общественное развитіе не можетъ явиться въ такихъ областяхъ земнаго шара, гдѣ солнечное лучеиспусканіе очень слабо. Мы видимъ также, что хотя существуютъ нѣкоторыя области, въ которыхъ наблюдаются явленія обратнаго порядка, т. е. въ которыхъ солнечное лучеиспусканіе превышаетъ ту степень, при которой оно наиболѣе благоприятно для жизненныхъ дѣятельностей, но что протекающая изъ этого помѣха общественному развитію относительно весьма не велика. Далѣе мы заключаемъ, что изобильный притокъ свѣта и теплоты требуется въ особенности на тѣхъ первыхъ ступеняхъ прогресса, на которыхъ общественная жизнь еще не велика.

§ 16. Я намѣренъ оставить въ сторонѣ такія качества климата, какъ ровность и измѣчивость, будутъ ли эти качества обнаруживаться въ суточныхъ циклахъ, или въ годовыхъ періодахъ, или въ болѣе или менѣе неправильныхъ переѣнахъ; хотя эти качества несомнѣнно вліяютъ на человѣческія дѣятельности, а слѣдовательно и на общественныя явленія, но я не хочу останавливаться здѣсь на нихъ, а перейду прямо къ другой климатической особенноти, которая кажется намъ очень важнымъ факторомъ. Я говорю о томъ качествѣ воздуха, которое обуславливается его сухостью или влажностью.

Каждая изъ этихъ крайностей влечетъ за собою косвенныя помѣхи цивилизації; и мы взглянемъ здѣсь сначала на эти косвенныя помѣхи, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію болѣе важныхъ прямыхъ послѣдствій этихъ крайностей. Что значительная сухость воздуха, обуславливающая изсохшую, растрескавшуюся почву и скудную растительность, отрицаетъ возможность значительнаго размноженія, необходимаго для прогресса общественной жизни, — это фактъ, извѣстный каждому. Гораздо менѣе извѣстенъ тѣтъ другой фактъ, что чрезвычайная влажность, въ-особенности въ соединеніи съ сильнымъ жаромъ, можетъ ставить неожиданныя помѣхи общественному прогрессу; какъ на примѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ восточной Африки (Цунгомеро), гдѣ, по словамъ капитана Бёртона (Burton), „пружины пороховницъ, вслѣдствіе дѣйствія на нихъ распространеннаго въ воздухѣ пара, ломаются точно сжонныя перья..., писчая бумага теряетъ свой лоскъ, становится мягкой и рыхлой и дѣйствуетъ какъ пропускная бумага... металлы постоянно ржавѣютъ... а порохъ, не защищенный отъ дѣйствія воздуха, теряетъ способность воспламеняться“.

Но мы должны обратить особенное вниманіе на прямыя дѣйствія различныхъ гигрометрическихъ состояній, — на дѣйствія ихъ на жизненные процессы, а слѣдовательно, на индивидуальныя дѣятельности и, черезъ посредство ихъ, на общественныя дѣятельности. Мы имѣемъ основательныя причины, индуктив-

ныя и дедуктивныя, думать, что различныя отправленія нашего тѣла облегчаются такими атмосферическими условіями, которыя вызываютъ довольно быстрое испареніе изъ кожи и изъ легкихъ. Существуетъ тотъ общезвѣстный фактъ, что лица слабыя, у которыхъ замѣтныя перемены въ температурѣ тѣла служатъ очень хорошими указаніями ихъ конституціональнаго состоянія въ данный моментъ, чувствуютъ себя хуже въ воздухѣ, переполненномъ влагой, готовой сгуститься и перейти въ капельножидкое состояніе, и что они чувствуютъ себя лучше, когда погода хороша; что такія лица обыкновенно слабѣютъ отъ пребыванія во влажныхъ мѣстностяхъ и что они укрѣпляются пребываніемъ въ мѣстностяхъ сухихъ. И мы имѣемъ полное право подозрѣвать, что это отношеніе между причиною и слѣдствіемъ, столь ясное для индивидовъ, имѣетъ также мѣсто и для расъ, конечно, при прочихъ равныхъ условіяхъ. Въ умѣренныхъ областяхъ различія въ конституціональной дѣятельности, зависящія отъ различій въ атмосферической влажности, не могутъ быть простѣжены съ такою ясностью, какъ въ странахъ жаркихъ. Причина этого заключается въ томъ, что жители умѣренныхъ странъ подвержены постоянно довольно быстрому удаленію воды съ поверхности ихъ тѣла, потому что воздухъ, хотя бы и хорошо насыщенный водою, способенъ принять въ себя еще новое ея количество, какъ только его сравнительно низкая температура возвысится вслѣдствіе соприкосновенія съ теплымъ человѣческимъ тѣломъ. Совсѣмъ другое дѣло тропическія страны, гдѣ тѣло и омывающій его воздухъ различаются по своей температурѣ въ гораздо меньшей степени и гдѣ нерѣдко температура воздуха бываетъ выше температуры тѣла. Поэтому здѣсь степень испаренія зависитъ почти сполна отъ количества влаги, растворенной въ окружающемъ воздухѣ. Если воздухъ горячъ и влаженъ, то это обстоятельство сильно препятствуетъ выдѣленію воды черезъ кожу и легкія, между тѣмъ какъ если воздухъ горячъ и сухъ, то такое выдѣленіе воды кожей и легкими облегчается въ очень значительной степени. Вслѣдствіе этого, мы можемъ ожидать встрѣтить въ жаркомъ поясѣ нѣкоторыя конституціональныя различія между родственными расами, очень близкими между собою въ другихъ отношеніяхъ, но отличающимися тѣмъ, что одні изъ нихъ живутъ въ низкихъ, влажныхъ областяхъ, а другія — въ областяхъ, хорошо осушаемыхъ солнцемъ въ теченіе большей части года. Такъ какъ кожное и легочное испаренія необходимы для поддержанія движенія жидкостей черезъ ткани, и такъ какъ они, вслѣдствіе такой своей роли, вліяютъ на быстроту молекулярныхъ процессовъ, то мы можемъ заключить напередъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, у народа, живущаго въ жаркой и сухой мѣстности, мы встрѣтимъ болѣе энергическую тѣлесную дѣятельность, чѣмъ у народа, живущаго въ жаркой и сырой мѣстности.

Это заключеніе подтверждается и наблюденіемъ, поскольку мы въ силахъ распутать это обстоятельство отъ другихъ сопутствующихъ ему условій. Самая ранняя цивилизація, о какой только мы имѣемъ свѣдѣнія, выросла въ жаркой и сухой странѣ, — въ Египтѣ; въ такихъ же жаркихъ и сухихъ странахъ возникли также Вавилонская, Ассирійская и Финикійская цивилизаціи. Но факты, излагаемые въ терминахъ народовъ, поражаютъ гораздо менѣе, чѣмъ когда мы изложимъ ихъ въ терминахъ расъ. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на карту дождей земнаго шара нельзя не замѣтить почти непрерывной полосы, обозначаемой названіемъ „бездождной полосы“ и простирающейся черезъ сѣверную Африку, Аравію, Персію и Тибетъ въ Монголію; изъ нѣдръ этой-то области или съ ея окраинъ вышли всѣ побѣдныя расы Старого Свѣта. Мы имѣемъ здѣсь Татарскую расу, которая, перейдя южную горную границу этой бездождной области, населила Китай и страны, лежащія между Китаемъ и Индіей, вытѣснивъ первоначальныхъ обитателей этихъ странъ и заставивъ ихъ удалиться въ горные округа, и которая посылала послѣдовательныя волны вторженій не только въ эти страны, но отъ времени до времени также и на западъ. Затѣмъ мы имѣемъ здѣсь Арійскую расу, наводнившую собою Индію и проложившую себѣ путь на западъ, въ Европу. Наконецъ, мы имѣемъ здѣсь Семитическую расу, получившую господство въ сѣверной Африкѣ и покорившую, подъ возбужденіемъ магометанскаго фанатизма, нѣкоторыя части Европы. Это значитъ, что кромѣ Египетской расы, — которая какъ кажется, судя по ея родичамъ, бывши первоначально расою низкаго типа, внослѣдствіи, очутившись въ жаркой и сухой долинѣ Нила, укрѣпилась и стала могущественной, — мы имѣемъ здѣсь еще три расы, чрезвычайно несходныя по типу и говорящія языками, принимаемыми за фундаментально различныя одинъ отъ другаго, — расы, которыя, выйдя изъ различныхъ частей бездождной области, разлились, какъ побѣдители, по областямъ сравнительно влажнымъ.

Первоначальное превосходство типа не было такою чертою, которая была бы обща этимъ расамъ; а именно, татарскій типъ есть типъ низшаго порядка, равно какъ и египетскій. Черта, общая имъ всѣмъ, заключалась въ энергіи, какъ это ясно показываетъ подчиненіе имъ всѣхъ другихъ расъ. Но когда мы видимъ, что эта черта, общая всѣмъ этимъ расамъ, въ другихъ отношеніяхъ очень несходнымъ другъ съ другомъ, имѣть своимъ спутникомъ долговременное проживаниеъ этихъ расъ при извѣстныхъ спеціальныхъ климатическихъ условіяхъ, и когда мы видимъ далѣе, что болѣе раннія волны эмигрантовъ — побѣдителей, вышедшія изъ страны, отличающейся этими спеціальными условіями, потерявъ въ болѣе влажныхъ странахъ энергію своихъ предковъ, были залиты внослѣдствіи болѣе поздними волнами тѣхъ же самыхъ расъ, или другихъ расъ, но вышедшихъ изъ той же самой области, — то

мы получаемъ очень сильный доводъ въ пользу установленія отношенія между конституціональною силою и присутствіемъ такого воздуха, который своей теплотою и сухостью благопріятствуетъ жизненнымъ дѣятельностямъ.

Норазительное подтвержденіе этого отношенія находится у насъ подъ рукою. Повернувъ карту дождей земнаго шара, мы найдемъ, что во всемъ Новомъ Свѣтѣ самая широкая изъ неоттѣненныхъ полосъ, отличающихся почти полнымъ бездождемъ, приходится на Центральную Америку и Мексику, т. е. какъ разъ на тѣ страны, гдѣ развились когда-то туземныя цивилизаціи, и что единственная остающаяся бездождная полоса приходится надъ частью старинной Перувианской территоріи, — и притомъ именно надъ той ея частью, гдѣ цивилизація, предшествовавшая Инкамъ, оставила наиболѣе замѣчательные свои слѣды. Итакъ, данныя наблюденія подтверждаютъ индуктивно, и притомъ весьма замѣчательнымъ образомъ, нашу фізіологическую дедукцію.

Впрочемъ, у насъ не будетъ недостатка въ подтвержденіяхъ этого отношенія, хотя и менѣе значительныхъ, чѣмъ предыдущія. Сравненія между собою различныхъ Африканскихъ расъ приводятъ насъ къ подобнымъ же контрастамъ въ ихъ конституціи, вызваннымъ подобными же причинами. Ливингстонъ (Miss. Trav. p. 78) замѣчаетъ о различныхъ разновидностяхъ негровъ: „Одинъ только жаръ не производитъ черноты кожи, но жаръ въ соединеніи съ влажностью обезпечиваютъ, повидимому, самый густой оттѣнокъ“. А Швейнфуртъ, въ своемъ недавно вышедшемъ сочиненіи, „Внутренность Африки“ (Heart of Africa), также указываетъ на относительную черноту племени Денка и другихъ племенъ, живущихъ на аллювіальныхъ плоскостяхъ, и противопоставляетъ имъ „менѣе черныя и крѣпче сложенные племена, живущія на скалистыхъ холмахъ, во внутренней страны“ (Vol. I, p. 148). Во всѣхъ этихъ случаяхъ вообще можно бываетъ отличить соотвѣтственные различія въ энергіи и общественномъ прогрессѣ. Но я нарочно обращаю вниманіе читателя на это различіе въ цвѣтѣ, возникающее посреди той же самой расы между тѣми ея членами, которые подвержены дѣйствию влажнаго жара, и тѣми, которые подвержены дѣйствию сухаго жара; я напиралъ на этотъ фактъ съ тою цѣлью, чтобы внушить читателю возможность связи этого факта съ тѣмъ другимъ фактомъ, что свѣтло-кожія расы суть обыкновенно расы господствующія. Мы видимъ, что такъ было въ Египтѣ. Точно тоже мы видимъ и у племенъ, распространившихся на югъ изъ центральной Азіи. Мы имѣемъ свидѣтельства, что точно тоже было и въ центральной Америкѣ и въ Перу. Но если, при одной и той же степени теплоты, темнота кожи сопровождается влажностью воздуха, а относительная свѣтлость кожи сопровождается сухостью воздуха, то въ этомъ обычномъ господствѣ свѣтлокожихъ разновидностей человѣка мы имѣемъ право видѣть дальнѣйшее доказа-

тельство того, что климатъ, способствующій быстрому испаренію, благоприятствуетъ конституціональной дѣятельности, а слѣдовательно и общественному развитію, поскольку оно зависитъ отъ нея.

Я не хочу этимъ сказать, будто-бы являющаяся этимъ путемъ энергія опредѣляетъ сама по себѣ болѣе высокое общественное развитіе: этого нельзя ни вывести дедуктивно, ни показать индуктивно. Но болѣе сильная конституціональная дѣятельность, дѣлая легкимъ покореніе менѣе дѣятельныхъ расъ и завладѣніе ихъ болѣе богатыми и болѣе разнообразными обиталищами, дѣлаетъ также возможной такую утилизацію этихъ обиталищъ, которая не была возможною для туземцевъ.

§ 17. Переходя отъ климата къ земной поверхности, мы должны обратить наше вниманіе прежде всего на вліянія, оказываемыя ея вертикальнымъ очертаніемъ, или рельефомъ, который то благоприятствуетъ, то препятствуетъ социальной интеграціи, общественному сплоченію, т. е. то помогаетъ, то мѣшаетъ подчиненію общества одной центральной власти.

Для того, чтобы привычки людей, являющихся первоначально охотниками или кочевниками, могли измѣниться въ такія привычки, которыя требуются для осѣдлыхъ общинъ, нужно, чтобы занимаемая ими территорія представляла такую поверхность, въ предѣлахъ которой принужденіе легко, а за предѣлами которой трудности существованія очень велики. Успѣшное сопротивленіе горныхъ племенъ всякому нападенію, обусловленное трудностями достиженія до нихъ и ихъ преслѣдованія, есть такое явленіе, примѣры котораго встрѣчаются множество разъ и во множествѣ мѣстностей. Такъ, напримѣръ, Иллирійцы сохранили свою независимость отъ сосѣднихъ съ ними Грековъ, доставляли всегда множество хлопотъ Македонцамъ и большею частью возвратили съизнова свою независимость послѣ смерти Александра; такой же точно примѣръ представляють швейцарцы; наконецъ, какъ самый недавній примѣръ, могутъ быть упомянуты обитатели Кавказа. Жители пустынныхъ областей силачиваются съ такимъ же трудомъ, какъ и жители горъ: легкость избѣжанія отъ преслѣдованія, въ соединеніи съ жизненными привычками, приспособленными къ бесплоднымъ странамъ, значительно препятствуетъ здѣсь общественному подчиненію.

Даже въ предѣлахъ нашего собственнаго острова мы находимъ такія поверхности, которыя, будучи очень различными во всѣхъ отношеніяхъ, сходятся съ той стороны, что препятствуютъ политическому сплоченію, вслѣдствіе того, что ихъ физическія особенности дѣлають доступъ къ нимъ жителямъ чрезвычайно затруднительнымъ. Исторія Уэльса показываетъ намъ, какъ трудно было установиться подчиненію одному правителю даже въ предѣлахъ самаго этого горнаго округа, и какъ еще болѣе трудно было привести этотъ округъ,

какъ цѣлое, подъ одну съ нами центральную власть: въ теченіе времени, протекающаго отъ первичнаго древне-англійскаго періода до 1400 года, восемь вѣковъ сопротивленія было потрачено, прежде чѣмъ подчиненіе Уэльса стало полнымъ; да и послѣ того потребовался еще очень значительный промежутокъ времени, прежде чѣмъ произошло окончательное слияніе его съ Англіею. Страна Феновъ, которая съ древнѣйшихъ временъ была притономъ разбойниковъ и всѣхъ тѣхъ, которые убѣгали отъ установленной власти, сдѣлалась во время великаго покоренія Англіи послѣднимъ убѣжищемъ еще сопротивлявшихся англичанъ, — которые въ теченіе еще многихъ лѣтъ сохраняли свою свободу въ этой области, почти неприступной вслѣдствіе ея болотъ. Долго продолжавшаяся независимость шотландскихъ клановъ, — которые были приведены подъ власть центральнаго правительства только послѣ того, какъ ихъ дикія убѣжища стали доступными, вслѣдствіе дорогъ, проведенныхъ генераломъ Уэдомъ (Wade), — доставляетъ намъ еще болѣе позднее свидѣтельство въ пользу разсматриваемаго нами положенія.

Наоборотъ, общественное сплоченіе (social integration) обогачается такою территоріею, которая, будучи способною поддерживать обширное населеніе, доставляетъ въ тоже время легкую возможность оказывать принужденіе на отдѣльныя единицы этого населенія; въ особенности если въ это же самое время территорія эта бываетъ ограниченной странами, или почти неспособными доставить средства къ существованію, или населенными врагами, или представляющими и то и другое условіе вмѣстѣ. Египетъ выполнялъ всѣ эти условія, требующіяся для общественнаго сплоченія, въ очень высокой степени. Правительственная сила не встрѣчала себѣ никакихъ физическихъ помѣхъ въ предѣлахъ занимаемой имъ площади, и всякій побѣгъ отъ нея въ сосѣднія пустыни велъ за собой или голодную смерть, или ограбленіе и порабощеніе кочевавшими тамъ племенами. Соединяя вмѣстѣ эти примѣры задержекъ общественнаго сплоченія нѣкоторыми формами земной поверхности съ примѣрами облегченій такого сплоченія нѣкоторыми другими формами этой поверхности, мы можемъ сказать фигурально, что процессъ общественнаго сплоченія есть родъ свариванія, подобнаго свариванію вмѣстѣ отдѣльныхъ кусковъ желѣза, — свариванія, которое можетъ совершаться успѣшно только тогда, когда существуютъ заразъ: и значительное давленіе, и трудность для избѣжанія дѣйствія этого давленія.

Здѣсь мы невольно вспоминаемъ то, какимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ крайнихъ случаяхъ, природа земной поверхности надолго опредѣляетъ типъ той общественной жизни, которую она несетъ на себѣ. Съ самыхъ раннихъ временъ, о которыхъ только мы имѣемъ свѣдѣнія, эти сухія, песчаная области востока были населены семитическими племенами, представлявшими тотъ зачаточный общественный типъ, который наилучше приспособ-

собленъ для этихъ пустынь. Точно такимъ же образомъ Геродотово описаніе образа жизни и общественнаго устройства Скифовъ сходится во всѣхъ существенныхъ чертахъ съ описаніемъ Калмыковъ, даннымъ Палласомъ. Еслибы даже всѣ обитатели областей, приспособленныхъ для кочевой жизни, были истреблены когда-нибудь, то эти области вновь населились бы изгнанниками и бѣглецами изъ сосѣднихъ осѣдлыхъ обществъ; причемъ эти пришельцы были бы подобнымъ же образомъ вынуждены характеромъ своего новаго обиталища прибѣгнуть къ кочевой жизни; а эта жизнь подобнымъ же образомъ выработала бы въ нихъ приспособленную къ ней форму союза, а также подходящія къ ней идеи, чувства и обычаи. Впрочемъ, мы можемъ указать на дѣйствительный и притомъ новый примѣръ этого рода; хотя дѣло идетъ здѣсь не о возрожденіи вновь погибшаго общественнаго типа, наилучше приспособленнаго для данныхъ условій, а о появленіи de novo такого типа. А именно, со времени колонизаціи Южной Америки, нѣкоторые изъ ея пампасовъ сдѣлались убѣжищами разбойничьихъ племенъ, сходныхъ съ бедуинами.

Другая важная черта обитаемой поверхности, имѣющая значительное вліяніе и долженствующая быть поставленной непосредственно за предыдущей, есть степень ея разнородности. При прочихъ равныхъ условіяхъ, мѣстности, отличающіяся сравнительнымъ однообразіемъ, не благопріятны для общественнаго прогресса. Одинаковость поверхности (даже оставляя на-время въ сторонѣ ея вліяніе на флору и фауну) предполагаетъ отсутствіе разнообразныхъ неорганическихъ матеріаловъ, отсутствіе разнообразныхъ вѣшнихъ воспріятій, т. е. опытовъ, отсутствіе разнообразныхъ привычекъ; а отсутствіе всѣхъ этихъ условій мѣшаетъ развитію торговли и житейскихъ искусствъ. Ни центральная Азія, ни центральная Африка, ни центральныя части обѣихъ половинъ американскаго континента не были сѣдалищемъ сколько-нибудь высокой туземной цивилизаціи. Области, подобныя русскимъ степямъ, хотя и годныя, можетъ быть, для перенесенія въ нихъ цивилизацій, развившихся въ другихъ мѣстахъ,—не суть такія области, которыя представляли бы какую-либо вѣроятность для зарожденія и развитія въ нихъ самостоятельной цивилизаціи; ибо дифференцирующія вліянія здѣсь слишкомъ не достаточны. Однообразіе обиталища имѣетъ повсюду одинаковое послѣдствіе, даже тамъ, гдѣ оно представляетъ результатъ совершенно другихъ причинъ. Такъ профессоръ Дана спрашиваетъ относительно коралловаго острова:

«Много ли изъ разнообразныхъ искусствъ цивилизованной жизни можетъ существовать въ такой странѣ, гдѣ раковины суть единственные рѣзущіе инструменты, гдѣ прѣсной воды едва хватаетъ для хозяйственныхъ надобностей, гдѣ нѣтъ ни рѣкъ, ни потоковъ, ни горъ, ни холмовъ? Насколько

можетъ быть доступна поэзія и литература Европы людямъ, всѣ идеи которыхъ простираются лишь до предѣловъ ихъ коралловаго острова, которые никогда не представляли себѣ участка земли, имѣющаго болѣе полу-мили въ ширину, и которые не знаютъ никакого ската или обрыва болѣе высокаго, чѣмъ ихъ береговая линія, и никакихъ переменъ времени года, за исключеніемъ сѣмны бездожднаго періода періодомъ дождей?»

И наоборотъ, благопріятное вліяніе, оказываемое геологическою и географическою разнородностью на общественное развитіе, замѣтно очень яснымъ образомъ. Хотя, съ абсолютной точки зрѣнія, долина Нила не представляетъ многообразія характера въ сколько-нибудь значительной степени, однакоже, по сравненіи съ окружающими ее областями, она именно такова; кому-же она представляетъ такое обстоятельство, которое составляетъ, повидимому, наиболѣе постоянный антецедентъ цивилизаціи, а именно смежность суши и воды. Хотя обиталища Вавилонянъ и Ассиріянъ были тоже не особенно разнообразны, однакоже они также были разнообразны по сравненію съ безрѣчными странами, лежащими къ востоку и западу отъ нихъ. Та узкая полоса земли, на которой возникло финикійское общество, соединяла въ себѣ всѣ отличительныя особенности относительно длинной береговой линіи; въ нее скатывалось много рѣкъ, доставлявшихъ у своихъ устьевъ очень удобныя мѣста для основанія главныхъ городовъ; плоскости и долины бѣжали отъ берега внутрь страны; ихъ раздѣляли холмы, а сзади онѣ заключались высокими горами. Разнородность является еще болѣе замѣтнымъ отличительнымъ признакомъ той области, въ которой имѣло мѣсто развитіе греческаго общества: эта область разнообразна и по многочисленнымъ и сложнымъ распредѣленіямъ суши и моря, и по своимъ вертикальнымъ очертаніямъ, или рельефу, и по разнородности своей почвы. Тозеръ (Tozer) замѣчаетъ въ своихъ недавно-вышедшихъ „Чтеніяхъ по географіи Греціи“: „Ни одна часть Европы, а можетъ быть даже ни одна часть свѣта не представляетъ такого громаднаго разнообразія естественныхъ особенностей на протяженіи той же самой площади, какъ Греція“. Впрочемъ, уже сами греки наблюдали вліянія различныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ въ предѣлахъ ихъ родной страны, по крайней мѣрѣ въ той мѣрѣ, въ которой дѣло идетъ о различіяхъ между морскимъ берегомъ и внутренностью страны. Гротъ говоритъ:

«Древніе философы и законодатели глубоко чувствовали тотъ контрастъ, который существовалъ между внутреннимъ городомъ и приморскимъ городомъ: въ первомъ—простота и однообразіе жизни, привязанность къ старымъ привычкамъ и нелюбовь ко всему новому или чужому, значительная сила исключительной симпатіи и узкая сфера какъ предметовъ наблюденія, такъ и идей; во второмъ—разнообразіе и новостъ впечатлѣній, широкое

воображеніе, терпимость къ чужеземнымъ обычаямъ, а иной разъ даже и предпочтеніе къ нимъ, болѣе значительная дѣятельность индивидовъ и со-
ответственная ей измѣняемость государства» (Grote's History of Greece.
Vol. II, p. 296).

Хотя для всякаго очевидно, что описанныя тутъ послѣдствія обязаны въ
очень значительной степени своимъ происхожденіемъ сношеніямъ съ чужезем-
цами, однакоже, такъ какъ самыя эти сношенія зависятъ отъ мѣстныхъ отно-
шеній между сушею и моремъ, то эти отношенія должны быть признаны за
первичныя причины только-что видѣннаго нами различія. Замѣтимъ, что въ
Италіи цивилизація подобнымъ же образомъ нашла себѣ сѣдалище очень зна-
чительной сложности, какъ съ геологической, такъ и съ географической точки
зрѣнія. Что же касается до Новаго Свѣта, то и тамъ мы видимъ тоже самое.
Центральная Америка, которая была источникомъ его туземныхъ цивилизацій,
отличается сравнительною разнородностью и многообразіемъ, въ особенности
если принять въ расчетъ ея двойную береговую линію. Тоже самое можно
сказать про Мексику и Перу. Мексиканская сплошная возвышенность, окру-
женная горами, заключала въ себѣ много прекрасныхъ озеръ, между прочимъ
озеро Тецкуко, съ его берегами и островами, бывшее резиденціей правитель-
ства; что же касается до Перу, то, не говоря уже о его разнообразной поверх-
ности, мы видимъ, что власть Инковъ распространилась изъ гористыхъ остро-
вовъ высокаго, обширнаго и неправильнаго озера Титикака.

Теперь намъ остается еще взглянуть, какъ вліяетъ на прогрессъ почва,
разсматриваемая просто со стороны ея плодородности или бесплодности. Су-
ществуетъ очень распространенное убѣжденіе, будто-бы изобиліе пищи, добы-
ваемой безъ большихъ хлопотъ, не благопріятно для общественнаго развитія;
хотя это положеніе и не лишено нѣкоторой доли истины, тѣмъ неменѣе, взя-
тое въ его общепринятой редакціи, оно рѣшительно не справедливо. Различные
получившіе цивилизацію народы Тихаго Океана, — Сандвичане, Таитяне, Тонганцы,
Самоанцы, Фиджійцы, — показываютъ намъ примѣры довольно значительнаго
прогресса, достигнутаго въ такихъ мѣстахъ, гдѣ высокая производительность
почвы дѣлаетъ жизнь относительно легкою. На Суматрѣ, гдѣ щедрость почвы
такова, что рисъ родится самъ 80 и самъ 140, и на Мадагаскарѣ, гдѣ онъ ро-
дится самъ 50 и самъ 100, и гдѣ другія вознагражденія за трудъ столь же
велики, общественное развитіе было далеко не незначительнымъ. На сѣвѣ
континентъ мы видимъ тоже самое. Каффы, населяющіе страну, покрытую
богатыми и обширными пастбищами, отличаются выгоднымъ для нихъ образомъ,
какъ индивидуально, такъ и общественно, отъ сѣвѣдныхъ племенъ, занимаю-
щихъ относительно непродуцательныя области; а тѣ части центральной Аф-

рики, туземныя племена которыхъ достигли наибольшаго общественнаго прогресса, какъ Ашантии и Дагомейцы, обладаютъ чрезвычайно роскошною растительностью. Наконецъ, стоитъ вспомнить Нилскую долину и тотъ исключительный процессъ удобренія, которому она подвержена отъ природы, чтобы видѣть, что наиболѣе древнее общественное развитіе изъ всѣхъ тѣхъ, которыя намъ извѣстны, началось въ такой странѣ, которая, удовлетворяя всѣмъ прочимъ требующимся здѣсь условіямъ, отличалась также и высокою производительностью почвы.

Я полагаю, что по отношенію къ плодородности мы можемъ признать здѣсь истину, сродную съ той, которую мы признали по отношенію къ климату, а именно, что наиболѣе раннія ступени общественнаго роста и развитія возможны только тамъ, гдѣ сопротивленія, которыя слѣдуетъ преодолѣть, относительно не велики. Подобно тому, какъ тѣ житейскія искусства, которыя мѣшаютъ потерѣ теплоты или вознаграждаютъ за такую потерю, должны быть уже развиты до болѣе или менѣе значительной степени, прежде чѣмъ явится возможность для хорошаго заселенія областей относительно суровыхъ, такъ точно и земледѣльческія искусства должны развиваться до значительной степени, прежде чѣмъ явится возможность для менѣе плодородныхъ областей поддерживать такія населенія, которыя были бы достаточно обширны, чтобы благопріятствовать общественному развитію. А такъ какъ искусства всякаго рода подвигаются впередъ только по мѣрѣ прогресса общества со стороны его величины и устройства, то изъ этого слѣдуетъ, что предварительно должны существовать общества, обладающія такими плодородными мѣстообитаніями, которыя способны доставлять изобильную пищу при помощи искусствъ самаго низкаго порядка, и что только послѣ этого можетъ явиться возможность для развитія такихъ искусствъ, которыя требуются для обработки менѣе плодородныхъ мѣстообитаній. Пока общество еще слабо и мало развито, оно имѣетъ шансы выжить лишь въ томъ случаѣ, если окружающія его обстоятельства будутъ испытывать его наименѣе суровымъ образомъ. Способность выживать при обстоятельствахъ, испытывающихъ болѣе сильнымъ образомъ, можетъ имѣться только у болѣе сильныхъ и болѣе развитыхъ обществъ, происшедшихъ отъ предыдущихъ и унаследовавшихъ отъ нихъ пріобрѣтенныя ими организацію, матеріальныя приложенія и приспособленія, и знаніе.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что разнообразіе въ качествѣ почвы есть также очень важный факторъ, такъ какъ онъ влияетъ опредѣляющимъ образомъ на ту множественность и то разнообразіе растительныхъ продуктовъ, которыя содѣйствуютъ въ очень широкой степени общественному прогрессу. Ясно, что въ какой-нибудь землѣ Дамара, — гдѣ однообразіе почвы таково, что четыре

рода мимозъ исключаютъ почти всѣ другіе роды деревъ и кустарниковъ, — такая скудость матеріала должна служить, независимо отъ другихъ препятствій къ прогрессу, уже сама по себѣ очень значительной помѣхой для такого прогресса. Но здѣсь мы невольно перескакиваемъ въ другой порядокъ факторовъ.

§ 18. Какимъ образомъ характеръ флоры данной мѣстности вліяетъ на ея годность для поддержанія общества, — такъ ясно, что едвали нуждается въ нашихъ объясненіяхъ. Но мы должны указать здѣсь на то обстоятельство, что если недостаточная флора есть отрицательная помѣха для общественнаго прогресса, то роскошная флора не всегда помогаетъ такому прогрессу, но иногда, напротивъ, можетъ даже препятствовать ему. Мы взглянемъ здѣсь на обѣ эти группы вліяній флоры на общественный прогрессъ.

У нѣкоторыхъ Эскимосовъ вовсе нѣтъ дерева, у другихъ изъ нихъ имѣется только то дерево, которое выбрасывается на берегъ волнами Океана. Поэтому они вынуждены строить свои жилища изъ льда и снѣга, дѣлать свои чашки и другую посуду изъ тюленьей кожи, свои удочки и сѣти — изъ китоваго уса и даже свои луки — изъ кости и рога. Всѣ эти ухищренія показываютъ намъ, до какой степени отсутствіе пригодныхъ растительныхъ продуктовъ мѣшаетъ всякому значительному шагу впередъ въ житейскихъ искусствахъ. То, что мы видимъ у этого арктическаго племени, повторяется также и у почти-антарктическихъ Огнеземельцевъ, у которыхъ мы опять видимъ, какъ отсутствіе или чрезвычайная скудость доставляющихъ пищу растений служить непреодолимымъ препятствіемъ къ общественному прогрессу, заставляя людей довольствоваться одною животною пищею, которая необходимымъ образомъ бываетъ болѣе ограниченной въ своемъ количествѣ. Впрочемъ, въ этихъ обоихъ случаяхъ, разсматриваемая нами помѣха общественному прогрессу является въ соединеніи съ другою помѣхою, состоящей въ чрезвычайномъ холодѣ; а потому для насъ будетъ болѣе поучительно взглянуть на другой, болѣе чистый, примѣръ, доставляемый Австраліею, гдѣ, при климатѣ, который въ цѣломъ можетъ быть названъ благопріятнымъ, простая скудость въ доставляющихъ пищу растеніяхъ, равно какъ и въ растеніяхъ полезныхъ въ другихъ отношеніяхъ, была одною изъ причинъ продолжающейся и донынѣ остановки цивилизаціи на самой низкой ступени варварства. Обширныя пространства этой страны, поддерживающія только одного жителя на шестьдесятъ квадратныхъ миль, не допускаютъ ничего, даже сколько-нибудь приближающагося къ той густотѣ населенія, которая составляетъ необходимое условіе цивилизаціи.

Послѣ того, какъ мы видѣли уже выше, говоря о плодородности почвы, до какой степени изобиліе растительныхъ продуктовъ благопріятствуетъ возрастанію населенія, дѣлающему возможнымъ прогрессъ въ общественномъ развитіи,

мы должны теперь взглянуть на то, какимъ образомъ разнообразіе растительныхъ продуктовъ можетъ вести къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ. Мы видимъ здѣсь не только то, что для слабо развитыхъ обществъ, существующихъ въ областяхъ, изобилующихъ растениями многочисленныхъ и разнообразныхъ видовъ, ихъ зависимость со стороны питанія отъ многихъ родовъ корней, плодовъ, хлѣбныхъ злаковъ и т. д. есть важное обезпеченіе противъ періодическихъ посѣщеній голода, зависящихъ отъ неурожаа какой-нибудь одной жатвы, т. е. какого-нибудь одного растенія; но еще и то, что множество полезныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ разнородною флорой, дѣлаетъ возможнымъ умноженіе различныхъ житейскихъ удобствъ, различныхъ приспособленій, служащихъ для всевозможныхъ надобностей; а это ведетъ за собою прогрессъ искусствъ и сопровождающее его развитіе искусности и мыслительности. У Таитянъ имѣются на ихъ островахъ и такіе сорта дерева, которые самой природой приспособлены для устоевъ, балокъ, переводинъ и остововъ ихъ крышъ, и пальмовыя листья, годныя къ употребленію въ качествѣ нашей кровельной соломы, и особенныя растенія, доставляющія волокна, идущія на виты веревковъ, на сученье нитокъ, на изготовленіе удочекъ (лѣсъ), на плетенье цыновокъ и проч., и кора тапа, которая, будучи обработана должнымъ образомъ, доставляетъ ткань, идущую на различныя части ихъ одежды, и кокосовыя орѣхи для ихъ чашекъ и другой посуды; у нихъ есть матеріалы для изготовленія корзинъ, рѣшетъ и разной другой хозяйственной утвари; у нихъ есть растенія, дающія имъ ароматы для ихъ благовонныхъ мазей, и цвѣты для ихъ вѣнковъ и ожерельевъ; у нихъ есть краски для выпечатанія разноцвѣтныхъ узоровъ на ихъ одеждахъ, не говоря уже о самыхъ разнообразныхъ родахъ пищи, каковы напримѣръ: хлѣбное дерево, таро, ямсъ, сладкій картофель, арроу-руть, ферн-руть, кокосъ, плантанъ, бананъ, ямбо, ти-руть, сахарный тростникъ и пр., дающіе имъ возможность изготовлять множество разнообразныхъ и сложныхъ кушаній. Утилизанія всѣхъ этихъ матеріаловъ очевидно влечетъ за собою извѣстную культуру и порядокъ (дисциплину), дѣйствующіе многими различными путями на общественный прогрессъ. Насколько сильно такое вліяніе разнородности флоры, можно видѣть изъ наблюденія того факта, что она приводитъ къ одинаковымъ результатамъ сосѣдніе народы, несмотря на то, что эти народы очень сильно не сходятся другъ съ другомъ и по своему характеру и по своей политической организаціи. Такъ свирѣпыя людоеды Фиджійцы, находящіеся подъ управленіемъ чувствъ, могущихъ во многихъ отношеніяхъ быть названными противообщественными, достигли такого развитія въ искусствахъ, которое можетъ выдержать сравненіе съ развитіемъ искусствъ у Таитянъ, и такого раздѣленія труда и торговой организаціи, которыя

даже выше чѣмъ у Таитянъ, и все это вслѣдствіе того, что ихъ мѣстообитаніе, подобно мѣстообитанію Таитянъ, отличается разнообразіемъ растительныхъ произведеній. Между тысячею-видовъ туземныхъ растений Фиджійскихъ острововъ существуютъ такіе, которые доставляютъ обитателямъ этихъ острововъ необходимые матеріалы для всевозможныхъ надобностей, начиная отъ постройки военныхъ шлюпокъ (кано), способныхъ поднимать до 300 человекъ, и кончая приготовленіемъ красокъ и ароматовъ. Быть можетъ, кто-нибудь возразитъ намъ на это, что Ново-зеландцы достигли такого общественнаго развитія, которое по своей степени можетъ быть поставлено рядомъ съ общественнымъ развитіемъ у Таитянъ и Фиджійцевъ; между тѣмъ какъ они живутъ въ такомъ обиталищѣ, туземная флора котораго не отличается столь громаднымъ разнообразіемъ. На это я отвѣчу, что и языкъ, и мѣлологія Ново-зеландцевъ показываютъ, что они отдѣлились отъ прочихъ Магайце-полинезійцевъ послѣ того, какъ житейскія искусства достигли уже довольно значительной высоты, и что они принесли съ собою эти искусства (равно какъ и нѣкоторыя изъ воздѣлываемыхъ ими растений) въ ту область, которую они населяютъ теперь и которая, хотя и не богатая съѣдобными растеніями, снабжаетъ ихъ однако въ изобиліи растеніями полезными въ разныхъ другихъ отношеніяхъ.

Мы уже намекали выше, что простая роскошь растительности можетъ служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствіемъ прогрессу, — а именно, когда эта растительность не доставляетъ пригодныхъ для человѣка матерьяловъ. Странно сказать, что суровая область, обитаемая Огнеземельцами, превращается въ еще болѣе неудобное мѣстообитаніе тѣми густыми зарослями никуда негодныхъ кустарниковъ, которыя одѣваютъ собою ея утесистые холмы. А Андаманезцы, живущіе подъ условіями въ другихъ отношеніяхъ столь отличными, точно также принуждены ограничиться для своего житія узкимъ морскимъ берегомъ вслѣдствіе того, что непроницаемая чаща, покрывающая эту страну, не допускаетъ ихъ пробраться въ ея глубь. Многія экваторіальныя страны, почти недоступны даже для полу-цивилизованныхъ людей, вслѣдствіе покрывающихъ ихъ джунгль (тростниковыхъ болотъ) и густо-перепутанныхъ лѣсовъ, были совершенно никуда негодны для аборигеновъ, которые не имѣли никакихъ орудій для расчистки почвы. Первобытный человекъ, обладавшій только грубыми каменными орудіями, могъ найти на поверхности земнаго шара лишь очень немного такихъ участковъ, которые были бы пригодны для него, не будучи ни слишкомъ безплодными, ни слишкомъ изобильно покрытыми чрезчуръ роскошно растительностью; что опять напоминаетъ намъ о томъ, что зародышевые общества находятся въ полной зависимости отъ окружающихъ ихъ условій.

§ 19. Теперь намъ остается только посмотреть еще на значеніе фауны оби-

таемой страны. Очевидно, что этотъ факторъ имѣеть могущественное вліяніе какъ на степень общественнаго роста, такъ и на типъ этого роста.

Присутствіе или отсутствіе дикихъ животныхъ, годныхъ въ пищу, вліяеть очень сильно на индивидуальную жизнь, опредѣляя родъ этой жизни; а вслѣдствіе этого оно вліяеть и на общественную жизнь, опредѣляя родъ ея организаціи. Гдѣ, какъ въ Сѣверной Америкѣ, существовало достаточно дичи для прокормленія первобытныхъ туземныхъ расъ, тамъ охота стремилась удержатъ за собою роль господствующей дѣятельности, и такъ какъ частыя переселенія въ погонѣ за дичью породили здѣсь болѣе или менѣе кочевыя привычки, то это обстоятельство было здѣсь постояннымъ препятствіемъ землѣдѣлію, увеличенію населенія и промышленному развитію. Теперь стоитъ только взглянуть на совершенно противоположный этому примѣръ различныхъ полинезійскихъ племенъ и обратить вниманіе на то, какимъ образомъ отсутствіе всякой сколько-нибудь значительной наземной фауны принудило ихъ обратиться къ землѣдѣлію, за которымъ сейчасъ же слѣдуютъ: осѣдая жизнь, болѣе густое населеніе и болѣе высоко развитыя искусства, — чтобы видѣть, какое огромное вліяніе имѣютъ на цивилизацію родъ и количество полезной животной жизни.

Когда мы взглянемъ на тотъ пастушескій типъ общества, который, существуя еще и въ наше время, игралъ такую важную роль въ человѣческомъ прогрессѣ въ прошедшія времена, мы опять-таки увидимъ, что, на всемъ протяженіи обширѣйшихъ областей, туземная фауна была главнымъ дѣятелемъ въ опредѣленіи формы общественнаго союза. Съ одной стороны, при отсутствіи животныхъ, способныхъ къ одомашненію: лошадей, верблюдовъ, быковъ, овецъ, козъ, — тотъ родъ жизни, которому слѣдовали три великія завоевательныя расы въ ихъ первоначальныхъ обиталищахъ, былъ бы невозможенъ; а съ другой стороны, этотъ родъ жизни, принося съ собою приспособленныя къ нему общественныя отношенія, мѣшалъ въ теченіе всего того времени, пока онъ продолжался, образованію тѣхъ болѣе обширныхъ осѣдлыхъ союзовъ, которые необходимы для появленія болѣе высокихъ общественныхъ отношеній. Перебирая въ умѣ примѣры Лапландцевъ съ ихъ сѣверными оленями и собаками, Татаръ съ ихъ лошадьми и скотомъ, и южно-американцевъ съ ихъ ламами и заморскими свинками (Собаја), мы убѣждаемся также въ томъ, что во многихъ случаяхъ эта природа фауны, въ соединеніи съ природою земной поверхности, продолжаетъ еще и до сихъ поръ быть причиною остановки общественнаго развитія на извѣстной ступени.

Итакъ, фауна, разсматриваемая со стороны ея богатства или бѣдности полезными для человѣка животными, составляетъ очень важный общественный факторъ; не менѣе важный факторъ представляетъ она и въ томъ случаѣ, когда мы разсматриваемъ ее со стороны ея богатства или бѣдности вредными для чело-

вѣка животными. Присутствіе крупныхъ хищныхъ служить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительною помѣхою веденію общественной жизни, какъ напримѣръ на Суматрѣ, гдѣ цѣлыя деревни нерѣдко опустошаются тиграми, или какъ въ Индіи, гдѣ „одна тигрица опустошила 13 деревень и сдѣлала то, что 256 квадратныхъ миль земли брошены безъ обработки“ и гдѣ „въ 1869 году одна тигрица умертвила 127 человѣкъ и прекратила движеніе по большой дорогѣ на нѣсколько недѣль“. Впрочемъ, стоитъ только припомнить тѣ бѣдствія, которыя испытывала Англія отъ волковъ и которыя испытываются отъ нихъ еще и до сихъ поръ въ сѣверныхъ частяхъ Европы, чтобы видѣть, что хищныя животныя могутъ поставить значительныя помѣхи той совершенной свободѣ внѣ-домашнихъ занятій и той полной свободѣ сообщенія и взаимнаго сношенія, которыя принадлежатъ къ числу условий, требующихся для общественнаго прогресса. Мы не должны также забывать, какъ значительно мѣшаютъ иной разъ пресмыкающіяся тому полному покоренію почвы, которое требуется для развитія земледѣлія: какъ напримѣръ въ той же Индіи, гдѣ, какъ видно изъ послѣдняго сочиненія доктора Фэйрера (Fayer), умираетъ ежегодно отъ укушенія змѣями 20,000 ч.; по новѣйшимъ же официальнымъ отчетамъ, число это доходитъ до 25,664. Къ этимъ бѣдствіямъ, наносимымъ высшими животными прямымъ образомъ, слѣдуетъ прибавить еще тѣ косвенно наносимыя ими бѣдствія, которыя они причиняютъ намъ, истребляя, совокупно съ насѣкомыми, наши жатвы. Иногда вредъ этого послѣдняго рода оказывается вліяющимъ въ значительной степени на образъ индивидуальной, а слѣдовательно и общественной жизни, какъ напримѣръ въ землѣ Каффровъ, гдѣ жатвы подвержены громаднымъ опустошеніямъ со стороны млекопитающихъ, птицъ и насѣкомыхъ и гдѣ это обстоятельство сильно отбиваетъ отъ перехода изъ пастушескаго состоянія въ болѣе высокое общественное состояніе; или какъ въ землѣ Бичуановъ, которая, будучи „населена безчисленными стадами дичи, въ тоже время подвергается періодическимъ опустошеніямъ отъ непроглядныхъ тучъ саранчи“. Очевидно, что тамъ, гдѣ промышленныя стремленія еще слабы, неуверенность въ полученіи ожидаемыхъ выгодъ отъ своего труда должна мѣшать развитію такихъ стремленій и, напротивъ того, побуждать къ реверсіи, т. е. къ возвращенію къ болѣе старому образу жизни, если только этотъ образъ жизни можетъ еще быть веденъ въ данное время.

Есть еще много другихъ непріятностей, причиняемыхъ животными, а въ особенности насѣкомыми, и эти непріятности вліяютъ серьезнымъ образомъ на общественный прогрессъ. Достаточно припомнить изъ нашей собственной опытности кое-какіе лѣтніе вечера, проведенные въ Шотландіи, гдѣ комары иной разъ волей-неволей загоняютъ людей съ открытаго воздуха въ дома, чтобы понять, въ какой значительной мѣрѣ пресловутая египетская казнь, „язва мушиная“,

должна обезкураживать въ тропическихъ странахъ постоянную внѣ-домную дѣятельность людей, и безъ того уже имѣющихъ отвращеніе къ труду. Гдѣ, какъ на берегахъ Ориноко, утреннее привѣтствіе замѣняется фразой: „сильно ли вы страдали отъ москитовъ?“ и гдѣ мученія, доставляемыя этими насѣкомыми, таковы, что одинъ священникъ не хотѣлъ вѣрить, что Гумбольдтъ добровольно предался этимъ мукамъ только для того, чтобы видѣть страну, тамъ стремленіе къ облегченію отъ этихъ мукъ должно часто перевѣшивать и безъ того уже слабое побужденіе къ труду. Даже дѣйствіе мухъ на скотъ измѣняетъ непрямымъ образомъ общественную жизнь, какъ напримѣръ у Киргизовъ, которые въ маѣ мѣсяцѣ, когда степи покрываются богатою растительностью, бываютъ вынуждены роями мухъ угонять свои стада въ горы; или какъ въ Африкѣ, гдѣ муха Тсе-тсе дѣлаетъ для нѣкоторыхъ мѣстностей занятіе скотоводствомъ и пастушескій образъ жизни совершенно невозможными. Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всякое стремленіе къ постоянному усиленному труду обезкураживается въ очень значительной степени термитами, которые во многихъ мѣстахъ восточной Африки пожираютъ все: запасы пищи, одежду, домашнюю утварь, постели и пр. „Человѣкъ, богатый сегодня, можетъ стать завтра бѣднякомъ, вслѣдствіе опустошительнаго нападенія бѣлыхъ муравьевъ“, говорилъ Ливингстону одинъ португальскій купецъ. Но не одни только эти бѣдствія причиняются бѣлыми муравьями. Гумбольдтъ замѣчаетъ: „гдѣ термиты уничтожаютъ всѣ документы, тамъ цивилизація не можетъ сдѣлать большого прогресса“.

Такимъ образомъ туземный типъ общественной жизни въ данной мѣстности и характеръ ея туземной фауны находятся въ тѣсномъ отношеніи другъ къ другу. Присутствіе или отсутствіе полезныхъ видовъ, равно какъ и присутствіе или отсутствіе вредныхъ видовъ, оказываютъ всегда свои благопріятствующія или задерживающія вліянія. Въ каждомъ частномъ случаѣ, эти вліянія измѣняются сообразно съ особенностями и размѣрами этихъ причинъ; причемъ въ результатъ получается не только благопріятствованіе или препятствованіе общественному прогрессу, разсматриваемому съ общей его стороны, но еще являются большія или меньшія спеціальныя особенности въ устройствѣ и отправленіяхъ данной общины.

§ 20. Полное исчисленіе и описаніе всѣхъ этихъ первобытныхъ внѣшнихъ факторовъ, во всѣхъ ихъ многочисленныхъ степеняхъ и комбинаціяхъ, не входитъ въ нашу задачу. Даже приблизительно-полное изслѣдованіе только тѣхъ ихъ классовъ, краткая характеристика которыхъ представлена нами выше, потребовало бы цѣлыхъ лѣтъ труда; а къ этому пришлось бы еще прибавить описаніе многихъ спеціальныхъ вліяній окружающихъ условій, вліяній, которые не были даже упомянуты нами до этой минуты.

Такъ, намъ пришлось бы рассмотреть вліянія различій въ степени и распредѣленіи свѣта, хотя бы на примѣрѣ той внутри-домной жизни и культуры, которыя вызваны у Исландцевъ ихъ арктической ночью. Затѣмъ, мы бы должны были обратить вниманіе и на тѣ менѣе значительныя вліянія, которыя оказываетъ болѣе или менѣе блескъ обыкновеннаго дневнаго свѣта въ солнечныхъ и въ пасмурныхъ климатахъ на душевное состояніе, а слѣдовательно и на дѣйствія ихъ обитателей. Къ этому мы бы должны были присовокупить тотъ общезвѣстный фактъ, что постоянство хорошей погоды въ какой-либо мѣстности ведетъ къ развитію внѣ-домныхъ общественныхъ сношеній; между тѣмъ какъ постоянство дурной погоды ведетъ къ домашней семейной жизни, такъ что оба эти обстоятельства вліяютъ на характеры гражданъ. Потомъ намъ пришлось бы взглянуть на видоизмѣненія народныхъ идей и чувствъ, выработавшіяся подъ вліяніемъ величественно-внушительныхъ метеорологическихъ и геологическихъ явленій. При-этомъ мы не могли бы ограничиться только тѣми вліяніями, которыя эти величественныя и неожиданныя проявленія естественныхъ силъ производятъ на воображеніе людей, а слѣдовательно и на ихъ поведеніе, вліяніями, важность которыхъ была уже достаточно показана Боклемъ; но мы должны были бы взглянуть и на ихъ вліянія, принадлежащія къ другимъ порядкамъ: какъ на примѣръ на то вліяніе, которое частота землетрясеній въ данной мѣстности оказываетъ на туземный типъ архитектуры, вызывая предпочтеніе къ домамъ низкимъ и легкимъ и видоизмѣняя такимъ образомъ заразы и домашнее устройство и эстетическую культуру. Затѣмъ, свойство того топлива, которое доставляется данною мѣстностью, имѣть свои послѣдствія, развѣтвляющіяся по различнымъ направленіямъ, какъ мы это можемъ видѣть хотя бы изъ контраста между нашимъ отопляющимся каменнымъ углемъ Лондономъ, съ его почернѣлыми рядами домовъ, производящими мрачное, подавляющее впечатлѣніе, вслѣдствіе поглощенія ими падающаго на нихъ свѣта, и отопляющимися дровами континентальными городами, гдѣ обиліе свѣта и употребленіе яркихъ, свѣтлыхъ красокъ вызываетъ совершенно иное настроеніе чувствъ, приводящее и къ инымъ результатамъ. Что касается до того, какъ сильно вліяетъ минералогія страны на степень ея цивилизаціи и на ея промышленныя особенности, то объ этомъ едвали нужно и говорить. Полное отсутствіе металловъ можетъ не позволять данной странѣ подняться надъ каменнымъ періодомъ; присутствіе мѣди можетъ повести ее на шагъ впередъ по пути прогресса; нахожденіе олова, дѣлая возможнымъ изготовленіе бронзы, можетъ вызвать еще одинъ дальнѣйшій шагъ по этому пути; наконецъ, нахожденіе желѣзныхъ рудъ дѣлаетъ возможнымъ еще болѣе успѣхи прогресса. Точно также обиліе или недостатокъ извести для цемента вліяетъ на размѣры и типы зданій, какъ частныхъ, такъ

и общественных, а вследствие этого вліять и на домашнія и общественныя привычки, равно какъ и на эстетическую культуру. Даже такія незначительныя особенности, какъ присутствіе горячихъ ключей, которое вызвало въ древней Центральной Америкѣ мѣстное горшечное производство, не должны бы быть упущены изъ виду; но намъ слѣдовало бы прослѣдить вліяніе каждой особенной комбинаціи условій на опредѣленіе господствующей промышленности, а слѣдовательно отчасти и на типъ общественной организаціи.

Но подробное описаніе первобытныхъ внѣшнихъ факторовъ, какъ тѣхъ болѣе важныхъ родовъ, которые были очерчены на предыдущихъ страницахъ, такъ и тѣхъ менѣе важныхъ родовъ, примѣры которыхъ были только-что приведены нами, относится къ области того, что мы можемъ назвать здѣсь для отличія Специальной Соціологіей. Всякій, кто, запасшись общими принципами нашей науки, предпринялъ бы изъяснить развитіе каждаго отдѣльнаго общества, долженъ бы былъ непременно дать въ каждомъ частномъ случаѣ подробное, исчерпывающее описаніе всѣхъ этихъ многочисленныхъ мѣстныхъ причинъ, во всѣхъ ихъ многообразныхъ родахъ и степеняхъ. Но такое предпріятіе должно быть предоставлено соціологамъ будущаго.

§ 21. Во всей этой главѣ я имѣлъ въ виду просто дать читателю общія идеи по отношенію къ первобытнымъ внѣшнимъ факторамъ различныхъ классовъ и порядковъ, чтобы напечатлѣть въ умѣ читателя ту истину, уже выраженную въ ея голой формѣ въ предыдущей главѣ, что свойства среды вліяютъ совместно со свойствами человѣческихъ существъ на опредѣленіе общественныхъ явленій.

Однимъ изъ результатовъ перечисленія этихъ первобытныхъ внѣшнихъ факторовъ и наблюденія тѣхъ важныхъ ролей, которыя они играютъ, было выясненіе того факта, который очень легко просмотрѣть, что болѣе раннія ступени общественнаго развитія гораздо болѣе зависимы отъ мѣстныхъ условій, чѣмъ болѣе позднія его ступени. Хотя тѣ общества, съ которыми мы теперь всего болѣе знакомы, т. е. общества высокой организаціи, богатая матерьяльными приложеніями науки, далеко ушедшія въ знаніи, и могутъ, при помощи разнообразнѣйшихъ искусственныхъ средствъ, преуспѣвать даже въ неблагопріятныхъ обиталищахъ, но слабыя, неорганизованныя общества не могутъ этого: они находятся въ полной зависимости отъ окружающихъ ихъ естественныхъ условій. А видя, что это такъ для низшихъ общественныхъ типовъ, существующихъ въ наше время, мы должны заключить отсюда, что это было такъ въ еще большей степени для еще менѣе развитыхъ типовъ, которые предшествовали имъ.

Не лишне будетъ также замѣтить, что мы находимъ такимъ образомъ отвѣтъ на тѣ вопросы, которые иногда противопоставляютъ ученію объ общественномъ развитіи, какъ препятствія на его пути, а именно: какимъ образомъ

могло случиться, что многія племена дикарей не сдѣлали никакого сколько-нибудь замѣтнаго прогресса въ продолженіе того длиннаго періода времени, на который простираются человѣческія преданія? И если правда, что человѣческая раса существовала въ теченіе послѣднихъ геологическихъ періодовъ, то почему не возникло никакой цивилизаціи за 100,000 и болѣе лѣтъ тому назадъ, цивилизаціи, которая оставила бы по себѣ какіе-нибудь слѣды? Я говорю, что на эти вопросы настоящая глава доставляетъ вполне удовлетворительные отвѣты. Когда мы оглянемся назадъ, на тѣ классы и порядки первобытныхъ внѣшнихъ факторовъ, которые были очерчены нами выше, и когда мы обратимъ вниманіе на то, какъ рѣдки были комбинаціи благопріятныхъ факторовъ и отсутствіе неблагопріятныхъ, т. е. тѣ условія, при которыхъ только и возможно процваніе и развитіе первыхъ слабыхъ зародышей будущихъ обществъ; когда мы припомнимъ, что пропорціонально тому чѣмъ немногочисленнѣе и грубѣе матерьяльныя орудія и приспособленія, чѣмъ незначительнѣе знаніе и чѣмъ неразвитѣе способность къ сотрудничеству, тѣмъ болѣе длинный періодъ времени требуется для установленія какого-либо улучшенія передъ лицомъ окружающихъ трудностей; когда мы припомнимъ, что эта самая безпомощность первичныхъ общественныхъ группъ дѣлаетъ ихъ открытыми вліянію всякой неблагопріятной перемѣны и такимъ образомъ вызываетъ многократно повторяющіяся погибанія крошечныхъ успѣховъ по пути прогресса, достигнутыхъ съ такой огромной затратой труда и времени, то намъ станетъ легко понятнымъ, почему въ продолженіе перваго громаднаго періода не развилось ни одного сколько-нибудь значительнаго общества.

Но, сдѣлавъ общій обзоръ этихъ первобытныхъ внѣшнихъ факторовъ, признавъ ту чрезвычайно-важную роль, которую они играютъ въ общественномъ развитіи, въ-особенности въ продолженіе его первыхъ шаговъ, и замѣтивъ то объясненіе, которое вытекаетъ отсюда по отношенію къ позднему появленію цивилизаціи на земномъ шарѣ и къ ея совершенному неоявленію на значительной его части, мы можемъ теперь оставить здѣсь все подробныя соображенія по этому поводу, какъ не имѣющія для насъ значенія. Ибо, имѣя дѣло съ основаніями соціологіи, занимающими насъ теперь, мы должны разсматривать только факты строенія и отправленія, обнаруживаемые обществами вообще и очищенные, насколько это возможно, отъ всѣхъ специальныхъ фактовъ, зависящихъ отъ специальныхъ условій и обстоятельствъ. Далѣе мы будемъ заниматься по преимуществу тѣми свойствами обществъ, которыя зависятъ главнымъ образомъ отъ различій во внутренней природѣ составляющихъ ихъ единицъ, а не тѣми свойствами, которыя опредѣляются особенностями внѣшнихъ вліяній: если эти послѣднія свойства и будутъ принимаемы къ свѣдѣнію, то лишь случайнымъ образомъ или въ формѣ безмолвнаго подразумѣванія.

ГЛАВА IV.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ.

§ 22. По отношенію къ первобытнымъ внутреннимъ факторамъ справедливо тоже самое, что и по отношенію къ первобытнымъ вѣшнимъ факторамъ, т. е. что удовлетворительное изображеніе ихъ предполагаетъ гораздо большее знакомство съ прошедшимъ, чѣмъ то, котораго мы въ состояніи достигнуть. Съ одной стороны, человѣческія кости и разные предметы, указывающіе на человѣческую дѣятельность, находимые въ геологическихъ формаціяхъ и пещерныхъ отложеніяхъ, восходящихъ къ такимъ періодамъ, послѣ которыхъ имѣли мѣсто большія перемѣны въ климатахъ и въ перераспределеніяхъ суши и моря, позволяютъ намъ заключить, что обиталища человѣческаго рода постоянно претерпѣвали различныя видоизмѣненія; хотя мы можемъ лишь смутно догадываться, въ чемъ состояли эти видоизмѣненія. Съ другой стороны, непрерывныя видоизмѣненія обиталищъ необходимо предполагаютъ, что расы, населявшія эти обиталища и подвергавшіяся дѣйствію этихъ видоизмѣненій, также претерпѣвали разныя перемѣны въ структурномъ и функціональномъ отношеніяхъ; хотя касательно большей части этихъ перемѣнъ мы можемъ знать почти не больше того только, что онѣ были.

Тѣ отрывочныя свидѣтельства, которыми мы обладаемъ въ настоящее время, не даютъ намъ права на составленіе опредѣленныхъ заключеній относительно тѣхъ сторонъ и тѣхъ степеней, въ которыхъ люди отдаленнаго прошедшаго отличались отъ современныхъ намъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, существуютъ остатки, которые, рассматриваемые сами по себѣ, указываютъ на болѣе низкій типъ первобытныхъ расъ, расъ-предковъ. Такъ напримѣръ, сюда можетъ быть отнесенъ Неандертальскій черепъ и другіе сходные съ нимъ черепа, съ ихъ громадными

надглазничными выпуклинами, такъ сильно напоминающими тѣ же особенности у обезьянъ. Сюда также слѣдуетъ отнести черепъ, найденный недавно Джилманомъ въ песчаномъ наносѣ рѣки Детруа въ Мичиганѣ и описанный имъ какъ очень сходный съ черепомъ шимпанзе по ширинѣ тѣхъ площадокъ, къ которымъ прикрѣпляются височные мускулы. Но такъ какъ этотъ замѣчательный черепъ былъ найденъ вмѣстѣ съ другими черепами, не представлявшими ничего замѣчательнаго, и такъ какъ относительно такихъ череповъ, какъ черепъ Неандертальской пещеры, не доказано еще, чтобы они относились къ болѣе древнему періоду, чѣмъ нѣкоторые другіе черепа, отклоняющіеся лишь очень мало отъ обыкновенныхъ формъ, то вслѣдствіе этого мы не можемъ извлечь изъ этихъ находокъ никакихъ рѣшительныхъ заключеній.

Тоже самое можно сказать и по отношенію къ другимъ частямъ человѣческаго скелета. Такъ напримѣръ, кость, найденная въ Сетльской пещерѣ и попавшая туда, по мнѣнію Джейки (Geikie), прежде послѣдняго междуледоваго періода, признана проф. Бёскомъ за человѣческую и описывается имъ какъ часть „чрезвычайно неуклюжей и грубой fibula (малое берцо)“; причемъ онъ замѣчаетъ, что она походитъ по своей формѣ на другую fibula, найденную въ Ментонской пещерѣ. Но, въ тоже самое время, онъ прибавляетъ, что въ музеѣ хирургической коллегіи существуетъ fibula недавняго времени, представляющая подобную же грубость и неуклюжесть. Слѣдовательно, единственное заключеніе, на которое мы, повидимому, имѣемъ право въ этомъ случаѣ, состоитъ въ томъ, что тѣ черты, которыя въ тогдашнія времена были далеко не рѣдкими, а вѣроятно даже общими, представляютъ въ наше время большія рѣдкости.

Подобное же, хотя быть можетъ нѣсколько болѣе положительное, заключеніе можетъ быть сдѣлано относительно чрезвычайнаго сжатія большихъ берцовыхъ костей (tibiae) у нѣкоторыхъ древнихъ расъ, сжатія, которое заслужило этимъ костямъ названіе „платикнемическихъ“. Эта особенность указана была впервые проф. Бёскомъ и докт. Фальконеромъ, какъ признакъ, характеризующій людей, оставившихъ свои кости въ пещерахъ Гибралтара; вскорѣ послѣ того она была открыта проф. Брокъ въ остаткахъ пещерныхъ людей Франціи; затѣмъ недавно тотъ же проф. Бёскъ имѣлъ случай наблюдать ее у остатковъ изъ пещеръ Денбишира; а еще позднѣе Джилманъ показалъ, что эта особенность характеризуетъ собою tibiae, найденныя вмѣстѣ съ самыми грубыми каменными орудіями въ песчаныхъ наносахъ рѣки Сентъ-Клеръ въ Мичиганѣ. Такъ какъ эта особенность, насколько извѣстно, не встрѣчается ни у одной изъ нынѣ-живущихъ расъ, между тѣмъ какъ она существовала въ прежнія времена у расъ, жившихъ въ мѣстностяхъ, столь отдаленныхъ одна отъ другой, какъ Гибралтаръ, Франція, Уэльсъ и Сѣверная Америка, то мы имѣемъ полное право заключить изъ

этого, что древняя раса, разсыпанная по этой обширной площади, отличалась въ этой мѣрѣ отъ расъ, выжившихъ до нашего времени.

Факты, извѣстные намъ въ настоящее время, оправдываютъ, повидимому, только два обширныхъ заключенія. Вопервыхъ, — что въ самыя отдаленныя эпохи, какъ и теперь, существовали разновидности людей, отличавшіяся въ значительной степени строеніемъ костей, а вѣроятно и другими различіями, и вовторыхъ, — что извѣстныя черты скотства и низкости типа, находимыя у нѣкоторыхъ изъ этихъ разновидностей, или вовсе исчезли съ тѣхъ поръ, или встрѣчаются только какъ необыкновенныя отступленія отъ общаго правила.

§ 23. Итакъ, все, что мы можемъ утверждать по отношенію къ первобытнымъ внутреннимъ факторамъ, — понимаемымъ въ томъ обширномъ смыслѣ этого слова, который обнимаетъ собою всѣ черты, свойственныя доисторическому человѣку, — сводится на очень немногое. Но, признавъ эту печальную истину, мы тѣмъ неменѣе имѣемъ полное право вывести изъ изслѣдованій геологовъ и археологовъ то заключеніе, что въ продолженіе длинныхъ, давно-прошедшихъ періодовъ, какъ и въ теченіе того времени, которое протекло съ начала исторіи, имѣла мѣсто непрерывная дифференціація расъ, постоянное опереживание и подавленіе менѣе сильныхъ и приспособленныхъ расъ расами болѣе сильными и лучше приспособленными; постоянное вытѣсненіе низшихъ разновидностей въ неудобныя и нежелательныя обиталища, а иногда и полное уничтоженіе низшихъ разновидностей.

А теперь, запасшись этимъ общимъ понятіемъ о первобытномъ человѣкѣ, мы должны удовольствоваться дополненіемъ этого понятія, поскольку это окажется для насъ возможнымъ, посредствомъ изученія тѣхъ изъ существующихъ людскихъ расъ, которыя, судя по ихъ физическимъ особенностямъ и по употребляемымъ ими орудіямъ, приближаются всего болѣе къ первобытному человѣку. Въмѣсто того, чтобы помѣстить всѣ эти классы и под-классы чертъ, свойственныхъ первобытному человѣку, въ одну главу, я нахожу болѣе удобнымъ рассмотреть эти черты въ трехъ отдѣльныхъ главахъ. Прежде всего мы займемся физическими особенностями первобытнаго человѣка, затѣмъ — эмоциональными его особенностями и, наконецъ, особенностями умственнаго порядка.

ГЛАВА V.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. СТОРОНА ФИЗИЧЕСКАЯ.

§ 24. Въ виду того факта, что въ числѣ нецивилизованныхъ племенъ существуютъ Патагонцы, достигающіе отъ шести до семи футовъ въ вышину, между тѣмъ какъ въ Африкѣ сохранились еще и до сихъ поръ остатки варварскаго народа, о которомъ Геродотъ рассказываетъ, какъ о пигмеяхъ, мы не можемъ сказать, чтобы между общественнымъ состояніемъ и ростомъ существовало какое-либо прямое отношеніе. Между сѣверо-американскими Индѣйцами мы находимъ охотничьи племена несомнѣнно высокаго роста; между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ малорослыхъ охотничьи племена, вродѣ Бунменовъ. Точно также и изъ числа пастушескихъ племенъ нѣкоторыя малорослы, какъ напримѣръ Киргизы, другіе же отличаются хорошимъ ростомъ, какъ напримѣръ Каффы. Подобныя же различія находимъ мы и между племенами, ведущими земледѣльческій образъ жизни.

Тѣмъ неменѣе факты, разсматриваемые во всей ихъ совокупности, указываютъ на нѣкоторое среднее отношеніе между состояніемъ варварства и низкостью роста. Въ Сѣверной Америкѣ, Чинуки (Chinooks) и нѣкоторые сосѣднія съ ними племена описываются какъ малорослыя; а про Шошоновъ (Shoshones) рассказываютъ, что они отличаются „очень маленькимъ ростомъ“. Относительно Южной Америки утверждаютъ, что гвіанскіе Индѣйцы бываютъ по большей части гораздо ниже 5 футовъ и 5 дюймовъ; что Араукацы (Arawaks) достигаютъ среднимъ числомъ до 5 фут. 4 дюйм., а что Гуаранцы (Guaranis) рѣдко достигаютъ и 5 футовъ. Точно тоже мы видимъ и у нецивилизованныхъ народовъ сѣверной Азии. Палласъ причисляетъ Остяковъ къ малорослымъ племенамъ; про Киргизовъ пишетъ, что они достигаютъ среднимъ числомъ до 5 ф.

и 3 или 4 д.; наконецъ, мы читаемъ, что Камчадалы „отличаются вообще малымъ ростомъ“. Въ южной Азійи мы находимъ тоже самое. Одинъ достойный дѣлѣнія наблюдатель описываетъ Тамуліанцевъ (Tamilians), — этихъ первобытныхъ обитателей Индіи, — какъ людей меньшаго роста, чѣмъ Индусы. Другой наблюдатель, описывая горныя племена Индіи (Hill-tribes), говоритъ, что у Путтуасовъ (Puttooahs) „мужчины не превышаютъ 5 ф. и 2 д., а женщины 4 ф. 4 д.“ Еще другой наблюдатель принимаетъ средній ростъ для Лепчасовъ (Lerchas) въ 5 ф. А про Джуанговъ (Jûangs), — быть можетъ наиболѣе низкостоящее изъ всѣхъ этихъ племенъ, — говорятъ, что мужчины у нихъ менѣе 5 ф. ростомъ, а женщины менѣе 4 ф. и 8 д. Но это отношеніе между варварствомъ и малорослостью выступаетъ всего яснѣе при совокупленіи въ одну группу самыхъ низшихъ племенъ всего земнаго шара. Объ Огнеземельцахъ мы читаемъ, что нѣкоторыя племена ихъ не превосходятъ ростомъ 5 футовъ; объ Андаманезцахъ — что ростъ мужчинъ колеблется здѣсь между 4 ф. 10 д. и 5 ф.; о племени Ведда (Veddahs) — что ростъ измѣняется здѣсь отъ 4 ф. 1 д. до 5 ф. 3 д., обыкновенный же ростъ равняется 4 ф. 9 д.; средній ростъ Бушменовъ равняется, по словамъ наблюдателей, 4 ф. и 4¹/₂ д., причемъ, по показаніямъ Барро, средній ростъ мужчины есть 4 ф. 6 д., а средній ростъ женщины — 4 ф.; что же касается до родственнаго имъ племени Акка, недавно открытаго Швейнфуртомъ во внутренности Африки, то здѣсь ростъ мужчинъ колеблется отъ 4 ф. 1 д. до 4 ф. 10 д.; ихъ женщины, которыхъ Швейнфуртъ не видалъ, обладаютъ, вѣроятно, еще меньшимъ ростомъ.

Здѣсь у насъ естественно возникаетъ слѣдующій вопросъ: насколько малорослость есть первоначальное свойство низшихъ племенъ и насколько это есть свойство, выработанное въ нихъ неблагоприятными обиталищами, въ которыя они были загнаны высшими племенами? Очевидно, что поразительная малорослость Эскимосовъ и Лапландцевъ можетъ зависѣть, если не совсемъ, то хотя отчасти, отъ значительной фізіологической стоимости жизни, обусловленной тѣмъ суровымъ климатомъ, который они должны переносить — и что эта малорослость такъ же мало свидѣтельствуетъ о малорослости первобытныхъ людей, какъ малый ростъ извѣстныхъ пони Шотландскихъ острововъ нисколько не доказываетъ того, чтобы первобытныя лошади обладали маленькимъ ростомъ. Точно тоже можно сказать и о Бушменахъ, которые скитаются по странѣ „столь обнаженной, сухой и безводной, что наибольшая часть ея не можетъ служить постояннымъ обиталищемъ ни для какого класса человѣческихъ существъ“; и здѣсь можно предположить, что хроническія голоданія вызвали меньшую мѣру средняго роста. Очевидно, что болѣе слабыя всегда были вытѣсняемы болѣе сильными въ самыя худшія мѣстности; а потому всякое первоначальное раз-

лічце въ ростѣ и силѣ всегда должно было стремиться сдѣлаться все большимъ и большимъ. На основаніи этого приходится сказать, что малорослость этихъ наиболѣе низкостоящихъ людей можетъ быть или первоначальнымъ свойствомъ, или же она можетъ быть приобрѣтённымъ свойствомъ, или же, наконецъ, она можетъ быть свойствомъ отчасти первобытнаго, а отчасти приобрѣтённаго характера.

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ, я имѣю очень основательныя данныя, чтобы считать низкій ростъ явленіемъ, имѣющимъ, по всей вѣроятности, первобытный характеръ. Факты не даютъ ни малѣйшихъ основаній думать, чтобы Бушмены, Акка и другія родственныя имъ племена, находимыя во внутренней Африкѣ, были малорослыми разновидностями негритянской расы; скорѣе мы имѣемъ всѣ поводы думать, что они суть обломки нѣкотораго первобытнаго племени, которое было вытѣснено неграми изъ его первоначальныхъ владѣній. Это заключеніе, основанное на физическихъ различіяхъ между этими племенами и неграми, подтверждается также какъ общей его правдоподобностью, такъ и хорошо извѣстными аналогіями. Не останавливаясь слишкомъ долго на слухахъ о племени карликовъ, населяющемъ центральныя части Мадагаскара, и о другомъ такомъ же племени, населяющемъ внутренность Борнео, достаточно будетъ вспомнить здѣсь объ горныхъ племенахъ Индіи, представляющихъ остатки первобытныхъ обитателей, сбившіеся въ небольшіе острова посреди великаго потока Арійцевъ, наводнившего всю ихъ страну, или о племенахъ, находящихся далѣе къ востоку, которыя сбились въ подобные же островки посреди наводнившихъ ихъ страну Монголовъ, или о Мантрасахъ (Mantras) Малайскаго полуострова, — чтобы видѣть, что этотъ процессъ, — примѣръ котораго случился и въ доисторической Британіи, что видно изъ исчезновенія малорослыхъ людей, оставившихъ свои кости въ пещерахъ Денбишира, — имѣлъ, вѣроятно, мѣсто и въ Африкѣ, и что эти племена малорослыхъ людей суть остатки народа, бывшаго малорослымъ съ самаго начала, а не сдѣлавшагося такимъ вслѣдствіе наступленія неблагоприятныхъ условій.

Однако, можно привести другіе факты, которые показываютъ, что мы не имѣемъ основаній принимать, будто-бы первобытный человѣкъ былъ значительно ниже ростомъ человѣка развитаго типа. Такъ Австралійцы, которые и съ индивидуальной, и съ общественной стороны стоятъ на очень низкой ступени развитія, достигаютъ средняго роста; того же роста достигали и Тасманійцы, которые теперь уже вымерли. Точно также и кости исчезнувшихъ племенъ не доставляютъ вполне убѣдительныхъ доказательствъ того, чтобы доисторическій человѣкъ былъ среднимъ числомъ значительно ниже историческаго человѣка. Тѣмъ неменѣе, вполне признавая тотъ фактъ, что между не вполне цивилизованными расами, каковы Фиджійцы, Каффы, нѣкоторыя изъ негри

тинскихъ племенъ и пр., встрѣчаются люди очень хорошаго роста, я все-таки придерживаюсь мнѣнія весьма замѣчательнаго натуралиста и антрополога, утверждающаго, что низшія расы вообще не достигаютъ роста цивилизованныхъ расъ сѣверной Европы.

Вѣроятно, мы не особенно рискуемъ погрѣшнить въ нашихъ выводахъ, заключивъ по отношенію къ росту слѣдующее: въ прошедшія времена, какъ и въ настоящее время, по отношенію къ человѣческой расѣ, какъ и по отношенію къ другимъ животнымъ расамъ, ростъ представлялъ собою лишь одну изъ чертъ высшаго развитія, — черту, которая могла сосуществовать или не сосуществовать съ другими чертами; при-этомъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, ростъ опредѣляется мѣстными условіями, которыя въ одномъ мѣстѣ благопріятствуютъ сохраненію наиболѣе высокорослыхъ особей, а въ другомъ мѣстѣ, гдѣ высокій ростъ не приноситъ никакихъ выгодъ, ведутъ къ размноженію болѣе малорослой разновидности, относительно болѣе плодovitой. Но далѣе мы имѣемъ право заключить, что такъ какъ въ борьбѣ за существованіе между различными племенами превосходство въ ростѣ приноситъ извѣстныя выгоды, то въ человѣчествѣ должно было существовать стремленіе къ увеличенію роста, которое и сказывалось каждый разъ, когда это позволяли другія условія, и что средній первобытный человѣкъ былъ нѣсколько ниже ростомъ, чѣмъ средній цивилизованный человѣкъ.

§ 25. Переходя отъ роста къ тѣлосложенію, мы должны сказать, что и съ этой стороны различіе между первобытнымъ и цивилизованнымъ человѣкомъ не очень рѣзко. Оставляя безъ вниманія менѣе важныя отличительныя черты, представляемыя намъ нѣкоторыми изъ низшихъ человѣческихъ племенъ, какъ напримѣръ отклоненіе въ формѣ таза и существованіе плотной кости тамъ, гдѣ у цивилизованныхъ людей находятся лобныя пазухи, мы ограничимся только такими чертами, которыя имѣютъ здѣсь для насъ извѣстное значеніе.

Люди низшихъ типовъ повидимому отличаются вообще относительно-недостаточнымъ развитіемъ нижнихъ конечностей. Обстоятельство это настолько рѣзко замѣтно, что привлекло къ себѣ вниманіе путешественниковъ и было подмѣчено ими у многихъ неродственныхъ между собою племенъ, а потому мы, вѣроятно, не сдѣлаемъ ошибки, принявъ его за признакъ первобытнаго характера. Палласъ пишетъ, что у Остяковъ — „тонкія и слабыя ноги“. Я нашелъ двухъ писателей, упоминающихъ о „короткихъ ногахъ“ и о „тонкихъ, слабыхъ ногахъ“ Камчадаловъ. Стьюартъ, описывая горныя племена Индіи, говоритъ, что у племени Куки „ноги коротки, по сравненію съ длиною туловища, а руки длинны“. Тотъ же фактъ замѣченъ и по отношенію ко многимъ американскимъ племенамъ. Мы читаемъ о Чинукахъ, что у нихъ „маленькія, кривыя ноги“, о

Гуаранахъ—что у нихъ „руки и ноги относительно коротки и толсты“, и даже о гигантскихъ Патагонцахъ утверждаютъ, что „ихъ конечности далеко не такъ мускулисты и не такъ широко-костны, какъ можно было бы подумать, судя по ихъ вышинѣ и кажущимся размѣрамъ тѣла“. Та же истина имѣетъ мѣсто и въ Австраліи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда кости ногъ Австралійцевъ бываютъ равны по размѣру костямъ ногъ Европейцевъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ихъ ноги бываютъ менѣ развитыми со стороны массы заключенныхъ въ нихъ мускуловъ; нижняя часть тѣла Австраліица всегда представляетъ болѣе слабое сложеніе, чѣмъ верхняя. Хотя я не имѣю прямыхъ показаній по этому поводу относительно Огнеземельцевъ, однакоже, сопоставляя, съ одной стороны, ихъ малый ростъ, о которомъ разсказываютъ путешественники, и съ другой стороны то обстоятельство, что ихъ туловище, по описаніямъ тѣхъ же путешественниковъ, равняется по своимъ размѣрамъ туловищу у высшихъ расъ, мы должны заключить, что ихъ малорослость есть результатъ короткости ихъ ногъ. Наконецъ, описаніе племени Акка, доставленное намъ Швейнфуртомъ, показываетъ, что у людей этого племени нетолько „короткія, кривыя ноги“, но что у нихъ, несмотря на то, что они чрезвычайно подвижны (ихъ маленький ростъ служить къ ихъ выгодѣ при оцѣнкѣ относительной дѣятельности), способность къ передвиженію представляетъ значительные недостатки: „каждый дѣлаемый ими шагъ сопровождается какимъ-то ковыляньемъ“; такъ что, по словамъ Швейнфурта, одинъ изъ людей этого племени, жившій у него въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, никогда не могъ донести полного блюда, не расплескавъ его. Тѣ остатки вымершихъ расъ, на которые мы ссылались выше, также говорятъ, повидимому, въ пользу того, что первобытный человѣкъ отличался менѣ развитыми нижними конечностями, чѣмъ у насъ: „чрезвычайно неуклюжая и грубая fibula“, найденная въ Сетльской пещерѣ, такая же fibula, найденная въ Ментоне, равно какъ и платекнемическая tibia, имѣвшая когда-то столь обширное распространеніе, повидимому, согласно указываютъ на это. Признавая всѣ существующія тутъ различія и отступленія, мы имѣемъ однакоже полное право признать, что эта особенность,—относительно мало-развитыя ноги,—была достаточно рѣзко выражена у первобытнаго человѣка; въ тоже самое время эта особенность, имѣющая отдаленную связь съ тою же отличительною особенностью у обезьянъ, повторяется также и у дѣтей цивилизованнаго человѣка.

Что равновѣсіе между силою рукъ и ногъ, представлявшее вначалѣ наилучшее приспособленіе къ прежнимъ лазательнымъ привычкамъ, должно было, съ теченіемъ прогресса, постепенно измѣниться, — понятно само собою. При всякой борьбѣ между племенами, постоянно вторгавшимися въ мѣсто-

обитанія другъ друга, племена, обладавшія ногами, развитыми нѣсколько болѣе насчетъ остальнаго тѣла, должны были извлекать изъ этого обстоятельства извѣстную выгоду. Я разумѣю здѣсь главнымъ образомъ не ту выгоду, которая заключается въ быстротѣ и проворствѣ, а ту, которая обнаруживается при испытаніяхъ силы въ рукопашной схваткѣ. Во всякой схваткѣ, или дракѣ, сила, обнаруживаемая руками и туловищемъ, ограничена тою силою, съ которою ноги могутъ выдерживать оказываемое на нихъ давленіе. Вслѣдствіе этого, независимо отъ выгодъ со стороны перемѣщенія, племена, одаренныя болѣе сильными ногами, стремились сдѣлаться, при прочихъ равныхъ условіяхъ, племенами господствующими.

Переходя къ другимъ структурнымъ особенностямъ первобытнаго человѣка, заслуживающимъ упоминанія, мы найдемъ, что наиболѣе замѣтная изъ нихъ есть значительные размѣры челюстей и зубовъ. Это обстоятельство обнаруживается не только въ прогнатической формѣ, характеризующей различныя низшія расы, въ особенности же племя Акка, у котораго она является въ чрезвычайной степени, но оно обнаруживается также и у племень, представляющихъ другіе характеристическіе признаки: такъ даже древніе британскіе черепа имѣютъ относительно очень массивныя челюсти. Нетрудно видѣть, что эта особенность находится въ связи съ употребленіемъ грубой пищи,—пищи твердой, жесткой, и нерѣдко почти или совершенно сырой, а можетъ быть также и съ болѣе частымъ употребленіемъ зубовъ въ качествѣ орудій, подобно тому, какъ это мы видимъ и теперь у нашихъ мальчугановъ. Уменьшеніе отравленія повело за собой и уменьшеніе размѣровъ какъ челюстей, такъ и прикрѣпленныхъ къ нимъ мускуловъ. А отсюда явилось потомъ, какъ болѣе отдаленное послѣдствіе, и уменьшеніе тѣхъ костяныхъ дугъ (скуль), подъ которыми эти мускулы проходятъ, вслѣдствіе чего появилось добавочное отличіе въ очертаніи цивилизованнаго лица.

Эти измѣненія заслуживаютъ вниманія съ той стороны, что они представляютъ неопровержимый примѣръ того воздѣйствія, которое оказываетъ общественное развитіе, со всѣми приносимыми имъ житейскими приспособленіями, на строеніе общественной единицы. А разъ признавъ эти внѣшнія, ясно видимыя измѣненія, обязанныя своимъ происхожденіемъ этой причинѣ, мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ появленіи важныхъ внутреннихъ измѣненій, какъ на примѣръ измѣненій въ мозгу, возникающихъ подъ вліяніемъ этой же причины.

§ 26. Наконецъ, мы должны упомянуть еще объ одной структурной особенностяхъ первобытнаго человѣка,—особенности, которая находится въ непосредственной связи съ его физиологическими отличіями. Я говорю о размѣрѣ органовъ пищеваренія.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ свидѣтельствами очень недостаточнаго характера. Коль скоро увеличеніе размѣровъ желудка и кишекъ не производитъ ясно замѣтнаго измѣненія въ фигурѣ человѣка, то это обстоятельство имѣть всѣ шансы пройти незамѣченнымъ со стороны путешественниковъ; такъ какъ значительныя различія по внутренней ёмкости могутъ существовать и не привлекая къ себѣ вниманія въ качествѣ особенности. Тѣмъ неменѣе, мы имѣемъ кое-какія свидѣтельства, относящіяся къ этому обстоятельству. Гривъ описываетъ Камчадаловъ какъ людей, „съ отвислымъ животомъ, съ тонкими, слабыми ногами и руками“. О Бушменахъ Барро говоритъ, что у нихъ „животы торчатъ чрезвычайно сильно“. Швейнфуртъ говоритъ объ „огромномъ, вздутomъ животѣ и короткихъ, кривыхъ ногахъ“ племени Акка; а въ другомъ мѣстѣ, описывая тѣлосложеніе этого низко-стоящаго человѣческаго типа, онъ говоритъ: „верхняя часть грудной клѣтки плоска и сильно сжужена, но она расширяется книзу, для поддержанія громаднаго, висячаго живота“.

Косвенное доказательство того-же самаго мы находимъ въ формѣ живота у дѣтей какъ дикихъ, такъ и цивилизованныхъ народовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, относительно-большой животъ ребенка цивилизованнаго человѣка есть главнымъ образомъ черта эмбриональнаго характера. Но такъ какъ дѣти низшихъ расъ отличаются въ этомъ направленіи въ бѣльшей степени, чѣмъ наши, то это даетъ намъ косвенное основаніе думать, что менѣе развитый человѣкъ отличался такимъ образомъ отъ болѣе развитаго. Швейнфуртъ говоритъ, что дѣти африканскихъ Арабовъ похожи съ этой стороны на людей изъ племени Акка. Описывая племя Ведда, Теннантъ упоминаетъ о вздутыхъ животахъ ихъ дѣтей. Гальтонъ, упомянувъ, что дѣти у племени Дамара обладаютъ „всѣмъ страшно вздутыми животами“, выражаетъ вслѣдъ затѣмъ свое удивленіе по поводу того, что къ зрѣлости они получаютъ такія прекрасныя формы. А отъ доктора Гукера я знаю, что то же самое обстоятельство имѣетъ мѣсто во всемъ Бенгалѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, обладаніе относительно крупной пищеварительной системой есть характерная черта низшихъ расъ, могущая быть выведенной уже изъ ихъ громадныхъ способностей къ вмѣщенію въ себѣ и перевариванію пищи. Эта способность хорошо знакома намъ изъ рассказовъ путешественниковъ. Врангель говоритъ объ Якутахъ, что каждый изъ нихъ съѣдалъ въ сутки шестеро больше рыбы, чѣмъ могъ съѣсть онъ. Кохренъ рассказываетъ, что пятилѣтній ребенокъ Якутъ сожралъ въ его присутствіи три салныхъ свѣчи, нѣсколько фунтовъ прогорѣлаго, мерзлаго масла и большой кусокъ желтаго мыла; онъ прибавляетъ къ этому: „я не разъ видалъ Якутовъ и Тунгусовъ, пожиравшихъ по сорока фунтовъ мяса въ сутки“. О Команчахъ Скулькрафтъ говоритъ:

„послѣ долгаго воздержанія они ѣдятъ съ большою алчностью и обжорливостью, не терпя, повидимому, отъ этого никакихъ дурныхъ послѣдствій“. Томпсонъ замѣчаетъ, что у Бушменовъ „желудокъ обладаетъ тѣми же качествами, какъ и у хищныхъ животныхъ, какъ по отношенію къ обжорству и переполненію, такъ и по отношенію къ перенесенію голода“. Не менѣе ясны и тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ исторій, сообщаемыхъ капитаномъ Лайономъ объ обжорствѣ Эскимосовъ и сэрѣмъ Дж. Греемъ о прожорливости Австралійцевъ.

Простое размышленіе показываетъ, что эти особенности строенія представляютъ здѣсь настоящую необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, едвали возможно предположить, чтобы тотъ пищеварительный аппаратъ, который оказывается достаточно вмѣстительнымъ для цивилизованнаго человѣка, принимающаго пищу черезъ короткіе и правильные промежутки времени, оказался достаточно объемистымъ и для дикаря, трапезы котораго, то скудная, то изобильная, слѣдуютъ другъ за другомъ самымъ неправильнымъ образомъ, то очень скоро, то по истеченіи нѣсколькихъ дней. Для человѣка, существованіе котораго зависитъ вполне отъ случайностей охоты, будетъ выгодною способностью переваривать значительное количество пищи, когда оно можетъ быть добыто, чтобы вознаградить этимъ способомъ организмъ за тѣ промежутки времени, когда онъ почти погибаетъ отъ голода. Желудокъ, способный справиться лишь съ умереннымъ пріемомъ пищи, окажется невыгоднымъ для своего владѣльца, по сравненію съ желудкомъ, способнымъ справляться съ огромными пріемами пищи, способнымъ такъ сказать наѣдаться въ запасъ, въ видѣ вознагражденія за прежніе и будущіе утраченные обѣды.

Но не одна эта причина требуетъ здѣсь длинной и вмѣстительной пищеварительной системы, — того же самаго требуетъ здѣсь и низкое качество пищи. Дикіе плоды, орѣхи, ягоды, коренья, молодые отпрыски и пр., все это такіе сорта пищи, которые должны быть поѣдаемы въ большой массѣ для доставленія нужнаго запаса азотистыхъ веществъ, жировъ и углеводовъ; точно также и такая животная пища, какъ насекомыя, личинки, черви, гады и разные остатки отъ трапезъ другихъ животныхъ, поѣдаемая вслѣдствіе недостатка въ добычѣ болѣе крупныхъ размѣровъ, содержитъ въ себѣ много негодныхъ частей. И дѣйствительно, массивныя челюсти и стертые зубы дикаря сами показываютъ, какъ много неперевариваемаго вещества приходится здѣсь разжевывать и проглатывать. Вслѣдствіе этого, то обширное развитіе живота, которое мы видимъ у племени Акка и которое въ этомъ случаѣ по своей степени напоминаетъ намъ ту же черту у обезьянъ, можетъ быть рассматриваемо какъ свойство первобытнаго человѣка, т. е. какъ свойство, явившееся болѣе или менѣе необходимымъ образомъ вслѣдствіе первобытныхъ условій.

Указавъ лишь мимоходомъ на тѣ механическія невыгоды, которыя происходятъ отъ ношенія съ собою повсюду относительно большаго желудка и кишечъ, мы обратимъ главнымъ образомъ наше вниманіе на тѣ физиологическіе результаты, которые естественно сопровождаютъ такое устройство, приспособленное къ такимъ обстоятельствамъ. Въ тѣ времена, когда человѣку приходится переваривать чудовищную трапезу, сытость и переполненіе пищеварительнаго канала должны сопровождаться у него бездѣятельностью, инертностью, а въ тѣ времена, когда, вслѣдствіе недостатка въ пищѣ, всѣ жизненныя энергіи слабѣютъ, ни одна изъ нихъ не можетъ быть сбережена для какихъ бы то ни было дѣятельностей, за исключеніемъ тѣхъ, къ которымъ побуждаетъ человѣка голодъ. Ясно, что для постоянного прилежанія, для непрерывной дѣятельности требуется равномерный потокъ энергіи, а это предполагаетъ правильное питаніе. Неправильное питаніе, составившее участь первобытнаго человѣка, мѣшаетъ постоянству въ трудѣ, и такимъ образомъ мѣшаетъ еще и въ этой формѣ тѣмъ дѣятельностямъ, которыя требуются, чтобы вывести человѣка изъ его первобытнаго состоянія.

§ 27. Существуютъ факты, показывающіе, что, независимо отъ роста и даже независимо отъ мускульнаго развитія, нецивилизованный человѣкъ менѣе силенъ, чѣмъ цивилизованный. Первый не способенъ проявлять внезапно такое большое количество силы, какъ второй; точно также какъ онъ не способенъ продолжать трату силы въ теченіе такого продолжительнаго времени, какъ второй. Вотъ нѣсколько относящихся сюда свидѣтельствъ.

Перронъ говорилъ о Тасманцахъ, которые теперь уже не существуютъ, что хотя они и казались по наружности очень сильными, однакоже динамометръ показывалъ, что они ниже насъ по силѣ. Точно также и о родственной съ ними расѣ Папуанцевъ говорятъ, что они „хотя и хорошо сложены“, однакоже „стоятъ ниже насъ по своей мускульной силѣ“. Относительно первобытныхъ обитателей Индіи имѣющіеся у насъ свидѣтельства не вполне согласуются между собою. Масонъ утверждаетъ о Каренахъ, равно какъ и о другихъ горныхъ племенахъ, что ихъ сила быстро истощается, между тѣмъ какъ Стьюартъ описываетъ мальчиковъ изъ племени Куки „какъ очень выносливыхъ; быть можетъ эта аномалія объясняется, какъ мы сейчасъ увидимъ, тѣмъ фактомъ, что онъ не испытывалъ ихъ выносливости въ продолженіе нѣсколькихъ дней сряду. Описывая племя Дамара, Гальтонъ упоминаетъ о „громадномъ развитіи у нихъ мускульной системы“, но онъ тутъ же прибавляетъ: „однако я ни разу не находилъ между ними ни одного, который, при испытаніяхъ силы, оказался бы хотя сколько-нибудь подъ пару кому-либо изъ моихъ людей даже средней силы“. Андерсонъ дѣлаетъ такое же замѣчаніе. Гальтонъ замѣчаетъ далѣе: „въ длин-

ныхъ утомительныхъ путешествіяхъ дикари (изъ племени Дамара) быстро теряютъ силы и устаютъ, если только они не усвоили нѣкоторыхъ изъ нашихъ обычаевъ“. Тоже самое замѣчено и у Американскихъ племенъ. Кингъ нашелъ Эскимосовъ относительно слабосильными, а Бертонъ замѣчаетъ о дикаряхъ изъ племени Дакота, что они, „подобно всѣмъ дикарямъ, обнаруживаютъ недостатокъ тѣлесной силы“.

По всей вѣроятности, существуетъ двѣ причины этого различія между дикаремъ и цивилизованнымъ, а именно: относительно плохое питаніе и относительно меньшее развитіе нервной системы.

Припоминая, что лошадь, содержащая на подножномъ корму, увеличивается въ объемѣ, но теряетъ способность къ продолжительному упражненію, и что, для подготовленія ея къ охотѣ, ее ставятъ на болѣе питательный кормъ, причѣмъ она уменьшается въ объемѣ, но становится болѣе сильной,—мы поймемъ, что дикарь можетъ обладать очень объемистыми членами и быть въ тоже время сравнительно слабымъ, и что его слабость еще болѣе рѣзко выразится въ тѣхъ случаяхъ, когда его мускулы, питаемые кровью низкаго качества, будутъ, въ то же самое время, обладать сами незначительными размѣрами. Люди, воспитываемые для показыванія чудесъ силы и ловкости, даютъ намъ возможность убѣдиться, что цѣлые мѣсяца требуются для того, чтобы довести мускулы до ихъ наивысочайшей силы, какъ въ дѣлѣ мгновеннаго напряженія, такъ и въ дѣлѣ продолжительнаго упражненія. Откуда слѣдуетъ, что бѣдная по качеству и неправильно доставляемая пища должна повести къ недостатку силы, въ обихъ ея формахъ.

Другая причина, хотя и менѣе очевидная, не должна быть однакоже оставлена безъ вниманія. Въ Основаніяхъ Психологіи, гл. I, уже было показано, что количество развиваемой силы измѣряется скорѣе нервной системой, чѣмъ мускульной. Во всемъ животномъ царствѣ развитіе нервной системы, которая есть начало, иниціаторъ или породитель всякаго движенія, измѣняется соотвѣтственно отчасти количеству порождаемаго движенія, а отчасти сложности этого движенія. Припоминая тотъ неуспѣхъ въ мускульномъ усиліи, который слѣдуетъ за ослабленіемъ побудительныхъ къ нему чувствъ или за переходомъ желаній въ равнодушіе, и затѣмъ, наоборотъ, припоминая ту громадную силу, которую вызываетъ могущественная страсть,—силу, которая въ нѣкоторыхъ принадлежкахъ помѣшательства значительно превосходитъ ту, какую обнаруживаетъ здоровый человѣкъ подъ вліяніемъ обыкновеннаго возбужденія,—мы легко убѣдимся въ томъ, въ какой непосредственной зависимости отъ чувства находится мускульная сила. А убѣдившись въ этомъ, мы легко поймемъ, почему, при прочихъ равныхъ условіяхъ, дикарь, съ его

менѣе объемистымъ мозгомъ, порождающимъ менѣе чувства, не можетъ быть такимъ сильнымъ, какъ цивилизованный человѣкъ.

§ 28. Говоря о физиологическихъ особенностяхъ, отличающихъ человѣка въ его первобытномъ состояніи отъ человѣка въ его цивилизованномъ состояніи, мы, конечно, должны отнести сюда и относительную крѣпость или выносливость первобытнаго человѣка. Стоитъ для этого сравнить то потрясеніе всего организма, которымъ сопровождается рожденіе ребенка для цивилизованной женщины, съ тѣмъ ничтожнымъ органическимъ разстройствомъ, которое то же обстоятельство причиняетъ дикарѣ. Стоитъ лишь спросить себя, что случилось бы и съ матерью и съ ребенкомъ, при условіяхъ дикой жизни, еслибы они не обладали большей физической крѣпостью, болѣе сильнымъ закаломъ, чѣмъ тѣ, которыми обладаютъ цивилизованные мать и ребенокъ. Достаточно лишь поставить себѣ эти вопросы, чтобы и существованіе этой особенности, и ея необходимость сдѣлались сейчасъ же вполне очевидными.

Выживаніе приспособленнѣйшихъ всегда и неизбежно должно было стремиться къ произведенію и поддержанію такого тѣлосложенія, которое было бы способно къ перенесенію всѣхъ лишеній, суровостей, поврежденій и бѣдствій, сопровождающихъ необходимымъ образомъ жизнь, находящуюся въ полной зависимости отъ окружающихъ внѣшнихъ условій; ибо организациі недостаточно выносливыя должны были постоянно подвергаться разрушенію и гибели. Огнеземелецъ, спокойно позволяющій падающему, мокрому снѣгу таять медленно на его голомъ тѣлѣ, долженъ быть продуктомъ такого воспитанія, такой дисциплины, которая предварительно умертвила всѣхъ тѣхъ, кто не держался за жизнь съ чрезвычайною цѣнностью. Когда мы читаемъ о Якутахъ, которые, ради ихъ способности къ перенесенію холода, прозваны „желѣзными людьми“, что они иной разъ спятъ въ этой суровой странѣ „прямо подъ открытымъ небомъ, едва прикрытые кое-какой одежкой, подъ толстымъ слоемъ инея, осѣвшего на поверхности ихъ тѣла“, то мы можемъ вывести отсюда лишь одно заключеніе, а именно, что ихъ приспособленность къ суровости ихъ климата явилась какъ результатъ постоянного истребленія всѣхъ, кромѣ самыхъ выносливѣйшихъ. Тоже самое наблюдено и по отношенію къ другому разрушительному дѣятелю. Годжсонъ замѣчаетъ, что „способность дышать мalarіей (лихорадочными мiasмами), какъ обыкновеннымъ воздухомъ, безъ всякаго вреда для здоровья, характеризуетъ почти всѣхъ Тамуліанцевъ, этихъ первобытныхъ обитателей Индіи“; если мы припомнимъ еще къ этому способность негритянскихъ расъ жить въ заразныхъ областяхъ, то убѣдимся, что во многихъ мѣстахъ постепенно сложились органическая способность противостоять вреднымъ испареніямъ. Подобныя же вещи замѣчаются и по отношенію къ перенесенію тѣлесныхъ поврежде-

ній. Способность Австралійцевъ и многихъ другихъ изъ низшихъ расъ къ быстрому поправленію и выздоравливанію хорошо извѣстны всѣмъ, читавшимъ объ этихъ племенахъ. Они легко оправляются отъ такихъ ранъ, которыя быстро привели бы европейца къ роковому концу.

Ведетъ ли эта выгода къ какимъ-либо потерямъ въ какихъ-нибудь другихъ направленіяхъ, или нѣтъ, относительно этого мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ показаній. Извѣстно, что наиболѣе крѣпкія и выносливыя породы домашнихъ животныхъ бываютъ менѣе ростомъ, чѣмъ породы менѣе выносливыя; а потому весьма возможно, что организація, приспособленная къ чрезвычайнымъ испытаніямъ, приобретаетъ свое приспособленіе или насчетъ роста, или насчетъ энергіи. И дѣйствительно, въ высшей степени вѣроятно, что эта физиологическая выгода покупается цѣною нѣкоторой физиологической невыгоды, невыгоды, которой высшія расы избѣгли только вслѣдствіе того, что ихъ искусства дѣлаютъ ихъ способными отклонять отъ себя эти чрезвычайныя испытанія. Если же это такъ, то эта приспособленность къ первобытнымъ условіямъ должна была порождать нѣкоторое лишнее препятствіе къ установленію болѣе высокихъ условій развитія.

§ 29. Къ этой физиологической особенности должна быть прибавлена еще другая близко-родственная ей особенность физиологическаго характера. Рядомъ съ этой большей способностью къ перенесенію вредныхъ вліяній и разрушительныхъ дѣйствій существуетъ еще сравнительное равнодушіе къ непріятнымъ или мучительнымъ ощущеніямъ, причиняемымъ этими дѣйствіями; или, лучше сказать, вызываемыя ими ощущенія не имѣютъ столь остраго характера. Этотъ фактъ подтверждается множествомъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ достаточно будетъ и нѣсколькихъ. По словамъ Лихтенштейна, „самыя поразительныя перемены въ температурѣ воздуха, повидимому, не вызываютъ у Бушменовъ никакого ощущенія“. Гардинеръ говоритъ о племени Зулу, что они „настоящіе саламандры“, что они преспокойно поправляютъ голыми ногами горячіе прутья и погружаютъ руки въ кипящее содержимое котловъ, въ которыхъ варится пища. Объ Абинонахъ говорятъ, что они „чрезвычайно равнодушны къ суровостямъ ихъ климата“. Тоже самое замѣчается и по отношенію къ ощущеніямъ, вызываемымъ тѣлесными поврежденіями. Путешественники по самымъ различнымъ странамъ согласно выражаютъ свое изумленіе по поводу кажущагося равнодушія къ боли, обнаруживаемаго низшими расами. То спокойствіе, съ которымъ они переносятъ самыя серьезныя операціи, невольно заставляетъ насъ придти къ убѣжденію, что причиняемыя имъ страданія должны быть гораздо меньше тѣхъ, которыя были бы вызваны при этихъ условіяхъ у людей высшихъ типовъ.

Эта новая особенность первобытнаго человѣка могла бы быть выведена уже *à priori*. Въ самомъ дѣлѣ, боль или мученіе какого бы то ни было рода, вплоть

до простаго раздраженія, производимаго какимъ-нибудь неудобствомъ, причиняють физиологическую трату разрушительнаго порядка. Мы знаемъ, что за продолжительной агоніей слѣдуетъ истощеніе, которое для слабыхъ особей можетъ оказаться даже роковымъ, т. е. смертельнымъ; но не менѣе вѣренъ и тотъ фактъ, что и менѣе сильныя страданія, включая сюда и непріятныя ощущенія, причиняемыя холодомъ и голодомъ, также подкапываютъ, хотя и постепенно, жизненные энергіи и могутъ даже, при трудности сохраненія жизненнаго равновѣсія, совсѣмъ разрушить ихъ. Поэтому между первобытными племенами долженъ былъ постоянно имѣть мѣсто такой фактъ: особи, одаренныя наиболѣе рѣзкими ощущеніями, должны были, при перенесеніи разныхъ суровостей климата и обыденной жизни, а также страданій отъ ранъ, изнашиваться скорѣе, чѣмъ другія, и должны были погибать при такихъ условіяхъ, при которыхъ другія выживали. Тамъ, гдѣ всѣмъ приходилось переносить неизбѣжныя бѣдствія, наиболѣе безчувственные, загрубѣлые, такъ сказать оmozолившіеся должны были имѣть преимущество предъ другими, и, такимъ образомъ, относительная загрубѣлость и безчувственность должны были сдѣлаться, вслѣдствіе выживанія наиболѣе приспособленныхъ, органическими особенностями.

Эта физиологическая особенность первобытнаго человѣка не лишена для насъ извѣстнаго значенія. Такъ какъ непріятныя ощущенія какъ положительнаго, такъ и отрицательнаго характера, т. е. какъ тѣ страданія, которыя являются вслѣдствіе чрезмѣрнаго возбужденія нервовъ, такъ и то чувство неудовлетворенности, тѣ „алканія“, которыя идутъ отъ частей нервной системы, лишенныхъ ихъ нормальной дѣятельности, представляютъ собою во всѣхъ случаяхъ побудительные стимулы къ упражненію и дѣятельности, то изъ этого слѣдуетъ, что организація, отличающаяся сравнительной загрубѣлостью или безчувственностью, есть организація, менѣе легко побуждаемая къ дѣятельности. То самое физическое бѣдствіе, которое побудитъ сравнительно-чувствительнаго человѣка къ изобрѣтенію и выполненію какого-либо средства къ избѣжанію этого бѣдствія, оставитъ относительно-нечувствительнаго человѣка почти или совершенно равнодушнымъ и бездѣятельнымъ: онъ или подчинится пассивно бѣдствію, или удовольствуется первымъ появившимся средствомъ противъ него, не разбирая и не заботясь о малоприспособности этого средства.

Такъ что, въ самомъ началѣ, кромѣ многихъ положительныхъ препятствій къ прогрессу, существуетъ еще и отрицательное препятствіе къ нему, заключающееся въ меньшей интенсивности этихъ самопростѣйшихъ чувствъ, побуждающихъ къ усиліямъ и ведущихъ къ улучшеніямъ.

§ 30. Прежде чѣмъ суммировать всѣ эти физическія особенности первобытнаго человѣка, я долженъ еще назвать наиболѣе общую изъ нихъ, а именно —

болѣе раннее достиженіе зрѣлости. При прочих равныхъ условіяхъ, менѣе развитые типы организмовъ требуютъ менѣе времени для достиженія своихъ совершенныхъ формъ, чѣмъ болѣе развитые типы; и это различіе, ясное до очевидности между человѣкомъ и самыми низшими твореніями, замѣтно также и между различными разновидностями человѣка. Есть данныя, на основаніи которыхъ слѣдуетъ допустить, что это различіе связано съ различіемъ въ развитіи головного мозга. Та большая стоимость болѣе значительнаго головного мозга, которая задерживаетъ на такое долгое время человѣческую зрѣлость, сравнительно со зрѣlostью у млекопитающихъ вообще, задерживаетъ также и зрѣлость цивилизованнаго человѣка сравнительно со зрѣlostью дикаря. Впрочемъ, оставляя даже въ сторонѣ объясненіе причины явленія, мы имѣемъ тѣмъ неменѣе тотъ несомнѣнный фактъ, что (при одинаковости климата и другихъ условій) низшія расы достигаютъ половой зрѣлости ранѣе, чѣмъ высшія. Повсюду замѣчено, что женщины рано разцвѣтаютъ и рано увядаютъ; понятно, что соотвѣтственное отношеніе между наступленіемъ зрѣлости и увяданіемъ должно имѣть мѣсто и для мужчинъ. Это завершеніе роста и тѣлеснаго устройства въ болѣе краткій періодъ времени интересно для насъ какъ признакъ меньшей пластичности здѣсь природы, такъ какъ неподатливость, негибкость и неизмѣнность взрослой жизни ранѣе дѣлаютъ здѣсь затруднительными всякія новыя видоизмѣненія. Впослѣдствіи мы увидимъ, что эта особенность имѣетъ достойныя вниманія послѣдствія. А пока достаточно будетъ замѣтить, что она стремится увеличить собою число препятствій къ прогрессу, проистекающихъ изъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя были описаны нами до сихъ поръ и число которыхъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ изъ новаго перечисленія ихъ, уже достаточно велико.

Если первобытный человѣкъ былъ среднимъ числомъ ниже ростомъ, чѣмъ человѣкъ, котораго мы знаемъ нынѣ, то, въ продолженіе самыхъ раннихъ періодовъ, когда существовали только мелкія группы людей, способныя къ сотрудничеству лишь въ самой слабой степени и обладавшія лишь очень несовершеннымъ и неэффективнымъ оружіемъ, должно было существовать больше трудностей, чѣмъ впослѣдствіи, чтобы справляться съ крупными животными, какъ съ хищными, такъ и съ тѣми, что служили человѣку добычею. Менѣе совершенное развитіе нижнихъ конечностей, какъ со стороны размѣровъ, такъ и со стороны устройства, должно было также дѣлать первобытнаго человѣка менѣе способнымъ состязаться съ сильными и быстрыми животными, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы спастись отъ нихъ, такъ и въ тѣхъ, когда дѣло шло объ одолженіи ихъ. Кромѣ тѣхъ механическихъ неудобствъ, съ которыми была связана для первобытнаго человѣка его болѣе объемистая пищеварительная система, приспособленная къ неправильнымъ приемамъ пищи, по

большей части низкой по качеству, грубой, грязной и сырой, т. е. неизготовленной, онъ еще страдалъ отъ неправильной измѣнчивости притока нервной силы, общій запасъ которой былъ у него въ среднемъ выводѣ меньше того, который бываетъ результатомъ хорошаго, правильнаго питанія. Органическая безчувственность, сама по себѣ уже противная прогрессу, должна была, при ея существованіи съ отсутствіемъ постоянной энергіи, мѣшать еще въ большей степени всякой перемѣнѣ къ лучшему. Такъ что препятствія къ прогрессу, зависящія отъ физической организаціи, были тогда значительнѣе, чѣмъ впоследствии, и дѣйствовали по тремъ направленіямъ. Вопервыхъ, по своему устройству, человѣкъ не былъ такъ хорошо приспособленъ для борьбы съ представлявшими ему трудностями; во вторыхъ, энергія, требовавшаяся для преодоленія этихъ трудностей, была меньше по общему своему запасу и являлась неправильными порывами, и, наконецъ, въ третьихъ, онъ былъ менѣе чувствителенъ къ тѣмъ бѣдствіямъ, которыя ему приходилось переносить. Т. е. въ то время, когда среда была еще вполне свободна отъ пораженія ея человѣкомъ, онъ былъ наименѣе способенъ къ подчиненію ея себѣ и наименѣе заботился объ этомъ. Т. е. въ то время, когда сопротивленія прогрессу были самыми значительными, сила и побужденіе къ ихъ преодоленію были наименѣе значительны.

ГЛАВА VI.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. — ЧУВСТВА.

§ 31. Мѣриломъ развитія для живыхъ существъ должна считаться степень соотвѣтствія между измѣненіями, происходящими въ организмѣ, и сосуществованіями и послѣдовательностями, имѣющими мѣсто въ окружающей его средѣ. Въ Основаніяхъ Психологіи (§§ 139—176) было уже показано, что душевное развитіе есть „приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, расширяющееся постепенно въ пространствѣ и во времени и становящееся постепенно все болѣе и болѣе специальнымъ и сложнымъ, причемъ элементы его координируются другъ съ другомъ все болѣе и болѣе точнымъ образомъ и интегрируются между собою все болѣе и болѣе совершенно“. Хотя тамъ я развивалъ это положеніе главнѣйшимъ образомъ въ его приложеніи къ умственному прогрессу, тѣмъ неменѣе это же самое положеніе представляетъ собою въ точно такой же мѣрѣ и законъ эмоціональнаго прогресса. Чувства слагаются вначалѣ изъ простыхъ ощущеній, или скорѣе изъ идей о такихъ ощущеніяхъ; затѣмъ болѣе высокія чувства слагаются изъ болѣе низкихъ чувствъ; такимъ образомъ тутъ совершается процессъ прогрессивно-возрастающей интеграціи. По той же причинѣ здѣсь имѣетъ мѣсто и прогрессивное возрастаніе сложности, ибо каждый болѣе обширный сплоченный агрегатъ идеальныхъ ощущеній содержитъ болѣе многочисленныя и болѣе разнообразныя группы составныхъ элементовъ. Здѣсь существуетъ также и расширеніе соотвѣтствія въ пространствѣ, хотя оно и менѣе очевидно тутъ, въ области чувства, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, въ области ума; какъ на примѣръ такого расширенія соотвѣтствія въ пространствѣ въ области чувствъ, можно указать на различіе между чувствомъ собственности у дикаря, гдѣ оно распространяется лишь на немногіе вещественные предметы, находящіеся у него

подъ руками,—на оружіе, украшенія, пищу, мѣсто убѣжища и пр., и чувствомъ собственности у цивилизованнаго человѣка, владѣющаго землями въ Канадѣ, лаями въ австралійскихъ золотыхъ приискахъ, египетскими государственными бумагами и закладными листами Остѣ-Индской желѣзной дороги. Съ такимъ же правомъ можетъ быть утверждаемо для болѣе развитыхъ чувствъ и расширение соотвѣтствія во времени; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, какъ сильно удовлетворяется наше чувство обладанія такими дѣйствіями, плоды которыхъ могутъ быть пожаты только черезъ много лѣтъ; припомнимъ также, что мы способны ощущать удовольствіе даже вслѣдствіе чисто-идеальной власти надъ завѣщаемою нами собственностью, и что наше чувство справедливости ищетъ себѣ удовлетворенія даже въ такихъ реформахъ, всѣ выгоды которыхъ достанутся лишь грядущимъ поколѣніямъ.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ Основаній Психологіи (§§ 479—483) было показано, что болѣе специальнымъ мѣриломъ душевнаго развитія служитъ степень воспроизведенности (representativeness) нашихъ состояній сознанія. Классифицируя познаванія (cognitions) и чувствованія (ощущенія и чувства), мы расположили ихъ тамъ въ восходящемъ порядкѣ подъ слѣдующими рубриками: непосредственно-представляющіяся, представительно-воспроизведенныя, воспроизведенныя и пере-воспроизведенныя познаванія и чувствованія ¹⁾. Этотъ общій

---

¹⁾ Такая передача терминовъ подлинника удержана нами здѣсь ради соотвѣтствія съ передачею ихъ въ нашемъ переводѣ «Основаній Психологіи» того же автора, такъ какъ оба эти сочиненія составляютъ ничто иное, какъ различныя части одного и того же большаго труда — «Системы синтетической философіи». Можетъ быть будетъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, почему мы избрали именно эти выраженія для передачи терминовъ подлинника, и кстати представить краткое изложеніе той классификаціи, на которую ссылается авторъ въ текстѣ.

Всѣ элементы, изъ которыхъ слагается духъ, раздѣляются Спенсеромъ на чувствованія (Feelings), — куда относятся какъ простыя ощущенія (Sensations), такъ и собственно такъ-называемыя чувства (Emotions), вмѣстѣ съ ихъ самыми высокими представителями, Sentiments (высшими чувствами), — и отношенія между чувствованіями (Relations between Feelings), иначе называемыя имъ познаваніями (Cognitions). Затѣмъ, каждая изъ этихъ категорій подраздѣляется Спенсеромъ на вторичныя группы, основанныя на степени удаленности отъ непосредственнаго возбужденія извне, т. е. на степени самодѣятельности духа.

Чувствованія подраздѣляются на:

Presentative-Feelings, — непосредственно-представляющіяся чувствованія, обыкновенно называемыя ощущеніями. Это суть такія душевныя состоянія, при которыхъ человѣкъ разсматриваетъ извѣстное тѣлес-

порядокъ имѣлъ основаніемъ необходимость, такъ какъ непосредственное представленіе должно предшествовать воспроизведенію, а воспроизведеніе должно предшествовать перевоспроизведенію. Тамъ же было показано также и то, что это болѣе специальное мѣрило гармонируетъ съ предшествующимъ, болѣе общимъ мѣриломъ, такъ какъ возрастаніе воспроизведенности состояній сознанія обна-

ное впечатлѣніе не какъ впечатлѣніе того или другаго рода и не какъ локализованное тутъ или тамъ, а просто лишь какъ пріятное или непріятное. Примѣръ: ощущеніе пріятнаго запаха.

Presentative-representative Feelings, — представительно-воспроизведенныя чувствованія, къ которымъ относится большинство обыкновенныхъ душевныхъ волненій, или эмоцій. Это такія душевныя состоянія, при которыхъ извѣстное ощущеніе или группа ощущеній возбуждаетъ въ человѣкѣ обширную совокупность воспроизведенныхъ въ мысли ощущеній, связывавшихся въ предыдущей индивидуальной опытности этого человѣка, или въ опытности всего человѣческаго рода, или въ опытности еще болѣе отдаленныхъ организмовъ-предковъ, съ непосредственно-представляющимся въ эту минуту ощущеніемъ или ощущеніями. Примѣръ: чувство страха при видѣ чего-нибудь ужаснаго.

Representative Feelings — воспроизведенныя чувствованія. Сюда относятся воспоминанія или идеи объ ощущеніяхъ и чувствахъ первыхъ двухъ категорій. Примѣръ: чувства, пробуждаемыя въ человѣкѣ чтеніемъ какого-либо описательнаго литературнаго произведенія.

Re-representative Feelings — перевоспроизведенныя чувствованія. Сюда относятся очень сложныя чувства, составляющія не столько прямой результатъ вѣншихъ возбужденій, сколько косвенный или рефлексивный результатъ ихъ. Примѣръ: любовь къ собственности. Она возбуждается не присутствіемъ какого-либо даннаго предмета, но всѣми предметами, могущими быть объектами обладанія. Каждое такое сложное чувство составляется изъ множества болѣе простыхъ воспроизведенныхъ чувствъ, а наиболѣе сложныя изъ нихъ составляются изъ такихъ чувствъ, которыя сами вполне или почти вполне могутъ быть названы перевоспроизведенными. Таково, на примѣръ, чувство справедливости.

Познаванія, въ свою очередь, подраздѣляются на:

Presentative Cognitions — непосредственно-представляющіяся познаванія, т. е. такія, въ которыхъ сознаніе занято локализацией полученнаго впечатлѣнія, или установленіемъ отношенія между этимъ представляющимся ощущеніемъ и другими представляющимися ощущеніями, составляющими собою сознаніе о пораженной впечатлѣніемъ части тѣла, — какъ на примѣръ, при уколѣ пальца.

Representative-representative Cognitions, — представительно-воспроизведенныя познаванія, т. е. такія, въ которыхъ сознаніе занято установленіемъ отношенія между представляющимся ощущеніемъ

руживается болѣе обширными интеграціями идей, болѣею опредѣленностью и ясностью, съ которыми онѣ воспроизводятся сознаниемъ, болѣею сложностью интегрированныхъ группъ и болѣею разнородностью между составляющими ихъ элементами; а здѣсь мы можемъ прибавить еще къ этому, что болѣшая воспроизведенность обнаруживается также и въ томъ, что воспроизведенія распростра-

или ощущеніями и нѣкоторыми другими воспроизведенными ощущеніями, которыя обыкновенно связывались съ предыдущими въ нашей опытности. Это то, что называется обыкновенно воспріятіемъ. Примѣръ: когда видимая форма и цвѣтъ апельсина заставляютъ меня одарить его и другими его качествами: сочностью, сладостью, упругой мягкостью и пр.

Representative Cognitions, — воспроизведенныя познаванія, или тѣ, въ которыхъ сознание занято отношеніями между идеями, или воспроизведенными ощущеніями. Таковы всѣ акты воспоминанія.

Re-representative Cognitions, — перевоспроизведенныя познаванія, или тѣ, въ которыхъ сознание занято не воспроизведеніемъ специальныхъ отношеній, уже представлявшихъ ранѣе сознанию извѣстнѣе, а такимъ общимъ отношеніемъ, въ которое эти специальные отношенія входятъ лишь въ качествѣ составныхъ его элементовъ. Таковы всѣ акты отвлеченія и обобщенія. Получающіяся здѣсь идеи не суть воспроизведенія дѣйствительныхъ опытовъ, но суть символы, замѣняющіе собою цѣлыя группы такихъ дѣйствительныхъ опытовъ, т. е. суть воспроизведенія цѣлыхъ группъ воспроизведеній.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что ни между этими подраздѣленіями, ни между двумя основными группами не можетъ быть проведено никакой рѣзкой границы.

Очевидно, что, придерживаясь самой близкой передачи этихъ терминовъ, произведенныхъ отъ глаголовъ *to present* (представлять кому что) и *to represent* (представлять себѣ, воображать, воспроизводить въ мысли), слѣдовало бы перевести *representative* — представляющіяся (извѣстнѣе; т. е. доставляемая духу виѣшнимъ міромъ путемъ непосредственного возбужденія), а *re-representative* — представляемая себѣ (въ мысли). Но, не говоря уже о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя являются тутъ для свободнаго теченія рѣчи, вслѣдствіе невозможности передачи болѣею части производныхъ отъ этихъ терминовъ однимъ словомъ и вслѣдствіе возникающей отсюда необходимости прибѣгать къ описательнымъ оборотамъ, такое ежеминутное употребленіе въ различномъ смыслѣ многочисленныхъ производныхъ отъ одного и того же глагола представлять повело бы къ безпрерывному смѣшенію понятій, къ трудности разумѣнія, и потребовало бы отъ читателя слишкомъ напряженнаго вниманія. Итакъ, пришлось избрать для передачи термина *representative* и его производныхъ какое-нибудь другое слово. Мы не хотѣли перевести его словомъ *воображаемый*, потому что съ этимъ словомъ соединяется обыкновенно въ раз-

няются постепенно на все большія и большія разстоянія въ пространствѣ и времени.

Есть еще одно мѣрило, которое можетъ быть употреблено съ пользою, совмѣстно съ двумя предыдущими. Въ Основаніяхъ Психологіи, § 253, мы видѣли, что:

«Душевное развитіе, какъ умственное такъ и эмоціональное, можетъ быть измѣряемо степенью отдаленности отъ первичнаго рефлексивнаго дѣйствія. Образованіе быстрыхъ и непоколебимыхъ заключеній на основаніи самыхъ ничтожныхъ данныхъ менѣе далеко отъ рефлексивнаго дѣйствія, чѣмъ образованіе обдуманно-разсудительныхъ и поддающихся измѣненіямъ заключеній послѣ накопленія многочисленныхъ данныхъ. Подобнымъ же образомъ, и быстрый переходъ отъ извѣстныхъ простыхъ чувствъ къ нѣкоторымъ особеннымъ родамъ поступковъ, къ которымъ они побуждаютъ насъ, менѣе далекъ отъ рефлексивнаго дѣйствія, чѣмъ сравнительно-нерѣшительный переходъ отъ сложныхъ чувствъ къ извѣстнымъ родамъ поступковъ, опредѣляемымъ совокупнымъ побужденіемъ со стороны всѣхъ болѣе простыхъ чувствъ, составляющихъ данное сложное чувство».

Итакъ, вотъ тѣ мѣрила, или критеріи, которыми мы должны руководствоваться при изученіи человѣка съ его эмоціональной стороны. Разсматривая первобытнаго человѣка какъ существо менѣе развитое, чѣмъ современный человѣкъ, мы должны ожидать напередъ, что найдемъ у него сравнительный недостатокъ тѣхъ наиболѣе сложныхъ чувствъ, которыя соотвѣтствуютъ многочисленнымъ и отдаленнымъ вѣроятностямъ и случайностямъ. Его сознаніе отличается отъ сознанія цивилизованнаго человѣка тѣмъ, что оно состоитъ въ гораздо большей степени, чѣмъ тамъ, изъ ощущеній и простыхъ воспроизведенныхъ чувствованій, прямо связанныхъ съ этими ощущеніями, и въ тоже время содержитъ гораздо менѣе чувствованій (и притомъ болѣе слабыхъ со стороны ихъ интенсивности), требующихъ воспроизведенія послѣдовательностей, выходящихъ изъ той области, гдѣ явленія слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ. Вслѣдъ за тѣмъ мы должны ожидать, что это относительно-простое эмоціональное сознаніе будетъ отличаться далѣе меньшей степенью той связности и непрерывности, которыя явля-

говорномъ языкѣ представленіе о чемъ-то несуществующемъ въ дѣйствительности, не только въ данную минуту, но и вообще, что далеко не подходитъ къ данному случаю и что опять-таки повело бы къ путаницѣ понятій. Поэтому мы остановились на словѣ воспроизведенный (въ мысли). Правда, что и со словомъ воспроизведеніе связаны нѣкоторыя неподходящія соозначенія (порожденіе, размноженіе); но эти соозначенія такъ далеки отъ излагаемаго предмета, что не могли, по нашему мнѣнію, повредить ясности пониманія.

Прим. переводчика.

ются результатомъ того, когда побужденія прямыхъ желаній сдерживаются чувствами, соответствующими отдаленнымъ, заключительнымъ цѣлямъ; а также большей степенью той неправильности, которая проистекаетъ тогда, когда каждое желаніе переходитъ въ дѣйствіе тотчасъ же, какъ оно является, прежде чѣмъ имѣли время пробудиться желанія противоположнаго свойства.

§ 32. Переходя отъ этихъ дедукцій къ изслѣдованію фактовъ, съ цѣлью полученія индуктивныхъ заключеній, мы встрѣчаемся съ такими же трудностями, на которыя уже натолкнулись въ предыдущей главѣ. Мы видѣли тамъ, что, по отношенію къ росту и тѣлосложенію, низшія расы достаточно различаются между собою, чтобы произвести нѣкоторую неопредѣленность въ нашемъ представленіи о первобытномъ человѣкѣ, разсматриваемомъ со стороны физической; точно также и здѣсь мы найдемъ, что, по отношенію къ страстямъ и чувствамъ, низшія расы представляютъ много различій одна отъ другой, — различій, затемняющихъ существенныя черты первобытнаго человѣка, разсматриваемаго со стороны эмоциональной.

Но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предыдущемъ, это затрудненіе могло быть предусмотрено заранѣе. Распространеніе человѣческой расы во всѣ прошедшія эпохи по многочисленнымъ, чрезвычайно отличнымъ другъ отъ друга мѣстообитаніямъ должно было породить чрезвычайно отличные другъ отъ друга образы жизни, которые, въ свою очередь, необходимо должны были сопровождаться соответственными обособленіями какъ въ физической, такъ и въ эмоциональной области. При этомъ, кромѣ тѣхъ различій въ характерѣ, которыя дифференцировались постепенно подъ непосредственнымъ вліяніемъ окружающихъ естественныхъ условій и вызванныхъ ими житейскихъ привычекъ, у низшихъ разновидностей человѣка должны были являться еще и другія различія, обусловленные различіями въ степени и продолжительности той общественной дисциплины, которой были подвержены тѣ или другія разновидности. Говоря о несходствахъ этого рода, Уэллсъ замѣчаетъ, что „между отдѣльными расами дикарей существуетъ въ дѣйствительности почти столь же сильное различіе, какъ и между расами цивилизованныхъ народовъ“.

Итакъ, чтобы составить себѣ представленіе о первобытномъ человѣкѣ, т. е. о такомъ человѣкѣ, какимъ онъ былъ тогда, когда только-что начиналось общественное сплоченіе, мы должны обобщить, поскольку это окажется возможнымъ, всѣ тѣ запутанныя и отчасти противорѣчащія другъ другу свидѣтельства, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи; при-этомъ мы должны обращать главнѣйшее вниманіе на тѣ черты, которыя оказываются общими самымъ низшимъ расамъ, и затѣмъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, искать посильнаго руководства въ только-что изложенныхъ выше апіористическихъ заключеніяхъ.

§ 33. На основаніи всего, изложеннаго въ § 31, слѣдовало бы ожидать, что импульсивность, т. е. неудержимое слѣдованіе первому явившемуся побужденію, окажется всеобщей отличительной чертой для низшихъ расъ; однакоже эта черта не обнаруживается повсюду въ достаточно замѣтной степени. Разсматриваемые во всей своей совокупности, туземцы Новаго Свѣта кажутся безстрастными по сравненію съ туземцами Стараго Свѣта; нѣкоторые же изъ нихъ превосходятъ даже цивилизованные народы Европы въ способности управлять своими душевными движеніями. Большинство изъ насъ знакомо изъ романовъ и повѣстей съ этою чертою у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ; рассказы новѣйшихъ путешественниковъ также подтверждаютъ то, что было сообщено объ этомъ прежними наблюдателями. Про Дакотовъ рассказываютъ, что они терпѣливо переносятъ и тѣлесныя и нравственныя страданія. Крики (индѣйское племя) обнаруживаютъ „флегматическую холодность и равнодушіе“. Тоже самое наблюдается и у туземцевъ Южной Америки. По словамъ Бѣрнанда, гвинейскіе индѣйцы, хотя и „обладающіе сильными привязанностями, теряютъ самыхъ любимыхъ родственниковъ и вытерпѣваютъ самыя мучительныя боли съ видомъ стоической безчувственности“; а Гумбольдтъ тоже говоритъ объ ихъ „покорности испытаніямъ“. Тоже можно сказать и объ Уопахъ (Uaptes), по поводу которыхъ Уэллесъ говоритъ объ „апатіи индѣйца, который не выражаетъ почти никакого огорченія при разлукѣ и никакого удовольствія при новой встрѣчѣ“. Повидимому, эта черта характера имѣла широкое распространеніе на американскомъ континентѣ; по крайней мѣрѣ она проглядываетъ изъ всѣхъ описаній древнихъ мексиканцевъ, перувіанцевъ и народовъ Центральной Америки, которые всѣ, судя по этимъ описаніямъ, не отличались импульсивностью.

Тѣмъ неменѣе, и между этими расами мы находимъ черты противоположнаго свойства, болѣе согласныя съ отличительными чертами нецивилизованныхъ расъ вообще. Несмотря на свои обычныя безстрастныя манеры, Дакоты приходятъ въ страшное состояніе самаго кровожаднаго бѣшенства при охотѣ на буйволовъ, особенно при ихъ закалываніи; а между флегматическими Криками „очень нерѣдки случаи самоубійства изъ-за самыхъ пустячныхъ огорченій“. Впрочемъ, нѣкоторые изъ туземцевъ Америки не обнаруживаютъ той апатіи, о которой говорено выше; таковы, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ, индѣйцы изъ племени Эмѣи, про которыхъ говорятъ, что они „чистые дѣти, раздражающіеся пустяками и радующіеся такимъ же пустякамъ“; таково же, въ Южной Америкѣ, племя Тупи (Tupis), по поводу котораго мы читаемъ: „ударившись ногою о камень, дикарь приходитъ въ бѣшенство противъ этого камня и принимается кусать его, точно собака“.

Недостатокъ импульсивности, существующій у американскихъ племенъ, происходитъ, можетъ быть, отъ ихъ органической

ской инертности. И между нами есть люди, отличающіеся обычнымъ равнодушіемъ, происходящимъ отъ недостатка въ нихъ жизненности: такъ какъ эти люди могутъ назваться лишь полу-живыми, то чувства, возбуждаемыя въ нихъ раздраженіями, обладаютъ меншею интенсивностью, чѣмъ у обыкновенныхъ людей. А что апатія, обусловленная этою причиною, можетъ служить объясненіемъ для занимающей насъ особенности, то косвенное подтвержденіе этому слѣдуетъ, повидимому, изъ разсказовъ о холодности половыхъ отношеній въ Южной Америкѣ.

Ничуть не отрицая той аномаліи, которая можетъ заключаться въ этихъ фактахъ, мы находимъ зато во всемъ остальномъ мірѣ полное согласіе фактовъ и между собою и съ изложенными выше апіористическими заключеніями. Переходя изъ Сѣверной Америки въ Азію, мы встрѣчаемся съ Камчадалами, про которыхъ читаемъ, что они отличаются „чрезвычайной возбудимостью, чтобы не сказать (про мужчинъ) истеричностью. Самая бездѣлица приводитъ ихъ въ бѣшенство или доводитъ до самоубійства“; затѣмъ мы приходимъ къ Киргизамъ, про которыхъ говорятъ, что они „непостоянны и ненадежны“. Обращаясь къ южнымъ азіатцамъ, мы находимъ тутъ показаніе Бёртона, утверждающаго про Бедуина, что его доблесть „капризна и ненадежна“. Денгамъ замѣчаетъ объ Арабахъ, что „самый обыкновенный разговоръ у нихъ кажется со стороны споромъ и ссоромъ“; а Пальгревъ говорить, что „они готовы торговаться пол-дня сряду изъ-за какого-нибудь пенни и, въ тоже время, готовы бросить нѣсколько фунтовъ стерлинговъ первому, кто у нихъ попроситъ“. У африканскихъ племенъ мы встрѣчаемъ тѣ же черты. Капитанъ Бёртонъ, разсказывая объ обитателѣ восточной Африки, говоритъ: „подобно всѣмъ другимъ варварамъ, онъ представляетъ странную смѣсь добра и зла“. Онъ описываетъ его такъ:

«Онъ въ одно и тоже время добродушенъ и жестокосердъ, взбалмошенъ и остороженъ; добрый въ настоящую минуту, онъ въ слѣдующую становится жестокимъ, безжалостнымъ и склоннымъ къ насилию; онъ общителенъ и непривязчивъ, суевѣренъ и грубо неуважителенъ къ своей святынѣ, храбръ и трусливъ, рабодѣпенъ и деспотиченъ, упрямъ, но перемѣнчивъ и непостояненъ; имѣетъ свой *point d'honneur*, но не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ честности ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ; страстно любитъ жизнь и, въ тоже время, наклоненъ къ самоубійству; жаденъ и бережливъ, но безпеченъ и непредусмотрителенъ».

За исключеніемъ Бечуановъ, у которыхъ, по словамъ наблюдателей, имѣется даже характеръ и самообладаніе, все сказанное въ этомъ отрывкѣ справедливо и по отношенію къ племенамъ, живущимъ далѣе къ югу. Такъ въ Дамарѣ, по словамъ Гальтона, чувство мести очень скоропроходяще и быстро „уступаетъ мѣсто чувству благоговѣйнаго почтенія къ притѣснителю“. Бёрчелль говоритъ о

Готтентотахъ, что они переходятъ отъ крайней лѣни къ крайней ревности къ труду. Арбрессъ, говоря объ эмоциональной сторонѣ Бушмена, описываетъ его какъ очень подвижнаго, великодушнаго, упрямаго и мстительнаго; шумныя ссоры составляютъ, по его словамъ, ежедневное явленіе между Бушменами: „отецъ и сынъ готовы покушаться на жизнь одинъ другаго“. Переходя къ маленькимъ человѣческимъ обществамъ, разбросаннымъ по островамъ Восточнаго Архипелага, мы находимъ, что тѣ изъ нихъ, которые составлены изъ Малайцевъ, а также и тѣ, въ которыхъ малайская кровь преобладаетъ, не обнаруживаютъ этой черты. Про Малагазцевъ говорятъ, что у нихъ „страсти никогда не вспыхиваютъ съ особенной стремительностью и силою“; они не сразу чувствуютъ всю силу обиды, но съ любовью лелѣютъ мысль о мщеніи; а чистыхъ Малайцевъ описываютъ какъ несклонныхъ къ наружному проявленію своихъ чувствъ. Но остальные племена отличаются обыною дикарямъ переменчивостью. Между Негритосами, Папуасы „пылки, раздражительны и шумны“; у Фиджійцевъ „чувства возбуждаются очень легко, но не надолго“, и они отличаются „чрезвычайной переменчивостью въ расположеніи духа“; Андаманезцы „всѣ ужасно страстны и мстительны“; а о Тасманійцахъ наблюдавшіе ихъ говорили, что „подобно всѣмъ дикарямъ, они быстро переходятъ отъ смѣха къ слезамъ“. Тоже самое можно сказать и о другихъ низшихъ расахъ: тутъ мы имѣемъ Огнеземельцевъ, которые обладаютъ „пылкимъ темпераментомъ“ и бесѣды которыхъ отличаются „шумностью и чрезвычайнымъ одушевленіемъ“; тутъ мы имѣемъ также Австралійцевъ, импульсивность которыхъ видна изъ словъ Стурта, замѣчающаго, что „сердитый австралійскій jip хуже европейской крикливой ссоры“; онъ же рассказываетъ, что одинъ туземецъ, „замѣчательный по своему высокому рѣю и сдержанности, долго плакалъ навзрыдь, когда у него взяли его племянника“. Принимая въ соображеніе, что то отсутствіе импульсивности, которое обнаруживается Малайцами, имѣетъ мѣсто у расы, достигшей довольно значительной степени цивилизаціи, и что низшія расы, каковы Андаманезцы, Тасманійцы, Огнеземельцы, Австралійцы, обнаруживаютъ импульсивность очень рѣшительнымъ образомъ, мы можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что импульсивность была характеристическою чертою первобытнаго человѣка, чертою, которою онъ, вѣроятно, обладалъ въ еще большей степени, чѣмъ та, которая можетъ быть выведена изъ вышеприведенныхъ цитатъ. Чтобы лучше представить себѣ, на что походить характеръ древнѣйшаго человѣка, прочтемъ слѣдующее живое описаніе Бушмена. Разсказавъ о его обезьяно-подобной наружности, Лихтенштейнъ продолжаетъ:

„Такое сравненіе еще болѣе оправдывалось живостью его глазъ и подвижностью его бровей, которыя онъ то поднималъ вверхъ, то опускалъ книзу, при каждомъ измѣненіи выраженія лица. Даже его ноздри и

углы рта, даже самыя яго ўшы находіліся въ постоянномъ непроизвольномъ движеніи, выражавшемъ совершавшіеся въ немъ быстрые переходы отъ жаднаго желанія къ подозрительному недовѣрію... Когда ему дали кусокъ мяса, онъ полу-приподнялся, недовѣрчиво протянулъ за нимъ руку, затѣмъ быстро схватилъ его и сію же минуту сунулъ въ огонь, поглядывая вокругъ себя своими маленькими острыми глазами, какъ-будто опасаясь, чтобы кто-нибудь не отнялъ его назадъ. И все это продѣлывалось съ такими взглядами и жестами, что всякій готовъ былъ поклясться, что онъ позаимствовалъ ихъ цѣлкомъ у обезьяны».

Дальнѣйшее, хотя и косвенное, доказательство того, что первоначальная природа челоѣка отличалась отъ позднѣйшей его природы именно этою чрезвычайною эмоціональною переменчивостію, представляетъ намъ тотъ контрастъ между ребенкомъ и челоѣкомъ, который мы находимъ въ нашемъ собственномъ обществѣ. Ибо, на основаніи гипотезы развитія, цивилизованный челоѣкъ проходитъ въ дѣтствѣ чрезъ рядъ фазъ, представляющихъ собою тѣ фазы, чрезъ которыя прошла челоѣческая раса, а потому, въ раннемъ возрастѣ своей жизни, онъ долженъ обнаруживать ту импульсивность, которая составляла характеристическую черту первобытной расы. Такимъ образомъ оказывается, что общераспространенная поговорка, что у дикаря умъ ребенка, а страсти взрослого челоѣка (или, правильнѣе говоря, у него страсти взрослого, но только обнаруживающіяся по-дѣтски), обладаетъ болѣе глубокимъ смысломъ, нежели это можетъ показаться сначала. Между природою дикаря и природою ребенка существуетъ несомнѣнное генетическое сродство, такъ что, признавая вполнѣ качественныя и количественныя различія между чувствами въ этихъ двухъ отдѣльных случаяхъ, мы тѣмъ неменѣе можемъ смотрѣть на координацію чувствъ у ребенка, какъ на вѣрное воспроизведеніе координаціи ихъ у первобытнаго челоѣка.

§ 34. Болѣе спеціальныя эмоціональныя особенности первобытнаго челоѣка зависятъ въ значительной степени отъ этой общей характеристической для него черты и представляютъ лишь дальнѣйшее ея развитіе. Эта относительная импульсивность, эта относительно-малая удаленность отъ первичнаго рефлексивнаго дѣйствія, этотъ недостатокъ сложныхъ пере-воспроизведенныхъ чувствъ, сдерживающихъ дѣятельность болѣе простыхъ чувствъ, сопровождаются необходимо относительной непредусмотрительностію.

Австралійцевъ описываютъ какъ „неспособныхъ къ сколько-нибудь настойчивому труду, коль скоро вознагражденіе за этотъ трудъ можетъ быть получено только въ будущемъ“. По словамъ Кольбена, „Готтентоты—самый лѣнивый народъ на свѣтѣ“; а про Бушменовъ намъ говорятъ, что у нихъ „всегда либо ниръ, либо голодъ“. Переходя къ туземцамъ Индіи, мы слышимъ о Тодасахъ, что они „безпечны и лѣны“; о Билахъ—что они „презираютъ и ненавидятъ трудъ“, и

что они готовы скорѣе почти пропадать съ голоду, чѣмъ работать; между тѣмъ какъ о Сантолахъ мы читаемъ, что они не имѣютъ „непреодолимой лѣности настоящихъ древнихъ горныхъ племенъ“. Обращаясь къ сѣверной Азіи, мы находимъ, что Киргизы могутъ быть взяты за образецъ лѣности; а въ Америкѣ мы видимъ тотъ фактъ, что ни одинъ изъ туземныхъ народовъ не выказываетъ склонности къ промышленности, не будучи принужденъ къ тому внѣшнимъ насиліемъ. На сѣверѣ, Индѣйцы, оторванные отъ охотничьей жизни и не способные ни къ чему другому, гибнуть и исчезаютъ; на югѣ, нѣкоторые племена, дисциплинированныя поселившимися между ними іезуитами, снова впади въ первоначальное состояніе, или даже въ еще худшее, какъ только постороннія вліянія, побуждавшія ихъ къ однимъ поступкамъ и удерживавшія отъ другихъ, прекратили свое дѣйствіе. Всѣ эти факты должны быть приписаны въ значительной своей части недостаточно-развитому сознанию о будущемъ, слабому представленію себѣ отдаленныхъ результатовъ. Тамъ, гдѣ мы находимъ значительную промышленность, какъ напримѣръ у Сандвичанъ и во многихъ малайско-полинезийскихъ обществахъ, это обстоятельство является всегда совмѣстно съ такимъ общественнымъ состояніемъ, которое указываетъ на существованіе здѣсь общественной дисциплины, восходящей къ очень отдаленному прошедшему, т. е. на такія условія, которыя вызвали значительное отклоненіе отъ первобытнаго состоянія и связаннаго съ нимъ первобытнаго характера. Правда, настойчивость въ трудѣ, съ цѣлью полученія нѣкоторой отдаленной выгоды, встрѣчается и у дикарей. Они тратятъ много времени и труда на изготовленіе оружія и т. п.; они употребляютъ иной разъ полгода на изготовленіе полудюжины стрѣлъ, годъ на выдолбку какой-нибудь чаши и нѣсколько лѣтъ на просверленіе дыры въ камнѣ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мы видимъ двѣ вещи: вопервыхъ, имѣющая получиться здѣсь выгода проста, непосредственна и очевидна; и вовторыхъ, требующееся тутъ мускульное напряженіе не велико, а самая дѣятельность относится къ области способностей воспріятія, которыя органически находятся въ постоянной дѣятельности¹⁾.

¹⁾ Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить тотъ нелишенный своего значенія для занимающаго насъ вопроса фактъ, интересный какъ въ зоологическомъ, такъ и въ социологическомъ отношеніи, что характеры мужчинъ и женщинъ оказываются во многихъ случаяхъ различными со стороны способности къ труду. У Билои, гдѣ мужчины ненавидятъ трудъ, многія женщины, по словамъ путешественниковъ, отличаются дѣятельностью и трудолюбіемъ. Также и у племени Куки «женщины столь же дѣятельны и неутомимы, какъ и женщины племени Нага», между тѣмъ какъ мужчины обоихъ этихъ племенъ отличаются лѣнностью. Тоже самое мы видимъ и въ Африкѣ. Въ Ло-анго, напримѣръ, мужчины бездѣятельны, но женщины «предаются домашнимъ

Эта неспособность представлять себя будущее таким образом, чтобы это представление могло влиять на поведение человека в настоящем, естественно сопровождается другою особенностью характера, а именно — дѣтскою веселостью, веселостью, не отрезвляемой мыслью о томъ, что должно случиться впоследствии. Хотя многія племена Нового Свѣта, вслѣдствіе ихъ общей безстрастности, оказываются мало склонными къ веселости, и хотя малайскія племена и Дайяки отличаются природною важностью, однакоже у большинства другихъ дикихъ племенъ мы видимъ совсѣмъ обратное. О Ново-каледонцахъ, Фиджійцахъ, Таянахъ, Ново-зеландцахъ мы читаемъ, что они вѣчно смѣются и шутятъ. Точно также негры на протяженіи всей Африки обнаруживаютъ то же самое свойство. Что же касается другихъ племенъ, населяющихъ другія страны, то мы постоянно читаемъ у путешественниковъ о туземцахъ, что они „преисполнены шутливости и веселья“, „полны жизни и бодрого, веселаго настроенія“, „веселы и болтливы“, „игривы и веселы какъ жаворонки“, „отличаются шумною веселостью“, „смѣются неумѣренно по поводу всякихъ пустяковъ“. Даже Эскимосы, несмотря на всѣ претерпѣваемые ими лишенія, описываются какъ „счастливый народъ“. Стоитъ только вспомнить, въ какой значительной мѣрѣ обычная заботливость о будущихъ случайностяхъ умѣряетъ потокъ веселаго настроенія духа, стоитъ только сравнить живаго, но непредусмотрительнаго Ирландца съ важнымъ и предусмотрительнымъ Шотландцемъ, чтобы видѣть, что у нецивилизованнаго человека эти черты характера находятся во взаимномъ отношеніи. Относительно-импульсивная натура, обуславливающая полное поглощеніе человека удовольствіемъ настоящей минуты, ведетъ въ тоже самое время къ этимъ чрезмѣрностямъ въ весельи и къ этому невниманію къ угрожающимъ въ будущемъ бѣдствіямъ.

Параллельно съ непредусмотрительностью идетъ у первобытнаго человека еще другая отличительная черта, которая есть въ одно и тоже время и причина, и слѣдствіе предыдущей, а именно, слабое развитіе чувства собственности. Размышляя о природѣ дикаря, мы нерѣдко просматриваемъ тотъ фактъ, что у него не достаетъ широкаго пониманія индивидуальнаго обладанія и что, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находится, такое пониманіе просто невозможно для него. Такъ какъ это чувство складывается вслѣдствіе многочисленныхъ испытываній тѣхъ удовольствій, которыя приносятъ съ собою обладаніе, — испытываній, продолжающихся чрезъ безконечный рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, то оно не можетъ возникнуть тамъ, гдѣ обстоятельства не допускаютъ

занятіямъ съ неутомимой энергіей», а наши недавнія изслѣдованія Золотого Берега показываютъ, что и тамъ имѣетъ мѣсто тотъ же самый фактъ. Установленіе такого различія между полами указываетъ, повидимому, на ограниченіе наслѣдственности поломъ.

такихъ испытываній. За исключеніемъ немногихъ грубыхъ орудій, служащихъ для удовлетворенія тѣлесныхъ потребностей, первобытный человѣкъ не обладаетъ ничѣмъ, что могло бы служить предметомъ накопленія, — а потому здѣсь нѣтъ мѣста для приобрѣтательнаго стремленія. Когда человѣкъ достигаетъ пастушескаго состоянія, является на сцену возможность извлеченія нѣкоторыхъ выгодъ изъ умноженія предметовъ обладанія: человѣкъ извлекаетъ выгоду изъ умноженія своихъ стадъ. Тѣмъ неменѣе, пока онъ остается кочевникомъ, онъ испытываетъ большія затрудненія въ доставленіи своимъ стадамъ, если они велики, всегда достаточнаго количества пищи, и, кромѣ того, его потери, вслѣдствіе нападений враговъ и дикихъ звѣрей, постоянно возрастаютъ, такъ что выгоды накопленія сдерживаются здѣсь внѣшними обстоятельствами въ довольно тѣсныхъ границахъ. Только съ достиженіемъ земледѣльческаго состоянія, только съ переходомъ владѣнія землею отъ племенной и общинной формы, чрезъ посредство семейной формы, къ формѣ индивидуальной, или къ формѣ личнаго владѣнія, открывается широкая сфера для чувства собственности.

Такъ что первобытный человѣкъ, отличающійся своею непредусмотрительностью, а также недостаткомъ того стремленія къ присвоенію, которое уменьшаетъ непредусмотрительность, оказывается, въ силу окружающихъ его условій, лишеннымъ тѣхъ опытовъ, которые развиваютъ стремленіе къ присвоенію и уменьшаютъ непредусмотрительность.

§ 35. Обратимся теперь къ тѣмъ его эмоціональнымъ особенностямъ, которыя имѣютъ прямое, непосредственное вліяніе на образованіе общественныхъ группъ. Существующія въ настоящее время разновидности человѣческаго рода обнаруживаютъ различныя степени общественности; кромѣ того онѣ различаются между собою неодинаковою степенью любви къ независимости: одни терпѣливо переносятъ стѣсненіе, другія советѣмъ не переносятъ его. Ясно, что пропорція, въ которой являются эти двѣ характеристическія черты въ различныхъ случаяхъ, должна сильно вліять на общественный союзъ.

Описывая Мантрасовъ, составляющихъ туземное населеніе Малайскаго полуострова, отецъ Бурьень говоритъ: „свобода, кажется, составляетъ одну изъ необходимыхъ самаго ихъ существованія“; „каждый отдѣльный человѣкъ живетъ такъ, какъ-будто въ мірѣ не существуетъ никого, кромѣ него“; когда они не сойдутся въ чемъ-нибудь и заспорятъ, то просто расходятся. Тоже самое рассказываютъ о дикаряхъ, живущихъ внутри Борнео, „которые не вступаютъ между собою въ общественную связь“ и дѣти которыхъ, „по достиженіи ими такого возраста, когда они могутъ заботиться сами о себѣ, обыкновенно расходятся въ разныя стороны и перестаютъ съ этого момента думать одинъ о другомъ“. Очевидно, что природа такого рода отношеній исключаетъ возможность

общественнаго развитія; она обнаруживает свои результаты въ одиночныхъ семьяхъ лѣсныхъ Веддаховъ и въ такихъ же семьяхъ Бушменовъ, про которыхъ Арбрассъ говоритъ, что они „свободны и бѣдны выше всякой мѣры, какъ-будто дали священный обѣтъ оставаться вѣчно свободными и нищими“. Эта же черта подмѣчена и у многихъ другихъ племенъ, находящихся на низкомъ уровнѣ развитія, какъ напримѣръ, въ Южной Америкѣ, у Арауканцевъ, о которыхъ говорятъ: „Мапуче не терпятъ противорѣчій и не переносятъ приказанія“; или у бразильскихъ Индѣйцевъ, которыми, по словамъ Бэтса, можно еще управлять въ дѣтскомъ возрастѣ, но „съ приближеніемъ половой зрѣлости они начинаютъ обнаруживать нетерпимость по отношенію къ какому бы то ни было стѣсненію“; или у Карибовъ, которые „становятся нетерпѣливыми и безпокойными при малѣйшей попыткѣ къ стѣсненію ихъ независимости“. Многія изъ горныхъ племенъ Индіи также обнаруживаютъ подобную натуру. Дикіе Билы обладаютъ „врожденнымъ духомъ независимости“; Бодоы и Дималы „сопротивляются несправедливымъ требованіямъ съ собачьимъ упрямствомъ“; а Ленчасы „готовы скорѣе претерпѣть всевозможныя лишенія, чѣмъ подчиниться угнетенію“. Съ этой же похѣхой общественному развитію встрѣчаемся мы снова и у нѣкоторыхъ кочевыхъ племенъ. „Бедуинъ — говоритъ Буркгардтъ — не подчинится никакому приказанію, но охотно уступить убѣжденію“; а Пальгревъ говоритъ про него, что „онъ высоко цѣнитъ національную и личную свободу“ и что онъ „замѣчательно свободенъ отъ всякаго кастоваго чувства по отношенію къ господствующимъ родамъ и династіямъ“. То обстоятельство, что эта нравственная черта вредна для общественнаго прогресса на раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества, было уже подмѣчено нѣкоторыми путешественниками; такъ Ёрль говоритъ объ обитателяхъ Новой Гвиней, что ихъ „ненависть ко всякому контролю“ исключаетъ возможность общественной организаціи.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы отсутствіе чувства независимости приводило само по себѣ къ противоположному результату. По словамъ Грива, Камчадалы обнаруживаютъ „рабское подобострастіе къ тѣмъ, кто сурово обращается съ ними, и презируютъ тѣхъ, кто обращается съ ними мягко“; а Гальтонъ, описывая Дамаровъ, какъ „лишенныхъ всякой независимости“, говоритъ, что они „ищутъ рабства“ и что „раболовное почтеніе и страхъ“ суть единственныя сильныя чувства у нихъ. Повидимому, для общественнаго прогресса требуется извѣстная пропорція между чувствами, побуждающими къ послушанію, и чувствами, побуждающими къ сопротивленію. Про Малайцевъ, которымъ удалось образовать нѣсколько полудивилизованныхъ обществъ, говорятъ, что они покорны властямъ, но что каждый изъ нихъ „весьма чувствителенъ ко всякому вмѣшательству въ личную свободу его или другаго“. Впрочемъ, какова бы ни была причина подчиненности, — недостатокъ ли самоува-

женія, страхъ, или почтеніе къ превосходству, которые, взятые каждый отдѣльно, и соединяясь вмѣстѣ въ различныхъ пропорціяхъ, благопріятствуютъ развитію подчиненности, — во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что у всѣхъ людей, которые когда-либо образовали общественные агрегаты сколько-нибудь обширныхъ размѣровъ, мы всегда находимъ относительно подчиняющуюся натуру. У тѣхъ полудивилизованныхъ народовъ, которые встрѣчаются въ тропической Африкѣ, это совершенно очевидно; не менѣе очевидно было это и у тѣхъ народовъ, изъ которыхъ сложились вымершія восточныя общества, равно какъ и у тѣхъ, которые составляли вымершія общества Новаго Свѣта.

Когда отвращеніе къ стѣсненію бываетъ соединено съ отсутствіемъ общестvenности, какъ у названныхъ выше Мантрасовъ, то такое обстоятельство является двойнымъ препятствіемъ къ общественному союзу: побужденіе къ разсѣянію не сдерживается здѣсь побужденіемъ къ сплоченію (агрегаціи). Если человекъ способенъ сидѣть праздно по цѣлымъ часамъ, „не нуждаясь ни въ какомъ сообществѣ“, какъ это мы видимъ у Тодасовъ, то онъ имѣетъ еще менѣе причинъ терпѣливо переносить какія бы то ни было ограниченія свободы, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда одиночество для него нестерпимо. Ясно, что свирѣпый Фиджіецъ, у котораго, какъ это ни странно, „чувство дружбы развито очень сильно“, прямо побуждается этимъ чувствомъ, равно какъ и своей крайней лояльностью, къ тому, чтобы продолжать оставаться въ своемъ обществѣ, гдѣ деспотизмъ, основанный на каннибализмѣ, не знаетъ никакого предѣла.

Сопоставляя факты, представляемые намъ самыми низшими породами людей, гдѣ общественная связь оказывается существующей въ самой ничтожной степени, съ фактами, представляемыми намъ болѣе развитыми племенами, образующими болѣе обширные агрегаты, мы находимъ достаточно оснований, чтобы сказать, что первобытные люди, — которые, прежде развитія какихъ бы то ни было житейскихъ искусствъ, необходимо принуждены были питаться дикою пищею, предполагающей широкое разсѣяніе отдѣльныхъ особей или семей, — были, съ одной стороны, очень мало привычны къ совмѣстной жизни и, съ другой, — очень привычны къ тому безконтрольному слѣдованію своимъ непосредственнымъ желаніямъ, которое идетъ рука объ руку съ разрозненностью. Такъ что, въ тоже время, когда притягательная сила была мала, отталкивательная сила была велика. Только когда мѣстныя условія, способныя къ поддержанію значительнаго числа особей на небольшомъ пространствѣ, подвинули людей къ болѣе стадности, тогда только могло явиться то возростаніе общестvenности, которое требовалось для сдерживанія прежней, ничѣмъ нестѣсненной дѣятельности каждаго. И въ этомъ-то мы видимъ другое затрудненіе, стоявшее на пути общественнаго развитія въ самомъ его началѣ.

§ 36. Такъ какъ наше изслѣдованіе привело насъ отъ чувствъ исключительно эгоистическаго характера къ такимъ чувствамъ, которыя уже предполагають присутствіе другихъ индивидовъ, то мы и займемся этими послѣдними чувствами, начавъ съ эго-альтруистическихъ (Основанія Психологіи, §§ 519 — 23). Прежде чѣмъ явятся въ сколько-нибудь значительной степени тѣ чувства, которыя находятъ свое удовлетвореніе въ счастья другихъ, у человѣка существуютъ уже въ значительной степени тѣ чувства, которыя находятъ себѣ удовлетвореніе въ одобреніи и восхищеніи другихъ. Даже животныя чувствуютъ себя польщенными знаками одобренія, которые имъ расточаютъ послѣ выполненія ими какой-нибудь штуки, а у людей стадная жизнь рано открываетъ и расширяетъ этотъ источникъ удовольствія.

Какъ ни велико тщеславіе, обнаруживаемое цивилизованнымъ человѣкомъ, оно все-таки уступаетъ тому, которое обнаруживаетъ человѣкъ нецивилизованный. Красная краска и морскія раковины, просверленные такъ, чтобы онѣ могли служить подвѣсками, найденныя вмѣстѣ съ другими слѣдами человѣка въ Дордонскихъ пещерахъ, показываютъ намъ, что даже въ то отдаленное прошлое, когда сѣверный олень и мамонтъ обитали еще въ южной Франціи, люди стремились уже привлекать къ себѣ восхищенные взгляды другихъ посредствомъ раскрашиванія и украшеній. Самоукрашеніе занимаетъ мысли какого-нибудь дикаго вождя еще въ большей степени, чѣмъ мысли какой-нибудь свѣтской дамы нашихъ дней. Это доказывается раскрашиваніемъ кожи, которое доставляетъ такъ много хлопотъ человѣку, пока не установится употребленіе платья. Это доказывается еще болѣе тою покорностью, съ которою дикарь подчиняется продолжительнымъ и много разъ повторяющимся мученіямъ, связаннымъ съ татуированіемъ, а также его терпѣливостью по отношенію къ тѣмъ мученіямъ и неудобствамъ, которыми сопровождается растяженіе нижней губы посредствомъ вставленнаго въ нее куска дерева, или ношеніе камней, продѣтыхъ сквозь отверстія, продѣланныя въ щекахъ, или продѣваніе перьевъ черезъ носъ. Сила желанія заслужить одобреніе доказывается во всѣхъ этихъ случаяхъ всеобщностью извѣстной моды въ данномъ племени и тою суровостью, съ какою каждый членъ этого племени принуждается слѣдовать ей. Когда приходитъ извѣстный возрастъ, для молодого дикаря не остается никакого спасенія отъ изуродованія, освященнаго обычаемъ и временемъ. Сѣверо-американскій молодецъ, претерпѣвая пытки посвященія его во взрослую жизнь, не выражаетъ никакихъ сомнѣній относительно законности такой власти надъ нимъ со стороны обычая. Страхъ передъ нахмуриваніемъ бровей и насмѣшками своихъ товарищей и жажда ихъ похвалъ составляютъ такой сильный побудительный мотивъ, что несогласіе подвергнуться операціи почти неизвѣстно.

Тотъ же побудительный мотивъ участвуетъ въ очень значительной мѣрѣ и въ управленіи поведеніемъ человѣка. Предписанія религіи вражды находятъ себѣ на этихъ ступеняхъ общественнаго развитія главную поддержку и помощь въ этомъ эго-альтруистическомъ чувствѣ. Долгъ кровомщенія получаетъ повелительный характеръ вслѣдствіе общественнаго мнѣнія на этотъ счетъ въ данномъ племени. Одобренія и похвалы сыплются на человѣка, который, потерявъ родственника, неутомимо преслѣдуетъ предполагаемаго убійцу, пока не насытитъ на немъ своей мести; между тѣмъ какъ косые взгляды и насмѣшки дѣлаютъ совершенно невыносимою жизнь всякаго, кто отступитъ отъ выполненія этого долга. Тоже самое можно сказать и по отношенію къ выполненію различныхъ однажды установившихся обычаевъ. Въ нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ обществахъ человѣкъ весьма нерѣдко разоряется въ-конецъ на похоронное торжество; и въ нѣкоторыхъ полу-цивилизованныхъ обществахъ однимъ изъ побужденій къ убійству дѣтей женскаго пола служитъ желаніе избѣжать будущихъ издержекъ на брачное торжество, — издержекъ, которыя господствующая въ обществѣ любовь къ выставкѣ, къ параду, довела до чрезвычайъ значительной величины.

Главная причина, почему мы находимъ нужнымъ обратить вниманіе читателя на это эго-альтруистическое чувство, которое, вѣроятно, постоянно возрастало въ своей силѣ вмѣстѣ съ прогрессомъ общественной агрегации, состоитъ въ томъ, что вначалѣ оно представляло одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей по части управленія поведеніемъ человѣка, да и теперь еще продолжаетъ играть эту роль. Въ соединеніи съ общественностью, оно всегда было тою силою, которая старалась сдерживать вмѣстѣ единицы каждой группы и стремилась установить у нихъ поведеніе, ведущее къ благосостоянію группы. По всей вѣроятности, оно произвело нѣкоторый родъ подчиненности, предшествовавшій всякой подчиненности политической; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ обезпечивается общественный порядокъ даже и теперь. Уаллесъ говоритъ:

«Когда я жилъ между южно-американскими дикарями и на востокѣ, то мнѣ случилось проживать въ такихъ общинахъ, гдѣ не имѣлось ни законовъ, ни судовъ, ничего, кромѣ свободно-выраженнаго общественнаго мнѣнія всей деревни. Здѣсь каждый самымъ совѣстливымъ образомъ уважаетъ права другаго, такъ что здѣсь никогда, или почти никогда не случается никакого нарушенія этихъ правъ. Въ такой общинѣ все приблизительно равно между собою».

§ 37. Теперь намъ остается взглянуть на тѣ черты въ первобытной натурѣ человѣка, которыя обязаны своимъ происхожденіемъ присутствію или отсутствію у него альтруистическихъ чувствъ. Эти чувства, коренящіяся въ симпатіи, или сочувствіи, должны, на основаніи гипотезы развитія, развиваться пропорціо-

нально тому, какъ внѣшнія обстоятельства открываютъ все болѣе и болѣе широкое поле для дѣятельности симпатій, т. е. пропорціонально тому, какъ они все болѣе и болѣе благоприятствуютъ укрѣпленію супружескихъ и родственныхъ отношеній, все болѣе и болѣе воспитываютъ общественность и противятся взаимной враждебности.

Въ какой мѣрѣ это апіористическое заключеніе оправдывается фактами, — сказать довольно трудно, такъ какъ относящіеся сюда свидѣтельства таковы, что отдѣленіе ихъ отъ сопровождающихъ ихъ фактовъ и послѣдующее обобщеніе представляютъ дѣло довольно нелегкое. Много причинъ стремится въ этомъ случаѣ ввести насъ въ заблужденіе. Мы предполагаемъ, что проявленія характера должны представлять въ каждомъ племени приблизительное единообразіе; но на дѣлѣ бываетъ не такъ. И отдѣльныя особи и группы различаются между собою въ этомъ отношеніи весьма значительно, какъ мы можемъ видѣть это на примѣрѣ Австраліи, гдѣ, по словамъ Стурта, одно племя отличается „рѣшительнымъ спокойствіемъ“, а другое — „рѣшительной безпорядочностью“ характера. Мы предполагаемъ, что черты характера, обнаруживаемыя извѣстнымъ племенемъ, будутъ одинаковы во всѣхъ послѣдовательныхъ случаяхъ, чего на дѣлѣ не оказывается: поведеніе дикарей съ однимъ путешественникомъ не похоже на поведеніе съ другимъ, вѣроятно потому, что сами путешественники вели себя неодинаково. Весьма общераспространенъ также фактъ, что тѣ или другія проявленія характера у какого-либо туземнаго племени, при его вторичномъ посѣщеніи, опредѣляются тѣмъ обращеніемъ, которое оно испытало со стороны прежнихъ посѣтителей: такъ, дружелюбіе нерѣдко переходитъ во враждебность, вслѣдствіе опыта, купленнаго цѣною страданій. Напримѣръ, про путешественниковъ по Австраліи замѣчено, что болѣе ранніе изъ нихъ отзываются благопріятнѣе о туземцахъ, чѣмъ позднѣйшіе; подобнымъ же образомъ Ёрль говоритъ о Яванцахъ, что тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ мѣстахъ, мало посѣщаемыхъ Европейцами, „стоятъ въ нравственномъ отношеніи гораздо выше обитателей сѣвернаго берега“, сношенія которыхъ съ Европейцами были гораздо обширнѣе. Когда мы читаемъ у капитана Эрскина, — какъ результатъ всей опытности, вынесенной имъ изъ знакомства съ тихо-океанскими землями, — такіа слова: „нѣтъ ничего очень невѣроятнаго въ томъ, что иностранные торговцы будутъ еще современемъ научены чести и приличіямъ тѣми самыми людьми, на которыхъ они привыкли смотрѣть до сихъ поръ какъ на коварныхъ и несправимыхъ дикарей острововъ сандалнаго дерева“; когда мы узнаемъ, что названіе, которымъ обозначается бѣлый человѣкъ у туземцевъ Вата, одного изъ Ново-Каледонскихъ острововъ, значитъ „скитающійся по морямъ распутникъ“ (sailing poffigate), и когда припомнимъ, что многія по-

стыдные дѣла, совершенныя въ недавнее время въ этихъ областяхъ, заслуживаютъ еще худшихъ названій, то легко поймемъ, какимъ образомъ путешественники могли встрѣчаться, въ различныхъ случаяхъ, съ чрезвычайно различными особенностями поведенія у тѣхъ же самыхъ туземныхъ расъ и какимъ образомъ могли возникнуть взаимно-противорѣчивыя показанія по отношенію къ характерамъ различныхъ народностей.

Но кромѣ тѣхъ затрудненій, которыя возникаютъ этимъ путемъ, существуютъ еще затрудненія, возникающія вслѣдствіе той импульсивности, которая была уже описана выше и которая сама по себѣ порождаетъ значительную перемѣчивость, сбивающую съ толку всякаго, кто пожелалъ бы составить себѣ ясное предствленіе о средней природѣ какого-либо племени. Такъ Ливингстонъ говоритъ о Маколо: „очень не трудно заставить этихъ людей являться то чрезвычайно хорошими, то необыкновенно дурными“; а тѣ взаимно-противорѣчивыя черты, которыя мы приводили выше со словъ капитана Бѣртонъ, указываютъ на такой же точно фактъ. Такъ что по отношенію къ этимъ чувствамъ, все равно какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ эмоціональнымъ особенностямъ, намъ приходится дѣлать средній выводъ изъ такихъ обнаруженій, которыя уже сами по себѣ представляютъ естественный хаосъ и которыя вслѣдъ затѣмъ искажаются еще болѣе разнообразіемъ отношеній наблюдателей къ наблюдаемымъ.

Чтобы лучше избѣгнуть этихъ затрудненій, мы возьмемъ сначала не альтруистическія чувства собственно, а то чувство, которое обыкновенно находится въ тѣсной кооперациі съ ними, а именно—родительскій инстинктъ, любовь къ безпомощному (Основ. Псих., § 532). Конечно, низшія человѣческія расы, сообщая съ низшими животными, необходимо бываютъ одарены этимъ инстинктомъ въ очень широкой степени, такъ какъ недостаточное его развитіе всегда должно было вести къ исчезанію вида или разновидности. Говоря вообще, только тѣ имѣли шансы выжить въ своемъ потомствѣ, у которыхъ любовь къ дѣтенышу была достаточно сильна, чтобы побудить ихъ къ должному попеченію о немъ; а у дикарей для этого требуется столько же самоотверженія, какъ и у цивилизованныхъ народовъ, — можетъ быть даже больше. Этимъ объясняется та нѣжность къ дѣтямъ, которую обнаруживаютъ даже самые низшіе представители человѣческаго рода; хотя у нихъ, при свойственной имъ импульсивности, эта нѣжность является нерѣдко въ соединеніи съ очень сильной жестокостью. Такъ Огнеземельцы, про которыхъ пишутъ, что они „очень привязаны къ своимъ дѣтямъ“, тѣмъ менѣе продаютъ ихъ въ рабство Патагонцамъ. Обитателямъ Новой Гвиней приписываютъ очень сильную любовь къ своимъ дѣтямъ, а между тѣмъ у нихъ отецъ нерѣдко промѣниваетъ торговцу „одного или пару

своихъ дѣтей“ на что-нибудь такое, въ чемъ онъ нуждается. Эйръ утверждаетъ, что туземцы Австраліи отличаются сильнымъ родительскимъ чувствомъ, и однако же, кромѣ того, что они, по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, бросаютъ своихъ больныхъ дѣтей, мы имѣемъ еще здѣсь показаніе Ангаса, который говоритъ, что въ Мурреѣ отецъ иной разъ убиваетъ своего маленькаго сына, чтобы наживить его мясомъ свои удочки. Хотя у Тасманійцевъ, судя по описаніямъ, родительскій инстинктъ былъ очень силенъ, однако у нихъ существовало дѣтоубійство и новорожденный младенецъ зарывался живымъ въ землю вмѣстѣ съ умершей матерью. Хотя у Бушменовъ воспитаніе ребенка при такихъ значительныхъ трудностяхъ къ поддержанію жизни требуетъ и предполагаетъ существованіе большой самоотверженности, однако же Моффатъ говоритъ, что они „убиваютъ дѣтей безъ малѣйшихъ угрызений совѣсти при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ“. Не углубляясь въ еще болѣе многочисленныя доказательства любви къ дѣтенышу, съ одной стороны, и грубой раздражительности, съ другой, — раздражительности, которая способна умертвить ребенка за то, что онъ уронилъ вещь, которую несъ, — мы и теперь уже можемъ съ полнымъ правомъ сказать про первобытнаго человѣка, что любовь къ потомству у него сильна, но что дѣятельность этого чувства, подобно дѣятельности его чувствъ вообще, отличается неправильностью.

Если мы будемъ постоянно имѣть въ виду это обстоятельство, то оно поможетъ намъ согласить взаимно-противорѣчивыя показанія о его чрезвычайномъ эгоизмѣ и о его сочувствіи къ окружающимъ, — о его жестокости и о его добротѣ. Объ Огнеземельцахъ мы читаемъ, что они очень привязаны другъ къ другу и въ тоже время, что, во время голода, они убиваютъ своихъ старухъ, чтобы питаться ихъ мясомъ. Муатъ, описывающій Андаманцевъ какъ „безжалостное племя“, тѣмъ неменѣе говоритъ, что одинъ изъ нихъ, взятый имъ съ собою въ Калькутту, обладалъ очень добрымъ и любезнымъ характеромъ. Австралійцамъ справедливо приписываютъ много жестокостей самаго крайняго свойства. Однакоже Стуртъ и Эйръ согласно свидѣтельствуютъ о добротѣ, самоотверженности и даже о нѣкоторомъ рыцарствѣ ихъ характера. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о Бушменахъ. Лихтенштейнъ думаетъ, что ни одно дикое племя не отличается „столь высокою степенью звѣрской свирѣпости“; но Моффатъ былъ „глубоко тронутъ сочувствіемъ къ нему со стороны этихъ бѣдныхъ Бушменовъ“, а Вёрчелль говоритъ, что они выказываютъ другъ къ другу „гостепріимство и великодушіе, достигающія иной разъ чрезвычайной степени“. Итакъ, даже между самыми низшими типами человѣка не существуетъ того неограниченнаго звѣрства и грубости, которыя мы соединяемъ обыкновенно съ именемъ дикаря; а чуть только мы доходимъ до племенъ, стоящихъ на нѣсколько

болѣе высокой ступени общественнаго состоянія, такъ рассказы о чертахъ ихъ характера, указывающихъ на ихъ природную доброту, становятся положительно изобильными. Про Ново-Каледонцевъ говорить, что у нихъ „мягкій и добродушный темпераментъ“; Таннезійцы „готовы оказать всякую посильную услугу“; Новогвинейцы „добродушны“ и отличаются „кроткимъ настроеніемъ духа“. Переходя отъ Негритосовъ къ Малайце-полинезійцамъ, мы встрѣчаемся съ подобными же характеристиками. Путешественники называютъ Сандвичанъ „кроткими, послушными“, Таитянъ „веселыми и добродушными“, Дайяковъ „благожелательными“, приморскихъ Дайяковъ „общительными и любезными“, Яванцевъ „кроткими, веселыми и добродушными“, Малайцевъ съ-вернаго Целебеса „спокойными и мягкими въ обращеніи“. Впрочемъ, въ другихъ случаяхъ, мы имѣемъ и совершенно противоположныя описанія. Говорятъ, что у южно-американскихъ Туписовъ мстительность составляетъ господствующую страсть; поймавъ какое-либо животное въ западню, они умерщвляютъ его маленькими ранами, „чтобы оно страдало какъ можно болѣе“. Главная черта характера Фиджійцевъ, по описаніямъ путешественниковъ, есть „сильная и мстительная злобность“. Гальтонъ осуждаетъ Дамаровъ какъ „негодяевъ, воровъ и убійцъ“, а Андерсонъ—какъ „неисправимыхъ мошенниковъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, эти противоположныя качества оказываются у племенъ, родственныхъ между собою и живущихъ въ близкомъ соудѣствѣ, какъ напримѣръ, у первобытныхъ туземцевъ Индіи. Между тѣмъ какъ Билы пользуются репутаціей людей очень жестокихъ, очень мстительныхъ и готовыхъ на убійство за самое пустое вознагражденіе, Нагасы описываются какъ люди „добродушные и честные“; Бодосы и Дималы—какъ люди „преисполненные любезныхъ качествъ“, „честные и вѣрные“, „совершенно свободные отъ надменности, мстительности, жестокости“; а про Ленчасовъ докторъ Гукеръ говоритъ: „Ленча отличается по-истинѣ любезнымъ расположеніемъ“, „онъ миролюбивъ и вовсе не буйанъ“, „составляя такимъ образомъ сильный контрастъ съ своими сосѣдями и на востокъ и на западъ“.

Не входя въ дальнѣйшія подробности, мы уже и теперь видимъ достаточно ясно, что если первобытный человѣкъ имѣетъ лишь очень мало дѣятельной благожелательности, зато онъ вовсе не отличается дѣятельной зложелательностью, какъ это нерѣдко предполагали. Въ самомъ дѣлѣ, бѣглый взглядъ на факты скорѣе приводитъ насъ къ тому заключенію, что ненужная жестокость вовсе не составляетъ общей отличительной черты наименѣ цивилизованныхъ племенъ, между тѣмъ какъ она оказывается обычною для расъ болѣе цивилизованныхъ. Кровожадные Фиджійцы достигли значительнаго общественнаго развитія. Бёртонъ говоритъ о Фанахъ, что „жестокость составляетъ,

кажется, одно изъ необходимыхъ условій ихъ жизни“, однакоже Фары достигли нѣкотораго прогресса въ искусствахъ и житейскихъ приспособленіяхъ и живутъ деревнями, изъ которыхъ нѣкоторыя заключаютъ до четырехъ тысячъ обитателей. Въ Дагомеѣ, гдѣ существуетъ обширное населеніе, организованное въ весьма значительной степени, любовь къ кровопролитію ведетъ къ частымъ ужаснымъ жертвоприношеніямъ. Наконецъ, достаточно изучить общественную систему древнихъ Мексиканцевъ, коренившуюся въ канибализмъ, и однакоже весьма высоко развитую во многихъ отношеніяхъ, чтобы видѣть, что не самыя низшія расы отличаются наибольшей безчеловѣчностью.

Чтобы правильно оцѣнить нравственную природу первобытнаго человѣка, обратимся за помощью къ слѣдующему замѣчанію Бэтса: „доброта этихъ Индѣйцевъ, какъ и большей части другихъ, между которыми я жилъ, состояла, быть можетъ, скорѣе въ отсутствіи дурныхъ качествъ, чѣмъ въ обладаніи хорошими; говоря другими словами, она была скорѣе отрицательная, чѣмъ положительная.... Товарищеское дружелюбіе нашихъ Кукамасовъ, казалось, обуславливалось не теплой взаимной симпатіей, а просто отсутствіемъ сильного себялюбія въ пустыхъ вещахъ“. Дальнѣйшую помощь въ дѣлѣ соглашенія повидимому взаимно-противорѣчивыхъ особенностей первобытнаго человѣка мы можемъ извлечь изъ наблюденія того, какимъ образомъ, въ собакѣ, значительная привязчивость, общественность и даже симпатія соединяются съ обычнымъ эгоизмомъ и вспышками свирѣпости, какимъ образомъ она легко переходитъ въ своемъ поведеніи отъ дружелюбной игривости къ дракѣ и какимъ образомъ она иногда готова отнять у другой собаки пищу, а въ другое время не прочь помочь ей въ нуждѣ.

Впрочемъ, посреди всѣхъ этихъ взаимно-противорѣчащихъ свидѣтельствъ существуетъ одинъ родъ фактовъ, который можетъ служить для насъ довольно вѣрнымъ руководителемъ въ нашей задачѣ; это — обращеніе съ женщинами. Положеніе женщинъ у какого-либо народа и обычное обращеніе съ ними указываютъ приблизительно вѣрно среднюю силу альтруистическихъ чувствъ; и указаніе, полученное этимъ путемъ, говоритъ противъ первобытнаго человѣка. Мы видимъ у нецивилизованныхъ народовъ, что поступки сильнѣйшаго пола по отношенію къ слабѣйшему бываютъ часто просто звѣрскими; вообще же на слабый полъ смотрятъ просто какъ на собственность, безъ всякаго вниманія къ тѣмъ притязаніямъ, которыя онѣ могутъ имѣть какъ человѣческія личности, и даже въ самомъ лучшемъ случаѣ поведеніе мужчинъ съ женщинами не симпатично. То обстоятельство, что такое рабство, часто соединенное съ жестокостью и всегда съ униженіемъ, составляетъ у дикарей нормальное условіе жизни и принимается у нихъ за вполне естественное и справедливое не только мужчи-

нами, но и самими женщинами, доказываетъ, что каково бы ни было тутъ иной разъ случайное проявленіе альтруизма, — обыкновенный потокъ альтруистическаго чувства здѣсь не великъ.

§ 38. Прежде чѣмъ собрать въ одно цѣлое всѣ эти основныя эмоціональныя черты первобытнаго человѣка, я долженъ прибавить еще одну черту, которая оказываетъ вліяніе на всѣ другія; это — прочность привычки, — черта, находящаяся въ связи съ раннимъ наступленіемъ зрѣлости, т. е. съ тою особенностью, которая подобнымъ же образомъ была прибавлена нами въ концѣ прошлой главы. Первобытный человѣкъ консервативенъ въ чрезвычайной степени. Даже изъ сравненія высшихъ расъ между собою, и изъ сравненія другъ съ другомъ различныхъ классовъ того же самаго общества, можно уже замѣтить, что наименѣ развитые выказываютъ наиболѣе отвращенія ко всякой перемѣнѣ. Какой-нибудь улучшенный методъ прививается къ простонародью съ большимъ трудомъ, и даже всякій новый родъ пищи встрѣчается обыкновенно непріязненно. Нецивилизованный человѣкъ отличается этимъ качествомъ въ еще большей степени. Его болѣе простая нервная система, теряющая ранѣе свою пластичность, оказывается еще менѣ способною предаваться видоизмѣненному образу дѣйствія. Отсюда его безсознательная и сознательная преданность тому, что разъ уже установилось. „Такъ какъ это было хорошо для моего отца, то оно хорошо и для меня“, говоритъ негръ изъ племени Чусса. Индѣйцы просто смѣялись надъ тѣми, которые старались убѣдить ихъ въ томъ, будто-бы они должны „измѣнить ихъ издавна установленные обычаи и житейскія привычки“. Ливингстонъ говоритъ о нѣкоторыхъ изъ Африканцевъ: „я часто дарилъ моимъ друзьямъ жестяныя ложки, причемъ было любопытно наблюдать, какъ привычка ѣсть руками все-таки брала верхъ, хотя они и были въ восхищеніи отъ полученныхъ ими ложекъ. Они брали ложкой немного молока, потомъ переливали его въ лѣвую руку и ѣли уже изъ руки“. Чтобы видѣть, какимъ образомъ эти привычки обращаются въ неизмѣнные общественные обычаи, стоитъ вспомнить очень поучительную въ этомъ отношеніи исторію, рассказываемую о Дайакахъ, которые, по словамъ Тайлора, выразили свое отвращеніе къ нововведенію наложеніемъ пени на всякаго изъ своихъ соплеменниковъ, который будетъ уличенъ въ разрѣзываніи пищи европейскимъ способомъ.

Перебирая теперь снова отличительныя эмоціональныя черты первобытнаго человѣка, — черты, изъ которыхъ каждая получаетъ еще болѣе рѣзко-замѣтный характеръ вслѣдствіе этой относительной прочности привычки, — мы должны прежде всего поставить импульсивность, которая, проникая собою все поведеніе первобытнаго человѣка, такъ значительно мѣшаетъ коопераціи. Это „вѣчное колебаніе изъ стороны въ сторону и непостоянное расположеніе духа“

у дикарей, которыя обыкновенно дѣлають „невозможнымъ поставить что бы то ни было въ зависимость отъ ихъ общаній“, уничтожаютъ то довѣріе къ взаимнымъ обязательствамъ, отъ котораго въ значительной степени зависитъ общественный прогрессъ. Будучи управляемъ деспотическими чувствами, которыя послѣдовательно вытѣсняють одно другое, вмѣсто того, чтобы быть управляемымъ общимъ совѣтомъ чувствъ, въ которомъ всѣ и каждое принимали бы дѣятельное участіе, — первобытный человѣкъ отличается взрывчатымъ, хаотическимъ, непредусмотримымъ поведеніемъ, которое дѣлаеть очень затруднительной всякую совмѣстную дѣятельность.

Одна изъ болѣе спеціальныхъ особенностей, зависящая отчасти отъ этой общей черты первобытнаго человѣка, есть его непредусмотрительность. Всякое непосредственное желаніе, — будетъ ли то желаніе личнаго удовлетворенія, или желаніе того одобренія, которое вызываетъ обыкновенно щедрость, — исключаетъ у него страхъ передъ будущими бѣдствіями; неспособный къ живому представленію себѣ будущихъ страданій и удовольствій, онъ не имѣетъ достаточно побудительнаго мотива къ дѣятельности въ виду будущихъ цѣлей, но легкомысленно и беззаботно отдается настоящему.

Общественность, сильная у цивилизованнаго человѣка, менѣе сильна у дикаря. У самыхъ низшихъ типовъ человѣка общественныя группы очень мелки, и узы, соединяющія между собою ихъ единицы, относительно слабы. Стремленіе къ разрыву, составляющее результатъ дурнаго управленія индивидуальными страстями, сопровождается здѣсь сравнительно ничтожнымъ количествомъ того чувства, которое ведетъ къ взаимному сдѣленію, причѣмъ каждая изъ этихъ чертъ стремится въ дѣйствительности усилить другую. Такъ что, при этихъ условіяхъ, доставляющихъ постоянныя причины для ссоръ между людьми, бросающимися изъ одной крайности въ другую подъ вліяніемъ внезапныхъ вспышекъ различныхъ чувствъ, — людьми, становящимися часто еще болѣе раздражительными вслѣдствіе голода, который, по замѣчанію Ливингстона, „имѣетъ могущественное вліяніе на темпераментъ,“ — существуетъ одновременно и меньше стремленія къ сдѣленію подъ вліяніемъ взаимнаго расположенія и больше стремленія къ сопротивленію всякой власти, которая могла бы привести къ сдѣленію другимъ путемъ.

Хотя при маломъ развитіи общественности, не можетъ существовать много такого чувства, для котораго требуется, какъ предварительное условіе, присутствіе другихъ людей, а слѣдовательно не можетъ существовать много и любви къ одобренію, однакоже самый умѣренный прогрессъ въ общественной группировкѣ ведетъ уже къ развитію этого наипростѣйшаго изъ всѣхъ высшихъ чувствъ. Значительныя и быстро реализуемыя выгоды, приносимыя одобреніемъ своихъ собратьевъ-дикарей, и важныя бѣдствія, столь же быстро слѣ-

дующія за ихъ гнѣвомъ или презрѣніемъ, представляютъ собою очень ранніе и очень живые опыты, которые рано даютъ этому эго-альтруистическому чувству рѣшительный перевѣсъ надъ другими.

Въ общественныхъ группахъ, получившихъ уже однажды постоянную форму, связующій цементъ союза, — которымъ служить въ одномъ случаѣ возросшая любовь къ обществу, въ другомъ — подчиненіе, вызванное преклоненіемъ передъ высшею силою, въ третьемъ — страхъ передъ угрожающими наказаніями, въ большинствѣ же случаевъ — всѣ эти причины, взятая вмѣстѣ, — можетъ существовать съ очень различною примѣсью альтруистическаго чувства. Хотя общественность благопріятствуетъ симпатіи, однако ежедневная дѣятельность первобытнаго человѣка подавляетъ симпатію. Конечно, онъ обладаетъ тѣмъ симпатическимъ чувствомъ, которое представляетъ результатъ инстинктивной любви къ безпомощному, общей у него съ низшими животными, и естественно обнаруживаетъ это чувство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не является на сцену антагонизмъ или сильное эгоистическое желаніе. Но дѣятельное сочувствіе къ своимъ ближнимъ, постоянно бодрствующее и постоянно сдерживающее стремленія эгоизма, не принадлежитъ къ числу его отличительныхъ свойствъ, какъ мы могли въ этомъ убѣдиться изъ его обращенія съ женщиною. Что же касается той наивысшей формы альтруистическаго чувства, которую мы отличаемъ названіемъ чувства справедливости и правосудія и которая предполагаетъ ясное и заблаговременное представленіе того вліянія, которое наше поведеніе будетъ имѣть на другихъ, то это чувство развито здѣсь очень мало.

Эти эмоціональныя особенности первобытнаго человѣка, выступающія изъ фактическихъ свидѣтельствъ, — если мы съумѣемъ извлечь изъ нихъ нѣкоторый средній выводъ, — оказываются вполне согласными съ тѣми особенностями, которыми долженъ отличаться его несовершенно развитый духъ на основаніи заключеній, заранѣе выведенныхъ нами изъ основныхъ началъ психологіи. Во всѣхъ этихъ особенностяхъ мы усматриваемъ менѣе обширное и менѣе разнообразное соотвѣтствіе съ окружающей средою, меньшую степень воспроизводительной силы сознанія и меньшую удаленность отъ рефлексивнаго дѣйствія. Основная черта его характера, названная нами импульсивностью, предполагаетъ внезапный, или почти рефлексивный, переходъ отъ извѣстнаго одиночнаго чувства къ тому поступку, къ которому оно побуждаетъ; далѣе, она предполагаетъ, въ силу отсутствія другихъ противодѣйствующихъ чувствъ, что сознаніе составлено здѣсь изъ менѣе многочисленныхъ и болѣе простыхъ воспроизведеній; а также, что приспособленіе внутреннихъ дѣйствій къ внѣшнимъ не распространяется на отдаленныя послѣдовательности, — т. е. что приспособленіе не обнимаетъ такой обширной области въ простран-

ствѣ и во времени, какъ у болѣе высоко развитаго духа. Тоже самое можно сказать и о непредусмотрительности, къ которой ведетъ эта импульсивность: желаніе переходить сразу въ удовлетвореніе; представленіе вторичныхъ слѣдствій существуетъ лишь въ очень слабой степени; отдаленныя нужды не находятъ въ его душѣ соотвѣтственныхъ и достаточно сильныхъ желаній. Оставляя въ сторонѣ непереносимость по отношенію къ какому бы то ни было стѣсненію и недостатокъ общности, какъ такія особенности, которыя могутъ сосуществовать или не сосуществовать съ эмоціональною натурою низшаго типа (низшаго—съ другихъ сторонъ), мы переходимъ прямо къ тому эго-альтруистическому чувству, которое называется любовью къ одобренію. Это чувство, возрастающее вмѣстѣ съ развитіемъ стадности, предполагаетъ возрастаніе способности воображенія, или воспроизводительной силы сознанія, — такъ какъ, вмѣсто прямого эгоистическаго удовлетворенія, оно имѣетъ цѣлью удовлетвореніе, достигаемое косвеннымъ путемъ, вліяніемъ поведенія другихъ людей относительно насъ; вмѣсто непосредственныхъ результатовъ, оно имѣетъ въ виду результаты, отстоящіе на одну ступень далѣе, и вмѣсто дѣйствій, обусловливаемыхъ одиночными желаніями, тутъ являются на сцену дѣйствія, сдерживаемыя и видоизмѣняемыя вторичными желаніями. Но хотя эмоціональный характеръ, управляемый этимъ эго-альтруистическимъ чувствомъ, дѣлается, вслѣдствіе его присутствія, менѣе рефлексивнымъ, хотя воспроизводительная сила сознанія здѣсь больше и хотя такой характеръ оказывается приспособленнымъ къ болѣе обширному и болѣе разнородному соотвѣтствію съ требованіями окружающей среды, тѣмъ неменѣе онъ долженъ быть все-таки признанъ, со всѣхъ этихъ сторонъ, стоящимъ гораздо ниже развитаго эмоціональнаго характера цивилизованнаго человѣка, — характера, отличающагося дѣятельностью альтруистическихъ чувствъ. Не обладая этими чувствами, первобытный человѣкъ не обладаетъ и той благожелательностью, которая приспособляла бы его поведеніе къ выгодамъ другихъ людей, удаленныхъ отъ него на значительное разстояніе въ пространствѣ и во времени; онъ не обладаетъ и той справедливостью, которая требуетъ воспроизведенія въ сознаніи въ высшей степени сложныхъ и отвлеченныхъ отношеній между человѣческими дѣйствіями; наконецъ, онъ не обладаетъ и той самоотверженностью, которая налагаетъ узду на эгоизмъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по близости нѣтъ никого, кто бы поощрилъ своимъ одобреніемъ такое подавленіе эгоистическихъ стремленій.

Къ этому согласію между заключеніями *a priori* и заключеніями *a posteriori* можно еще прибавить полную гармонію этихъ двухъ порядковъ заключеній съ другими двумя заключеніями, вытекающими изъ гипотезы развитія. Мы знаемъ, что ребенокъ цивилизованнаго человѣка импульсивенъ и непредусмо-

третель; что въ младенствѣ онъ бываетъ лишень любви къ одобренію, но обнаруживаетъ это чувство уже въ раннемъ дѣтствѣ, и что лишь гораздо позднѣе онъ начинаетъ проявлять чувство справедливости; очевидно, всѣ эти факты подтверждаютъ вышеприведенныя заключенія касательно эмоціональной природы первобытнаго человѣка. Другое подтвержденіе этихъ заключеній мы получаемъ изъ наблюденія того обстоятельства, что основныя эмоціональныя особенности, отличающія цивилизованнаго человѣка отъ его первобытнаго предка, таковы, что они могли возникнуть лишь вмѣстѣ съ прогрессомъ общества. Импульсивность могла уменьшиться только послѣ установленія общественныхъ стѣсненій; непредусмотрительность могла уменьшиться только послѣ того, какъ осыдлое общественное состояніе сдѣлало выгоды предусмотрительности сколько-нибудь надежными, а симпатія, вмѣстѣ съ проистекающими изъ нея альтруистическими чувствами, могла возрасти въ силѣ лишь пропорціонально тому постоянству, съ которымъ люди были удерживаемы въ тѣсныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, предполагающихъ взаимное сотрудничество, взаимныя выгоды и вытекающее отсюда взаимное доставленіе удовольствій.

ГЛАВА VII.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.—УМЪ.

§ 39. Всѣ три мѣрила душевнаго развитія, которыя помогли намъ въ послѣдней главѣ начертать эмоциональную природу первобытнаго человѣка, помогутъ намъ и въ этой главѣ въ дѣлѣ начертанія его умственной природы. Степень мыслительности проявляется въ степени соотношенія между мыслями и вещами; она обнаруживается въ той степени, въ которой воспроизведенность входитъ въ сложеніе этихъ мыслей, и, наконецъ, она обнаруживается въ степени удаленности этихъ мыслей отъ относительно-автоматическихъ умственныхъ процессовъ,—ихъ удаленностью отъ рефлексивнаго дѣйствія. Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію фактовъ, съ цѣлью извлеченія изъ нихъ искомой индукціи, будетъ не бесполезно разсмотрѣть, въ болѣе конкретныхъ формахъ, тѣ умственные особенности, которыя характеризуютъ низшее развитіе сравнительно съ высшимъ. Эти отличительныя умственныя черты описаны подробно въ Основаніяхъ Психологіи (§§ 484—493); здѣсь же мы можемъ лишь повторить вкратцѣ сказанное тамъ объ этихъ чертахъ и показать ихъ отношеніе къ только-что названному мѣрилу душевнаго развитія.

Будучи знакомъ только съ частными фактами, входящими въ тѣсную область его опытовъ, первобытный человѣкъ не имѣетъ никакихъ представленій, соответствующихъ общимъ фактамъ. Представляя собою нѣчто, свойственное многимъ частнымъ истинамъ, общая истина предполагаетъ болѣе обширное и болѣе разнородное соответствіе, чѣмъ то, которое предполагается частными истинами; она предполагаетъ болѣе высокую воспроизведенность мысли, такъ какъ связываетъ болѣе многочисленныя и болѣе разнообразныя идеи одною общою идеею, и, наконецъ, она болѣе удалена отъ рефлексивнаго

дѣйствія, такъ какъ въ дѣйствительности, взятая сама по себѣ, она даже вовсе не возбуждаетъ къ какому-либо дѣйствию.

Обладая лишь тѣми непосредственными мѣрами времени, которыя доставляются послѣдовательными сѣнами временъ года и суточными переѣнами, и не обладая никакими повѣствованіями о прошлыхъ событіяхъ, за исключеніемъ простыхъ утвержденій, дѣлаемыхъ легкомысленно и беззаботно и повторяемыхъ случайно, на языкѣ еще очень несовершенномъ, человѣкъ, въ его нецивилизованномъ состояніи, не способенъ къ познаванію длинныхъ послѣдовательностей. Только тѣ послѣдовательности, antecedentes и послѣдующія которыхъ довольно близко отстоятъ другъ отъ друга, могутъ быть схвачены имъ сплошн, но не другія. Вслѣдствіе этого, то предвидѣніе отдаленныхъ результатовъ, которое возможно для осѣдлаго общества, обладающаго мѣрами и письменнымъ языкомъ, для него невозможно. Это значитъ, что соотвѣтствіе во времени развито здѣсь лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ. Воспроизведенія сознанія простираются здѣсь лишь на немногочисленныя отношенія явленій, которыя притомъ не отличаются обширностью. И здѣсь существуетъ лишь очень умѣренное удаленіе отъ рефлексивной жизни, въ которой побужденіе и дѣйствіе находятся въ непосредственной связи между собою.

Такъ какъ среда, окружающая первобытнаго человѣка, такова, что его ознакомленіе съ вещами относительно ограничено въ пространствѣ и времени, равно какъ и со стороны разнообразія, то изъ этого выходитъ, что слагающіяся у него ассоціаціи идей мало подвержены измѣненіямъ. По мѣрѣ того, какъ его опыты (увеличиваясь въ числѣ, притекая изъ болѣе обширной области и умножаясь добавочными опытами изъ разсказовъ другихъ людей) становятся болѣе разнородными, первоначально составленныя узкія понятія, отличающіяся прочностью, обусловленной отсутствіемъ противоположныхъ имъ опытовъ, мало по малу расшатываются и становятся болѣе пластичными, — является болѣе измѣняемость вѣрованія. Въ относительной стойкости и неподвижности вѣрованія, характеризующей неразвитый умъ, мы видимъ менѣе соотвѣтствія со средою, заключающей въ себѣ факты, подрывающіе это вѣрованіе; мы видимъ менѣе той воспроизводительной силы сознанія, которая охватываетъ одновременно множество фактическихъ данныхъ и дѣлаетъ изъ нихъ средній выводъ; мы видимъ менѣе отклоненія отъ тѣхъ самыхъ низшихъ душевныхъ актовъ, въ которыхъ впечатлѣнія неустойчиво вызываютъ приспособленныя къ нимъ движенія.

Пока опыты не многочисленны и лишь слегка разнообразны, конкретность соотвѣтствующихъ имъ идей измѣняется лишь въ очень малой степени существованіемъ отвлеченныхъ идей. Абстрактная идея, будучи результатомъ отвлеченія отъ многихъ конкретныхъ идей, становится отдѣлимой отъ этихъ конкретныхъ идей только по мѣрѣ того, какъ ихъ

многочисленность и разнообразіе приводитъ къ взаимному уничтоженію ихъ различій, оставляя нетронутымъ лишь то, что свойственно сообща имъ вѣмъ. Очевидно, что рождающаяся этимъ путемъ отвлеченная идея предполагаетъ возрастаніе соответствія и со стороны обширности, и со стороны разнообразія; она предполагаетъ также возрастаніе воспроизводительности мысли, вслѣдствіе сознанія тѣхъ многочисленныхъ конкретовъ, отъ которыхъ отвлечена данная абстрактная идея; наконецъ, она предполагаетъ большую удаленность отъ рефлексивнаго дѣйствія. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что такія отвлеченныя идеи, какъ идея о собственности или о причинѣ, предполагаютъ еще болѣе высокую ступень въ познаніи объектовъ и ихъ дѣйствій. Ибо много специальныхъ собственности и много специальныхъ причинъ должны были быть отвлечены подобнымъ образомъ прежде, чѣмъ могла возникнуть пере-отвлеченная идея о собственности вообще или о причинѣ вообще.

Понятіе о единобразіи въ порядкѣ явленій развивается параллельно съ этимъ процессомъ обобщенія и отвлеченія. Не единообразіе, а разнообразіе господствуетъ во всемъ ходѣ вещей, рассматриваемомъ съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка. Итъ и двухъ мѣстъ, двухъ людей, двухъ деревъ, двухъ рѣкъ, двухъ камней, двухъ дней, двухъ буръ, двухъ ссоръ, которые были бы совершенно одинаковы. Только употребленіе мѣръ, порожденное общественнымъ прогрессомъ, даетъ средства для открытія единообразія, и только послѣ значительнаго накопленія числовыхъ результатовъ, — результатовъ измѣреній, — становится возможною идея о законѣ. Представленіе о естественномъ порядкѣ предполагаетъ соответствіе, достигшее уже весьма высокой степени; оно предполагаетъ пере-воспроизведенность мысли, достигшую не менѣе высокой степени, и чрезвычайное удаленіе отъ первоначальнаго рефлексивнаго дѣйствія.

Пока не явилось достаточное число общихъ и отвлеченныхъ идей и не развилось, параллельно съ употребленіемъ мѣръ, понятіе объ единообразіи, мысль не можетъ обладать большой опредѣленностью. Такъ какъ первоначальные опыты характеризуются воспріятіемъ неравенства и несходства, то въ нихъ заключается очень мало такого, что могло бы дать идею о совпаденіи, согласіи, сходствѣ; а пока существуютъ лишь очень немногочисленные опыты по отношенію къ полному равенству между объектами, или къ совершенному согласію между утвержденіями и фактами, или къ полному оправданію заблаговременныхъ предсказаній послѣдующими результатами, до тѣхъ поръ понятіе об истинѣ не можетъ пріобрѣсть надлежащей ясности. Это есть въ высшей степени сложное понятіе, возникающее лишь послѣ того, какъ антитеза между опредѣленнымъ и полнымъ согласіемъ (утвержденія съ фактомъ) и опредѣленнымъ и полнымъ несогласіемъ ихъ между собою стала хорошо знакомою человѣку; а опыты перво-

бытнаго человѣка не могли сдѣлать этой антитезы вполне ему доступною. Здѣсь опять прилагаются наши общія мѣрила, или критеріи. Понятіе объ истинѣ, будучи понятіемъ о соотвѣтствіи между мыслями и вещами, предполагаетъ прогрессъ въ этомъ соотвѣтствіи; оно предполагаетъ также болѣе высокую степень воспроизведенности мысли, выражающуюся въ лучшемъ приспособленіи ея къ реальностямъ; наконецъ, развитіе этого понятія ведетъ за собою уменьшеніе первоначальнаго легковѣрія, родственнаго съ рефлексивнымъ дѣйствіемъ, родственнаго потому, что при немъ одиночныя внушенія порождаютъ внезапныя вѣрованія, которыя вслѣдъ затѣмъ переходятъ въ поступки. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что только послѣ появленія и достаточнаго развитія этого понятія объ истинномъ, а слѣдовательно и соотносительнаго ему понятія о не истинномъ, является возможность появленія сомнѣнія (скептицизма) и критики (критицизма).

Наконецъ, то воображеніе, которымъ обладаетъ первобытный человѣкъ, воображеніе незначительное и со стороны ширины и со стороны разнообразія, — есть воображеніе лишь воспоминательное, а не построительное (Основ. Псих., § 492). Пока душевное развитіе очень низко, умъ только получаетъ и повторяетъ, но не создаетъ самопроизвольно, не имѣетъ никакой оригинальности. Воображеніе изобрѣтающее показываетъ намъ расширение соотвѣтствія, распространеніе его отъ области дѣйствительнаго на область возможнаго (потенціальнаго); оно показываетъ намъ воспроизводительную силу сознанія, не ограничивающуюся тѣми комбинаціями, которыя существовали или существуютъ въ средѣ, но распространяющуюся и на несуществующія комбинаціи, которыя послѣ того осуществляются въ дѣйствительности по инициативѣ человѣка; оно показываетъ самую крайнюю удаленность отъ рефлексивнаго дѣйствія, такъ какъ побужденіе (стимулъ), переходящее здѣсь въ движеніе, не сходно ни съ однимъ побужденіемъ, которое дѣйствовало когда-либо прежде.

Перечислив такимъ образомъ всѣ главныя черты умственнаго развитія, на его позднѣйшихъ ступеняхъ, и указавъ вкратцѣ, что всѣ онѣ вытекаютъ изъ основныхъ психологическихъ началъ, мы можемъ считать себя достаточно подготовленными къ разсмотрѣнію фактовъ, описываемыхъ путешественниками, и къ оцѣнкѣ ихъ значенія. Мы начнемъ съ нѣкоторыхъ самыхъ общихъ фактовъ, вполне гармонирующихъ съ вышеприведенными заключеніями, хотя и не вытекающихъ изъ нихъ непосредственно.

§ 40. Всѣ нецивилизованныя расы обладаютъ тонкими внѣшними чувствами и живыми воспріятіями; доказательства этому можно найти почти у каждаго путешественника, бравшагося за ихъ описаніе.

Начнемъ съ внѣшнихъ чувствъ. По словамъ Лихтенштейна, зрѣніе Бушме-

новъ просто телескопично; а Барроу, тоже, говорить объ „острыхъ глазахъ Бушмена, находящихся вѣчно въ движеніи“. Изъ азіатцевъ мы можемъ привести здѣсь Кареновъ, которые видятъ невооруженными глазами также далеко, какъ мы въ бинокль, и обитателей сибирскихъ степей, прославившихся своимъ „далекимъ и совершеннымъ зрѣніемъ“. Такіе же факты встрѣчаемъ мы и въ Америкѣ. Геридонъ говорить о Бразильцахъ: „Индѣйцы обладаютъ очень тонкими внѣшними чувствами; они видятъ и слышатъ вещи, совершенно невидимыя и неслышимыя для насъ“; а Соути дѣлаетъ такое же замѣчаніе о Тунисахъ. Добрицгоферъ, сказавъ объ Абинонахъ, что „они, какъ обезьяны, находятся въ непрерывномъ движеніи“, утверждаетъ далѣе, что они могутъ различать вещи, „ускользающія отъ самаго зоркаго изъ европейцевъ“. По отношенію къ слуху мы имѣемъ подобныя же свидѣтельства, хотя и менѣе изобильныя. Мы всѣ слышали о подвигахъ сѣверо-американскихъ Индѣйцевъ по части открытія самыхъ слабыхъ звуковъ; а чрезвычайно тонкій слухъ Ведаховъ обнаруживается изъ ихъ привычки разыскивать пчелиныя улья по отдаленному жужжанью.

Еще болѣе изобильны факты, свидѣтельствующіе о дѣятельности и мелочной точности того наблюденія, для котораго эта тонкость зрѣнія и слуха служить простымъ орудіемъ. Примѣры сыплются здѣсь на насъ со всѣхъ сторонъ свѣта. Пальгревъ характеризуетъ Бедуиновъ какъ „превосходныхъ внѣшнихъ наблюдателей“; Бёртонъ говорить о „высокой организаціи ихъ воспринимательныхъ способностей“; а Петерикъ убѣдился изъ опыта въ ихъ изумительномъ искусствѣ къ выслѣживанію. Также мы находимъ и въ южной Африкѣ: Готтентоты обнаруживаютъ „изумительно живую сообразительность во всемъ, что касается до скота“; а Гальтонъ говорить, что Дамары обладаютъ „удивительною способностью помнить всякаго быка, котораго они видѣли хотя однажды“. Между туземцами Сѣверной Америки мы находимъ тоже самое. Бёртонъ, говоря о Луговыхъ Индѣйцахъ, распространяется о „развитіи воспріятій, сложившихся подъ вліяніемъ постоянного и мелочнаго наблюденія ограниченаго числа предметовъ“. Разсказываютъ много примѣровъ, показывающихъ, что Чиннеуаны — чрезвычайно точные топографы; тоже самое утверждаютъ и о Дакотахъ. Но наиболѣе замѣчательныя свидѣтельства мы имѣемъ по отношенію къ дикимъ племенамъ Южной Америки. Бэтсъ указываетъ на необыкновенное „топографическое чутъе“ Бразильскихъ Индѣйцевъ. Объ Араукасахъ Гиллаугсъ говорить: „Тамъ, гдѣ европеецъ не въ состояніи открыть рѣшительно никакихъ указаній, Индѣецъ покажетъ слѣды ногъ такого-то числа Негровъ, причемъ скажетъ точно тотъ день, когда они прошли; если же дѣло было сегодня, то онъ укажетъ часъ, когда это случилось“. Бреттъ утверждаетъ, что человѣкъ, принадлежащій къ одному изъ Гвіанскихъ племенъ, „скажетъ, сколько мушницъ,

женщинъ и дѣтей прошло тамъ, гдѣ европеецъ можетъ видѣть только слабыя и перепутанные отпечатки на тропинкѣ“. „Здѣсь прошелъ кто-то, не принадлежащій къ нашей деревнѣ“, сказалъ Гвианецъ, посмотрѣвъ на слѣды; и Шомбургъ, который приводитъ этотъ примѣръ, замѣчаетъ, что способности туземцевъ съ этой стороны „граничатъ съ чудеснымъ“.

Эта тонкость воспріятія естественно сопровождается высокою степенью искусства въ тѣхъ простыхъ дѣйствіяхъ, которыя зависятъ отъ непосредственнаго руководства воспріятіемъ. Эскимосы обнаруживаютъ „изобрѣтательность и ловкость во всѣхъ ручныхъ работахъ“. Кольбень утверждаетъ о Готтентотахъ, что они отличаются „большою ловкостью въ употребленіи своего оружія“. Про Огнеземельцевъ говорятъ, что они — „замѣчательные искусники въ обращеніи съ пращею“. Искусство Андаманцевъ доказывается тѣмъ, что они стрѣляютъ безъ промаха изъ своихъ луковъ въ цѣль, находящуюся на разстояніи сорока или пятидесяти ярдовъ. О Тонганцахъ рассказываютъ, что они — „большіе искусники въ управленіи своими челноками“. Точность, съ которою Австраліецъ подгоняетъ впередъ шку, бросая въ нее сзади своимъ метательнымъ дротикомъ, поистинѣ замѣчательна; что же касается ихъ подвиговъ съ бумерангомъ, то каждому изъ насъ случалось довольно читать о нихъ. Переходя къ горнымъ племенамъ Индіи, мы можемъ указать здѣсь на Санталовъ, какъ на „весьма искусныхъ въ обращеніи съ лукомъ и стрѣлами“: они убиваютъ птицъ налету и сваливаютъ зайцевъ на бѣгу.

Не упуская изъ виду того факта, что существуютъ и исключенія по отношенію къ этой искусности, какъ напримѣръ уже вымершіе теперь Тасманійцы и Цейлонскіе Веддахи, и замѣтивъ мимоходомъ, что выживаніе наилучше приспособленныхъ должно было постоянно стремиться къ укрѣпленію этихъ чертъ у людей, жизнь которыхъ зависѣла изъ часу въ часъ отъ тонкости ихъ внѣшнихъ чувствъ, живости наблюденія и уснѣшнаго употребленія оружія, мы обратимъ здѣсь наше вниманіе на эту черту главнымъ образомъ со стороны значенія нѣкоторыхъ вытекающихъ изъ нея выводовъ. Ибо, въ силу общаго антагонизма между дѣятельностями болѣе простыхъ способностей и дѣятельностями болѣе сложныхъ способностей, слѣдуетъ, что это преобладаніе низшей умственной жизни мѣшаетъ высшей умственной жизни. Чѣмъ болѣе душевной энергіи тратится на безпокойное и многочисленное воспріятіе, тѣмъ менѣе остается на спокойную и разсудительную мысль. Мы рассмотримъ теперь эту истину еще съ другой точки зрѣнія.

§ 41. Не обладая спеціальными органами чувствъ для распознаванія встречающихся ему вещей, дождевой червякъ поглощаетъ цѣликомъ черноземъ, содержащій растительныя вещества, въ отчасти разложившемся состояніи, и предо-

ставляетъ своему пищеварительному каналу всосать то малое количество питательнаго вещества, которое можетъ быть извлечено изъ поглощеннаго чернозема, и выбросить, въ формѣ экскрементовъ, 95 процентовъ или около того веществъ, негодныхъ для питанія. Наоборотъ, болѣе высокоразвитое кольчатое животное, одаренное специальными органами чувствъ и извѣстнымъ умомъ, какъ напри- мѣръ пчела, выбираетъ изъ всѣхъ частей растенія, для кормленія своихъ личинокъ, лишь самыя концентрированныя питательныя вещества, или, какъ паукъ, высасываетъ уже готовые питательные соки изъ попавшейся въ его ловушку мухи. Не слѣдя подробно за такимъ же контрастомъ въ отдѣлѣ позвоночныхъ, начиная съ самыхъ низшихъ изъ нихъ, мы скажемъ просто, что и здѣсь прогрессъ отъ наименѣ развитыхъ въ умственномъ отношеніи къ болѣе развитымъ и, наконецъ, къ самымъ развитымъ сопровождается подобнымъ же образомъ возрастаніемъ способности выбирать себѣ пищу. Разматривая травоядныхъ млекопитающихъ вообще, мы видимъ, что они должны пожирать сравнительно непитательныя части растеній въ очень большихъ количествахъ, чтобы добыть изъ нихъ нужное количество питательныхъ веществъ; между тѣмъ какъ плотоядныя животныя, — въ большинствѣ случаевъ болѣе развитыя въ умственномъ отношеніи, — вообще живутъ концентрированной пищей, которая оказывается достаточно питательной даже въ малыхъ количествахъ. Хотя обезьяна и слонъ не плотоядны, но оба они одарены способностями, которыми слонъ вѣроятно, а обезьяна — навѣрно пользуются для выбора наиболѣе питательныхъ частей растеній, если онѣ могутъ быть добыты. Переходя къ человѣческому роду, мы находимъ, что его столъ состоитъ изъ пищи самаго концентрированнаго сорта, какой только можно добыть; но что нецивилизованный человѣкъ, находящійся во власти окружающихъ его условій, менѣе разборчивъ въ пищу, чѣмъ цивилизованный. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что у наиболѣе цивилизованныхъ самая питательная пища тщательно отдѣляется отъ непитательныхъ примѣсей и что этотъ выборъ доходитъ даже дотого, что за столомъ куски низшаго достоинства остаются несѣденными.

Обращая вниманіе читателя на эти, повидимому, никуда непрiloжимые факты, я имѣлъ въ виду показать, что существуетъ нѣкоторая аналогія между прогрессомъ въ тѣлесномъ питаніи и прогрессомъ въ питаніи душевномъ. Высшіе типы духа, подобно высшимъ типамъ тѣла, обладаютъ большими способностями въ дѣлѣ выбора матерьяловъ, годныхъ для уподобленія. Подобно тому, какъ высшее животное руководствуется при выборѣ пищи наружнымъ видомъ и запахомъ различныхъ вещей и поглощаетъ только такія, которыя содержатъ много организуемаго вещества, такъ точно и высшій умъ, руководствуясь тѣмъ, что можно было бы назвать иносказательно умственнымъ чутъемъ, проходить

мимо множества неорганизуемыхъ фактовъ, но быстро открываетъ факты, имѣющіе значеніе, и вбираетъ ихъ въ себя, въ качествѣ элементовъ, изъ которыхъ могутъ быть выработаны основныя истины. Менѣе развитые умы, не способные разложить эти болѣе сложные факты и ассимилировать себѣ ихъ составные элементы, а потому не чувствующіе никакого апетита къ нимъ, пожираютъ съ жадностью такіе, которые по большей части ровно ничего не стоятъ, и изъ обширной массы поглощенныхъ ими фактовъ всасываютъ очень немного матеріала для общихъ понятій. Та концентрированная пища, которая доставляется опытами физика, изслѣдованіями политико-эконома, анализами психолога, для нихъ невыносима, — они не въ состояніи переварить ее; вмѣсто того они съ алчностью поглощаютъ пошлыя мелочи застольной бесѣды, сплетни и пересуды свѣтской жизни, полицейскія новости и судебные скандалы; а ихъ чтеніе, кромѣ дрянныхъ повѣстей, заключаетъ въ себѣ мемуары разныхъ посредственностей, цѣлые томы сплетнической переписки, съ прибавкой изрѣдка какого-нибудь сочиненія по исторіи, изъ котораго они выносятъ нѣсколько фактовъ относительно битвъ и поступковъ знаменитыхъ людей. Для такихъ умовъ, лишенныхъ тѣхъ структурныхъ особенностей, которыя требуются для анализа и систематизированія, доступенъ одинъ только этотъ сортъ умственной пищи, и кормить ихъ пищею болѣе высокаго сорта было бы такъ же непрактично, какъ кормить корову мясомъ.

Предположимъ, что этотъ контрастъ будетъ еще больше, что это нисхождение отъ самыхъ высшихъ умовъ до самыхъ низшихъ, какіе только встрѣчаются между нами, будетъ продолжено еще далѣе: тогда, спускаясь къ низу подобнымъ образомъ, мы дойдемъ, наконецъ, до ума первобытнаго человѣка. Еще большее вниманіе къ мелкимъ, лишеннымъ всякаго значенія подробностямъ, и еще меньшая способность къ выбору фактовъ, изъ которыхъ могли бы быть выведены стоящіе чего-нибудь заключенія, вотъ тѣ умственныя черты, которыя отличаютъ дикаря отъ наименѣ развитыхъ представителей нашего общества. Множество простыхъ наблюденій дѣлается имъ изъ минуты въ минуту; но при-этомъ тѣ немногія изъ нихъ, которыя имѣютъ какое-либо значеніе, теряются въ массѣ наблюденій, не имѣющихъ никакого значенія, и проходятъ въ его умѣ, не оставляя за собою никакихъ матеріаловъ для мысли, которая дѣйствительно стоила бы этого названія. Уже въ предыдущемъ параграфѣ мы привели много фактическихъ доказательствъ чрезвычайной дѣятельности воспріятія у самыхъ низшихъ расъ; здѣсь мы прибавимъ къ этому нѣсколько фактовъ, показывающихъ, что эта дѣятельность воспріятія сопровождается бездѣятельностью размысленія. Въ своемъ описаніи Бразильскаго Индѣйца, Батсъ замѣчаетъ: „я убѣжденъ, что онъ не думаетъ ни о чемъ, за исключеніемъ такихъ

предметовъ, которые соприкасаются непосредственно съ его ежедневными материальными нуждами". „Онъ наблюдаетъ хорошо, но не можетъ вывести ничего полезнаго изъ своихъ воспріятій“, говоритъ Бертонъ въ своемъ описаніи восточнаго Африканца; далѣе онъ прибавляетъ, что умъ Африканца „не желаетъ, да, повидимому, и не можетъ вырваться изъ круга ви́шнихъ чувствъ, точно также какъ не хочетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ настоящаго“. Еще болѣе опредѣленно свидѣтельство Гальтона относительно Дамаровъ, у которыхъ человѣкъ „никогда не обобщаетъ“ и кажется, дѣйствительно, необыкновенно тупымъ. Такъ Гальтонъ утверждаетъ, что „Дамарецъ, знающій въ совершенствѣ дорогу отъ А къ В и затѣмъ отъ В къ С, не имѣетъ никакой идеи о дорогѣ напрямикъ изъ А въ С; у него нѣтъ въ головѣ общаго плана своей страны, а лишь безконечное число мѣстныхъ подробностей“. Пальгревъ замѣчаетъ даже о такомъ высокомъ типѣ человѣка, какъ Бедуинъ, что „онъ судитъ о вещахъ на основаніи того, что видитъ передъ собою, а не въ ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ“. Нѣкоторые полу-цивилизованные народы, каковы Тан-тяне, Сандвичане, Яванцы, Суматранцы, Малагазцы и пр., дѣйствительно обнаруживаютъ „живость пониманія, проницательность и сообразительность“. Но всѣ эти способности обнаруживаются ими лишь по отношенію къ простымъ вещамъ, какъ свидѣлствуетъ показаніе Элліса о Малагазцахъ, про которыхъ онъ говоритъ: „факты, анекдоты, происшествія, притчи или басни, относящіяся къ осязательнымъ и видимымъ предметамъ, образуютъ, какъ кажется, основаніе большей части ихъ умственныхъ упражненій“. Чтобы видѣть, до какой степени отсутствіе склонности къ размышленію обще для низшихъ разновидностей человѣка, стоитъ вспомнить слова доктора Пикеринга, который утверждаетъ, на основаніи своей долговременной и разнообразной опытности, что Фиджійцы — единственный дикій народъ, изъ числа тѣхъ, съ которыми онъ встрѣчался, который могъ приводить доводы и съ которымъ было возможно вести связный разговоръ.

§ 42. „Эксцентричность генія“ есть ходячая фраза, намекающая на тотъ общеизвѣстный фактъ, что люди съ оригинальнымъ умомъ склонны обыкновенно слѣдовать въ своихъ дѣйствіяхъ такимъ путямъ, которые не сходятъ съ обыкновенными путями. Дѣлать то, что дѣлаетъ весь свѣтъ, значить руководствоваться въ своихъ поступкахъ подраженіемъ. Отступать отъ обычаевъ свѣта значить уклоняться отъ подражательности. При-этомъ всегда бываетъ такъ, что уменьшеніе стремленія къ подражанію всегда идетъ параллельно съ увеличеніемъ стремленія къ порожденію новыхъ идей. Это отношеніе, въ его обратной формѣ, можетъ быть легко прослѣжено на раннихъ ступеняхъ цивилизаціи. Въ средніе вѣка оригинальность существовала лишь въ очень незначительной сте-

пени; въ людяхъ того времени замѣчалось очень мало стремленія отступать отъ обычаевъ, привычекъ, образа жизни и костюма, установленныхъ для различныхъ классовъ. Еще въ большей мѣрѣ существовала эта черта въ вымершихъ обществахъ Востока. Идеи отличались прочностью и неподвижностью, и сила общественныхъ предписаній была неодолима.

Наблюдая отчасти-цивилизованныя низшія расы, мы находимъ, что подражательность составляетъ очень замѣтную черту ихъ характера. Всякій слышалъ про забавную склонность Негровъ рядиться, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ одежду бѣлыхъ и расхаживать въ ней, подражая самымъ смѣшнымъ образомъ ихъ манерамъ и жестамъ. Къ числу характеристическихъ особенностей Новозеландцевъ принадлежитъ способность къ подражанію. Дайяки также обнаруживаютъ „большую любовь къ подражанію“; тоже самое рассказываютъ и о другихъ Малайце-Полинезійцахъ. Масонъ говоритъ: „хотя Карены не способны къ оригинальному творчеству, но зато обнаруживаютъ столь же большія способности къ подражанію, какъ и Китайцы“. О Камчадалахъ мы читаемъ, что они обладаютъ „особеннымъ талантомъ передразнивать людей и животныхъ“; о племени Нутка-Саундъ говорятъ, что „они очень искусны въ подражаніи“, а про горныхъ Индѣйцевъ изъ племени Змѣи, что „они подражаютъ различнымъ звукамъ и голосамъ всевозможныхъ животныхъ съ чрезвычайнымъ совершенствомъ“. Подобные же факты встрѣчаемъ мы и въ Южной Америкѣ. Геридонъ былъ пораженъ способностью къ передразниванію у Бразильскихъ Индѣйцевъ. Вильксъ говоритъ о Патагонцахъ какъ объ „изумительныхъ мимическихъ актерахъ“. А Добрицгоферъ, описывая Гуаранисовъ и сказавъ, что они способны къ очень точному подражанію, прибавляетъ къ этому, что они надѣлаютъ самыхъ глупыхъ промаховъ, если вы оставите хотя что-нибудь на ихъ собственное соображеніе. Но эта склонность къ подражанію, мимикѣ и передразниванію особенно замѣтна у самыхъ низшихъ расъ. Многіе путешественники распространяются по поводу „необыкновеннаго стремленія къ подражанію“, обнаруживаемаго Огнеземельцами. Они „повторяютъ съ совершенной точностью каждое слово любой фразы, съ которой къ нимъ обращаются“, передразнивая въ тоже время жесты и позу говорящаго. Столь же высокія подражательныя способности обнаруживаютъ, по словамъ Муата, и Андаманезцы, которые, подобно Огнеземельцамъ, тоже повторяютъ вопросъ, вмѣсто того чтобы отвѣчать на него, — обстоятельство, подтверждаемое и Фитче. Митчелъ рассказываетъ подобныя же вещи объ Австралійцахъ, которые, по его словамъ, обладаютъ особеннымъ талантомъ къ подражанію и которые „обнаруживаютъ странное извращеніе“ характера, „повторяя слова“, про которыя „знаютъ, что они обращены къ нимъ въ видѣ вопроса“.

Въ этой подражательности, обнаруживаемой въ наименьшей степени высшими

представителями цивилизованных расъ и въ наибольшей степени низшими дикарями, мы видимъ дальнѣйшее проявленіе антагонизма между дѣятельностью воспріятія и дѣятельностью размышленія. Почти у всѣхъ низшихъ стадныхъ животныхъ, какъ напримѣръ у грачей, которые поднимаются всей стаей, какъ только взлетитъ одинъ изъ нихъ, или у овецъ, которыя, слѣдѣя за передовымъ бараномъ, повторяютъ даже безъ надобности его прыжки, мы видимъ почти автоматическое повтореніе тѣхъ дѣйствій, которыя они замѣчаютъ у своихъ товарищей; эта особенность, общая у нихъ съ низшими человѣческими типами, это стремленіе „обезьянничать“ другихъ, какъ мы многозначительно называемъ это свойство, указываетъ на менѣе значительное удаленіе отъ животнаго типа ума. Эта черта представляетъ намъ такое душевное дѣйствіе, которое опредѣляется главнымъ образомъ, изъ минуты въ минуту, случайностями окружающей среды и которое, слѣдовательно, лишь очень мало опредѣляется причинами, предполагающими значительную ширину мысли, обширность обнимаемой ею области, воображеніе и оригинальныя идеи.

§ 43. Наше представленіе о первобытномъ человѣкѣ, съ умственной его стороны, станетъ еще яснѣе, когда, запасшись всѣми вышеизложенными индукціями, мы рассмотримъ доказательства слабаго полета его мысли.

Въ обыкновенной рѣчи не достаетъ выраженій для отличенія различныхъ степеней душевной дѣятельности. Мальчика называютъ способнымъ за то, что онъ быстро воспринимаетъ простыя идеи, хотя онъ можетъ оказаться неспособнымъ къ воспріятію идей сложныхъ; мальчика осуждаютъ, какъ туницу, только потому, что ему тяжело дается заучиванье на память, хотя его постиганіе отвлеченныхъ истинъ можетъ оказаться болѣе живымъ, чѣмъ у его учителя. Мы должны заранѣе признать существованіе контрастовъ этого рода, если хотимъ уяснить себѣ взаимно-противорѣчащія свидѣтельства, относящіяся къ способностямъ нецивилизованныхъ расъ. Даже объ Огнеземельцахъ мы читаемъ, что они „обыкновенно не обнаруживаютъ недостатка умственныхъ способностей“; даже про Андаманезцевъ намъ говорятъ, что они „чрезвычайно сообразительны и способны“; а про Австралійцевъ утверждаютъ, что они такъ же умны, какъ нашъ обыкновенный крестьянинъ. Но тѣ дарованія, которыми, на основаніи этихъ разсказовъ, обладаютъ люди даже самыхъ низшихъ типовъ, суть такія дарованія, для которыхъ достаточно самыхъ простыхъ способностей; ниже мы увидимъ, что, рядомъ съ этими дарованіями, оказывается полнѣйшее безсиліе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется дѣятельность болѣе сложныхъ способностей. Среднее умственное состояніе дикаря изображено очень хорошо въ томъ отрывкѣ, который приведенъ сэромъ Джономъ Лёббокомъ, въ его книгѣ, изъ описанія сѣвероамериканскихъ Атсовъ, сдѣланнаго Сиротомъ. Сиротъ говоритъ:

«Умъ туземца кажется вообще образованному человѣку находящимся въ сонномъ состояніи... Когда его вниманіе бываетъ пробуждено въ полной мѣрѣ, онъ обнаруживаетъ нерѣдко много живости въ отвѣтахъ и не мало находчивости въ своихъ доводахъ. Но уже краткій разговоръ утомляетъ его, въ особенности если предлагаемые ему вопросы требуютъ съ его стороны извѣстныхъ усилій мысли или памяти. Тогда умъ дикаря начинаетъ какъ-будто блуждать изъ стороны въ сторону просто отъ усталости».

Тоже самое видимъ мы и въ Южной Америкѣ: Спиксъ и Марциусъ разсказываютъ о Бразильскомъ Индѣйцѣ, что „едва лишь кто-нибудь начнетъ задавать ему вопросы объ его языкѣ, какъ онъ становится раздражителенъ, жалуется на головную боль и вообще обнаруживаетъ всѣ признаки того, что не способенъ переносить долѣе это упражненіе;“ а Бэтсъ говоритъ о тѣхъ же самыхъ племенахъ, что „отъ нихъ очень трудно добиться ихъ понятій насчетъ предметовъ, требующихъ хотя немного отвлеченной мысли“. Точно также и Добрицгоферъ замѣчаетъ объ Абинонахъ, что „когда имъ не удастся понять чего-нибудь съ перваго взгляда, они быстро утомляются изслѣдованіемъ и догадками и восклицаютъ: Что же это такое наконецъ?“ Подобные же факты сообщаютъ о такихъ болѣе прогрессивныхъ расахъ, какъ Негры. Бёртонъ говоритъ объ обитателяхъ восточной Африки: „десяти минутъ достаточно, чтобы утомить самаго способнаго и сообразительнаго изъ нихъ, если вы начнете распрашивать его о ихъ системѣ счисленія.“ Даже о такой сравнительно высокой расѣ, какъ Малагазцы, замѣчено, что „они, повидимому, не обладаютъ тѣми качествами ума, которыя требуются для внимательнаго и продолжительнаго мышленія.“

Когда мы припомнимъ, что для составленія себѣ идеи о какомъ-либо видѣ, напримѣръ о форели, необходимо представить себѣ въ мысли признаки, общіе форелямъ различныхъ размѣровъ; когда мы припомнимъ, что для представленія себѣ какого-либо класса, напр. класса рыбъ, мы должны вообразить множество рыбъ самыхъ разнообразныхъ формъ и усмотрѣть мысленно тѣ сходства, которыя соединяютъ ихъ между собою, несмотря на ихъ несходства,—когда мы припомнимъ это, то поймемъ, что, при восхожденіи отъ сознанія индивидуальныхъ предметовъ къ сознанію видовъ, затѣмъ къ сознанію родовъ, порядковъ и классовъ, каждый дальнѣйшій шагъ предполагаетъ все большую и большую способность къ группированію въ мысли почти одновременно многочисленныхъ, болѣе или менѣе сходныхъ предметовъ. А понявъ это, мы можемъ также понять и то, почему умъ дикаря, въ которомъ не хватаетъ требующейся для этого воспроизводительной силы сознанія, скоро утомляется всякою мыслью, за исключеніемъ самыхъ простыхъ. Самыя избитыя наши предложенія, — за исключеніемъ такихъ, которыя относятся къ индивидуальнымъ предметамъ,—даже, напримѣръ, такіа предложенія, какъ: „расте-

ния зелены" или „животныя растутъ“, никогда не слагались въ опредѣленной формѣ въ сознаниі дикаря, по той простой причинѣ, что у него нѣтъ никакой идеи о растеніи или животномъ, независимо отъ того или другаго рода растений и животныхъ. А пока онъ не ознакомился съ общими и отвлеченными идеями низшихъ порядковъ, понятно, что идеи болѣе высокой общности и болѣе высокой отвлеченности не могутъ быть доступны его уму. Это аналитическое изображеніе первобытнаго ума можетъ быть съ выгодною пояснено примѣромъ, заимствованнымъ изъ разсказа Гальтона о Дамарахъ, показывающаго, что конкретныя идеи, подставляемые постоянно на мѣсто абстрактныхъ до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, скоро оказываются недостаточными и дѣлаютъ умъ неспособнымъ къ мышленію болѣе высокаго порядка. Гальтонъ говоритъ:

«Послѣ пяти, они начинаютъ сильно путаться въ счетѣ, потому что у нихъ не достаетъ свободной руки, чтобы брать и удерживать пальцы, изображающіе единицы. Однако, они рѣдко теряютъ своихъ быковъ; но, при повѣркѣ стада, они узнаютъ о потерѣ не вслѣдствіе уменьшенія составлявшаго его числа головъ, а вслѣдствіе отсутствія извѣстной знакомой фигуры. При мѣновомъ торгѣ, имъ приходится платить за каждую овцу особо. Предположимъ, что овца промѣнивается на двѣ папуши табаку; въ такомъ случаѣ Дамарецъ былъ бы сильно сбитъ въ мысляхъ, еслибы вы взяли у него прямо двѣ овцы и вручили бы ему четыре папуши табаку» (Tropical S. Africa, p. 132).

Это умственное состояніе, составляющее результатъ неспособности выйти изъ области конкретнаго, находитъ себѣ новое подтвержденіе, хотя и въ другомъ направленіи, въ замѣткахъ Годжсона о горныхъ племенахъ Индіи. „Свѣтъ, говоритъ онъ, есть отвлеченіе столь высокое, что ни одинъ изъ допрошенныхъ мною туземцевъ не могъ схватить его, хотя они легко представляли эквиваленты для словъ: солнечный блескъ, пламя свѣчи, огонь костра.“ То же умственное состояніе видится изъ замѣчанія Спикса и Марціуса, когда они говорятъ, что тщетно было бы искать въ языкѣ Бразильскихъ Индѣйцевъ „словъ для выраженія такихъ абстрактныхъ идей, какъ растеніе, животное, или такихъ еще болѣе абстрактныхъ понятій, какъ: цвѣтъ, тонъ, полъ, видъ и пр.; такое обобщеніе идей мы находимъ у нихъ только въ частомъ употребленіи неокончательныхъ наклоненій глаголовъ: ходить, ѣсть, пить, плясать, нѣтъ, слышать и т. п.“

§ 44. Только когда у человѣка сложилась общая идея, посредствомъ сближенія многихъ частныхъ идей, обладающихъ нѣкоторою общою имъ всѣмъ чертою среди ихъ взаимныхъ различій, — и когда, вслѣдствіе этого, является возможность связать въ мысли эту общую черту съ нѣкоторой другою чертой, также принадлежащей всѣмъ этимъ частнымъ идеямъ сообща, —

только тогда, а не ранѣе, можетъ возникнуть идея о какомъ-либо причинномъ отношеніи; и тогда только, когда было уже наблюденіе много различныхъ причинныхъ отношеній, можетъ явиться идея о причинномъ отношеніи вообще, о причинномъ отношеніи, разсматриваемомъ отвлеченно. Пока сравненіе опытовъ не породило понятія о постоянномъ порядкѣ въ явленіяхъ, у человѣка не можетъ существовать понятія о безпорядкѣ, составляющемъ антитезу предыдущаго. Подобно тому, какъ дитя, не знающее ничего о ходѣ вещей, вѣрить невозможной выдумкѣ такъ же легко, какъ и самому обыкновенному факту, такъ точно и дикарь, тоже лишенный классифицированнаго и систематизированнаго знанія, не видитъ ничего несогласнаго между сообщаемымъ ему нелѣпымъ вздоромъ и какой-либо прочно-установленной общей истиной, ибо для него не существуетъ никакой прочно-установленной общей истины.

Вслѣдствіе этого, то легковѣріе, которое въ насъ было бы неестественно, въ немъ вполне естественно. Когда молодой дикарь беретъ для своего тотема первое животное, которое онъ увидитъ во снѣ во время специально-предпринятаго для этого поста, и впоследствии смотритъ на это животное какъ на священное; когда негръ, — какъ это сообщаетъ намъ Босманъ, — собираясь на какое-нибудь важное предпріятіе, избираетъ своимъ божествомъ, покровителемъ и помощникомъ первый предметъ, который онъ увидитъ выходя изъ хижины, послѣ чего онъ приноситъ ему жертвы и молится ему; когда Веддахъ, не попавъ стрѣлою въ цѣль, приписываетъ свою неудачу не плохому прицѣлу, а недостаточному умилостивленію имъ своего божества, — мы должны смотрѣть на представленія, скрытыя въ этихъ поступкахъ, какъ на нормальныхъ спутниковъ того умственного состоянія, при которомъ организація опытовъ подвинулась еще не довольно далеко, чтобы выработать идею о естественной причинности.

§ 45. Отсутствіе идеи о естественной причинности предполагаетъ отсутствіе и разумаго удивленія. Впрочемъ это очевидное слѣдствіе должно быть изложено подробнѣе и пояснено примѣрами.

Пока человѣкъ не достигъ того убѣжденія, что нѣкоторыя связи между вещами имѣютъ постоянный характеръ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ чувствовать никакого изумленія, встрѣчаясь со случаями, находящимися въ кажущемся разногласіи съ этимъ убѣжденіемъ. Это мы можемъ видѣть даже изъ поведенія необразованныхъ членовъ нашего собственнаго общества. Покажите простому крестьянину какой-нибудь замѣчательный опытъ, — напримѣръ поднятіе жидкости въ волосной трубкѣ, или внезапное закипаніе горячей воды, помѣщенной въ безвоздушное пространство, — и что же: вмѣсто изумленія, котораго ожидали, вы встрѣтите тупое равнодушіе; то, что поразило васъ удивленіемъ,

когда вы въ первый разъ увидѣли это, вслѣдствіе своего кажущагося разногласія съ вашими общими идеями о физическихъ процессахъ, не кажется ему удивительнымъ, потому что онъ не обладаетъ этими общими идеями. Если мы предположимъ теперь, что нашъ крестьянинъ лишенъ и тѣхъ общихъ идей, которыми онъ обладаетъ, и что, вслѣдствіе этого, онъ имѣетъ еще менѣе причинъ или поводовъ къ удивленію, то мы получимъ умственное состояніе первобытнаго чловѣка.

Почти всѣ самыя низшія чловѣческія расы отличаются, по словамъ путешественниковъ, замѣчательнымъ равнодушіемъ ко всему новому и невиданному. По словамъ Кука, Огнземельцы обнаруживали совершенное равнодушіе въ присутствіи вещей, которыя были вполне новы для нихъ. Тотъ же самый путешественникъ замѣтилъ эту же особенность и у Австралійцевъ; также и другіе путешественники описывали замѣчательную безстрастность, которую они обнаруживаютъ при показываніи имъ разныхъ странныхъ предметовъ. По словамъ Дампіера, тѣ изъ нихъ, которые были у него на кораблѣ, „не обращали вниманія на суднѣ рѣшительно ни на что,“ кромѣ того, чтѣ имъ давали ѣсть. Точно также и о Тасманійцахъ докторъ Кукъ рассказываетъ, что они отличались отсутствіемъ выраженія удивленія. Капитанъ Валлисъ утверждаетъ о Патагонцахъ, что „они проявляли самое непонятное равнодушіе ко всему, окружавшему ихъ на кораблѣ; даже зеркало не возбудило въ нихъ никакого изумленія, хотя оно очень забавляло ихъ.“ Капитанъ Вильксъ свидѣтельствуетъ о нихъ тоже самое. Я нашелъ также въ одномъ разсказѣ о деревнѣ Ведаховъ, что двое изъ жителей „не выказали ни малѣйшаго удивленія по отношенію къ зеркалу“. А о Самоѣдахъ мы читаемъ у Пинкертонъ, что „ничто не вызывало у нихъ удивленія, кромѣ зеркала, да и то лишь на одно мгновеніе; черезъ минуту и оно переставало привлекать къ себѣ ихъ вниманіе“.

§ 46. Это отсутствіе удивленія естественно сопровождается отсутствіемъ разумной любознательности; тамъ же, гдѣ способность къ мышленію развита всего менѣе, и самое изумленіе можетъ имѣть мѣсто, ничуть не вызывая собою пытливости, стремленія къ изслѣдованію. Бёрчелль, замѣтивъ, что Бушмены не „обнаруживаютъ нисколько любопытства“, прибавляетъ: „я показывалъ имъ зеркало; при-этомъ они смѣялись и глазѣли въ него съ тупымъ удивленіемъ тому, что видятъ свои собственныя лица; но они не выразили ни малѣйшей любознательности по этому поводу“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ факты, указывающіе на любознательность, факты эти относятся къ расамъ, стоящимъ не на столь низкой ступени душевнаго развитія. Любознательность Ново-Каледонцевъ была замѣчена Кукомъ, а любознательность Ново-Гвинейцевъ указана Ёрломъ и Джуксомъ. Относительно-прогрессивныя Малайце-Полинезійцы обна-

руживаются еще болѣе пытливый характеръ. По словамъ Бойля, Дайяки отличаются ненасытнымъ любопытствомъ. Самоанцы также „обыкновенно бываютъ очень пытливы“; а Таитяне „замѣчательно любопытны и пытливы“, — фактъ, къ которому слѣдуетъ присовокупить то обстоятельство, что изумленіе, повидимому, развито у нихъ гораздо болѣе, чѣмъ у низшихъ расъ.

Очевидно, что такое отсутствіе желанія получить какія-либо свѣдѣнія относительно новыхъ вещей, — характеризующее, какъ мы видѣли, самое низшее умственное состояніе, — служить уже само по себѣ препятствіемъ къ тому приобритенію обобщеннаго знанія, которое дѣлаетъ возможнымъ разумное изумленіе и вытекающую изъ него разумную пытливость. Коль скоро „отсутствіе любознательности доходить до крайнихъ предѣловъ“, — какъ у описываемыхъ Бэтсомъ Индѣйцевъ изъ племени Кукама, — то естественнымъ послѣдствіемъ этого является то, что такой Индѣецъ „очень мало заботится о причинахъ происходящихъ вокругъ него явленій“. Не обладая способностью къ мышленію и сопровождающимъ ее желаніемъ — знать, дикарь не имѣетъ стремленія къ умозрѣнію. Онъ не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки объяснить даже тѣ явленія, которыя постоянно насильственно напрашиваются на его вниманіе. Такъ что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ ставятъ такой вопросъ, — вопросъ, часто предлагаемый Мунго-Паркомъ неграмъ: „Что дѣлалось съ солнцемъ въ продолженіе ночи? И увидимъ ли мы утромъ то же самое солнце или другое?“ — они не даютъ на него никакого отвѣта. „Я убѣждался, что они смотрятъ на подобный вопросъ какъ на ребячество.... они никогда не позволяли себѣ по этому поводу никакой догадки, никакого предположенія“.

Намъ слѣдуетъ хорошенько запомнить общій фактъ, вытекающій изъ всѣхъ этихъ примѣровъ. Фактъ этотъ находится въ полномъ разногласіи съ ходячими идеями насчетъ мыслей первобытнаго человѣка. Намъ обыкновенно рисуютъ его такъ, какъ будто-бы онъ теоретизируетъ по поводу окружающихъ его явленій; между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, онъ даже не чувствуетъ надобности въ объясненіяхъ этихъ явленій.

§ 47. Здѣсь будетъ не бесполезно привести нѣсколько примѣровъ еще одной особенности, сопутствующей этой неразвитой формѣ мыслительности. Я разумно недостатокъ постройтельнаго (творческаго) воображенія. Этотъ недостатокъ естественно сопровождается жизнью простаго воспріятія, подражательности, конкретныхъ идей и неспособности къ отвлеченнымъ идеямъ, представляемую намъ первобытнымъ человѣкомъ.

Собраніе утвари и оружія, расположенное полковникомъ Лэнгомъ Фоксомъ въ такомъ порядкѣ, который позволяетъ усмотрѣть ихъ родство съ нѣкоторыми общими имъ всѣмъ оригиналами самыхъ простѣйшихъ типовъ, невольно вну-

шаетъ намъ мысль, что первобытнымъ людямъ не слѣдуетъ приписывать даже той изобрѣтательности, на которую, повидимому, указываютъ ихъ простыя орудія. Всѣ эти орудія возникли путемъ незначительныхъ видоизмѣненій, и постепенный подборъ такихъ видоизмѣненій привелъ мало-по-малу, безъ всякихъ скачковъ, къ различнымъ родамъ орудій, безъ того, чтобы по отношенію къ которому-нибудь изъ нихъ имѣло мѣсто дѣйствительное изобрѣтеніе.

Доказательство другаго рода, но подобнаго же значенія, доставляетъ намъ записка сэра Самуила Бекера о „Племенахъ Нильскаго Бассейна“ (Ethn. Trans., 1867), въ которой онъ указываетъ, что жилища различныхъ племенъ также постоянны въ своемъ типѣ, какъ гнѣзда птицъ: каждое племя негровъ, подобно каждому виду птицъ, представляетъ съ этой стороны свою постоянную особенность. Онъ указываетъ также въ своей запискѣ на то, что такія же постоянныя различія имѣютъ мѣсто и по отношенію къ головнымъ уборамъ, и утверждаетъ при-этомъ, что головные уборы и формы хижинъ расходятся другъ отъ друга по своимъ типамъ въ такой же мѣрѣ, въ какой расходятся языки этихъ племенъ. Всѣ эти факты показываютъ, что у этихъ племенъ мысли, ограниченныя въ своемъ теченіи узкими, прочно-установленными путями, не имѣютъ той свободы, которая требуется для вступленія въ новыя комбинаціи и для порожденія, такимъ образомъ, новыхъ способовъ дѣйствія и новыхъ формъ производства.

Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ низшимъ расамъ и приписывается изобрѣтательность, то всѣ эти случаи относятся къ такимъ расамъ, какъ Таитяне, Яванцы и др., которыя уже достигли значительной степени цивилизаціи, обладаютъ значительнымъ запасомъ отвлеченныхъ словъ и идей, обнаруживаютъ разумное удивленіе и пытливость и которыя, такимъ образомъ, доказываютъ существованіе у нихъ болѣе высокаго умственнаго развитія.

§ 48. Здѣсь мы естественно приходимъ къ общей истинѣ, сродной съ тою, которую, въ двухъ предыдущихъ главахъ, мы предпосылали сгруппировкѣ полученныхъ результатовъ. Я говорю о той истинѣ, что первобытный умъ, относительно болѣе простой, развивается быстрѣе и ранѣе достигаетъ послѣднихъ предѣловъ своего развитія.

Въ Основаніяхъ Психологіи, § 165, я привелъ свидѣтельства путешественниковъ объ Австралійцахъ, о неграхъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, о неграхъ долины Нила, объ Андаманезцахъ, Ново-зеландцахъ и Сандвичанахъ, — свидѣтельства, показывающія, что дѣти всѣхъ этихъ расъ оказываются живѣе европейскихъ дѣтей въ приобрѣтеніи простыхъ идей, но что потомъ они скоро совсѣмъ останавливаются на пути своего развитія, вслѣд-

ствіе неспособности къ воспріятію сложныхъ идей, легко усвоиваемыхъ европейскими дѣтьми, когда они доходятъ до нихъ. Въ видѣ дальнѣйшихъ примѣровъ, я могу прибавить еще сюда замѣчаніе Рида, что въ тропической Африкѣ дѣти „нелѣпо скороспѣлы“; утвержденіе капитана Бёртона, что западные африканцы „замѣчательно сообразительны и способны до наступленія половой зрѣлости, но эта эпоха, повидимому, ведетъ за собою и здѣсь, какъ у Индусовъ, какое-то окаменѣніе мозга“; а также описаніе Алеутовъ полуострова Аляски, которые „до извѣстнаго предѣла учатся весьма легко“. Это раннее прекращеніе развитія, — этотъ переходъ отъ дѣятельной воспримчивости, пока дѣло шло о воспріятіи лишь простыхъ идей, къ медленной воспримчивости, какъ только приходится воспринимать идеи нѣкоторой сложности, — предполагаетъ одновременно и низкую умственную природу, и большую помѣху къ умственному прогрессу, такъ какъ это обстоятельство дѣлаетъ большую половину жизни неспособной къ видоизмѣненіямъ, подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ опытовъ. Когда мы читаемъ о восточномъ африканцѣ, что онъ „соединяетъ неспособность дѣтства съ негибкостью зрѣлаго возраста“, или когда намъ рассказываютъ объ Австралійцѣ, что „по достиженіи имъ двадцатилѣтняго возраста его умственная сила кажется повернувшей подъ гору, а въ сорокъ лѣтъ она кажется совсѣмъ потухшей“, то мы не можемъ не видѣть, какъ значительно мѣшается эта остановка душевнаго развитія всякому улучшенію именно тамъ, гдѣ улучшеніе требуется всего болѣе.

Итакъ, умственные черты нецивилизованнаго человѣка оказываются, вслѣдствіе этого обстоятельства, особенно трудно-измѣняемыми. Мы можемъ теперь перечислить ихъ еще разъ на ребенкѣ цивилизованнаго человѣка, такъ какъ умственный складъ нецивилизованнаго предка повторяется въ ребенкѣ цивилизованнаго потомка.

Младенчество и дѣтство, какъ мы видимъ, вполне поглощены ощущеніями и воспріятіями, сродными тѣмъ, которыя характеризуютъ дикаря. Разрывая въ куски свои игрушки, дѣлая пирожки изъ глины, глазѣя на каждую новую вещь или лицо, ребенокъ показываетъ этимъ, что въ его умѣ преобладаетъ воспріятіе, размышленіе же сравнительно слабо.

Затѣмъ нельзя не замѣтить здѣсь очевиднаго параллелизма со стороны стремленія къ подражанію. Дѣти постоянно занимаютъ представленіями жизни взрослыхъ въ драматической формѣ, а дикари, вмѣстѣ съ другими ихъ выходками по части подражанія и передразниванія, подобнымъ же образомъ, любятъ представлять въ драматической формѣ дѣйствія ихъ цивилизованныхъ посѣтителей.

Отсутствіе способности различать полезные факты отъ бесполезныхъ характеризуетъ въ такой же мѣрѣ молодой умъ, какъ и умъ первобытнаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, при видѣ того, какъ ребенокъ, заучивая факты, въ формѣ ли урока, или въ формѣ самостоятельнаго наблюденія, заучиваетъ ихъ лишь ради ихъ самихъ, безъ всякой мысли о ихъ значеніи какъ матеріаловъ для обобщенія, для насъ становится очевиднымъ, что эта неспособность выбирать питательные факты есть необходимый спутникъ низкаго развитія; такъ какъ, пока обобщеніе не сдѣлало нѣкотораго прогресса и пока привычка къ обобщенію не установилась достаточно прочно, человѣкъ не можетъ достигнуть понятія о томъ, что фактъ имѣетъ еще отдаленное значеніе, независимое отъ того непосредственнаго значенія, которое онъ можетъ имѣть. Да-

лѣе, мы видимъ у молодыхъ особей нашей собственной расы параллельную неспособность къ сосредоточенію вниманія на чемъ-либо сложномъ или отвлеченномъ. Умъ ребенка, подобно уму дикаря, скоро начинаетъ блуждать изъ стороны въ сторону отъ утомленія и истощенія всякій разъ, какъ ему приходится имѣть дѣло съ общими идеями и сложными предложеніями.

Рядомъ съ этой слабостью высшихъ умственныхъ способностей, идетъ въ обоихъ случаяхъ отсутствіе или бѣдность тѣми идеями, которыя схватываются съ помощью этихъ способностей. Дитя, подобно дикарю, обладаетъ очень немногими словами, представляющими даже низкую степень отвлеченности; словъ же высокой степени отвлеченности у него нѣтъ ни одного. Ребенокъ хорошо знакомъ съ самаго ранняго возраста съ кошкою, собакою, лошадыю, коровою, но не имѣетъ никакого понятія о животномъ, независимо отъ того или другаго рода животныхъ, и цѣлые годы должны пройти прежде, чѣмъ слова *на ие, остъ и есть* (*ion and ity*) появятся въ его словарѣ. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ не достаетъ самыхъ орудій развитой мысли.

Такъ какъ умъ ребенка не обладаетъ общими истинами и понятіемъ о естественномъ порядкѣ, то поэтому ребенокъ, въ ранней молодости, подобно дикарю въ теченіе всей его жизни, обнаруживаетъ мало разумнаго удивленія и разумной любознательности. Все, что сильно поражаетъ внѣшнія чувства, — напримѣръ, неожиданная блестящая вспышка или громкій взрывъ, — можетъ заставить его выпучить глаза или, можетъ быть, вскрикнуть и заплакать; но покажите ему химическій опытъ или обратите его вниманіе на дѣйствіе гироскопа, и его интересъ при-этомъ окажется ни чуть не сильнѣе его интереса къ самой обыкновенной новой игрушкѣ. Послѣ нѣкотораго времени, когда высшія умственныя способности, унаслѣдованныя ребенкомъ отъ его цивилизованныхъ предковъ, начинаютъ дѣйствовать, и когда умственное развитіе ребенка представляетъ изображеніе умственнаго развитія такихъ получивилизованныхъ расъ, какъ Малайце-Полинезійцы, у ребенка начинаетъ обнаруживаться разумное удивленіе и разумная любознательность по отношенію къ встрѣчающимся ему случаямъ.

ГЛАВА VIII.

ПЕРВОБЫТНЫЯ ИДЕИ.

§ 49. Но приготовленія наши къ истолкованію общественныхъ явленій еще не кончены. Еще не достаточно того, что мы познакомились, во первыхъ, съ ви́шними факторами ихъ и, во вторыхъ, съ тѣми ихъ внутренними факторами, которые разсматривались въ трехъ предыдущихъ главахъ, описывавшихъ первобытнаго человѣка съ его физической, эмоціональной и умственной стороны. Поведеніе соціальной единицы, подвергающейся дѣйствию окружающихъ условій: неорганическихъ, органическихъ и надъ-органическихъ, зависитъ отчасти еще отъ нѣкоторыхъ добавочныхъ чертъ. Ибо, кромѣ тѣхъ видимыхъ особенностей организаціи, которыя обнаруживаетъ тѣло человѣка, и кромѣ тѣхъ скрытыхъ особенностей организаціи, на которыя указываетъ его духовный типъ, существуютъ еще нѣкоторыя особенности, сродныя съ только-что названными, но еще болѣе скрытыя,—особенности, на которыя указываютъ приобрѣтенныя вѣрованія. Подобно тому, какъ сами умственные силы суть продукты накопленныхъ опытовъ, которые сформировали въ соотвѣтствіе себѣ мозговые аппараты, придавъ имъ извѣстныя структурныя формы, такъ точно и идеи, выработанныя съ помощью этихъ силъ въ теченіе индивидуальной жизни, суть продукты личныхъ опытовъ, которымъ соотвѣтствуютъ нѣкоторыя мелкія видоизмѣненія въ унаслѣдованныхъ нервныхъ структурахъ. Полное описаніе первобытной общественной единицы должно обнимать собою и эти видоизмѣненія, или, лучше сказать, должно обнимать соотносительныя имъ идеи, указывающія на ихъ существованіе. Ибо очевидно, что тѣ идеи, которыя создаетъ себѣ первобытный человѣкъ о себѣ самомъ, о другихъ существахъ и объ окружающемъ его мірѣ, значительно вліяютъ на его поведеніе.

Правильное представлѣніе объ этихъ послѣднихъ видоизмѣненіяхъ, или объ соотносительныхъ имъ идеяхъ, можетъ быть составлено лишь съ очень большимъ трудомъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь на своемъ пути огромныя препятствія, какъ со стороны индуктивнаго, такъ и со стороны дедуктивнаго истолкованія фактовъ. Взглянемъ же прежде всего на эти препятствія.

§ 50. Опредѣленіе того, какія понятія суть истинно первобытныя, было бы нетрудно, еслибы мы имѣли описанія истинно первобытныхъ людей. Но есть много причинъ подозрѣвать, что существующіе нынѣ люди самыхъ низшихъ типовъ, образующіе общественныя группы самаго простаго рода, не представляютъ собою примѣровъ такихъ людей, какими они были въ первобытномъ состояніи. Есть много вѣроятностей того, что если не все они, то большинство ихъ имѣло своими предками людей, находившихся на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, и что поэтому между ихъ вѣрованіями и убѣжденіями сохранились еще такія, которыя развились на одной изъ этихъ болѣе высокихъ ступеней. Если теорія регресса, въ своей ходячей формѣ, должна считаться несостоятельной, то и теорія прогресса, принимаемая безъ всякихъ ограниченій, кажется мнѣ также несостоятельной. Если, съ одной стороны, факты не подтверждаютъ того понятія, будто-бы дикое состояніе есть всегда результатъ утраты прежней цивилизаціи, то, съ другой стороны, и противоположное понятіе, будто-бы самое низкое дикое состояніе всегда стояло такъ низко, какъ теперь, также не имѣетъ за себя достаточныхъ фактическихъ ручательствъ. Очень возможно, а по моему убѣжденію даже въ высшей степени вѣроятно, что регрессъ имѣлъ мѣсто также часто, какъ и прогрессъ.

Развитіе понимается обыкновенно такъ, какъ будто-бы оно необходимо предполагаетъ, что во всемъ существуетъ внутреннее стремленіе стать чѣмъ-то высшимъ; но это — ошибочное пониманіе развитія. Развитіе, во всѣхъ случаяхъ, опредѣляется взаимодействіемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ. Это взаимодействіе вырабатываетъ извѣстныя измѣненія, продолжающіяся до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто равновѣсіе между дѣйствіями окружающей среды и дѣйствіями противопоставляемыми имъ агрегатомъ, — равновѣсіе полное, если это агрегатъ неживой, и равновѣсіе подвижное, если это агрегатъ живой. Послѣ этого момента развитіе, продолжающее обнаруживаться только въ прогрессивной интеграціи, оканчивающейся завершеніемъ въ нѣкоторыхъ неподвижныхъ формахъ, практически можетъ считаться прекратившимся. Такъ, напримѣръ, разсматривая какой-либо живой агрегатъ, образующій нѣкоторый органическій видъ, мы видимъ, что если дѣйствія окружающей среды остаются постоянными изъ поколѣнія въ поколѣніе, то и самый видъ остается постояннымъ. Если же дѣйствія

среды измѣняются, то и видъ измѣняется, пока не приведетъ себя снова въ равновѣсіе съ ними. Но отсюда ничуть не слѣдуетъ, будто-бы это измѣненіе должно представлять непременно новый шагъ въ развитіи. Обыкновенно, въ результатъ не оказывается ни прогресса, ни регресса; но нерѣдко случается, что, вслѣдствіе новыхъ условій, нѣкоторые прежде пріобрѣтенныя структурныя особенности становятся лишними, и тогда въ результатъ получается болѣе простая форма. Только изрѣдка измѣненіе въ средѣ вызываетъ въ организмъ новое усложненіе и производитъ такимъ образомъ нѣсколько болѣе высокій типъ. Отсюда слѣдуетъ та истина, что, въ теченіе неизмѣримыхъ періодовъ прошлаго, нѣкоторые типы не подвинулись ни впередъ, ни назадъ; въ нѣкоторыхъ другихъ типахъ произошло дальнѣйшее развитіе; но было также много и такихъ типовъ, для которыхъ имѣлъ мѣсто регрессъ. Я разумѣю здѣсь не только такіе факты, какъ тотъ, что четверожаберныя головоногія, представлявшія когда-то множество родовъ и заключавшія не мало очень крупныхъ видовъ, выродились дотого, что имѣютъ теперь всего одного представителя очень посредственной величины; или какъ тотъ, что самыя высшіе порядки пресмыкающихся, *Pterosauria* и *Dinosauria*, которые обладали когда-то большимъ числомъ родовъ, весьма высокаго устройства и гигантскаго роста, теперь совершенно угасли, между тѣмъ какъ низшіе порядки пресмыкающихся выжили до нашихъ временъ; или какъ тотъ, что многіе роды млекопитающихъ обладали прежде видами, гораздо болѣе крупными, чѣмъ всѣ ихъ нынѣ существующіе родичи; но я разумѣю въ особенности тотъ фактъ, что между паразитными животными мы имѣемъ почти безчисленное количество родовъ, представляющихъ выродившіяся видоизмѣненія болѣе высокихъ родовъ. Разсматривая всѣхъ существующихъ нынѣ животныхъ, включая сюда и паразитовъ, мы найдемъ, что большинство ихъ отступило назадъ отъ того строенія, котораго достигли когда-то ихъ отдаленные предки. Въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко прогрессъ однихъ типовъ обуславливаетъ регрессъ другихъ. Ибо болѣе развитой типъ, побѣждая другихъ съ помощью пріобрѣтеннаго имъ превосходства, всегда стремится прогнать соперничающіе съ нимъ типы въ обиталища болѣе низкаго качества и принудить ихъ обратиться къ менѣе выгодному образу жизни; а эти два обстоятельства обыкновенно ведутъ къ неупотребленію и упадку ихъ болѣе высокихъ способностей.

То, что справедливо для органическаго развитія, справедливо также и для развитія надъ-органическаго. Хотя для всей совокупности обществъ развитіе можетъ считаться неизбѣжнымъ конечнымъ результатомъ взаимодействія факторовъ внутреннихъ и внѣшнихъ, имѣвшимъ мѣсто во все продолженіе неопредѣленно долгихъ періодовъ времени, однако оно не можетъ считаться неизбѣж-

нымъ, или даже вѣроятнымъ, для каждаго отдѣльнаго общества. Общественный организмъ, подобно организму индивидуальному, претерпѣваетъ постоянныя видоизмѣненія, пока не придетъ въ равновѣсіе съ окружающими его условіями; послѣ чего онъ продолжаетъ существовать безъ дальнѣйшихъ измѣненій въ своемъ устройствѣ. Когда окружающія условія претерпѣваютъ какія-либо измѣненія, — вслѣдствіе ли причинъ метеорологическихъ или геологическихъ, или вслѣдствіе перемѣнъ во флорѣ и фаунѣ, или вслѣдствіе переселенія, обусловленнаго избыткомъ населенія, или отступленіемъ передъ вторгнувшимися болѣе сильными расами, — всякое такое измѣненіе вызываетъ нѣкоторое соотвѣтственное измѣненіе въ общественномъ устройствѣ. Но это измѣненіе не предполагаетъ необходимымъ образомъ новаго шага на пути прогресса. Очень часто новое, видоизмѣненное общественное устройство бываетъ ни выше, ни ниже предыдущаго. Но если новое обиталище требуетъ болѣе низкаго образа жизни, чѣмъ прежній, то въ результатѣ является нѣкоторый регрессъ. И только въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ новая комбинація факторовъ оказывается такою, которая вызываетъ измѣненіе, составляющее шагъ впередъ въ общественномъ развитіи и порождающее новый высшій общественный типъ, который распространяется и замѣщаетъ собою низшіе общественные типы. Ибо и къ этимъ надъ-органическимъ агрегатамъ приложимо то же правило, какъ и къ органическимъ агрегатамъ, т. е. что прогрессъ однихъ обуславливаетъ регрессъ другихъ: болѣе развитыя общества вытѣсняють менѣе развитыя въ неблагоприятныя обиталища и, такимъ образомъ, вызываютъ уменьшеніе размѣровъ ихъ или ухудшеніе ихъ устройства.

Это заключеніе насильно навязывается намъ фактами, прямо свидѣтельствующими за него. Фактъ упадка сравнительно высокихъ цивилизацій и перехода ихъ въ болѣе низкія хорошо знакомъ намъ еще изъ нашихъ школьных уроковъ; а наступившее позже расширеніе нашихъ свѣдѣній только обогатило насъ новыми данными этого рода. Стоитъ только назвать такіе народы, какъ Египтяне, Вавилоняне, Ассирійцы, Финикіяне, Персы, Евреи, Греки, Римляне, чтобы припомнить, сколько обширныхъ и высокоразвитыхъ обществъ или исчезло, или выродилось въ варварскія орды, или прошло чрезъ длинный періодъ медленнаго упадка. Развалины, находимыя на Явѣ, показываютъ намъ, что прежде тамъ существовало болѣе развитое общество, чѣмъ то, которое мы видимъ теперь; тоже самое говорятъ намъ и развалины Камбоджи. Перу и Мексика были когда-то мѣстообитаніями обширныхъ и сложно организованныхъ обществъ, которыя были дезорганизованы покореніемъ ихъ пришельцами; а гдѣ стояли когда-то города Центральной Америки, съ обширными населеніями, занимавшимися разнообразными промыслами и искусствами, тамъ мы видимъ те-

перь лишь разсѣянныя племена дикарей. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что причины, подобныя тѣмъ, которыя произвели эти регрессивныя явленія, дѣйствовали во все продолженіе человѣческаго существованія. Всегда происходили космическія и земныя измѣненія, которыя, улучшая, одни мѣстообитанія, ухудшали другія; всегда бывали и мѣстные случаи чрезмѣрнаго населенія, и распространенія племенъ за предѣлы ихъ прежнихъ обиталищъ, и войны племенъ другъ съ другомъ, и удаленіе побѣжденныхъ въ неблагопріятныя мѣстности, не пригодныя для той относительно высокой общественной жизни, которою они достигли; наконецъ, тамъ, гдѣ развитіе не встрѣчало себѣ никакихъ вѣншихъ помѣхъ, всегда бывали случаи того упадка и распадѣнія, которыми завершаются циклы общественныхъ измѣненій. То подавленіе одной расы другою и оттѣсненіе въ самые отдаленные уголки міра низшихъ расъ, не подвергшихся полному истребленію, которое происходитъ такъ дѣятельно въ настоящее время и которое имѣло мѣсто въ самыя отдаленныя времена, о какихъ мы только имѣемъ какія-либо свѣдѣнія, должно было имѣть мѣсто всегда. А изъ этого вытекаетъ то, что остатки низшихъ расъ, нашедшія себѣ убѣжище въ суровыхъ, неплодоносныхъ или вообще неблагопріятныхъ областяхъ, должны были отступить назадъ въ своемъ развитіи.

Итакъ, племена, извѣстныя намъ теперь за самыя низшія, должны обнаруживать, на этомъ основаніи, нѣкоторыя общественныя явленія, которыя объяснены своимъ существованіемъ не тѣмъ причинами, которыя дѣйствуютъ теперь, а тѣмъ, которыя дѣйствовали въ теченіе прошедшаго общественнаго состоянія, болѣе высокаго, чѣмъ нынѣшнее. Это апріористическое заключеніе гармонируетъ съ фактами и даже прямо указывается нѣкоторыми изъ нихъ, которые являются необъяснимыми никакимъ другимъ путемъ. Возьмемъ, напримѣръ, нѣкоторые такіе факты, находящіяся у Австралійцевъ. Будучи раздѣленными на многочисленныя племена, блуждающія по обширной области, эти дикари, несмотря на ихъ взаимный антагонизмъ, обладаютъ сложною системою родства и основанными на ней запрещеніями браковъ въ извѣстныхъ степеняхъ, — т. е. такими общественными понятіями, которыя не могли сложиться здѣсь путемъ какого-либо соглашенія, при ихъ нынѣшнемъ образѣ жизни, но которыя становятся понятными, коль скоро мы допустимъ, что они выжили со времени нѣкотораго прежняго состоянія, когда эти племена были болѣе тѣсно соединены между собою и подчинялись нѣкоторому общему управленію. На тотъ же самый выводъ наводятъ насъ обычаи обрѣзанія крайней плоти и выбиванія зубовъ, находящіяся нами у нихъ, равно какъ и у нѣкоторыхъ другихъ расъ, стоящихъ теперь на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія. Ибо, когда мы дойдемъ въ послѣдствіи до разсмотрѣнія различныхъ тѣлесныхъ уродованій, то увидимъ, что всѣ

они предполагають подчиненіе, политическое или религіозное, или то и другое вмѣстѣ, т. е. такое обстоятельство, котораго эти расы теперь не обнаруживаютъ.

Ясно, что отсюда должна вытекать большая трудность для открытія индуктивнымъ путемъ того, какія идеи суть идеи первобытныя. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что нѣкоторыя идеи, изъ числа тѣхъ, которыми обладаетъ теперь отдѣльный членъ каждаго изъ самыхъ зачаточныхъ нынѣшнихъ обществъ, дошли до него путемъ преданія отъ временъ болѣе высокаго общественнаго состоянія. Эти идеи слѣдуетъ, конечно, отдѣлить отъ истинно первобытныхъ идей, такъ что простая индукція оказывается здѣсь недостаточной.

§ 51. Что касается до дедуктивнаго метода, то на его пути тоже стоятъ препятствія, правда, другаго рода, но не менѣе значительныя. Пониманіе мыслей, раждающихся въ первобытномъ человѣкѣ, подъ вліяніемъ сношеній съ окружающимъ его міромъ, можетъ быть достигнуто лишь тогда, если мы сами взглянемъ на вѣншній міръ съ его точки зрѣнія. Мы должны на-время выкинуть изъ головы накопленное знаніе и умственные привычки, медленно пріобрѣтенныя въ продолженіе воспитанія, должны освободиться даже отъ такихъ понятій, которыя, частью въ силу наслѣдственности, частью въ силу индивидуальной культуры, стали для насъ настоящей необходимостью. Но никто не можетъ достигнуть этого вполне, и лишь немногіе могутъ успѣть въ этомъ даже отчасти.

Стоитъ только обратить вниманіе на неудачность методовъ, усвоенныхъ воспитателями юншества, чтобы убѣдиться въ томъ, что даже у людей, не лишенныхъ умственной дисциплины, способность къ построенію мыслей, сильно отличающихся отъ ихъ собственныхъ, чрезвычайно незначительна. Когда мы видимъ, какъ молодой умъ набивается обобщеніями, въ то время, какъ онъ не обладаетъ еще ни однимъ изъ тѣхъ конкретныхъ фактовъ, къ которымъ они относятся, — когда мы видимъ, что математика преподается съ самаго начала въ чисто умозрительной формѣ, вмѣсто того, чтобы облечь ее въ ту эмпирическую форму, въ которой каждый ребенокъ долженъ начать свое знакомство съ нею, подобно тому, какъ начало его человѣчество, — когда мы видимъ, что столь отвлеченный предметъ, какъ грамматика, ставится въ воспитаніи на первое мѣсто, вмѣсто того, чтобы поставить его на послѣднее, и преподается аналитически, вмѣсто того, чтобы преподаваться синтетически, — то мы имѣемъ во всемъ этомъ болѣе чѣмъ достаточное свидѣтельство господствующей между нами неспособности къ представленію себѣ идей неразвитыхъ умовъ. Но если люди, хотя они и сами были дѣтьми, находятъ труднымъ передумать сызнава мысли ребенка, то еще труднѣе должно быть для нихъ передумать сызнава мысли

дикаря. Воздерживаться отъ автоморфическихъ объясненій—выше нашей силы. Глядѣть на вещи глазами абсолютнаго невѣжества и наблюдать, какимъ образомъ ихъ свойства и дѣйствія группировались первоначально въ умѣ человѣка, предполагаетъ такое самоподавленіе, которое не выполнимо на практикѣ.

Тѣмъ неменѣе мы должны употребить здѣсь всѣ наши усилія, чтобы представить себѣ внѣшній міръ такимъ, какимъ онъ казался первобытному человѣку; мы должны сдѣлать это, чтобы быть болѣе способными къ истолкованію дедуктивнымъ путемъ тѣхъ фактовъ, которые послужатъ для нашихъ индукцій. И хотя мы не способны достигнуть такого представленія путемъ прямого процесса, однакоже можемъ нѣсколько приблизиться къ нему путемъ косвеннымъ. Руководясь ученіемъ о развитіи вообще, вмѣстѣ съ болѣе спеціальнымъ ученіемъ о душевномъ развитіи, мы можемъ нарисовать себѣ первобытныя идеи въ нѣкоторыхъ изъ ихъ главныхъ чертъ. Составивъ себѣ предварительное апіористическое понятіе о томъ, каковы должны быть свойства этихъ идей, мы будемъ приготовлены, насколько это вообще возможно, къ реализаціи ихъ въ нашемъ воображеніи и къ ихъ распознаванію въ дѣйствительности, тамъ гдѣ онѣ существуютъ.

§ 52. Мы должны взять нашимъ исходнымъ пунктомъ допущеніе того постулата, что первобытныя идеи естественны и, при тѣхъ условіяхъ, когда онѣ имѣютъ мѣсто, — разумны. Съ самаго ранняго возраста насъ учили, что человѣческая природа повсюду одна и та же. Подходя съ этимъ понятіемъ къ дикарямъ, мы склонны разсматривать ихъ вѣрованія, какъ вѣрованія, питаемые умомъ, подобнымъ нашему собственному, а потому очень удивляемся странности этихъ вѣрованій и готовы приписывать людямъ, которые ихъ придерживаются, какую-то особенную извращенность. Отбросивъ это заблужденіе, мы должны подставить вмѣсто него ту истину, что законы мысли повсюду одни и тѣ же и что заключеніе, выводимое первобытнымъ человѣкомъ, есть разумное заключеніе изъ тѣхъ данныхъ, которые ему извѣстны.

Дѣятельность ума, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ ея ступеней, состоитъ въ классифицированіи объектовъ и въ такомъ же классифицированіи отношеній; хотя эти два рода классифицированія суть на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ двѣ различныя стороны одного и того же процесса. (Основанія Психологіи, §§ 309 — 316, 381). Съ одной стороны, воспріятіе объекта предполагаетъ, что его свойства классифицированы нами порознь съ такими же прежде узванными нами свойствами, а тѣ отношенія, въ которыхъ они стоятъ другъ къ другу, — съ такими же ранѣе извѣстными намъ отношеніями, и что только этимъ путемъ самый объектъ, въ актѣ его познания, классифицируется съ другими подобными ему объектами, какъ такой-то

или такой-то. Съ другой стороны, каждый шагъ въ разсужденіи предполагаетъ, что объектъ, о которомъ утверждается что-либо, классифицируется съ ранѣе узанными объектами такого же рода; что свойство, сила или дѣйствіе, утверждаемое объ объектѣ, классифицируется какъ сходное съ другими прежде извѣстными свойствами, силами или дѣйствіями, и что отношеніе между объектомъ и этимъ приписываемымъ ему свойствомъ, силою или дѣйствіемъ классифицируется съ ранѣе наблюдаемыми такими же отношеніями. Эта ассимиляція нашихъ состояній сознанія всевозможныхъ порядковъ съ такими же состояніями сознанія, имѣвшими мѣсто въ нашей прошедшей опытности, — ассимиляція, составляющая собою сущность всеобщаго мыслительнаго процесса, животнаго и человѣческаго, приводитъ къ результатамъ, истинность которыхъ находится въ прямомъ отношеніи со способностью оцѣнять сходства и несходства. Когда мы имѣемъ простые термины, стоящіе между собою въ отношеніяхъ тоже простыхъ, прямыхъ и близкихъ, то классифицированіе ихъ можетъ быть выполнено правильно даже простыми умами; но когда термины становятся сложными, а отношенія между ними тоже сложными, непрямыми и отдаленными, то классифицированіе ихъ можетъ быть выполнено правильно только такими умами, которые развились до соотвѣтственной сложности. При отсутствіи же этой соотвѣтственной сложности термины отношеній будутъ группироваться съ такими прежде извѣстными терминами, на которые они походятъ лишь внѣшнимъ образомъ, да и самыя отношенія будутъ группироваться подобнымъ же образомъ. Но такой процессъ ведетъ къ заблужденію, ибо наиболѣе очевидныя внѣшнія черты не всегда бываютъ тѣми чертами, на которыхъ основывается дѣйствительное родство вещей между собою; и наиболѣе очевидныя внѣшнія черты отношеній не всегда бываютъ ихъ существенными чертами.

Посмотримъ на тѣ огромныя ошибки, къ которымъ приходятъ этимъ путемъ необразованные люди изъ нашей собственной среды; а потомъ перейдемъ къ тѣмъ еще болѣе значительнымъ ошибкамъ, которыя вызываются этою причиною у дикарей, еще болѣе невѣжественныхъ и одаренныхъ болѣе низкими способностями. Въ старыхъ сочиненіяхъ по естественной исторіи киты называются рыбами: и въ самомъ дѣлѣ, живя въ водѣ и обладая рыбообразнымъ тѣломъ, чѣмъ же другимъ могутъ они быть, какъ не рыбами? Девять десятыхъ изъ числа пассажировъ каюты и девяносто девять сотыхъ изъ числа палубныхъ пассажировъ будутъ сильно удивлены, если вы имъ скажете, что дельфины, или морскія свиньи, играющіе вокругъ парохода, гораздо больше сродни собакамъ, чѣмъ трескъ. Или разсмотримъ слово *shell-fish* ¹⁾, въ томъ употребленіи, которое

¹⁾ *Shell fish* сложено изъ словъ *shell*—черепокъ, раковина, и *fish*—

оно имѣть въ разговорномъ языкѣ. Вонервыхъ, слово это предполагаетъ нѣ-
которое родство между существами, обозначенными этимъ именемъ (shell-fish)
и рыбами (fish) потому только, что и тѣ и другія живутъ въ водѣ; а ввто-
рыхъ, рыбаки обозначаютъ словомъ shell-fish и устрицъ и краббовъ, хотя
первыя въ дѣйствительности отстоятъ отъ вторыхъ по своему типу гораздо
далѣе, чѣмъ угорь отъ человѣка; общаго же между этими существами только
то, что у всѣхъ у нихъ болѣе мягкія части тѣла заключены въ твердыя ко-
робки.

Напомнивъ себѣ эти ошибки, къ которымъ приводитъ на-
шихъ собственныхъ соотечественниковъ классифицированіе предметовъ по ихъ
нагляднымъ свойствамъ, мы легко поймемъ, до какой степени естественны тѣ
ошибки, къ которымъ приходятъ тѣмъ же самымъ путемъ люди совершенно не-
цивилизованные. Гайсъ никакъ не могъ убѣдить Эскимосовъ, что шерстяная
ткань, изъ которой была сдѣлана его одежда, не была шкурой какого-либо жи-
вотнаго. „Стекло“ они „принимали за ледъ, а сухари за сушеное мясо мускус-
наго быка“. При столь ограниченномъ знакомствѣ съ различными вещами какъ
у нихъ, это была наиболѣе разумная группирова, какую только они могли сдѣ-
лать въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, — группировка столь же разумная, какъ
и каждая изъ тѣхъ, которыя приведены выше. Если Эскимосъ пришелъ, вслѣд-
ствіе своей ошибочной группировки, къ тому ошибочному заключенію, что стекло
должно растаять у него во рту, то это заключеніе не было нисколько ошибоч-
нѣе заключенія вышеупомянутаго пароходнаго пассажира, который, вмѣсто того,
что онъ ожидалъ найти въ дельфинѣ, находить въ немъ теплую кровь и легкія,
дышашія воздухомъ. Точно также, припоминая, что Фиджійцы никогда не знали
никакихъ металловъ, а потому не имѣли по отношенію къ нимъ никакой опыт-
ности, мы не найдемъ ничего неразумнаго въ вопросѣ, обращенномъ ими къ
Джексону: „какимъ образомъ могли бы вы добыть въ вашей странѣ, еслибы
она не была страной сверхъестественной, топоры такой твердости, что-
бы срубить тѣ деревья, изъ которыхъ сдѣланы стволы вашихъ ружей?“ — ибо
развѣ трубко-образный тростникъ не былъ единственнымъ предметомъ, на ко-
торый сколько-нибудь походили ружейные стволы? Или вотъ еще примѣръ.
Докторъ Гукеръ, говоря о горныхъ племенахъ Индіи, между которыми онъ вра-
щался нѣкоторое время, рассказываетъ слѣдующее: однажды онъ мѣрилъ что-
то посредствомъ тесьмы, заключенной въ круглой коробочкѣ, съ пружиной, втя-
гивающей снова внутрь вытянутую тесьму, когда она будетъ отпущена; окон-
чивъ измѣреніе, онъ бросилъ коробочку на полъ; стоявшіе кругомъ дикари, уви-

рыба; этимъ словомъ въ разговорномъ языкѣ называютъ и черепакожижъ
(раковъ и пр.) и моллюсковъ (устрицъ и т. п.).

Пр. пер.

дѣвъ, какъ тесьма стала сама забираться въ коробочку, съ крикомъ разбѣжались въ разныя стороны. Разсматривая этотъ случай, мы видимъ, что дикари приняли тесьму, вслѣдствіе ея самопроизвольнаго движенія, за нѣчто живое; а вслѣдствіе ея формы и образа дѣйствій они сочли ее за змѣю какого-нибудь особаго рода. Но не трудно видѣть, что, при отсутствіи знакомства съ механическими изобрѣтеніями и при отсутствіи снаружи какихъ бы то ни было признаковъ внутренней пружины, это убѣжденіе было совершенно естественнымъ, — и всякое другое было бы неразумнымъ.

Обратимся теперь отъ классифицированія объектовъ къ классифицированію отношеній. Мы здѣсь снова можемъ оказать себѣ нѣкоторую помощь посредствомъ анализа нѣсколькихъ заблужденій, распространенныхъ въ нашемъ собственномъ обществѣ. Рекомендую какое-нибудь средство отъ обжога, обыкновенно говорятъ, что оно отлично „вытягиваетъ жаръ“; очевидно, что въ этихъ словахъ подразумѣвается, будто бы между предлагаемымъ средствомъ и жаромъ, заключеннымъ, по предположенію говорящаго, въ страдающихъ тканяхъ, существуетъ такое же отношеніе какъ между какимъ-либо предметомъ и нѣкоторымъ другимъ, который его тащитъ. Или вотъ еще примѣръ. Когда, послѣ мороза, воздухъ, сильно насыщенный водою, приходитъ въ соприкосновеніе съ холодною и гладкою поверхностью, какова напримѣръ поверхность выкрашенной стѣны, то спустившаяся на ней вода собирается въ капельки и понемногу стекаетъ внизъ. По этому поводу мы нерѣдко можемъ услышать замѣчаніе, что „стѣна потѣетъ“. Потому только, что вода, не будучи принесена видимымъ образомъ изъ какого-либо другаго мѣста, появляется на стѣнѣ подобно тому, какъ испарина является на поверхности кожи, говорящій предполагаетъ, что она выходитъ изъ стѣны, какъ испарина выходитъ изъ кожи. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, мы видимъ, что данное отношеніе ставится въ одну группу съ другимъ отношеніемъ, съ которымъ оно имѣетъ лишь поверхностное сходство, но отъ котораго вполне отлично. Если, припоминая такіе случаи, мы постараемся представить себѣ, что должно случаться тамъ, гдѣ невѣжество еще значительнѣе, то перестанемъ удивляться первобытнымъ объясненіямъ. Индѣйцы береговъ Ориноко думаютъ, что роса есть ничто иное, какъ „плевики звѣздъ“. Разсмотримъ генезисъ этого убѣжденія. Роса есть прозрачная жидкость, имѣющая нѣкоторое сходство со слюною. Судя по ея положенію на листьяхъ и пр., эта жидкость, повидимому, должна была попасть на нихъ сверху, какъ попала бы на нихъ слюна изъ устъ плюющаго человѣка. Такъ какъ она падаетъ въ безоблачную ночь, то должна падать съ единственныхъ предметовъ, которые бываютъ видны наверху въ такую ночь, т. е. со звѣздъ. Такъ что здѣсь и самый продуктъ, роса, и отношеніе между нимъ и его предполагаемымъ источникомъ

ассимилируются порознь съ такимъ другимъ продуктомъ и съ такимъ другимъ отношеніемъ, съ которыми они сходны по нѣкоторымъ поверхностнымъ признакамъ; и если мы припомнимъ еще къ этому наше собственное весьма употребительное выраженіе: „it spits with rain“ (плюетъ дождемъ), то легко поймемъ, до какой степени естественно такое объясненіе росы.

Чтобы понять другую важную черту, отличающую понятія дикаго состоянія, слѣдуетъ разсмотрѣть, чтѣ происходитъ, когда сложные объекты и отношенія мыслятся такъ, какъ простые. Только съ увеличеніемъ знанія и съ превращеніемъ наблюденія изъ случайнаго въ преднамѣренное и критическое, становится возможнымъ усмотрѣніе того факта, что способность какого-либо дѣятеля къ произведенію свойственнаго ему эффекта можетъ зависѣть отъ какого-либо одного его свойства, съ исключеніемъ всѣхъ остальныхъ, или отъ какой-либо одной его части, съ исключеніемъ всѣхъ остальныхъ, или не отъ одного какого-либо его свойства или части, но отъ ихъ взаимной комбинаціи. Вопросъ о томъ, какое именно свойство даннаго сложнаго цѣлаго опредѣляетъ извѣстное его дѣйствіе, можетъ быть рѣшенъ только послѣ того, какъ анализъ достигъ уже нѣкоторой высоты; а до этого момента дѣйствіе извѣстнаго тѣла необходимо понимается какъ принадлежащее всему цѣлому безразлично. Далѣе, это неанализированное цѣлое понимается какъ стоящее къ своему неанализированному эффекту въ нѣкоторомъ тоже неанализированномъ отношеніи. Эта особенность первобытной мысли такъ важна по своему вліянію на свойства первобытныхъ понятій, что мы должны разсмотрѣть ее ближе.

Обозначимъ различныя свойства (атттрибуты) какого-либо предмета (объекта), напримѣръ морской раковины, называемой змѣиною головкой, буквами *A, B, C, D, E* и пр.; а отношенія между ними буквами *и, x, y, z*. Способность этого предмета производить свойственный ему эффектъ, состоящій въ концентраціи звука передъ нашимъ ухомъ, зависитъ отчасти отъ гладкости его внутренней поверхности (которую мы обозначимъ черезъ *C*), и отчасти отъ тѣхъ отношеній между частями этой поверхности, которыя составляютъ ея форму (которыя мы обозначимъ черезъ *y*). Теперь, чтобы понять, что способность раковины концентрировать звукъ происходитъ именно такъ, нужно умѣть отдѣлить въ мысли *C* и *y* отъ всѣхъ остальныхъ свойствъ и отношеній даннаго предмета. Пока это не можетъ быть сдѣлано, до тѣхъ поръ звуко-увеличивающая способность раковины не можетъ быть познана какъ независящая отъ ея цвѣта, твердости, или наружныхъ шероховатостей (предполагая, что всѣ эти качества могутъ быть мыслимы отдѣльно, какъ свойства). Очевидно, что пока не явится умѣние различать атттрибуты, до тѣхъ поръ эта способность раковины можетъ быть представляема себѣ только какъ принадлежащая ей вообще, — какъ заключенная

во всемъ ея цѣломъ. Но, какъ мы уже видѣли выше (§ 43), атрибуты, или свойства, какъ мы понимаемъ ихъ, не доступны для пониманія дикаря: это такія отвлеченности, которыя не могутъ быть ни схвачены его способностями, ни выражены его языкомъ. Такимъ образомъ онъ, по необходимости, ассоціируетъ эту особенную способность съ раковиною тѣлесно, — смотритъ на нее какъ на стоящую къ раковинѣ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоитъ къ камню его вѣсь, — т. е. представляетъ ее себѣ какъ сосуществующую съ каждой частью раковины.

Отсюда объясняются нѣкоторыя вѣрованія, замѣчаемыя повсюду у нецивилизованныхъ народовъ. Извѣстная спеціальная сила, обнаруживаемая какимъ-либо предметомъ или частью какого-либо предмета, принадлежитъ, по мнѣнію дикаря, этому предмету или этой части такимъ образомъ, что она можетъ быть обезпечена за нимъ, если онъ съѣстъ этотъ предметъ или часть, или будетъ имѣть ихъ въ своемъ обладаніи. Напримѣръ, дикарь предполагаетъ, что всѣ силы побѣжденнаго врага переходятъ къ побѣдителю, если онъ съѣстъ его: Дакота ѣстъ сердце убитаго непріятеля, чтобъ увеличить свое собственное мужество; Ново-Зеландецъ пожираетъ глаза мертваго врага, чтобы видѣть далѣе; Абинонъ ѣстъ мясо тигра, думая пріобрѣсти такимъ образомъ силу и храбрость тигра. Та же самая черта видна и въ такихъ вѣрованіяхъ, которыя господствуютъ у Гуарановъ и ради которыхъ ихъ „беременные женщины не ѣдятъ мяса антовъ, чтобъ у ребенка не былъ широкій носъ, а также не ѣдятъ маленькихъ птичекъ, чтобы ребенокъ не оказался малорослымъ“; или въ такихъ, которыя побуждаютъ Карибовъ обрызгивать новорожденнаго мальчика кровью его отца, чтобы передать ему отцовское мужество; или въ вѣрованіи Тиманезцевъ и Буллонговъ, по которому обладаніе частью тѣла счастливаго человѣка сообщаетъ обладателю „долю его счастья“. Ясно, что изображенный здѣсь способъ мышленія, отразившійся даже въ медицинскихъ предписаніяхъ прошлыхъ временъ и продолжающій держаться въ нѣкоторыхъ понятіяхъ даже до нашихъ дней, — вродѣ того, напримѣръ, что характеръ всасывается съ молокомъ матери, — есть такой способъ мысли, который необходимо продолжаетъ свое существованіе до тѣхъ поръ, пока анализъ не откроетъ сложности причинныхъ отношеній.

Пока у человѣка нѣтъ никакихъ естественно-научныхъ понятій или пока эти понятія остаются очень смутными, всякій antecedentъ годится ему для объясненія всякаго послѣдующаго. Спросите у рабочаго въ каменоломнѣ, что онъ думаетъ про тѣ окаменѣлости, которыя его ломъ и кирка извлекаютъ наружу, и онъ скажетъ вамъ въ отвѣтъ, что это „игра природы“: стремленіе его мысли перейти отъ существованія окаменѣлостей, какъ слѣдствія, къ нѣкоторому произведшему его дѣятелю удовлетворено, и его любознательность прекращается.

Спросите оловянщика о дѣйствиі того насоса, который онъ поправляетъ, и онъ скажетъ вамъ, что вода поднимается въ немъ потому, что ее сосетъ поршнемъ. Отнеся этотъ процессъ въ одну группу съ тѣмъ, который онъ можетъ выполнить самъ посредствомъ дѣятельности мускуловъ своего собственнаго рта, приложеннаго къ трубкѣ, онъ думаетъ, что понимаетъ его, и никогда не задаетъ себѣ вопроса о томъ, какая сила заставляетъ воду подниматься къ его рту, когда онъ выполняетъ имъ извѣстные мускульныя дѣйствія. Тоже самое можно сказать и о томъ объясненіи какого-нибудь мало-знакомаго факта, которое такъ часто можно слышать въ образованномъ обществѣ: „это есть слѣдствіе электричества“. Умственное напряженіе получаетъ достаточное облегченіе, когда къ наблюденному результату присоединяется въ мысли это нѣчто, имѣющее имя, хотя при-этомъ не имѣется никакого понятія о томъ, что такое есть въ дѣйствительности это нѣчто, а также нѣтъ даже и отдаленнѣйшей идеи о томъ, какимъ образомъ это нѣчто могло произвести данный результатъ. Признавъ, такимъ образомъ, даже у насъ самихъ, постоянную готовность къ принятію всякаго указаннаго отношенія между нѣкоторымъ дѣйствіемъ и нѣкоторою силою, лишь бы только это отношеніе прямо не противорѣчило слишкомъ близко знакомымъ намъ опытамъ, мы безъ труда поймемъ, какимъ образомъ дикарь, обладающій еще меньшимъ запасомъ опытовъ, сгруппированныхъ гораздо болѣе смутнымъ образомъ, принимаетъ за вполне удовлетворительное первое объясненіе, какое внушаютъ ему наиболѣе привычныя для него ассоціаціи явленій и идей, и послѣ того перестаетъ думать объ этомъ предметѣ. Когда сибирскія племена, находя по временамъ замороженныхъ во льду мамонтовъ, а также находя въ землѣ ихъ кости, приписываютъ внослѣдствіи землетрясенія тому, что эти огромныя животныя роются подъ землей и колеблутъ почву, или когда дикари, живущіе по-близости отъ вулкановъ, думаютъ о нихъ, что это костры, зажженные нѣкоторыми изъ ихъ предковъ, чтобы готовить пищу, то эти примѣры даютъ намъ лишь болѣе рѣзкія иллюстраціи общераспространенной между людьми готовности пополнять недостающій терминъ причиннаго отношенія первымъ дѣятелемъ, который придетъ на умъ.

Далѣе, не трудно замѣтить, что кромѣ этого легкаго принятія всякаго объясненія, подсказаннаго наиболѣе привычными опытами, существуетъ еще совершенное довольствованіе ближайшимъ объясненіемъ, т. е. не существуетъ никакого стремленія продолжать вопросы далѣе. Напримѣръ, африканцы, которые, отрицая всякія обязательства по отношенію къ Богу, говорили на всѣ убѣжденія миссіонеровъ по этому поводу: „не богъ, а земля даетъ намъ золото, которое мы вырываемъ изъ ея нѣдръ; земля даетъ намъ маисъ и рисъ... а за плоды мы должны благодарить Португальцевъ, которые насажали плодовыхъ деревьевъ“ и т. д., — ясно показываютъ

намъ, что, какъ скоро отношеніе между послѣднимъ послѣдующимъ и его непосредственнымъ antecedентомъ установилось въ мысли, то послѣ этого не происходитъ въ ней ничего болѣе. Мысль не имѣетъ здѣсь достаточной ширины и подвижности, чтобы поднять вопросъ относительно какого-либо болѣе отдаленнаго antecedента.

Къ этому должно прибавить еще одну черту, которая есть слѣдствіе предыдущихъ. Мы знаемъ, что вначалѣ сложные объекты и отношенія понимаются въ терминахъ простыхъ объектовъ и отношеній, съ которыми они имѣютъ поверхностное сходство; но пропорціонально такому неудовлетворительному пониманію и самыя понятія должны быть въ соотвѣтственной мѣрѣ несостоятельными и смутными. Та умственная мѣшанина, которая находится въ головѣ даже и у насъ-самыхъ и которая ухитряется соединять въ себѣ одновременно такія вѣрованія, какъ то, что эпидеміи причиняются неблагоприятными условіями, и то, что онѣ — результатъ божественнаго гнѣва и мести, должна была у первобытныхъ людей соединять вмѣстѣ вѣрованія, еще болѣе не согласимыя другъ съ другомъ. Большинство путешественниковъ обыкновенно замѣчаетъ, что вѣрованія дикарей обнаруживаютъ крайнія внутреннія несообразности и взаимныя противорѣчія. Многія основныя идеи Прокетовъ описываются Морганомъ какъ „смутныя и измѣняемыя ими въ разныхъ случаяхъ“; основныя идеи Криковъ характеризуются Скулькрафтомъ какъ „смутныя и безпорядочныя“; а Массонъ говоритъ объ идеяхъ Кареновъ, что онѣ „смутны, неопредѣленны и противорѣчивы“. Повсюду у нихъ проскакиваютъ крупныя несообразности вслѣдствіе того, что они оставляютъ отдѣльныя предложенія какъ-бы въ уединеніи, а не сравниваютъ ихъ между собою. Такъ, напримѣръ, Малагазецъ, „почти не переводя духу, выразить, съ одной стороны, свое вѣрованіе въ то, что когда умереть, онъ перестанетъ совсѣмъ существовать,... и, съ другой стороны, подтвердить тотъ фактъ, что онъ имѣетъ привычку молиться своимъ предкамъ“, т. е. скажетъ спеціальную несообразность, повторяющуюся у весьма многихъ народовъ. Чтобы легче понять, какимъ образомъ возможна такая крайняя нелогичность, полезно припомнить нѣкоторыя изъ нашихъ собственныхъ нелогичностей; хотя бы, напримѣръ, извѣстное народное убѣжденіе, будто-бы умерщвленіе бѣшеной собаки спасаетъ только-что укушеннаго ею человѣка отъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій укушенія; или, напримѣръ, обычную нелѣпость, въ которую впадаютъ люди, вѣрящіе въ привидѣнія или въ духовъ: эти люди, допуская, что привидѣнія являются одѣтыми, допускаютъ этимъ самымъ косвенно, что различныя части одежды также имѣютъ своихъ духовъ, хотя они не замѣчаютъ обыкновенно, что изъ ихъ словъ необходимо слѣдуетъ это заключеніе. Слѣдовательно, обращаясь къ людямъ низкаго типа, гораздо болѣе невѣжествен-

нымъ и гораздо менѣе способнымъ къ мышленію, мы должны ожидать найти у нихъ настоящій хаосъ понятій и полную готовность къ принятію такихъ учений, которые кажутся намъ чудовищными.

Теперь мы можемъ считать себя подготовленными, насколько это возможно, къ пониманію первобытныхъ идей. Мы видѣли, что истиннымъ ихъ объясненіемъ можетъ быть лишь такое, которое признаетъ ихъ естественность при данныхъ условіяхъ. Умъ дикаря, подобно уму цивилизованнаго человѣка, дѣйствуетъ посредствомъ классифицированія предметовъ и отношеній съ подобными имъ предметами и отношеніями, имѣвшими мѣсто въ прошедшей опытности. Правильная классификація ихъ предполагаетъ существованіе мыслительной способности, достаточно сложной для того, чтобы охватывать мыслью группы свойствъ, отличающія различные предметы, а равно и вытекающіе изъ этихъ свойствъ способности дѣйствія этихъ предметовъ. При отсутствіи достаточно сильныхъ умственныхъ способностей, являются простыя и смутныя классифицированія предметовъ и дѣйствій по ихъ нагляднымъ сходствамъ съ другими прежде-извѣстными предметами и дѣйствіями; а отсюда рождаются грубыя понятія, слишкомъ простыя и слишкомъ немногочисленныя со стороны качественныхъ различій, чтобы представлять собою факты. Далѣе, эти грубыя понятія неизбѣжно бываютъ несостоятельными и несообразными другъ съ другомъ въ самой крайней степени. Взглянемъ же теперь на группы идей, сложившихся этимъ путемъ и представляющихъ эти отличительныя особенности.

§ 53. На небѣ, за нѣсколько мгновеній еще совершенно ясно, дикарь видитъ вдругъ крошечное облачко, которое растетъ по мѣрѣ того, какъ онъ на него глядитъ. Въ другое время, наблюдая за одной изъ этихъ движущихся массъ, онъ видитъ, какъ крайнія ея части отрываются отъ общей массы, ползутъ, вытягиваются и расплываются, а подъ конецъ и вся масса исчезаетъ. Какая мысль должна являться у него при-этомъ? Онъ не знаетъ ничего о сгущеніи и раствореніи паровъ, и подлѣ него нѣтъ никого, кто остановилъ бы его изслѣдованіе словами: „это просто облако“. Сущность факта, напрашивающагося здѣсь на его вниманіе, состоитъ въ томъ, что нѣчто, чего онъ не могъ видѣть ранѣе, стало видимымъ; а нѣчто, только-что бывшее видимымъ, исчезло. Откуда? Куда? Какимъ образомъ? Этого онъ не можетъ сказать; но самый фактъ для него существуетъ.

Въ томъ же самомъ пространствѣ, находящемся у него надъ головою, происходятъ и другія перемѣны. Когда день склоняется къ вечеру, на небѣ тамъ и сямъ появляются свѣтлыя точки, которыя, съ увеличеніемъ темноты, становятся яснѣе и многочисленнѣе; съ появленіемъ же утренней зори онѣ начинаютъ постепенно погасать, пока не исчезнутъ всѣ. Будучи совершенно отличными отъ

облаковъ и по величинѣ, и по формѣ, и по цвѣту и пр., будучи отличными отъ нихъ также и тѣмъ, что онѣ постоянно появляются снова приблизительно на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, въ тѣхъ же самыхъ относительныхъ положеніяхъ и движутся лишь очень медленно, всегда тѣмъ же самымъ путемъ, звѣзды сходны однако съ облаками въ томъ, что онѣ то становятся видимыми, то дѣлаются невидимыми. Тотъ фактъ, что слабые свѣточи могутъ быть совершенно затемнены яркимъ свѣтомъ, и тотъ фактъ, что звѣзды продолжаютъ свѣтити и днемъ, хотя дикарь не видитъ ихъ, суть такіе факты, которые выходятъ изъ предѣловъ его воображенія. Истина, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ усматриваетъ ее, состоитъ въ томъ, что эти существованія то показываются, то скрываются.

Хотя солнце и мѣсяць отличаются очень значительно отъ звѣздъ и облаковъ во всѣхъ отношеніяхъ, однако они обнаруживаютъ одну общую съ ними черту, а именно—этотъ самый поперебѣнный переходъ изъ видимаго состоянія въ невидимое и обратно. Солнце встаетъ изъ-за горъ; отъ времени до времени оно прячется за тучу, потомъ снова выходитъ изъ-за нея и, наконецъ, скрывается совсѣмъ подъ поверхностью моря. Мѣсяць не только продѣлываетъ все это, но еще сначала постепенно нарастаетъ ночь за ночью, а потомъ столь же постепенно ущербляется и исчезаетъ, появляясь затѣмъ снова въ видѣ тоненькаго свѣтлаго рожка или полоски, между тѣмъ какъ остальной его дискъ замѣтенъ такъ слабо, что кажется существующимъ лишь наполовину.

Къ этимъ самымъ обыкновеннымъ и наиболѣе правильнымъ появленіямъ и исчезаніямъ слѣдуетъ прибавить еще различныя другія появленія и исчезанія еще болѣе поразительнаго свойства: кометы, метеоры, сѣверное сіяніе съ его величественной дугой и волнующимися свѣтлыми потоками, сверканіе молніи, радуга, свѣтлыя кольца вокругъ солнца и мѣсяца. Будучи отличными и отъ предыдущихъ явленій и другъ отъ друга, они сходны и съ ними и между собою въ томъ, что то появляются, то исчезаютъ. Такъ что для существа абсолютно невѣжественнаго, но способнаго вспоминать и группировать воспоминаемыя имъ вещи, небо должно представляться сценою, на которой то появляются, то исчезаютъ существованія многихъ различныхъ родовъ, причемъ эти появленія и исчезанія то постепенны, то внезапны, но всѣ сходны въ томъ, что невозможно сказать, ни откуда приходятъ эти существованія, ни куда они уходятъ.

Но не одно только небо, а и земная поверхность также представляетъ множество разнообразныхъ примѣровъ такихъ исчезновеній вещей, появившихся передъ этимъ непонятнымъ образомъ. Такъ, нашъ дикарь видитъ маленькія лужицы воды, составившіяся изъ дождевыхъ капель, идущихъ изъ такого источника, котораго онъ не въ состояніи достигнуть; но прошло нѣсколько часовъ, и онъ

находить, что собравшаяся жидкость стала невидимой. Или туманъ, то дѣжащій уединенно въ глубокомъ ущельи, то обволакивающій собою всѣхъ и все; онъ появился нѣсколько минутъ тому назадъ, а теперь опять уносится, не оставивъ слѣдовъ того, откуда онъ явился, или куда ушелъ. Вдали видится вода, повидимому большое озеро; но напрасно человѣкъ пытается дойти до него: кажущееся озеро отступаетъ передъ нимъ и не можетъ быть достигнуто. То, что мы называемъ, въ пустынѣ, песчаными вихрями, а на морѣ смерчами, суть для первобытнаго человѣка движущіеся предметы, которые то появляются, то исчезаютъ. Взглянувъ на океанъ, онъ видитъ островъ, о которомъ знаетъ, что тотъ находится далеко и бываетъ обыкновенно невидимъ, но который теперь поднялся изъ воды; а завтра онъ видитъ какъ разъ надъ горизонтомъ опрокинутое изображеніе лодки, или одно, или съ присоединеніемъ другаго, прямого изображенія, стоящаго выше перваго. Въ одномъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ по-временамъ разные земные предметы на поверхности моря, или въ воздухѣ надъ нею, — фата моргана; а въ другомъ, прямо передъ собою, но выше своей головы, въ туманѣ, онъ видитъ иной разъ гигантскій двойникъ своей собственной особы, — такъ-называемый „брокенскій призракъ“. Всѣ эти случаи, обыкновенные и рѣдкіе, представляютъ для него повторенія одного и того же опыта, т. е. показываютъ существованіе постоянныхъ переходовъ между видимымъ и невидимымъ.

Возьмемъ еще примѣръ и спросимъ себя, каково должно было быть первоначальное представленіе о вѣтрѣ. Разсматривая одни факты, безъ всякаго участія какой-либо гипотезы, мы найдемъ, что всякій порывъ вѣтра, всякое дуновеніе указываетъ на одно заключеніе, а именно — на присутствіе нѣкоторой невидимой и неосязаемой силы. Ничто въ ряду самыхъ раннихъ опытовъ человѣка не доставляетъ ему идеи о воздухѣ, какъ мы знаемъ его теперь, и, дѣйствительно, большинство изъ насъ, вѣроятно, можетъ еще припомнить, какъ, трудно казалось вначалѣ думать объ окружающей насъ средѣ, какъ о матеріальной субстанціи. Первобытный человѣкъ не можетъ смотрѣть на воздухъ какъ на нѣчто, дѣйствующее такимъ же образомъ, какимъ дѣйствуютъ вещи, которыя онъ видитъ и ощущиваетъ руками. Въ это повидимому пустое пространство, которое его окружаетъ, врывается отъ времени до времени какой-то невидимый дѣятель, который гнетъ деревья, гонитъ передъ собою листья, волнуетъ воду и дѣйствія котораго онъ ощущаетъ даже на себѣ самомъ, такъ какъ онъ шевелитъ его волосы, обдуваетъ щеки и толкаетъ иной разъ все его тѣло съ такою силою, преодоленіе которой достается ему не безъ труда. Ничто не помогаетъ ему въ разрѣшеніи вопроса о томъ, въ чемъ заключается природа этого дѣятеля; но есть одна вещь, которая неудержимо

напршивается въ его сознаніе, — именно тотъ фактъ, что есть существованіе, котораго онъ не можетъ ни осознать, ни видѣть, но которое, тѣмъ не менѣе, можетъ производить звуки, передвигать окружающіе его предметы съ мѣста на мѣсто и надѣлять его самого довольно чувствительными толчками.

Каковы тѣ первобытныя идеи, которыя возникаютъ изъ этихъ опытовъ, относящихся къ неорганическому міру? При отсутствіи всякой гипотезы (которая чужда мысли на самыхъ раннихъ ея ступеняхъ), какова та умственная ассоціація, которую стремятся установить эти многочисленные явленія, имѣющія мѣсто инныя черезъ долгіе промежутки времени, инныя ежедневно, инныя ежечасно, а инныя изъ минуты въ минуту? Они представляютъ уму, въ многообразныхъ формахъ, отношеніе между видомъ существованія, доступнымъ для чувственного воспріятія, и видомъ существованія, недоступнымъ для чувственного воспріятія. Въ какой формѣ мыслить дикарь это отношеніе? Онъ не можетъ мыслить его себѣ ни въ терминахъ разбѣженія воды въ паръ и сгущенія пара въ воду, ни въ терминахъ оптическихъ отношеній, производящихъ зрительный обманъ, ни въ терминахъ естѣствовзнанія вообще. Какъ же въ такомъ случаѣ формулируетъ онъ себѣ это отношеніе? Ключъ къ отвѣту на этотъ вопросъ найдется, если мы припомнимъ нѣкоторыя замѣчанія нашихъ маленькихъ дѣтей. Когда изображеніе, отброшенное при помощи волшебнаго фонаря на бѣлый экранъ, внезапно исчезаетъ, вслѣдствіе опущенія крышки на переднее стекло, или когда такъ-называемый „зайчикъ“, т. е. свѣтлое пятно, производимое для забавы ребенка съ помощью зеркала на стѣнѣ или на потолкѣ, внезапно пропадаетъ вслѣдствіе измѣненія положенія зеркала, ребенокъ обыкновенно спрашиваетъ: „куда онъ ушелъ?“ или „куда оно дѣвалось?“ Возникшее въ его умѣ понятіе состоитъ не въ томъ, будто-бы это нѣчто, которое онъ не видитъ болѣе, перестало существовать, сдѣлалось несуществующимъ, но въ томъ, что оно скрылось только изъ виду, стало невидимымъ, и это — мысль, къ которой онъ приводится необходимо всѣмъ своимъ ежедневнымъ опытомъ; онъ постоянно видитъ, какъ люди исчезаютъ за ближайшими предметами, какъ вещи кладутся въ такія мѣста, гдѣ онъ не можетъ ихъ видѣть, наконецъ, отъ времени до времени ему случается найти игрушку, которая была спрятана отъ него или которую онъ самъ потерялъ ранѣе. Подобнымъ же образомъ и первобытныя идеи состоятъ въ томъ, что эти существованія то появляются, то прячутся. Дикое животное, раненое дикаремъ, прячется отъ него въ кусты, и если онъ не можетъ найти его тамъ, то предполагаетъ, что оно ускользнуло куда-то какимъ-то непонятнымъ образомъ, но что оно все-таки существуетъ; точно также, при отсутствіи накопленнаго и организованнаго знанія, заключеніе, вытекающее изъ всѣхъ этихъ опытовъ, состоитъ въ

томъ, что многія вещи, у насъ надъ головою и вокругъ насъ, часто переходятъ изъ видимаго состоянiя въ невидимое и обратно. Припоминая, какъ дѣйствiя вѣтра доказываютъ, что есть такая невидимая форма существованiя, которая обнаруживаетъ силу, мы увидимъ, что это убѣжденiе весьма правдоподобно и защитимо съ той точки зрѣнiя, на которой стоитъ первобытный человѣкъ.

Намъ остается еще только указать, въ добавокъ къ этому, что рядомъ съ понятiемъ объ этихъ двухъ состоянiяхъ, видимомъ и невидимомъ, принадлежащихъ каждой изъ этихъ многихъ вещей, является и понятiе о двойственности или дуализмѣ. Каждая изъ этихъ вещей въ извѣстномъ смыслѣ двойственна, ибо она имѣетъ эти двѣ взаимно-дополнительныя формы существованiя.

§ 54. Непосредственно за предыдущими слѣдуетъ поставить весьма знаменательные факты другого порядка,—факты, появляющiеся на сцену отъ времени до времени и неудержимо напечатлѣвающiе въ первобытномъ человѣкѣ убѣжденiе, что вещи могутъ превращаться изъ одного рода вещества въ вещество другого рода. Я разумѣю здѣсь тѣ факты, которые насильно навязываются его вниманiю ископаемыми остатками животныхъ и растенiй.

Собирая себѣ пищу на морскомъ берегу, первобытный человѣкъ находитъ раковину, торчащую изъ скалы, и хотя форма ея не вполне тождественна съ формою тѣхъ раковинъ, которыя онъ собираетъ для ѣды, однакоже формы эти настолько сходны, что онъ естественно классифицируетъ торчащую изъ скалы раковину въ одну группу съ тѣми, которыя онъ находитъ на берегу. Но, вмѣсто того, чтобы быть свободной, она составляетъ часть большой каменной массы; когда же ему удастся, наконецъ, выбить ее оттуда, то онъ находитъ, что ея внутренность такъ же тверда, какъ и та масса, въ которой она была вкраплена. Итакъ, онъ имѣетъ здѣсь двѣ родственныя формы, изъ которыхъ одна состоитъ изъ раковины и мяса, а другая изъ раковины и камня. Тутъ же поблизости, въ массѣ глинистыхъ обломковъ, составляющихъ продуктъ разрушенiя сосѣдняго утеса, онъ находитъ ископаемый аммонитъ. Быть можетъ, подобно только-что изслѣдованной имъ *Gryphoea*, онъ представляетъ снаружи раковину, а внутри каменистое ядро. Быть можетъ,—подобно нѣкоторымъ аммонитамъ лиасса, у которыхъ раковина растворяется и оставляетъ послѣ себя комочки затвердѣлой глины, наполнявшей ея камеры,—комочки, рыхло связанные другъ съ другомъ въ одно цѣлое,—онъ внушаетъ мысль о рядѣ сочлененныхъ между собою позвонковъ, свернувшихся въ плоскую спираль. Быть можетъ, наконецъ, подобно нѣкоторымъ другимъ лиассовымъ аммонитамъ,—раковина которыхъ замѣщается желѣзнымъ колчеданомъ,—онъ представляетъ блестящую поверхность, похожую на кожу змѣи. Подобныя ископаемыя иногда такъ и называются „змѣиными камнями“, а въ Ирландiи многiе изъ простонародья

вѣрить, что это змѣи, прогнанныя и проклятыя Св. Патрикомъ. Можно ли послѣ этого удивляться, когда непривычный къ критикѣ дикарь классифицируетъ этотъ предметъ съ тѣми, на которые онъ болѣе всего походитъ, и думаетъ, что это превращенная змѣя,—змѣя, которая была когда-то плотью, а теперь стала камнемъ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ потокъ прорылъ глубокую рывтину въ песчаникѣ, онъ замѣчаетъ на поверхности плиты очеркъ рыбы, а, всматриваясь ближе, различаетъ даже чешуи и плавники. Затѣмъ, гдѣ-нибудь еще въ другомъ мѣстѣ, онъ находитъ тоже вкрапленными въ скалѣ черепа и кости, не лишенные сходства съ черепами и костями тѣхъ животныхъ, которыхъ онъ убиваетъ себѣ въ пищу; нѣкоторые же изъ нихъ не лишены даже сходства съ черепами и костями людей.

Еще болѣе поразительны превращенія растений, на которыя наталкивается иной разъ первобытный человѣкъ. Я разумю здѣсь не отпечатки листьевъ на нѣкоторыхъ шиферахъ, и не ископаемые стволы, находимые иной разъ въ слояхъ породы, сопровождающей каменный уголь, но разумю главнымъ образомъ деревья, пропитанныя кремнеземомъ и попадающіяся отъ времени до времени тамъ и сямъ. Въ этихъ деревьяхъ бываетъ обыкновенно сохранена не только ихъ общая форма, но и всѣ мельчайшія подробности внутренняго строенія, такъ что, напримѣръ, ежегодныя наростанія обозначены въ нихъ цвѣтными кольцами, точъ въ точъ какъ у живыхъ стволовъ; очевидно, что при такомъ сохраненіи сходства съ своими живыми родичами, эти деревья должны представлять для дикаря ясное доказательство превращенія. При всемъ нашемъ знаніи, для насъ остается весьма затруднительнымъ пониманіе того, какимъ образомъ кремній могъ замѣстить элементы дерева такъ, чтобы сохранить прежній наружный видъ въ такомъ совершенствѣ; для первобытнаго же человѣка, не знающаго ровно ничего о молекулярной дѣятельности и не способнаго представить себѣ процесса химическаго замѣщенія, здѣсь не оставалось возможности ни для какой другой мысли, кромѣ той, что дерево превратилось въ камень ¹⁾.

¹⁾ Да будетъ мнѣ позволено привести здѣсь примѣръ того, какимъ образомъ факты этого рода могутъ вліять на людскія вѣрованія. Сентъ-Джонъ, въ своемъ сочиненіи «Два года въ Левантскомъ семействѣ», распространяясь о чрезвычайномъ легковѣріи египтянъ, приводитъ для примѣра слухъ, который былъ очень распространенъ въ его время и которому вѣрили очень сильно, а именно: слухъ о томъ, будто бы обитатели какой-то деревушки внезапно были превращены въ камни. Довѣріе къ такому слуху кажется намъ изумительнымъ; но оно покажется намъ менѣе изумительнымъ, когда мы узнаемъ всѣ обстоятельства даннаго случая. Въ нѣсколькихъ ми-

Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ тѣ понятія о физической причинности, которыя возникли только путемъ медленной организаціи опытовъ въ продолженіе цивилизаціи; мы увидимъ, что при ихъ отсутствіи не существовало бы ничего, что помѣшало бы намъ приложить къ этимъ фактамъ тѣ же объясненія, которыя прилагаетъ къ нимъ первобытный человѣкъ. Глядя на факты его глазами, мы находимъ, что его убѣжденіе, будто-бы вещи могутъ измѣняться въ такой мѣрѣ, чтобы превращаться изъ одного рода вещества въ другое, есть убѣжденіе совершенно неизбежное.

Не оставимъ безъ вниманія также и того обстоятельства, что и здѣсь понятіе о превращаемости связано съ понятіемъ о двойственности, такъ какъ всѣ эти вещи, очевидно, имѣютъ два состоянія существованія.

§ 55. Есть много фактовъ, которые навязываютъ первобытному человѣку убѣжденіе, что вещи могутъ измѣняться не только со стороны составляющаго ихъ вещества, но также и со стороны своей формы. Еслибы мы не исходили постоянно изъ того легкомысленнаго предположенія, будто-бы истины, ставшія очевидными для насъ лишь вслѣдствіе полученнаго нами образованія, обладаютъ естественной очевидностью, то легко поняли бы, что дикарь никакъ не можетъ избѣжать самой неограниченной вѣры въ метаморфозы. Съ ранняго дѣтства мы слышимъ замѣчанія, изъ которыхъ вытекаетъ, что нѣкоторые преобразованія, претерпѣваемые живыми существами, суть вещи самыя обыкновенныя, между тѣмъ какъ другія преобразованія совершенно не возможны. И мы предполагаемъ, будто-бы это различіе очевидно съ самаго начала. Но съ самаго начала наблюденныя метаморфозы внушаютъ лишь ту идею, что на свѣтѣ можетъ имѣть мѣсто всякій метаморфозъ.

Взглянемъ на громадную разницу, и въ формѣ и въ веществѣ, между сѣменемъ и растеніемъ. Поглядимъ на этотъ орѣхъ съ его твердой, бурой шелухой и бѣлымъ ядромъ и спросимъ себя, какое основаніе имѣемъ мы ожидать, что изъ него скорѣй выйдетъ бѣлый сочный корешокъ, нѣжный ростокъ и зеленые листики. Когда мы были молоды, намъ сказали, что одно изъ нихъ вырастетъ въ другое; чистая, бланковая форма объясненія была такимъ образомъ заполнена, и мы перестали удивляться и допытываться. Но стоитъ только на

лахъ отъ Каира существуетъ цѣлый обширный лѣсъ окаменѣлыхъ деревьевъ только-что описаннаго рода, т. е. происшедшихъ изъ замѣщенія кремніемъ всѣхъ элементовъ дерева; это—собраніе многочисленныхъ пней, то торчащихъ прямо, то склонившихся на бокъ, то лежащихъ. Но если деревья могутъ быть обращены въ камень, то почему не могутъ быть обращены въ камень люди? Для человѣка, лишеннаго научныхъ свѣдѣній, каждый изъ этихъ двухъ случаевъ совершенно столько же вѣроятенъ, какъ и другой.

минуту задуматься о томъ, какая мысль должна была бы возникнуть у насъ при-этомъ, еслибы возлѣ насъ не было никого, кто бы могъ дать намъ это чисто словесное рѣшеніе, чтобы увидѣть, что эта мысль была бы: преобразование. Голый фактъ, разсматриваемый независимо отъ всякой гипотезы, заключается здѣсь въ томъ, что вещь, имѣющая извѣстную величину, форму и цвѣтъ, становится вещью, имѣющею совершенно отличную величину, форму и цвѣтъ.

Тожѣ самое можно сказать и о яйцахъ птицъ. Лишь нѣсколько дней тому назадъ это гнѣздо содержало въ себѣ четыре или пять круглыхъ, гладкихъ, пятнистыхъ тѣлецъ, а сегодня вмѣсто нихъ въ немъ находится столько же маленькихъ птенчиковъ, широко развѣвающихъ клювы въ ожиданіи пищи. Въ насъ воспитали идею, что яйца были высижены, и мы удовольствовались этимъ подобіемъ объясненія. Разъ признавъ, что эта чрезвычайная перемѣна во всѣхъ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ есть перемѣна, постоянно имѣющая мѣсто въ естественномъ порядкѣ природы, мы считаемъ, что она, вслѣдствіе этого, не замѣчательна. Но для ума, не наполненнаго обобщеніями своего собственнаго или чужаго издѣлія, происхожденіе птенчиковъ изъ орѣховъ показалось бы ничуть не болѣе страннымъ, чѣмъ происхожденіе ихъ изъ яицъ: т. е. такой метаморфозъ, который мы считаемъ невозможнымъ, былъ бы для него одинаково невозможенъ съ тѣмъ метаморфозомъ, который мы считаемъ естественнымъ, вслѣдствіе давнишняго и близкаго знакомства съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, что въ народѣ и до сихъ поръ еще живетъ, или по крайней мѣрѣ жило очень еще недавно, убѣжденіе, будто-бы морскія утки (barnacles-geese) выводятся изъ раковинъ, называемыхъ уткородками (barnacles). Мало того, въ старинныхъ „Трудахъ Королевскаго Общества“ существуетъ описаніе уткородки (которая, кстати сказать, есть не моллюскъ, а ракъ изъ отдѣла усоногихъ — cirripedia), изъ котораго явствуется, будто-бы у уткородки замѣтны слабыя слѣды молодой птицы, которая должна вылупиться изъ нея потомъ. Припомнимъ все это, мы увидимъ, что только наука, притомъ значительно подвинувшаяся впередъ, различила естественныя органическія преобразованія отъ другихъ преобразованій, которыя кажутся невѣжеству равно столько же вѣроятными, какъ и первыя.

Міръ насѣкомыхъ представляетъ примѣры метаморфозъ, ведущихъ къ ложнымъ заключеніямъ даже еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ предыдущія. Нѣсколько дней тому назадъ, дикарь видѣлъ на вѣтви, осыняющей входъ въ его вигвамъ, гусеницу, подвѣшенную внизъ головою. Тенерь, на томъ же самомъ мѣстѣ виситъ вещь, совершенно отличная отъ нея и по формѣ и по цвѣту, — хризалида. Черезъ недѣлю или двѣ изъ этой хризалиды выходитъ бабочка, оставивъ послѣ себя лишь тонкій пустой футляръ. Эти метаморфозы насѣкомыхъ, какъ мы на-

зываютъ ихъ, которыя мы объясняемъ себѣ теперь какъ процессы развитія, представляющіе нѣкоторыя опредѣленно-обозначенныя ступени, суть въ глазахъ первобытнаго человѣка настоящія превращенія, въ первоначальномъ смыслѣ этого слова. Онъ принимаетъ ихъ какъ дѣйствительный переходъ одной вещи въ другую, совершенно отличную отъ предыдущей.

Чтобы видѣть, какъ легко для дикаря смѣшать эти метаморфозы, имѣющія мѣсто въ дѣйствительности, съ другими метаморфозами, повидимому очень сходными съ предыдущими и однако невозможными, рассмотримъ нѣсколько такихъ случаевъ, когда насѣкомыя своимъ наружнымъ видомъ такъ-сказать передразниваютъ (*mimic*) нѣкоторые изъ окружающихъ ихъ предметовъ, и поглядимъ на тѣ заключенія, къ которымъ ведутъ эти случаи. Многія гусеницы, жуки, моли и бабочки походятъ по наружности на тѣ предметы, которыми они бываютъ обыкновенно окружены. *Onychocerus scorpio* такъ изумительно похожъ „по своему цвѣту и сморщенности“ на кусокъ коры того дерева, на которомъ онъ водится, что, „пока не придетъ въ движеніе, онъ бываетъ абсолютно невидимъ“, такъ что первое его движеніе невольно возбуждаетъ идею, что это просто кусокъ коры, который внезапно ожилъ и задвигался. Другой жукъ, *Onthophilus sulcatus*, „схожъ съ сѣменемъ одного зонтичнаго растенія“; третій „по внѣшнему виду неотличимъ отъ помета гусеницъ“; нѣкоторые изъ *Cassidae* „похожи на блестящія капельки росы, дрожащія на листьяхъ“; а одинъ долгоносикъ обладаетъ такою окраскою и формою, что когда онъ свернется, то „превращается просто въ овальный, буроватый шарикъ, который нѣтъ никакой надежды разыскать между мелкими камешками того же цвѣта и земляными комочками, посреди которыхъ онъ лежитъ совершенно неподвижно“ и изъ которыхъ выползаетъ внезапно, когда его страхъ пройдетъ, причемъ это появленіе его имѣетъ такой видъ, какъ будто-бы одинъ изъ голышей внезапно ожилъ. Къ этимъ примѣрамъ, доставленнымъ Уэллесомъ, можно еще прибавить насѣкомыхъ, называемыхъ „насекомыя-трости“, за „ихъ необыкновенное и странное сходство съ сучками и вѣтвями“.

«Нѣкоторые изъ нихъ бываютъ до одного фута длиною, а толщиною въ человѣческой палецъ; вся ихъ окраска, форма, морщинчатость и устройство головы, ногъ и сяжковъ таковы, что дѣлаютъ ихъ абсолютно тождественными по наружности съ сухими сучками. Они небрежно висятъ на кустахъ въ лѣсу и имѣютъ еще при-этомъ необыкновенно странную привычку вытягивать свои ноги несимметрически, такъ чтобы сдѣлать обманъ еще болѣе полнымъ.»

Чтобъ узнать вполнѣ, какія удивительныя сходства существуютъ въ природѣ и къ какимъ обманамъ чувствъ они могутъ привести насъ, слѣдуетъ видѣть,

въ собраніи бабочекъ Уэллеса, индійскій родъ *Kallima*, помѣщенный посреди тѣхъ предметовъ, которые онъ передразниваетъ своей наружностью. Эта бабочка обыкновенно садится на вѣтви, покрытыя засохшими листьями; при-этомъ, когда она сложитъ свои крылья, то сама становится похожей на сухой листъ не только общей формою, цвѣтомъ, отмѣтинами, но еще и тѣмъ, что, садясь, она складываетъ крылья такимъ образомъ, что отростки нижнихъ крыльевъ, сложенные вмѣстѣ, образуютъ изображеніе листового черешка. Когда она вспархиваетъ, то производимое ею впечатлѣніе таково, какъ будто-бы одинъ изъ листьевъ превратился внезапно въ бабочку. Это впечатлѣніе еще усиливается, когда бабочка бываетъ поймана. На нижней поверхности сложенныхъ крыльевъ опять ясно виденъ срединный листовой нервъ, идущій прямо по срединѣ этого живаго листа отъ листового черешка до самой верхушки листа; кромѣ того тутъ имѣются и боковые нервы. Но это еще не все. Уэллесъ говорить:

«Мы находимъ тутъ изображенія листьевъ на всѣхъ ступеняхъ заивадія; причемъ эти живые листья самымъ разнообразнымъ образомъ покрыты пупырышками, разѣдены ржавчиной и пробуравлены дырками, точно настоящіе сухіе и полузаивадіе листья; во многихъ же случаяхъ они бываютъ еще покрыты неправильнымъ образомъ порошковатымъ чернымъ налетомъ, собраннымъ тамъ и сямъ въ точки, крапинки и пятнышки, такъ сильно похожія на подушечки различныхъ микроскопическихкихъ грибовъ, растущихъ на мертвыхъ листьяхъ, что при первомъ взглядѣ невозможно удержаться отъ мысли, что сами бабочки подверглись нападенію дѣйствительныхъ грибовъ.»

Припоминая тотъ фактъ, что, нѣсколько поколѣній тому назадъ, всѣ цивилизованные люди вѣрили,—какъ многіе изъ нихъ вѣрятъ этому еще и до сихъ поръ,—что разлагающееся мясо само превращается въ червяковъ; припоминая, что, еще и въ настоящее время, наши крестьяне думаютъ, будто-бы нитеобразный водяной червь, *Gordius*, есть ничто иное, какъ лошадиный волосъ, понавшій въ воду и ставшій живымъ, мы легко поймемъ, что эти крайнія сродства неизбежно должны были внушать представленія о дѣйствительныхъ превращеніяхъ, о настоящихъ метаморфозахъ. А что это представленіе, внушенное такимъ путемъ, становится убѣжденіемъ, или вѣрованіемъ, это доказанный фактъ. На Явѣ и въ другихъ мѣстахъ, обитаемыхъ удивительнымъ насѣкомымъ, называемымъ „ходячій листъ“, жители положительно утверждаютъ, что это ожившій и одушевленный листъ. Да и тѣмъ другимъ могъ бы онъ быть? Если бы не объясненіе,—передразниванье окружающихъ предметовъ,—столь счастливо угаданное Бэтсомъ, то мы не могли бы вообразить себѣ никакого естественнаго происхожденія этихъ удивительныхъ сходствъ между вещами, нѣсколько не сродными между собою. И пока человѣкъ не обладаетъ никакими

обобщеніями изъ области знанія, для него не существуетъ ничего, что мѣшало бы ему принимать эти кажущіяся превращенія за дѣйствительныя; впрочемъ, и самыя понятія о кажущемся и дѣйствительномъ не могутъ быть различены, пока критика и скептицизмъ не достигли уже нѣкотораго прогресса.

Разъ установившись, вѣрованіе въ превращеніе распространяется, не встрѣчая себѣ сопротивленія, и на другіе классы вещей. Различіе между яйцомъ и молодой птицей, и по вѣшнему виду, и по внутреннему устройству, гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между однимъ млекопитающимъ и другимъ. Головастики, снабженный хвостомъ, но лишенный конечностей, отличается отъ молодой лягушки, снабженной четырьмя лапками и не имѣющей хвоста, въ гораздо большей степени, чѣмъ человѣкъ отличается отъ гіены; ибо эти послѣдніе оба имѣютъ четыре конечности и оба хохочутъ. Итакъ, естественныя превращенія, или метаморфозы, столь обильныя въ природѣ, соединяясь съ этими кажущимися превращеніями, которыя первобытный человѣкъ неизбѣжно смѣшивалъ съ первыми, порождаютъ понятіе о превращеніи вообще, — понятіе, становящееся объясненіемъ, которое первобытный человѣкъ прилагаетъ всюду, безъ всякаго удержу.

Здѣсь опять слѣдуетъ замѣтить, что опыты, относящіеся къ превращеніямъ, порождая и развивая понятіе, будто-бы вещи всевозможныхъ родовъ могутъ внезапно пере мѣнять свои формы и превращаться однѣ въ другія, въ тоже самое время укрѣпляютъ и понятіе о двойственности. Каждый предметъ есть не только то, чѣмъ онъ кажется, но потенциально онъ есть еще и нѣчто другое.

§ 56. Что такое тѣнь? Жизнь зрѣлаго возраста сдѣлала для насъ тѣни явленіями столь обыденными, и объясненіе ихъ въ терминахъ физической причинности стало для насъ столь привычнымъ, почти бессознательно-автоматическимъ, что мы не спрашиваемъ себя, какъ онѣ должны были пониматься существомъ абсолютно невѣжественнымъ.

Тѣ, которые не совсѣмъ еще позабыли мысли своего дѣтства, конечно, вспомнятъ тотъ интересъ, который имъ доставляло наблюденіе за своей собственной тѣнью: какъ они поднимали то руку, то ногу, то двигали пальцами, и смотрѣли, какъ соотвѣтственные части ихъ тѣни повторяли эти движенія. Дитя думаетъ о тѣни какъ о вещественной сущности (entity). Я утверждаю это не голословно. Въ запискѣ, составленной въ 1858—9 годахъ, для объясненія идей, описанныхъ въ только-что вышедшей тогда книгѣ Вильямса о Фиджійцахъ, я упоминалъ о маленькой дѣвчкѣ лѣтъ семи, которая не знала, что такое тѣнь, и которой я не могъ внушить никакого представленія объ ея истинной природѣ.

Отрѣшившись на-время отъ приобретенныхъ идей, мы увидимъ, что эта трудность пониманія истинной природы тѣни вполне естественна. Всякая вещь, имѣющая вѣшнія очертанія и отличающаяся по своему

цвѣту отъ другихъ окружающихъ ее вещей, въ особенности же вещь движущаяся, въ другихъ случаяхъ, всегда есть какая-нибудь реальность, что-нибудь дѣйствительно-существующее. Почему же этой вещи (тѣни) не быть реальностью? Представленіе о тѣни, какъ о простомъ отсутствіи свѣта, не можетъ быть составлено ранѣе того, какъ свойства и дѣйствія свѣта будутъ уже поняты въ нѣкоторой степени. Правда, необразованные люди изъ среды нашего общества хотя и не формулируютъ себѣ ясно той истины, что свѣтъ, распространяясь по прямымъ линіямъ, необходимо оставляетъ неосвѣщенные пространства позади непрозрачныхъ предметовъ, однакоже смотря на тѣнь какъ на естественнаго спутника предмета, выставленнаго на свѣтъ, и не считаютъ ее какимъ-либо реальнымъ бытіемъ. Но это есть лишь одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, когда изслѣдованіе останавливается въ самомъ своемъ началѣ чисто словеснымъ объясненіемъ. „Это просто тѣнь“, — вотъ тотъ отвѣтъ, который мы слышали съ самаго ранняго возраста; а этотъ отвѣтъ, повторенный много разъ, убиваетъ удивленіе и останавливаетъ дальнѣйшее размышленіе.

Но первобытный человѣкъ, не имѣя подлѣ себя никого, кто бы могъ отвѣчать на его вопросы, а также не обладая идеями о физической причинности, необходимо долженъ заключать, что тѣнь есть дѣйствительное бытіе, принадлежащее какимъ-то образомъ тому лицу, которое ее отбрасываетъ. Онъ просто принимаетъ факты. Каждый разъ, когда солнце или мѣсяцъ свѣтятъ съ неба, онъ видитъ эту сопутствующую вещь, которая грубо похожа на него по своей формѣ, которая движется, когда онъ движется, то обгоняя его и выступая спереди, то идя съ нимъ рядомъ, то слѣдуя за нимъ сзади, которая то удлиняется, то укорачивается, смотря по степени наклона почвы въ ту или другую сторону, и которая искажается въ своей формѣ самымъ страннымъ образомъ, когда онъ проходитъ по неправильной поверхности. Правда, онъ не видитъ ея въ облачную погоду; но, при отсутствіи другаго физическаго объясненія, это только доказываетъ, что его спутникъ является лишь въ ясные дни и ясныя ночи. Правда, то сходство, которое имѣетъ съ нимъ его тѣнь, и ея приближительная отдѣльность отъ него обнаруживаются только тогда, когда онъ находится въ прямостоячемъ положеніи; при согбенномъ и сидячемъ положеніи тѣнь принимаетъ болѣе неопредѣленную форму; когда же онъ дождется, то она, повидимому, исчезаетъ и даже какъ-будто входитъ въ него. Но это только подтверждаетъ его впечатлѣніе касательно ея реальности. Большая или меньшая отдѣльность отъ него его тѣни напоминаетъ ему тѣ случаи, когда тѣнь была совсѣмъ отдѣльна. Наблюдая за рыбой въ водѣ въ ясный солнечный день, онъ видитъ на днѣ темное рыбообразное пятно, которое находится на значительномъ разстояніи отъ рыбы, но которое тѣмъ неменѣе слѣдуетъ за нею туда и

суда, повторяя всѣ ея движенія. Возлѣ него по песку беззвучно пронеслась какая-то тѣнь; онъ поднимаетъ голову и видитъ летящаго надъ собой орла. Наконецъ, обращая глаза на сосѣднія горы, онъ видитъ, какъ по ихъ крутымъ бокамъ движутся темныя пятна; будетъ ли онъ въ состояніи прослѣдить эти пятна до отбрасывающихъ ихъ облаковъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ для него ясенъ тотъ фактъ, что они удалены очень значительно отъ какихъ бы то ни было предметовъ. Эти факты показываютъ ему, что тѣни,—которые часто бываютъ такъ тѣсно соединены съ предметами, что едва могутъ быть отличены отъ нихъ,—могутъ въ другихъ случаяхъ являться отдѣльными и значительно удаленными отъ предметовъ.

Итакъ, умы, только-что начинающіе обобщать, должны представлять себѣ тѣни какъ существованія, привязанныя къ матерьяльнымъ вещамъ, но способныя являться и отдѣльно. И мы имѣемъ изобилныя свидѣтельства того, что тѣни понимаются именно такимъ образомъ. Бастіанъ утверждаетъ о неграхъ-Бенинахъ, что они смотрятъ на людскія тѣни какъ на души; онъ говоритъ также о Ваникахъ, что они боятся своихъ собственныхъ тѣней, думая, по всей вѣроятности, какъ это думаютъ нѣкоторые другіе негры, что ихъ тѣни подсматриваютъ за всѣми ихъ дѣйствіями и потому свидѣтельствуютъ противъ нихъ. У Гренландцевъ, по словамъ Кранца, тѣнь человѣка есть одна изъ его двухъ душъ,—а именно та, которая уходитъ изъ его тѣла по ночамъ. У Фиджійцевъ тѣнь также называется „чернымъ духомъ“, въ отличіе отъ другаго духа, которымъ обладаетъ каждый человѣкъ. Наконецъ, общность значенія между словами „тѣнь“ и „духъ“, которая встрѣчается у множества совершенно неродственныхъ между собою языковъ и которая будетъ рассмотрѣна нами впоследствии болѣе обстоятельно, указываетъ намъ на тоже самое.

Эти иллюстраціи той истины, что тѣни разсматриваются первоначально какъ привязанныя къ предметамъ сущности, внушаютъ болѣе того, что я желалъ здѣсь показать. Идеи нецивилизованныхъ людей, находимыхъ нами теперь, развились изъ ихъ первыхъ смутныхъ формъ въ формы, обладающія большей связностью и опредѣленностью. Мы должны не обращать вниманія на спеціальныя особенности этихъ идей, а разсматривать только ту общую имъ черту, которая лежала въ самомъ ихъ началѣ. Эта черта оказывается какъ разъ той, которую мы вывели выше путемъ заключеній. Тѣни суть реальности, которыя, будучи всегда неосязаемыми и часто невидимыми, принадлежатъ тѣмъ неменѣе порознь своимъ видимымъ и осязаемымъ соотносительнымъ; а тѣ факты, которые онѣ доставляютъ, даютъ новые матерьялы какъ для понятія о кажущемся и дѣйствительномъ состояніяхъ, такъ и для понятія о двойственности вещей.

§ 57. Есть еще другія явленія, впрочемъ сродныя съ предыдущими въ

нѣкоторыхъ отношеніяхъ, которыя доставляютъ для этихъ понятій еще большую массу новыхъ матерьяловъ. Я говорю объ отраженіяхъ.

Если то грубое сходство во внѣшнихъ очертаніяхъ и въ движеніяхъ, которыми обладаетъ тѣнь по отношенію къ отбрасывающему ее лицу, порождаетъ идею о второй сущности (entity), то въ еще большей мѣрѣ должна порождаться эта идея тѣмъ точнымъ сходствомъ, какое представляетъ отраженіе (напримѣръ, въ водѣ). Повторяя всѣ подробности формы, свѣта, тѣней, цвѣта и передразнивая даже гримасы оригинала, это изображеніе, въ самомъ началѣ, не можетъ считаться ничѣмъ инымъ, какъ нѣкоторымъ существомъ. Только опытъ показываетъ, что зрительныя впечатлѣнія не сопровождаются въ этомъ случаѣ соотвѣтствующими осязательными впечатлѣніями, доставляемыми большинствомъ другихъ вещей при подобныхъ обстоятельствахъ. Но какой же получается изъ этого результатъ? Просто — понятіе о такомъ существѣ, которое можетъ быть видимо, но не осязаемо. Оптическое объясненіе здѣсь невозможно. Пока не существуетъ никакихъ знаній изъ области физики, человѣкъ не можетъ ни съ того ни съ сего представить себѣ, что видимый имъ образъ составленъ изъ отраженныхъ лучей; а при отсутствіи авторитетнаго утвержденія, что отраженіе есть лишь кажущееся бытіе, оно неизбежно принимается за реальность, — реальность, принадлежащую какому-то образомъ лицу, чертамъ котораго отраженіе подражаетъ и дѣйствія котораго передразниваетъ.

Кромѣ того, эти двойники, видимые въ водѣ, доставляютъ первобытному человѣку очевидныя подтвержденія нѣкоторыхъ другихъ вѣрованій, внушаемыхъ ему окружающими вещами. Развѣ тамъ, въ глубинѣ прозрачной заводи, нѣтъ облаковъ, сходныхъ съ тѣми, которыя онъ видитъ у себя надъ головою? Облака надъ его головою являются и исчезаютъ. Не имѣетъ ли существованіе этихъ нижнихъ облаковъ, видимыхъ въ водѣ, какой-нибудь связи съ появленіемъ и исчезаніемъ верхнихъ облаковъ? Ночью, онъ видитъ въ водѣ звѣзды, и какъ ни глубоко видятся онѣ подъ поверхностью воды, но онѣ блещутъ такъ же ярко, какъ и тѣ, которыя свѣтятъ у него надъ головою. Не имѣется ли, слѣдовательно, двухъ мѣстъ для звѣздъ? И не уходятъ ли звѣзды, исчезающія съ наступленіемъ дня, туда, гдѣ находятся остальные, т. е. подъ воду? Надъ водою склонилось сухое дерево, отъ котораго дикарь отламываетъ сучья для костра. Это дерево отразилось въ ясной водѣ со всѣми своими вѣтвями. Онъ сжигаетъ одну изъ его вѣтвей, и она постепенно исчезаетъ при этомъ сгораніи и превращается въ ничто. Но нѣтъ ли какой-нибудь связи между ея теперешнимъ невидимымъ состояніемъ и ея изображеніемъ въ водѣ, которое онъ видѣлъ передъ этимъ, но до котораго не могъ дотронуться, такъ точно, какъ теперь онъ не можетъ коснуться до сгорѣвшей безъ слѣда вѣтви?

Что отраженія порождаютъ такимъ образомъ убѣжденіе, — можетъ быть смутное и несостоятельное, но все-таки убѣжденіе, — что каждый индивидъ имѣетъ своего двойника, который обыкновенно бываетъ невидимъ, но котораго можно увидѣть, отправившись къ водѣ и заглянувъ въ нее, — это не есть лишь апіористическое заключеніе, ибо существуютъ факты, которые вполне подтверждаютъ его. По словамъ Вильямса, нѣкоторые Фиджійцы рассказывали ему, что „человѣкъ имѣетъ двухъ духовъ. Его тѣнь они называютъ темнымъ духомъ, который, по ихъ словамъ, идетъ въ Гадесъ. Другой духъ есть его изображеніе, отражающееся въ водѣ или въ зеркалѣ; относительно этого духа предполагается, что онъ остается подлѣ того мѣста, гдѣ человѣкъ умираетъ“. Это вѣрованіе въ двухъ духовъ есть дѣйствительно наиболѣе состоятельное. Ибо развѣ тѣнь человѣка и его отраженіе не отдѣльны одно отъ другаго? И развѣ они не существуютъ другъ съ другомъ и съ нимъ самимъ? Развѣ онъ не можетъ видѣть, стоя у воды, какъ и изображеніе его въ водѣ и его тѣнь на берегу повторяютъ одновременно каждое его движеніе? Для него ясно, что хотя оба эти существа принадлежатъ ему, но оба они независимы и отъ него, и другъ отъ друга, такъ какъ оба они могутъ отсутствовать вмѣстѣ, и каждое изъ нихъ можетъ присутствовать, несмотря на отсутствіе другаго.

Всѣ первобытныя теоріи относительно этого двойника не входятъ пока въ занимающій насъ вопросъ и должны до времени быть оставлены въ сторонѣ. Для насъ имѣетъ пока значеніе лишь тотъ фактъ, что этотъ двойникъ мыслится первобытнымъ человѣкомъ какъ реальность. Для первобытнаго ума, дѣлающаго первые шаги къ объясненію окружающаго міра, въ существованіи этого двойника открывается новый рядъ фактовъ, подтверждающихъ его понятіе, что всѣ существа имѣютъ два состоянія, видимое и невидимое, и усиливающихъ вытекающее отсюда заключеніе о двойственности каждого существа.

§ 58. Пусть читатель спроситъ себя, что бы онъ подумалъ, елибы, находясь въ состояніи дѣтскаго невѣдѣнія, очутился въ такомъ мѣстѣ, гдѣ каждый его возгласъ повторялся бы одинъ или нѣсколько разъ? Не пришелъ ли бы онъ неизбѣжнымъ образомъ къ тому заключенію, что отвѣтный возгласъ производится какимъ-то другимъ лицомъ? Дальнѣйшія повторенія его послѣдующихъ возгласовъ, въ тѣхъ самыхъ словахъ и съ тѣми самыми интонаціями, какъ его собственныя, и однако при отсутствіи какого-либо видимаго источника этихъ повтореній, возбудили бы въ немъ идею, что это лицо передразниваетъ его и въ тоже время прячется отъ него. Тщетные поиски въ лѣсу или подъ утесомъ только привели бы его къ убѣжденію, что прячущееся лицо очень хитро, — въ особенности, когда онъ присоединилъ бы къ этому фактъ, что здѣсь,

на томъ самомъ мѣстѣ, откуда приходилъ ранѣе отвѣтъ, онъ не получаетъ теперь отвѣта очевидно потому, что такой отвѣтъ открылъ бы мѣстопробываніе насмѣшника. Если, во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, каждый проходящій получалъ всегда, на этомъ же самомъ мѣстѣ, отвѣтныи откликъ на каждый свой возгласъ, откликъ, шедшій изъ источника, не подававшася никакимъ розыскамъ, то въ результатъ должно было получиться убѣжденіе, что въ этомъ мѣстѣ обитаетъ одна изъ вышеупомянутыхъ невидимыхъ формъ, т. е. чловѣкъ, или совсѣмъ перешедшій въ невидимую форму, или могущій принимать эту форму на то время, пока его ищутъ.

Нецивилизованный чловѣкъ не можетъ составить себѣ ничего, даже приблизительно похожаго на физическое объясненіе эхо. Чтѣ онъ знаетъ относительно отраженія звуковыхъ волнъ? Въ самомъ дѣлѣ, много ли знаетъ относительно отраженія звуковыхъ волнъ даже масса нашего собственнаго народа? Еслибы распространеніе знанія не измѣнило образъ мышленія во всѣхъ классахъ общества и не произвело повсюду готовность къ принятію такъ-называемыхъ естественныхъ объясненій и къ предположенію существованія такихъ объясненій даже для случаевъ, которыхъ мы пока не понимаемъ, то эхо и теперь объяснялось бы какъ голосъ невидимыхъ существъ.

Что явленія эхо представляются первобытному уму именно такимъ образомъ, это доказывается фактами. Соути, описывая Абипоновъ, говоритъ: „они не знаютъ, чтѣ дѣлается съ Локалемъ (духомъ умершаго), но боятся его и думаютъ, что эхо есть его голосъ“. Объ индѣйцахъ Куманы (Центральная Америка) Геррера рассказываетъ намъ: „они вѣрятъ, что душа безсмертна, что она ѣстъ и пьетъ въ той долинѣ, гдѣ обитаетъ, и что эхо есть ея отвѣтъ на слова или окликъ говорящаго“. А Ландеръ, рассказывая о своемъ путешествіи вдоль по Нигеру, говоритъ: „отъ времени до времени, когда мы доходили до поворота луки, капитанъ лодки окликалъ фетиша и, если эхо отвѣчало ему, бросалъ въ воду полетакана рому или кусокъ рыбы и яма. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ сказалъ: развѣ ты не слышалъ фетиша?“

Здѣсь, какъ и въ предыдущихъ параграфахъ, я долженъ попросить читателя не обращать вниманія на эти спеціальныя объясненія, не имѣющія прямого отношенія къ занимающему насъ вопросу. Вниманіе читателя должно быть обращено на эти факты лишь постольку, поскольку они просто подтверждаютъ заключеніе, что, при отсутствіи физическаго объясненія, эхо принимается за голосъ кого-то, кто прячется отъ людскихъ глазъ. Очевидно, такое представленіе опять-таки предполагаетъ двойственность, — два состоянія: невидимое и видимое.

§ 59. Итакъ, для ума, не снабженнаго никакими другими идеями, кромѣ

тѣхъ, которыя онъ собралъ самъ, окружающая природа должна представлять множество случаевъ повидимому произвольныхъ перемѣнъ, — то легкихъ и медленныхъ, то постепенныхъ и значительныхъ, то внезапныхъ и чрезвычайно сильныхъ. И на небѣ, и на землѣ, различныя вещи то появляются, то исчезаютъ и ничто не показываетъ ему, почему это дѣлается. Здѣсь, на самой поверхности земли, тамъ, глубоко подъ землею, находятъ онъ вещи, которыя претерпѣли превращеніе въ самомъ своемъ веществѣ, — которыя превратились изъ мяса въ камень, изъ дерева въ кремень. Живыя существа со всѣхъ сторонъ являютъ ему примѣры такихъ метаморфозъ, которыя достаточно удивительны даже для образованнаго челоѣка, для челоѣка же первобытнаго — совершенно не понятны. Наконецъ, этотъ протейный характеръ, обнаруживаемый такимъ множествомъ изъ числа окружающихъ его вещей и укрѣпляющій его все болѣе и болѣе въ томъ понятіи, что есть два или болѣе состояній существованія, которыя взаимно переходятъ одно въ другое, получаетъ въ его глазахъ новыя подтвержденія въ такихъ явленіяхъ, какъ тѣни, отраженія и эхо.

Еслибы понятія, медленно вырабатывавшіяся въ продолженіе цивилизаціи и нечувствительно приобѣтавшіяся нами въ самомъ раннемъ возрастѣ, не принимались нами необдуманно за понятія врожденные, то мы сразу увидѣли бы, что идеи, составленныя себѣ первобытнымъ челоѣкомъ, приобѣтены имъ совершенно роковымъ образомъ. Законы умственной ассоціаціи дѣлаютъ необходимыми эти первобытныя понятія о превращеніи вещества (*transmutation*), о превращеніи формы (*metamorphosis*) и о двойственности, и пока не будетъ систематизировано достаточнаго числа опытовъ, умъ не знаетъ и не можетъ знать никакихъ ограниченій или предѣловъ для такихъ превращеній. Вооруженные высоко развитымъ знаніемъ, мы смотримъ на снѣгъ какъ на особенную форму кристаллизованной воды, а на градъ — какъ на капельки дождя, замерзшія во время паденія. Когда снѣгъ или градъ становятся жидкостью, мы говоримъ, что они растаяли, думая объ этой перемѣнѣ какъ о физическомъ эффектѣ теплоты; подобнымъ же образомъ думаемъ мы и когда иней, одѣвающий свою серебристою бахромою вѣтви кустовъ, превращается въ падающія капли или когда поверхность лужи то отвердѣваетъ, то снова дѣлается жидкою. Но, при взглядѣ на эти явленія глазами абсолютнаго невѣднія, они представляются превращеніями въ самомъ веществѣ тѣлъ, — переходами изъ одного рода существованія въ другой. Подобнымъ же образомъ необходимо представляются и всѣ тѣ перемѣны, которыя были перечислены выше.

Спросимъ себя теперь, чтѣ произойдетъ въ первобытномъ умѣ, когда въ немъ постепенно накопится эта разнородная пестрая группа грубыхъ идей, представляющихъ посреди всѣхъ своихъ различій и нѣкоторыя сходства. На

основаніи закона развитія, всякій агрегатъ стремится къ интеграціи, сопро-
вождающейся въ тоже время и дифференціаціей. Тоже самое долженъ дѣлать
и агрегатъ первобытныхъ идей. Но какимъ образомъ это будетъ происходить
въ немъ? Съ самаго начала, всѣ эти многочисленныя смутныя понятія обра-
зуютъ рыхлую массу, лишенную всякаго порядка. Но мало по малу они начи-
наютъ медленно разъединяться, подобное соединяется съ подобнымъ и, такимъ
образомъ, слагаются неопредѣленно обозначенныя группы. Когда эти группы на-
чинаютъ слагаться въ одно сплоченное цѣлое, составляющее собою общее пред-
ставленіе о томъ, какимъ образомъ совершаются вообще данныя явленія, то
онѣ, очевидно, должны слѣдовать при-этомъ тому же самому пути, какъ и
вначалѣ, т. е. возникающая между группами связность должна имѣть своей
причиною нѣкоторое сходство между членами всѣхъ группъ. Но мы видѣли, что
между всѣми ними дѣйствительно существуетъ нѣкоторое сходство, нѣкоторая
общая черта, а именно, наблюдаемая во всѣхъ этихъ случаяхъ двойственность,
соединенная со способностью переходить изъ одной формы существованія въ
другую.

Интеграція должна начаться знакомствомъ съ какимъ-ни-
будь очевиднымъ типическимъ случаемъ. Мы видимъ постоянно вокругъ себя
примѣры той истины, что накопленные факты, лежащіе въ полномъ беспорядкѣ,
немедленно начинаютъ группироваться и принимать извѣстный порядокъ, какъ
только въ средину ихъ будетъ брошена какая-либо гипотеза. Когда въ хаосъ
отрывочныхъ наблюденій будетъ введено такое наблюденіе, которое родственно
съ ними, но въ которомъ причинное отношеніе можетъ быть легко усмотрѣно,
то это наблюденіе начинаетъ немедленно выбирать изъ всей этой кучи наблю-
деній и ассимилировать съ собою тѣ, которыя окажутся сообразными или со-
гласными съ нимъ; мало того, оно стремится даже насильственно принудить къ
союзу съ собою и тѣ, согласіе которыхъ съ нимъ не вполне ясно. Этотъ
процессъ можно было бы пояснить такимъ сравненіемъ: подобно тому, какъ
протоплазма, образующая неоплодотворенный зародышъ, остается бездѣятель-
ною, пока не соединится съ нею вещество мужской сѣмянной кѣтки, послѣ
чего она сейчасъ же начинаетъ организоваться, такъ точно и рыхлый агре-
гатъ наблюденій продолжаетъ оставаться несистематизированнымъ, пока въ него
не будетъ внесена какая-либо гипотеза, послѣ чего онъ начинаетъ претерѣ-
вать измѣненія, превращающія его въ связанное, систематическое ученіе.

Какой же особенный примѣръ этой господствующей всюду двойственно-
сти играетъ роль организующаго принципа въ агрегатѣ первобытныхъ идей?
Мы не должны искать тутъ собственно такъ-называемой гипотезы, такъ какъ
гипотеза есть такое орудіе изслѣдованія, которое не можетъ еще быть создано
первобытнымъ умомъ. Мы должны ожидать встрѣтить здѣсь просто такой
опытъ, въ которомъ эта двойственность насильственно напрашивается на вни-

маніе. Подобно тому, какъ сознательно принимаемая гипотеза обыкновенно основывается на какомъ-либо назойливомъ примѣрѣ извѣстнаго отношенія, причемъ предполагается, что другіе примѣры похожи на него, т. е. представляютъ то же самое отношеніе, такъ точно и то особенное первобытное понятіе, которое должно послужить безсознательной гипотезой и положить начало организациі въ этомъ агрегатѣ первобытныхъ понятій, должно быть такимъ понятіемъ, въ которомъ съ очевидностью обнаруживается черта имъ всеѣмъ общая.

Открывъ и указавъ прежде всего это типическое понятіе, мы перейдемъ вслѣдъ затѣмъ къ разсмотрѣнію тѣхъ общихъ представленій, которыя отсюда вытекаютъ. При-этомъ намъ придется слѣдовать нѣсколькимъ различнымъ направленіямъ изслѣдованія и изложенія, не имѣющимъ явной связи съ нашимъ предметомъ; намъ также придется разсмотрѣть значеніе фактовъ, почерпнутыхъ среди людей, уже вышедшихъ изъ дикаго состоянія. Но это обширное изслѣдованіе совершенно неизбѣжно. Пока мы не въ состояніи представить себѣ приблизительно вѣрно первобытной системы мысли, до тѣхъ поръ мы не можемъ понять вполнѣ первобытнаго поведенія; а чтобы правильно представить себѣ первобытную систему мысли, мы должны сравнить между собою системы, находимыя во многихъ различныхъ обществахъ; причемъ наблюденіе развитыхъ формъ поможетъ намъ въ дѣлѣ провѣрки нашихъ заключеній по отношенію къ неразвитой формѣ ¹⁾).

¹⁾ Быть можетъ нѣкоторые изъ моихъ читателей будутъ удивлены, найдя, что въ послѣдующихъ главахъ посвящено такъ много мѣста генезису тѣхъ «суетвѣрій»,—какъ мы обыкновенно называемъ ихъ,—которыя составляютъ Теорію Вещей первобытнаго человѣка; ключъ къ разъясненію своего недомѣнія они найдутъ въ первой части моего очерка объ «Обычаяхъ и Приличіяхъ», напечатаннаго въ первый разъ въ 1854 г. (См. Опыты и пр. Vol. I). Тамъ вкратцѣ объяснено, какимъ образомъ вѣрованія человѣка вліяютъ на общественную организацію. Эти же самыя идеи, изложенныя тамъ лишь въ самой сжатой формѣ, я медленно развивалъ съ того времени въ ту полную форму, въ которую онѣ облечены въ послѣдующихъ главахъ настоящаго сочиненія. Кромѣ статьи о «Происхожденіи поклоненія животнымъ», напечатанной въ маѣ 1870 года, я не сдѣлалъ ничего для ознакомленія публики съ этими болѣе развитыми взглядами, такъ какъ другіе болѣе важные предметы заявляли свои притязанія на мое время. Между тѣмъ, въ продолженіе этого времени, появились важные труды Тайлора и сэра Джона Лэббока, которые установили, на основаніи чрезвычайно многочисленныхъ фактическихъ данныхъ, взгляды, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходные съ моими. Впрочемъ, читатель увидитъ, что хотя я и соглашаюсь со многими изъ ихъ специальныхъ заключеній, но расхожусь съ ними по отношенію къ порядку генезиса и къ способу взаимной зависимости первобытныхъ суетвѣрій.

ГЛАВА IX.

ИДЕИ ОБЪ ОДУШЕВЛЕННОМЪ И НЕОДУШЕВЛЕННОМЪ.

§ 60. На первый взглядъ различіе между животнымъ и растеніемъ кажется болѣе значительнымъ, чѣмъ различіе между растеніемъ и какимъ-либо безжизненнымъ предметомъ. Частыя движенія четвероногаго или птицы легко отличаютъ ихъ отъ бездѣятельныхъ предметовъ, но растеніе, бездѣятельное съ большинства своихъ сторонъ, не отличается такъ легко отъ неживаго міра. Только для лицъ, способныхъ къ произведенію тѣхъ сравненій между прошедшимъ и настоящимъ, посредствомъ которыхъ открывается ростъ и обнаруживается циклъ воспроизводительныхъ измѣненій, можетъ стать яснымъ, что растенія ближе къ животнымъ, чѣмъ къ остальнымъ предметамъ.

Поэтому, при разсмотрѣніи того, какимъ образомъ возникаетъ въ сознаніи различіе между живымъ и неживымъ, мы можемъ пренебречь на-время явленіями растительной жизни и сосредоточиться исключительно на явленіяхъ жизни животной.

Чтобы понять вполне истинную природу этого различія въ томъ видѣ, въ какомъ оно представляется первобытному человѣку, мы должны разсмотрѣть развитіе его чрезъ низшія формы сознанія.

§ 61. Гуляя въ солнечный день по морскому берегу, между глыбами обнажившихся вълѣдствіе отлива подводныхъ скалъ, покрытыми приросшими къ нимъ раковинами, называемыми „морскими желудями“, и останавливаясь отъ времени до времени, чтобы разсмотрѣть что-нибудь, мы нерѣдко можемъ услышать какое-то слабое шипѣнье. Изслѣдуя его причину, мы найдемъ, что этотъ звукъ идетъ отъ морскихъ желудей. При наступленіи отлива, когда вода сбѣ-

жить съ нихъ прочь и они оголятся, они обыкновенно остаются съ неплотно затворенными створками своихъ раковинокъ; но тѣ изъ нихъ, на которыя падаетъ внезапно тѣнь, начинаютъ закрываться, и это одновременное закрытіе большого числа раковинъ, покрытыхъ тѣнью, и производитъ тотъ слабый звукъ, о которомъ сказано выше. Фактъ, на который я могъ бы здѣсь обратить вниманіе читателя, состоитъ въ томъ, что эти усоногіе, которые суть видоизмѣненные раки, съ недоразвитыми глазами, погруженными въ толщу тѣла, и съ зрѣніемъ, годнымъ только для различенія свѣта отъ темноты, прячутся въ свои кельи и затворяютъ за собою двери при всякомъ внезапномъ затемнѣніи ихъ зрительнаго поля. Обыкновенно тѣнь бросается чѣмъ-нибудь живымъ, т. е. обыкновенно при-этомъ по-близости находится источникъ опасности. Но такъ какъ тѣнь можетъ быть брошена и рѣзко-очерченнымъ облакомъ, затемняющимъ солнце достаточно внезапно, то появленіе тѣни часто вовсе не имѣетъ своей причиной близость какого-нибудь живаго существа: значить, указаніе, которымъ руководствуется усоногое для узнанія и предупрежденія опасности, очень не совершенно. Тѣмъ неменѣе мы видимъ, что уже на самыхъ низшихъ ступеняхъ животнаго царства, у созданія, стоящаго такъ низко въ умственномъ отношеніи, все-таки существуетъ нѣкоторый смутный общій отвѣтъ на указаніе сосѣдней съ нимъ жизни, т. е. на признакъ, говорящій ему, что по-близости отъ него есть что-то живое, причемъ этотъ признакъ состоитъ въ данномъ случаѣ въ перемѣнѣ, подразумевающей какое-то движущееся тѣло.

Обратившись къ другимъ низшимъ животнымъ типамъ, жизнь которыхъ выполняется при помощи однихъ только рефлективныхъ дѣйствій, мы найдемъ, что большинство ихъ не обнаруживаетъ очень замѣтнаго прогресса надъ этимъ способомъ различенія зрительнымъ путемъ живыхъ существъ отъ неживыхъ. Идя далѣе по берегу, мы увидимъ въ лужахъ, оставленныхъ отливомъ, примисовъ (маленькихъ съѣдобныхъ рачковъ), которые внезапно начинаютъ бросаться туда и сюда, какъ только какое-нибудь крупное тѣло появится подлѣ ихъ лужи; а при малѣйшемъ движеніи разлагающихся морскихъ водорослей изъ нихъ проворно выскакиваютъ такъ-называемыя морскія блохи, какова бы ни была причина, приведшая въ движеніе водоросли. Точно также и въ сосѣднихъ поляхъ насѣкомыя, не различая формъ движущихся предметовъ и различныхъ родовъ ихъ движенія, вспархиваютъ или усакиваютъ при всякой значительной перемѣнѣ въ испытываемомъ ими зрительномъ впечатлѣніи,—такъ какъ каждая такая перемѣна обыкновенно предполагаетъ близость какого-нибудь живаго тѣла. Въ этихъ случаяхъ, какъ и въ случаяхъ тѣхъ гусеницъ, которыя свертываются при всякомъ внезапномъ прикосновеніи къ нимъ, дѣйствіе имѣетъ автоматическій характеръ. За живымъ нервнымъ стимуломъ здѣсь слѣдуетъ сильное

двигательное разряженіе, выражающееся въ бѣгствѣ или въ конвульсивномъ сокращеніи мускуловъ.

Говоря вообще, мы можемъ замѣтить, что во всѣхъ такихъ случаяхъ движеніе, обусловленное присутствіемъ жизни, постоянно смѣшивается съ движеніемъ, имѣющимъ другую причину, а не жизнь. Умственный актъ, который имѣетъ здѣсь мѣсто, сходенъ съ тѣмъ, который происходитъ въ насъ самихъ, когда какой-нибудь большой предметъ внезапно очутится передъ самыми нашими глазами. Мы невольно вздрагиваемъ или отпрыгиваемъ назадъ, прежде чѣмъ имѣемъ время рѣшить, живой ли это предметъ или мертвый и представляетъ ли онъ собой источникъ какой-либо опасности или нѣтъ. Первая мысль, внушаемая намъ при каждомъ такомъ случаѣ, есть та же, что и у этихъ низшихъ животныхъ, а именно, что движеніе предполагаетъ жизнь; но у насъ сознательное наблюденіе мгновенно или опровергаетъ, или подтверждаетъ такое внушеніе со стороны впечатлѣнія, а у нихъ этого нѣтъ.

§ 62. Въ чемъ состоитъ первая спеціализація этого первичнаго сознанія? Какимъ образомъ высшія животныя начинаютъ ограничивать эту ассоціацію между движеніемъ и жизнью, такъ чтобы исключить изъ класса живыхъ существъ тѣ вещи, которыя движутся, но которыя не одарены жизнью? Когда мыслительность поднимается выше чисто-автоматическаго акта, движеніе, указывающее на жизнь, начинаетъ отличаться отъ всякаго другаго движенія по своей самопроизвольности. Живыя тѣла, безъ всякаго толчка извнѣ, сами внезапно переходятъ отъ покоя къ движенію и отъ движенія къ покою. Грачи, подозрительно наблюдающіе издали за тѣмъ, какъ вы проходите, поднимаются на воздухъ, какъ только вы остановитесь, или какъ только вы снова двинетесь впередъ, или какъ только вы, даже не перемѣняя мѣста, станете двигать руками.

Что самопроизвольность движенія служить указателемъ жизни,—это ясно показываетъ намъ поведеніе нашихъ домашнихъ животныхъ и даже дикихъ животныхъ въ присутствіи желѣзно-дорожнаго поѣзда. Въ первое время послѣ введенія желѣзныхъ дорогъ, животныя обнаруживали по отношенію къ поѣздамъ большой испугъ, но, по прошествіи нѣкотораго времени, они освоились съ шумомъ и быстрымъ движеніемъ этого нѣчто, которое, появляясь издали, пронесится черезъ видимое пространство и снова исчезаетъ вдали. Такъ что теперь они совсѣмъ не обращаютъ вниманія на желѣзно-дорожный поѣздъ: скотъ продолжаетъ пастись, и даже куропатки, сидяція на откосахъ придорожныхъ насыпей, едва поворачиваютъ головы при его проходѣ.

Поведеніе собаки, о которой рассказываетъ Дарвинъ, представляетъ фактъ, подтверждающій тоже положеніе, только обратнымъ путемъ. Подобно другимъ

собакамъ и высшимъ животнымъ вообще, эта собака не обращала вниманія на раскачиваніе цвѣтовъ отъ вѣтра и на шорохъ листьевъ, производимый тѣмъ же вѣтромъ. Но разъ на лугу лежалъ раскрытый зонтикъ; отъ времени до времени вѣтеръ шевелилъ его; при каждомъ такомъ случаѣ собака свирѣпо ворчала или принималась лаять. На основаніи своей издавна приобрѣтенной опытности, она знала, что тотъ хорошо знакомый ей дѣятель, который, какъ она чувствуетъ, поднимаетъ на ней шерсть, способенъ также приводить въ движеніе листья и что, слѣдовательно, ихъ движеніе не есть самопроизведенное, но ей не случилось раньше наблюдать, чтобы такая крупная вещь, какъ зонтикъ, была приводима въ движеніе этимъ способомъ. Вслѣдствіе этого у нея возникла идея о какой-то живой силѣ, — о какомъ-то чужомъ пришлепѣ.

Къ этому можно прибавить, что тѣ явленія, которыя вначалѣ очень живо внушаютъ идею о жизни, относятся впоследствии къ классу неживыхъ вещей, какъ скоро является убѣжденіе въ отсутствіи здѣсь самопроизвольности. Это доказывается поведеніемъ собаки передъ зеркаломъ. Сначала она принимаетъ свое изображеніе за другую собаку и сердится; и если задняя сторона зеркала доступна, то она дѣлаетъ попытку схватить предполагаемаго пришлеца. Но когда зеркало помѣщено такимъ образомъ, что собака можетъ видѣть свое изображеніе достаточно часто, — напримѣръ въ простѣйшемъ зеркалѣ, доходящемъ до полу, — то она становится совершенно равнодушной къ нему. По какой причинѣ? Потому, что изображеніе не имѣетъ самопроизвольнаго движенія. Когда собака находится въ покоѣ, ея изображеніе также находится въ покоѣ, и всякое его движеніе есть простое повтореніе ея движенія.

§ 63. Но, кромѣ самопроизвольности, есть еще одинъ признакъ, по которому разумныя животныя отличаютъ живое отъ не-живаго, — это приспособленіе движенія къ нѣкоторымъ цѣлямъ. Забавляясь съ пойманной мышью, кошка, видя, что мышь остается слишкомъ долго неподвижной, слегка трогаетъ ее лапой, чтобы заставить ее бѣжать. Очевидно, она руководствуется при этомъ мыслью, что живое существо, при нарушеніи его спокойствія, постарается уйти отъ обидчика и что, такимъ образомъ, явится снова предлогъ возобновить охоту за нимъ. Кошка ждетъ не только того, что здѣсь будетъ имѣть мѣсто движеніе самопроизвольнаго характера, т. е. движеніе самопроизведенное, но ожидаетъ еще, что это движеніе будетъ именно такое, которое требуется, чтобы удалиться отъ опасности. Относительно животныхъ замѣчается обыкновенно, что когда они не могутъ рѣшить посредствомъ обнюхиванья, есть ли найденный ими предметъ живое существо или нѣтъ, то они подталкиваютъ его слегка и вообще дѣйствуютъ, исходя изъ того предположенія, что если это существо живое, то нарушеніе спокойствія заставитъ его сдѣлать попытку

спастись бѣгствомъ. Даже дѣйствіе нѣкоторыхъ стадныхъ птицъ, послѣ того, какъ одна изъ ихъ среды будетъ застрѣлена, показываетъ, что отсутствіе отвѣта на крики и движеніе стаи ведетъ за собой впечатлѣніе, что ихъ недавній товарищъ не принадлежитъ болѣе къ классу предметовъ одушевленныхъ.

§ 64. Такимъ образомъ, восходя отъ низшихъ типовъ животныхъ къ высшимъ, мы видимъ, что способность различенія одушевленнаго отъ неодушевленнаго все увеличивается. Эти различенія, вначалѣ чрезвычайно смутныя, становятся постепенно болѣе и болѣе опредѣленными; будучи вначалѣ лишь самыми общими, они становятся мало по малу болѣе и болѣе специальными, а основанныя на нихъ классифицированія оказываются ошибочными все менѣе и менѣе часто. Впервыхъ—движеніе, затѣмъ—самопроизведенное движеніе и, наконецъ,—цѣлесообразное самопроизведенное движеніе,—вотъ тѣ послѣдовательные признаки, которые употребляетъ здѣсь прогрессирующая мыслительность.

Безъ сомнѣнія, здѣсь являются на помощь и другіе признаки. Потянувъ въ себя воздухъ, олень узнаетъ по чему-то, заключающемуся въ этомъ воздухѣ, о близости непріятеля; а хищные звѣри часто преслѣдуютъ свою добычу по оставленному ею запаху. Но хотя запахи и суть снутники жизни въ нѣкоторыхъ изъ окружающихъ насъ предметовъ, однакоже они не употребляются какъ указатели жизни; ибо, когда одинъ изъ такихъ предметовъ будетъ найденъ, то онъ не будетъ признанъ живымъ на основаніи одного только отдѣляемаго имъ запаха, если не будетъ обнаруживать ни одного изъ ожидаемыхъ отъ него движеній. Звуки также служатъ указателями жизни; но когда звуки исходятъ животными, то они всегда представляютъ результатъ нѣкоторыхъ самопроизвольныхъ движеній, и если и принимаются за указателей жизни, то лишь потому, что сопровождаютъ другія самопроизвольныя движенія.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что способность классифицировать такимъ образомъ съ приблизительной правильностью одушевленное и неодушевленное необходимымъ образомъ возрастала въ продолженіе развитія, ибо она представляетъ весьма существенное условіе для самосохраненія. Недостаточное развитіе этой способности постоянно наказывалось смертью отъ голода или отъ вражескаго нападенія, а потому эта способность къ различенію одушевленнаго отъ неодушевленнаго постоянно упражнялась и, вслѣдствіе этого, возрастала все болѣе и болѣе.

§ 65. Можемъ ли мы сказать, что первобытный человѣкъ менѣе уменъ, чѣмъ низшія млекопитающія, чѣмъ птицы, чѣмъ даже насѣкомыя? Но если мы не желаемъ сказать этого, то должны признать, что первобытный человѣкъ умѣетъ отличать живое отъ неживаго; а если мы еще признаемъ за нимъ болѣе

высокую мыслительность, чѣмъ у другихъ животныхъ, то должны будемъ заключить въ добавокъ къ этому, что онъ отличаетъ живое отъ неживаго лучше, чѣмъ это дѣлаютъ другія животныя. Тѣ признаки, которые употребляются въ этомъ случаѣ другими животными и, притомъ, высшими изъ нихъ — правильно почти во всѣхъ случаяхъ, должны употребляться также и имъ; единственное различіе должно состоять въ томъ, что онъ долженъ избѣгать тѣхъ случайныхъ ошибокъ въ классифицированіи, въ которыя впадаютъ иногда самыя развитыя изъ остальныхъ животныхъ.

Правда, тотъ нецивилизованный, челоѣкъ, котораго мы знаемъ теперь, склоненъ заблуждаться въ своей классификаціи, когда ему показываютъ такіе продукты цивилизованнаго искусства, которые по своему устройству и обнаруживаемымъ ими свойствамъ и дѣйствіямъ похожи на живыя существа. Такъ Эскимосы, видя, что корабли Россіи двигались безъ помощи веселъ, думали, что это живыя существа; а Томсонъ говоритъ о Ново-зеландцахъ, что „когда корабль Кука появился передъ ихъ глазами, плавно несомый попутнымъ вѣтромъ, то они приняли его за крылатого кита.“ Андерсонъ рассказываетъ намъ о Бушменахъ, что они считаютъ телегу живою, и думаютъ, что она нуждается въ травѣ, ибо ея сложность, симметрія и ея самодвижущіяся колеса совершенно не согласимы со всѣми ихъ опытами по отношенію къ неодушевленнымъ вещамъ. „Онъ живой“, сказалъ какой-то Араукасъ Бретту, увидѣвъ у него карманный кошпась. Что часы принимаются дикарями за живое существо, — фактъ, встрѣчаемый путешественниками очень часто. Затѣмъ, мы имѣемъ здѣсь рассказъ одного путешественника по арктическимъ странамъ объ Эскимосахъ, которые принимали табакерку съ музыкой и маленькій органъ за живыя существа и при-этомъ считали, что первая есть дѣтенышъ втораго.

Но автоматическіе инструменты, издающіе различныя звуки, поразительно похожи въ этомъ отношеніи на многія одушевленные существа. Движеніе часовъ, не причиняемое, повидимому, никакимъ внѣшнимъ дѣятелемъ, кажется самопроизвольнымъ, а потому приписываніе часамъ жизни вполне естественно. Мы должны исключить отсюда всѣ ошибки въ классификаціи предметовъ, относящіяся къ такимъ вещамъ, которыя созданы нарочно прогрессивнымъ искусствомъ, въ подражаніе нѣкоторымъ живымъ существамъ, ибо такія вещи вводятъ первобытнаго челоѣка въ заблужденіе совѣтъ другимъ путемъ, чѣмъ окружающіе его естественные предметы. Ограничиваясь его представленіями объ этихъ естественныхъ предметахъ, мы не можемъ не придти къ тому заключенію, что его классификація ихъ на одушевленные и неодушевленные существенно правильна.

Выводя такое заключеніе, мы принуждены отступить съ самаго начала отъ

и некоторыхъ объясненій, прилагаемыхъ обыкновенно къ суевѣріямъ первобытнаго человѣка. Очевидно, что ни явное, ни безмолвное допущеніе того положенія, будто-бы первобытный человѣкъ стремится приписывать жизнь такимъ вещамъ, которыя не суть живыя существа, не можетъ быть защищаемо. Сознаніе различія между этими двумя разрядами вещей, приобретаая, съ развитіемъ мыслительности, все болѣе и болѣе опредѣленности и ясности, должно имѣть у него большую опредѣленность и ясность, чѣмъ у всѣхъ низшихъ животныхъ. Предположить, что онъ, безъ всякой причины, начинаетъ смѣшивать эти два разряда вещей, значитъ предположить, что процессъ развитія повернулъ въ обратную сторону.

§ 66. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно утверждаютъ, что неразвитый человѣческій умъ обнаруживаетъ ежечасное стремленіе къ смѣшиванію одушевленнаго и неодушевленнаго. Приводятъ факты, которые будто-бы показываютъ, что дѣти часто недостаточно строго различаютъ эти два класса. Эти факты имѣли бы вѣсь, еслибы на дѣтей не вліяли внушенія взрослыхъ. Припомнимъ только, какъ часто случается видѣть, что, когда ребенокъ ушибется о какой-либо неодушевленный предметъ, мать или нянька, желая утѣшить его, притворяется, будто она принимаетъ сторону ребенка противъ этого предмета, и говоритъ: „ахъ! ты, дрянной стулъ! ушибъ бѣднаго мальчика! побей его, душенька!“ После такихъ случаевъ, мы имѣемъ право подозрѣвать, что ребенокъ не сочинилъ самъ данное понятіе, но выучился ему отъ взрослыхъ. Обычное поведеніе дѣтей относительно окружающихъ ихъ предметовъ не даетъ повода думать, чтобы они смѣшивали эти два класса. Если неодушевленный предметъ не имѣетъ такого сильнаго сходства съ какимъ-либо одушевленнымъ существомъ, чтобы внушить идею, будто онъ есть только неподвижное живое существо, которое сейчасъ задвигается, то дитя не обнаруживаетъ по отношенію къ нему никакого страха. Правда, если какой-нибудь неодушевленный предметъ начинаетъ двигаться безъ участія видимой внѣшней силы, то онъ можетъ произвести испугъ. Но это и понятно. Хотя данный предметъ, можетъ быть, и не похожъ нисколько ни на одно живое существо, но какъ скоро онъ обнаруживаетъ ту самопроизвольность, которая характеризуетъ живыя существа, то это возбуждаетъ идею о жизни, которая можетъ вызвать крикъ испуга. Но, за исключеніемъ этихъ обстоятельствъ, ребенокъ столь же мало склоненъ приписывать жизнь неодушевленнымъ вещамъ, какъ и щенку или котенку.

Если намъ укажутъ на склонность болѣе взрослыхъ дѣтей къ драматизированію и на то, что они надѣляютъ свои игрушки личностями и говорятъ о нихъ и ласкаютъ ихъ такъ, какъ будто-бы онѣ были живыя существа, то я отвѣчу на это, что тутъ нѣтъ ошибочнаго убѣжденія, но есть лишь преднамѣренная

фикція. Ребенокъ хотя и утверждаетъ притворно, будто-бы его игрушки живыя, но не думаетъ этого дѣйствительно. Еслибы кукла укусила его, онъ былъ бы изумленъ этимъ неменѣе, чѣмъ взрослый. Чтобы доставить своимъ долго неупотреблявшимся способностямъ ту пріятную дѣятельность, которая называется игрою, многія разумныя животныя прибѣгаютъ къ такому драматизированію, и когда у нихъ не достаетъ требующихся для этого живыхъ существъ, то они замѣняютъ ихъ неживыми предметами, изображающими для нихъ на-время эти живыя существа; при-этомъ они особенно охотно берутъ такіе предметы, которые можно заставить походить на живые, т. е. обнаруживать явленія, сходныя по внѣшности съ жизненными. Но собака, преслѣдующая брошенную палку, не думаетъ, что она живая. Если, схвативъ ее, она и начинаетъ ее грызть, то лишь продолжаетъ свою примѣрную охоту; еслибы она считала палку за живую, то кусала бы ее такъ же бѣшено и до того, какъ она была брошена, а не только послѣ этого.

Далѣе намъ говорить, будто-бы даже и взрослый человѣкъ обнаруживаетъ иной разъ скрытое стремленіе думать о неодушевленныхъ предметахъ какъ объ одушевленныхъ. Разсерженный сопротивленіемъ своимъ усиліямъ, онъ можетъ иной разъ въ припадкѣ гнѣва обругать какую-нибудь бездушную вещь, бросить ее о-земь и топтать ногами. Но очевидное объясненіе этого факта заключается въ томъ, что гнѣвъ, какъ и всякое сильное чувство, стремится разрядиться въ сильныя мускульныя дѣйствія, которыя должны принять то или другое направленіе; что въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это по большей части бываетъ, причиною гнѣва было живое существо, мускульныя дѣйствія направлялись такимъ образомъ, чтобы нанести вредъ этому существу, и что установившаяся этимъ путемъ ассоціація направляетъ мускульныя разряженія въ ту же самую сторону даже и тогда, когда причиною гнѣва служить какой-нибудь неодушевленный предметъ, если только въ данномъ случаѣ не имѣется ничего такого, что могло бы дать иное направленіе разряженію. Но про человѣка, дающаго такой исходъ своему бѣшенству, никакъ нельзя сказать, будто-бы онъ думаетъ, что вещь, надъ которой онъ неистовствуетъ, есть живое существо, хотя этотъ способъ обнаруженія раздраженія и придаетъ ему видъ человѣка, думающаго такимъ образомъ.

Итакъ, ни одинъ изъ этихъ фактовъ не указываетъ на какое-либо дѣйствительное спутываніе одушевленнаго съ неодушевленнымъ. Должно считать, что способность къ различенію этихъ двухъ классовъ, — способность, которая представляетъ одну изъ первыхъ способностей, смутно обнаруживаемую даже существами, лишенными спеціальныхъ органовъ чувствъ, которая постоянно возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ мыслительности и которая, наконецъ, достигаетъ своего совершенства въ цивилизованномъ человѣкѣ, — уже близка къ

этому совершенству у нецивилизованнаго человѣка. Невозможно допустить, чтобы онъ смѣшивалъ такія идеи, которыя, развиваясь и уясняясь чрезъ всѣ низшія формы духа, пріобрѣли уже такую ясность, что не смѣшиваются легко даже существами стоящими ниже его.

§ 67. „Какимъ же образомъ“ — спросятъ насъ — „должны мы объяснять себѣ его суетвѣрія? Что эти суетвѣрія предполагаютъ обыкновенно приписываніе жизни такимъ вещамъ, которыя ею не обладаютъ, это фактъ, отрицать который невозможно. Но если первобытный человѣкъ не имѣетъ никакой склонности къ смѣшиванію живаго и неживаго, то какимъ же образомъ возможно объяснить чрезвычайное распространеніе, если не всеобщность, такихъ вѣрованій, которыя надѣляютъ личностью и безмолвно приписываютъ одушевленность множеству неодушевленныхъ вещей?“

На это я отвѣчу, что эти вѣрованія не могутъ быть вѣрованіями первичными, но что они должны быть вторичными вѣрованіями, къ которымъ первобытный человѣкъ былъ приведенъ своими ранними попытками понять окружающій міръ. Та ступень развитія, на которой являются первые зачатки умозрѣнія, необходимо должна была наступить лишь послѣ той ступени, на которой не существуетъ никакого умозрѣнія, на которой не существуетъ даже языка, годнаго для выполненія процесса умозрѣнія и для выраженія его результатовъ. Во все продолженіе этого періода первобытный человѣкъ столь же мало стремится смѣшивать одушевленное съ неодушевленнымъ, какъ и низшія безсловесныя животныя. И если, при первыхъ же его усиліяхъ къ истолкованію себѣ явленій окружающаго міра, онъ строитъ представленія, несогласимыя съ этимъ предустановленнымъ различіемъ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, то это должно происходить вслѣдствіе того, что какой-нибудь поразительный опытъ вводитъ его въ заблужденіе, т. е. вноситъ зерно ошибки, которое развивается потомъ въ цѣлый ошибочный рядъ объясненій.

Въ чемъ же заключается этотъ зародышъ ошибокъ, это коренное заблужденіе? Очевидно, намъ слѣдуетъ искать его между тѣми опытами, которые затемняютъ различіе между одушевленнымъ и неодушевленнымъ. Существуютъ такія постоянно повторяющіяся состоянія, въ которыхъ живыя существа похожи на неживыя; и вотъ, въ нѣкоторыхъ изъ явленій, сопутствующихъ этимъ состояніямъ, мы и найдемъ сѣмя той системы суетвѣрій, которую строитъ себѣ первобытный человѣкъ.

ГЛАВА X.

ИДЕИ О СНѢ И СНОВИДѢНІЯХЪ.

§ 68. Представленіе о Духѣ, какъ о нѣкоторомъ внутри-живущемъ существѣ, совершенно отличномъ отъ тѣла, до такой степени сроднилось съ нами во время нашего воспитанія, что мы ошибочно принимаемъ его за первобытное и необходимое. Гипотеза чувствующей и мыслящей сущности, обитающей внутри тѣлесной оболочки, до такой степени соткалась съ нашими вѣрованіями и вилелась въ нашъ языкъ, что мы почти не можемъ вообразить себѣ, что это есть такая гипотеза, которой первобытный человѣкъ не придерживался, да и не могъ придерживаться.

Однако стѣить только спросить себя, что даетъ неученому человѣческому существу его собственная опытность, чтобы увидѣть, что въ этой опытности нѣтъ ничего, указывающаго ему на существованіе какой-либо сущности подобнаго рода. Въ каждое данное мгновеніе онъ видитъ окружающія его вещи, осязаетъ ихъ, трогаетъ руками и двигаетъ ихъ туда и сюда. Онъ не знаетъ ничего объ ощущеніяхъ и идеяхъ и не имѣетъ словъ для выраженія этихъ понятій. Еще въ меньшей мѣрѣ можетъ онъ обладать такимъ въ высшей степени отвлеченнымъ словомъ или понятіемъ, какъ—сознаніе. Онъ не мыслитъ о мышленіи или о мысли: ни его способности, ни его языкъ еще не достаточны для этого. На раннихъ ступеняхъ развитія, онъ просто думаетъ, не замѣчая этого обстоятельства, т. е. того, что онъ думаетъ; а потому онъ никогда не спрашиваетъ себя, какимъ образомъ онъ думаетъ и что именно въ немъ думаетъ. Его пять чувствъ приводятъ его въ сообщеніе только съ вещами, существующими внѣ его, да съ его собственнымъ тѣломъ; и онъ выступаетъ изъ области чувствъ

не далѣе, чѣмъ сколько нужно для выведенія конкретных заключеній относительно дѣйствій этихъ вещей. Такая невидимая и неосязаемая сущность, какою люди впослѣдствіи представляютъ себѣ Духъ, есть высокая абстракція, не мыслимая его умомъ и не выразимая его языкомъ.

Все это нетолько очевидно *a priori*, но подтверждается и *a posteriori*. Дикарь не можетъ говорить о внутреннемъ усмотрѣніи иначе, какъ въ терминахъ внѣшняго усмотрѣнія. Да и сами мы, говоря, что видимъ что-либо, ясно растолкованное намъ, или, что схватываемъ доказательство, истинное до осязательности, все-еще выражаемъ душевные акты такими словами, которыя употреблялись первоначально для выраженія тѣлесныхъ актовъ. Но мы употребляемъ эти слова, предполагающія зрѣніе и осязаніе, лишь въ метафорическомъ смыслѣ; между тѣмъ какъ дикарь, употребляя ихъ, не отличаетъ метафорическаго значенія отъ буквальнаго. Для него его глазъ есть символъ его духа (Основанія Психологіи, § 404).

Но пока не существуетъ представленія о Духѣ, какъ о нѣкоторомъ внутреннемъ началѣ всякой дѣятельности, не можетъ существовать и того представленія о сновидѣніяхъ, которое мы имѣемъ. Объясненіе себѣ видѣннаго, слышаннаго и сдѣланнаго въ продолженіе сна дѣятельностью нѣкоторой мыслящей сущности въ теченіе того времени, когда внѣшнія чувства замкнуты для впечатлѣній, совершенно невозможно, пока еще не признано самое существованіе этой мыслящей сущности. Отсюда возникаетъ вопросъ: какое же объясненіе дается сновидѣніямъ, пока не существуетъ еще понятіе о Духѣ?

§ 69. Голодь и пресыщеніе, — и то и другое очень обычное для первобытнаго человѣка, — возбуждаютъ сновидѣнія, отличающіяся большою живостью. Вотъ, послѣ безуспѣшной охоты и продолжительнаго голоданія, первобытный человѣкъ падаетъ отъ усталости и засыпаетъ; во время сна онъ снова охотится, но охотится удачно: убиваетъ, свѣзжуетъ, жаритъ свою добычу и.... внезапно просыпается какъ разъ въ ту минуту, когда готовился положить въ ротъ первый кусокъ. Предположить, будто-бы онъ скажетъ себѣ: „Все это былъ только сонъ“, значитъ предположить, что онъ уже обладаетъ тою гипотезой, которой, какъ мы видѣли выше, онъ не можетъ еще имѣть. Онъ беретъ факты такъ, какъ они происходятъ для него. Онъ помнитъ съ совершенной ясностью всѣ тѣ вещи, которыя видѣлъ, и всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершалъ самъ; и онъ принимаетъ это свидѣтельство памяти, не подвергая его никакому сомнѣнію. Правда, онъ сразу находитъ себя попрежнему спокойно лежащимъ на землѣ. Онъ не понимаетъ, какимъ образомъ произошла эта перемѣна; но, какъ мы уже видѣли выше, окружающій

міръ сроднилъ его съ непонятными появленіями и столь же непонятными исчезаніями; такъ почему бы это не могло быть одною изъ такихъ непонятныхъ переменъ? Въ другой разъ, наѣвшійся до отвала, онъ засыпаетъ, и произведенный пресыщеніемъ беспорядокъ въ его кровообращеніи вызываетъ у него кошмаръ: онъ видитъ себя въ когтяхъ тяжело-наваливагося на него медвѣдя, старается вырваться, но чувствуетъ себя совершенно обезсиленнымъ, и.... просыпается съ пронзительнымъ крикомъ; почему бы въ этомъ случаѣ могъ онъ заключить, что крикъ его не былъ вызванъ дѣйствительной опасностью? Хотя его скава (жена), лежащая рядомъ съ нимъ, можетъ сказать ему, что она не видала никакого медвѣдя, однако она слышала его крикъ; а она, подобно ему, не имѣетъ даже отдаленнѣйшаго понятія о томъ, что такой эффектъ можетъ быть произведенъ чисто субъективнымъ состояніемъ, — и даже не имѣетъ терминовъ, въ которыхъ могло бы сложиться такое понятіе.

Объясненіе сновидѣнія, какъ чего-то дѣйствительно испытаннаго, укрѣпляется еще болѣе разсказомъ о немъ на несовершенномъ языкѣ первобытнаго человѣка. Мы склонны постоянно забывать, что тѣ различія, которыя легки для насъ, совершенно невозможны для тѣхъ, которые обладаютъ лишь немногими словами, имѣющими всѣ — конкретное значеніе, и лишь грубыми грамматическими формами для соединенія этихъ словъ въ предложенія. Когда мы читаемъ, что на языкѣ сравнительно столь развитаго народа, какъ древніе Перуанцы, слово *h u a s a* означало одновременно: „идолъ, храмъ, священное мѣсто, гробницу, фигуры людей, животныхъ, холмъ“, мы можемъ представить себѣ, какой чрезвычайной неопредѣленностью должны были отличаться тѣ утвержденія, которыя несовершенный словарь наиболѣе грубыхъ людей позволялъ имъ составлять; а когда мы читаемъ про нынѣ существующія южно-американскія племена, что такое предложеніе, какъ „я есмь Абионъ“ (*I am an Abiron*), можетъ быть выражено ими лишь въ столь неопредѣленной формѣ, какъ „я — Абионъ“ (*I, Abiron*), то мы не можемъ не придти къ заключенію, что, при такихъ неразвитыхъ грамматическихъ формахъ, могутъ быть переданы правильно только самыя простыя мысли¹⁾. Далѣе, когда мы узнаемъ, что у низшихъ человѣческихъ существъ эти неточныя слова, соединяемые между собою

¹⁾ Этотъ послѣдній примѣръ не покажется особенно убѣдительнымъ для русскаго читателя, такъ какъ, при неимѣніи въ нашемъ языкѣ члена и при неупотребленіи у насъ глагола «быть» въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія, мы тоже сказали бы по-русски: «я абионъ», «я русскій». Но не забудемъ, что у насъ это не есть результатъ недоразвитія языка, а результатъ дальнѣйшаго оригинальнаго его развитія, что доказывается;

этимъ неопредѣленными способами, еще и произносятся несовершеннымъ образомъ, какъ напримѣръ у племени Акка, которое поразило Швейнфурта нечленораздѣльностью своей рѣчи, то должны признать въ этомъ третью причину смѣшенія понятій и недоумѣнія. Послѣ такой подготовки, мы не имѣемъ причинъ удивляться, узнавъ, что индѣйцы Цуни „нуждаются въ значительномъ числѣ лицевыхъ сокращеній и движеній всего туловища, чтобы сдѣлать свои фразы совершенно понятными“; или что языкъ Вушменовъ нуждается въ такомъ множествѣ знаковъ для пополненія его смысла, что „ихъ нельзя понять въ темнотѣ“, и что Арапагосы „почти не могутъ разговаривать другъ съ другомъ въ темнотѣ“.

Если, припоминая все это, мы спросимъ себя теперь, что должно выйти изъ разсказа дикаря о видѣнномъ имъ снѣ, то увидимъ, что, даже предполагая, что онъ подозрѣваетъ нѣкоторое различіе между дѣйствіями идеальными и реальными, онъ не будетъ въ состояніи выразить этого различія. Его языкъ не даетъ ему возможности сказать: „мнѣ снилось, будто я видѣлъ“ вмѣсто „я видѣлъ“. Вслѣдствіе этого онъ разсказываетъ свои сновидѣнія такъ, какъ будто-бы они были дѣйствительными событіями, и такимъ образомъ укрѣпляетъ въ каждомъ другомъ дикарѣ вѣру въ то, что его собственные сны суть реальности.

Какое же понятіе является результатомъ всего этого? По наружному виду, спящій находился въ покоѣ. Пробудившись, онъ вспоминаетъ различныя происшествія и разсказываетъ ихъ другимъ. Онъ думаетъ, что былъ въ другомъ мѣстѣ; свидѣтели отрицаютъ это и говорятъ, что онъ былъ здѣсь; ихъ свидѣтельство подтверждается въ его глазахъ тѣмъ, что онъ внезапно очутился тамъ, гдѣ заснулъ. Самый простой выходъ изъ этого затрудненія состоитъ въ томъ, чтобы признать, что онъ одновременно былъ здѣсь и блуждалъ въ другихъ мѣстахъ, — т. е. что онъ имѣетъ двѣ индивидуальности, изъ которыхъ одна повременамъ оставляетъ другую, но потомъ возвращается назадъ. Такъ что и онъ, подобно многимъ другимъ вещамъ, также имѣетъ двойственное существованіе.

§ 70. Со всѣхъ концовъ свѣта сыплются доказательства того, что это есть дѣйствительно то самое представленіе, которое составляютъ себѣ о сновидѣніяхъ дикари, и что это представленіе продолжаетъ держаться даже посѣѣ того, какъ человѣчество достигнетъ довольно значительнаго прогресса въ цивилизаціи. Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ по этому поводу.

съ одной стороны, нашею болѣе древней формою: «азъ есмь» то и то, а, съ другой, — современнымъ существованіемъ этой формы у другихъ родственныхъ намъ славянскихъ племенъ.

Пр. пер.

Скулькрафтъ рассказываетъ, что всѣ сѣверо-американскіе индѣйцы вообще думаютъ, что „души бываютъ двойныя; изъ нихъ одна остается съ тѣломъ, а другая можетъ свободно отправляться въ разныя путешествія въ продолженіе сна ея хозяина“; а Гренландцы, по словамъ Кранца, вѣрятъ, что „душа можетъ покинуть тѣло во время сна“. Томсонъ говоритъ, что Ново-зеландцы вѣрятъ, что „во время сна духъ оставляетъ тѣло, и что сновидѣнія суть тѣ предметы, которые онъ видитъ во время своихъ скитаній“; а Фиджійцы вѣрятъ, что „духъ человѣка, который еще живетъ, можетъ оставлять тѣло и причинять беспокойство другимъ людямъ во время ихъ сна“. Тоже самое наблюдается и на Борнео. По словамъ Сентъ-Джона, Дайяки убѣждены въ томъ, что „во время сна душа отправляется въ свои собственные, независимыя отъ тѣла странствованія, въ продолженіе которыхъ она видитъ, слышитъ и разговариваетъ“; а Раджа Брукъ также говоритъ: „Дайяки вѣрятъ, что все то, что живо-представлялось имъ въ ихъ сновидѣніяхъ, имѣло мѣсто въ дѣйствительности“. Между горными племенами Индіи, какъ напримѣръ у Кареновъ, мы встрѣчаемъ опять то же самое ученіе; они утверждаютъ, по словамъ Масона, что, „во время сна, Ла (духъ, душа, привидѣніе) уходитъ на край земли, и что наши сновидѣнія суть то, что Ла видитъ и испытываетъ во время своихъ скитаній“. Даже древніе Перуанцы, несмотря на относительно-развитое общественное состояніе, котораго они достигли, прилагали къ этимъ фактамъ такое же объясненіе. Они думали, говоритъ Гарсилассо, что „душа оставляетъ тѣло во время сна. Они утверждали, что душа не можетъ спать, и что намъ снится то, что душа видитъ на свѣтѣ въ то время, когда тѣло спитъ“.

Какъ ни рѣдки случаи сомнамбулизма, но весьма возможно, что каждый разъ, когда такіе случаи имѣютъ мѣсто, они еще болѣе укрѣпляютъ въру первобытнаго человѣка въ это объясненіе. Ибо для некритическаго ума, лунатикъ, или человѣкъ прогуливающийся во снѣ, кажется живымъ примѣромъ той дѣятельности во время сна, которая предполагается первобытнымъ понятіемъ о сновидѣніяхъ. При-этомъ, каждый видъ сомнамбулизма даетъ свое особенное подтвержденіе этого первобытнаго понятія.

Часто случается, что спящій встаетъ съ своего ложа, выполняетъ различныя дѣйствія и затѣмъ возвращается снова на покой, не пробуждаясь ни на одну минуту; вспоминая иной разъ въ послѣдствіи объ этихъ дѣйствіяхъ и считая ихъ обыкновенными привидѣвшимися во снѣ фантазіями, онъ бываетъ очень изумленъ, когда свидѣтели говорятъ ему, что онъ дѣйствительно дѣлалъ то, что ему снилось что онъ дѣлалъ. Что можетъ заключить изъ такого опыта первобытный человѣкъ? Этотъ опытъ доказываетъ лунатику, что онъ можетъ уходить и вести дѣятельную жизнь во

время своего сна и, несмотря на это, оказываться въ моментъ пробужденія на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ легъ. Что же касается тѣхъ, которые видѣли его въ принадлежѣ лунатизма, то этотъ опытъ доказываетъ и имъ съ неменьшей убѣдительностью, что люди дѣйствительно уходятъ во время сна, что они дѣйствительно дѣлаютъ то, что имъ снилось, и иногда даже могутъ быть видными при-этомъ. Правда, болѣе тщательное наблюденіе показало бы наблюдателю, что тѣло спящаго въ этомъ случаѣ отсутствовало съ своего ложа. Но дикари не изслѣдуютъ фактовъ тщательно.

Обращаясь къ тѣмъ случаямъ, когда лунатикъ не имѣетъ ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что онъ дѣлалъ, мы найдемъ, что здѣсь все-таки существуютъ свидѣтельства другихъ, которые докажутъ ему, что во время сна онъ не находился въ покоѣ; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь бываетъ и нѣчто большее, чѣмъ такія свидѣтельства. Случается иногда, что такая прогулка во снѣ приводитъ спящаго въ столкновеніе съ какимъ-нибудь препятствіемъ, которое пробуждаетъ его; въ такомъ случаѣ онъ получаетъ ясное доказательство того факта, который ему сообщали о немъ же самомъ, а именно, что онъ бродитъ туда и сюда во время сна. Конечно, вернувшись на то мѣсто, гдѣ заснулъ, онъ не находитъ тамъ своего второго я, но это открытіе, не согласное съ усвоеннымъ имъ понятіемъ, просто лишь увеличиваетъ путаницу въ его идеяхъ по этому предмету. Не имѣя возможности отрицать факта, что блуждаетъ во время сна, онъ принимаетъ этотъ фактъ за подтвержденіе общепринятаго вѣрованія насчетъ сновидѣній и не останавливается слишкомъ долго на представляющей тутъ несообразности.

Когда мы сообразимъ, что способно сдѣлать изъ этихъ ненормальныхъ явленій, случающихся отъ времени до времени, народное преданіе, со свойственнымъ ему стремленіемъ къ преувеличеніямъ, то увидимъ, что первобытное объясненіе сновидѣній должно получить себѣ въ этихъ явленіяхъ очень сильную поддержку.

§ 71. Рядомъ съ вѣрованіемъ въ то, что все, видѣнное во снѣ, дѣйствительно происходило на самомъ дѣлѣ, существуетъ, конечно, и вѣрованіе въ дѣйствительность всѣхъ видѣнныхъ во снѣ предметовъ и лицъ, — вѣрованіе въ то, что человѣкъ дѣйствительно встрѣчался съ тѣми лицами, которыхъ онъ видѣлъ во снѣ. Коль скоро спящій думаетъ о своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ во снѣ, какъ о реальныхъ, то онъ приписываетъ реальность и всему тому, что онъ видѣлъ при-этомъ, — мѣстамъ, вещамъ и живымъ существамъ. Отсюда объясняется цѣлая группа фактовъ, столь же распространенныхъ, какъ и тѣ, которые были разсмотрѣны нами выше.

Морганъ утверждаетъ, что Прокезы принимаютъ сновидѣнія за дѣйстви-

тельность и повинуются полученнымъ во снѣ повелѣніямъ, — т. е. они исполняютъ то, что имъ скажутъ люди, видѣнные ими во снѣ; а объ Чинневозахъ Китингъ увѣряетъ, что они постятся нарочно съ цѣлю „вызвать сновидѣнія, которыя они цѣнятъ выше всего на свѣтѣ“. По словамъ Друри, Малагазцы „имѣютъ религиозное уваженіе къ сновидѣніямъ и думаютъ, что къ нимъ является въ это время добрый демонъ.... и рассказываетъ имъ во снѣ, когда они должны сдѣлать ту или другую вещь, а также предупреждаетъ ихъ отъ разныхъ опасностей“. Эллисъ рассказываетъ намъ, что Сандвичане думаютъ, будто-бы усопшіи членъ семейства „является иногда въ сновидѣніяхъ къ оставшимся въ живыхъ и бодрствуетъ надъ ихъ судьбою“; подобнымъ же образомъ онъ рассказываетъ намъ о Тантянахъ, что они думаютъ, будто-бы духъ умершаго является отъ времени до времени оставшимся въ живыхъ въ сновидѣніяхъ. Въ Африкѣ мы видимъ тоже самое. Негры изъ племени Конго, описаннаго Ридомъ, „думаютъ, что то, что они видятъ и слышатъ въ ихъ сновидѣніяхъ, идетъ отъ духовъ“; а Крапфъ говоритъ о восточныхъ африканцахъ: „Ваника вѣрятъ, что духи мертвыхъ являются живымъ въ сновидѣніяхъ“. Шутеръ рассказываетъ намъ, что Каффы также „повидимому приписываютъ вообще сновидѣнія духамъ“. Обильный запасъ фактовъ этого рода доставленъ преп. докт. Коллауеемъ по отношенію къ племени Зулу, идеи которыхъ были записаны имъ изъ ихъ собственныхъ устъ. Хотя негры эти сравнительно развиты въ умственномъ отношеніи, хотя они достигли нѣкотораго прогресса въ общественномъ состояніи и обладаютъ языкомъ, дѣлающимъ ихъ способными различать воспріятія въ сновидѣніяхъ отъ воспріятій бодрственаго состоянія, тѣмъ неменѣе мы находимъ у нихъ (въ соединеніи со случайнымъ скептицизмомъ) общераспространенную вѣру въ дѣйствительность лицъ, являющихся въ сновидѣніяхъ. Выбираю изъ множества находящихся у него примѣровъ рассказъ одного человѣка о томъ, какъ его мучитъ духъ его брата. Онъ говоритъ своимъ сосѣдямъ:

«Я опять видѣлъ моего брата». Они спрашиваютъ его, что же тотъ ему сказалъ. Онъ говоритъ: «мнѣ снилось, что онъ билъ меня и приговаривалъ: «Какъ это ты пересталъ уже знать, что я существую на свѣтѣ?» Я отвѣтилъ ему такими словами: «Хотя я и знаю и помню тебя, но какъ же я могу сдѣлать такъ, чтобы ты видѣлъ, что я знаю тебя. Я знаю, что ты мой братъ». Какъ только я сказалъ это, онъ сейчасъ отвѣтилъ мнѣ такимъ вопросомъ: «А почему же, когда ты приносишь въ жертву скотину, ты не призываешь моего имени?» Я возразилъ ему на это: «Я постоянно взываю къ тебѣ и прославляю тебя всѣми твоими славными и хвалебными именами. Назови мнѣ хоть одну скотину, которую я зарѣзалъ бы, не призвавъ тебя при-этомъ. Вотъ, я зарѣзалъ какъ-то быка, и призывалъ тебя;

послѣ того я зарѣзалъ яловицу и опять призывалъ тебя». Онъ отвѣтилъ мнѣ на это, говоря: «Я хочу мяса». Я отказалъ ему въ этомъ, говоря: «Нѣтъ, братъ, у меня нѣтъ больше ни одной скотины; ступай, посмотри въ загонъ: найдешь ли ты тамъ хоть что-нибудь?» Онъ возразилъ на это: «Еслибы тамъ оказалось хотя одно животное, я требую его для себя». Когда я пробудился, я чувствовалъ еще боль въ боку...» и пр.

Хотя это совершенно-опредѣленное представленіе объ умершемъ братѣ, какъ о живомъ человѣкѣ, требующемъ мяса и наносящемъ тѣлесные побои за неисполненіе его желаній, такъ далеко отъ нашихъ собственныхъ понятій, что кажется намъ почти невозможнымъ, однакоже возможность его не будетъ подлежать для насъ никакому сомнѣнію, если мы припомнимъ, какъ мало отличается оно отъ вѣрованій древнѣйшихъ цивилизованныхъ расъ. Раскрывая вторую книгу Иліады, мы находимъ, что сновидѣніе, посланное Юпитеромъ Грекамъ, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе, описывается тамъ какъ дѣйствительная личность, получающая отъ Юпитера наставленія относительно того, что слѣдуетъ сказать спящему Агамемнону. Подобнымъ же образомъ душа Патрокла явилась Ахиллу „во всѣхъ отношеніяхъ сходной съ умершимъ“ и сказала ему: „погребѣ меня скорѣе, чтобы я могъ пройти чрезъ врата Аида“; когда же онъ хотѣлъ схватить ее, то она „разсѣялась какъ дымъ, съ пронзительнымъ крикомъ“, причемъ это явленіе было принято Ахилломъ за настоящую дѣйствительность и повелѣніе Патрокла было сочтено имъ обязательнымъ для себя. Въ еврейскихъ книгахъ мы читаемъ подобныя же вещи. — — — Въ продолженіе цивилизаціи вѣра въ объективную реальность сновидѣній теряла почву лишь очень медленно, такъ что выжила даже до настоящаго Времени, какъ это показываютъ доходяція до насъ отъ времени до времени исторіи о людяхъ, которые въ самый моментъ своей смерти являлись своимъ родственникамъ, находившимся далеко отъ ихъ смертнаго одра, а также—суевѣрія современныхъ спиритовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, припоминая эти послѣднія, намъ стоитъ только вообразить себя де-цивилизовавшимися, — предположить, что способности наши уменьшились, знаніе утратилось, языкъ сталъ смутно-неопредѣленнымъ, а критика и скептицизмъ отсутствуютъ, — чтобы понять, что первобытный человѣкъ неизбѣжно долженъ былъ принимать личности, видимыя имъ во снѣ и считаемыя нами идеальными, за личности дѣйствительныя, реальныя.

§ 72. Эти вѣрованія касательно сновидѣній отражаются и на другихъ вѣрованіяхъ первобытнаго человѣка. Это основное неправильное представленіе не только создаетъ цѣлую систему ошибочныхъ идей, но еще и подрываетъ довѣріе къ истиннымъ идеямъ, которыя постоянно стремится установить накопленіе опытовъ по отношенію къ окружающему человѣка міру.

Ибо, когда привидѣвшіеся во снѣ событія принимаются за событія, случившіеся дѣйствительно, — когда тотъ порядокъ явленій, который обнаруживается въ этихъ приснившихся событіяхъ, принимается за дѣйствительный, то неужели же это можетъ остаться безъ вліянія на отношеніе человѣка къ тому порядку явленій, который наблюдается имъ въ бодрственномъ состояніи? Очевидно, тѣ единообразія, которыя сами напрашиваются на вниманіе вслѣдствіе ихъ ежедневнаго повторенія, не могутъ вызвать теперь въ человѣкѣ чувства абсолютнаго довѣрія къ нимъ, которое они могли бы произвести, взятые сами по себѣ; — не могутъ потому, что въ сновидѣніяхъ эти единообразія не имѣютъ такого постоянства, какъ въ бодрственномъ состояніи. Хотя деревья и камни, видимые на-яву, не уступаютъ своего мѣста другимъ предметамъ, которые опять-таки смѣнялись бы новыми вещами, какъ въ панорамахъ, однакоже ночью, при закрытыхъ глазахъ, это бываетъ именно такимъ образомъ. Хотя человѣкъ, при разсматриваніи его на-яву, при полномъ солнечномъ освѣщеніи, никогда еще не превращался во что-либо иное, однакоже, во время сна, то существо, которое мы только-что принимаемъ за одного изъ нашихъ товарищей, внезапно превращается въ свирѣпаго звѣря, угрожающаго намъ смертію; или то, что за минуту передъ тѣмъ казалось смѣющимся озеромъ, внезапно оказывается несмѣтною кучею крокодиловъ и змѣй. Хотя, на-яву, способность отдѣляться отъ поверхности земли ограничивается простыми прыжками на нѣсколько футовъ, однако, во снѣ, человѣкъ сознаетъ себя летающимъ съ большою легкостью и проносящимся чрезъ огромныя пространства. Такимъ образомъ опыты, почерпнутые изъ сновидѣній, постоянно противорѣчатъ опытамъ, переживаемымъ въ теченіе дня, и нейтрализуютъ въ очень значительной степени заключенія, выводимыя изъ этихъ дневныхъ опытовъ. Или правильнѣе было бы сказать, что они подтверждаютъ ошибочныя заключенія, внушаемыя нѣкоторыми изъ дневныхъ опытовъ, вмѣсто того, чтобы подкрѣплять правильныя заключенія. Ибо развѣ эти внезапныя появленія и исчезанія, имѣющія мѣсто въ сновидѣніяхъ, не доказываютъ, подобно многимъ фактамъ, наблюдаемымъ въ бодрственномъ состояніи, что вещи могутъ переходить непонятнымъ для насъ образомъ изъ видимаго состоянія въ невидимое и обратно? И развѣ всѣ эти превращенія, случающіяся въ нашихъ сновидѣніяхъ, не согласуются вполне съ тѣми другими превращеніями, дѣйствительными и кажущимися, которыя первобытный человѣкъ наблюдаетъ на-яву и которыя заставляютъ его вѣрить въ неограниченную возможность превращенія? Когда камень, поднятый имъ во снѣ, превращается въ его рукахъ во что-либо живое, то развѣ этотъ фактъ не кажется ему вполне гармонирующимъ съ тѣми другими фактами, когда ему случалось находить, уже на-яву, различныя окаменѣлости, имѣвшія

твердость камня и формы живыхъ существъ? И развѣ внезапное сбрасываніе наружности тигра и принятіе наружности человѣка, представившееся ему во снѣ, не сродно съ тѣми превращеніями насѣкомыхъ, которыя случалось ему наблюдать на-яву, и съ обращеніемъ листьевъ въ бѣгающія и летающія существа?

Итакъ, ясно, что принятіе приснившихся дѣятельностей за дѣятельности дѣйствительныя не только порождаетъ основное неправильное представленіе, но еще усиливаетъ неправильныя представленія того же рода, порожденныя другимъ путемъ. Оно усиливаетъ ихъ и отрицательнымъ, и положительнымъ образомъ. Оно подрываетъ довѣріе къ тѣмъ опытамъ на-яву, изъ которыхъ могли быть выведены правильныя убѣжденія, и доставляетъ поддержку тѣмъ опытамъ на-яву, которые внушаютъ ошибочныя убѣжденія.

§ 73. Послѣ всего этого, мы не можемъ не видѣть совершенно ясно, что представленіе первобытнаго человѣка относительно происхожденія и сущности сновидѣній есть представленіе вполне естественное и дѣйствительно необходимое. Его понятія кажутся намъ странными потому только, что, размышляя объ нихъ, мы незамѣтно для насъ самихъ вносимъ въ наши размышленія теорію Духа, которая лишь медленно сложилась въ продолженіе цивилизаціи и воплотилась въ разговорномъ языкѣ, и которую мы всасываемъ въ себя, незамѣтнымъ для насъ образомъ, въ самомъ раннемъ возрастѣ нашей жизни, въ такой совершенной степени, что принимаемъ ее въ послѣдствіи за нашу первоначальную собственность. Однакоже Духъ не усматривается помощью нашихъ высшихъ чувствъ и не открывается предъ нами непосредственно, какъ нѣкоторая внутренняя сущность: мы не обладаемъ ни однимъ состояніемъ сознанія, въ которомъ онъ представлялся бы намъ. Уже тотъ фактъ, что даже теперь нѣкоторые метафизики придерживаются мнѣнія, что мы не можемъ знать о существованіи чего бы то ни было, кромѣ впечатлѣній и идей; между тѣмъ какъ другіе поддерживаютъ тотъ взглядъ, что впечатлѣнія и идеи предполагаютъ нѣчто такое, чего они суть состоянія, и что сдерживаетъ ихъ вмѣстѣ, какъ части одного неразрывнаго цѣлаго, — показываетъ ясно, что Духъ, — такой, какимъ мы его себѣ представляемъ, — есть не непосредственное усмотрѣніе, или интуиція, а выводъ, и что, слѣдовательно, такое представленіе не могло быть составлено человѣкомъ, пока разсужденіе не сдѣлало нѣкотораго прогресса.

Въ самомъ дѣлѣ, когда мы всмотримся ближе въ дѣло, мы увидимъ, что представленіе о собственно такъ-называемомъ духѣ не можетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не признана разница между впечатлѣніями и идеями. Подобно каждому ребенку, первобытный человѣкъ проходитъ чрезъ такую фазу мыслительности, на которой еще не возникла способность внутреннего самонаблю-

денія, подразумевающаяся въ словахъ: „я думаю, — я имѣю идеи“. Въ теченіе очень долгаго времени, обобщенія человѣка ограничиваются исключительно тѣми наблюденіями, которыя относятся къ природѣ и дѣйствіямъ внѣшнихъ предметовъ, да еще тѣми, которыя относятся къ дѣйствующимъ и воздѣйствующимъ силамъ и ощущеніямъ его собственнаго организма. Въ бодрственномъ состояніи, мысли, непрерывно сопровождающія ощущенія и слагающіяся изъ нихъ воспріятія, обыкновенно бываютъ такъ ненавязчивы и проходятъ такъ быстро, что остаются незамѣченными: замѣчать ихъ значило бы обладать самокритикою, невозможной на начальныхъ ступеняхъ развитія. Эти слабыя состоянія сознанія (т. е. мысли), которыя въ продолженіе дня совершенно затемняются живыми состояніями сознанія, становятся навязчивыми только ночью, когда глаза закрыты и другія внѣшнія чувства притуплены. Тогда только субъективныя дѣятельности ясно открываются предъ нами, подобно тому, какъ звѣзды открываются только при отсутствіи солнца. Это значитъ, что опыты во снѣ необходимо предшествуютъ образованію представленія о нашемъ духовномъ я; мало того, они суть именно тѣ опыты, изъ которыхъ потомъ вырастаетъ представленіе о нашемъ духовномъ я. Замѣтимъ существующій тутъ порядокъ зависимости: сновидѣнія не могутъ быть объясняемы такъ, какъ мы объясняемъ ихъ себѣ теперь, при отсутствіи гипотезы духа, какъ отдѣльной сущности; гипотеза духа, какъ отдѣльной сущности, не можетъ существовать, пока не будетъ внушена намъ нашими опытами; опыты, внушающіе эту гипотезу, суть опыты, пріобрѣтаемые въ сновидѣніяхъ, — опыты, повидимому, прямо указывающіе на то, что въ человѣкѣ заключено двѣ сущности; а первичная форма этого предположенія о двухъ сущностяхъ заключаетъ въ себѣ понятіе о томъ, что вторая сущность отличается отъ первой просто тѣмъ, что бываетъ отсутствующей и дѣятельной въ теченіе ночи, когда первая находится въ покоѣ. Только послѣ того, какъ этотъ предполагаемый двойникъ (вторая, ночная сущность), — первоначально мыслимый какъ сходный съ своимъ оригиналомъ рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ, — претерпѣваетъ постепенныя значительныя видоизмѣненія и лишается по-одиночкѣ большей части своихъ физическихъ свойствъ, несогласимыхъ съ фактами, — только послѣ этого устанавливается понемногу гипотеза о нашемъ духовномъ я, такомъ, какимъ мы представляемъ его себѣ теперь.

Итакъ, вотъ коренное начало, основной зародышъ всей той организаціи, которую могутъ принять случайныя наблюденія первобытнаго человѣка надъ вещами. Это вѣрованіе въ принадлежащее ему другое я гармонируетъ со всѣми тѣми обнаруженіями двойственности, которыя доставляются окружающими его вещами, а также, въ равной степени, и съ тѣми многочисленными

случаями, въ которыхъ вещи переходятъ изъ видимаго состоянія въ невидимое и обратно. Мало того, сравненіе открываетъ ему извѣстное родство между его собственнымъ двойникомъ и двойниками другихъ предметовъ. Ибо развѣ каждый изъ этихъ предметовъ не имѣетъ своей тѣни? Развѣ у него также нѣтъ своей тѣни? Развѣ его тѣнь не становится невидимой ночью? Итакъ, развѣ не очевидно, что эта тѣнь, которая днемъ сопровождаетъ повсюду его тѣло, и есть то другое я, которое ночью уходитъ прочь и пускается въ свои собственные приключенія? Ясно, что Гренландцы, которые, какъ мы видѣли выше, дѣйствительно вѣрятъ въ это, имѣютъ нѣкоторыя основанія для своего вѣрованія.

ГЛАВА XI.

ИДЕИ ОБЪ ОБМОРОКЪ, АПОПЛЕКСИИ, КАТАЛЕПСИИ, ЭКСТАТИЧЕСКОМЪ ИЗСТУПЛЕНИИ И ДРУГИХЪ ФОРМАХЪ БЕЗЧУВСТВЕННОГО СОСТОЯНІЯ.

§ 74. Дикарь ежедневно видитъ, что спокойствіе обыкновеннаго сна быстро перемѣняется на дѣятельность, какъ только спящій будетъ насильственно потревоженъ: простой шумъ или потрясеніе его тѣла заставляютъ его открыть глаза, заговорить и встать. Правда, при-этомъ наблюдается различіе въ томъ усилии, какое требуется, чтобы разбудить спящаго. Иногда для этого достаточно самаго слабаго звука или прикосновенія; иногда же для этого требуются громкіе повторенные крики, или грубое встряхиваніе, или щипанье. Тѣмъ не менѣе, его опытность показываетъ ему, что когда тѣло человѣка лежитъ неподвижное и безчувственное, достаточно бываетъ просто назвать его по имени, чтобы вызвать оживленіе.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается нѣчто совсѣмъ отличное отъ этого. Вотъ, передъ нашимъ дикаремъ находится его товарищъ, обнаруживающій знаки жесточайшаго страданія; и вдругъ этотъ товарищъ внезапно впадаетъ въ безчувственное и неподвижное состояніе; въ другое время, въ такое же точно состояніе и также внезапно впадаетъ какой-нибудь слабый человѣкъ, при чрезвычайно напряженномъ усилии или подъ вліяніемъ сильнаго испуга. У людей, впавшихъ въ это состояніе, обыкновенная чувствительность не можетъ быть тотчасъ же восстановлена никакими усилями. Хотя Фиджіецъ, при подобномъ случаѣ, зоветъ больного по имени, и хотя послѣдующее оживленіе больного поселяетъ въ немъ убѣжденіе, что это другое я человѣка можетъ быть возвращено назадъ посредствомъ усиленнаго зова, однако онъ не можетъ не усмотрѣть того факта, что въ этомъ случаѣ отсутствіе другаго я не похоже на обыкновенныя

его отсутствія. Очевидно, что случаи этой особенной безчувственности, продолжающейся обыкновенно менѣе минуты, но иногда длящейся цѣлые часы, доставляютъ новую поддержку первобытному вѣрованію въ человѣческій двойникъ, который то уходитъ изъ тѣла, то снова возвращается въ него: ибо здѣсь оставленіе тѣла выражено еще болѣе рѣзкимъ образомъ, чѣмъ обыкновенно, и сопровождается абсолютнымъ молчаніемъ относительно того, что было дѣлано и видѣно двойникомъ въ этотъ промежутокъ времени.

Уже наша обыкновенная рѣчь показываетъ, что обморокъ дѣйствительно доставляетъ кажущееся подтвержденіе первобытному понятію о двойственности человѣческаго существа. О женщинѣ, только-что оправившейся отъ обморока, мы обыкновенно говоримъ, что она „пришла въ себя“. Подобныя выраженія очень многозначительны. Хотя мы уже не объясняемъ болѣе безчувственное состояніе отсутствіемъ изъ тѣла чувствующей сущности, тѣмъ неменѣе наши фразы громко свидѣтельствуютъ о томъ времени, когда безчувственность объяснялась такимъ образомъ.

§ 75. Апоплексія легко „можетъ быть смѣшана съ обморокомъ, или съ лишеніемъ чувствъ“. Но если ученый медикъ описываетъ апоплексію такимъ образомъ, то мы можемъ заключить изъ этого, какъ мало могутъ быть различены эти явленія невѣжественными дикарями.

Апоплексическій больной, послѣ внезапнаго своего паденія, обнаруживаетъ „полную потерю сознанія, ощущенія и произвольнаго движенія“. Дыханіе бываетъ при-этомъ иногда совершенно естественнымъ, точно въ спокойномъ снѣ; иногда больной даже „громко хрипитъ, точно погруженный въ глубокій сонъ“. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ при-этомъ скоро обнаруживается, что спящій не можетъ быть „приведенъ въ себя“ обыкновенными средствами: крики, встряхиванія за плечо, щипки остаются безъ всякаго дѣйствія.

Что долженъ подумать дикарь, припоминая свой собственные опыты изъ области сновидѣній, о своемъ товарищѣ, находящемся въ такомъ состояніи, продолжающемся, можетъ быть, лишь нѣсколько часовъ, но иногда тянущемся и нѣсколько дней? Ясно, что подобный случай долженъ только усилить его вѣру въ двойственность человѣческой природы. Второе я ушло на нѣкоторое время такъ далеко, что до него не достигаютъ призывные крики; а когда оно возвращается назадъ, то отъ него ничего нельзя добиться относительно того, что было имъ испытано во время его отсутствія.

Обыкновенно случается, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ послѣ перваго припадка ударъ снова повторяется, т. е. опять наступаетъ такая же продолжительная безчувственность и опять оказывается полное молчаніе относительно того, что второе я дѣлало во время своего отсутствія. Затѣмъ, въ тре-

тій разъ, отсутствіе втораго я оказывается болѣе долгимъ, чѣмъ прежде; родственники ждутъ и ждутъ, а возвращенія все нѣтъ да нѣтъ: это возвращеніе оказывается отероченнымъ на неопредѣленное время.

§ 76. Есть еще одно состояніе безчувственности, сходное съ апоплексіей по той внезапности, съ какою оно наступаетъ, но несходное съ ней въ другихъ отношеніяхъ; это состояніе называется катаlepsіей, или столбнякомъ; оно также длится иногда по нѣскольку часовъ, а иногда и по нѣскольку дней. За мгновенной потерей сознанія здѣсь слѣдуетъ такое состояніе, при которомъ человѣкъ „имѣетъ видъ скорѣе статуи, чѣмъ живаго существа“. Члены его, будучи приведены въ то или другое положеніе, сохраняютъ это положеніе неизмѣнно: управляющій ими дѣятель кажется отсутствующимъ, и тѣло пассивно повинуется рукамъ окружающихъ людей.

Возвращеніе къ обыкновенному состоянію здѣсь также внезапно, какъ и наступленіе припадка. При-этомъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, „не существуетъ никакого воспоминанія ни о чемъ, происходившемъ во время припадка“. Это значитъ, — истолковывая факты согласно съ ихъ первоначальнымъ значеніемъ, — что ухודившее другое я, возвратясь назадъ, не даетъ никакого отчета о бывшихъ съ нимъ приключеніяхъ.

Что такое представленіе о безчувственномъ состояніи, поддерживающее и развивающее далѣе представленіе дикарей о сновидѣніяхъ, дѣйствительно существуетъ у нихъ, — доказывается прямыми свидѣтельствами путешественниковъ. Въ своемъ описаніи Чиппевозовъ, Китингъ говоритъ относительно скитаній душъ на томъ свѣтѣ, что нѣкоторые изъ нихъ суть „души людей, находящихся въ летаргическомъ снѣ или въ столбнякѣ. Получивъ отказъ въ пропускѣ, эти души возвращаются назадъ въ свои тѣла и снова оживляютъ ихъ“. А что подобное же понятіе имѣло когда-то всеобщее распространеніе, можно вывести изъ факта, приводимаго Фискомъ въ его сочиненіи: Мифы и ихъ творцы (Myths and Myth-makers), а именно изъ того, что „въ средніе вѣка явленія безпамятства и столбняка приводились въ доказательство той теоріи, что душа можетъ оставлять тѣло и затѣмъ снова возвращаться въ него“.

§ 77. Намъ остается назвать еще одну форму безчувственности, которая хотя и отлична отъ предыдущихъ, но въ тоже время близко сродна съ ними, и которая доставляетъ факты, допускающіе такія же объясненія. Я говорю объ экстазѣ, или восторженномъ изступленіи. Не давая никакихъ отвѣтовъ на обыкновенные стимулы, экстастическій субъектъ доказываетъ этимъ, что онъ находится „внѣ себя“; но въ тоже время онъ ясно обнаруживаетъ всѣ признаки того, что погруженъ въ живыя воспріятія какихъ-то другихъ вещей, находящихся гдѣ-то не здѣсь.

Являясь нерѣдко результатом „глубокаго и продолжительнаго созерцанія“, восторженное изступленіе, или экстазъ, характеризуется „высокою степенью душевнаго возбужденія, со-существующей съ состояніемъ полной безсознательности по отношенію ко всему окружающему“. Въ то время, какъ мускулы „напряжены и все тѣло держится прямо и неподвижно“, у больного замѣчается „полное отсутствіе чувствительности и произвольнаго движенія“. Во время этого состоянія, повторяющагося иной разъ ежедневно, человѣка посѣщаютъ нерѣдко „видѣнія самаго необыкновеннаго свойства“, причемъ эти видѣнія „могутъ быть переданы впослѣдствіи съ самыми мельчайшими подробностями“.

Очевидно, что наблюденіе такихъ явленій еще болѣе усиливаетъ первобытное вѣрованіе въ то, что каждый человѣкъ есть существо двойственное и что одна его часть можетъ оставлять другую; впрочемъ, это теоретическое заключеніе вполне подтверждается фактами, показывающими, что такое усиленіе первобытнаго вѣрованія дѣйствительно имѣть здѣсь мѣсто. Докторъ Коллауэй, въ своемъ описаніи вѣрованій Зулусовъ, говоритъ, что Ундайени способенъ видѣть такія вещи, „которыя не могъ бы видѣть, еслибы не находился въ состояніи экстатического изступленія“. Сопоставляя это утвержденіе съ тѣми объясненіями сновидѣній, которыя господствуютъ у Зулусовъ, мы видимъ ясно, что видѣнія въ экстатическомъ состояніи должны быть разсматриваемы Зулусами какъ вещи, испытанныя другимъ я въ продолженіе его отлучки изъ тѣла.

§ 78. Я не нахожу никакой надобности разсматривать здѣсь въ подробности всѣ разнообразныя формы коматознаго состоянія, связанныя между собою одною общюю имъ всѣмъ чертою, а именно — особой безчувственностью, болѣе или менѣе отличною отъ безчувственности простаго сна. Всѣ эти формы, по степени безчувственности, представляютъ рядъ переходовъ отъ „состоянія слабой временной сонливости и оцѣмѣнія къ состоянію глубокаго и продолжительнаго оцѣмѣнія, сопровождающагося общимъ параличемъ чувства и движенія“, — отъ временной бездыханности, причиняемой непродолжительнымъ задушеніемъ, или асфиксіей, и отъ временнаго оцѣмѣнія, вызываемаго наркотическими веществами, мы переходимъ здѣсь къ тѣмъ крайнимъ формамъ оцѣмѣнія, примѣры которыхъ были разсмотрѣны выше; причемъ всѣ эти многообразныя формы допускаютъ то же самое первобытное истолкованіе.

Но есть еще одинъ родъ безчувственности, который мы должны разсмотрѣть здѣсь, ради той высокой важности, какую придаютъ ему внушаемая имъ заключенія; это — безчувственность, являющаяся результатомъ прямыхъ тѣлесныхъ поврежденій. Безчувственность эта имѣетъ двѣ разновидности: одну, слѣ-

дующую за потерю крови, и другую, являющуюся результатом сильного сотрясения.

Когда мы рассуждали выше объ обыкновенной безчувственности, называемой обморокомъ, я нарочно не упомянулъ въ числѣ ея причинъ—потерю крови, такъ какъ эта причина не имѣетъ видимаго сродства съ другими ея причинами, а потому должна быть разсмотрѣна отдѣльно. При той важной роли, которую играетъ насиліе въ жизни первобытнаго человѣка,—то при борьбѣ съ животными, служащими ему добычею, то при борьбѣ съ врагами, звѣрями и людьми,—первобытному человѣку нерѣдко приходится испытывать самому или быть свидѣтелемъ у другихъ потери чувствъ отъ анеміи. Я не хочу сказать этимъ, что бы онъ связывалъ въ данномъ случаѣ причину и слѣдствіе въ этой опредѣленной формѣ. Все, что онъ видитъ отъ времени до времени, состоитъ въ томъ, что, вслѣдъ за серьезной раной, наступаетъ внезапное паденіе на землю, обезсиліе всѣхъ членовъ, закрытіе глазъ, неподвижность и нѣмое молчаніе. Въ теченіе нѣкотораго времени раненый не даетъ никакого отвѣта ни на обращенный къ нему зовъ, ни на потряхиванія. Потомъ, когда пройдетъ нѣкоторое время, раненый „приходитъ въ себя“, открываетъ глаза и начинаетъ говорить. Рана снова открывается, кровь снова брызжетъ изъ нея и черезъ нѣсколько времени другое я раненаго снова находится въ отсутствіи. Иногда послѣ этого наступаетъ новое оживаніе и безсознательное состояніе болѣе не повторяется; иногда же, послѣ новаго оживанія, въ третій разъ наступаетъ спокойствіе,—спокойствіе, продолжающееся такъ долго, что окружающіе принуждены бросить всякую надежду на то, что онъ когда-либо придетъ въ себя.

Иногда подобная безчувственность имѣетъ нѣсколько другой антецедентъ. Въ битвѣ, первобытному человѣку нерѣдко случается видѣть, какъ камень, брошенный пращею, опрокидываетъ подлѣ него его товарища, или какъ сильный ударъ палицы, направленный имъ въ голову врагу, мгновенно превращаетъ его въ неподвижную массу. И тотъ, и другой, можетъ быть, только оглушенъ, и тогда, послѣ краткаго промежутка времени, въ теченіе котораго ни зовъ, ни потряхиванія не вызываютъ никакого отвѣта, наступаетъ „оживаніе“. Но могло быть и то, что ударъ былъ достаточно силенъ, чтобы произвести сотрясеніе мозга или проломъ черепа, производящій давленіе на мозгъ. Это значитъ, что здѣсь могла явиться продолжительная безчувственность, за которой наступали безсвязность рѣчи и слабое движеніе, которыя, въ свою очередь, могли смѣниться вторичнымъ погруженіемъ въ безсознательность; причемъ эта безсознательность могла или снова прекратиться черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, или — продолжиться на неопредѣленное время.

§ 79. Всѣ эти данныя, доставляемыя ненормальными состояніями безчув-

ственности, соединяясь съ тѣми данными, которыя доставляются нормальными періодами безчувственности, т. е. сномъ и сновидѣніями, даютъ начало цѣлой группѣ понятій касательно временныхъ отсутствій нашего другаго я. Обмороку, объясняемому какъ показано выше, часто предшествуютъ ощущенія слабости у самаго субъекта и виѣшніе признаки такихъ ощущеній для постороннихъ свидѣтелей. Отсюда являются подозрѣнія, что другое я собирается отлучиться, и старанія помѣшать какъ-нибудь этой отлучкѣ. Оживаніе лишившагося чувствъ человѣка нерѣдко случается въ то время, когда его усиленно зовутъ по имени, т. е. какъ будто-бы въ отвѣтъ на такой призывъ. Отсюда самъ собою возникаетъ вопросъ: не можетъ ли усиленное призываніе вернуть назадъ другое я, готовящееся покинуть тѣло? Многіе дикари рѣшаютъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. По словамъ Вильямса, у Фиджійцевъ нерѣдко можно услышать, какъ какой-нибудь дюжій малый оглушительно вызываетъ къ своей собственной душѣ, упрасывая ее вернуться назадъ. У Кареновъ, человѣкъ постоянно страшится, какъ бы его другое я не покинуло его: всякая болѣзнь, всякое нерасположеніе или томленіе разсматриваются какъ признаки отсутствія этого другаго я и вызываютъ жертвоприношенія и молитвы съ цѣлю вернуть его назадъ. Особенно странно, судя по описанію Масона, ихъ поведеніе при погребеніяхъ,—поведеніе, вызываемое этимъ вѣрованіемъ.

«Возвращаясь съ могилы, каждый запасается тремя маленькими крючками, сдѣланными изъ древесныхъ вѣтокъ; по дорогѣ, черезъ короткіе промежутки времени, онъ окликаетъ свой духъ, приглашая его слѣдовать за собою, причемъ дѣлаетъ каждый разъ такое движеніе, какъ будто-бы зацѣпляетъ что-то крючкомъ, послѣ чего онъ засовываетъ этотъ крючекъ въ землю. Все это дѣлается для того, чтобы помѣшать духу живаго остаться позади, съ духомъ умершаго».

Подобное же дѣйствіе должны были производить и болѣе важныя формы оцѣпенѣнія, или безчувственности. Такъ какъ всѣ эти ненормальныя формы безчувственности,—аноплексія, столбнякъ, экстатическое изступленіе и т. д.,—приключаются по большей части съ людьми, которымъ заранѣе нездоровится и въ другихъ отношеніяхъ, то эти продолжительныя отсутствія другаго я ассоциируются въ умѣ первобытнаго человѣка съ этими предварительными признаками, предвѣщающими близкую отлучку другаго я; а отсюда является соотвѣтственное объясненіе нездоровья или болѣзни. Нѣкоторыя сѣверо-азиатскія племена приписываютъ болѣзнь отлучкѣ души. Алгонкинцы смотрятъ на больного, какъ на такого человѣка, „тѣнь“ котораго „потеряла свое постоянство, или отдѣлилась отъ его тѣла“. А Карены предполагаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по отношенію къ больному или умирающему, что его душа была перенесена силою волшебства въ кого-либо другаго.

Отсюда естественно возникает множество разнообразных вѣрованій относительно дѣйствій другаго я въ продолженіе этихъ длинныхъ отлучекъ. У Дайяковъ „старѣйшины и жрецы часто утверждаютъ, что они посѣщали, въ своихъ сновидѣніяхъ, жилище Тапы (верховный богъ) и видѣли творца, который обитаетъ въ домѣ вродѣ малайскаго; внутренность дома изукрашена огнестрѣльнымъ оружіемъ и безчисленными гонгами, бубнами и т. п. музыкальными инструментами; самъ же творецъ одѣтъ какъ Дайякъ“. Гиндъ также рассказываетъ объ индѣйцѣ изъ племени Кри, утверждавшемъ, что однажды онъ умеръ и посѣтилъ царство духовъ, но послѣ воскресъ; Гиндъ говоритъ, что это посѣщеніе совершилось, конечно, во снѣ; но вѣроятнѣе, что оно, также какъ и подобныя ему посѣщенія Дайяковъ, было видѣніемъ, имѣвшимъ мѣсто въ состояніи ненормальной безчувственности. Ибо эти продолжительныя отлучки другаго я объясняются во многихъ мѣстахъ какъ путешествія въ міръ духовъ. Тайлоръ приводитъ примѣры такого объясненія у Австралійцевъ, Кондовъ, Гренландцевъ и Татаръ; онъ указываетъ также на скандинавскія и греческія сказанія, изъ которыхъ видно, что у нихъ было то же самое понятіе.

Я могу прибавить къ этому, какъ одно изъ самыхъ странныхъ изъ числа этихъ производныхъ вѣрованій, вѣрованіе нѣкоторыхъ Гренландцевъ, которые, по словамъ Кранца, думаютъ, что душа можетъ „уходить изъ тѣла и плутать иной разъ въ теченіе очень значительнаго времени. А нѣкоторые изъ нихъ даже воображаютъ, что, отправляясь въ дальнія путешествія, они могутъ оставлять свои души дома и, несмотря на это, оставаться сами здоровыми и невредимыми“.

Итакъ, то, что у насъ превратилось просто въ фигуральныя выраженія, осталось для людей на низшихъ ступеняхъ умственнаго развитія буквальными описаніями фактовъ. Слово, которымъ южные австралійцы обозначаютъ чело-вѣка, потерявшаго сознаніе, значить буквально „лишенный души“; да и мы употребляемъ въ такихъ случаяхъ слово „inanimate“ (бездушный, неодушевленный). Подобнымъ же образомъ, хотя мы и не смотримъ болѣе на ослабѣвшаго чело-вѣка тѣми глазами, какими смотритъ на него дикарь, однакоже, когда мы говоримъ о немъ, что онъ „lost his spirit“ (потерялъ свой духъ, упалъ духомъ), то нани слова имѣютъ то же первоначальное значеніе, какъ и мысли дикаря по этому поводу.

§ 80. Дѣйствительныя вѣрованія, примѣры которыхъ мы только-что разсмотрѣли, подобно такимъ же вѣрованіямъ, представленнымъ въ прошлой главѣ, заводятъ насъ нѣсколько далѣе нашей настоящей цѣли. Процессъ развитія придавалъ всѣмъ этимъ суевѣріямъ, съ которыми мы теперь встрѣчаемся, гораздо болѣе специфическую форму, чѣмъ форма тѣхъ первобытныхъ идей, изъ кото-

рыхъ они выросли; а потому здѣсь, какъ и въ прошлый разъ, я попрошу читателя не обращать вниманія на спеціальныя особенности этихъ объясненій, а имѣть въ виду только общую имъ всѣмъ черту. Фактъ, на который слѣдуетъ обратить здѣсь главное вниманіе, заключается въ томъ, что ненормальныя формы безчувственности, попадающіяся отъ времени до времени на глаза первобытному человѣку, неизбѣжно истолковываются имъ тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ онъ истолковываетъ себѣ нормальную форму безчувственности, имѣющуюся передъ нимъ ежедневно, причѣмъ эти два объясненія постоянно поддерживаютъ и укрѣпляютъ другъ друга.

Первобытный человѣкъ видитъ очень разнообразную продолжительность безчувственного состоянія и очень различныя степени нечувствительности. Вотъ легкая дремота, въ которой за опусканіемъ головы на грудь слѣдуетъ мгновенное пробужденіе; вотъ обыкновенный сонъ, оканчивающійся черезъ нѣсколько минутъ или продолжающійся цѣлые часы, измѣняющійся по степени своей глубокости отъ такого, который можетъ быть прерванъ тихимъ произнесеніемъ имени спящаго, до такого, для прерванія котораго нужны громкіе крики и энергическія потряхиванія всего тѣла; вотъ спячка, или летаргія, при которой сонное состояніе еще продолжительнѣе, а бодрственное—кратко и несовершенно; вотъ обморокъ, то проходящій чрезъ нѣсколько секундъ, то длящійся цѣлые часы, — обморокъ, изъ котораго больной то приходитъ въ себя, повидимому, вслѣдствіе усиленныхъ призывовъ окружающихъ, то продолжаетъ упрямо оставаться глухимъ ко всѣмъ ихъ призываніямъ; а вотъ апоплексія, столбнякъ, или каталепсія, восторженное изступленіе, или экстазъ, и другія формы коматознаго, или оцѣпенѣлаго состоянія, продолжающагося въ теченіе долгаго времени, — формы, сходныя между собою по упорной продолжительности безчувственного состоянія, но несходныя по тѣмъ отчетамъ, которые даетъ пациентъ, придя въ себя, о томъ, что имъ было испытано. Далѣе, эти разнообразныя коматозныя состоянія различаются другъ отъ друга еще и тѣмъ, что иногда оканчиваются оживаніемъ, а иногда спокойствіемъ, становящимся постепенно все болѣе и болѣе совершеннымъ и тянущимся неопредѣленное время: второе я остается въ отлучкѣ такъ долго, что тѣло успѣваетъ застынуть и окоченѣть.

Но самое важное значеніе имѣютъ здѣсь тѣ опыты первобытнаго человѣка, которые относятся къ состояніямъ безчувственности, слѣдующимъ за глубокими ранами или сильными ударами. Для другихъ случаевъ потери сознанія дикарь не видитъ никакихъ antecedentовъ, но здѣсь, для каждаго изъ этихъ случаевъ, существуетъ очевидный antecedentъ, именно — дѣйствіе врага. Но это дѣйствіе врага производитъ не всегда одинаковые результаты. Иногда раненый

скоро „приходить въ себя“ и уже не уходитъ болѣе прочь; а иногда, прийдя въ себя послѣ продолжительнаго отсутствія, онъ вскорѣ снова отлучается изъ своего тѣла на неопредѣленное время. Наконецъ, иногда бываютъ такіе случаи, когда, вмѣсто этихъ временныхъ возвращеній, завершающихся послѣдней отлучкою, за сильнымъ ударомъ слѣдуетъ прямо, съ перваго же раза, отлучка навсегда, такъ что другое я не возвращается назадъ даже на-время.

ГЛАВА XII.

ИДЕИ О СМЕРТИ И ВОСКРЕСЕНИИ.

§ 81. Мы предполагаемъ безъ малѣйшаго колебанія, что смерть легко отличима отъ жизни; точно также мы не колеблясь предполагаемъ, что естественное окончаніе жизни смертію должно было всегда быть извѣстнымъ столь же хорошо, какъ и теперь. И однако, каждое изъ этихъ предположеній, дѣлаемыхъ съ такою увѣренностью, совершенно ошибочно.

«Нѣтъ ничего столь вѣрнаго, какъ смерть, и ничего столь невѣрнаго, какъ опредѣленіе дѣйствительности ея наступленія; существуетъ множество примѣровъ людей, погребенныхъ за живо или очутившихся уже на самомъ краю могилы, прежде чѣмъ окружающіе замѣтили, что въ нихъ тлѣетъ еще жизнь; разсказываютъ даже о такихъ случаяхъ, когда люди воскресали подъ ножомъ анатома».

За этимъ отрывкомъ, взятымъ мною изъ труда Форбеса и Твиди: Энциклопедія практической медицины, слѣдуетъ разсмотрѣніе признаковъ, по которымъ обыкновенно судятъ о наступленіи смерти, и доказывается, что всѣ эти признаки не безупречны. Итакъ, если, обладая запасомъ накопленнаго знанія, завѣщаннымъ намъ всей предыдущей цивилизаціей, въ соединеніи съ тѣмъ знакомствомъ съ естественною смертію, которое приобѣтается изъ прямаго наблюденія ея въ каждомъ семействѣ, мы не можемъ быть увѣренными въ томъ, наступитъ ли или не наступитъ въ данномъ случаѣ оживаніе, то какихъ же сужденій должны мы ожидать отъ первобытнаго чело-вѣка, который, не обладая всѣмъ этимъ запасомъ завѣщаннаго знанія, не обладаетъ также и столь частыми случаями видѣть естественную смерть, какъ мы? Пока факты не доказали ему этого, онъ не можетъ знать, что это непрерывающееся спокойствіе есть необходимое окончаніе состоянія дѣятельности; а его

кочевая, хищническая жизнь скрываетъ отъ него большую часть тѣхъ фактическихъ данныхъ, изъ которыхъ можетъ быть выведена эта истина.

Итакъ, будучи обставленъ подобнымъ образомъ, какія же идеи можетъ составить себѣ первобытный человѣкъ относительно смерти? Взглянемъ на ходъ его мыслей въ этомъ случаѣ и на вытекающее отсюда его поведеніе.

§ 82. Первобытному человѣку приходится быть свидѣтелемъ различныхъ состояній безчувственности, отличающихся другъ отъ друга и по продолжительности и по степені. Послѣ громаднаго большинства случаевъ такого состоянія наступало оживаніе: ежедневное послѣ сна, очень частое послѣ обморока, довольно частое послѣ коматознаго оцѣпенѣнія, и нерѣдкое послѣ ранъ и ударовъ. Что же думать ему объ этой новой формѣ безчувственности?—Должно ли и за ней послѣдовать оживаніе, или нѣтъ?

Онъ полагаетъ, что—да, и это заключеніе укрѣпляется въ немъ тѣми случаями, когда оживаніе дѣйствительно наступало послѣ того, какъ окружающіе уже переставали ждать непосредственнаго оживленія. Какой-нибудь покойникъ, въ моментъ погребенія или въ то время, когда его уже собрались хоронить, внезапно приходитъ въ себя. Дикарь не принимаетъ этого факта, какъ это сдѣлали бы мы, за доказательство того, что человѣкъ, считавшійся мертвымъ, вовсе не былъ мертвъ; фактъ этотъ убѣждаетъ его лишь въ томъ, что безчувственность смерти, подобно всѣмъ другимъ формамъ безчувственности,—только временная. Еслибы даже онъ обладалъ способностью къ критическому разбору фактовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ еще лишенъ этой способности, то и тогда факты въ очень значительной степени оправдывали бы его убѣжденіе, что, въ этихъ случаяхъ, оживаніе только отсрочилось на болѣе продолжительное время.

Что такая путаница понятій, которой мы должны ожидать напередъ, какъ исполнѣ естественнаго послѣдствія данныхъ условій, дѣйствительно существуетъ у дикарей,—на это мы имѣемъ прямые фактическія доказательства. Арбрассэ и Домъ приводятъ поговорку Бушменовъ: „Смерть есть лишь сонъ“. Относительно Тасманійцевъ Бонвикъ пишетъ: „Когда я спросилъ одного Мунго, для чего въ могилу было воткнуто копье, онъ отвѣчалъ мнѣ самымъ спокойнымъ образомъ: „Чтобы онъ (покойникъ) могъ сражаться во время сна“. Даже такая относительно высокая раса, какъ Дайяки, по словамъ Сентъ-Джона, испытываетъ большое затрудненіе въ дѣлѣ различенія сна отъ смерти. Персиваль говоритъ, что когда какой-нибудь Тода умираетъ, то „пока не начнетъ разложение, окружающіе все-еще питаютъ надежду на то, что оживаніе можетъ наступить каждую минуту“. Еще болѣе яснымъ образомъ выступаетъ это понятіе объ оживаніи изъ тѣхъ основаній, какими объясняются нѣкоторые изъ

обычаевъ двухъ дикихъ расъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ Старому Свѣту, а другая Новому, и которыя обѣ соединяють въ себѣ въ чрезвычайной степени звѣрство съ глупостью. Гальтонъ говоритъ, что Дамары зашивають трупъ умершаго, въ сидячемъ положеніи, „въ старую бычачью шкуру“ и зарывають его въ яму, послѣ чего „присутствующіе начинаютъ скакать по могилѣ взадъ и впередъ, чтобы не дозволить покойнику вылѣзть изъ нея“. А Соути рассказываетъ намъ о Туписяхъ, что они „крѣпко связываютъ у трупа всѣ члены, чтобы мертвецъ не могъ потомъ встать и надобѣдать своими посященіями своимъ живымъ друзьямъ“.

Но, помимо открытыхъ признаній въ данномъ вѣрованіи и приводимыхъ для того основаній, изобильныя доказательства существованія разсматриваемаго нами вѣрованія заключаются въ самомъ поведеніи дикарей, обусловленномъ этимъ вѣрованіемъ, какъ это мы могли видѣть изъ двухъ послѣднихъ примѣровъ. Взглянемъ же на тѣ дѣйствія, къ которымъ побуждаетъ дикарей ихъ вѣрованіе, что мертвецъ способенъ возвращаться къ жизни.

§ 83. Прежде всего тутъ являются попытки оживить трупъ, — привести назадъ его другое я. Эти попытки бываютъ иногда чрезвычайно усердны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просто ужасны. Александръ рассказываетъ намъ объ Араукасахъ, что человѣкъ, потерявшій своихъ двухъ братьевъ, „нарѣзалъ колючихъ вѣтокъ и сбѣкъ ими трупы, восклицая въ тоже время: „Гейа! Гейа!“, какъ будто-бы они чувствовали боль отъ этого бичеванія.... Видя невозможность одушевить безжизненный прахъ, онъ открылъ трупамъ глаза и сталъ втыкать колючки въ глазныя яблоки и по всему лицу“. Подобнымъ же образомъ Спармакъ рассказываетъ намъ о Готтентотахъ, что они упрекають и даже бьютъ умирающихъ и только-что умершихъ за то, что они уходятъ отъ нихъ.

Отъ этихъ попытокъ къ оживленію трупа мы переходимъ къ чрезвычайно распространенному обычаю разговаривать съ трупомъ, первоначально съ цѣлю убѣдить ушедшій двойникъ вернуться назадъ, а потомъ съ цѣлью умиловленія ушедшаго духа по отношенію къ оставшимся въ живыхъ. Фиджійцы думаютъ, что усиленныя призванія могутъ иногда вернуть къ мертвецу его другое я; а о Мундахъ или Гозахъ мы читаемъ, что они призываютъ назадъ даже духъ уже сожженного трупа. Круикшанкъ говоритъ о Фантіяхъ, что они обращаются къ трупу „иногда съ словами упрека за то, что онъ оставляетъ ихъ, иногда же съ мольбою, упрасивая его духъ бодрствовать надъ ними и охранять ихъ отъ всякаго зла“. Въ своихъ жалобахъ и сѣтованіяхъ Карибы „просятъ покойника объявить имъ причину его отбытія изъ этого міра“. Въ Лоанго, родственники умершаго допрашиваютъ его въ теченіи двухъ или трехъ часовъ,

зачѣмъ онъ умеръ; а на Золотомъ Берегу также „допрашиваютъ самого умершаго“ о причинѣ его смерти, какъ это утверждаетъ Бичамъ, слова котораго подтверждаются и Винтерботтомомъ. Такіе же разговоры ведутся съ трупомъ и при поднесеніи ему пищи, и т. п. У Тодасовъ жертвоприноситель, обращаясь къ трупу и назвавъ по имени зарѣзанную корову, „говоритъ, что онъ послалъ ее къ нему, чтобы она сопровождала его въ его пути“. Моффатъ говоритъ, что у Бечуановъ старуха, принеся на могилу вещи, обращается къ трупу со словами: „вотъ твои вещи“. По словамъ Годла, Иннуиты посѣщаютъ могилы, разговариваютъ съ мертвецами и оставляютъ имъ пищу, мѣха и пр., приговаривая: „Вотъ тебѣ, Нукермонъ, кое-что поѣсть, и кое-что, чтобы обогрѣться“.

Этотъ образъ дѣйствій, существующій первоначально по отношенію къ только-что умершимъ, распространяется потомъ, какъ показываетъ послѣдній примѣръ, и на тѣхъ, которые умерли нѣсколько времени тому назадъ. Описывая Багосовъ, Калье говоритъ, что, послѣ погребенія умершаго, „родственники являются къ нему на могилу и разговариваютъ съ нимъ, воображая, будто бы онъ интересуется тѣмъ, чтѣ они говорятъ“. Иногда тоже самое наблюдается даже послѣ сожженія: такъ у древнихъ Куки „друзья умершаго обращались съ рѣчью къ его пеплу и при-этомъ поминали его хорошія качества“. А Малагазцы не только „обращаются въ страстной формѣ къ умершему“, но еще, придя на мѣсто погребенія, увѣдомляютъ окрестныхъ мертвецовъ, что ихъ родственникъ прибылъ сюда, чтобы присоединиться къ нимъ, и просятъ у нихъ для него лакового приѣма. Даже у такихъ сравнительно-прогрессивныхъ народовъ, какъ народы древней Америки, этотъ обычай продолжалъ сохранять свою силу и даже получилъ высокое развитіе. Мексиканцы, вручая мертвецу извѣстную бумагу, говорили: „съ помощью ея ты безопасно пройдеши между двухъ горъ, которыя постоянно сшибаются одна съ другой“. Предлагая ему другую, они говорили: „при помощи этой бумаги ты пройдеши безъ всякой задержки по дорогѣ, охраняемой великимъ змѣемъ“. Наконецъ, давая ему третью бумагу, они говорили: „съ ея помощью ты безвредно пройдеши чрезъ то мѣсто, гдѣ залегли крокодилы и охитональ“. Точно также и у Перуанцевъ молодые рыцари, при своемъ посвященіи, обращались съ рѣчью къ своимъ набальзамированнымъ предкамъ и умоляли ихъ „сдѣлать своихъ потомковъ такими же счастливыми и храбрыми, какими были они сами“.

Послѣ того, какъ мы признаемъ, что смерть разсматривается вначалѣ какъ родъ временной приостановки жизни, всѣ эти обычаи перестанутъ казаться намъ такими нелѣпыми, какими они представляются съ перваго взгляда. Начинаясь съ зова, вполне дѣйствительнаго для пробужденія спящаго, а иной разъ оказывающагося дѣйствительнымъ и для оживленія челоуѣка, ли-

шившагося чувствъ, это бесѣдованіе съ умершимъ развивается по различнымъ направленіямъ, причемъ продолжаетъ сохраняться какъ обычай даже тамъ, гдѣ уже не существуетъ болѣе ожиданія непосредственнаго воскресенія покойника.

§ 84. Вѣрованіе въ то, что смерть есть лишь надолго задержанная жизнь, имѣетъ еще одно послѣдствіе, уже указанное въ нѣкоторыхъ изъ только-что приведенныхъ выписокъ. Я говорю объ обычаѣ предлагать трупу пищу, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта пища дѣйствительно засовывается ему въ ротъ; въ большинствѣ же случаевъ ѣда и питье просто оставляются подлѣ трупа для его употребленія.

При столбнякѣ и спячкѣ иногда случается, что больной, не выходя изъ состоянія безчувственности, проглатываетъ, однако, тѣ куски, которые ему кладутъ въ ротъ. Этотъ ли опытъ привелъ къ вѣрованію, что смерть есть сродное съ безчувственностью состояніе, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ существуютъ обычаи, показывающіе, что такое вѣрованіе дѣйствительно имѣетъ мѣсто. Ёрль говоритъ о жителяхъ острова Ассу, что, въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ смерти одного изъ нихъ, эти Папуасы много разъ пробуютъ заставить мертвеца ѣсть; „когда же находятъ, что мертвецъ даже не притрогивается къ пищѣ, они набиваютъ ему ротъ сыѣстнымъ, сири и аракомъ, такъ что все это течетъ по тѣлу и разливается кругомъ по полу“. У Таитянъ, „если покойникъ былъ знатный человекъ или славный вождь, то къ трупу его приставляется жрецъ или какое-либо другое лицо, чтобы прислуживать и подносить ему ко рту пищу въ различные часы дня“. Точно тоже видимъ мы и у Малапанцевъ острова Борнео: когда у нихъ умираетъ вождь, его рабы продолжаютъ прислуживать ему и удовлетворять его воображаемымъ нуждамъ, то обмахивая его вѣеромъ, то поднося къ его губамъ сири, то подавая ему бетель. Гаркнесъ рассказываетъ намъ о Бадагакасахъ, что „въ промежутокъ времени между смертью и сожженіемъ они часто всовываютъ по крошечкѣ разныхъ разностей въ ротъ умершему“.

Но въ большинствѣ случаевъ относящихся сюда обычаи имѣютъ цѣлью снабдить мертвеца достаточнымъ запасомъ пищи и питья, которымъ онъ могъ бы воспользоваться всякій разъ, когда почувствуетъ въ нихъ нужду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покойникъ снабжается такимъ запасомъ въ то время, когда тѣло его ожидаетъ еще погребенія, какъ это мы видимъ у Фантіевъ, которые ставятъ „мяса и вина для употребленія отошедшаго духа“ подлѣ ложа, на которомъ лежитъ трупъ; или какъ у Кареновъ, которые „для пропитанія мертвеца ставятъ передъ его труномъ мясо“ и прежде погребенія и послѣ. Таитяне и Сандвичане, которые помѣщаютъ своихъ покойниковъ на особенныхъ подмосткахъ, ставятъ подлѣ нихъ плоды и воду; а Ново-зеландцы, которые

также снабжают своих покойников провизией, „утверждают, что ночью духъ является къ трупу и ѣсть изъ священныхъ кубышекъ“. Геррера рассказываетъ о нѣкоторыхъ Бразильцахъ, что они кладутъ умершаго въ „ту сѣтку или гамакъ, въ которомъ онъ обыкновенно спалъ, и, въ теченіи первыхъ дней, приносятъ ему мяса, думая, что онъ просто лежитъ въ своей постелѣ.“ Это вѣрованіе въ то, что непогребенные покойники требуютъ подкрѣпленій, сказывалось, въ другой только формѣ, и у древнихъ Перуанцевъ, которые справляли по умершимъ тризну, или погребальное пиршество, и „ожидали при-этомъ душу умершаго, которая, по ихъ словамъ, должна была придти и ѣсть и пить съ ними“.

Что касается снабженія умершихъ пищею послѣ погребенія, то приношеніе на могилу всевозможныхъ яствъ и питій имѣетъ такое всеобщее распространеніе, что перечисленіе всѣхъ относящихся сюда случаевъ было бы чрезвычайно утомительно; для нашей цѣли достаточно будетъ и нѣсколькихъ примѣровъ. Изъ дикарей Африки можно будетъ упомянуть племя Шербро, у котораго, по словамъ Шёна, существуетъ „привычка приносить рисъ и другія кушанья на могилы друзей“; затѣмъ обитателей Лоанго, которые, по словамъ Пройарша, кладутъ пищу на могилы; потомъ негровъ изъ внутреннихъ странъ Африки, которые, по свидѣтельству Аллена, приносятъ на могилы пищу и вино, и, наконецъ, кровожадныхъ Дагомейцевъ, которые, по словамъ Бёртона ставятъ на могилѣ желѣзный азенъ и „льютъ на него для питья усопшему либо воду, либо кровь“.

Обращаясь къ Азій, мы находимъ этотъ обычай у черныхъ племенъ Индіи. Билы варятъ рисъ и оставляютъ часть его на томъ мѣстѣ, гдѣ погребено тѣло, а остальное „на порогѣ его послѣдняго жилища, какъ пищу для духа“; подобные же обычаи соблюдаются Санталами, Каренами и племенемъ Кукіи.

Въ Америкѣ, изъ нецивилизованныхъ расъ, могутъ быть упомянуты съ этой стороны Карибы, которые ставятъ, вмѣстѣ съ трупомъ, „въ пещеру или гробницу“ воду и съѣстные припасы. Но самую выработанную форму имѣлъ этотъ обычай у вымершихъ цивилизованныхъ расъ. Чипчасы, помѣщая своихъ умершихъ въ искусственные погреба, облекали ихъ въ изящныя одежды и ставили вокругъ нихъ множество мансовыхъ печеній и мукурасовъ (особенные сосуды) съ чихой (мѣстный напитокъ); а про Перуанцевъ Чуди рассказываетъ намъ, что „передъ трупами своихъ умершихъ они ставили два ряда горшковъ, наполненныхъ гвіаною, мансомъ, картофелемъ, сушенымъ мясомъ ламы, и пр., и покрытыхъ другими меньшими горшечками; а по бокамъ трупа — кухонную посуду. . . . и горшки, наполненные водою и чихою и прикрытые посудою для питья“.

Тоже самое совершается даже тамъ, гдѣ существуетъ сожженіе труповъ.

Буттлеръ говорить, что у племени Куки вдова ставитъ „рисъ и овощи на пепель своего супруга“. Древнѣе обитатели центральной Америки имѣли подобный же обычай. Овѣдо передаетъ разсказъ одного индѣйца такимъ образомъ: „Когда мы собираемся сжигать трупъ, то ставимъ подлѣ него кубышку съ варенымъ мансомъ, которую привязываемъ къ мертвому тѣлу и сжигаемъ вмѣстѣ съ нимъ“. Хотя слѣдуетъ предположить, что тамъ, гдѣ трупы истребляются огнемъ, представленіе объ оживаніи въ своей первоначальной формѣ уже вымерло, однако сохраненіе обычая снабжать умершаго пищею указываетъ на такое время въ прошедшемъ, когда оживаніе понималось въ буквальный смыслъ. II, въ самомъ дѣлѣ, находя, что дикари изъ племени Куки, — изъ которыхъ одни погребаютъ своихъ покойниковъ, а другіе сжигаютъ ихъ, — снабжаютъ ихъ съѣстными припасами въ обоихъ случаяхъ, мы едва ли можемъ сомнѣваться въ этомъ заключеніи.

§ 85. Какъ опредѣлить предѣлъ времени для возвращенія другаго я? Случалось, что проходили часы, и человѣкъ, находившійся въ безчувственномъ состояніи, внезапно оживалъ; случалось, что проходили дни, и человѣкъ, находившійся въ этомъ состояніи, опять-таки оживалъ; почему же такой человѣкъ не могъ бы ожить и черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ и захотѣть ѣсть? Первобытный человѣкъ не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ всякій отвѣтъ на него по меньшей мѣрѣ сомнителенъ; а потому онъ выбираетъ самый надежный путь, т. е. продолжаетъ возобновлять „на случай“ запасъ пищи, заготовленный для умершаго.

Такимъ образомъ поступаютъ первобытные обитатели Индіи. У племени Бодо и у Дималовъ пища и питье, поставленные на могилу, возобновляются черезъ нѣсколько дней и приносящій ихъ „обращается къ мертвецу съ рѣчью“. У племени Куки трупъ „помѣщается на подмосткахъ, подъ навѣсомъ“, причемъ пища и питье „приносятся ежедневно и ставятся передъ нимъ“. У американскихъ племенъ этотъ обычай заходитъ еще далѣе. Голль разсказываетъ объ Иннуитахъ, что, „когда бы имъ ни случилось очутиться по-близости отъ могилы родственника, они отправляются къ нему въ гости и приносятъ съ собою, въ подарокъ, куски самой лучшей пищи“; а Скулькрафтъ говоритъ о Дакотахъ, что „въ теченіи цѣлаго года они являются на мѣсто погребенія покойника и приносятъ съ собою пищу, которую приготавливаютъ тутъ же и дѣлаютъ ширшество, чтобы накормить уснушаго“. Но въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, самое заботливое и основательное обезпечиваніе покойниковъ принадлежитъ вымершимъ цивилизованнымъ расамъ Америки. Мотолінія говорить о Мексиканцахъ, что „послѣ погребенія трупа они являлись на могилу въ продолженіи двадцати дней и клали на нее пищу и розы; тоже самое они

дѣлали черезъ восемьдесятъ дней, и затѣмъ повторяли такія посѣщенія каждыя восемьдесятъ дней“. Относительно Перуанцевъ береговыхъ долинъ мы узнаемъ отъ Чеза, что въ прежнія времена они имѣли обыкновеніе открывать гробницы и перемѣнять на трупахъ одежду, а также и помѣщенную тамъ для нихъ пищу. Еще въ большей мѣрѣ соблюдались всѣ эти обыкновенія по отношенію къ набальзамированнымъ тѣламъ Инковъ. Имъ приносились принасы, со словами: „Когда вы были живы, вы любили ѣсть и пить это; пусть же ваши души примутъ эти приношенія и попробуютъ ихъ, гдѣ бы вы теперь ни были“. Этотъ разсказъ Молина объ одномъ изъ подобныхъ празднествъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ разсказомъ П. Пизарро, который говоритъ, что они выносили тѣла усопшихъ ежедневно и сажали ихъ въ рядъ, въ порядкѣ ихъ древности. Куски, предназначавшіеся для мертвецовъ, клались на огонь, а ихъ чаши съ чихой ставились передъ ними, такъ что мертвые и живые пировали вмѣстѣ.

Такимъ образомъ первобытный обычай оставлять пищу для трупа и возобновлять ее запасъ, вслѣдствіе неизвѣстности того, на сколько времени можетъ отсрочиться оживаніе, развился здѣсь въ цѣлую систему обрядовъ, отсутствующихъ въ очень значительной степени отъ своихъ первобытныхъ образцовъ.

§ 86. Теперь наступаетъ очередь взглянуть на другія послѣдствія вѣры въ оживаніе, — послѣдствія, не менѣе замѣчательныя, чѣмъ предыдущія. Если трупъ продолжаетъ сохранять нѣкотораго рода жизнь, подобно человѣку, находящемуся въ столбнякѣ, то не дышетъ ли онъ и не нуждается ли въ теплотѣ? На эти вопросы многія расы даютъ утвердительный отвѣтъ въ своихъ обычаяхъ.

Суоти нишетъ о Гуаранисахъ: „Они вѣрятъ, что душа продолжаетъ оставаться съ тѣломъ въ могилѣ, а потому стараются оставить достаточно свободнаго мѣста въ могилѣ, чтобы трупу было просторно лежать въ ней.... они стараются расположить глыбы земли такимъ образомъ, чтобы земля не давила тяжело на покойника.... иногда они даже покрываютъ лицо трупа опрокинутою чашкой, чтобы возлѣ него былъ воздухъ и чтобы душа его не могла задохнуться“. Эскимосы вѣрятъ, что „всякая тяжесть, давящая на трупъ, доставляетъ страданіе умершему“. А въ своемъ описаніи древнихъ Перуанцевъ Арриага утверждаетъ, что, послѣ завоеванія, индѣйцы имѣли обыкновеніе вырывать людей, погребенныхъ въ церквахъ, говоря, что тѣламъ было тамъ очень неудобно отъ давленія на нихъ земли и что имъ гораздо больше понравится лежать на открытомъ воздухѣ.

Огонь служитъ и для сжиганія и для приготовленія пищи, а потому нѣкоторыя племена раскладываютъ его для своихъ умершихъ, въ виду

или другой изъ этихъ надобностей. Морганъ пишетъ объ Ирокезахъ, что „они раскладываютъ на ночь огонь на могилѣ, чтобы духъ умершаго могъ изготовить себѣ пищу“. У Бразильцевъ, по словамъ Бёртона, есть обыкновение „зажигать огни по сторонамъ свѣжихъ могилъ. . . . для личныхъ удобствъ покойниковъ“. Разсказывая о племени Шербро (береговые негры), Шёнъ говоритъ, что „въ холодныя или дождливыя ночи они часто зажигаютъ огни на могилахъ своихъ усопшихъ друзей“. Западныя Австралійцы также поддерживаютъ огни подлѣ могилъ въ теченіи цѣлыхъ дней; если же усопшій былъ какое-нибудь знатное лицо, то эти костры зажигаются ежедневно въ теченіи трехъ или четырехъ лѣтъ.

§ 87. Воскресеніе, — въ томъ видѣ, какъ оно первоначально представляется, — можетъ имѣть мѣсто лишь до тѣхъ поръ, пока остается тѣло, могущее воскреснуть. Хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вѣра первобытнаго человѣка въ возвращеніе другаго я можетъ быть соединена съ такимъ обращеніемъ съ трупомъ, которое прямо разсчитано на то, чтобы сдѣлать оживаніе его невозможнымъ, однако въ другихъ случаяхъ, гдѣ существуетъ ожиданіе такого воскресенія, ожиданіе это естественно сопровождается признаніемъ необходимости сохранить тѣло отъ поврежденія. Вслѣдствіе этого, различные обычаи, имѣющіе цѣлью благосостояніе бездушнаго тѣла, въ отсутствіе его двойника, а также и разнообразныя обычаи, имѣющіе цѣлью благосостояніе ожившаго тѣла, въ то время, когда его двойникъ возвратится къ нему, находятся въ тѣсной связи съ другими обычаями, имѣющими цѣлью помѣшать разрушенію тѣла.

Замѣтимъ прежде всего различныя указанія на существованіе вѣрованія, что коль-скоро тѣло истреблено, то оживаніе не можетъ уже имѣть мѣста, — т. е. что въ этомъ случаѣ происходитъ полное уничтоженіе человѣческаго существа. Когда Брюсъ сообщаетъ намъ, что Абиссинцы рѣдко погребаютъ своихъ преступниковъ; когда мы узнаемъ отъ Симона, что у Чингасовъ тѣла величайшихъ преступниковъ оставляются непогребенными въ поляхъ, и когда припоминаемъ тѣ заботы, которыя имѣютъ обыкновенно мѣсто по отношенію къ трупу, въ виду открыто выражаемаго ожиданія для него возобновленной жизни, то мы имѣемъ право заключить изъ этого, что всѣ эти племена вѣрятъ, что съѣденіе трупа звѣрями и птицами мѣшаетъ возобновленію жизни. Въ другихъ мѣстахъ это вѣрованіе выражено совершенно ясно. Ново-зеландцы считаютъ, что съѣденный ими человѣкъ уничтожается вполне и навсегда. Чапманъ говоритъ, что Дамары думаютъ, будто-бы мертвецы, закопанные въ землю, „не могутъ оставаться покойными въ своей могилѣ.... Ихъ слѣдуетъ бросать на открытомъ воздухѣ, чтобы ихъ съѣли волки; тогда они уже не могутъ болѣе приходить и мучить насъ“. По словамъ Бастіана, негрятинки изъ племени

Матіамба вѣрятъ, что, бросая въ воду трупъ своихъ мужей, они топятъ и ихъ души, которыя въ противномъ случаѣ стали бы беспокоить ихъ. Быть можетъ, это же вѣрованіе заставляетъ Камчадаловъ отдавать трупъ умершаго „въ пищу своимъ собакамъ“.

Но тамъ, гдѣ цѣль заключается вовсе не въ обезпеченіи полного уничтоженія усопшаго, а въ обезпеченіи его благосостоянія, тамъ тратится очень много заботъ и хлопотъ на то, чтобы предохранить трупъ отъ дурнаго обращенія съ нимъ и всякихъ непріятныхъ случайностей. Эти заботы побуждаютъ родственниковъ усопшаго къ различнымъ выдумкамъ съ этою цѣлью, которыя измѣняются сообразно со взглядами ихъ на состояніе существованія усопшаго.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ безопасность трупа полагается въ неизвѣстности его мѣстонахожденія, или въ недоступности этого мѣстонахожденія, или одновременно и въ томъ и въ другомъ. На нѣкоторыхъ изъ могилъ Чинчасовъ насажены деревья, чтобы скрыть ихъ отъ постороннихъ глазъ. Останки ново-зеландскаго вождя, по прошествіи нѣ котораго времени послѣ его смерти, „тайно относятся жрецами въ гробницу, расположенную или на вершинѣ холма, или въ лѣсу, или въ пещерѣ“. Муруты острова Борнео кладутъ кости своихъ вождей въ ящики, которые, какъ рассказываетъ Сентъ-Джонъ, они ставятъ на вершины высочайшихъ возвышенностей; а Эллисъ говоритъ о Таитянахъ, что иногда, желая помѣшать возможности того, чтобы кости усопшаго были украдены, они кладутъ ихъ на вершинахъ самыхъ недоступныхъ горъ. У Каффовъ тѣла простыхъ людей оставляются на съѣденіе волкамъ, но тѣла вождей погребаются въ принадлежащихъ имъ скотныхъ загонахъ. Ливингстонъ также рассказываетъ намъ, что вождь Бечуановъ погребается „въ своемъ скотномъ загонѣ и что, послѣ его погребенія, гоняютъ черезъ его могилу весь скотъ взадъ и впередъ въ теченіе часа или двухъ, чтобы могила могла совершенно затеряться и перестала отличаться отъ остальной почвы скотнаго двора“. Еще страннѣе тѣ предосторожности, которыя принимаются въ Боготѣ по отношенію къ трунамъ вождей. Въ виду близкой смерти кайлика, нѣкоторые особенно для того назначенные служители отправляются въ мѣсто, извѣстное только имъ однимъ, и, сохраняя свою работу въ полной тайнѣ, готовятъ очень надежное мѣсто успокоенія. По словамъ Симона, „они отводятъ теченіе рѣки и вырываютъ могилу въ ея руслѣ.... Какъ скоро кайликъ погребенъ, они заставляютъ потокъ снова возвратиться въ прежнее русло“.

Между тѣмъ, какъ въ этихъ случаяхъ господствуетъ желаніе спрятать трупъ, со всѣмъ ему принадлежащимъ, отъ взоровъ враговъ, звѣрей и людей, — въ другихъ случаяхъ преобладаетъ желаніе предохранить трупъ отъ воображаемыхъ неудобствъ. Мы уже упоминали о тѣхъ средствахъ, которыя употребляются

иногда для того, чтоб облегчить трупу дыханіе, какъ будто-бы оно все-еще происходитъ; вѣроятно, подобная же цѣль породила обычай, находимый у многихъ племенъ, — помѣщать трупу на нѣкоторой высотѣ надъ землею. Многіе изъ Полинезійцевъ помѣщаютъ трупы на особенныхъ подмосткахъ. Также и въ Австраліи, и на Андаманскихъ островахъ трупы очень нерѣдко помѣщаются точно такимъ же образомъ. У племени Зулу нѣкоторые погребаютъ своихъ покойниковъ, нѣкоторые сжигаютъ ихъ, а нѣкоторые помѣщаютъ на деревьяхъ; Дайяки и Кианы также держатся послѣдняго обычая. Но всего обыкновеннѣе помѣщеніе труповъ на высокихъ подмосткахъ въ Америкѣ, природныя обитатели которой, какъ мы уже видѣли выше, выражаютъ и другими путями стремленіе защитить трупу отъ всякаго давленія. Бёртонъ рассказываетъ, что Дакоты употребляютъ этотъ методъ; Морганъ утверждаетъ, что въ одно время онъ былъ въ обычаяхъ у Ирокезовъ; Кэтлинь, описывая Мандановъ, говоритъ, что у нихъ есть особые подмостки, на которыхъ, „какъ они выражаются, живутъ ихъ мертвые“; онъ замѣчаетъ при-этомъ, что трупы предохранены такимъ образомъ отъ волковъ и собакъ; а Скулькрафтъ утверждаетъ тоже самое о Чиппевозахъ. Южно-американскія племена, преслѣдуя тѣ же цѣли, помѣщаютъ своихъ покойниковъ въ расщелинахъ утесовъ и въ пещерахъ. Такимъ образомъ поступали Карибы. Гумбольдтъ говоритъ, что Гвианскіе индѣйцы погребаютъ своихъ мертвыхъ въ землю только при отсутствіи пещеръ и расщелинъ между утесами. Чипчасы погребали въ особомъ родѣ „бобедасовъ“, или погребовъ, приготовлявшихся ими для этой цѣли. Что же касается различныхъ способовъ обходиться съ трупомъ, существовавшихъ у древнихъ Перуанцевъ, то всѣ эти способы обезпечивали насколько возможно обѣ цѣли, т. е. охраненіе трупа отъ враговъ и случайностей и устраненіе отъ него предполагаемыхъ неудобствъ. Тамъ, гдѣ не было естественныхъ трещинъ въ скалахъ, они дѣлали искусственно „большіе погреба и пещеры, снабженные запиравшимися дверями“, или же сохраняли набальзамированныя тѣла въ своихъ храмахъ.

Оставляя Новый Свѣтъ, въ которомъ первобытное представленіе о смерти, какъ о надолго задержанной жизни, отличалось, повидимому, особенною живостью, мы находимъ въ другихъ странахъ гораздо меньшую степень признанія того факта, будто-бы мертвецъ чувствителенъ къ давленію на него земли или къ недостатку воздуха; а потому мы видимъ здѣсь просто признаніе необходимости предохранить трупу отъ истребленія его животными и отъ поврежденій со стороны людей и демоновъ. Въ этомъ, очевидно, заключается причина прикрытія трупа землею или чѣмъ бы то ни было, — причина, на которую иной разъ прямо указываютъ сами люди, придерживающіеся этого обычая. При-этомъ

земля кажется не всегда достаточной защитой, а потому иной раз употребляются добавочныя средства охраненія трупа. Паркъ говоритъ, что Мандинго „кладутъ на могилу колючіе кусты, чтобы помѣшать волкамъ вырыть трупъ“; также и Джоолофы, одно изъ племенъ Береговыхъ негровъ, употребляютъ ту же самую предосторожность. Въ другихъ случаяхъ къ этому прибавляются еще камни. Арабы охраняютъ усопшихъ отъ дикихъ звѣрей именно этимъ способомъ, и мы вообще находимъ у нихъ камни и землю, или одни только камни, очевидно, представляющіе въ этомъ случаѣ гораздо болѣе дѣйствительную защиту. Кранцъ рассказываетъ, что Эскимосы защищаютъ трупъ тяжелыми камнями. Бодосы и Дималы „наваливаютъ на могилы камни, чтобы защитить ихъ отъ разрытія шакалами“, и пр. У Дамаровъ гробница вождя состоитъ изъ огромной кучи камней, окруженной валомъ изъ срубленныхъ кустовъ терновника.

Замѣтимъ теперь очень интересное послѣдствіе, вытекающее отсюда. Родственники покойника, отчасти изъ дѣйствительной или притворной привязанности къ нему, отчасти изъ страха передъ тѣмъ, что онъ можетъ имъ причинить, когда его двойникъ возвратится къ нему, стараются наперерывъ увеличить охраняющую трупъ массу. Паркъ, рассказывая о неграхъ, живущихъ во внутренности материка, говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаются надъ могилами огромныя каменные насыпи, набросанныя въ каждомъ случаѣ родственниками покойнаго, которые, всякій разъ, когда имъ случается проходить мимо могилы, считаютъ долгомъ прибавить къ ней нѣсколько камней; а Урругія рассказываетъ о нѣкоторыхъ изъ обитателей Центральной Америки, что у нихъ и до сихъ поръ сохранился обычай бросать горсть земли или камень на могилу знатнаго мертвеца, какъ дань его памяти. Очевидно, этотъ процессъ оказывался въ каждомъ случаѣ пропорціональнымъ тому, насколько покойникъ былъ любимъ и уважаемъ, или насколько его боялись. Такимъ образомъ, увеличеніе кучи для цѣлей охраненія переходитъ понемногу въ увеличеніе ея для показанія могущества или богатства покойника. Такъ Хименецъ рассказываетъ намъ объ обитателяхъ Центральной Америки, что они „насыпали кучи земли, высота которыхъ соотвѣтствовала важности покойника“. Чіеза говоритъ о Чипчасахъ: „они наваливаютъ такія массы земли надъ могилами, что дѣлаютъ ихъ похожими на маленькіе холмы“; а Акоста, описывая нѣкоторые другіе могильные курганы въ тѣхъ же странахъ, говоритъ, что они „были насыпаны въ продолженіе траура, или періода погребальныхъ сѣтованій“, и прибавляетъ къ этому: „а такъ какъ этотъ періодъ продолжался столько времени, сколько родственники могли угощать присутствующихъ, то размѣры кургана показываютъ богатство покойника“. Уллоа дѣлаетъ подобное же замѣчаніе относительно могильныхъ памятниковъ Перуанцевъ.

Такъ что, отправляясь отъ маленькихъ холмиковъ, представляющихъ необходимый результатъ вытѣсненія земли положеннымъ въ могилу трупомъ, мы доходимъ подъ конецъ до такихъ построекъ, какъ египетскія пирамиды; причемъ весь этотъ рядъ ведетъ свое начало отъ желанія предохранить тѣло усопшаго отъ поврежденій, могущихъ помѣшать его воскресенію.

§ 88. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной группѣ обычаевъ, имѣющихъ ту же самую цѣль. Я разумѣю употребленіе такихъ процессовъ, которые задерживаютъ разложеніе трупа. Вѣрованіе въ то, что оживаніе не можетъ совершиться, коль скоро другое я, возвратясь изъ временной отлучки, найдетъ искалѣченный трупъ, или вовсе не найдетъ ничего, естественно сопровождается вѣрованіемъ въ то, что для обезпеченія воскресенія слѣдуетъ остановить гніеніе. Коль скоро истребленіе трупа животными мѣшаетъ его оживанію, то отсюда естественно вытекаетъ заключеніе, что и разложеніе трупа должно помѣшать его оживленію. Если эта идея и не оставляетъ никакихъ слѣдовъ между людьми на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, то это зависитъ, вѣроятно, отъ того, что ими не было открыто ни одного способа задержанія разложенія. Но, обращаясь къ расамъ, подвинувшимся нѣсколько далѣе по пути прогресса, мы находимъ доказательства, что эта идея дѣйствительно возникаетъ у нихъ и ведетъ къ разнымъ практическимъ мѣрамъ.

Дѣйствующій въ этомъ случаѣ побудительный мотивъ виденъ изъ разсказа Герреры о нѣкоторыхъ Мексиканцахъ, которые вѣрили, что „умершіе должны возстать снова; а потому, когда кости ихъ покойниковъ были достаточно сухи, они складывали ихъ въ корзину и подвѣшивали ее къ вѣткѣ какого-либо дерева, чтобы умершимъ не приходилось разыскивать свои кости при воскресеніи“. Подобнымъ же образомъ и Перуанцы, объясняя свои обычаи Гарсилассо, говорили: „итакъ, чтобы намъ не пришлось искать повсюду наши кости и волосы, въ то время, когда будетъ пропасть суетни и суматохи, мы кладемъ ихъ заранѣе въ одно мѣсто, чтобы они могли быть собраны безъ хлопотъ, самымъ удобнымъ образомъ; съ этою же цѣлью мы стараемся даже плевать въ одно мѣсто, всякій разъ, когда это оказывается возможнымъ.“

Руководясь такими указаніями, мы не можемъ усомниться въ истинномъ значеніи тѣхъ усилій, которыя употребляются на то, чтобы помѣшать разложенію трупа. Когда мы читаемъ, что въ Африкѣ обитатели Лоанго коптятъ трупы своихъ умершихъ, а въ Америкѣ нѣкоторые изъ Чипчасовъ „высушивали тѣла своихъ покойниковъ на медленномъ огнѣ“, то должны заключить изъ этого, что ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобы сохранить даже мягкія части трупа въ состояніи цѣлости ко дню воскресенія. А находя, что у этихъ же самыхъ Чипчасовъ, равно какъ и у нѣкоторыхъ Мексиканцевъ, а также и Перуанцевъ, тѣла

или остригаются, или выдираются; Тонганцы брѣютъ голову; Ново-зеландцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ остригаютъ коротко пол-головы; у Таннезійцевъ „обрѣзываніе волосъ есть знакъ траура“; а послѣ смерти послѣдней королевы мадагаскарской „весь народъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь двухъ десятковъ самыхъ высшихъ лицъ, долженъ былъ остричь себѣ волосы“. Въ Америкѣ мы встрѣчаемъ тоже самое. Жены Гренландцевъ жертвуютъ покойникамъ своими косами; близкіе родственники умершаго Чинука остригаютъ себѣ волосы; а Чипевейцы, Команчи, Дакоты, Манданы дѣлаютъ тоже самое, равно какъ и Туписы.

Значеніе этого обряда, какъ знака подчиненія, или какъ способъ умиловленія, по отношенію къ мертвому, имѣющему вскорѣ ожить, обнаруживается изъ множества фактовъ. Такъ Шортъ рассказываетъ намъ, что у Тодасовъ существуетъ обрѣзываніе волосъ послѣ смерти одного изъ членовъ семейства, но оно обязательно только „для младшихъ членовъ семьи, въ видахъ заявленія ихъ почтенія къ старшимъ“; а Бургардтъ говоритъ объ Арабахъ, что „послѣ смерти отца дѣти обоего пола... обрѣзываютъ себѣ косы въ знакъ печали“. У южныхъ американцевъ этотъ способъ служить для выраженія и политической и домашней подчиненности. Мы узнаемъ отъ Добрицгофера, что у Абионовъ, „при смерти кацика, всѣ находившіеся подъ его властью люди обриваютъ свои длинные волосы въ знакъ печали“. Точно также Чеза говоритъ намъ о Перуанцахъ: „Индѣйцы Лакта-купія предаются сильнымъ сѣтованіямъ по умершемъ; при-этомъ они обриваютъ наголо всѣхъ женщинъ и слугъ, которые не будутъ умерщвлены въ честь покойника“. Другими словами, жены, которыя не отдають себя сполна, чтобы слѣдовать за покойникомъ, отдають въ залогъ свои волосы.

Подобное же значеніе имѣютъ бывающія при такихъ случаяхъ самоуродованія и пролитіе собственной крови. При погребеніи усопшаго, Тасманійцы „царапали свое тѣло острыми раковинами и камнями“. Австралійцы въ подобныхъ случаяхъ наносятъ себѣ порѣзы; а Кукъ говоритъ тоже самое о Таитянахъ и Ново-зеландцахъ. Маринеръ приписываетъ этотъ обычай Тонганцамъ. Мы читаемъ, что у Гренландцевъ мужчины „иногда дѣлаютъ себѣ на тѣлѣ рубцы и шрамы“, и что Чинуки „уродуютъ свои тѣла“. Скулькрафтъ свидѣтельствуетъ, что вдовы Команчей „дѣлаютъ себѣ большіе шрамы на рукахъ, на ногахъ и на туловищѣ, и продолжаютъ рѣзать себя такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не истощатся отъ потери крови; иногда дѣло доходитъ и до самоубійства“. А Вёртонъ говоритъ о Дакотахъ, что они „нерѣдко покрываютъ себя рубцами и даже отрѣзываютъ себѣ одинъ или нѣсколько пальцевъ“.

Послѣдній примѣръ приводитъ насъ къ тѣмъ случаямъ, когда отдается не только кровь, но иной разъ и часть тѣла, чтобы выразить почтеніе и под-

чиненность какъ можно сильнѣе. Такъ Кукъ рассказываетъ, что на островѣ Тонга, по случаю смерти великаго жреца, отрѣзывается первый суставъ мизинца; а отъ Эллиса мы узнаемъ, что когда умираетъ король, или повелитель Сандвичевыхъ острововъ, то его подданные претерпѣваютъ слѣдующія изуродованія: татуировку одного мѣста на языкѣ, отрѣзываніе ушей или выбиваніе одного изъ переднихъ зубовъ.

Припоминая, что кровь и части тѣла приносятся въ качествѣ религіозныхъ жертвоприношеній; читая у путешественниковъ, что Дагомейцы брызгаютъ человѣческой кровью на могилы своихъ древнихъ королей, чтобы обезпечить за собою помощь ихъ духовъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ; находя, что Мексиканцы давали пить идоламъ свою собственную кровь, что нѣкоторые жрецы пускали себѣ кровь ежедневно и что даже младенцы мужскаго пола подвергались такимъ кровопусканіямъ; слыша, что такія же вещи совершались въ Юкатанѣ, въ Гватемалѣ и въ Санъ-Сальвадорѣ и что береговое населеніе Перу приносило кровь въ жертву и идоламъ, и на могилы, — мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что первоначальная цѣль этихъ погребальныхъ обрядовъ состояла въ умилостивленіи покойника. Это — одинъ изъ косвенныхъ результатовъ вѣры въ близкое воскресеніе, когда такое вѣрованіе соединено съ каннибализмомъ, еще существующимъ въ данномъ обществѣ, или существовавшимъ въ немъ прежде.

Что значеніе этихъ обрядовъ именно таково, это подтверждается въ одномъ случаѣ словами самихъ участниковъ. Тёрнеръ рассказываетъ, что у Самоанцевъ принято на похоронахъ „колотить себя по головѣ камнями до тѣхъ поръ, пока не побѣжитъ кровь“ и что они называютъ это „приношеніемъ кровавой жертвы умершему“.

§ 90. Итакъ, всѣ эти разнообразныя обряды скрываютъ въ себѣ убѣжденіе, что смерть есть лишь временная пріостановка жизни на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Попытки оживить трупъ побоями и другими суровыми мѣрами; призываніе усопшаго по имени и обращеніе къ нему съ упреками или вопросами; стараніе накормить его насильно и оставленіе подлѣ него пищи и питья; мѣры, принимаемыя для того, чтобы устранить отъ него всѣ неудобства: тяжелое давленіе земли и помѣхи для дыханія; доставленіе ему огня, чтобы грѣться около него и готовить на немъ пищу; заботы, потрачиваемыя на то, чтобы охранить трупъ отъ поврежденія его дикими звѣрями и чтобы воспрепятствовать его разложенію, и, наконецъ, даже всѣ эти разнообразныя самоповрежденія въ знакъ почтенія и подчиненности, — всѣ эти обычаи согласно указываютъ намъ на это вѣрованіе. Кромѣ того, это вѣрованіе исповѣдуется прямо на словахъ.

Такъ, въ Африкѣ, по словамъ Бастіана, негры изъ племени Амбанба дума-

ютъ, что человѣкъ „остаётся въ мертвомъ состояніи въ теченіе трехъ дней; но нѣкоторыхъ фетишъ утаскиваетъ въ кусты, и тогда они остаются мертвыми въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ; впрочемъ, въ обоихъ случаяхъ, человѣкъ все-таки возвращается въ послѣдствіи снова къ жизни“. Ландеръ, рассказывая объ одномъ негрѣ изъ числа обитателей внутренности материка, умершемъ за нѣсколько дней до того, говоритъ, что при немъ происходило „публичное объявленіе о томъ, что богъ-покровитель этого негра воскресилъ его“. А вождь племени Замбези принималъ Ливингстона за итальянца „Сиріатомбу, воскресшаго изъ мертвыхъ“. Обращаясь къ Полинезійцамъ, мы находимъ между взаимно-противорѣчивыми вѣрованіями Фиджійцевъ одно, представляющее собою переходъ отъ первобытной идеи о возобновленіи обыкновенной жизни къ идеѣ о будущей жизни гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ: они думаютъ, что смерть стала всеобщимъ удѣломъ потому, что дѣти перваго человѣка не вырыли его сызнова, какъ имъ было повелѣно однимъ изъ боговъ. Богъ сказалъ при-этомъ, что еслибы они поступили такъ, какъ онъ приказалъ, то всѣ люди оживали бы послѣ пребыванія въ могилѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Въ Перу, гдѣ по отношенію къ трупу проявлялось такъ много заботъ, воскресеніе было однимъ изъ догматовъ вѣры. Гарсилассо говоритъ: „Инки вѣрили во всеобщее воскресеніе,—но не для славы или наказанія, а для возобновленія здѣшней преходящей жизни“.

Упомянувъ лишь мимоходомъ о прошедшихъ проявленіяхъ этого вѣрованія у высшихъ расъ,—видныхъ, напримѣръ, изъ того факта, что „по Мусульманскому закону пророки, мученики и святые не считаются умершими, а потому ихъ собственность продолжаетъ оставаться за ними“, а также изъ того, что по отношенію ко всѣмъ знаменитымъ героямъ христіанской Европы, — отъ Карла Великаго и до Наполеона перваго, — существовали ожиданія ихъ вторичнаго появленія, — мы обратимъ наше вниманіе на ту форму этого вѣрованія, которая существуетъ теперь. Она отличается отъ первобытнаго вѣрованія гораздо менѣе, чѣмъ можно было бы предположить. Я хочу этимъ сказать не-только то, что слова: „единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ—смерть“ показываютъ, что господствующая между нами вѣра считаетъ смерть не естественнымъ событіемъ, точь въ точь какъ религіи, исповѣдуемая дикарями, — религіи, которыя приписываютъ смерть какому-нибудь разногласію во мнѣніи боговъ или пренебреженію со стороны человѣка къ ихъ повелѣніямъ. Я разумѣю здѣсь также не одни только тѣ факты, что въ нашемъ англиканскомъ молитвенникѣ воскресеніе съ тѣломъ признается безъ малѣйшихъ колебаній, и что нѣкоторыя поэмы, принадлежащія болѣе или менѣе новому времени, содержатъ подробныя описанія возстанія мертвыхъ изъ гробовъ. Но я имѣю въ виду факты, которые показываютъ, что даже въ настоящую

минуту многіе исповѣдуютъ это вѣрованіе въ такой же ясной формѣ, въ какой оно было выражено недавно однимъ изъ нашихъ высшихъ духовныхъ лицъ. 5 Іюля 1874 года Линкольнскій епископъ проповѣдывалъ противъ сжиганія труповъ, какъ противъ такой мѣры, которая стремится подкопать вѣру човѣчества въ воскресеніе съ тѣломъ. Очевидно, докторъ Вордсвортъ не только раздѣляетъ вѣрованіе первобытнаго човѣка въ то, что тѣло каждаго погребеннаго мертвеца должно воскреснуть, но раздѣляетъ еще и вѣрованіе того же первобытнаго човѣка, что истребленіе тѣла должно помѣшать воскресенію ¹⁾).

Въ заключеніе, посмотримъ на видоизмѣненіе, которое дѣлаетъ цивилизованную вѣру въ воскресеніе отчасти несходной съ тѣмъ же вѣрованіемъ у дикарей. Цивилизованный човѣкъ не покинулъ этого вѣрованія; но это ожидаемое событіе просто отсрочилось въ его умѣ на неопредѣленное время. Вѣра въ сверхъестественное, постепенно подрываемая наукою, просто переноситъ свои сверхъестественныя событія въ болѣе и болѣе отдаленныя мѣста во времени и въ пространствѣ. Подобно тому, какъ вѣрящіе въ отдѣльныя творенія видовъ предполагаютъ, что они совершаются не тамъ, гдѣ живемъ мы, а въ какихъ-то отдаленныхъ странахъ міра, въ качествѣ чудесъ; когда же имъ доказываютъ, что ничего подобнаго не происходитъ теперь нигдѣ, то они говорятъ, что творенія происходили въ отдаленныя, стародавнія времена, свободныя отъ нынѣшнихъ законовъ и условій,—такъ точно и вѣрящіе въ оживаніе тѣла уже не ждутъ болѣе непосредственнаго оживанія, а откладываютъ его на неопредѣленно-отдаленное время. Идея о смерти медленно дифференцируется отъ идеи о временной безчувственности. Вначалѣ люди ожидали оживанія черезъ нѣсколько часовъ, или черезъ нѣсколько дней, или черезъ нѣсколько лѣтъ, но, по мѣрѣ того, какъ смерть понималась болѣе и болѣе ясно и опредѣленно, люди перестали ожидать воскресенія ранѣе смерти всего живущаго, или ранѣе конца міра.

¹⁾ Разсказываютъ, что Инка Атагуальпа обратился въ христіанство, чтобы быть повѣшеннымъ, а не сожженнымъ, «ибо (говорилъ онъ своимъ женамъ и окружавшимъ его индѣйцамъ), если мое тѣло не будетъ сожжено, то мой отецъ Солнце оживитъ меня снова». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы епископъ Вордсвортъ былъ поставленъ въ подобное положеніе, то онъ поступилъ бы точно такъ же.

ГЛАВА XIII.

ИДЕИ О ДУШАХЪ, ТѢНЯХЪ (ПРИВИДѢНІЯХЪ), ДУХАХЪ,
ДЕМОНАХЪ И ПР.

§ 91. Путешественникъ Паркъ разсказываетъ, какъ однажды онъ повстрѣчался съ двумя неграми верхомъ на лошадяхъ и какъ оба всадника въ испугѣ ускакали отъ него сломя голову; затѣмъ онъ продолжаетъ: „проскакавъ съ милою къ западу, они столкнулись съ моими слугами, которымъ разсказали о своей ужасной встрѣчѣ; оказалось, что ихъ страхъ облекъ меня въ развѣвающіяся одежды какого-то ужаснаго духа; а одинъ изъ нихъ утверждалъ, что какъ только я появился, на него повѣялъ внезапно сверху порывъ холоднаго вѣтра, такъ что онъ почувствовалъ, какъ будто-бы его облили съ ногъ до головы холодной водою“.

Я привожу этотъ отрывокъ, чтобы напомнить читателю, до какой степени страхъ, соединяясь съ предъ-установленнымъ вѣрованіемъ, способенъ производить иллюзіи, подтверждающія это вѣрованіе, и какъ легко, слѣдовательно, первобытному человѣку найти доказательства того, что мертвецы дѣйствительно являются изъ могилъ. — — —

Допущеніе несогласимыхъ между собою представленій, — примѣры которыхъ каждый легко можетъ припомнить, — даже образованными членами цивилизованныхъ обществъ показываетъ, какъ легко для первобытныхъ людей, при ихъ неразвитомъ умѣ и при отсутствіи у нихъ знаній, совмѣщать въ своей головѣ такія представленія, которыя взаимно уничтожаютъ одно другое. Намъ кажется затруднительнымъ вообразить себѣ, что они дѣйствительно думаютъ, будто-бы мертвый, несмотря на то, что онъ зарытъ въ землю, приходитъ назадъ въ осязаемыхъ формахъ. И когда они утверждаютъ, что двойникъ уходитъ прочь,

оставляя послѣ себя трупъ, то намъ кажется, что такое утвержденіе никакъ не можетъ быть согласовано съ другимъ ихъ одновременнымъ предположеніемъ, именно съ тѣмъ, что этотъ двойникъ нуждается въ пищѣ и питѣ, которыя они запасаютъ для него, или что ему надобны одежда и огонь. Ибо, если они представляютъ себѣ этотъ двойникъ въ видѣ какого-то воздушнаго или эфирнаго существа, то въ такомъ случаѣ какъ же могутъ они предполагать, что онъ способенъ ѣсть твердую пищу, а они буквально допускаютъ это во многихъ случаяхъ; если же онъ, по ихъ мнѣнію, обладаетъ тѣлесностью, то въ такомъ случаѣ какъ можетъ онъ въ ихъ представленіи сосуществовать съ трупомъ или оставлять могилу, не нарушая спокойствія покрывающей его земли?

Но когда мы припомнимъ, до какихъ крайнихъ предѣловъ легковѣрія и нелогичности могутъ доходить даже образованные люди, принадлежащіе къ высоко развитымъ расамъ, то найдемъ достаточно причинъ для заключенія, что идеи первобытнаго человѣка о другомъ я могли существовать у него, хотя онѣ и кажутся намъ теперь невозможными.

§ 92. Я долженъ начать съ того понятія о воскресеніи, которое мы находимъ у Австралійцевъ и которое такъ часто приводится разными авторами. Долженъ я начать съ него ради его типичности. Понятіе это очень опредѣленно выразилось въ словахъ того преступника, который, будучи приговоренъ къ смерти, сказалъ, что онъ выскочитъ бѣлымъ человѣкомъ и будетъ имѣть тогда много серебряныхъ денегъ. Многіе слышали о происшествіи, случившемся съ сэромъ Джорджемъ Греємъ, который былъ признанъ одной австралійской женщиной за ея умершаго сына, воскресшаго изъ мертвыхъ и котораго она ради этого осыпала ласками; не менѣе интересенъ съ этой стороны и случай съ госпожей Томсонъ, которую принимали за вернувшееся назадъ второе я одного умершаго члена одного племени и о которой Австралійцы, съ которыми она жила, нерѣдко говорили: „бѣдняжка! вѣдь она только духъ усопшаго, и ничего больше!“ Бонвикъ утверждаетъ, что одинъ поселянинъ съ искривленной рукой былъ признанъ туземцами за одного недавно умершаго туземца, имѣвшаго тоже искривленную руку, и что они привѣтствовали его словами: „О, мой Буллуди, ты выскочилъ вновь на свѣтъ бѣлымъ человѣкомъ!“ Бонвикъ рассказываетъ и другіе подобные же примѣры и при-этомъ прибавляетъ, что Девисъ объясняетъ это австралійское вѣрованіе слѣдующимъ образомъ: дикари, содравъ кожу съ чернаго человѣка, прежде, чѣмъ изжарить и съѣсть его, замѣчали, что онъ становится бѣлымъ послѣ этой операціи; изъ этого они вывели заключеніе, что бѣлые люди суть духи черныхъ людей. Но это вѣрованіе существуетъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ это объясненіе не приложимо. Тёрнеръ говоритъ, что Новокаледонцы „думаютъ, что бѣлые люди—духи мертвецовъ и что они приносятъ

болѣзни“. Далѣе: „на островѣ Дарилей, на островахъ Принца Валлійскаго и на мысѣ Юркѣ, слово, употребляемое для обозначенія бѣлаго человѣка, означаетъ въ тоже время духъ умершаго, или привидѣніе“. Отъ Бёртона мы узнаемъ, что Крумены называютъ европейцевъ „племенемъ привидѣній“, а обитатели стараго Калабара называютъ ихъ „людьми-духами“; да и Мпюнгвы Габуна зовутъ ихъ „привидѣніями“.

Всѣ эти случаи уничтожаютъ всякое сомнѣніе относительно того, что двойникъ представляется вначалѣ не менѣе вещественнымъ, какъ и самый оригиналъ; впрочемъ, это показываютъ съ неменьшею ясностью и факты, почерпнутые у другихъ народовъ. Такъ Карены говорятъ: „Яа (духъ усопшаго) иногда является послѣ смерти и тогда его нельзя бываетъ отличить отъ самого умершаго“. Арауканцы думаютъ, что „душа, покинувъ тѣло, исполняетъ въ будущей жизни тѣ же самыя отправленія, которыя она выполняла въ этой; различіе заключается здѣсь единственно въ томъ, что теперь ея дѣятельность не сопровождается ни усталостью, ни пресыщеніемъ“. Пидрагита говоритъ, что обитатели Квимбайа „признавали, что въ человѣкѣ есть нѣчто безсмертное, но они не различали хорошенько души отъ тѣла“, что говоритъ также и Геррера. Древніе Перуанцы утверждали весьма ясно: „души должны возстать изъ гробовъ со всѣмъ тѣмъ, что принадлежало ихъ тѣламъ“; а по словамъ Акосты они, вмѣстѣ съ этимъ, вѣрили еще, что „душа бродитъ по свѣту и чувствуетъ холодъ и жажду, голодъ и усталость“.

Это вѣрованіе не только выражается на словахъ, но и подразумѣвается во многихъ дѣйствіяхъ. Нѣкоторые изъ Перуанцевъ „посыпали полъ своего жилища маисовой мукой, чтобы послѣ видѣть, какъ они говорили, слѣды мертвецовъ, ходившихъ ночью по жилищу“; и этотъ обычай находитъ себѣ параллели и въ другихъ мѣстахъ: даже у евреевъ, которые употребляли просѣянную золу для высѣживанія прогулокъ демоновъ; при-этомъ нѣкоторые евреи, хотя и не всѣ, считали демоновъ за духовъ злыхъ покойниковъ. Подобная же идея должна существовать и у тѣхъ негровъ (упоминаемыхъ Бастіаномъ), которые накладывали колючихъ вѣтокъ на тропинкахъ, ведущихъ къ ихъ деревнямъ, чтобы не допустить въ эти деревни демоновъ. Въ другихъ мѣстахъ, рассказы о томъ, будто-бы мертвецы требуютъ съѣстныхъ припасовъ, имѣютъ, очевидно, то же самое значеніе. „Дайте намъ сколько-нибудь пищи, чтобы мы могли поѣсть и отправиться въ путь“, говорятъ духи изъ племени Амазулу своимъ соплеменникамъ, объявивъ имъ передъ этимъ, что они идутъ сражаться съ духами другаго племени. Сѣверо-американскіе Индѣйцы предполагаютъ, что духи кураютъ; а Фиджійцы говорятъ, что „боги съѣдаютъ души тѣхъ, чьи тѣла были съѣдены людьми“, и что боги предварительно жарятъ ихъ. Фиджійцы

вѣрять также, что нѣкоторыя „души убиваются людьми“, ибо второе я можетъ вступитъ въ битву и быть убито точъ въ точъ, какъ и первое. Точно такимъ же образомъ Амазулу „предполагаютъ, что аматонго, или мертвецъ, можетъ умереть снова.... мы имѣемъ здѣсь рассказы о мертвецахъ, убитыхъ въ битвѣ и унесенныхъ рѣкою“. Это вѣрованіе въ вещественность двойника раздѣлялось также древними Индусами, Татарами и Европейцами старыхъ временъ.

§ 93. Переходы отъ этого первоначальнаго и наиболѣе грубаго представленія къ позднѣйшимъ представленіямъ менѣе грубаго свойства не могутъ быть прослѣжены съ достаточной ясностью; однакоже мы имѣемъ тутъ кое-какія указанія на прогрессивное видоизмѣненіе.

Идеи Таитянь по этому поводу, описываемыя Эллисомъ какъ „смутныя и неопредѣленныя“, приписываютъ духамъ нѣчто вродѣ какой-то полу-вещественности. Ибо, хотя они полагаютъ, что большая часть духовъ умершихъ „сѣдается богами“, и притомъ не сразу, а постепенно (что предполагаетъ отдѣлимость частей), но въ тоже время считаютъ, что нѣкоторые духи не сѣдаются богами и являются иногда въ сновидѣніяхъ оставшимся въ живыхъ, — причѣмъ этотъ фактъ ихъ появленія и служить, вѣроятно, основаніемъ для заключенія, что они не сѣдены. Точно также нѣкоторая, если и не полная, вещественность безмолвно приписывается духамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ надѣляютъ органами чувствъ, съ помощью которыхъ они способны получать обыкновенныя воспріятія. Якуты дѣлаютъ хорошо-замѣтные значки, чтобы показать духамъ, гдѣ имъ оставлены жертвоприношенія; по словамъ Ороско-и-Берра, индѣйцы Юкатана полагаютъ, что „душа умершаго возвращается на свѣтъ; а потому, чтобы она не заблудилась, выйдя изъ могилы, и не потеряла дорогу къ домашнему очагу, они обозначаютъ мѣломъ тропинку отъ могилы къ хижинѣ“. Вещественность, предполагаемая физическимъ видѣніемъ, приписывается духамъ и Никобарцами, которые думаютъ, что для того, „чтобы не дать возможности злымъ духамъ (умершихъ) поселиться снова въ деревнѣ, достаточно счита, сдѣланнаго изъ кусковъ разныхъ матерій, который скрывалъ бы отъ ихъ пагубныхъ взоровъ то мѣсто, гдѣ стоятъ жилища“.

Представленіе Грековъ о духахъ усопшихъ было, кажется, сродно съ этимъ. Тирволль говоритъ: „только послѣ того, какъ ихъ силы нѣсколько подкрѣплялись кровью закланныхъ жертвъ, къ нимъ возвращались на-время разумъ и память, и они становились способными узнавать своихъ живыхъ друзей и чувствовать безпокойство за тѣхъ, кого они покидали на землѣ“. Что эти обитатели Аида имѣли въ себѣ нѣчто вещественное, видно какъ изъ того факта, что они приходили толпами пить жертвенную кровь, такъ и изъ того, что

Одиссей осаживалъ ихъ назадъ своимъ мечемъ. Кромѣ того, въ этомъ мірѣ мертвыхъ онъ видитъ Титія, печень котораго раздирается коршунами; говоритъ съ душою Агамемнона, который „проливаетъ горячія слезы“, и описываетъ духъ Сизифа, изнемогающій отъ усилій втащить наверхъ камень, который и въ Аидѣ все-еще сохраняетъ свою тяжесть. Здѣсь будетъ кстати привести одинъ отрывокъ изъ Иліады, показывающій намъ очень ясно, какъ видоизмѣняется первобытное понятіе. Пробудившись отъ сна, въ которомъ Ахиллъ видѣлъ Патрокла и въ которомъ тщетно старался обнять его, онъ говоритъ: „Увы! итакъ, это правда, что въ жилищахъ Аида обитаютъ только духи и образы, но нѣтъ вовсе тѣлъ“. Однакоже духъ Патрокла описывается говорящимъ и жалующимся, т. е. ему приписывается вся та вещественность, которая предполагается этими дѣйствіями. Такимъ образомъ, въ умахъ людей гомерическаго вѣка сновидѣнія хотя и продолжали доставлять доказательства загробнаго существованія, но они доставляли уже и такіе опыты, которые, будучи подвергнуты обсужденію, дѣлали необходимымъ нѣкоторое измѣненіе въ идеѣ о другомъ я: этому другому я уже не приписывалось болѣе полной вещественности.

Да и тѣ представленія на этотъ счетъ, которыя господствовали между евреями, повидимому, нисколько не отличались отъ представленій Грековъ. Мы находимъ, что они приписываютъ духамъ то вещественность, то невещественность, то нѣчто среднее между тою и другою. Напримѣръ, воскресающій представляется въ одно и тоже время и какъ обладающій ранами, допускающими осязательное изслѣдованіе, и какъ проходящій тѣмъ неменѣе совершенно безпрепятственно чрезъ запертыя двери и чрезъ стѣны. Подобнымъ же образомъ представляли себѣ евреи и другихъ сверхъестественныхъ существъ вообще, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, какъ тѣхъ, которыя были ожившими мертвецами, такъ и тѣхъ, которые были независимыми духами. Такъ, ангелы описываются ими то какъ существа вполне тѣлесныя, то какъ существа безтѣлесныя, напримѣръ въ тѣхъ случаяхъ, когда они невидимо рѣютъ въ окружающемъ воздухѣ, подобно демонамъ, о которыхъ утверждается тоже самое; въ другихъ мѣстахъ объ ангелахъ говорится, что они имѣютъ крылья, предполагающія перемѣщеніе посредствомъ механической дѣятельности, и что они трутся объ одежды раввиновъ въ синагогѣ, отчего эти одежды изнашиваются и оказываются потертыми снаружи.

Очевидно, что исторіи о привидѣніяхъ, которыя имѣли такое широкое распространеніе между нами въ прошедшія времена и которымъ вѣрили почти всѣ безъ исключенія, основаны на той же самой идеѣ. Способность отворять двери, звенѣть цѣпями и производить разные другіе шумы, очевидно, предпо-

лагають достаточно значительное сѣѣленіе между частицами вещества; и это сѣѣленіе необходимо должно было допускаться, хотя такое допущеніе и не было выражаемо въ прямой формѣ.

Что касается дальнѣйшихъ примѣровъ, поясняющихъ это вѣрованіе въ полу-вещественность, то я могу отослать читателя за ними къ сочиненію Тайлора: *Первобытная культура*, т. I, стр. 455—6 (второго англійскаго изданія).

§ 94. Выше мы уже намекали, что къ этимъ идеямъ о полу-вещественныхъ двойникахъ примѣшивались всегда идеи о воздушныхъ и тѣнеобразныхъ двойникахъ, и что эти двѣ группы представленій уживались вмѣстѣ, несмотря на ихъ несогласимость другъ съ другомъ. Контрастъ между умирающимъ человекомъ и человекомъ только-что умершимъ естественно приводилъ къ представленію объ усопшемъ въ терминахъ различія; причемъ каждое подмѣненное болѣе или менѣе рѣзкое отличіе порождало соотвѣтственное представленіе.

Сердце перестаетъ биться. Не есть ли, слѣдовательно, сердце то другое я, которое уходитъ прочь въ актѣ смерти? Нѣкоторыя расы дѣйствительно думаютъ такимъ образомъ, какъ видно изъ вопроса, произведеннаго Бобадиллоу индѣйцамъ Никарагуа. Онъ спрашивалъ одного изъ нихъ: „Какъ вы думаете, живутъ ли тѣ, которые улетаютъ отсюда, и тамъ точно такимъ же образомъ, какъ они жили здѣсь, т. е. съ тою же самою головою, тѣмъ же самымъ тѣломъ и пр.“ Ему отвѣчали на это: „Туда улетаетъ одно только сердце“. Дальнѣйшіе вопросы выяснили смутную идею, что существуютъ два сердца и что „сердце, которое уходитъ, и есть то, которое дѣлаетъ людей живыми“. Точно такимъ же образомъ Чиеза говоритъ о Чанкасахъ древняго Перу, что у нихъ „душа называлась сонконъ, — слово, которое означаетъ также и сердце“.

Прекращеніе дыханія гораздо нагляднѣе и замѣтнѣе, чѣмъ прекращеніе сердцебіенія, а потому оно ведетъ къ гораздо болѣе распространенному отождествленію ушедшаго другаго я съ исчезнувшимъ дыханіемъ. У тѣхъ же самыхъ обитателей Центральной Америки это отождествленіе со-существовало съ отождествленіемъ души съ сердцемъ. На одинъ изъ вопросовъ Бобадиллы индѣецъ отвѣчалъ: „Когда кто-нибудь умираетъ, то изъ его рта вылетаетъ существо, похожее на него и называемое Юліо; это существо уносится туда, гдѣ этотъ человекъ остается, и живетъ тамъ въ образѣ этого человека и не умираетъ; тѣло же человека остается здѣсь“. Что та же самая идея имѣла всеобщее распространеніе между высшими расами, — слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы нуждаться въ какихъ-либо доказательствахъ. Я упомяну только о графическихъ изображеніяхъ души въ иллюстрированныхъ духовныхъ сочиненіяхъ прежняго времени; напримѣръ, *Mortilogus* etc. Конрада Рейтера,

изданный въ 1508 году, содержитъ гравированныя на деревѣ изображенія умирающихъ людей, изъ ртовъ которыхъ вылетаютъ маленькія фигурки ихъ же сами хъ, причемъ въ одномъ случаѣ такую фигурку принимаетъ въ свои объятія ангель, а въ другомъ случаѣ ее хватаетъ чортъ.

Отожествленіе души съ тѣнью подтверждается многими примѣрами; такъ Кранцъ рассказываетъ намъ о Гренландцахъ, что они „вѣрятъ, будто-бы существуютъ двѣ души, а именно — тѣнь и дыханіе“. Въ дополненіе къ древнимъ примѣрамъ, достаточно будетъ привести и одинъ новый, а именно рассказъ д-ра Коллоуэя о племени Амазулу. Глядя на факты съ миссіонерской точки зрѣнія и извращая, вслѣдствіе этого, порядокъ ихъ генезиса, онъ говоритъ: „едвали что-нибудь можетъ показать съ большей ясностью степень той деградации, до которой опустились туземцы, какъ то обстоятельство, что они не могутъ понять, что и з и т у н ц и значить духъ, а не просто тѣнь, отбрасываемую тѣломъ; ибо между ними существуетъ теперь странное вѣрованіе, будто-бы мертвое тѣло не отбрасываетъ никакой тѣни“.

Тѣ представленія о другомъ я, которыя возникаютъ такимъ образомъ и которыя стремятся замѣстить прежнія представленія объ этомъ другомъ я, какъ о чемъ-то вещественномъ или полу-вещественномъ, вслѣдствіе того, что они находятся въ менѣе очевидномъ разногласіи съ фактами, ведутъ къ такимъ обрядамъ, въ основаніи которыхъ лежитъ вѣрованіе, что духи усопшихъ, хотя и нуждаются въ свободномъ пространствѣ, чтобы пройти чрезъ преграду, но пространство это можетъ быть очень не велико. Такъ Ирокезы „оставляютъ маленькое отверстіе въ могилѣ, чтобы душа могла снова проникнуть чрезъ него къ усопшему“; а въ другихъ случаяхъ та же причина побуждаетъ пробуравливать дырки въ гробахъ. Уальполь говоритъ объ Анзаріяхъ: „въ помѣщеніяхъ, посвященныхъ страннопріимству, оставляется нѣсколько четырехугольных отверстій, чтобы духи могли входить и выходить, не сталкиваясь другъ съ другомъ“. Также и въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ много фактовъ, имѣющихъ такое же значеніе.

§ 95. Еслибы мы даже не имѣли прямыхъ фактическихъ доказательствъ, что представленія о другомъ я имѣютъ такое происхожденіе, то для насъ достаточно было бы для вывода этого заключенія и тѣхъ непрямыхъ доказательствъ, которыя доставляются анализомъ языка. Эти доказательства сыплются на насъ со всѣхъ концовъ свѣта, отъ народовъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ развитія.

Описывая Тасманійцевъ, Миллиганъ говоритъ: „они обозначаютъ этихъ духовъ-хранителей общимъ названіемъ „В-аррауа“, первоначальнымъ словомъ.... означающимъ тѣнь (обыкновенную), тѣнь (привидѣніе), привидѣніе,

духъ усопшаго или видѣніе“. Въ языкѣ Ацтекѣ и въ другихъ сродныхъ съ нимъ нарѣчіяхъ екекатль обозначаетъ въ одно и то же время вѣтеръ, душу и тѣнь. Обитатели Новой Англіи называли душу чемунгъ, т. е. тѣнь. У Квише слово натубъ и у Эскимосовъ слово тарнакъ выражаютъ одновременно обѣ эти идеи. Въ нарѣчій Могауковъ слово атурицъ, душа, происходитъ отъ слова атури-онъ, дышать. Подобныя же тождества между этими словами были указаны въ словаряхъ Алгонквиновъ, Араукасовъ, Абионовъ, Базутосовъ и пр. Тотъ фактъ, что въ языкахъ цивилизованныхъ народовъ нѣкоторыя слова отождествляютъ душу съ тѣнью, а другія—отождествляютъ ее съ дыханіемъ, слишкомъ общеизвѣстенъ, чтобы стоило останавливаться на немъ ¹⁾. Я не вижу никакой надобности повторять здѣсь фактическія данныя, изложенныя подробно Тайлоромъ и доказывающія, что какъ семитическіе, такъ и арійскіе языки указываютъ на одинаковыя первобытныя представленія.

§ 96. Теперь мы дошли до нѣкоторыхъ производныхъ представленій, имѣющихъ важное значеніе. Обратимся прежде всего къ наиболѣе очевидному изъ нихъ.

Наблюденіе показываетъ, что четвероногія и птицы дышатъ точно такъ же, какъ и человѣкъ. Они также имѣютъ свои тѣни, подобно тому, какъ имѣютъ ихъ люди; и эти привязанныя къ нимъ тѣни слѣдуютъ за ними и подражаютъ ихъ движеніямъ точь въ точь, какъ это дѣлаетъ человѣческая тѣнь. Слѣдовательно, если дыханіе или тѣнь человѣка есть его другое я, которое уходитъ при его смерти, то тѣнь или дыханіе животного, тоже исчезающее при его

¹⁾ Такъ, въ русскомъ языкѣ духъ, душа происходятъ отъ одного корня съ словами дыханіе, дышать. Тѣнь означаетъ не только обыкновенную тѣнь, но и привидѣніе, или духъ усопшаго. Отождествленіе сердца съ душею не отразилось у насъ въ этимологическомъ родствѣ соответственныхъ словъ; но зато эти слова свободно замѣщаютъ одно другое въ большинствѣ случаевъ. Все равно, сказать ли: «у него добрая (или злая) душа», или сказать: «у него доброе (или злое) сердце». Или возьмемъ хоть слѣдующія фразы: «у меня душа (или сердце) не на мѣстѣ отъ страха», «у меня душа (или сердце) прыгаетъ отъ радости», «у него вся душа (или все сердце) изныла, стосковалась» и пр. Эти послѣдніе примѣры показываютъ, что отождествленіе души съ сердцемъ явилось, вѣроятно, не вслѣдствіе одной только остановки сердцебіенія при смерти, но еще и вслѣдствіе того, что особенныя ощущенія въ области сердца сопровождаютъ всѣ наши сильныя душевныя движенія, т. е. то, что составляетъ наше внутреннее я. О сближеніи въ русскомъ языкѣ словъ душа, духъ, дыханіе, дышать, тѣнь и пр. см. Аванасьева: Поэтич. Воззрѣн. Славянъ на Природу. М., 1869, т. III, стр. 212—14.

смерти, должно быть другимъ я этого животнаго; значить, животное тоже имѣть свой духъ, или привидѣніе. Даже первобытный человѣкъ, разсуждающій хотя на одинъ шагъ далѣе тѣхъ фактовъ, которые навязываются непосредственно его вниманію, не можетъ избѣжать этого заключенія. Поэтому мы находимъ это заключеніе явно или скрытно воплощеннымъ въ первобытныхъ вѣрованіяхъ и выживающимъ даже въ вѣрованіяхъ древнихъ цивилизованныхъ расъ.

Дикарь, находящійся на самой низкой ступени развитія, отличающійся наименьшею суммою мыслительности, останавливается здѣсь въ своихъ выводахъ; но прогрессъ способности разсужденія приводитъ его къ усмотрѣнію дальнѣйшаго вывода изъ его понятія о душѣ. Хотя растенія, въ противоположность людямъ и знакомымъ дикарю животнымъ, и не обнаруживаютъ замѣтнаго дыханія (если только не смотрѣть на ароматъ, какъ на дыханіе), но они сходны съ людьми и животными въ томъ, что растутъ и размножаются подобно животнымъ и людямъ, процвѣтаютъ, склоняются къ упадку и умираютъ, оставивъ послѣ себя потомство. Сверхъ того, растенія отбрасываютъ тѣни; и когда ихъ листья шелестятъ, подъ дыханьемъ вѣтерка, или вѣтки раскачиваются порывами бури, ихъ тѣни обнаруживаютъ соотвѣтственные движенія. На этомъ основаніи послѣдовательность требуетъ дальнѣйшаго распространенія вѣры въ двойственность: растенія также имѣютъ души. Это заключеніе, признаваемое нѣсколько болѣе высокими расами, каковы Дайяки, Карены и нѣкоторые Полинезійцы, повело у нихъ къ такимъ обрядамъ, посредствомъ которыхъ умилоствляются духи растеній. Это же вѣрованіе продолжаетъ существовать въ хорошо извѣстныхъ формахъ и на послѣдующихъ ступеняхъ общественнаго развитія.

Но это еще не все. Дойдя до этого пункта, прогрессирующій человѣкъ, ставъ все болѣе и болѣе логичнымъ, принужденъ идти далѣе. Ибо не одни только люди, животныя и растенія обладаютъ тѣнями; ихъ имѣютъ и другіе предметы. Слѣдовательно, если тѣни суть души, то и другіе предметы должны обладать душами. Замѣтимъ при-этомъ, что мы ничего не читаемъ о существованіи такого вѣрованія у самыхъ низшихъ расъ. Его не существуетъ ни у Огнеземельцевъ, ни у Австралійцевъ, ни у Тасманійцевъ, ни у Андаманезцевъ, ни у Бушменовъ, или, если оно и существуетъ здѣсь, то не достаточно рѣзко выражено, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе путешественниковъ. Это — вѣрованіе, которое возникаетъ лишь у болѣе интеллигентныхъ расъ и затѣмъ развивается. Масонъ говоритъ о Каренахъ, что они думаютъ, будто-бы „каждый естественный предметъ имѣетъ своего повелителя или бога, въ смыслѣ обладающаго и управляющаго имъ духа“; даже неодушевленные предметы, оказывающіе какую-нибудь пользу, каковы напримѣръ различныя орудія, имѣютъ

каждый своего Ла, или духа. Описывая понятіе о душахъ, существующее у Чипевейцевъ, Китингъ говоритъ: „они вѣрятъ, что животныя имѣютъ души и что даже безжизненные предметы, каковы котлы и т. п., также заключаютъ въ себѣ подобную же сущность“. У Фиджійцевъ, которыхъ, какъ мы уже видѣли выше (§ 41), слѣдуетъ причислить къ наиболѣе развитымъ въ умственномъ отношеніи изъ числа варварскихъ племенъ, это ученіе получило самое полное развитіе. Симонъ рассказываетъ намъ, что они приписываютъ души „не только всему человѣческому роду, но и животнымъ, растеніямъ, даже домамъ, лодкамъ и вѣмъ механическимъ аппаратамъ“, и это приписываніе, о которомъ упоминаетъ также и Т. Вильямсъ, разсматривается имъ какъ имѣющее то именно начало, которое только-что указано нами; онъ говоритъ: „по всей вѣроятности, это ученіе о тѣняхъ находится въ связи съ ихъ понятіемъ, будто-бы даже неодушевленные предметы имѣютъ своихъ духовъ“. Народы, достигшіе гораздо болѣе высокаго уровня развитія, выводили то же самое заключеніе, какъ и Фиджійцы. Мексиканцы, по словамъ Петра Гентскаго, „предполагали, что всякій предметъ имѣетъ своего бога“; а что это предположеніе основывалось на томъ, что всякій предметъ обладаетъ тѣнью, мы можемъ думать на основаніи очень солидной причины, а именно на основаніи того, что у сосѣдняго съ Чипчасами народа мы находимъ то же вѣрованіе, причемъ оно прямо объясняется именно этою причиною. Относительно этого народа Педрагита пишетъ слѣдующее:

«Лячисы поклонялись каждому камню, какъ богу, ибо они утверждали, что всѣ камни были прежде людьми и что всѣ люди обращаются въ камни послѣ смерти; а также, что наступитъ день всеобщаго воскресенія, когда всѣ камни снова обратятся въ людей. Они также обожали свою собственную тѣнь, такъ что всегда имѣли своего бога при себѣ и могли его видѣть въ каждый ясный, солнечный день. И хотя они знали, что тѣнь производится свѣтомъ и непрозрачнымъ предметомъ, помѣщеннымъ между нимъ и освѣщаемой поверхностью, но утверждали, что это устроено Солнцемъ для того, чтобы дать имъ боговъ.... И когда имъ указывали на тѣни деревьевъ и камней, то это не производило на нихъ никакого дѣйствія, потому что они смотрѣли на тѣни деревьевъ какъ на боговъ деревьевъ, а на тѣни камней какъ на боговъ камней, т. е. какъ на боговъ ихъ собственныхъ боговъ».

Эти факты, въ особенности же послѣдній, показываютъ достаточно убѣдительно, что вѣрованіе въ души неодушевленныхъ предметовъ есть вѣрованіе, достигаемое лишь на извѣстной ступени умственного развитія и представляющее заключительный выводъ изъ ранѣе установившагося вѣрованія по отношенію къ людскимъ душамъ. Не дожидаясь болѣе спеціальныхъ доказательствъ, которые будутъ даны впоследствии, читатель можетъ видѣть уже и теперь, что я разумѣлъ въ § 65, когда отрицалъ, чтобы первобытный человѣкъ могъ

такъ низко опуститься со стороны мыслительности, чтобы смѣшнѣе въ самомъ началѣ одушевленное съ неодушевленнымъ, т. е. опуститься даже ниже той ступени мыслительности, на которой стоятъ животныя; читатель можетъ видѣть уже и теперь нѣкоторыя основанія, подтверждающія высказанное мною тамъ положеніе, что то спутываніе одушевленного съ неодушевленнымъ, которое обнаруживаютъ постепенно развивающіяся представленія человѣка въ только-что рассмотрѣнной нами области, представляетъ результатъ заключенія, къ которому человѣкъ пришелъ путемъ вывода изъ естественнаго, но ошибочнаго, вѣрованія, установившагося ранѣе.

§ 97. Сдѣлавъ это замѣчаніе въ скобкахъ, я считаю полезнымъ, прежде окончательнаго заключенія главы, перечислить тѣ разнообразныя классы душъ и духовъ, которые порождаются этою системою истолкованія нѣкоторыхъ жизненныхъ явленій.

Вопервыхъ, мы имѣемъ души усопшихъ родителей и родственниковъ. Эти души обладаютъ въ представленіи оставшихся въ живыхъ живыми формами, чѣмъ и отличаются отъ душъ предковъ, которыя, по степени своей отдаленности, представляются все болѣе и болѣе смутно. Эта различная степень ясности представленія производитъ то, что идеи о душахъ оказываются индивидуализированными въ различной степени.

Затѣмъ мы имѣемъ блуждающіе двойники людей, погруженныхъ въ сонъ или въ какое-либо болѣе глубокое состояніе безчувственности. Правильность образованія изъ этихъ душъ особаго класса подтверждается разсказомъ Швейнфурта о племени Бонго, которое думаетъ, что старики „могутъ казаться лежащими спокойно въ своихъ хижинахъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они держатъ въ это время совѣтъ со злыми духами“ въ лѣсахъ.

Далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мы имѣемъ души людей, находящихся въ бодрствующемъ состояніи, которыя покинули ихъ на-время. Какъ на примѣръ можно указать на вѣру Кареновъ въ то, что „каждое человѣческое существо имѣетъ своего духа-хранителя, который то идетъ съ нимъ рядомъ, то удаляется отъ него на поиски мечтательныхъ приключеній; и если онъ отсутствуетъ слишкомъ долго, то его приходится призывать назадъ съ помощью жертвоприношеній“. Дѣйствительное различіе этихъ группъ ясно обнаруживается у Малагазцевъ, которые имѣютъ различныя названія для привидѣній въ формѣ еще живаго человѣка и для привидѣній мертвецовъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одну классификацію душъ, или духовъ, а именно на раздѣленіе ихъ на души друзей и души враговъ, т. е. на души, принадлежащія членамъ собственнаго племени, и души, принадлежащія членамъ другихъ племенъ. Конечно, эти группы не вполне совпадаютъ одна съ

другую; ибо, кромѣ неумолимыхъ враговъ изъ другихъ племенъ, существуютъ еще привидѣнія дурныхъ людей изъ своего же собственнаго племени; затѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ этому прибавляются еще злые духи тѣхъ людей, которые остались непогребенными. Но, говоря вообще, добрые и злые духи имѣютъ это происхожденіе; и дружественность или враждебность, приписываемая имъ послѣ смерти, есть лишь продолженіе дружественности или враждебности, которыя они обнаруживали при жизни.

Къ этимъ разрядамъ душъ мы должны еще присовокупить души другихъ существъ: животныхъ, растений и даже безжизненныхъ предметовъ. Клавигеро рассказываетъ, что Мексиканцы приписываютъ „благословеніе безсмертія душамъ скотовъ“; а Малагазцы думаютъ, что души „какъ людей, такъ и животныхъ, обитаютъ въ большой горѣ, лежащей на югъ отъ нихъ“. Но хотя вѣра въ души животныхъ довольно обыкновенна и хотя Фиджійцы и нѣкоторыя другія племена вѣрятъ даже и въ то, что души разрушенныхъ домашнихъ орудій также идутъ на тотъ свѣтъ, однакоже мы не имѣемъ достаточныхъ фактическихъ свидѣтельствъ, чтобы эти племена считали эти классы душъ принимающими дѣятельное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ.

§ 98. Теперь намъ остается только указать на ту прогрессивную дифференціацію понятія о тѣлѣ отъ понятія о душѣ, которая обнаруживается въ разсмотрѣнныхъ нами фактахъ. Подобно тому, какъ въ предыдущей главѣ мы видѣли, что, съ развитіемъ мыслительности, идея о той непрерывной безчувственности, которую мы называемъ смертію, постепенно дифференцируется отъ идей о тѣхъ временныхъ состояніяхъ безчувственности, которыя представляютъ собою лишь подобія смерти, пока, наконецъ, смерть не выдѣлится въ представленіи человѣка, какъ радикально отличная отъ этихъ состояній; такъ точно и здѣсь мы видимъ, что контрастъ между идеей о вещественномъ я и идеей о невещественномъ я возникаетъ и усиливается лишь постепенно и что это измѣненіе опредѣляется умноженіемъ знаній и возрастаніемъ критической способности.

Напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда Базуты, руководствуясь своимъ представленіемъ о другомъ я, какъ о вещественной сущности, „думаютъ, будто-бы крокодилъ можетъ схватить въ водѣ тѣнь человѣка, идущаго по берегу рѣки, и утащить его за эту тѣнь въ воду“, мы можемъ видѣть, что несогласимость ихъ идей съ фактами и между собою такъ велика, что малѣйшій прогрессъ въ физическомъ знаніи долженъ видоизмѣнить ихъ, т. е. долженъ вызвать представленіе другаго я въ менѣе вещественной формѣ. Или, когда Фиджіецъ, съ одной стороны, приписываетъ душѣ такую вещественность, что считаетъ, будто-бы она, во время своего путешествія послѣ смерти, можетъ быть

схвачена кѣмъ-либо изъ боговъ и убита ударомъ о камень, и когда, съ другой стороны, тотъ же Фиджіецъ полагаетъ, что каждый человѣкъ имѣетъ двѣ души: свою тѣнь и свое отраженное изображеніе, то очевидно, что несообразность между его вѣрованіями такова, что развитіе критики должно непременно измѣнить ихъ. По мѣрѣ того, какъ мысль становится все разсудительнѣе, сознаніе несообразности становится все болѣе и болѣе яснымъ и ведетъ къ ряду послѣдовательныхъ сдѣлокъ. Второе я, представлявшееся сначала столь же вещественнымъ, какъ и первое, становится шагъ за шагомъ все менѣе и менѣе вещественнымъ; постепенно является оно то полу-твердымъ, то воздушнымъ, то, наконецъ, эфирнымъ. И когда оно достигнетъ, наконецъ, послѣдней ступени, то ему перестаютъ приписывать какое бы то ни было изъ тѣхъ свойствъ, по которымъ мы узнаемъ о существованіи чего бы то ни было, такъ что остается только утверженіе нѣкотораго существованія, но существованія вполне неопредѣленнаго.

ГЛАВА XIV.

ИДЕИ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ.

§ 99. Вѣра въ оживаніе мертвыхъ предполагаетъ вѣру въ послѣдующую жизнь. Первобытный человѣкъ, не способный къ осторожно-обдуманному мышленію и не обладающій языкомъ, пригоднымъ для такого мышленія, долженъ представить себѣ эту жизнь, какъ можетъ. Отсюда рождается цѣлый хаосъ идей относительно состоянія умершаго послѣ погребенія. Даже между племенами, утверждающими, что смерть есть уничтоженіе, мы тѣмъ неменѣе находимъ обыкновенно ничуть не сообразныя съ этимъ мнѣніемъ вѣрованія на этотъ счетъ, какъ-то, напримѣръ, вѣрованія тѣхъ африканцевъ, посѣщенныхъ Швейнфуртомъ, которые, несмотря на такой взглядъ на смерть, избѣгали нѣкоторыхъ пещеръ изъ страха злыхъ духовъ бѣглецовъ, умершихъ въ нихъ.

Хотя понятія о будущей жизни необходимо бываютъ вначалѣ очень непослѣдовательными и безсвязными, тѣмъ неменѣе мы должны разсмотрѣть здѣсь ихъ главнѣйшія черты и прослѣдить ихъ постепенное развитіе, чрезъ всѣ его ступени, до состоянія извѣстной связности и опредѣленности. Это вѣрованіе имѣетъ первоначально ограниченный и частный характеръ. Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли, что нѣкоторые племена считаютъ воскресеніе болѣе или менѣе случайнымъ, зависящимъ отъ обращенія съ трупомъ, и думаютъ, что уничтоженіе трупа ведетъ за собою полное уничтоженіе умершаго. Кромѣ того, они думаютъ, что вторичная жизнь, даже если она и наступитъ, можетъ быть приведена къ насильственному концу: двойникъ усопшаго можетъ быть убитъ снова въ битвѣ, или можетъ погибнуть на своемъ пути въ страну умершихъ, или можетъ быть съѣденъ богами. Далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существуютъ на этотъ счетъ кастовыя ограниченія; такъ, обитатели Тонга предпо-

лагають, что только вожди имѣютъ души. Въ другихъ мѣстахъ вѣрятъ, что воскресеніе зависитъ отъ поведенія и отъ его случайныхъ результатовъ. Нѣкоторые расы думаютъ, что будущая жизнь должна быть заслужена храбростью, какъ это полагають, напримѣръ, Команчи, которые ожидаютъ будущей жизни для хорошихъ людей, т. е. для людей, отличавшихся смѣлостью въ приобрѣтеніи скальповъ и въ кражѣ лошадей. И наоборотъ, судя по словамъ Бринтона, „кроткіе и невоинственные обитатели Гватемалы... были убѣждены, что умереть всякою другою смертію, кромѣ естественной, значило разрушить для себя всякую надежду на загробную жизнь; а потому они оставляли тѣла убитыхъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и звѣрямъ“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воскресеніе опять-таки было болѣе или менѣе случайно, находясь въ зависимости отъ доброй воли боговъ, напримѣръ, у древнихъ Арійцевъ, которые молили боговъ о будущей жизни и приносили жертвы, чтобы заслужить ее. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, существуетъ безмолвное предположеніе, что вторая жизнь, подобно первой, по истеченіи нѣкотораго времени, завершается второй и уже окончательной смертію.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть первобытное представленіе о будущей жизни съ другихъ его сторонъ, мы бросимъ бѣглый взглядъ на эту послѣднюю его черту, а именно на продолжительность будущей жизни.

§ 100. Одинъ изъ опытовъ, внушающихъ идею о загробной жизни, есть въ тоже время одинъ изъ опытовъ, внушающихъ идею о томъ, что и эта жизнь имѣетъ свои предѣлы; я говорю о явленіяхъ мертвецовъ въ сновидѣніяхъ. Сэръ Джонъ Лёббокъ, какъ мнѣ кажется, первый указалъ на это. Очевидно, мертвые, являющіеся и узнаваемые въ сновидѣніяхъ, должны быть людьми, хорошо извѣстными спящему; а слѣдовательно, коль скоро какой-либо давно умершій родственникъ или другъ перестаетъ являться въ сновидѣніяхъ, то о немъ перестаютъ и думать, какъ о продолжающемъ еще существовать. Коль скоро какіе-нибудь дикари, подобно Манчаньязамъ, „явно основываютъ свою вѣру въ будущую жизнь на томъ фактѣ, что ихъ друзья посѣщаютъ ихъ во время сна“, то эти дикари должны весьма естественно заключить, что если ихъ друзья перестали посѣщать ихъ во снѣ, то это значить, что они перестали существовать. Этимъ объясняется тотъ странный контрастъ, на который указываетъ сэръ Джонъ Лёббокъ, на основаніи словъ Дю-Шалю. „Спросите у негра, „гдѣ духъ его пращѣда“; онъ вамъ отвѣтитъ, что не знаетъ; съ нимъ все покончено; но спросите его о духѣ его отца или брата, который умеръ только вчера, и вы увидите, что онъ обнаружитъ всѣ признаки страха и ужаса“. А впоследствии мы увидимъ, по поводу совершенно другаго вопроса, что свѣдѣтельства, доставляемые сновидѣніями, установили въ умахъ Амазулусовъ подоб-

ное же рѣзкое различіе между душами недавно умершихъ и душами давно умершихъ, которыхъ они считаютъ умершими окончательно.

Какимъ образомъ понятіе о временной загробной жизни вырастаетъ въ понятіе о безконечной будущей жизни, — вопросъ этотъ не подлежитъ пока нашему разсмотрѣнію. Для настоящихъ нашихъ цѣлей достаточно указать, что понятіе о безконечной загробной жизни достигается лишь постепенно, путемъ многихъ промежуточныхъ ступеней.

§ 101. Каковъ же характеръ этой будущей жизни, въ которую въ одномъ случаѣ вѣрятъ лишь въ смутной и измѣнчивой формѣ, которую въ другомъ случаѣ считаютъ продолжающейся лишь нѣкоторое время и которую въ третьемъ случаѣ признаютъ безконечною?

Многіе изъ погребальныхъ обрядовъ, описанныхъ въ предыдущей главѣ, очевидно, основаны на томъ предположеніи, что жизнь, наступающая послѣ смерти, не отличается ничѣмъ отъ этой жизни; т. е. человѣческія нужды и стремленія остаются прежними. Чинуки утверждаютъ, что по ночамъ мертвецы „пробуждаются и встаютъ, чтобы поискать себѣ пищи“. Команчи думаютъ, что „мертвецамъ дозволено посѣщать землю по ночамъ, но они должны возвращаться назадъ съ наступленіемъ дня“, — суевѣріе, напоминающее намъ такое же суевѣріе, имѣвшее когда-то въ Европѣ всеобщее распространеніе; нѣтъ никакого сомнѣнія, что это вѣрованіе Команчей основано также на ихъ убѣжденіи, что мертвецамъ необходимо удовлетворять свои матеріальныя нужды. Точно также и между южно-американскими племенами мы встрѣчаемся съ фактами, доказывающими, что вторая жизнь представляется ими какъ ничуть неизмѣненное продолженіе первой: по словамъ индѣйцевъ Юкатана, смерть есть „только одно изъ происшествій жизни“. Такъ мы узнаемъ отъ Соути, что Туписы погребали умершихъ въ домѣ, „въ сидячемъ положеніи, съ запасомъ пищи, поставленнымъ передъ покойникомъ; ибо нѣкоторые изъ нихъ вѣрили, что духъ усопшаго отправляется охотиться въ горахъ и возвращается домой, чтобы ѣсть и отдыхать“.

Даже тамъ, гдѣ будущая жизнь отдѣляется, въ представленіи человѣка, отъ настоящей разрывомъ болѣе рѣшительнаго свойства, мы все-таки находимъ, что она ничѣмъ не отличается отъ настоящей, или отличается лишь очень мало. То, что рассказываютъ о Фиджійцахъ, можетъ быть сказано и о другихъ. Послѣ смерти они „воздѣлываютъ растенія, живутъ въ семействахъ, сражаются и, короче сказать, дѣлаютъ тоже самое, что дѣлаютъ люди на этомъ свѣтѣ“. Обратимъ вниманіе на общее согласіе по этому пункту.

§ 102. Пища, на которую рассчитываетъ человѣкъ въ будущей жизни, отличается отъ той, къ которой онъ привыкъ здѣсь, только лучшимъ качествомъ

и большим изобиліемъ. Иннуиты разсчитываютъ лакомиться олениной. Крики послѣ смерти отправляются туда, гдѣ „дичь находится въ изобиліи, всѣ товары до крайности дешевы, хлѣбъ растетъ круглый годъ, а источники чистой воды никогда не иссякаютъ“. Команчи ожидаютъ встрѣтить тамъ бизоновъ во всегдашнемъ изобиліи и очень жирныхъ; между тѣмъ какъ Патагонцы надѣются „наслаждаться счастьемъ быть вѣчно пьяными“. Представленія о будущей жизни, господствующія у другихъ народовъ, отличаются отъ предыдущихъ лишь постольку, поскольку пища и другія условія жизни этихъ народовъ отличаются отъ того, что имѣетъ мѣсто въ вышеприведенныхъ случаяхъ. Обитатели Ново-Гебридскихъ острововъ вѣрятъ, что въ будущей жизни „кокосовые орѣхи и плоды хлѣбнаго дерева будутъ лучшаго качества, чѣмъ здѣсь, и въ такомъ изобиліи, что человѣкъ не будетъ никогда въ состояніи истощить ихъ запаса“. Арриага говоритъ, что Перуанцы не знаютъ высшаго блаженства ни въ этой жизни, ни въ будущей, какъ имѣть хорошую ферму, которая могла бы пропитывать ихъ. Пастушескіе народы показываютъ такое же приспособленіе вѣрованія: Тодасы думаютъ, что послѣ смерти ихъ буйволы соединятся съ ними, чтобъ и въ той жизни снабжать ихъ молокомъ.

Очевидно, одинаковая пища и питье сопровождаются и одинаковыми занятіями. Тасманійцы разсчитывали „продолжать охоту съ неутомимымъ жаромъ и съ всегдашнимъ успѣхомъ“. Многіе сѣверо-американскіе индѣйцы, напримѣръ Дакоты, не только надѣются убивать неограниченное количество дичи въ ихъ „блаженной охотничьей странѣ“, но еще разсчитываютъ и на „войну съ ихъ прежними врагами“. Это напоминаетъ намъ отѣхъ ежедневныхъ сраженій и пиррахъ, которыхъ ожидали себѣ въ будущей жизни Скандинавы, и показываетъ, что эти идеи имѣли очень широкое распространеніе между народами, далеко отстоявшими другъ отъ друга и по своему происхожденію, и по своему мѣстообитанію. Чтобы видѣть, какой живостью отличаются эти идеи, слѣдуетъ припомнить тѣ обряды, которые онѣ порождаютъ.

§ 103. Всякій изъ читателей хорошо знакомъ изъ всевозможныхъ путешествій съ обычаемъ зарывать движимое имущество усопшаго вмѣстѣ съ нимъ. Этотъ обычай вырабатывается еще въ то время, когда общественное развитіе проходитъ чрезъ самыя раннія свои ступени. Вотъ нѣсколько примѣровъ, съ тѣми построеніями, которыя мы можемъ основать на нихъ.

Умершій дикарь, которому предстоитъ охотиться и сражаться, долженъ быть вооруженъ. Отсюда погребеніе оружія, снастей и утвари вмѣстѣ съ трупомъ. Тунгусскія расы кладутъ все это, вмѣстѣ съ другими принадлежавшими покойнику вещами, „на его могилу, такъ чтобы все было готово къ его услугамъ въ тотъ моментъ, когда онъ пробудится отъ того, что они считаютъ лишь

временнымъ его отдыхомъ“. По этой же выражаемой или невыражаемой причинѣ дѣлають тоже самое и Калмыки, Эскимосы, Ирокезы, Арауканцы, негры внутренности материка, Нагасы и другія дикія или полудивилизованныя племена, перечисленіе которыхъ затруднительно по ихъ слишкомъ большому числу. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ признають подобныя же нужды женщинъ и дѣтей, а потому погребаютъ съ женщинами ихъ домашнюю утварь, а съ дѣтьми ихъ игрушки.

Отшедшее другое я будетъ нуждаться въ одеждѣ. Поэтому Абионы „вѣшаютъ одежду на деревѣ, подлѣ мѣста погребенія, чтобы мертвый могъ надѣть ее, если ему вздумается выйти изъ могилы“; поэтому же Дагоманы погребаютъ съ покойникомъ, вмѣстѣ съ другою его собственностью, „лишнюю пережѣну одежды, чтобы онъ могъ надѣть ее при входѣ въ страну мертвыхъ“. Это снабженіе мертваго одеждою (иногда въ формѣ одѣванія его при погребеніи въ его „лучшее платье“, иногда же въ формѣ ежегоднаго одѣванія скелета въ новую одежду, какъ у Патагонцевъ) сопровождается погребеніемъ съ трупомъ украшеній и другихъ цѣнныхъ вещей. Часто въ описаніяхъ говорится просто о погребеніи съ умершимъ его „собственности“, какъ это разсказывается, напримѣръ, о Самоѣдахъ, западныхъ Австралійцахъ, Дамарахъ, неграхъ внутренности материка и Ново-зеландцахъ. Съ умершими Патагонцами погребается „вся ихъ собственность“; съ Нагасами — „все ихъ движимое имущество“; съ Гвинейцами — „важнѣйшія сокровища, которыми они владѣли при жизни“; съ Папуасами Новой Гвиней — „ихъ оружіе и украшенія“; съ Перуанскими Инками — „ихъ посуда и драгоценности“; съ древними Мексиканцами — „ихъ одежды, драгоценныя камни“ и пр.; съ Чипчасами — ихъ золото, изумруды и другія сокровища. Тѣло послѣдней королевы Мадагаскарской „было завернуто въ 500 шелковыхъ пеленъ, въ складкахъ которыхъ было вложено 20 золотыхъ часовъ, 100 золотыхъ цѣпочекъ, колецъ, брошекъ, браслетъ и другихъ драгоценностей, а также 500 золотыхъ монетъ“. У Мишмисовъ всѣ вещи, „необходимыя человѣку при жизни, кладутся послѣ его смерти въ домъ, построенный надъ могилой“. А Бёртонъ говоритъ, что въ Старомъ Калабарѣ для имущества умершаго строится особенный домъ на морскомъ берегу, въ которомъ ставится даже „постель, чтобы духу не приходилось спать на полу“. Это снабженіе умершаго всякой всячиной въ видахъ будущей жизни доходитъ иногда до такихъ предѣловъ, что причиняетъ большія бѣдствія оставшимся въ живыхъ. Относительно нѣкоторыхъ племенъ Золотого Берега Бичамъ говоритъ: „погребеніе обыкновенно разоряетъ бѣдное семейство въ-конецъ“. Лоу утверждаетъ, что Дайяки, кромѣ имущества умершаго, „погребаютъ иногда съ нимъ большія суммы денегъ и другія цѣнныя вещи, такъ что отецъ семейства, имѣв-

ній несчастіе потерять нѣсколькихъ членовъ семьи, часто приходитъ вслѣдствіе этого въ совершенную нищету“. А въ нѣкоторыхъ угасшихъ обществахъ Америки, послѣ погребенія усопшаго, для его вдовы и дѣтей не оставалось ничего, кромѣ той земли, которая принадлежала покойнику и которую они не могли положить въ его могилу.

Проводя послѣдовательно это понятіе о второй жизни, какъ о простомъ повтореніи первой, временно прерванной смертію, нецивилизованные народы заключаютъ, что умершій будетъ нуждаться въ будущей жизни не только въ своей неодушевленной собственности, но и въ собственности одушевленной. Отсюда возникаетъ убіеніе на могилѣ усопшаго его живаго богатства. Съ киргизскимъ княземъ погребаются „его любимыя лошади“; тоже самое мы видимъ у Якутовъ, Команчей, Патагонцевъ; у Борго съ умершимъ погребаются его лошадь и собака; у Бедуиновъ — верблюды; у Дамаровъ — рогатый скотъ; у Тодасовъ — „все стадо“; у Вишеановъ, когда человѣкъ находится при послѣднемъ издыханіи, ему привязываютъ къ ручной кисти веревкою его свиней и затѣмъ убиваютъ ихъ. Очевидно, что черепа животныхъ, которыми въ столь многихъ случаяхъ бываетъ окружена могила, показываютъ то число ихъ, которое умершій взялъ съ собою, чтобы служить ему въ его загробной жизни. Тамъ, гдѣ жизнь имѣетъ не хищнической или пастушеской, а земледѣльческой характеръ, та же самая идея побуждаетъ къ обрядамъ сроднаго характера. Чуди говорить, что въ Перу „подлѣ умершаго кладется маленькій мѣшокъ съ кокосами, мансомъ и пр., чтобы онъ могъ засѣять ими поля на томъ свѣтѣ“.

§ 104. Первобытное вѣрованіе, въ логическомъ своемъ развитіи, предполагаетъ еще нѣчто большее; оно предполагаетъ, что умершій будетъ нуждаться на томъ свѣтѣ не только въ своемъ оружіи, снастяхъ и снарядахъ, утвари, одеждѣ, украшеніяхъ и другой движимой собственности, включая сюда и его домашнихъ животныхъ, но что онъ будетъ нуждаться также и въ человѣческомъ обществѣ и услугахъ. Та обстановка, которая окружала его съ этой стороны до смерти, должна быть возобновлена и послѣ смерти.

Отсюда тѣ человѣческія закланія на могилахъ, болѣе или менѣе обширныхъ размѣровъ, которыя господствовали прежде, да и теперь еще господствуютъ въ такой широкой степени, — отсюда эти жертвоприношенія вдовъ, рабовъ, друзей. Такъ какъ существованіе этого обычая слишкомъ общеизвѣстно, чтобы требовать фактическихъ подтвержденій, то я обращусь прямо къ тому, что этотъ обычай развивается лишь по мѣрѣ того, какъ общество подвигается впередъ чрезъ наиболѣе раннія ступени своего развитія и теорія загробной жизни становится болѣе опредѣленной.

У Огнеземельцевъ, Андаманцевъ, Австралійцевъ, Тасманійцевъ, при ихъ зачаточной общественной

организациі, принесеніе въ жертву женъ для сопровожденія умершихъ мужей если и случается когда-нибудь, то случаи эти не имѣютъ достаточно общаго характера, чтобы быть замѣченными и указанными въ разсказахъ путешественниковъ. Это — обычай, обнаруживающійся лишь у болѣе прогрессивныхъ народовъ; въ Полинезій у Ново-Каледонцевъ, Фиджійцевъ и иногда у менѣе варварскихъ Тонганцевъ; въ Америкѣ у Чинуковъ, Карибовъ, Дакотовъ; въ Африкѣ у племени Конго, у негровъ внутренности материка, у береговыхъ негровъ и, въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ, у Дагомейцевъ.

Чтобы умершему доставить на томъ свѣтѣ людей, которые бы ему прислуживали, Карибы, Дакоты и Чинуки закалываютъ на его могилѣ своихъ военно-плѣнныхъ. Не перечисляя всѣхъ другихъ дикихъ и полудивилизованныхъ народовъ, которые поступаютъ подобнымъ же образомъ, я приведу только примѣръ выживанія этого обычая у гомерическихъ грековъ, которые умертвили (хотя высказанная ими побудительная причина и была другая) двѣнадцать Троянцевъ у погребальнаго костра Патрокла. Та же участь постигаетъ у многихъ племенъ и домашнюю челядь, которая умерщвляется на могилѣ умершаго съ тою же цѣлью, какъ и военно-плѣнные; Кіаны и Милапаны на Борнео умерщвляютъ рабовъ покойника; Зулусы убиваютъ прислугу умершаго короля; негры внутренности материка убиваютъ королевскихъ внуховъ для сопровожденія его умершихъ женъ; а береговые негры отравляютъ или обезглавливаютъ довѣренныхъ слугъ умершаго короля.

Далѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ даже закланіе друзей. У Фиджійцевъ главный другъ знаменитаго вождя приносится въ жертву для сопровожденія его въ страну мертвыхъ; подобный же обычай мы находимъ и у кровожадныхъ обществъ тропической Африки.

Но съ наибольшей заботливостью выполнялись всѣ эти приспособленія, для будущихъ удобствъ умершаго, въ обществахъ древней Америки, достигшихъ уже значительной высоты развитія. Въ Мексикѣ, послѣ смерти всякаго знатнаго человѣка, убивали и его капеллана для того, чтобы онъ могъ исполнять для него церковныя службы на томъ свѣтѣ, какъ и на этомъ. Хименецъ разсказываетъ объ индѣйцахъ изъ Вера-Пацъ, что „когда какое-нибудь знатное лицо находилось уже при послѣднемъ издыханіи, они немедленно закалывали всѣхъ его рабовъ, чтобы они могли опередить своего господина и приготовить для него домъ“. Кромѣ другой прислуги и приспѣшниковъ, Мексиканцы, по словамъ Клавигеро, „приносили въ жертву нѣкоторыхъ изъ тѣхъ уродовъ, которыхъ король собиралъ въ своихъ дворцахъ для развлеченія; они дѣлали это съ тою цѣлью, чтобы эти уроды могли доставлять ему то же самое удовольствіе и на томъ свѣтѣ“. Конечно, такія изысканныя предосторожности, въ видахъ того, чтобы умершій не почувствовалъ на томъ свѣтѣ недостатка въ какой бы то ни

было изъ выгодъ, которыми онъ наслаждался здѣсь, порождали чудовищныя кровопролитія. У Мексиканцевъ „число жертвъ было пропорціонально знатности и богатству умершаго и пышности погребенія; въ иныхъ случаяхъ, по утверженію нѣкоторыхъ историковъ, это число доходило до 200“; а въ Перу, когда умиралъ Инка, „на его могилѣ умерщвлялись его слуги и его любимыя наложницы, число которыхъ, говорятъ, доходило иной разъ до тысячи“.

Чтобы лучше судить о силѣ вѣрованія, побуждающаго къ такимъ обычаямъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на факты, которые доказываютъ, что жертвы часто добровольно идутъ на смерть, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже страстно желаютъ умереть съ покойникомъ. У Гуаранисовъ, въ старыя времена, нѣкоторые вѣрные послѣдователи вождя „приносили себя въ жертву на его могилѣ“. Гарсилассо говоритъ, что послѣ смерти Инки „закалывались на его могилѣ тѣ изъ его женъ, которыя выражали на это желаніе; но число желающихъ было часто такъ велико, что администрація находила себя вынужденной вмѣшиваться, говоря, что теперь уже достаточно женъ отправилось за Инкою“; а по словамъ Чиеза „нѣкоторыя изъ женщинъ, желая приобрести отъ умершаго еще большее уваженіе за ихъ вѣрную службу и видя, что окончаніе гробницы встрѣчаетъ нѣкоторыя замедленія, вѣшали сами на своихъ собственныхныхъ волосахъ и такимъ образомъ убивали себя“. Подобнымъ же образомъ Симонъ рассказываетъ намъ о Чипчаслахъ, что „они погребали вмѣстѣ съ трупомъ тѣхъ изъ женъ и рабовъ умершаго, которые наиболѣе желали этого“. Въ Африкѣ мы видимъ тоже самое. У Йорубовъ, при похоронахъ знатнаго человѣка, не только убиваются его рабы, но и „многіе изъ его друзей принимаютъ ядъ и зарываются въ могилу вмѣстѣ съ нимъ“. Въ прежнее время, въ Конго, „при погребеніи короля, дюжина молодыхъ дѣвушекъ прыгала къ нему въ могилу... и зарывалась живьемъ, чтобы служить ему на томъ свѣтѣ. Эти дѣвушки такъ ревностно желали оказать услугу умершему властителю, что нерѣдко, въ борьбѣ за то, которая прыгнетъ первую, убивали одна другую“. А въ Дагомеѣ, „послѣ смерти короля, его жены немедленно начинаютъ истреблять всю его утварь и всѣ его дорогія вещи, также какъ и свои собственныя, послѣ чего начинаютъ умерщвлять другъ друга. Въ одномъ случаѣ 285 женщинъ были убиты такимъ образомъ, прежде чѣмъ новый король могъ остановить это самоистребленіе“ ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ мы имѣемъ ключъ къ тому аномальному факту, что въ нѣкоторыхъ изъ африканскихъ королевствъ, послѣ смерти короля, все отдается на грабежъ и умерщвленіе. Примѣръ Ашантиевъ, гдѣ это истребленіе совершается родственниками короля, показываетъ намъ, что все это есть слѣдствіе воображаемой обязанности слѣдовать за королемъ, чтобы служить ему на томъ свѣтѣ.

По отношенію къ этимъ закланіямъ слѣдуетъ прибавить еще, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они слѣдуютъ за смертью даже младшихъ членовъ семейства. Кэнь говоритъ, что одинъ изъ Чинукскихъ вождей желалъ убить жену, чтобы она могла сопровождать его умершаго сына на тотъ свѣтъ. А въ Анейтеумѣ, при смерти любимаго ребенка, удавливаютъ его мать, тетку или бабушку, чтобы она могла сопровождать его въ міръ духовъ.

Какъ дальнѣйшее ограниченіе того объясненія, которое мы дали по отношенію къ кровавымъ обычаямъ этого рода, мы должны помнить, что не только нижепоставленныя личности и подчиненные приносятся въ жертву при погребеніи, съ ихъ согласія или противъ ихъ воли, но даже старшіе члены семейства и самыя высокія личности въ обществѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами рѣшаются на смерть. Фиджи — не единственное мѣсто, гдѣ старики, при наступленіи дряхлости, погребаются живьемъ своими почтительными дѣтьми: такой же обычай существуетъ на островѣ Ветъ, гдѣ старый вождь требуетъ отъ своихъ дѣтей, чтобы они поступили съ нимъ подобнымъ образомъ.

§ 105. Будущая жизнь представляется сходной съ настоящей не только по своимъ нуждамъ, занятіямъ и удовольствіямъ, но и по своему общественному устройству. Дикари думаютъ, что подчиненіе, какъ семейное такъ и политическое, сохранится и въ будущей жизни въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ здѣсь. Нѣсколько специальныхъ доказательствъ этого могутъ быть присоединены къ тѣмъ заключеніямъ, которыя слѣдуютъ изъ приведенныхъ уже нами фактовъ.

Куку утверждаетъ, что Таитяне считали, будто-бы усопшіе раздѣляются на тѣ же классы, какіе существуютъ между ними здѣсь на землѣ; Эллисъ подтверждаетъ это и говоритъ: „тѣ, которые были королями въ этомъ свѣтѣ, сохраняютъ свое королевское достоинство и тамъ на всю вѣчность“. Религія Тонганцевъ также утверждаетъ, что организація умершихъ представляетъ ту же систему ранговъ, которая существуетъ на островѣ Тонга. Тому же самому вѣрятъ и на Фиджійскихъ островахъ, причемъ „для туземнаго ума кажется всего болѣе возмутительнымъ“ вообразить себѣ, что вождь можетъ явиться на тотъ свѣтъ безъ прислуги и свиты. Чипчасы думали, что въ будущей жизни „они будутъ пользоваться услугами своей прислуги точно такимъ же образомъ, какъ и въ настоящей“. Точно тоже мы видимъ и у горныхъ племенъ Индіи; небо Кареновъ имѣетъ „своихъ властителей и своихъ поданныхъ“, а у племени Куки душа каждаго непріятеля, котораго убилъ человѣкъ, становится на небѣ его рабомъ. Тоже самое справедливо и относительно африканскихъ расъ. Форбесъ рассказываетъ намъ, что, по религіи Дагомейцевъ, въ загробной жизни существуютъ тѣ же общественные классы, что и въ настоящей. Описывая вѣ-

рованія Каффровъ, Шутеръ говоритъ, что, по ихъ предположенію, политическія и общественныя отношенія остаются и послѣ смерти тѣми же самыми, какими были при жизни. Подобное же представленіе скрывается и въ вѣрованіяхъ негровъ изъ племени Аккра, которые утверждаютъ, что въ дождливую пору года ихъ боги-хранители отправляются на поклонъ ко двору верховнаго бога.

Едва ли нужно говорить, что эта аналогія между здѣшней жизнью и жизнью загробною продолжаетъ существовать и въ представленіяхъ болѣе высокихъ расъ. Легенда объ Иштаръ, Ассирійской Венерѣ, показываетъ намъ, что мѣстообитаніе ассирійскихъ мертвыхъ, подобно самой Ассиріи, имѣло своего деспотическаго повелителя, съ назначенными имъ властителями, собиравшими подати и налоги.

Тоже самое можно сказать и о подземномъ мірѣ Грековъ. Здѣсь предъ нами двое верховныхъ властителей: страшный Аидъ и жена его Персефона; здѣсь мы имѣемъ Миноса— „законодателя мертвыхъ; онъ сидитъ на своемъ судейскомъ сѣдалищѣ, а другіе окружаютъ его, короля, и излагаютъ передъ нимъ свои тяжбы“; мы видимъ, что Ахиллу, который, по описаніямъ, „былъ почитаемъ при жизни наравнѣ съ богами“, говорятъ здѣсь: „и вотъ теперь, когда ты здѣсь, ты снова имѣешь великую силу и власть между умершими“. И не только умершіе связываются между собою тѣми же политическими и общественными отношеніями, какъ и живые люди, но и самые небожители находятся подъ игомъ тѣхъ же отношеній. Зевсъ стоитъ къ остальнымъ богамъ „точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоитъ самодержавный монархъ къ аристократіи, которой онъ есть глава“.

Точно также и въ еврейскихъ идеяхъ о будущей жизни нѣтъ недостатка въ подобныхъ же аналогіяхъ ¹⁾. Слово *Шеолъ* первоначально означало, повидимому, просто могилу, или, въ очень смутной формѣ, страну мертвыхъ, или мертвое состояніе; потомъ это слово приобрѣло болѣе опредѣленное значеніе—бѣдственнаго мѣстопробыванія умершихъ, или еврейскаго Гадеса; напоследокъ же оно развилось еще болѣе и стало означать мѣсто мученій, геенну, въ которой мы встрѣчаемъ родъ дьявольскаго правительства, представляющаго множество различныхъ градаций. По мѣрѣ того, какъ развивалась жизнь евреевъ на землѣ, развивались и еврей-

¹⁾ Первобытныя еврейскія идеи о состояніи человѣка послѣ смерти, вѣроятно, походили на идеи, находимыя нами еще и теперь у многихъ нецивилизованныхъ народовъ, которые хотя и не выражаютъ прямо вѣрованія въ будущую жизнь, однакоже сильно боятся духовъ умершихъ. Что евреи вѣрили въ духовъ умершихъ (въ тѣни, или привидѣнія), это ясно; а изъ этого вѣрованія въ духовъ умершихъ, которымъ приписывалось сначала лишь временное существованіе, развилось подъ-конецъ и у нихъ, какъ и у другихъ народовъ, вѣрованіе въ безконечную будущую жизнь.

скія представленія о жизни на небѣ; и хотя небесное устройство евреевъ и не походитъ на устройство земное со стороны домашнихъ отношеній, какъ мы это видѣли у грековъ, но зато оно вполне походитъ на него со стороны политическихъ отношеній. По мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ, еврейское ученіе предполагаетъ существованіе цѣлаго „двора“, или штата, небесныхъ существъ, — цѣлой іерархіи небожителей, имѣющихъ различныя ранги и различныя обязанности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ верховный повелитель представленъ держащимъ совѣтъ съ своими важнѣйшими слугами и принимающимъ ихъ внушенія. На небѣ существуетъ войско, раздѣленное на полки, или легіоны. Въ разныхъ мѣстахъ еврейскихъ книгъ мы находимъ указанія на раздѣленіе властей. Различные небожители поставлены надъ различными стихіями и надъ различными народами; съ этой стороны эти боги-намѣстники аналогичны младшимъ богамъ греческаго пантеона. Главное различіе между ними, кромѣ различія по происхожденію, состоитъ въ томъ, что здѣсь намѣстническій характеръ ихъ власти выраженъ гораздо яснѣе и подчиненіе верховному повелителю гораздо значительнѣе; хотя и здѣсь это подчиненіе тоже не полно: мы читаемъ о войнахъ на небѣ и о мятежникахъ, сброшенныхъ въ преисподнюю.

Что этотъ параллелизмъ продолжалъ существовать и въ періодъ христіанства, до самыхъ недавнихъ временъ, — можетъ быть доказано обильнымъ рядомъ свидѣтельствъ. Въ 1407 году Пѣти, профессоръ теологіи парижскаго университета, изображалъ Бога какъ феодальнаго государя, небо — какъ феодальное королевство, а Люцифера — какъ возмущившагося вассала. „Онъ обманулъ множество ангеловъ и привлекъ ихъ въ свою партію, такъ что они обязаны были впродъ ему ленною службою, послушаніемъ и почтеніемъ, какъ ихъ суверенному господину, безъ какихъ бы то ни было обязанностей подданства по отношенію къ Богу. Люциферъ желалъ установить свое правительство, на манеръ правительства Бога и независимо отъ какого бы то ни было подчиненія или подданства этому послѣднему.... Св. Михаилъ, узнавъ о его намѣреніяхъ, пришелъ къ нему и сказалъ, что онъ поступаетъ очень дурно....“ и т. д. „Между ними возгорѣлась битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ приняло участіе множество ангеловъ, но наибольшее число ихъ было за Св. Михаила“. (Смотри *Monstrelet*, кн. I, гл. 39). Очевидно, что подобнаго же взгляда придерживался и нашъ протестантъ Мильтонъ.

§ 106. Указавъ на такой параллелизмъ общественныхъ системъ въ здѣшней и въ будущей жизни, неизбежно указать и на тѣсное общеніе между той и другой жизнью. Вторая жизнь первоначально связывается съ первой — по мощью частыхъ и прямыхъ сношеній. Такъ, у Дагомейцевъ частыя человѣко-

истребленія объясняются тѣмъ, что „они періодически снабжаютъ усопшаго монарха въ міръ тѣней новыми слугами“ и что „о каждомъ дѣйствиіи короля, какъ бы ничтожно оно ни было, должно быть почтительно донесено его предшественнику въ царствѣ тѣней“, для чего и отправляется къ нему посланецъ. У Каффровъ система обращенія подчиненныхъ съ просьбами къ своимъ властителямъ и старѣйшимъ развита до такой степени, что она обнимаетъ и тѣхъ, которые перешли въ другую жизнь: такъ „Каффръ иногда призываетъ духъ усопшаго вождя, чтобы онъ принудилъ его предковъ благословить его въ его дѣлѣ“. Рядомъ съ этимъ можетъ быть упомянуть еще болѣе странный примѣръ, а именно перенесеніе торговыхъ сдѣлокъ изъ одной жизни въ другую: въ нѣкоторыхъ случаяхъ люди занимаютъ деньги „въ здѣшной жизни, чтобы выплатить ихъ, съ присоединеніемъ высокихъ процентовъ, въ будущей.“

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, понятія расъ цивилизованныхъ лишь медленно удалялись отъ понятій дикихъ расъ. Читая, что когда одно изъ племенъ Амазулу враждуетъ съ другимъ, то духи-предки одного изъ этихъ племенъ сражаются съ духами-предками другаго, мы невольно вспоминаемъ исторію о тѣхъ сверхъестественныхъ существахъ, которыя участвовали въ битвахъ во время троянской войны, причемъ одни изъ нихъ принимали сторону грековъ, а другіе—сторону троянцевъ. Мы вспоминаемъ также при-этомъ, что евреи думали, будто-бы „ангелы различныхъ народовъ сражались между собою въ небесахъ въ то время, когда подчиненные имъ народы вели между собою войну на землѣ“. Далѣе, мы знаемъ, что само христіанство, въ его наиболѣе распространенныхъ формахъ, допускаетъ значительное общеніе между обитателями здѣшняго міра и обитателями того свѣта. Живые молятся за упокоеніе и блаженство умершихъ, а канонизированныхъ умершихъ умоляютъ о внимательствѣ въ пользу живыхъ.

§ 107. Вторая жизнь, представляемая себѣ какъ простое повтореніе первой со стороны разсмотрѣнныхъ нами отношеній, представляется какъ повтореніе первой и со стороны поведенія, чувствъ и нравственного кодекса.

По свидѣтельству тибетской космогоніи, боги сражались когда-то между собою. Боги Фиджійцевъ „горды и мстительны; они ведутъ между собою войны, убиваютъ и ѣдятъ другъ друга, такъ что на самомъ дѣлѣ они такіе же дикари, какъ сами Фиджійцы“. Они хвастаются такими именами, какъ „прелюбодѣй“, „жено-крадъ“, „мозго-ѣдъ“, „убійца“. Духъ усопшаго фиджійскаго вождя, явившись на тотъ свѣтъ, рекомендуется такою похвалой: „я разорилъ много селеній и умертвилъ многихъ на войнѣ“. Этотъ параллелизмъ между критеріями поведенія въ здѣшней и въ будущей жизни представляетъ собою вообще типъ параллелизма, повторяющагося повсюду на низшихъ ступеняхъ прогресса, и

напоминаетъ намъ о такомъ же параллелизмѣ критеріевъ поведенія въ настоящей и загробной жизни у тѣхъ древнѣйшихъ расъ, литературы которыхъ дошли до нашихъ временъ.

Загробная жизнь умершихъ грековъ, разсматриваемая съ этической стороны, не представляетъ достаточно ясныхъ отличительныхъ чертъ. Впрочемъ, тѣ черты, которыя мы въ состояніи подмѣтить, оказываются согласными съ нравственной физиономіей ежедневной земной жизни грековъ. Ахиллъ и въ Гадесѣ думаетъ о мести и радуется, слыша объ успѣхѣ своего сына въ битвѣ и объ избіеніи его враговъ; Аяксъ все-еще сердится на то, что Улиссъ одержалъ надъ нимъ верхъ; а тѣнь Геркулеса описывается грозно проходящей по Аиду и пугающей окружающихъ ее тѣней. Въ мірѣ безсмертныхъ тоже самое: „борьба на землѣ есть только отраженіе борьбы на небесахъ“. Марсъ изображается польщеннымъ такими титулами, какъ „человѣкоубійца“ и „запятнанный кровью“. Ревность и месть представляютъ здѣсь главные побудительные мотивы. Мошеннически обманывая другъ друга, безсмертные надуваютъ также и людей ложными видѣніями, и даже интригуютъ совместно, какъ Зевсъ и Аѳина, чтобы побудить къ нарушенію договора, исполненіе котораго было обезпечено торжественными клятвами. Легко оскорбляющіеся и неумолимые, они возбуждали по отношенію къ себѣ точно такой же страхъ, какой внушали къ себѣ демоны первобытному человѣку. И одинъ изъ актовъ, которымъ легче всего было возбудить противъ себя ихъ гнѣвъ, — пренебреженіе тѣми обрядами, которые выражаютъ покорность и подчиненность. Подобно тому, какъ Амазуду настоящаго времени должны бояться гнѣва духовъ своихъ предковъ лишь въ томъ случаѣ, если недостаточно возвеличивали и прославляли ихъ, или если забывали призывать ихъ имена при закланіи быковъ; подобно тому, какъ у Таитянь „единственное преступленіе, наказываемое неудовольствіемъ ихъ божествъ, — пренебреженіе какими-либо почтительными обрядами или церемоніями и непринесеніе подобающихъ жертвъ“; — точно также и характеръ Олимпійцевъ, судя по описаніямъ, былъ таковъ, что самое тяжкое оскорбленіе, не прощаемое ими никогда, состояло въ пренебреженіи къ нѣкоторымъ актамъ умиловленія. Тѣмъ неменѣе, слѣдуетъ замѣтить, что ничѣмъ не смягченное звѣрство, которое проявляется въ сказаніяхъ о древнѣйшихъ богахъ, въ исторіяхъ о болѣе позднихъ богахъ оказывается смягченнымъ въ очень значительной степени. Вслѣдствіе указаннаго нами согласія между нравственнымъ кодексомъ здѣшней жизни и нравственнымъ кодексомъ, приписываемымъ существамъ того свѣта (все равно, будутъ ли они считаться духами усопшихъ, или чѣмъ инымъ), — поведеніе греческихъ божествъ, описанное въ Иліадѣ, представляетъ уже игру сравнительно

болѣе высокихъ побудительныхъ мотивовъ, соотвѣтственно поведенію самихъ грековъ гомерическаго періода.

Точно также и въ нравственномъ критеріи, господствующемъ въ горнемъ мірѣ евреевъ, поскольку можно судить объ этомъ критеріи на основаніи тѣхъ дѣйствій, которыя, по ихъ рассказамъ, удостоивались божественнаго одобренія, мы не можемъ не видѣть подобнаго же сходства съ нравственнымъ критеріемъ, господствующимъ въ земной жизни евреевъ, хотя сходство это и менѣе полно. Покорность, или подчиненность, продолжаетъ быть главной добродѣтелью. Коль скоро дурныя дѣйствія представляютъ результатъ послушанія, дѣйствія эти прощаются или даже и вовсе не считаются дурными. — — — . Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что нравственный кодексъ неба и рая, выступающій изъ еврейскихъ книгъ, хотя и отражаетъ собою кодексъ народа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень варварскаго, но въ тоже время въ другихъ отношеніяхъ уже достигшаго значительной нравственной высоты. Справедливость и милосердіе входятъ у евреевъ въ нравственный критерій какъ земной, такъ и неземной жизни въ такой степени, въ какой они не проявляются въ нравственныхъ критеріяхъ менѣе развитыхъ народовъ.

§ 108. Это приводитъ насъ къ послѣднему факту, который осталось еще рассмотреть, а именно къ отклоненію цивилизованной идеи о загробной жизни отъ первобытной идеи о томъ же предметѣ. Конечно, первобытное представленіе о будущей жизни, какъ о простомъ продолженіи, или повтореніи, настоящей, становится все менѣе и менѣе допустимымъ и возможнымъ, по мѣрѣ того какъ накопленіе знанія и болѣе ясная мысль дѣлаютъ все болѣе и болѣе замѣтными обусловливаемыя этимъ представленіемъ несообразности и непоследовательности; отсюда являются постепенныя видоизмѣненія первобытнаго понятія. Взглянемъ же на главныя различія между древнѣйшими и новѣйшими идеями по этому предмету.

Подлѣйшая матеріальность загробной жизни, въ первобытномъ представленіи о ней, составляющая необходимое послѣдствіе первобытнаго представленія о другомъ я, какъ о чемъ-то вполнѣ вещественномъ, ясно обнаруживается изъ всѣхъ приведенныхъ нами выше свидѣтельствъ. Скрываясь какимъ-то непонятнымъ образомъ отъ взоровъ, умершій тѣмъ неменѣе ѣсть, пить, охотится и сражается, какъ и прежде. Какъ матеріальна приписываемая ему жизнь, — мы можемъ видѣть изъ тѣхъ фактовъ, что Каффы „переламаваютъ или сгибаютъ принадлежащее умершему оружіе въ тѣхъ видахъ, чтобы духъ его, вернувшись какъ-нибудь въ полночь, не ранилъ кого-либо имъ“; а Австралійцы отрѣзываютъ правый большой палецъ у убитаго врага, чтобы духъ его былъ не способенъ бросать дротикъ.

Но истребленіе тѣла, посред-

ствомъ сжиганія или какимъ-либо другимъ способомъ, стремится произвести нѣсколько видоизмѣненное представленіе объ оживающемъ другомъ я, разсматриваемомъ съ физической его стороны; оно стремится усилить ту идею о нѣсколько менѣе вещественномъ другомъ я, которую уже внушаютъ нѣкоторые опыты изъ области сновидѣній, и порождаетъ идею о менѣе вещественной загробной жизни. Проявленіе этой видоизмѣненной идеи мы можемъ видѣть въ обычаѣ сжигать, или истреблять какимъ-либо инымъ способомъ, вещи, предназначенныя для употребленія умершаго. Мы уже упоминали о тѣхъ случаяхъ (§ 84), когда пища, поставленная подлѣ трупа, сжигается вмѣстѣ съ нимъ; въ другихъ случаяхъ, съ тою же цѣлью, сжигается вся собственность умершаго. Въ Африкѣ этотъ обычай очень обыкновененъ: у Кузасовъ вдовы вождя „сжигаютъ всю домашнюю утварь“; Богосы (береговые негры) поступаютъ точно такимъ же образомъ, но присоединяютъ сюда и всѣ запасы пищи; „даже рисъ не избѣгаетъ сожженія“. У Команчей есть обычай сжигать оружіе умершаго. Въ другихъ случаяхъ оружіе, снасти и другая движимость просто изламываются. Франклинъ говоритъ о Чинпевейцахъ: „эти несчастные не падаютъ ни одной вещи послѣ смерти близкихъ родственниковъ; ихъ одежда, покрывала, палатки изрѣзываются въ куски; ихъ ружья изламываются и все другое ихъ оружіе приводится въ совершенную негодность къ употребленію“. Мысль, скрывающаяся въ этомъ обычаѣ, состоитъ, очевидно, въ томъ, что души всѣхъ этихъ вещей отправляются за душой усопшаго; а эта мысль необходимо сопровождается другой скрытой мыслью, именно, что загробная жизнь физически отлична отъ здѣшней жизни; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это выражается открыто: такъ, нѣкоторые дикари утверждаютъ, что души потребляютъ внутреннюю сущность приношеній, а не самое вещество ихъ.

Еще болѣе рѣшительнымъ образомъ выражается, повидимому, это измѣненіе въ представленіи о загробной жизни въ странномъ обычаѣ истреблять лишь модели вещей, принадлежавшихъ умершему. Этотъ обычай, господствующій у Китайцевъ, былъ недавно снова описанъ Дж. Томсономъ, который, въ своемъ сочиненіи *Straits of Malacca* и пр., рассказываетъ, какъ двѣ тоскующія вдовы предавали пламени „огромныя бумажныя изображенія домовъ, мебели, лодокъ, носилокъ и даже прислуги мужскаго и женскаго пола“. Ясно, что загробная жизнь, для которой могутъ предполагаться полезными сожженные изображенія разныхъ вещей, должна представляться какъ жизнь очень туманнаго свойства, какъ настоящая жизнь тѣней.

Дѣятельности и наслажденія загробной жизни, представляемыя себѣ первоначально какъ тождественныя съ дѣятельностями и наслажденіями здѣшней жизни, съ теченіемъ времени также начинаютъ представляться какъ болѣе или ме-

нѣе отличныя отъ этихъ послѣднихъ. Кромѣ того факта, что вначалѣ хищническія расы ожидаютъ въ будущей жизни такихъ же хищническихъ занятій, только выполняющихся съ большимъ успѣхомъ, а расы, живущія земледѣліемъ, ожидаютъ, что и въ будущей жизни они будутъ сѣять и пожинать, точъ въ точъ какъ и въ здѣшней, мы имѣемъ здѣсь еще фактъ, что даже по достиженіи болѣе высокаго общественнаго состоянія, предполагаемаго употребленіемъ денегъ, погребеніе денегъ вмѣстѣ съ тѣломъ обнаруживаетъ и здѣсь вѣрованіе въ то, что въ будущей жизни также существуетъ купля и продажа; и даже тамъ, гдѣ мы видимъ въ этомъ случаѣ сожиганіе поддѣльныхъ денегъ, фольговыхъ, несомнѣнно существуютъ остатки того же самого вѣрованія. Но параллелизмъ между настоящей и будущей жизнью и здѣсь переходитъ постепенно въ расхожденіе. Мы не будемъ стараться прослѣдить всѣ постепенныя видоизмѣненія, имѣющія тутъ мѣсто, и обратимся прямо къ распространенному теперь понятію о будущей жизни, по которому наши повседневныя занятія и забавы не находятъ себѣ въ этой жизни никакого мѣста и по которому тамъ не женятся и не выдають замужъ. Тѣмъ неменѣе, эта будущая жизнь, представляемая себѣ какъ такая, въ которой всѣ дни — воскресенья, проводимыя „въ религиозныхъ собраніяхъ и упражненіяхъ, не прерывающихся ни на минуту“, все-таки оказывается сходной съ нѣкоторой частью здѣшней жизни, хотя и не совпадающей съ среднимъ времяпрепровожденіемъ жизни земной.

Точно также и форма общественнаго порядка, приписываемая загробному міру, становится постепенно отличною отъ той его формы, которую мы знаемъ здѣсь, на землѣ. Вначалѣ и форма правленія, и кастовыя различія, и рабскія учрежденія, наблюдаемыя на землѣ, переносятся воображеніемъ въ загробный міръ. Но хотя въ представленіяхъ о томъ свѣтѣ, господствующихъ у наиболѣе цивилизованныхъ расъ, аналогія между общественнымъ порядкомъ на небѣ и въ здѣшнемъ мірѣ не исчезаетъ совершенно, однакоже общественное устройство того свѣта уже значительно уклоняется отъ устройства земнаго. Хотя градаціи, которыя мы видимъ въ іерархіи небожителей, и находятся въ нѣкоторомъ отношеніи съ тѣми градаціями, которыя мы наблюдаемъ вокругъ себя, однакоже имъ приписывается тамъ другое основаніе, т. е. тѣ неравенства, которыя наше воображеніе создаетъ на томъ свѣтѣ, имѣють другое происхожденіе, чѣмъ неравенства, существующія на землѣ.

Тоже самое слѣдуетъ сказать о нравственныхъ представленіяхъ и о подразумѣваемыхъ ими чувствахъ. Параллельно тѣмъ эмоціональнымъ видоизмѣненіямъ, которыя имѣли мѣсто въ продолженіе цивилизаціи, происходили и значительныя видоизмѣненія въ вѣрованіяхъ, относящихся къ кодексу поведенія и къ критерию добра въ загробной жизни. Религія вражды, дѣлающая изъ

международной мести долъ для всякаго хорошаго гражданина и изъ успѣшнаго отмищенія—его славу, должна исчезнуть вполнѣ и уступить мѣсто религіи безграницаго дружелюбія. Тѣмъ неменѣе, нѣкоторыя чувства и побудительные мотивы, господствующіе теперь, должны остаться въ будущемъ и уцѣлѣть въ представленіяхъ о томъ свѣтѣ. Любовь къ одобренію, которая принадлежитъ на землѣ къ господствующимъ страстямъ, представляется господствующей страстью и въ будущей жизни. Выраженіе похвалы и полученіе одобренія фигурируютъ какъ главные источники блаженства на томъ свѣтѣ.

Подъ-конецъ мы замѣчаемъ, что здѣшняя жизнь и будущая далеко расходятся между собою и связь между ними слабѣетъ. Первоначально люди вѣрятъ, что между обитателями здѣшняго міра и обитателями того свѣта происходятъ непрерывныя сношенія. Дикарь ежедневно умиляетъ умершаго, а умершій, по его понятіямъ, ежедневно помогаетъ или мѣшаетъ дѣйствіямъ находящагося въ живыхъ. Это тѣсное общеніе между двумя мірами, существующее на древнѣйшихъ ступеняхъ цивилизаціи, постепенно становится менѣе тѣснымъ. — — — . Хотя обмѣнъ услугъ между двумя мірами продолжался и на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи и продолжается даже и теперь, однакоже исчезновеніе соответственныхъ обычаевъ у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ указываетъ на полное раздѣленіе здѣшней и будущей жизни въ ихъ мысли.

Итакъ, подобно тому, какъ идея о смерти становится постепенно все болѣе отличной отъ идеи о простой пріостановкѣ жизни, а ожидаемое воскресеніе мертвыхъ представляется какъ долженствующее наступить въ болѣе и болѣе отдаленномъ времени, такъ точно и различіе между загробною и здѣшнею жизнью становится мало по малу все болѣе рѣшительнымъ. Загробная жизнь начинаетъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ здѣшней жизни и по своей меньшей матеріальности, и по возрастающему несходству занятій, и по другому роду общественнаго порядка, и по своимъ наслажденіямъ, все болѣе и болѣе удаляющимся отъ простыхъ чувственныхъ наслажденій, и по болѣе высокому мѣрлу хорошаго поведенія, приписываемому этой жизни. Дифференцируясь такимъ образомъ отъ здѣшней жизни по своей природѣ, загробная жизнь удаляется все болѣе и болѣе отъ здѣшней: общеніе между ними уменьшается и появляется все большій и большій промежутокъ между окончаніемъ одной жизни и началомъ другой.

ГЛАВА XV.

ИДЕИ О ЗАГРОБНОМЪ МІРѢ.

§ 109. Описывая въ предыдущей главѣ идеи о загробной жизни, я приводилъ многіе отрывки, въ которыхъ выступали идеи и о загробномъ мірѣ, или о другомъ свѣтѣ, гдѣ происходитъ эта другая жизнь. Эти два ряда идей такъ тѣсно связаны между собою, что ни объ одномъ изъ нихъ нельзя говорить безъ случайныхъ ссылокъ на другой. Однако я намѣренно оставилъ второй рядъ идей для отдѣльной главы, какъ потому, что вопросъ о той мѣстности, въ которой проходитъ загробная жизнь, по людскимъ понятіямъ, есть совершенно отдѣльный вопросъ, такъ и потому, что представленія людей объ этой мѣстности претерпѣваютъ такіа видоизмѣненія, которыя будетъ очень поучительно прослѣдить въ ихъ порядкѣ и въ ихъ причинахъ.

Это изслѣдованіе покажетъ намъ, что, съ помощью процесса, сроднаго съ тѣми, которые были рассмотрѣны нами выше, мѣстопребываніе умершихъ постепенно удаляется отъ мѣстопребыванія живыхъ и дѣлается все менѣе на него похожимъ.

§ 110. Первоначально эти два міра совпадаютъ. Первобытное ученіе о душахъ заставляетъ дикаря думать, что его умершіе родственники находятся по-близости отъ него. Въ томъ, что онъ возобновляетъ пищу на ихъ могилахъ, или умиливаетъ ихъ другимъ какимъ-либо образомъ, скрывается мысль, что они находятся неподалеку или что они скоро вернутся назадъ. Дикарь дѣйствительно такъ и думаетъ.

Эллисъ разсказываетъ, что Сандвичане думаютъ, будто-бы „духи усопшихъ блуждаютъ около мѣстъ ихъ перваго обитанія“; а Мадагаскарцы предполагаютъ, что духи ихъ предковъ часто посѣщаютъ свои гробницы. Бернау раз-

сказываетъ, что Гвіанцы предполагаютъ, будто „всякое мѣсто, гдѣ умеръ кто-нибудь, посѣщается въ послѣдствіи привидѣніями“. Точно тоже мы видимъ во всей Африкѣ. Обитатели Золотого Берега, по словамъ Круикшанка, думаютъ, что „духъ остается подлѣ того мѣста, гдѣ было погребено тѣло“; а восточные африканцы, „повидимому, воображаютъ, что души держатся всегда по-близости отъ мѣстъ погребенія“. Мало того, это предполагаемое тожество мѣстообитанія умершихъ и живыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже еще тѣснѣе. Ливингстонъ говоритъ, что въ странѣ, лежащей къ сѣверу отъ Замбези, „всѣ вѣрятъ, что души умершихъ все-еще находятся среди живыхъ и что онѣ раздѣляютъ съ ними какимъ-то образомъ пищу, которую тѣ ѣдятъ“. Подобнымъ же образомъ, по словамъ Бастіана, „на Алеутскихъ островахъ невидимыя души или тѣни умершихъ блуждаютъ между своими живыми дѣтьми“.

Нѣкоторые погребальныя обряды приводятъ къ вѣрованію въ особое, специальное мѣстопробываніе умершаго, находящееся по-близости; такимъ мѣстопробываніемъ служить заброшенный домъ или деревня, гдѣ жилъ умершій. Камчадалы „часто удаляются жить въ какое-нибудь другое мѣсто изъ той хижины, въ которой умеръ кто-нибудь, причемъ они не берутъ трупа съ собою“. У Лепчасовъ, домъ, который былъ посѣщенъ смертью, „почти всегда покидается оставшимися въ живыхъ его обитателями“. Причина, побуждающая къ такому оставленію жилища умершаго, достаточно очевидна; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она указывается прямо. Если умершій индѣецъ изъ племени Крикъ „былъ человѣкомъ сколько-нибудь выдающимся, семья его немедленно покидаетъ домъ, въ которомъ онъ жилъ и въ которомъ онъ погребается, и воздвигаетъ новое жилище; ибо они вѣрятъ, что мѣсто, гдѣ положены кости ихъ мертвеца, всегда посѣщается привидѣніями“. Различные африканскіе народы имѣютъ такой же обычай. Въ Валонда, человѣкъ покидаетъ хижину и садъ, гдѣ умерла любимая его жена, и если посѣщаетъ въ послѣдствіи это мѣсто, то лишь для того, „чтобы помолиться ей или принести ей жертву“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ еще болѣе обширное отступленіе отъ мѣста, посѣщенного смертью. Колбанъ говоритъ, что Готтентоты переносятъ свой крааль (село) на другое мѣсто, когда умереть одинъ изъ его обитателей. О Бубисахъ въ Фернандо По Бастіанъ рассказываетъ, что когда одинъ изъ жителей деревни умираетъ, то остальные покидаютъ эту деревню. А въ Томсоновскомъ описаніи Бечуановъ мы читаемъ: „послѣ смерти Маллагуана, городъ (Латтаку) былъ перенесенъ на другое мѣсто, согласно обычаю этой страны“.

Въ этихъ случаяхъ мы видимъ примѣръ полнѣйшей послѣдовательности. Изъ другихъ разсмотрѣнныхъ нами первобытныхъ идей прямо возникаетъ эта

первобытная идея, что вторая жизнь проводится въ той же самой мѣстности, въ которой прошла первая.

§ 111. Въ другихъ мѣстахъ мы находимъ кое-какія мелкія видоизмѣненія этого вѣрованія: область, посѣщаемая душами умершихъ, становится обширнѣе. Хотя онѣ и посѣщаютъ свои старыя жилища, но держатся обыкновенно на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ.

Ново-каледонцы предполагаютъ, что „души усопшихъ удаляются въ кустарники“; а Тёрнеръ говоритъ, что „Самоанцы думаютъ, будто духи бродятъ въ кустарникахъ“. То же самое вѣрованіе, съ небольшимъ лишь отличіемъ, мы находимъ и у нѣкоторыхъ африканцевъ. Береговые негры думаютъ, что въ кустарникахъ живутъ дикіе люди, которые зазываютъ къ себѣ ихъ души, чтобы сдѣлать изъ нихъ своихъ рабовъ; а по понятіямъ Булломова демоны низшаго порядка обитаютъ въ кустарникахъ, по-близости селеній, демоны же высшаго порядка живутъ далѣе.

Въ другихъ случаяхъ, міръ усопшихъ, все-еще находясь по-близости отъ міра живыхъ, помѣщается на какой-нибудь сосѣдней горѣ. Генезисъ этого вѣрованія совершенно ясенъ. Карибы погребали своихъ вождей на холмахъ; Команчи — „на самомъ высокомъ изъ окрестныхъ холмовъ“; также и Патагонцы, по словамъ Фипроя, погребаютъ умершихъ на вершинахъ высочайшихъ холмовъ; наконецъ, въ Западной Аравіи, по разсказамъ Буркгардта, кладбища „помѣщаются обыкновенно на вершинахъ горъ или около такихъ вершинъ“. Этотъ обычай и вышеприведенное, сопровождающее его, вѣрованіе находятся иногда въ очевидной связи. Мы видѣли, что обитатели Борнео помѣщаютъ кости своихъ умершихъ на самыхъ недоступныхъ пикахъ и гребняхъ горъ; вслѣдствіе этого, по словамъ Лоу, горные Дайяки вѣрятъ, что вершины болѣе высокихъ холмовъ и горъ населены духами; а Сентъ-Джонъ говоритъ о Дайякахъ долинъ: „на вопросъ о ихъ состояніи послѣ смерти, они указываютъ на самую высокую изъ окрестныхъ горъ, какъ на жилище ихъ усопшихъ друзей“. Впрочемъ, есть много и другихъ мѣстностей, въ которыхъ загробный міръ представляется гористымъ. Эллисъ разсказываетъ, что въ Таити „Небо... всего чаще помѣщается по-близости... отъ знаменитой Тамагани, убожища духовъ усопшихъ, извѣстной горы, находящейся на сѣверо-западной сторонѣ Райатеа“. Мы уже видѣли выше (§ 97), что такое же вѣрованіе господствуетъ на Мадагаскарѣ. Наконецъ я могу прибавить еще, что сэръ Джонъ Леббокъ утверждаетъ, со словъ Дюбуа, что „жилища блаженства находятся, по словамъ нѣкоторыхъ индусскихъ писателей, на обширныхъ горахъ, расположенныхъ на сѣверѣ Индіи“.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ мѣстообитаніи умершихъ, близ-

комъ къ міру живыхъ. Тамъ, гдѣ для погребенія употреблялись пещеры, онѣ естественно сдѣлались предполагаемыми мѣстами обитанія умершихъ, а отсюда въ послѣдствіи развилось понятіе о подземномъ загробномъ мірѣ. Уже обыкновенное погребеніе въ землю, соединяясь съ вѣрованіемъ въ двойника, который постоянно то уходитъ скитаться, то снова возвращается въ могилу, способно, можетъ быть, внушить человѣку идею, подобную идеѣ Хондовъ, которые помѣщаютъ всѣхъ своихъ боговъ (духовъ предковъ) во внутренности земли: „они вѣрятъ, что ихъ боги обитаютъ подъ землею, откуда могутъ выходить наверхъ и снова возвращаться назадъ по своей волѣ“. Но очевидно, что погребеніе въ пещерахъ стремится придать этому представленію еще болѣе развитую форму. Профессоръ Нильсонъ, указавъ въ своемъ „Каменномъ Вѣкѣ“ на то, до какой степени людскіе остатки, находимые въ пещерахъ, подтверждаютъ преданія, распространенныя во всей Европѣ и Азій, упомянувъ о цѣлыхъ деревняхъ-пещерахъ, искусственно высѣченныхъ въ горахъ людьми въ ту пору, когда они стали слишкомъ многочисленными, чтобы довольствоваться естественными пещерами, и напомнивъ, что, вмѣстѣ съ проживаніемъ въ пещерахъ, въ нихъ совершалось и погребеніе, замѣчаетъ далѣе, что „этотъ послѣдній обычай, подобно всѣмъ религіознымъ обычаямъ, сохранялся еще долгое время послѣ того, какъ люди начали жить въ настоящихъ домахъ“. Эта связь между обычаями можетъ быть прослѣжена во многихъ частяхъ земнаго шара, но въ-особенности очевидна въ Америкѣ, гдѣ мы находимъ ее, начиная отъ Огненной Земли, по направленію къ сѣверу, вплоть до Мексики, какъ это указано въ § 87. И, вмѣстѣ съ нею, мы находимъ, во многихъ случаяхъ, представленіе о подземной области, въ которую отправляются умершіе. Мы можемъ указать, напримѣръ, на Патагонцевъ, которые вѣрятъ, что „нѣкоторые изъ нихъ должны возвратиться послѣ смерти въ тѣ божественныя пещеры, гдѣ они были созданы и гдѣ обитаетъ ихъ особенное божество“.

§ 112. Впрочемъ, чтобы понять генезисъ этого послѣдняго вѣрованія, мы должны рассмотретьъ его вмѣстѣ съ генезисомъ вѣрованія въ болѣе отдаленность тѣхъ мѣстностей, гдѣ обитаютъ умершіе. Чтò заставляеть человѣка замѣнить идею о близкомъ загробномъ мірѣ, находящемся такъ-сказать подъ рукою, идеею о сравнительно отдаленномъ загробномъ мірѣ? Отвѣтъ на это не труденъ: миграція или переселеніе.

Разсматривая формы, въ которыя должны облекаться сновидѣнія у людей, недавно переселившихся изъ своей страны, мы увидимъ, что изъ этихъ формъ должно возникнуть вѣрованіе въ такой загробный міръ, котораго умершіе могутъ достигнуть только послѣ длиннаго путешествія. Сохраняя въ сердцѣ привязанность къ родственникамъ и друзьямъ, покинутымъ на преж-

немъ мѣстѣ обитанія, и подвергаясь болѣзни, называемой тоскою по родинѣ (нерѣдко въ чрезвычайно значительной степени, какъ это видно изъ показаній Ливингстона, который говоритъ, что нѣкоторые негры умирали отъ этой болѣзни), нецивилизованные люди, изгнанные войною или голодомъ изъ своихъ прежнихъ обиталищъ, должны часто видѣть во снѣ тѣ мѣста и тѣхъ людей, которыхъ они оставили на родинѣ. Ихъ сновидѣнія, — передаваемые и принимаемые самымъ первобытнымъ образомъ, т. е. какъ дѣйствительныя происшествія и опыты, — понимались такъ, какъ будто-бы они во время сна посѣщали свои старыя жилища. Каждый день, то одинъ, то другой изъ нихъ видѣлъ подобный сонъ, и такимъ образомъ понятіе о посѣщеніи родины во время сна становилось все болѣе и болѣе обыкновеннымъ. Чтѣ же должно было произойти здѣсь въ случаѣ смерти, истолковываемой такъ, какъ истолковываетъ ее себѣ первобытный человѣкъ? Другое я нахожусь въ продолжительномъ отсутствіи; спрашивается, куда оно отправилось? Очевидно, оно ушло въ то мѣсто, куда и прежде часто ходило, но откуда каждый разъ возвращалось назадъ. Теперь оно не возвратилось. Этотъ человѣкъ и раньше желалъ вернуться назадъ на родину и часто говорилъ, что когда-нибудь уйдетъ туда. И вотъ, теперь онъ сдѣлалъ то, о чемъ говорилъ.

Съ этимъ объясненіемъ смерти мы встрѣчаемся повсюду; причемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно выражается открыто и совершенно опредѣленно, а въ другихъ — только подразумѣвается, но такъ, что не оставляетъ мѣста никакому сомнѣнію. Когда умиралъ Инка, Перуанцы говорили, что „онъ былъ отозванъ домой, въ жилище своего отца, солнца“. Льюисъ и Клэркъ рассказываютъ, что „когда Манданцы умираютъ, то надѣются вернуться въ первобытныя обиталища своихъ предковъ“. „Не думайте,—говорилъ одинъ Новозеландскій вождь, — что я земнаго происхожденія: я пришелъ съ неба; всѣ мои предки тамъ; они — боги; и я современемъ возвращусь къ нимъ“. Если смерть застанетъ Сантала вдали отъ рѣки, одинъ изъ его родственниковъ уноситъ частицу его тѣла къ ближайшей рѣкѣ и „бросаетъ ее въ потокъ, чтобы онъ отнесъ ее въ отдаленную восточную страну, изъ которой пришли предки умершаго“. Въ сосѣднихъ странахъ эта же самая, ясно выраженная, цѣль заставляетъ бросать въ потокъ все тѣло умершаго. Точно также, мы знаемъ, что „тевтонскія племена представляли себѣ будущую жизнь такимъ образомъ, что низводили смерть къ простому возвращенію домой,—къ возвращенію къ ихъ общему отцу“. Посмотримъ же, насколько выводимыя на основаніи подобнаго вѣрованія заключенія согласуются съ фактами.

Переселенія происходили по всѣмъ возможнымъ направленіямъ; поэтому, на основаніи нашей гипотезы, должно было возникнуть много различныхъ вѣрованій

касательно того направленія, въ которомъ находится загробный міръ. Это мы и находимъ въ дѣйствительности. Я разумѣю здѣсь не только то, что эти вѣрованія оказываются различными въ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ свѣта, но въ-особенности — тотъ фактъ, что они оказываются различными въ предѣлахъ каждой сколько-нибудь значительной площади; притомъ эти различія между ними часто именно таковы, какихъ мы можемъ ожидать на основаніи нашихъ свѣдѣній о путяхъ, которыми извѣстные племена, вѣроятно, достигли своихъ теперешнихъ обиталищъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ они оказываются согласными съ сохранившимися у этихъ племенъ на этотъ счетъ преданіями.

Такъ, въ Южной Америкѣ, Чоносы, по словамъ Сноу, „ведутъ свое происхожденіе отъ западныхъ народовъ, живущихъ по ту сторону океана“, и рассчитываютъ вернуться назадъ по этому направленію послѣ смерти. О сосѣднихъ съ ними Арауканцахъ Томсонъ рассказываетъ намъ, что „послѣ смерти они уходятъ на западъ, за море“. Перуанцы, принадлежавшіе къ племени побѣдителей и владыкъ, рассчитывая отправиться послѣ смерти на востокъ, поворачивали трупы усопшихъ лицомъ къ востоку; но Перуанцы первобытной, покоренной расы, жившіе на берегу, не имѣли этого обычая. Рай гвіанскихъ Оттомаковъ находится на западѣ; между тѣмъ какъ рай обитателей Центральной Америки находился тамъ, „гдѣ восходитъ солнце“. Въ Сѣверной Америкѣ, Чинуки, живущіе подъ высокими широтами, помѣщаютъ свое небо на югъ, точно также какъ и Чиппевейцы; между тѣмъ какъ племена, обитающія болѣе южныя части континента, помѣщаютъ свою „блаженную охотничью страну“ на западѣ. Переходя въ Азію, мы находимъ, что рай Калмыковъ находится на западѣ; рай племени Куки на сѣверѣ; рай Тодасовъ, тамъ, „гдѣ садится солнце“. Наконецъ, такія же различія открываемъ мы и въ вѣрованіяхъ обитателей Полинезійскихъ острововъ. На Эроманга предполагаютъ, что „духи умершихъ уходятъ на востокъ“; а на Лифу думаютъ, что „духъ чело-вѣка уходитъ послѣ его смерти на западъ, въ мѣсто, называемое Лоча“.

Въ одномъ изъ приведенныхъ нами случаевъ было уже показано, что положеніе трупа имѣетъ соотношеніе съ тѣмъ направленіемъ, по которому должна отправиться душа умершаго, причемъ это соотношеніе, ясное уже и само по себѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается прямо. Такъ, Смитъ рассказываетъ намъ, что Арауканцы помѣщаютъ тѣло умершаго въ сидячемъ положеніи, съ лицомъ, обращеннымъ къ западу, т. е. въ томъ направленіи, гдѣ находится страна духовъ. Андерсонъ говоритъ, что Дамары кладутъ трупъ лицомъ къ сѣверу, „чтобы напомнить оставшимся въ живыхъ о томъ, откуда они первоначально пришли“. Точно также и сосѣдніе съ ними Бечуаны обращаютъ лице своихъ труповъ въ томъ же самомъ направленіи.

Параллельно этимъ представленіямъ, различающимся между собою совершенно различными antecedentes этихъ кочующихъ племенъ, существуютъ и различныя идеи относительно характера того путешествія, которое предстоитъ послѣ смерти; причемъ предпринимаются и соотвѣтственные приготовленія для этого путешествія. Есть путешествіе въ подземный міръ; есть путешествіе чрезъ обширную наземную страну; есть путешествіе вдоль по рѣкѣ и есть путешествіе черезъ море. Каждый изъ этихъ особенныхъ родовъ путешествія сопровождается соотвѣтственными ему идеями и обрядами.

Какъ уже сказано выше, происхожденіе отъ троглодитовъ, доказываемое какъ нахожденіемъ пещерныхъ останковъ, такъ и сохранившимися преданіями, порождаетъ цѣлую группу вѣрованій относительно появленія на свѣтъ человека, и кромѣ того (въ соединеніи съ ожиданіемъ возвращенія послѣ смерти въ жилище предковъ), — еще другую группу вѣрованій касательно мѣстопоименія загробнаго міра. „По крайней мѣрѣ половина всѣхъ племенъ, населяющихъ Америку, думаетъ, что человекъ былъ сотворенъ впервые подъ землею или въ скалистыхъ пещерахъ горъ“, говоритъ Кэтлинь. Такое понятіе едва ли могло возникнуть между людьми, предки которыхъ не обитали въ пещерахъ. При отсутствіи у нихъ достаточнаго запаса знаній и силы мысли, а также при отсутствіи языка, способнаго выразить различіе между порожденіемъ и сотвореніемъ, ихъ преданія должны были неизбѣжно представлять имъ, что они были сотворены въ пещерахъ, или, въ болѣе неопредѣленной формѣ, что они вышли изъ земли. Смотра по тому, сохраняютъ ли эти легенды спеціально-мѣстный характеръ (что, по всей вѣроятности, должно имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстныя пещеры, въ которыхъ прежде обитало данное племя, находятся по-близости отъ его теперешнихъ жилищъ), или же онѣ получаютъ болѣе общій характеръ (что должно, вѣроятно, произойти въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣло мѣсто переселеніе племени въ другія страны), это вѣрованіе можетъ принять ту или другую форму. Въ одномъ случаѣ, возникнутъ исторія, подобная той, которая разсказывается въ странѣ Базутовъ, гдѣ существуетъ пещера, изъ которой, по словамъ туземцевъ, они всѣ произошли когда-то; или подобная той, о которой упоминаетъ Ливингстонъ, разсказывая о пещерѣ, которая находится подлѣ деревни Сечеле и о которой обитатели этой деревни говорятъ, что она есть „жилище божества“. Въ другомъ случаѣ, тутъ возникнутъ идеи, подобныя тѣмъ, какія существуютъ еще и теперь у Тодасовъ, которые думаютъ, что ихъ предки вышли изъ-подъ земли; или подобныя идеямъ древнихъ историческихъ расъ, которыя считали „мать-землю“ источникомъ всѣхъ существъ. Впрочемъ какъ бы это ни произошло, мы находимъ, вмѣстѣ съ вѣрованіемъ въ подземное происхожденіе людей, и вѣрованіе въ подземный

загробный миръ, въ которомъ усопшіе встрѣчаются съ своими предками. Не останавливаясь долго на томъ впечатлѣніи, которое должны были производить и производили на первобытные умы такія обширныя, развѣтвляющіяся пещеры, какъ Мамонтова пещера въ Кентуки, или Беллармарская пещера во Флоридѣ, припомнимъ только, что въ известковыхъ формаціяхъ, распространенныхъ по всему земному шару, вода всегда промывала длинныя, развѣтвляющіяся проходы (приводящіе изслѣдователя въ одномъ направленіи — къ непроходимой пропасти, въ другомъ — къ подземной рѣкѣ, въ прочихъ же случаяхъ — къ узкимъ трещинамъ), и мы поймемъ, что вѣрованіе въ безгранично-простирающійся подземный миръ должно было возникнуть почти навѣрное. Если мы припомнимъ то легковѣріе, какое обнаруживаетъ наше собственное деревенское населеніе во всякой мѣстности, гдѣ существуетъ озеро или болото, считающееся бездоннымъ, для насъ будетъ очевидно, что пещеры, даже не особенно значительнаго протяженія, но неизслѣдованныя до конца, до ихъ послѣднихъ развѣтвленій, должны были очень легко превращаться въ воображеніи окрестныхъ жителей въ безконечныя и считаться волующими извилистыми, темными путями въ мрачныя области ада. А тамъ, гдѣ такая пещера, служившая первоначально жилищемъ, употреблялась, въ то же время или впоследствии, и для погребенія и слѣдовательно считалась населенною душами предковъ, тамъ необходимо должно было возникнуть вѣрованіе въ то, что посмертное путешествіе къ жилищу предковъ оканчивается нисхожденіемъ въ Гадесъ ¹⁾.

Тамъ, гдѣ путешествіе, оканчивающееся такимъ образомъ, или оканчивающееся какимъ-либо другимъ образомъ, бываетъ длиннымъ, оно требуетъ для себя подходящихъ приготовленій. Этимъ объясняется употребленіе вещей, погребаемыхъ вмѣстѣ съ трупомъ; отсюда — палица, влагаемая въ руку умершаго Фиджійца, чтобъ онъ каждую минуту былъ готовъ къ самозащитѣ; отсюда приборъ для метанія дротика, прикрѣпляемый къ пальцу умершаго Новокаледонца; отсюда „адская обувь“, которой снабжался умершій Скандинавъ; отсюда закланіе въ жертву коня или верблюда, чтобы было на чемъ сдѣлать утомительный путь; отсюда тѣ паспорта умершимъ, которыми Мексиканцы думали устранять для нихъ нѣкоторыя изъ опасностей; отсюда собачья голова,

¹⁾ Когда эти строки были уже отданы въ печать, мнѣ указали одно фактическое подтвержденіе этого предположенія. Если мы сопоставимъ первобытный еврейскій обычай — погребать своихъ мертвыхъ въ пещерахъ (обычай, на который указываетъ сдѣланная Авраамомъ покупка) съ тѣмъ фактомъ, что шеолъ значитъ буквально «пещера», то мы будемъ имѣть право заключить, что, параллельно съ развитіемъ двойника умершаго въ вѣчно-бессмертную душу, шло также развитіе пещеры въ подземный миръ.

которую Эскимосы кладутъ на могилу ребенка, въ тѣхъ видахъ, чтобы эта собака служила ему путеводителемъ въ страну душъ; отсюда деньги на уплату за перевозъ и подарки для смягченія встрѣчныхъ демоновъ.

Конечно, у тѣхъ племенъ, переселенія которыхъ сопровождались одинаковыми препятствіями и затрудненіями, мы должны ожидать встрѣтить нѣкоторое семейное сходство и въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыми обставленъ въ ихъ воображеніи этотъ возвратный путь, совершаемый послѣ смерти. Босманъ рассказываетъ намъ, что небо негровъ Золотого Берега есть „какая-то область внутри континента, называемая Босманке“, и что по дорогѣ въ эту страну приходится переправляться черезъ рѣку. Весьма естественно, что, у континентальныхъ народовъ, эта переправа черезъ рѣку представляетъ всегда самое важное событіе въ описаніи посмертнаго путешествія. Сухопутное переселеніе рѣдко могло обойтись безъ того, чтобы не встрѣтить по дорогѣ какой-нибудь большой рѣки. Вслѣдствіе неимѣнія лодокъ, переправа черезъ такую рѣку всегда должна фигурировать въ послѣдующихъ преданіяхъ какъ главное изъ затрудненій, которыя пришлось преодолѣть переселенцамъ; а вторичная переправа черезъ нее будетъ разсматриваться какъ главное изъ препятствій, предстоящихъ умершему въ его возвратномъ путешествіи. Въ иныхъ случаяхъ, какъ на примѣръ у нѣкоторыхъ американскихъ племенъ, предполагаемое возвращеніе души обратно въ тѣло прямо объясняется тѣмъ, что ей не удалось переправиться черезъ рѣку. Такъ объясняютъ они возвращеніе въ себя послѣ столбняка: другое я, испытавъ неудачу при переправѣ черезъ рѣку, вернулось назадъ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что именно это представленіе объ опасности, которой сопровождается переправа черезъ рѣку, — опасности столь большой, что, разъ избѣжавъ ее, умершій уже не встрѣчаетъ серьезныхъ помѣхъ, — породило извѣстное повѣрье, будто-бы духи не могутъ переноситься черезъ бѣгущую воду.

Въ томъ случаѣ, когда переселяющееся племя достигаетъ своего новаго мѣстообитанія не посредствомъ сухопутнаго путешествія по странѣ, а поднимаясь вверхъ по какой-нибудь рѣкѣ, его преданіе объ этомъ переселеніи и основанное на немъ представленіе о возвратномъ путешествіи къ жилищу предковъ принимаютъ другія формы и вызываютъ другія приготовленія. Въ нѣкоторыхъ странахъ, отличающихся чрезчуръ роскошной растительностью, рѣки представляютъ если не единственную возможность доступа во внутренность страны, то во всякомъ случаѣ наиболѣе легкій способъ для этого. Гумбольдтъ рассказываетъ, что въ Южной Америкѣ людскія племена распространяются вдоль по рѣкамъ и ихъ притокамъ, между тѣмъ какъ лѣса, лежащіе между этими рѣками, остаются непроницаемыми и недоступными для человѣка. Подобное же

распределение населенія мы находимъ и на Борнео, гдѣ болѣе цивилизованныя, вторгнувшіяся извнѣ, расы расположились вдоль рѣкъ и морскаго побережья и гдѣ страна, очевидно, была заселена чрезъ проникновеніе внутрь ея, вверхъ по рѣкамъ. Отсюда объясняются нѣкоторые изъ погребальныхъ обрядовъ, встрѣчаемыхъ на Борнео. Сентъ-Джонъ говоритъ, что Канавиты имѣютъ обычай складывать значительную часть имущества умершаго вождя въ утлый челнокъ и пускать его по теченію рѣки. Раджа Брукъ рассказываетъ, что „Малапаны имѣли прежде обычай класть трупъ умершаго вождя въ лодку, вмѣстѣ съ его мечемъ, съѣстными припасами, одеждою и пр.; тутъ же часто приковывалась цѣпью одна изъ его рабынь; затѣмъ эта лодка съ трупомъ, имуществомъ и рабынею пускалась по рѣкѣ въ море“. Достоино замѣчанія, что, описавъ это, какъ обычай прошедшаго времени, онъ говоритъ, что въ настоящее время „такая лодка кладется подлѣ могилы вождя“: — примѣръ того, какимъ путемъ видоизмѣняются обряды и затемняется ихъ значеніе. Я могу прибавить здѣсь еще одинъ такой примѣръ, доставляемый намъ Чинуками, которые кладутъ тѣло умершаго въ челнокъ и оставляютъ его въ немъ на берегу рѣки; но при-этомъ они всегда ставятъ челнокъ носомъ внизъ по теченію рѣки.

Путешествіе на тотъ свѣтъ внизъ по рѣкѣ приводитъ насъ почти безъ всякаго промежуточнаго перехода къ послѣднему роду путешествія въ загробный міръ, — къ путешествію черезъ море. Мы обыкновенно находимъ это путешествіе тамъ, гдѣ имѣло мѣсто переселеніе по морю. Небо Тонганцевъ находится на какомъ-то отдаленномъ островѣ. Хотя мы не имѣемъ яснаго представленія о томъ, гдѣ помѣщается Булу, фиджійское мѣстообитаніе блаженныхъ, однакоже „фактъ, что до него нельзя достигнуть иначе, какъ въ лодкѣ, показываетъ, что оно отдѣлено отъ этого свѣта водою“. Описывая входъ въ Самоанскій Гадесъ, который будто-бы находится „на западномъ концѣ острова Савайи“, Тёрнеръ говоритъ, что „для достиженія этого входа духъ (если это былъ духъ человѣка, жившаго на другомъ островѣ) принужденъ бывалъ совершать путешествіе отчасти по землѣ, отчасти вылавъ черезъ проливъ или черезъ проливы и моря“. Онъ также рассказываетъ, что „Самоанцы говорятъ про умершаго вождя: онъ отплылъ“. Рядомъ съ этими ясными утвержденіями относительно характера загробнаго путешествія, или вмѣсто такихъ утвержденій, мы имѣемъ въ другихъ случаяхъ погребальные обычаи, значеніе которыхъ видно уже само по себѣ, и при отсутствіи прямыхъ объясненій. Эллизъ рассказываетъ, что на Сандвичевыхъ островахъ подлѣ могилы нерѣдко находятъ часть челнока. Ангаъ говоритъ, что въ Новой Зеландіи, которая была населена вторгнувшимися въ нее Полинезійцами, подлѣ могилы, или въ самой могилѣ, ставится часть челнока, или цѣлый челнокъ, иной разъ съ парусами и веслами. Въ тоже самое

время, показаніе Томсона, утверждающаго, что тѣло ново-зеландскаго вождя завертывается въ циновку и кладется въ гробъ, имѣющій форму челнока, указываетъ намъ здѣсь на видоизмѣненіе въ обычай, бросающее свѣтъ на другія такіа видоизмѣненія. Познакомившись съ этими обрядами въ такихъ обиталищахъ, которыхъ люди могли достигнуть только при помощи лодокъ, мы уже не можемъ усомниться въ настоящемъ значеніи подобныхъ же обрядовъ, когда встрѣтимъ ихъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Мы уже упоминали, что Чоносы, которые живутъ въ западной Патагоніи и ведутъ свое происхожденіе отъ западнаго народа, живущаго по ту сторону океана, разсчитываютъ возвратиться послѣ смерти назадъ къ своимъ предкамъ; теперь намъ остается прибавить къ этому, что „они погребаютъ своихъ умершихъ въ челнокахъ, близости отъ моря“. Объ Арауканцахъ, которые обладаютъ такими же преданіями и питаютъ такіа же надежды, мы также читаемъ, что и у нихъ вождь погребается иногда въ лодкѣ. Бонвикъ утверждаетъ объ Австралійцахъ, что въ прежнее время, въ Портъ-Джэксонъ, тѣло пускалось на воду въ челнокъ изъ древесной коры; а Ангасъ говоритъ, что въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ умершихъ нерѣдко кладутъ, вмѣсто гроба, въ челнокъ изъ древесной коры. Этотъ послѣдній обычай опять показываетъ намъ, какимъ образомъ обрядъ, имѣвшій первоначально совершенно ясное значеніе, принимаетъ современемъ такую форму, въ которой это значеніе становится менѣ яснымъ.

Подобные же факты, съ подобнымъ же значеніемъ, находимъ мы и въ сѣверномъ полушаріи. Россъ разсказываетъ намъ, что у Чинуковъ „всѣ, за исключеніемъ однихъ только рабовъ, погребаются въ челнокахъ или въ деревянныхъ гробахъ“; а Бастіанъ говоритъ, что Остяки „погребаютъ умершихъ въ лодкахъ“; подобные же обычаи существовали и у нашихъ скандинавскихъ предковъ.

§ 113. Здѣсь намъ само собою представляется объясненіе еще одного факта. Именно, мы видимъ, какимъ образомъ среди одного и того же общества можетъ возникнуть, а при извѣстныхъ условіяхъ даже неизбежно возникаетъ, вѣрованіе въ два или большее число загробныхъ міровъ. Когда переселеніе соединяется съ покореніемъ другаго племени и когда народы, имѣющіе различныя преданія, организуются въ одно общество, то для каждаго изъ нихъ будетъ существовать отдѣльное жилище предковъ, куда уходятъ души умершихъ. Тамъ, гдѣ физическія и душевныя отличія указываютъ на различное происхожденіе управляющихъ и управляемыхъ классовъ, мы обыкновенно находимъ вѣрованіе въ различные загробные міры для тѣхъ и для другихъ. Такъ на островѣ Самоа вѣрятъ, что „для вождей предназначено на томъ свѣтѣ особое мѣсто, называемое Пулоту“. Отъ Ангаса мы узнаемъ, что у Ново-зеландцевъ погреб-

беніе въ челнокѣ, соединенное съ ожиданіемъ возвращенія въ землю предковъ, ограничивается одними только вожжами. Нѣкоторые Тонганцы, хотя и не всѣ, думаютъ, что только вожди имѣютъ души и отправляются послѣ смерти въ Болоту, или ихъ небо; что, по всей вѣроятности, зависить оттого, что преданія болѣе недавней расы пришельцевъ-побѣдителей относительно яснѣе и прочнѣе, а потому и вѣрованіе въ ихъ возвратное путешествіе также отличается большей ясностью и силою. Употребляя добытый нами такимъ образомъ ключъ къ разумѣнію фактовъ, мы можемъ прослѣдить теперь и то, какъ эти различные загробные міры для различныхъ классовъ одного и того же общества, не имѣвшіе вначалѣ никакой связи съ нравственностью, т. е. съ соблюденіемъ признаннаго въ данномъ обществѣ кодекса нравственности, могутъ превратиться постепенно въ различные загробные міры для хорошихъ и дурныхъ членовъ общества. Припоминая, что слово *vilain* (низкій, подлый), имѣющее теперь столь гнусное значеніе, обозначало когда-то просто „раба“, а слово *noble* (благородный) обозначало прежде лишь извѣстное высокое общественное положеніе, мы не можемъ сомнѣваться въ склонности древняго общественного мнѣнія отождествлять подчиненность со всѣмъ дурнымъ, а обладаніе силою и властью со всѣмъ хорошимъ. Припоминая также, что побѣдители образуютъ обыкновенно изъ себя военную касту новаго амальгамированного общества, между тѣмъ какъ побѣжденные становятся рабами, не участвующими въ сраженіяхъ и войнахъ, и что въ обществахъ, сложившихся этимъ путемъ, достоинство измѣняется военнымъ мужествомъ, мы увидимъ еще одну причину, почему различные загробные міры покорителей и покоренныхъ, представлявшіе первоначально лишь различныя жилища ихъ различныхъ предковъ, превращаются впоследствии въ различныя загробныя мѣста для достойныхъ (хорошихъ) и недостойныхъ (дурныхъ) людей. Поэтому, весьма естественно, что тамъ, гдѣ туземная раса, происходящая отъ пещерныхъ обитателей, будетъ покорена пришлою расой, подъ-конецъ случится, что различныя мѣста, въ которыя разсчитываютъ отправиться послѣ смерти представители этихъ двухъ расъ, дифференцируются постепенно въ мѣста, предназначенныя: одно — для хорошихъ, а другое—для дурныхъ людей. Тутъ, очевидно, возникнетъ подъ-конецъ нѣчто подобное вѣрованію обитателей Никарагуа, которые думали, что дурные люди (т. е. тѣ, которые умираютъ дома, въ постели) отправляются подъ землю, въ Миктантеотъ, тогда какъ хорошіе люди (т. е. тѣ, которые умираютъ въ битвахъ) отправляются служить богамъ въ ту сторону, откуда восходитъ солнце, въ страну, изъ которой явился маисъ. Непокоренные чужеземцами потомки обитателей пещеръ вовсе не смотрятъ на подземный міръ какъ на мѣсто бѣдствій и несчастій, что мы можемъ видѣть на примѣрѣ Патагонцевъ. Напротивъ,

они рассчитываютъ вернуться послѣ смерти въ „божественныя пещеры“ именно для того, чтобы вести тамъ пріятную жизнь, вмѣстѣ съ богамъ, правящимъ этою страною крѣпкихъ напитковъ. Но гдѣ случалось покореніе туземныхъ потомковъ обитателей пещеръ пришлою расою, какъ въ Мексикѣ, тамъ подземный міръ разсматривается если не какъ мѣсто наказанія, то во всякомъ случаѣ какъ относительно-непріятное и неудобное мѣсто.

Конечно, возникающія такимъ образомъ представленія будутъ неодинаковы въ различныхъ случаяхъ, сообразно antecedентамъ, существующимъ для каждаго изъ этихъ случаевъ. При-этомъ тутъ должны возникнуть безконечныя видоизмѣненія въ вѣрованіяхъ въ эти различные загробныя міры и столь же безконечныя несообразности и противорѣчія между этими вѣрованіями. Но для насъ важенъ здѣсь фактъ, что такая подземная адская обитель, подобная Гадесу грековъ, представлявшаяся первобытнымъ потомкамъ троглодитовъ не только не страшною, но даже желательною, можетъ дифференцироваться со временемъ въ печальное мѣстопробываніе усопшихъ, а подѣ-конецъ даже въ мѣсто наказанія, главнымъ образомъ въ силу контраста съ лучшими мѣстами, въ которыя отправляются другія души,—т. е. съ Западными островами, предназначенными для отличившихся особеннымъ мужествомъ, или съ небесными обителями, предназначенными для любимцевъ боговъ. Затѣмъ мы должны замѣтить здѣсь еще тотъ фактъ, что негостепріимныя области, въ которыя побѣдители прогоняютъ непокорившихся имъ туземцевъ, доставляютъ подобнымъ же образомъ матерьялъ для представленія о Тартарѣ или Гееннѣ ¹⁾.

§ 114. Прилагая тотъ же общій способъ истолкованія, мы можемъ объяснить и послѣднее представленіе о томъ свѣтѣ, которое намъ осталось еще разсмотрѣть,—а именно представленіе о загробномъ мірѣ, какъ о находящемся выше здѣшняго міра или внѣ его. Переходъ отъ горной обители къ обители горней, или отъ обители на вершинахъ горъ къ обители на небѣ, при томъ понятіи, которое имѣютъ о небѣ первобытные люди, не представляетъ никакихъ затрудненій.

¹⁾ Когда эти строки находились уже въ печати, я нашелъ въ самой древней изъ всѣхъ извѣстныхъ легендъ, а именно въ Вавилонской легендѣ о потопѣ, доказательство того, что небо, въ представленіяхъ того времени, было ничто иное, какъ страна, изъ которой пришла раса покорителей. Мѣстопробываніе боговъ, куда былъ перенесенъ, по словамъ этой легенды, Кеизитрусь за свое благочестіе, находилось «у Персидскаго залива, подлѣ устья Евфрата»; а Дж. Смитъ доказываетъ, что это была та священная страна, изъ которой вышли существа, обучившія Вавилонянъ всякимъ искусствамъ,—существа, которымъ они поклонялись какъ богамъ.

Погребение на возвышенностях находится въ обычаѣ у многихъ народовъ, и мы уже видѣли, что есть мѣста, какъ напримѣръ Борнео, гдѣ, вмѣстѣ съ обычаемъ погребать останки вождей на какомъ-нибудь трудно-доступномъ горномъ пикѣ, существуетъ вѣрованіе, что души усопшихъ обитаютъ на вершинахъ горъ. Что это вѣрованіе порождено именно названнымъ обычаемъ, это для данного случая весьма вѣроятно, хотя, какъ мы сейчасъ увидимъ, подобное же вѣрованіе можетъ повидимому имѣть въ другихъ случаяхъ совершенно другое происхождение. Но здѣсь для насъ достаточно будетъ замѣтить только то, что „высочайшія изъ окрестныхъ горъ“ считаются населенными душами усопшихъ; а также и то, что при неразвитости языка дикарей жизнь на горныхъ пикахъ, уходящихъ въ небеса, легко смѣшивается съ жизнью на небесахъ. Припоминая, что первоначально небо считается куполомъ, который поддерживается этими высокими пиками, мы поймемъ, что дикарь навѣрное выведетъ здѣсь заключеніе, что души, живущія на этихъ пикахъ, должны имѣть доступъ на поддерживаемую ими небесную твердь. Разъ установившись, это вѣрованіе допускаетъ дальнѣйшее развитіе. Напримѣръ, тутъ легко можетъ возникнуть представленіе о нѣсколькихъ небесахъ, находящихся одно надъ другимъ, и обитаемыхъ различными классами духовъ, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высокихъ.

Но, какъ мы уже намекнули выше, кромѣ этого происхожденія представленія о небесномъ мірѣ, — происхожденія, связаннаго съ вѣрою въ то, что души умершихъ людей живутъ на вершинахъ горъ или на небесахъ, — возможно и даже вѣроятно еще другое происхождение такого представленія, ничуть не связанное съ этою вѣрою, но, напротивъ того, населяющее небесную обитель отлочною отъ людей расою существъ. Посмотримъ же, какіе факты внушаютъ первобытному человѣку такое вѣрованіе.

Люди всегда пользовались возвышенными мѣстностями съ цѣлью защиты; употребленіе такихъ мѣстностей съ этою цѣлью можетъ быть прослѣжено назадъ, чрезъ цивилизованные періоды, до временъ наиболѣе варварскихъ. То, что показываютъ намъ наши собственные замки, новыя и древнія укрѣпленія на Рейнѣ, средневѣковые города и деревни, вѣнчающіе собою вершины холмовъ въ Италіи, и разбросанныя тамъ и сямъ укрѣпленія, взмостившіяся на вершины почти недоступныхъ пиковъ въ разныхъ странахъ Востока, тоже самое мы видимъ и повсюду, гдѣ челоѣчество нѣсколько переросло первобытное дикое состояніе и гдѣ условія страны представляютъ удобныя для того мѣста. Годуа описываетъ укрѣпленіе, стоявшее на возвышенности въ древнемъ Мексико; Чипчасы дѣлали окопы на холмахъ; Перуанцы укрѣпляли вершины горъ рядами рововъ и валовъ. И вторгавшіяся расы, и расы, подвергавшіяся чужеземнымъ вторженіямъ, утилизировали такимъ образомъ естественныя высоты, господствовавшія надъ окрестною страню.

Остатки римскихъ окоповъ на нашихъ собственныхъ холмахъ напоминаютъ намъ о такомъ ихъ употребленіи. Итакъ, для всякаго ясно, что во время враждебныхъ столкновеній между расами и покореній однихъ расъ другими, происходившихъ постоянно на земномъ шарѣ, нерѣдко должно было случаться, что раса-покорительница овладѣвала высокимъ укрѣпленіемъ, господствовавшимъ надъ побѣжденною мѣстностью; послѣ чего господство этой расы существовало совмѣстно съ постояннымъ обладаніемъ этой крѣпостью на горной высотѣ. Разсказъ Раджи Брука о его продолжительной борьбѣ съ однимъ изъ горныхъ вождей на Борнео показываетъ намъ, что должно было, по всей вѣроятности, имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная крѣпость находилась во владѣніи болѣе высокой расы, чѣмъ раса туземныхъ обитателей. Противникъ Раджи Брука укрѣпился на почти неприступномъ утесѣ, на вершинѣ Садока, — горы около 5000 футовъ высотой, окруженной другими болѣе низкими горами. Эта гора, описываемая Раджею Брукомъ какъ „суровая и величественная“, фигурируетъ въ легендахъ и пѣсняхъ Дайяковъ, какъ „Великая Гора, къ которой не дерзаетъ приблизиться никакой врагъ“. Первая попытка взять это укрѣпленіе окончилась полнѣйшей неудачей; вторая попытка, при которой была пущена въ дѣло небольшая мортира, тоже потерпѣла неудачу; и только помощь гаубицы, втащенной на верхъ, съ дикими воплями, сотнею Дайяковъ, дала возможность привести третью попытку къ успѣшному концу. Этотъ мятежный вождь, выгнанный изъ своего убожища лишь съ помощью орудіи и искусства цивилизованныхъ расъ, весьма естественно держалъ въ страхѣ всѣ окрестныя племена. „Дѣдушка Рентапъ“, какъ его обыкновенно называли, отличался безграничной свирѣпостью и самоуправствомъ; онъ нерѣдко убивалъ своихъ собственныхъ людей и презиралъ установленные обычаи; въ числѣ прочихъ своихъ подвиговъ, онъ взялъ себѣ вторую жену отъ родителей, не желавшихъ этого союза; онъ увлекъ ее въ свое гнѣздо и, отославъ старую жену, сдѣлалъ молодую супругу королевой Садока. Вмѣстѣ съ своими послѣдователями и съ подчиненными ему вождями, Лайанчомъ, Нанангомъ и Лойохомъ, командовавшими второстепенными укрѣпленіями, которыя служили ему передовыми постами, онъ былъ грозой окрестнаго населенія и былъ непобѣдимъ для всей совокупности туземныхъ силъ. Личность его уже начала окружаться ореоломъ суевѣрій. Туземцы полагали, что „змѣи находятся въ какой-то таинственной связи съ предками Рентапа; иные же просто говорили, что души его предковъ обитаютъ въ этихъ гнусныхъ созданіяхъ“.

Теперь, если вмѣсто туземнаго вождя, живущаго такимъ образомъ въ облакахъ (которыя, между прочимъ, сильно мѣшали послѣднему штурму крѣпости Садока) и спускающагося отъ времени до времени внизъ для выполненія мстительной угрозы, вождя,

держашаго въ страхѣ всю окрестную страну и дающаго поводъ къ разсказамъ, вырастающимъ уже при его жизни въ настоящія суевѣрія, мы предположимъ повелителя, принадлежащаго къ расѣ пришельцевъ, которые принесли съ собою знанія, искусства, ремесла, орудія и житейскія изобрѣтенія, неизвѣстныя прежде туземцамъ, и на которыхъ эти туземцы смотрятъ какъ на существа высшаго рода, точь въ точь какъ дикари смотрятъ теперь на цивилизованныхъ людей, — то увидимъ, что здѣсь неизбѣжно возникнутъ легенды насчетъ этой высшей расы, гнѣздящейся въ небесахъ. Принявъ въ соображеніе, что эти же самые Дайяки представляютъ себѣ божественныя существа столь мало отличными отъ людей, что ихъ верховный богъ и творецъ, Тана, живеть, по ихъ описаніямъ, „въ домѣ вродѣ малайскаго.... а одѣтъ онъ какъ Дайякъ“, мы увидимъ, что, въ предположенномъ нами случаѣ, побѣдитель, живущій при такихъ условіяхъ, былъ бы навѣрное облеченъ божественными свойствами. И если при-этомъ страна принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ частыя засухи воспитали вѣру въ насылателей дождей и „пастырей небесныхъ стадъ“ (облаковъ) и гдѣ, какъ у Зулусовъ, существуетъ вѣра въ вѣдуновъ управляющихъ погодой, способныхъ „спорить съ грозой и градомъ“ и даже „послать молнію въ другаго вѣдуна, чтобъ испытать его силу и искусство“, — то этотъ повелитель, живущій на вершинѣ утеса, около котораго образуются облака и отъ котораго приносятся бури, будетъ безъ всякаго колебанія сочтенъ творцомъ атмосферическихъ перемѣнъ, т. е. явится въ воображеніи окрестнаго населенія громовержцемъ, держащимъ въ своей рукѣ молнію ¹⁾.

Кромѣ приписыванія этому повелителю власти надъ стихіями, тутъ непременно возникнутъ исторіи о его нисхожденіяхъ изъ небесной обители внизъ на землю, о его появленіяхъ между людьми и любовныхъ похожденіяхъ съ ихъ дочерьми. Дайте только немного времени, чтобы такія легенды и истолкованія могли облечься въ преувеличенныя и идеализированныя формы; пусть только факты будутъ увеличены хоть въ такой мѣрѣ, какъ извѣстный подвигъ Самсона съ ослиною челюстью, или подвиги Ахилла, „затопившаго землю кровью“, и Рамзеса II, из-

¹⁾ Одно изъ вѣрованій древнихъ Мексиканцевъ представляетъ хороший примѣръ убѣжденія, что существа, живущія тамъ, гдѣ собираются облака, суть причинители этихъ явленій. «Тлалокъ, или иначе Тлалокатейктли (господинъ рая), былъ богомъ воды. Они называли его оплодотворителемъ земли... онъ жилъ на самыхъ высокихъ горахъ, гдѣ обыкновенно образуются облака.... Древніе вѣрили также, что на всѣхъ высокихъ горахъ живутъ еще другіе боги, подчиненные Тлалоку. Эти боги.... были почитаемы не только какъ боги воды, но также и какъ боги горъ». Клавигеро, кн. VI, гл. 4 и 5.

бывшаго собственной рукою 100,000 враговъ,—и мы достигнемъ идеи о небѣ, какъ о жилищѣ сверхчеловѣческихъ существъ, повелѣвающихъ стихіями и силами природы и наказывающихъ людей ¹⁾).

Я знаю, что это толкованіе будетъ названо эвгемеристическимъ и что, назвавъ его такимъ образомъ, міеологи, взгляды которыхъ теперь въ модѣ, сочтутъ, что они совершенно устранили его. Въ настоящую минуту я не могу приводить дальнѣйшихъ доказательствъ моего взгляда, выраженнаго здѣсь лишь болѣе или менѣе случайнымъ образомъ. Но въ послѣдствіи, послѣ того, какъ я докажу, что онъ согласуется со всѣми фактическими данными, которыя мы имѣемъ относительно первобытныхъ способовъ мышленія, я надѣюсь также показать, что многочисленные факты, относящіеся къ нынѣ-существующимъ нецивилизованнымъ и полу-цивилизованнымъ расамъ, не доставляютъ никакой поддержки для теорій, принимаемыхъ большинствомъ міеологовъ, и что эти теоріи находятся въ неменьшемъ противорѣчій и съ законами душевнаго развитія.

§ 115. Наше изслѣдованіе привело насъ къ общему заключенію, что идеи о нездѣшнемъ мірѣ проходятъ чрезъ многія ступени развитія. Мѣстообитаніе умершихъ, первоначально совпадающее въ представленіи человѣка съ мѣстообитаніемъ живыхъ, начинаетъ постепенно удаляться отъ этого послѣдняго: здѣсь — въ сосѣдній лѣсъ, тамъ — въ болѣе отдаленный лѣсъ, въ другихъ случаяхъ — къ отдаленнымъ холмамъ и горамъ. Въра въ то, что умершіе соединяются съ своими предками, ведетъ къ дальнѣйшимъ расхожденіямъ этихъ двухъ мѣстообитаній, расхожденіямъ, которыя измѣняются сообразно съ преданіями. Туземные потомки троглодитовъ думаютъ, что они возвратятся въ подземный міръ, изъ котораго пришли; между тѣмъ какъ пришлая раса считаетъ своимъ загробнымъ міромъ жилище своихъ предковъ, куда ея умершіе и отправляются послѣ смерти, совершая это путешествіе или сухопутнымъ, или внизъ по рѣкѣ, или черезъ море, смотря по особенностямъ каждаго случая. Въ обще-

¹⁾ Къ этому можно еще прибавить, что такое представленіе, развившись, не имѣетъ нужды ограничиваться первоначальной мѣстностью. Бури, разражающіяся съ неба, вдали отъ горной крѣпости обитаемой повелителемъ, будутъ приниматься лишь за доказательства того, что громовержецъ имѣетъ доступъ и къ другимъ частямъ небесъ; а потому, когда данная раса переселится въ другую страну, то посѣщеніе этой страны случайными бурами докажетъ только, что богъ сопровождалъ этихъ людей въ ихъ переселеніи; подь-конецъ богъ опять будетъ приуроченъ къ какому-нибудь другимъ горамъ,—именно къ тѣмъ изъ окрестныхъ горъ, отъ которыхъ чаще всего приходятъ бури.

ствахъ, состоящихъ изъ покорителей и покоренныхъ, обладающихъ отдѣльными преданіями касательно своего происхожденія, существуютъ и отдѣльные загробные міры; причемъ эти загробные міры дифференцируются въ высшее и низшее мѣсто, соответственно различнымъ положеніямъ этихъ двухъ расъ. Покореніе такихъ смѣшанныхъ народовъ другими болѣе могущественными пришельцами приносить съ собою дальнѣйшія усложненія, — т. е. новые загробные міры, болѣе или менѣе отличные другъ отъ друга по своимъ свойствамъ. Наконецъ, гдѣ мѣстообитаніемъ для усопшихъ или для существъ высшаго порядка служатъ вершины горъ, тамъ является переходъ къ обители въ небесахъ; причемъ эта обитель, вначалѣ близкая и опредѣленная, становится постепенно отдаленной и неопредѣленной. Такъ что предполагаемое мѣстообитаніе умершихъ, вначалѣ совпадающее съ мѣстообитаніемъ живыхъ, мало по малу удаляется въ мысли отъ этого послѣдняго; причемъ и разстояніе загробнаго міра отъ здѣшняго, и направленіе, въ которомъ онъ находится, становятся постепенно все болѣе и болѣе смутными, пока, наконецъ, не исчезнетъ всякая локалізація въ пространствѣ.

Итакъ всѣ разсмотрѣнные нами представленія, имѣющія своимъ общимъ корнемъ первобытную идею о смерти, претерпѣваютъ одновременно сходныя прогрессивныя видоизмѣненія. Воскресеніе изъ мертвыхъ, котораго когда-то ожидали въ непосредственно-близкомъ будущемъ, отсрочивается на неопредѣленное время; духъ усопшаго, представлявшійся вначалѣ какъ нѣчто совершенно вещественное, расплывается въ какую-то эфирную сущность; загробная жизнь, бывшая вначалѣ простымъ повтореніемъ здѣшней жизни, становится все болѣе и болѣе несходной съ нею; и, наконецъ, этотъ загробный міръ, помѣщавшійся прежде въ сосѣднемъ, вполне извѣстномъ мѣстѣ, переносится теперь въ какую-то неизвѣстную и невообразимую даль.

ГЛАВА XVI.

ИДЕИ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЯХЪ.

§ 116. Нашъ языкъ, вслѣдствіе той спеціальности, которую онъ приобрѣлъ, въ соотвѣтствіе съ нашими мыслями, не передаетъ истиннымъ образомъ мыслей дикаря и даже часто представляетъ ихъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Слово сверхъестественный имѣетъ смыслъ лишь какъ противоположность съ словомъ естественный, и пока не достигнута идея о правильной причинности, которую мы называемъ естественной, до тѣхъ поръ не можетъ существовать и той идеи, которая обозначается словомъ сверхъестественный. Я вынужденъ употреблять это слово, за неимѣніемъ лучшаго, но считаю своей обязанностью остеречь читателя отъ приписыванія первобытному человѣку понятія, которое внушается намъ этимъ словомъ.

Сдѣлавъ эту оговорку, постараемся теперь нарисовать себѣ, поскольку это окажется для насъ возможнымъ, ту воображаемую среду, которую первобытный человѣкъ создаетъ себѣ съ помощью своихъ истолкованій окружающихъ его явленій, — истолкованій, описанныхъ нами въ послѣднихъ четырехъ главахъ. Хотя понятія, которыя онъ создаетъ себѣ касательно, окружающихъ его дѣятельствъ, оказываются взаимно-противорѣчащими въ своихъ подробностяхъ, но, взятые во всемъ ихъ цѣломъ, они оказываются вполне согласными съ тѣми понятіями, которыя, какъ мы показали ранѣе, необходимо рождаются въ первобытномъ человѣкѣ.

§ 117. Въ каждомъ племени появляющіеся отъ времени до времени случаи смерти прибавляютъ всякій разъ новую тѣнь ко множеству тѣней лицъ, умершихъ ранѣе. Мы уже видѣли, что первоначально люди предполагаютъ, что тѣни умершихъ находятся по-близости отъ нихъ, что онѣ посѣщаютъ свое

старое жилище, держатся подлѣ могилъ или блуждаютъ въ сосѣднихъ ку-старникахъ. Постоянно накопляясь, онѣ образуютъ вокругъ живыхъ цѣлое населеніе мертвыхъ; причѣмъ обыкновенно бываютъ невидимы, но иногда нѣкоторые изъ нихъ являются взорамъ живыхъ. Вотъ нѣсколько относящихся сюда примѣровъ.

Австралійцы предполагаютъ, что сверхъестественныя существа этого происхожденія разсѣяны повсюду: все лицо земли кишитъ ими, — лѣсныя чащи, берега водъ, скалы. Веддахи, которые вѣрятъ въ „тѣни своихъ предковъ и своихъ дѣтей“, убѣждены, что „воздухъ населенъ духами, и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа, своего *genius loci*“. Тасманійцы воображали „цѣлыя толпы злыхъ духовъ и лукавыхъ мелкихъ демоновъ“ въ пещерахъ, въ лѣсахъ, въ разсѣлинахъ скалъ, на вершинахъ горъ. Тамъ, гдѣ существуетъ обычай погребать умершаго въ самомъ его домѣ, тѣни усопшихъ представляются находящимися постоянно бокомъ о бокомъ съ живыми; а гдѣ, какъ у племени Уапѣ, „нѣкоторые изъ большихъ домовъ заключаютъ въ себѣ болѣе ста могилъ“, тамъ обитатели этихъ домовъ должны воображать, что тѣни усопшихъ ежеминутно толкаются со своими живыми потомками. Даже при отсутствіи погребенія въ домахъ, такое представленіе отличается часто большою живостью, какъ мы это видимъ, напримѣръ, у Кареновъ. Масонъ говоритъ: „для Карена міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ людьми... Духи усопшихъ толпятся вокругъ него“. Подобнымъ же образомъ и Таитяне „воображаютъ, что живутъ въ мірѣ духовъ, который окружаетъ ихъ денно и нощно, наблюдая за каждымъ ихъ дѣйствіемъ“. Разсматриваемые то какъ дружественные духи, то какъ причинители разныхъ бѣдъ и золь, духи предковъ подвергаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ формальному изгнанію. Барбъ рассказываетъ намъ о Никобарцахъ, что

«одинъ разъ въ году, а также и въ тѣхъ случаяхъ, когда свирѣпствуетъ какая-нибудь повальная болѣзнь, они строятъ большой челнокъ; Минловикъ, или жрецъ, приказываетъ подвозить этотъ челнокъ вплоть къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемаго имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и повскакивать въ челнокъ; при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобарскіе дома строятся на столбахъ въ 8 или 9 футовъ высотой); послѣ такого очищенія всѣхъ домовъ, челнокъ оттаскивается на берегъ моря, гдѣ скоро уносится волнами со всѣмъ своимъ грузомъ чертей».

Бастіанъ рассказываетъ, что подобный же обычай существуетъ и на Малдивскихъ островахъ. Точно также и у нѣкоторыхъ калифорнскихъ индѣйцевъ

происходить ежегодное изгнаніе духовъ усопшихъ, накопившихся въ продолженіе года.

• Эти многочисленные безтѣлесные люди представляютъ собою такихъ дѣятелей, которые находятся постоянно въ распоряженіи первобытнаго человѣка и которыхъ онъ каждую минуту можетъ пустить въ ходъ, въ качествѣ воображаемыхъ антецедентовъ всѣхъ окружающихъ его дѣйствій, нуждающихся въ объясненіи. Для этого вовсе не требуется, чтобы люди продолжали признавать ихъ непремѣнно и въ ясной формѣ за духовъ умершихъ: многіе изъ нихъ даже навѣрное утрачиваютъ этотъ характеръ. Рои демоновъ, которыми окружены, по ихъ понятіямъ, евреи, принимаются нѣкоторыми изъ нихъ за духовъ злыхъ покойниковъ, между тѣмъ какъ другіе считаютъ ихъ плодомъ сожительства падшихъ ангеловъ съ дочерьми людей. Когда генеалогическія свѣдѣнія по отношенію къ накопившейся толпѣ духовъ утрачены, то не остается ничего, что могло бы воспрепятствовать принятію любой теоріи касательно ихъ происхожденія. Но хотя Арабъ, — который считаетъ пустыню такъ густо населенной духами, что когда онъ бросаетъ какую-нибудь вещь въ сторону, то проситъ извиненія у тѣхъ, кого, быть можетъ, задѣлъ при-этомъ, — по всей вѣроятности, не считаетъ теперь всѣхъ этихъ духовъ блуждающими двойниками умершихъ, тѣмъ неменѣе совершенно ясно, что коль скоро мы имѣемъ блуждающихъ двойниковъ умершихъ, находящихся, по понятіямъ первобытнаго человѣка, повсюду, то въ этомъ самомъ мы имѣемъ *in potentia* неограниченное число сверхъестественныхъ дѣятелей, способныхъ разнообразить безъ конца свою дѣятельность.

§ 118. Отсюда полная естественность и даже необходимость тѣхъ объясненій, которыя прилагаетъ дикарь къ окружающимъ его явленіямъ. Съ развитіемъ ученія о тѣняхъ усопшихъ, вырастаетъ само собою очень легкое объясненіе всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя ежечасно обнаруживаются на небесахъ и на землѣ. Облака, то собирающіяся, то разсѣивающіяся, падающія звѣзды, которыя появляются и исчезаютъ, внезапныя потемнѣнія поверхности воды подъ дуновеніемъ вѣтра, метаморфозы животныхъ, превращенія одного вещества въ другое, бури, землетрясенія, изверженія вулкановъ, — все это становится теперь удобообъяснимымъ. Эти существа, которымъ приписывается способность дѣлаться по произволу то видимыми, то невидимыми, и которыя обладаютъ и другими способностями и силами, не имѣющими въ воображеніи первобытнаго человѣка никакихъ границъ, — вездѣсущи. Они, по мнѣнію первобытнаго человѣка, объясняютъ совершенно удовлетворительно всѣ неожиданныя перемѣны; а эти объясненія въ свою очередь становятся дальнѣйшимъ подтвержденіемъ ихъ собственного существованія. Первобытный человѣкъ не знаетъ и не можетъ представить себѣ никакихъ другихъ причинъ такихъ перемѣнъ; слѣ-

довательно, ихъ причинами должны быть эти души умершихъ; слѣдовательно, переживаніе душою тѣла очевидно: вотъ тотъ силлогическій кругъ, то круговое умозаключеніе, которое удовлетворяетъ не однихъ только дикарей.

Такимъ образомъ, тѣ истолкованія природы, которыя предшествуютъ научнымъ ея истолкованіямъ, суть наилучшія, какія только могутъ быть составлены въ то время. Если Карены, по словамъ Масона, приписываютъ всѣ „непонятные звуки и видѣнія въ джунгляхъ“ духамъ злыхъ покойниковъ, то они предполагаютъ для этихъ звуковъ такое происхожденіе, которое, при отсутствіи обобщеннаго знанія, есть единственное, какое только можно себѣ вообразить. Если, судя по разсказамъ Бастіана, религія Никобарцевъ состоитъ въ приписываніи злымъ духамъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, которые они не способны объяснить обыкновенными причинами, то это значить, что они просто обращаются къ такимъ остающимся еще у нихъ причинамъ, какія они только могутъ представить себѣ приложимыми къ этимъ случаямъ. Какая другая альтернатива остается для нихъ? Ливингстонъ описываетъ, какъ нѣкоторыя скалы, накаливаясь очень сильно отъ полуденнаго солнца и быстро охлаждааясь вечеромъ наружной своей поверхностью, лопаются съ громкимъ трескомъ, похожимъ на выстрѣлы, и какъ эти выстрѣлы приписываются туземцами злымъ духамъ. Но кому же или чему другому могли бы они приписывать ихъ? Нецивилизованные люди очень далеки отъ представленія, что камень можетъ лопнуть отъ неравномѣрнаго сжиманія; а при отсутствіи такого представленія какая причина можетъ быть подобрана для внезапнаго разрыва камня, кромѣ злой шутки одного изъ этихъ лукавыхъ демоновъ, находящихся повсюду? Въ своемъ описаніи Данакилей, майоръ Гаррисъ говоритъ, что „ни одинъ вихрь не пронесется черезъ дорогу, чтобы за нимъ не погнались съ дюжину дикарей съ обнаженными ножами (creeses), которыми они бросаютъ и тычутъ въ центръ пыльнаго столба, чтобы прогнать злаго духа, который по ихъ убѣжденію ѣдетъ на вихрь“. Какъ ни смѣшно на нашъ взглядъ это понятіе, но стоитъ только спросить себя, въ чемъ заключается физическое объясненіе песчаннаго вихря, чтобы сейчасъ же увидѣть, что такое объясненіе не можетъ быть составлено дикаремъ, и что единственное мыслимое для него объясненіе есть то, которое онъ даетъ. Иногда его опыты внушаютъ ему убѣжденіе, что такіе дѣятели многочисленны и присутствуютъ повсюду. Описывая одинъ тропическій видъ, Гумбольдтъ говоритъ: „поверхность этихъ песковъ, раскаленныхъ солнечными лучами, кажется волнующеюся, какъ поверхность жидкости... солнце одушевляетъ весь ландшафтъ и придаетъ движеніе и песчаной равнинѣ, и стволамъ деревьевъ, и утесамъ, которые вдаются въ это кажущееся море подобно мысамъ“. Что заставляетъ дрожать стволы деревьевъ и колеблеть утесы? Для ди-

каря не остается никакой другой альтернативы, какъ только предположить здѣсь безчисленное множество невидимыхъ существъ, разсѣянныхъ повсюду кругомъ. Вообразить, что эти зрительныя явленія суть иллюзіи, производимыя преломленіемъ солнечныхъ лучей неравнобѣрно нагрѣтымъ воздухомъ, — для него невозможно.

Нѣкоторые изъ только-что приведенныхъ примѣровъ доставляютъ прямые доказательства того, что племена, стоящія на сравнительно раннихъ ступеняхъ развитія, смотрятъ на духовъ усопшихъ какъ на такихъ дѣятелей, которыми объясняются разныя необыкновенныя явленія. Число такихъ примѣровъ можетъ быть увеличено очень значительно. Такъ Томсонъ разсказываетъ намъ, что, по убѣжденію Арауканцевъ, бури происходятъ вслѣдствіе битвъ, которыя духи ихъ соплеменниковъ ведутъ съ духами ихъ враговъ. Такія объясненія отличаются отъ объясненій расъ, подвинувшихся далѣе по пути развитія, только тѣмъ, что въ нихъ индивидуальности мертвыхъ друзей и враговъ сохраняютъ свои первоначальныя формы; между тѣмъ какъ впослѣдствіи, на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія, эти индивидуальности блѣднѣютъ, стираются и оставляютъ понятія о личныхъ дѣятеляхъ менѣе опредѣленнаго рода. Неподалеку отъ мѣста, гдѣ одинъ изъ членовъ племени когда-то утонулъ и болѣе не возвращался, находится въ рѣкѣ водоворотъ, который закручиваетъ и втягиваетъ плывущіе мимо сучья и т. п. Что можетъ быть очевиднѣе того, что двойникъ этого утопшаго человѣка, будучи злаго характера, какъ всегда бываютъ непогребенные мертвецы, живетъ по-близости отъ мѣста своего утопленія и утаскиваетъ мимо плывущія вещи подъ воду, а иногда, изъ мстительной злобы, схватываетъ и утаскиваетъ подъ воду даже людей, которые осмѣливаются приближаться къ мѣсту его жительства? Когда люди, знавшіе утопшаго, всѣ перемрутъ, когда, по истеченіи нѣсколькихъ поколѣній, подробности этой исторіи, отодвинутой назадъ болѣе новыми исторіями, сотрутся въ памяти людей, а въ особенности, когда сюда явится какое-нибудь пришлое племя побѣдителей, въ преданіяхъ котораго о его прошедшемъ мѣстныя исторіи не имѣютъ никакихъ корней, то отъ всей первоначальной исторіи выживетъ или уцѣлѣетъ только вѣра въ водянаго демона, живущаго въ омутѣ. И такъ — повсюду. Съ переходомъ преданія изъ устъ въ уста, сходство между духомъ и тѣмъ индивидумомъ, отъ котораго онъ ведетъ свое начало, постепенно утрачивается, такъ какъ ничто не содѣйствуетъ тому, чтобы преданіе сохраняло это сходство; а эти безчисленныя отступленія, разъ начавшись, приводятъ постепенно къ исчезновенію не только индивидуальныхъ, но, подъ-конецъ, даже къ исчезновенію просто человѣческихъ чертъ: разновидности переходятъ въ виды, роды и порядки сверхъестественныхъ существъ.

§ 119. Конечно, коль скоро всѣ замѣчательныя происшествія во внѣшнемъ мірѣ, окружающемъ первобытнаго челоука, приписываются имъ духамъ усопшихъ, которые представляются вначалѣ въ ихъ индивидуальныхъ формахъ, но, по мѣрѣ ихъ накопленія и дифференцированія, переходятъ постепенно въ многочисленныя, менѣе ясно опредѣленныя, хотя все-еще личныя, формы, то этимъ же духамъ умершихъ приписываются и всѣ замѣчательныя событія въ людской жизни. Такъ какъ духи находятся постоянно по-близости и такъ какъ они доступны чувствамъ дружбы и вражды, то совершенно немыслимо, чтобъ они не вмѣшивались въ челоуческие дѣйствія. Очевидно, что они постоянно или помогаютъ, или мѣшаютъ людскимъ дѣйствіямъ. Душа умершаго врага находится вѣчно на стражѣ, чтобы причинить какую-нибудь непріятную случайность; а душа умершаго родственника постоянно готова явиться на помощь или на защиту, если только находится въ добромъ расположеніи; если же она чувствуетъ себя оскорбленной, то въ такой же мѣрѣ готова сдѣлать что-нибудь худое.

Отсюда—тѣ объясненія успѣховъ и неудачъ, которыя имѣютъ такое всеобщее распространеніе. Эти объясненія мы находимъ у всѣхъ расъ, начиная съ самыхъ низшихъ и оканчивая самыми высшими; различіе состоитъ здѣсь лишь въ томъ, насколько этотъ помогающій или мѣшающій духъ утратилъ челоучскій характеръ. Начнемъ съ Веддаха, который ожидаетъ отъ тѣни своего умершаго родителя или ребенка, что она поможетъ ему въ охотѣ, и который приписываетъ неудачный выстрѣлъ не дурному прицѣлу и т. п., а недостаточному умилоствленію этой тѣни; затѣмъ, мы имѣемъ Австралійца, который, видя, какъ „челоукъ свалился съ дерева и свернулъ себѣ шею“, думаетъ, что „жизнь этого челоука исчезла изъ него вслѣдствіе того, что была привлечена чарованіями колдуновъ (boyala-men) другаго племени“; мы имѣемъ Ашантіевъ, которые „вѣрятъ, что тѣни умершихъ родственниковъ охраняютъ ихъ какъ вѣрная стража“ и что „тѣни умершихъ враговъ суть... злые духи“, продѣлывающіе съ ними разныя дурныя шутки. Восходя выше и обращаясь къ героямъ Гомера, мы видимъ здѣсь военныя побѣды, одержанныя при содѣйствіи сверхъестественныхъ существъ, которыя принимаютъ участіе въ битвахъ бокомъ съ людьми. Подлѣ Гектора „постоянно находится по крайней мѣрѣ одинъ изъ боговъ, который отстраняетъ отъ него смерть“; а „Менелай побѣдилъ съ помощью Минервы“. Діомедъ остался невредимымъ потому, что одинъ изъ безсмертныхъ „отвелъ въ сторону быструю стрѣлу, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она готова была вонзиться въ него“. Парисъ, схваченный и влекомый за шлемъ, навѣрное бы погибъ, еслибы не Венера, которая „быстро замѣтила это и поторопилась сломать застѣжки его шлема“; а Идеусъ избѣжалъ

гибели только благодаря тому, что „Вулканъ оттащилъ его прочь“. Будетъ ли то Арауканецъ, приписывающій свои успѣхи помощи своей особенной феи; будетъ ли то африканскій вождь, который, по словамъ Ливингстона, думалъ, что совершенно обезпечилъ смерть слона, за которымъ они охотились, тѣмъ, что высыпалъ въ жертву Баримо все содержимое своей таберки; будетъ ли то Грекъ, копье котораго правильно направляется въ бокъ Троянцу рукою его божественнаго покровителя; будетъ ли то еврейскій священно-дѣйствующій небожитель, или католическій святой, патронъ всѣхъ людей его имени,—не трудно видѣть, что во всѣхъ этихъ случаяхъ замѣчается полное тожество во всѣхъ существенныхъ чертахъ и только большее или меньшее различіе въ формѣ. Весь вопросъ заключается единственно въ томъ, какъ далеко ушло это развитіе понятія о духѣ умершихъ въ понятіе о сверхъестественныхъ дѣтеляхъ.

§ 120. Въ заключеніе всего, и главнымъ образомъ, мы должны замѣтить здѣсь тотъ фактъ, что этотъ механизмъ причинности, къ построенію котораго первобытный человѣкъ приводится совершенно неизбѣжнымъ образомъ, наполняетъ его умъ до исключенія всякаго другаго механизма причинности. Чтобы получить полное понятіе о развитіи человѣческой мысли со всѣхъ ея сторонъ, мы должны тщательно запомнить ту истину, что эта гипотеза касательно дѣятельности духовъ занимаетъ умственное поле и прочно укореняется въ умѣ задолго до той поры, когда у человѣка является способность и возможность къ накопленію и организаціи опытовъ, внушающихъ гипотезу физической причинности. Даже между нами, при нашихъ обширныхъ запасахъ точнаго знанія и при легкости способовъ къ его распространенію, вытѣсненіе древняго ученія новымъ очень трудно. Судите же поэтому, какова должна быть эта трудность тамъ, гдѣ немногіе извѣстные факты остаются необобщенными, неклассифицированными, неизмѣнными; гдѣ отсутствуютъ самыя понятія о порядкѣ, причинности и законѣ; гдѣ критика и сомнѣніе находятся только въ зародышѣ, и гдѣ нѣтъ даже любознательности, которая побуждала бы къ изслѣдованію. Если, пародируя извѣстную пословицу, мы можемъ сказать, что предвзятія понятія составляютъ девять десятыхъ всѣхъ нашихъ убѣжденій и вѣрованій, и если это справедливо даже по отношенію къ сравнительно пластическимъ умамъ цивилизованныхъ людей, то какую же часть общей суммы вѣрованій должны составлять предвзятія понятія въ сравнительно неподвижныхъ умахъ людей нецивилизованныхъ?

А потому изумленіе, которое обыкновенно выражается по отношенію къ этимъ первобытнымъ объясненіямъ, есть изумленіе ничѣмъ не оправдываемое, — изумленіе, вызванное единственно недостаточнымъ знакомствомъ съ природою и условіями первобытной мысли. Если Дайяки, судя по рассказамъ Сентъ-

Джона, никогда не принимаютъ естественнаго объясненія какого бы то ни было необыкновеннаго явленія, вродѣ, напримѣръ, какой-нибудь несчастной случайности, но всегда „обращаются при-этомъ къ своимъ суевѣріямъ“, то потому только, что это единственный родъ объясненія, который пока существуетъ для нихъ. Нелѣпость заключается лишь въ предположеніи, будто-бы нецивилизованный человѣкъ обладаетъ съ самаго начала идеею о „естественномъ объясненіи“. Только съ возрастаніемъ обществъ, съ умноженіемъ искусствъ, съ накопленіемъ опытовъ, съ открытіемъ постоянныхъ отношеній между явленіями, съ приведеніемъ этихъ отношеній въ порядокъ и съ близкимъ ознакомленіемъ съ ними, — становится возможнымъ понятіе объ естественномъ объясненіи. Только тогда можетъ возникнуть даже простое сомнѣніе насчетъ истинности этихъ самыхъ раннихъ заключеній. Только тогда можетъ начаться медленный процессъ замѣщенія ихъ другими.

Ознакомившись такимъ образомъ съ несокрушимою вѣрою, какую приобрѣтаетъ первобытный человѣкъ по отношенію къ дѣятелямъ, которые получаютъ въ послѣдствіи названіе сверхъестественныхъ, но которые вначалѣ суть единственные дѣятели, какихъ только можно себя вообразить, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другаго ряда объясненій, дѣлаемыхъ первобытнымъ человѣкомъ. Изучивъ путь, которымъ онъ пришелъ къ тому, чтобы считать всѣ дѣятельности въ окружающемъ его мірѣ находящимися подъ контролемъ духовъ умершихъ, разсмотримъ теперь тотъ путь, которымъ онъ приходитъ къ мысли, будто-бы духи умершихъ контролируютъ также дѣятельности внутри его собственнаго тѣла, равно какъ и внутри тѣлъ другихъ людей.

ГЛАВА XVII.

О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЯХЪ, КАКЪ О ПРИЧИНАХЪ ЭПИЛЕПСІИ И КОНВУЛЬСІЙ, ГОРЯЧЕЧНАГО БРЕДА И ПОМЪШАТЕЛЬНОСТИ, БОЛѢЗНЕЙ И СМЕРТИ.

§ 121. Явленія, обнаруживающіяся въ продолженіи развитія, не могутъ быть расположены въ рядовомъ порядкѣ. Тутъ постоянно имѣютъ мѣсто новыя и новыя отклоненія и расхожденія по разнымъ направленіямъ. Начавъ съ первобытныхъ идей о безчувственномъ состояніи, о смерти и о тѣни усопшаго, мы, по одному направленію, прослѣдили развитіе идей о загробной жизни и загробномъ мірѣ, а по другому—развитіе идей о сверхъестественныхъ дѣятеляхъ, существующихъ будто-бы повсюду. Теперь, возвращаясь снова къ безчувственному тѣлу, какъ къ исходному пункту, мы должны прослѣдить, какъ развивался одновременно еще одинъ классъ идей, при помощи тѣхъ идей, развитіе которыхъ мы только-что разсмотрѣли.

Во снѣ, въ обморокѣ, въ столбнякѣ, въ апоплексіи замѣчается почти полный покой, а въ смерти покой становится абсолютнымъ. Итакъ, обыкновенно, во время предполагаемаго отсутствія другаго я, тѣло пребываетъ въ бездѣйствіи. Но по-временамъ бываютъ такіе случаи, при которыхъ тѣло, лежа на землѣ съ закрытыми глазами, выполняетъ чрезвычайно напряженные движенія, точно борется съ кѣмъ-то съ страшными усиліями, и при которыхъ человѣкъ, придя въ обыкновенное состояніе, отрицаетъ фактъ, что онъ боролся, — говорить, что не знаетъ ничего о тѣхъ дѣйствіяхъ своего тѣла, которыя видѣли всѣ присутствовавшіе. Итакъ, очевидно, его другое я было въ отсутствіи. Но какимъ же образомъ могло его тѣло вести себя такъ странно въ продолженіе этого отсутствія?

Отвѣтъ, даваемый первобытнымъ человѣкомъ на этотъ вопросъ, есть са-

мый рациональный отвѣтъ, какой только можетъ быть данъ имъ при существующихъ условіяхъ.

§ 122. Если, во время состояній безчувственности всѣхъ возможныхъ родовъ, душа блуждаетъ по свѣту, и затѣмъ, возвратясь назадъ, заставляетъ тѣло приняться снова за свою прежнюю дѣятельность, — если душа такимъ образомъ можетъ не только выходить изъ тѣла, но и опять входить въ него, то не можетъ ли войти въ тѣло и какая-нибудь другая душа? Дикарь думаетъ, что это возможно.

Отсюда является объясненіе эпилепсін, или падучей. Ридъ рассказываетъ намъ, что обитатели Конго приписываютъ падучую тому, что больной одержимъ демономъ. У восточныхъ африканцевъ падучая болѣзнь особенно обыкновенна, и она-то, по словамъ Бёртона, послужила несомнѣннымъ началомъ господствующаго между ними понятія о бѣсноватости, или одержимости злымъ духомъ. Изъ азіатскихъ племенъ, мы можемъ упомянуть о Калмыкахъ, которые, по словамъ Палласа, смотря на эпилептиковъ какъ на одержимыхъ бѣсомъ. А Бастианъ замѣчаетъ, что въ языкѣ Арабовъ одно и то же слово означаетъ и эпилепсію и бѣсноватость, или одержимость бѣсами. Нѣтъ надобности приводить дальнѣйшихъ доказательствъ той общеизвѣстной истины, что это объясненіе было общепринятымъ на раннихъ ступеняхъ цивилизаціи и что оно продолжало держаться до сравнительно недавнихъ временъ.

Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что первоначальное заключеніе таково: въ то время, какъ другое я больного находится въ отсутствіи, какой-то безтѣлесный духъ узурпируетъ его мѣсто и распоряжается чужимъ тѣломъ такимъ немилосерднымъ образомъ. Ни изъ только-что приведенныхъ примѣровъ, ни изъ тѣхъ, которые намъ извѣстны изъ еврейскихъ книгъ, нельзя опредѣлить природы этого безтѣлеснаго духа. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы имѣемъ точный отчетъ о такомъ представленіи, на самой ранней ступени его развитія, мы узнаемъ, что предполагаемый тутъ сверхъестественный дѣятель есть духъ усопшаго. Изъ основательнаго допроса нѣкоторыхъ Амазулу каноникомъ Коллоуэйемъ выступаетъ вполне ясно тотъ фактъ, что когда прорицатель становится одержимымъ Итонго (духами предковъ), то „у него появляются легкія судороги“. Сверхъ того, одинъ изъ допрошенныхъ имъ людей сообщаетъ, что „когда онъ отправился къ человѣку, находившемуся въ сношеніяхъ съ дружественнымъ духомъ, чтобы посоветоваться съ нимъ насчетъ своего сына.... у котораго бывали судороги“, то получилъ отвѣтъ, что „сына его мучать духи предковъ“.

§ 123. Еще одинъ вопросъ подобнаго же рода представляется первобытному уму, который и разрѣшаетъ его путемъ вполне рациональнаго для суще-

ствующихъ данныхъ умозаключенія; причемъ это умозаключеніе развивается въ рядъ странныхъ, но вполне послѣдовательныхъ идей.

По-временамъ случается, что человѣкъ, даже находясь въ сознательномъ состояніи, оказывается неспособнымъ управлять движеніями своего собственнаго тѣла. Онъ находитъ, что дѣлаетъ разныя вещи безъ всякаго желанія съ своей стороны и даже наперекоръ своей собственной волѣ. Не значить ли это, что въ него вошла другая душа, хотя его собственная душа и не покинула его? Это есть единственное объясненіе, какое только можно себѣ вообразить въ данномъ случаѣ. Если тѣ судороги, которыя замѣчаются во время отсутствія другаго я, должны быть приписаны какому-то пришлому духу, который забрался въ оставленное тѣло и завладѣлъ имъ и который заставляетъ это тѣло дѣлать вещи, не приказанныя ему его настоящимъ владѣльцемъ, то и въ тѣхъ другихъ случаяхъ, когда тѣло дѣлаетъ вещи, не приказанныя ему его владѣльцемъ, хотя этотъ владѣлецъ находится еще въ немъ, не слѣдуетъ ли приписать такое поведеніе тѣла насилію забравшагося въ него пришлаго духа? Утвердительный отвѣтъ здѣсь неизбеженъ.

Отсюда объясненіе истерики, съ ея страшными судорогами, съ ея невольнымъ и безпричиннымъ смѣхомъ, рыданіями, криками и слезами. У Амазулу истерическіе припадки считаются признакомъ того, что человѣкъ становится Иніянга, или прѣрицателемъ, т. е. что онъ становится одержимымъ духами. Замѣчаніе Нарклиса объ Абиссинцахъ, что „большинство одержимыхъ — женщины“, указываетъ на такое же объясненіе истерики: ибо извѣстно, что женщины гораздо больше подвержены истерикѣ, чѣмъ мужчины. Точно также, когда мы читаемъ у Маринера, что у Тонганцевъ вдохновеніе не ограничивается одними только жрецами, но испытывается иной разъ и другими людьми, въ особенности же женщинами, то мы имѣемъ полное право заключить, что и здѣсь тѣ признаки, по которымъ узнается одержаніе духами, суть просто истерическіе припадки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ одинъ изъ истерическихъ симптомовъ не доставляетъ убѣдительнѣйшаго доказательства для такого заключенія? Что такое *globus histericus*, — тотъ шаръ или комокъ, который внезапно ощущается внутри тѣла, — если это не самъ одержащій духъ, составляющій причину припадка?

Такое объясненіе, доведенное до этихъ предѣловъ, должно идти еще дальше. Если эти болѣе сильныя дѣйствія тѣла, совершаемыя наперекоръ собственной волѣ пациента, должны быть приписаны овладѣвшему имъ демону, то и менѣе сильныя дѣйствія того же самаго рода, очевидно, должны быть приписаны той же самой причинѣ. Отсюда первобытная теорія чиханія и зѣванія. Амазулу смотрятъ на эти дѣйствія, отъ которыхъ человѣкъ можетъ удержаться лишь

съ большимъ трудомъ, или даже вовсе не можетъ удержаться, какъ на дѣйствія, вызванныя Итогю, т. е. какъ на признаки одержанія духомъ. Когда человѣкъ становится Иніянга,

«его голова начинаетъ обнаруживать признаки того, что должно случиться. Онъ показываетъ, что готовится перейти въ состояніе прорицанія, тѣмъ, что начинаетъ безпрестанно зѣвать, или чихать все чаще и чаще, а окружающіе говорятъ: «Нѣтъ! по-истинѣ сдается, что этотъ человѣкъ начинаетъ поддаваться вліянію духа».

Въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ доказательства того, что чиханіе принимается за признакъ не постоянного, но временнаго одержанія духомъ. Хонды плещутъ водою въ жреца, когда желаютъ посовѣтоваться съ нимъ. Онъ чихаетъ, и на него сходитъ вдохновеніе. Конечно, мы не имѣемъ тутъ данныхъ для опредѣленія того, будетъ ли духъ, овладѣвающій при такихъ случаяхъ человѣкомъ, дружественнымъ или враждебнымъ; да это и не важно для насъ въ данную минуту; иногда онъ можетъ быть, какъ у Зулусовъ, духомъ одного изъ предковъ, иногда же, какъ у другихъ народовъ, онъ можетъ быть какимъ-либо злымъ демономъ. Но служить ли чиханіе, какъ мы это видимъ у Мусульманъ, поводомъ къ призванію Аллаха въ защиту отъ сатаны, какъ отъ предполагаемой его причины, или же оно служить, какъ мы это видимъ у другихъ народовъ, предлогомъ для присутствующихъ къ тому, чтобы сказать: „будьте здоровы!“ или же оно, наконецъ, служить основаніемъ для довѣрчиваго отношенія къ изрѣченіямъ вдохновеннаго прорицателя, — для насъ важно теперь лишь одно заключеніе, скрытое во всѣхъ этихъ случаяхъ, а именно то, что всѣ произвольныя дѣйствія этого рода разсматриваются какъ признаки того, что какой-то пришлецъ вошелъ въ тѣло и заставляетъ его дѣлать то, что не входитъ въ намѣренія его владѣльца.

Мы можемъ прибавить сюда еще два объясненія подобнаго же рода. Кохренъ рассказываетъ намъ, что у Якутовъ существуетъ болѣзненное разстройство, сопровождаемое сильною икотю, и что они „упорно вѣрятъ, что въ тѣлѣ такого больного сидитъ чортъ“. Одинъ изъ сосѣднихъ съ ними народовъ, Киргизы, доставляетъ еще болѣе странный примѣръ. Госпожа Аткипсонъ говоритъ, что они считаютъ женщину, мучающуюся родами, одержимой духомъ и что у нихъ даже существуетъ обычай бить такую женщину, чтобы изгнать изъ нея этого духа.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, имѣютъ мѣсто произвольныя мышечныя сокращенія. Но если произвольныя мышечныя сокращенія эпилептика приписываются одержанію духомъ, то и всѣ другія произвольныя мышечныя сокращенія могутъ исполнѣ рационально приписываться

той же самой причинѣ; а мы видѣли, что объясненіе падучей одержаніемъ духами есть заключеніе, вытекающее изъ первобытной теоріи о духахъ умершихъ.

§ 124. Существуютъ еще нѣкоторыя явленія, родственныя съ предыдущими, которыя, объясняясь подобнымъ же образомъ и не объясняясь никакимъ другимъ способомъ, доставляютъ дальнѣйшее подтвержденіе ученію объ одержаніи духами. Я говорю о явленіяхъ горячечнаго бреда и помѣшательства.

Что происходитъ съ этимъ человѣкомъ, который, распростертый на своемъ ложѣ и отказываясь отъ пищи, не узнаетъ никого изъ окружающихъ; который то безсвязно бормочетъ что-то, то говоритъ бессмыслицу; который то обращается съ рѣчью къ кому-то, кого окружающіе его не видятъ, то вскрикиваетъ отъ ужаса и старается спастись отъ какого-то невидимаго врага, то хохочетъ безъ всякой причины? И какъ объяснить себѣ тотъ фактъ, что когда, по истеченіи нѣсколькихъ дней, онъ становится снова спокойнымъ и начинаетъ говорить съ окружающими обыкновеннымъ образомъ, то оказывается, что онъ или ничего не знаетъ объ этихъ своихъ странныхъ дѣйствіяхъ, или рассказываетъ такія вещи, которыхъ никто изъ окружающихъ не видѣлъ? Очевидно, что одинъ изъ тѣхъ духовъ или тѣней усопшихъ, которые кишатъ вокругъ и изъ которыхъ многіе постоянно сторожатъ случай сыграть какую-нибудь злую шутку, вошелъ въ его тѣло ночью, когда онъ былъ въ отсутствіи, и принялся мучить это тѣло такимъ жестокимъ образомъ. Доказательства того, что дикари дѣйствительно объясняютъ такимъ образомъ эти факты, не многочисленны, быть можетъ, потому, что путешественникамъ рѣдко приходится быть свидѣтелями душевнаго разстройства этого рода. Однако Петерикъ говоритъ, что арабы предполагаютъ, что „человѣкъ, находящійся въ горячечномъ бреду, одержимъ бѣсомъ“. Затѣмъ, мы имѣемъ здѣсь еще свидѣтельство Соути по отношенію къ Тунисамъ: онъ считаетъ горячечный бредъ за одинъ изъ источниковъ ихъ суевѣрій.

Но когда отъ временнаго помѣшательства мы перейдемъ къ продолжительному или полному, то со всѣхъ сторонъ найдемъ доказательства того, что дикари прилагаютъ къ этимъ случаямъ именно такое объясненіе. Тёрнеръ рассказываетъ намъ, что: Самоанцы приписывали сумасшествіе присутствію въ тѣлѣ злаго духа; а Маринеръ говоритъ тоже самое о Тонганцахъ. Также и Суматранцы, судя по словамъ Марседена, смотрятъ на сумасшедшихъ какъ на одержимыхъ бѣсами. Даже между болѣе высоко стоящими расами существовало, да и теперь еще существуетъ, то же самое объясненіе. Когда авторъ Прогулокъ по Сиріи рассказываетъ намъ, что „на Востокѣ сумасшествіе равнозначаетъ съ вдохновеніемъ“, то мы должны помнить, что если и существуетъ какое-нибудь различіе между этимъ представленіемъ и представленіями преж-

нихъ временъ, то это различіе относится лишь къ природѣ владѣющаго человѣкомъ духа, а не къ самому его существованію. Разказы изъ этихъ старыхъ временъ доказываютъ, что первоначальная форма этого вѣрованія была именно такая, которую слѣдовало предвидѣть теоретически. Хотя во времена Іосифа лишь нѣкоторые изъ евреевъ признавали, что демоны, входящіе въ людей, „суть ничто иное, какъ души злыхъ мертвецовъ“, однакоже тотъ фактъ, что одержимые духами, судя по тогдашнимъ разсказамъ, любили посѣщать кладбища, будучи сопоставленъ съ тѣмъ фактомъ, что, на основаніи тѣхъ же разсказовъ, кладбища и могилы были любимыми мѣстопробываніями демоновъ, даетъ намъ весьма основательныя причины думать, что духъ, одержавшій помѣшаннаго, представлялся первоначально какъ духъ какого-либо умершаго.

Мы не должны пропускать безъ вниманія того подтвержденія справедливости вѣрованія въ существованіе повсюду тѣней умершихъ или духовъ, которое доставляется поведеніемъ сумасшедшаго. Нецивилизованный или полунцивилизованный человѣкъ совершенно не способенъ думать, что видѣнія маніяка суть субъективные иллюзіи. Онъ находится на неизмѣримомъ разстояніи отъ такого представленія: ни его умъ, ни его языкъ, ни его знанія не достаточны для этого. Что же онъ долженъ заключить, слыша, какъ маніякъ свирѣпо разговариваетъ съ какимъ-то невидимымъ лицомъ, или видя, какъ онъ, желая прогнать какое-то существо, невидимое для другихъ, бѣшено бросаетъ въ него, чѣмъ понало? Для всякаго очевидно, что сумасшедшій не шутитъ, не притворяется, что онъ искрененъ до ужаснаго. Его неистовыя тѣлдвиженія, его горящіе глаза, его пронзительный голосъ уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ искренности и силѣ его убѣжденія въ реальности вещей, съ которыми онъ сражается. Очевидно, слѣдовательно, что злые демоны дѣйствительно существуютъ кругомъ насъ, хотя они видимы лишь для него, а не для остальныхъ присутствующихъ. Еслибы нѣкоторые изъ присутствующихъ и сомнѣвались прежде въ существованіи сверхъестественныхъ дѣятелей, то теперь они не могутъ болѣе сомнѣваться.

Еще одна достойная упоминанія идея приходитъ этимъ путемъ первобытному человѣку. Сумасшедшіе, въ припадкахъ бѣшенства, бываютъ чрезвычайно сильны, — такъ сильны, что могутъ управиться въ-одиночку съ нѣсколькими лицами. Какое заключеніе вытекаетъ изъ этого факта? То, что одержавшій человѣка демонъ обладаетъ сверхчеловѣческой силой. Это вѣрованіе, внушаемое первобытному человѣку подобными фактами, приводитъ въ своемъ развитіи къ нѣкоторымъ интереснымъ идеямъ, которыя будутъ указаны нами ниже.

§ 125. Разъ установившись, этотъ способъ объясненія необыкновенныхъ дѣйствій, душевныхъ и тѣлесныхъ, распространяется далѣе. Отъ ненормально-

стей вышеописанныхъ родовъ онъ распространяется нечувствительно на ненормальности другихъ родовъ. Вскорѣ подъ эту теорію начинаютъ подводиться болѣзни вообще. Видя, что тѣлесное разстройство часто сосуществуетъ съ душевнымъ разстройствомъ (какъ напримѣръ въ горячкѣ, сопровождаемой бредомъ), первобытный человѣкъ заключаетъ, что и то и другое причинены однимъ и тѣмъ же дѣятелемъ. А если нѣкоторые болѣзненные состоянія производятся забирающимися въ человѣка демонами, то и другія болѣзни производятся тѣми же причинами. Духъ-мучитель или находится внутри тѣла больного, или носится вокругъ него, причиняя ему страданія; причемъ онъ дѣйствуетъ или по своей собственной злой волѣ, или по повелѣнію какого-нибудь врага больного человѣка.

Первобытная форма этого объясненія обнаруживается передъ нами у племени Амазулу. Даже боль въ боку объясняется имъ такимъ образомъ. „Когда болѣзнь продолжается долго“, говорятъ они, „это значитъ, что больной страдаетъ отъ Итонго. Его мучатъ его умершіе предки“. По словамъ Тёрнера, Самоанцы предполакали, что духи умершихъ „имѣютъ способность возвращаться назадъ и причинять болѣзнь и даже смерть остальнымъ членамъ семейства“. Какъ мы уже видѣли въ § 92, Ново-каледонцы „думаютъ, что бѣлые люди суть духи умершихъ и что они приносятъ болѣзнь“. Дайяки, которые, подобно Австралійцамъ, приписываютъ всякую болѣзнь духамъ, подобно Австралійцамъ же, олицетворяютъ всѣ болѣзни. Спрашивая о томъ, прошла ли у васъ оспа, они никогда не назовутъ ее по имени, а скажутъ: „оставилъ ли онъ васъ?“ Иной разъ они называютъ ее „вождь“. Во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагаемыми дѣятелями служатъ духи умершихъ; въ нѣкоторыхъ же изъ этихъ случаевъ утверждается или подразумѣвается даже тѣлесное одержаніе духомъ. Въ другихъ случаяхъ происхожденіе сверхъестественнаго дѣятеля не опредѣляется ясно, и онъ, повидимому, разсматривается какъ дѣятель внѣшній. Араукасы называютъ боль „стрѣлою злаго духа“, а Дайяки долины вѣрятъ, что болѣзнь „причиняется по-временамъ духами, наносящими людямъ невидимыя раны невидимыми копытами“. Но повсюду предполагаемая причина болѣзней имѣетъ личный характеръ. Въ Азій, Карены „приписываютъ болѣзни вліянію невидимыхъ духовъ“, Ленчасы „принимаютъ всякія боли за дѣйствія чертей“, а Бадосы и Дималы также приписываютъ ихъ дѣятельности демоновъ. Въ Африкѣ, береговые негры приписываютъ болѣзнь или колдовству („порчѣ“), или дѣйствию боговъ; Каффыры считаютъ причиною болѣзней или враговъ, или злыхъ духовъ; а оскорбленный предокъ одного изъ Зулусовъ представляется говорящимъ такъ: „я явлюсь къ тебѣ въ видѣ болѣзни“. Въ Америкѣ, Команчи думаютъ, что бо-

лѣзнь причиняется вредоноснымъ дыханіемъ непріятеля; а Мундурукусы считаютъ ея причиною чары какого-нибудь неизвѣстнаго врага.

Если вмѣсто „духъ усопшаго“ мы будемъ читать „сверхъестественный дѣятель“, то теорія дикарей превратится въ теорію полудивилизованныхъ людей. Самый древній изъ героевъ вавилонскихъ преданій, Издубаръ, поражается тяжелой болѣзною разгнѣванной богиней Иштаръ; въ первой книгѣ Іліады, греки, погибающіе отъ моровой язвы, представлены поражаемыми однимъ за другимъ стрѣлами Аполлона (очевидно, что эта идея параллельна одной изъ представленныхъ выше дикихъ идей); евреи вѣрили, что глухота и слѣпота проходили послѣ изгнанія причинявшихъ ихъ бѣсовъ; и въ позднѣйшія времена описывали демоновъ какъ причиняющихъ болѣзни.

Чтобы видѣть, какъ прочно держится этотъ родъ объясненія, стоитъ припомнить тотъ фактъ, что даже въ нашемъ обществѣ необразованные люди нерѣдко приписываютъ появленіе болѣзни колдунамъ и колдуньямъ, которые посылаютъ чертей на людей и животныхъ, а также тотъ фактъ, что даже образованные люди все-еще потакаютъ вѣрованію въ то, что болѣзнь причиняется демонами. — — —

§ 126. Познакомившись съ предыдущими вѣрованіями и убѣдившись въ естественности ихъ возникновенія, мы уже не будемъ удивлены тѣмъ вѣрованіемъ, которое первобытный человѣкъ составляетъ себѣ по отношенію къ причинѣ смерти; такъ какъ это послѣднее вѣрованіе есть необходимое послѣдствіе предыдущихъ.

Видя, что за ударомъ палицею слѣдуетъ временная или окончательная безчувственность, первобытный человѣкъ заключаетъ, что и полная безчувственность смерти есть результатъ какого-нибудь подобнаго же поврежденія, нанесеннаго невидимымъ врагомъ. Въ той или другой формѣ, это представленіе открывается нами повсюду. Уоллесъ говоритъ, что Уаны, повидимому „едвали допускаютъ, что смерть можетъ произойти когда-либо естественнымъ путемъ“, а Гирнъ говоритъ, что Чипшеузіяны приписываютъ смерть своихъ вождей волшебству враговъ, обыкновенно волшебству Эскимосовъ. Калмыки вѣрятъ, что „смерть причиняется особеннымъ духомъ, по повелѣнію божества“; Куки приписываютъ смерть, какъ и всѣ другія земныя бѣдствія, сверхъестественнымъ причинамъ, а Хонды считаютъ, что „смерть не есть необходимый и заранѣе предназначенный жребій людей, но что она навлекается только какъ особенное наказаніе за преступленія противъ боговъ“. Арбруссе утверждаетъ, что, по мнѣнію Бушменовъ, смерть происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе колдовства; Бѣрчелль говоритъ про Бечуановъ, что смерть, даже въ преклонныхъ лѣтахъ, приписывается ими колдовскимъ чарамъ; береговые негры, по словамъ Винтерботтома думаютъ, что „никакая смерть не бываетъ естественной или

случайной“; по словамъ Бёртона, Фаны убѣждены, что „ни одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ старъ, не умираетъ естественной смертію“, а Астлей утверждаетъ, что обитатели Лоанго не вѣрятъ въ естественную смерть даже отъ утопленія или отъ другой подобной случайности. Тантиане считали дѣйствія ядовъ „скорѣе дѣйствіями божественнаго гнѣва.... чѣмъ дѣйствіями самихъ ядовъ.... Даже о тѣхъ, которыхъ убивали въ битвахъ, предполагалось, что на ихъ смерть влияли боги“. Подобныя же идеи господствуютъ у Сандвичанъ, у Таннезійцевъ, у Австралійцевъ и пр.

Мы должны указать здѣсь еще на одно слѣдствіе этого вѣрованія. Подъ-конецъ, индивидуальности различныхъ демоновъ, считаемыхъ виновниками смерти, сливаются въ одну общую индивидуальность, — въ олицетворенную смерть; причемъ такое олицетвореніе, по всей вѣроятности, беретъ свое начало повсюду изъ преданія о какомъ-нибудь необыкновенно-свирѣпомъ непріятелѣ, видимые акты злобы котораго были чрезвычайно многочисленны и которому вполнѣ вслѣдствіе все болѣе и болѣе приписывались и невидимые акты злобы. Впрочемъ, какъ бы ни происходило это олицетвореніе, во всякомъ случаѣ мы можемъ прослѣдить развитіе этихъ первобытныхъ понятій въ тѣ, которыя существовали во времена классической древности и въ средніе вѣка. Бутлеръ рассказываетъ намъ, что при погребеніи Пага его друзья обнимаются между собою и вызываютъ на бой того духа, который причинилъ его смерть. Дэвисъ рассказываетъ о Тасманійцахъ, что „всю первую ночь послѣ смерти кого-либо изъ своихъ соплеменниковъ они просиживали вокругъ тѣла, причитывая что-то быстрымъ, тихимъ, но непрекращающимся речитативомъ, чтобы помѣшать злему духу похитить его. Такимъ злымъ духомъ они считаютъ духъ умершаго врага“. Съ другой стороны, у Готтентотовъ мы находимъ это представленіе уже обобщеннымъ въ нѣкоторой степени. Лихтенштейнъ говоритъ, что они олицетворяютъ смерть, говоря: „смерть видитъ тебя“. Во всѣхъ этихъ фактахъ мы уже можемъ усмотрѣть корень того вѣрованія, которое скрывается въ исторіи объ умершемъ Альцестѣ, вырываемомъ изъ когтей сильной смерти еще болѣе сильнымъ Геркулесомъ; а также и корень того вѣрованія, которое скрывается подъ изображеніями смерти въ видѣ скелета, держащаго дротикъ или какое-либо другое оружіе.

Указавъ на эту филицію идей, мы замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ умахъ многихъ людей первобытное понятіе о смерти продолжаетъ держаться и до настоящаго времени. Читая съ изумленіемъ, что дикари не признаютъ естественной смерти и приписываютъ всѣ случаи смерти сверхъестественнымъ влияніямъ, мы постоянно забываемъ, что такія сверхъестественныя влиянія принимаются даже и теперь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ причина смерти не очевидна, — мало того, даже въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, гдѣ причина смерти

воплѣ очевидна. Точно также мы и теперь еще встрѣчаемъ людей, которые думаютъ, что нѣкоторыя смерти представляютъ непосредственный результатъ божественнаго гнѣва. Очевидно, что такое вѣрованіе отличается отъ только-что изображенныхъ вѣрованій дикарей только нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ представленіи о сверхъестественномъ дѣятелѣ. — — — .

§ 127. Итакъ, всѣ эти заключенія, разсматриваемыя какъ слѣдствія первобытнаго истолкованія сновидѣній и вытекающей изъ него теоріи касательно тѣней умершихъ, душъ, или духовъ, оказываются воплѣ послѣдовательными и состоятельными.

Если души могутъ оставлять свои тѣла и снова входить въ нихъ, то почему же чужія души не могутъ входить въ тѣла, когда ихъ собственныя находятся въ отсутствіи? Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ падучей, тѣло выполняетъ такія дѣйствія, относительно которыхъ владѣлецъ этого тѣла утверждаетъ въ послѣдствіи, что онъ ихъ не дѣлалъ, то для окружающихъ не остается никакого другого исхода, какъ только приписать эти дѣйствія такому постороннему дѣятелю. И если нѣкоторыя неподдающіяся управленію движенія, каковы всѣ истерическія, вмѣстѣ съ болѣе обычными движеніями при чиханіи, зѣваніи и икотѣ, совершаются помимо воли человѣка, то здѣсь опять-таки должно явиться то заключеніе, что въ человѣка забрался какой-то духъ, который и управляетъ этими дѣйствіями его тѣла, противъ воли его владѣльца.

Эта гипотеза объясняетъ также странное поведеніе людей, находящихся въ горячечномъ бреду и помѣшанныхъ. Что тѣло сумасшедшаго дѣйствительно попало во власть какого-то его врага, это доказывается тѣмъ фактомъ, что оно побуждается къ нанесенію вреда самому же себѣ. Настоящій владѣлецъ этого тѣла, конечно, не заставилъ бы его кусать и рвать самого же себя. Затѣмъ, всѣ слышать, какъ одержацій демонъ ведетъ разговоры съ другими демонами, которые видимы только для него, но не для людей, окружающихъ сумасшедшаго.

Но если эти замѣчательныя разстройства тѣла и духа производятся этимъ путемъ, то отсюда слѣдуетъ то очевидное заключеніе, что и другія менѣе рѣзкія разстройства, или болѣзни, происходятъ тѣмъ же самымъ путемъ. Если тутъ не всегда существуетъ демонъ внутри самого тѣла, то во всякомъ случаѣ тутъ долженъ находиться по-близости какой-нибудь невидимый врагъ, который производитъ въ тѣлѣ эти странныя разстройства.

Такъ какъ за продолжительнымъ разстройствомъ или болѣзью часто слѣдуетъ смерть, то и смерть должна зависѣть отъ той же самой причины, которая производитъ болѣзнь. Тамъ, гдѣ для смерти не существуетъ никакого видимаго антецедента, это предположеніе есть единственно возможное; и даже

тамъ, гдѣ для смерти существуетъ и видимая причина, все-таки весьма вѣроятно, что дѣло не обошлось безъ нѣкотораго демоническаго вмѣшательства. Обрывъ камня подъ ногою у человѣка, поведшій къ его роковому паденію въ пропасть, или то особенное движеніе, вслѣдствіе котораго копье попало ему въ сердце, были по всей вѣроятности опредѣлены вліяніемъ злобнаго духа на какого-либо невидимаго непріятеля.

Такимъ образомъ эти истолкованія фактовъ оказываются повсюду вполне послѣдовательными и согласными между собою. Коль скоро дана начальная идея, весь остальной рядъ идей слѣдуетъ изъ нея совершенно логически.

ГЛАВА XVIII.

ВДОХНОВЕНІЕ, ЯСНОВИДѢНІЕ, ЗАКЛИНАНІЕ, БОЛДОВСТВО.

§ 128. Если „злая душа умершаго“ врага можетъ войти въ тѣло чело-
вѣка, то не можетъ ли иной разъ войти въ челоуѣка дружественная душа?
Если судороги эпилептика, бредъ горячечнаго больнаго, самоистязаніе сума-
шедшаго причиняются живущимъ внѣтри челоуѣка демономъ, то нельзя ли объ-
яснить подобнымъ же образомъ и ту чрезвычайную силу или то чудесное иску-
ство, которыя обнаруживаются людьми въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т. е. нельзя
ли предположить, что такія силы и искусства даются челоуѣку обитающимъ въ
немъ благодѣтельнымъ духомъ? Если духъ врага можетъ войти въ тѣло чело-
уѣка даже въ то время, когда онъ находится въ сознательномъ состояніи, и,
занявъ это тѣло совмѣстно съ его собственной душою, управлять его дѣйствіями,
наперекоръ его собственному владѣльцу, производя такимъ образомъ истерику,
чиханіе и зѣвоту, то не можетъ ли иногда духъ предка занять тѣло своего по-
томка совмѣстно съ его собственной душою, причемъ этотъ духъ, вмѣсто того,
чтобы противодѣйствовать челоуѣку, будетъ помогать ему, придавая ему лиш-
нюю силу, или знаніе, или хитрость?

На эти вопросы дикарь вполне послѣдовательно отвѣчаетъ утвердитель-
нымъ образомъ. Результатомъ этого являются нѣкоторыя идеи, на которыя мы
и обратимъ наше вниманіе.

§ 129. Въ послѣдней главѣ, мы уже упоминали о томъ фактѣ, что сума-
шедшіе, въ припадкахъ возбужденія, бываютъ гораздо сильнѣе людей, нахо-
дящихся въ нормальномъ состояніи, причемъ мы сказали, что фактъ этотъ
имѣетъ заслуживающія вниманія послѣдствія. И дѣйствительно, люди, прини-
мающіе теорію одержанія духами, выводятъ изъ этого факта, что эти сверхъ-
естественные дѣятели обладаютъ сверхчелоуѣческой энергіей.

Что обнаруженія необыкновенной тѣлесной силы объясняютъ себѣ именно такимъ образомъ, доказывается многими фактическими свидѣтельствами изъ области древнѣйшихъ человѣческихъ преданій. Желая ободрить Диомеда, Минерва говоритъ: „я ниспослала въ твою душу неустрашимую мощь предковъ, ту мощь, которой обладалъ постоянно щито-блещущій герой Тидевсъ“. Очевидно, что въ этихъ словахъ подразумѣвается родъ какого-то воодушевленія, или вдохновенія, какое-то вдохнутіе души, которая была выдохнута однимъ изъ предковъ. Еще яснѣе подразумѣвается это въ нѣкоторыхъ еще болѣе древнихъ легендарныхъ исторіяхъ египтянъ. Въ третьемъ папирусѣ Сальера, переведенномъ проф. Лютингтономъ и рассказывающемъ о побѣдѣ Рамзеса II, говорится, что побѣдитель воззвалъ къ своему „отцу Аммону“ и получилъ такой отвѣтъ: „Рамзесъ Міамонъ, я нахожусь съ тобою, я твой отецъ Ра... я стѣю для тебя 100,000 человѣкъ, соединенныхъ въ одномъ“. И когда послѣ этого Рамзесъ, покинутый своимъ войскомъ, избиваетъ въ-одиночку все войско своихъ враговъ, враги говорятъ: „этотъ человѣкъ не простой смертный, рожденный какъ всѣ прочіе люди“.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на нѣсколько многозначительныхъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, одержавшій духъ, дающій сверхчеловѣческую силу, есть духъ одного изъ предковъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ этого духа-предка въ божество, путемъ преувеличенія и идеализаціи его свойствъ, шло и возрастаніе этой силы отъ силы, лишь немного превышающей человѣческую, до силы, превосходящей человѣческую въ неизмѣримой степени. Всѣ эти древнія расы, — Египтяне, Вавилоняне, Ассиріяне, Греки, — обладали однимъ общимъ представленіемъ по отношенію къ богамъ, состоявшимъ въ томъ, что боги, будучи въ другихъ отношеніяхъ очень сходными съ людьми, отличаются отъ нихъ силою, значительно превосходящей человѣческую; и это представленіе, не подверженное никакому ограниченію, легко расширяется въ представленіе о могуществѣ. Далѣе, всякое проявленіе тѣлесной силы, значительно превосходявшей обыкновенную, естественно возбуждало въ умахъ наблюдателей подозрѣніе, что предъ ними находится или человѣкъ, одержимый сверхъестественнымъ существомъ, или просто сверхъестественное существо, принявшее на себя видъ человѣка.

§ 130. Конечно, и необыкновенная сила ума должна получить себѣ подобное же объясненіе. Если воплотившійся въ человѣка духъ, — будетъ ли онъ имѣть первобытную форму духа-предка, или какую-либо видоизмѣненную и болѣе развитую форму, — можетъ дать сверхчеловѣческую тѣлесную силу, то онъ можетъ дать также и сверхчеловѣческую мыслительную силу, равно какъ

и сверхчеловѣческую силу страсти. Отсюда прямо слѣдуетъ, какъ логическій выводъ, ученіе о вдохновеніи въ области душевной дѣятельности.

Мы въ настоящее время такъ далеки отъ этого ученія, что намъ трудно думать, что оно принималось когда-то буквально. Нѣкоторые изъ существующихъ первобытныхъ расъ, каковы напримѣръ Таитяне, и теперь еще обнаруживаютъ передъ нами, въ самой первоначальной формѣ, то вѣрованіе, что жрецъ, въ моментъ вдохновенія, „перестаетъ дѣйствовать и говорить какъ свободное существо, поступающее по своей волѣ, но движется и говоритъ какъ челоѣкъ, находящійся вполне подъ сверхъестественнымъ вліяніемъ“; такимъ образомъ, Таитяне реализируютъ для насъ древнее вѣрованіе, что прорицатели будущаго и другіе подобные имъ люди были лишь каналами для проведенія изрѣченій боговъ. Но нѣсколько труднѣе для насъ представить себѣ ясно ту истину, что и вдохновеніе поэта понималось вначалѣ точно такимъ же образомъ. Слова: „воспой, о богиня, гибельный гнѣвъ Ахилла“ вовсе не были простой риторической формой, подобно воззваніямъ къ музамъ позднѣйшихъ временъ; но это была настоящая мольба о вдохновеніи, — объ ниспосланіи духомъ поэтическаго творчества. Люди времени Гомера, по словамъ проф. Влѣка, вѣрили, что „всѣ великія и славныя мысли нисходили отъ какого-либо божества“. Конечно, этотъ способъ объяснять происхожденіе идей и чувствъ допускаетъ безграничный просторъ и разнообразіе. Мы не имѣемъ здѣсь никакого критерія для опредѣленія того, какая степень отступленія отъ обыкновенной умственной силы или отъ обыкновеннаго душевнаго состоянія оправдываетъ допущеніе сверхъестественной причины; а потому такое допущеніе сверхъестественныхъ причинъ становится обычнымъ по поводу самыхъ незначительныхъ внушеній опыта. Въ Илиадѣ пробужденіе въ Еленѣ весьма обыкновеннаго чувства представлено такъ, какъ будто-бы это чувство было возбуждено въ ней Иридою: „богиня влила въ ея душу нѣжное желаніе увидѣть снова своего перваго супруга, свой родной городъ и своихъ родителей“. Точно также это объясненіе распространяется не на одни только возвышенные порывы эмоціональнаго или интеллектуальнаго характера. Во времена Гомера, по словамъ проф. Влѣка, „истинными преступниками считались не совершители дурныхъ дѣлъ, но боги, побуждавшіе къ совершенію такихъ дѣлъ“; и даже обыкновенныя ошибки въ сужденіи объяснялись себѣ древними греками такъ: „богъ обманулъ меня, чтобы я сдѣлалъ это“.

Мы не имѣемъ нужды излагать подробно, какимъ образомъ эта теорія, — začínаясь въ формѣ, которая обнаруживается еще и теперь у многихъ дикарей, подобныхъ обитателямъ Конго, приписывающимъ судороги жреца вдохновенію, т. е. вхожденію въ него фетиша, и дифференцируясь постепенно, какъ видно изъ сказаннаго выше, на вдохновенія божественнаго рода и вдохновенія

дьявольскаго свойства, — продолжала существовать и развиваться. Достаточно будетъ признать тотъ фактъ, что эта теорія живетъ и до сихъ поръ въ области мысли. Въ самомъ дѣлѣ, древнѣйшіе и новѣйшіе взгляды по этому поводу представляютъ гораздо меньше несходствъ, чѣмъ мы предполагаемъ. Когда мы читаемъ у Бринмона, что „у Такалисовъ жрецъ обыкновенно возлагаетъ руку на голову ближайшаго родственника умершаго и вдуваетъ въ него душу усопшаго, которая, по предположенію туземцевъ, снова является въ жизнь въ лицѣ слѣдующаго ребенка этого родственника“, то аналогичные факты можемъ наблюдать и въ настоящее время у другихъ народовъ. — — — Мы видимъ приложеніе этого первобытнаго понятія въ томъ качественномъ различіи, которое существуетъ, по утверженію нѣкоторыхъ, между геніемъ и талантомъ.

§ 131. Различіе между фактами, только-что сгруппированными нами подъ рубрикою воодушевленіе, или вдохновеніе, и фактами, имѣющими быть сгруппированными подъ рубрикой ясновидѣніе, или прозрѣніе, едва ли можетъ считаться выходящимъ за предѣлы различія чисто номинальнаго. Ясновидящій, или угадчикъ, есть просто вдохновенный человѣкъ, употребляющій свою сверхъестественную способность для частныхъ житейскихъ цѣлей.

Мы можемъ опять обратиться здѣсь къ идеямъ Амазұлу, которыя такъ тщательно изслѣдованы и такъ ясно изложены во всѣхъ подробностяхъ и которыя могутъ считаться типомъ идей этого рода, въ ихъ первобытной формѣ. Замѣтимъ прежде всего, что тѣлесное разстройство, ведущее къ разстройству душевному, составляетъ здѣсь обычное предварительное условіе. Требуется также постъ. Они говорятъ: „тѣло, постоянно напихиваемое яствами, не можетъ видѣть тайныхъ вещей“. Кромѣ того, „человѣкъ, начинающій становиться Иньянга... теряетъ сонъ.... онъ спитъ лишь урывками.... онъ становится жилищемъ сновидѣній“. Замѣтимъ вслѣдъ затѣмъ, что душевное разстройство, дойдя до извѣстной ступени, принимается за доказательство вдохновенія. Пока признаки душевнаго разстройства еще не сильны, „нѣкоторые спорятъ и отрицаютъ вдохновеніе, говоря: „Нѣтъ. Парень просто дуритъ. Въ немъ нѣтъ никакого Итонго (духа-предка)“. Другіе говорятъ: „О! въ немъ есть Итонго; онъ уже сталъ настоящимъ Иньянга“.... И наконецъ, замѣтимъ, что существованіе одержимости духомъ, утверждаемое по отношенію къ данному человѣку, считается доказаннымъ, коль скоро этотъ человѣкъ имѣетъ успѣхъ въ угадываніи или предсказываніи. Сомнѣвающіеся говорятъ: „Мы согласились бы, что онъ Иньянга, еслибы вы спрятали отъ него какія-нибудь вещи и заставили бы его искать и еслибы онъ нашелъ ихъ“.

Представленіе, столь ясно выступающее изъ этихъ фактовъ, можетъ быть прослѣжено и во всѣхъ другихъ случаяхъ этого рода, если и съ меньшею ясно-

стью, то все-таки съ ясностью совершенно достаточной, чтобы не ошибиться въ характерѣ этого представленія. При-этомъ главное различіе заключается въ предполагаемой природѣ обитающаго въ человѣкѣ сверхъестественнаго дѣятеля. Постъ, бдѣніе и другіе подобныя же приемы, производящіе ненормальную возбужденность, служатъ повсюду подготовленіемъ къ должности ясновидящаго, или прорицателя. Точно также повсюду эта возбужденность приписывается одержавшему духу: тѣни усопшаго, демону или божеству; и тѣ слова, которыя произноситъ прорицатель, принимаются за слова одержавшаго духа. Вильямсъ говоритъ о фиджійскомъ жрецѣ въ припадкѣ вдохновенія слѣдующее:

«Всѣ его слова и поступки не считаются болѣе принадлежащими ему лично, но разсматриваются какъ слова и поступки того божества, которое вошло въ него.... При произнесеніи отвѣта, глаза жреца выкатываются, будто хотятъ выскочить изъ орбитъ, и неистово вращаются во всѣ стороны, точно у бѣшенаго; голосъ его неестественъ, лицо блѣдно, губы сини, дыханіе затруднено, и вся его внѣшность похожа на внѣшность бѣшенаго сумасшедшаго».

У Санталовъ обнаруживаются въ этомъ случаѣ тѣ же самые составные элементы вѣрованія. Изнурая себя голодомъ въ теченіе многихъ дней, сантальскій жрецъ приводитъ себя въ состояніе полу-помѣшательства. Тогда онъ отвѣчаетъ на предлагаемыя ему вопросы силою одержавшаго его бога. А въ случаѣ, передаваемомъ Шервиллемъ, этотъ богъ былъ „прежде однимъ изъ ихъ вождей“.

Взгляды полуцивилизованныхъ и цивилизованныхъ расъ на этотъ предметъ надо привести только для того, чтобы показать ихъ родство съ предыдущими. По представленіямъ Гомера, „боги поддерживаютъ постоянное сношеніе съ людьми, причемъ это сношеніе составляетъ часть обыкновеннаго хода ихъ провидѣнія. Это сношеніе состоитъ главнымъ образомъ въ откровеніяхъ ихъ божественной воли, въ особенности же въ откровеніяхъ грядущихъ событій, сообщаемыхъ людямъ голосами оракуловъ“, и пр. Припоминая это, мы не можемъ не видѣть сходства по природѣ, хотя и сопровождаемаго нѣкоторымъ несходствомъ по формѣ, между изрѣченіями греческаго оракула и изрѣченіями зулускаго Иньянга, которому духъ-предокъ говоритъ такъ: „не ты будешь говорить съ людьми; но мы, твои предки, будемъ говорить имъ черезъ тебя все, о чемъ они будутъ приходить спрашивать тебя“. — — —

§ 132. Дойдя до этой ступени, эти идеи должны неизбежно развиваться далѣе. Если духъ врага вошелъ въ тѣло человѣка, то не можетъ ли онъ быть изгнанъ оттуда? Или нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы ему стало невыносимо жить въ захваченномъ имъ тѣлѣ? И если это не можетъ быть сдѣлано никакимъ другимъ путемъ, то нельзя ли достигнуть этого путемъ сверхъестественной помощи? Если нѣкоторые люди одержимы къ своему вреду духами злобы, между тѣмъ какъ

нѣкоторые другіе одержимы къ своему благополучію дружественными духами, столь же могущественными или даже, можетъ быть, болѣе могущественными, чѣмъ предыдущіе, то нѣтъ ли какой-нибудь возможности воспользоваться помощью добрыхъ духовъ, чтобы помѣшать злобнымъ вліяніямъ злыхъ духовъ, — можетъ быть, даже побѣдить и изгнать ихъ? Первобытный человѣкъ въполнѣ логически заключаетъ, что это возможно. Отсюда является заклинаніе бѣсовъ.

Вмѣстѣ съ вѣрованіемъ въ то, что душевныя и тѣлесныя разстройства причиняются вселяющимися въ людей демонами, повсюду и всегда существовало одновременное вѣрованіе, что эти демоны могутъ быть изгоняемы, или съ помощью демоновъ болѣе высокаго порядка, или безъ такой помощи. Лекаръ, или знахарь, у дикарей есть прежде всего заклинатель. То, что Роулатшъ сообщаетъ намъ о Мишмисахъ, которые въ болѣзни посылаютъ за жрецомъ, чтобы онъ изгналъ злаго духа, мы находимъ въ массахъ другихъ случаевъ, причемъ подобное вѣрованіе или выражается открыто, или подразумѣвается слишкомъ ясно. Тамъ, гдѣ не находятъ нужнымъ призывать на помощь дружественнаго сверхъестественнаго дѣятеля, способъ изгнанія злаго духа состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать тѣло больного самымъ непріятнымъ жилищемъ, такъ чтобы демонъ самъ не пожелалъ оставаться въ немъ долѣе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для этой цѣли прибѣгаютъ къ очень героическимъ средствамъ; такъ, по словамъ Марседена, Суматранцы, желая изгнать злаго духа изъ сумасшедшаго, запираютъ его въ хижинѣ, которую потомъ поджигаютъ со всѣхъ концовъ, предоставляя сумасшедшему выбирать изъ нея, какъ онъ самъ знаетъ. По всей вѣроятности, и всѣ другія чрезвычайныя мѣры, принимаемыя въ этихъ случаяхъ, по рассказамъ очевидцевъ, какъ-то проглатываніе разныхъ ужасныхъ вещей и произведеніе разныхъ невыносимыхъ запаховъ, имѣютъ подобную же цѣль: вызвать отвращеніе въ духѣ-пришельцѣ. Весьма обыкновененъ также тотъ приемъ, при которомъ заклинатель старается испугать злаго жильца страшнымъ шумомъ, грозными жестами и ужасными гримасами. У Калифорнійскихъ племенъ знахарь „присѣдаетъ противъ больного на четвереньки и лаетъ на него на-манеръ бѣшеной собаки въ продолженіе цѣлыхъ часовъ“; у племени Коніяга знахарь имѣетъ помощницу, которая при-этомъ оглашаетъ воздухъ стонами и воемъ. Иногда къ прочимъ средствамъ присоединяется и физическая сила. У Оканагановъ лекаръ „старается выпихнуть злаго духа, надавливая изо всей силы обоими сжатыми кулаками на желудокъ больного паціента“. Чтобы дать читателю типическій примѣръ употребляющихся тутъ приемовъ, мы приведемъ рассказъ Герреры о приемахъ, существующихъ у индѣйцевъ Куманы:

«Если болѣзнь продолжала ухудшаться, они говорили, что больной одержимъ духами. На этомъ основаніи они били его по всему тѣлу, приносили

чародѣйственныя слова, лизали нѣкоторыя сочлененія и сосали ихъ, говоря, что они вытягиваютъ духовъ; потомъ они брали вѣтку какого-то дерева, чудодѣйственная сила котораго была извѣстна только однимъ знахарямъ, и щекотали ей у себя въ глоткѣ, пока ихъ не начинало рвать и не показывалась кровь; послѣ чего они вздыхали, ревели, тряслись, топали ногами, дѣлали тысячи гримасъ и потѣли въ теченіе двухъ часовъ; наконецъ у нихъ появлялся родъ густой слизи, съ маленькимъ, твердымъ, чернымъ шарикомъ посрединѣ, который люди, принадлежавшіе къ семейству больного, относили въ поле, говоря: «Иди своей дорогой, дьяволъ».

Но въ той формѣ заклинанія духовъ, которую мы можемъ считать наиболѣе развитою, для изгнанія одного демона всегда употребляется другой демонъ. Знахарь или жрецъ побѣждаетъ демона въ пациентѣ или помощью того демона, которымъ онъ одержимъ самъ, или же онъ призываетъ къ себѣ на помощь какую-либо дружественную сверхъестественную силу.

Всякій знаетъ, что въ этой послѣдней формѣ заклинаніе продолжало существовать черезъ весь періодъ цивилизаціи. Въ древнѣйшія времена евреи употребляли для этой цѣли нѣкоторые физическіе приемы, сродные съ тѣми, которые мы находимъ у дикарей; такъ напримѣръ они производили страшную вонь посредствомъ сжиганія сердца и печени рыбы; этимъ способомъ заклинанія былъ изгнанъ демонъ Асмодей, который, „почувавъ запахъ дыма“, улетѣлъ въ Египетъ. Но позднѣе этотъ физическій приемъ замѣнился вытѣсненіемъ злаго духа силою болѣе могущественнаго сверхъестественнаго дѣятеля. Въ этой формѣ заклинаніе существуетъ еще и до сихъ поръ. — — —

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы можемъ прослѣдить довольно легко первобытную природу сверхъестественнаго дѣятеля. Злобныя привидѣнія, или души умершихъ, докучающія живымъ за то, что ихъ трупы не были погребены съ честью, отличаются лишь въ очень малой степени отъ злыхъ духовъ, мучащихъ живыхъ посредствомъ одержанія ихъ. Изъ только-что приведеннаго нами примѣра видно ясно, что заговариваніе привидѣній умершихъ и заклинаніе демоновъ суть видоизмѣненія одной и той же вещи. У Амазулу мы находимъ, что эти два рода заговариванія не имѣютъ отличныхъ формъ. Каноникъ Коллоуэй рассказываетъ намъ объ одной женщинѣ, которую преслѣдовалъ духъ ея умершаго мужа:

«Онъ не даетъ ей покоя каждый разъ, какъ она отправится къ другому мужчине, съ которымъ она еще не обвѣнчана; каждый разъ, какъ она оставитъ дома дѣтей своего умершаго мужа, онъ слѣдуетъ за ней и спрашиваетъ ее: «съ кѣмъ ты оставила моихъ дѣтей? Какое у тебя дѣло здѣсь? Ступай назадъ къ моимъ дѣтямъ! Если ты не слушаешься, я убью тебя!» Въ деревнѣ порѣшили немедленно заговорить духа, потому что онъ мучаетъ женщину».

Конечно, съ прогрессомъ цивилизаціи и идеи объ этихъ двухъ родахъ духовъ, и приемы для ихъ изгнанія постепенно дифференцируются: въ то время, какъ злые духи, опредѣлительно относимые къ классу враговъ, изгоняются путемъ повелительныхъ заклатій, привидѣнія умершихъ, считаемыя менѣе злыми, умиротворяются посредствомъ исполненія ихъ требованій. Но такъ какъ слова: привидѣніе, душа, духъ, демонъ, дьяволъ, означали вначалѣ одно и тоже, то мы имѣемъ полное право заключить, что то, что подъ-конецъ стало изгнаніемъ бѣса, было вначалѣ изгнаніемъ злаго двойника какого-либо умершаго челоуѣка.

§ 133. Власть надъ духами, будто-бы достигнутая заклинателемъ, выростаеъ во власть, употребляемую имъ не для одного лишь изгнанія бѣсовъ изъ одержимыхъ, но и для другихъ цѣлей. Знахарь, который, при помощи дружественныхъ духовъ, изгоняеъ духовъ враждебныхъ, весьма естественно задеетъ себѣ вопросъ, не можетъ ли онъ употребить эту помощь дружественныхъ духовъ и для другихъ какихъ-либо цѣлей? Не можетъ ли онъ съ ихъ помощью отомстить своимъ врагамъ, или исполнить такія вещи, которыя иначе были бы невозможными для него? Вѣрованіе въ то, что онъ дѣйствительно можетъ употребить такимъ путемъ помощь духовъ, порождаетъ колдовство.

Первобытную форму этого вѣрованія находимъ мы у Кафровъ, которые думаютъ, что „дурные люди возвращаютъ жизнь тѣламъ умершихъ, которые дѣлаются послѣ того домовыми и помогаютъ имъ въ ихъ злыхъ дѣлахъ“. Въ этомъ вѣрованіи мы имѣемъ прямое отождествленіе духа-покровителя и помощника (daemon familiaris), или домового, съ умершимъ человѣкомъ. Когда мы читаемъ въ Полинезій Элліса, что Таитяне вѣрятъ, будто-бы болѣзнь и смерть производятся чарованіями жрецовъ, которые заставляютъ злыхъ духовъ входить въ больного, или когда мы узнаемъ, что болѣшая часть несчастій приписывается австралійцами той силѣ, которую враждебныя племена имѣютъ надъ духами и демонами, кишущими въ каждомъ уголкѣ страны, то мы видимъ въ этихъ вѣрованіяхъ то же самое понятіе, только выраженное менѣе специфическимъ образомъ. Въ томъ фактѣ, что еврейскіе писатели „опредѣляютъ некроманта какъ такого человѣка, который постится и проводитъ ночи между могилами съ тою цѣлю, чтобы злой духъ могъ сойти на него“, мы имѣемъ ясный намекъ на сродное съ предыдущими вѣрованіе у одной изъ древнѣйшихъ историческихъ расъ. И мы не можемъ не видѣть ясной связи между этими первоначальными формами представленія о колдовствѣ и послѣдующими, производными формами этого представленія, выжившими у болѣе цивилизованныхъ расъ.

Дѣйствія колдуна, имѣющія своей первичною цѣлью пріобрѣтеніе власти надъ живымъ человѣкомъ и вторичной (которая подъ-конечъ становится гос-

подствующей), приобретѣніе власти надъ душами умершихъ людей, или надъ сверхъестественными дѣятелями, представляемыми себѣ иначе, управляются по-нятіемъ, разсмотрѣніе котораго будетъ не лишено поучительности.

Уже въ § 52 было показано, что на той ступени развитія, на которой анализъ еще не сдѣлалъ сколько-нибудь значительнаго прогресса, всякая спеціальная сила, или всякое особенное свойство какого-либо предмета, предполагается присутствующимъ во всѣхъ его частяхъ, такъ-что достаточно приобрести одну какую бы то ни было изъ его частей, чтобы приобрести особенное свойство или спеціальную силу. Этотъ способъ мышленія, какъ мы видѣли выше, ведетъ къ нѣкоторымъ особеннымъ дѣйствіямъ, которыя я долженъ иллюстрировать здѣсь новыми примѣрами. Мы уже приводили выше данныя, указывающія на существованіе той идеи, будто-бы качества извѣстнаго индивидуума приобретаются тѣмъ, кто его съѣсть; какъ на дальнѣйшее обнаруженіе той же идеи, мы можемъ сослаться на показаніе Стонбриджа, который рассказываетъ, что когда Австраліецъ убиваетъ новорожденнаго младенца, то онъ кормитъ его тѣломъ прежде родившагося ребенка, въ той увѣренности, что „этотъ ребенокъ, наѣвшишъ какъ можно сытнѣ жаренымъ младенцемъ, соединитъ въ себѣ силу обоихъ“. И я могу присовокупить сюда свидѣтельства, говорящія объ еще болѣе замѣчательномъ фактѣ, а именно о томъ, что въ другихъ мѣстахъ существуетъ обычай съѣдать съ подобною же цѣлью своихъ умершихъ родственниковъ. Гарсилассо говоритъ о Кукамасахъ: „какъ только одинъ изъ нихъ умретъ, его родственники собираются вмѣстѣ и ѣдятъ его жаренымъ или варенымъ, смотря по тому, былъ ли онъ жиренъ или худъ“. Уоллесъ рассказываетъ намъ, что нѣкоторыя изъ сосѣднихъ съ ними племенъ, а именно Торіаносы и Туканосы, пьютъ пепелъ своихъ родственниковъ и „вѣрятъ, что вслѣдствіе этого всѣ хорошія качества покойника передаются пьющимъ“; а о другомъ родственномъ съ ними племени, объ Араукасахъ, Вайтцъ рассказываетъ намъ, что у нихъ „самый высшій знакъ почести, какой только можетъ быть оказанъ умершему, состоитъ въ томъ, чтобы пить его кости, истолченныя въ порошокъ и смѣшанныя съ водою“. Не менѣе исполненъ значенія и одинъ изъ обычаевъ Коніясасовъ, живущихъ китовую ловлею. „Когда умираетъ китобой, тѣло его разрѣзывается на мелкіе кусочки и распредѣляется между его товарищами. Каждый изъ нихъ, оттеревъ предварительно такимъ кусочкомъ конецъ своего копыя, сушитъ его и сохраняетъ какъ родъ талисмана. Или же тѣло умершаго помѣщается въ какой-либо отдаленной пещерѣ, въ которой китобой собираются всѣ вмѣстѣ предъ отправленіемъ на охоту; при-этомъ они вынимаютъ тѣло изъ пещеры, относятъ его къ ручью, погружаютъ въ воду и затѣмъ пьютъ эту воду“. Кромѣ того, на извѣстной ступени развитія, предполагается,

будто-бы то особенное свойство, которое принадлежит известному агрегату, не только сосуществует неразрывно со всеми его частями въ отдѣльности, но распространяется еще и на все то, что такъ или иначе связано съ нимъ. Даже наружность данного агрегата разсматривается какъ такое свойство, которое не можетъ существовать отдѣльно отъ остальныхъ его свойствъ. Отсюда объясняется то отвращеніе, которое часто обнаруживается дикарями по отношенію къ снятію съ нихъ портретовъ. Они думаютъ, что вмѣстѣ съ этимъ живымъ воспроизведеніемъ ихъ наружности должна отниматься у нихъ и нѣкоторая часть ихъ жизни. Всѣ эти вѣрованія, — подобныя вѣрованію Чинуковъ, которые, послѣ снятія съ нихъ фотографій, „вообразили, будто-бы ихъ души перешли такимъ образомъ во владѣніе другихъ, которые могутъ мучить ихъ по своему произволу“, или вѣрованію Манучесовъ, которые считаютъ, что обладаніе портретомъ кого-либо даетъ владѣльцу портрета роковую силу надъ представленнымъ на немъ человѣкомъ, — будутъ подробно разсмотрѣны впоследствии, подъ другою рубрикою. Въ настоящую же минуту для насъ совершенно достаточно только упомянуть объ этомъ вѣрованіи, какъ о представляющемъ дальнѣйшій образчикъ тѣхъ путей, которымъ слѣдуютъ неаналитическія представленія о вещахъ.

Мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ изъ такихъ путей. На известной ступени развитія люди ассоціируютъ свойства данного агрегата не только съ его портретомъ, но даже и съ его именемъ. Вѣрованіе необразованныхъ людей нашего собственнаго общества въ существованіе нѣкоторой внутренней связи между словомъ и вещью (вѣрованіе, отъ котораго не могли освободиться даже самые образованные и самые сильные мыслители между древними греками) обнаруживается у дикарей еще болѣе яснымъ образомъ. Со всѣхъ сторонъ свѣта до насъ доходятъ свидѣтельства путешественниковъ о любви дикарей къ сохраненію своего имени въ тайнѣ. Бёртонъ замѣчаетъ о всѣхъ вообще сѣверо-американскихъ индейцахъ, что они не любятъ открывать своего имени, а относительно Южно-американцевъ Смитъ рассказываетъ намъ, что Манучесъ обнаруживаетъ такое же отвращеніе къ открытію своего имени, потому что онъ вѣритъ, будто-бы знаніе его имени даетъ знающему роковую силу надъ нимъ. Побудительный мотивъ, заставляющій дикарей держать свое имя въ тайнѣ, былъ ясно выраженъ однимъ Чинукомъ, который думалъ, что желаніе Кена узнать его имя происходило отъ намѣренія украсть его. И дѣйствительно, по словамъ Банкрофта, „у нихъ имя принимаетъ характеръ какъ-бы личности: оно есть тѣнь, или духъ, или другое я, человѣка, состоящаго изъ плоти и крови“. Подобный же взглядъ на имя мы находимъ у Дайяковъ долины, которые часто перемѣняютъ имена своихъ дѣтей, въ особенности дѣтей хилыхъ и болѣзненныхъ, „вслѣдствіе той мысли, будто-бы съ помощью этого приема они могутъ

обмануть враждебныхъ духовъ“. То же самое вѣрованіе, только въ другомъ направленіи, обнаруживается въ очень распространенномъ отвращеніи къ названію умершаго по имени. Довѣ рассказываетъ намъ о Тасманійцахъ, что они „боятся произносить имя, подъ которымъ былъ извѣстенъ ихъ усопшій другъ, какъ-будто бы его тѣмъ можетъ оскорбиться этимъ“; подобные же факты рассказываютъ намъ путешественники и объ обитателяхъ другихъ странъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ указывается прямо та же самая причина для такого отвращенія къ произнесенію имени покойника, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ причина этого страха, или отвращенія, обходится молчаніемъ.

Такая группировка фактовъ даетъ достаточно ясное понятіе о генезисѣ вѣрованій и практическихъ приѣмовъ колдуновъ. Повсюду колдунъ старается достать частичку тѣла своей жертвы, или что-либо тѣсно связанное съ ея тѣломъ, или, наконецъ, онъ старается сдѣлать какое-либо изображеніе своей жертвы и затѣмъ производитъ надъ этой частичкой тѣла, надъ этой вещью или надъ этимъ изображеніемъ то, что желаетъ произвести надъ самой жертвой. То представленіе, которое Физрой приписываетъ Патагонцамъ и на основаніи котораго они думаютъ, будто-бы обладаніе волосами или ногтями человѣка даетъ колдуну возможность сдѣлать всякое зло этому человѣку, есть представленіе, распространенное повсюду. По этой причинѣ всѣ Ново-зе-ландцы „боятся обрѣзывать себѣ ногти“. Каноникъ Коллоуэй говоритъ прямо объ Амазулу, что „они предполагаютъ, будто-бы колдуны губятъ свои жертвы такъ: они берутъ какую-нибудь часть тѣла человѣка, напримѣръ волосы или ногти, или же какую-нибудь вещь, которую этотъ человѣкъ носилъ на тѣлѣ, напримѣръ кусокъ старой одежды, и зарываютъ эти вещи, съ прибавленіемъ къ нимъ извѣстныхъ снадобій, въ какомъ-либо потаенномъ мѣстѣ“. Древніе перуанскіе колдуны губили свои жертвы ворожбою надъ взятою изъ нихъ кровью. У Ново-каледонцевъ эта роковая власть надъ человѣкомъ дѣйствуетъ посредствомъ волхвованій надъ остатками отъ его пищи. По всей вѣроятности, тутъ скрывается та идея, что эти остатки продолжаютъ находиться въ связи съ тою частью пищи, которая была съѣдена человѣкомъ и которая стала частью его тѣла. Они вѣрятъ, что

«люди могутъ производить болѣзнь и даже смерть посредствомъ сожиганія того, что они называютъ нагакъ. Нагакъ означаетъ соръ, но главнымъ образомъ остатки отъ пищи. Поэтому всѣ остатки этого рода они или сжигаютъ, или бросаютъ въ море, чтобы производители болѣзней не овладѣли какъ-нибудь ими.... Вѣра въ систему сжиганія нагака такъ же тверда между самими знахарями, какъ и между простымъ населеніемъ. Если наблюдатель болѣзней заболѣваетъ самъ, то онъ увѣренъ вполне, что кто-нибудь ежegt его нагакъ».

Примѣры чаръ, основанныхъ на вѣрованіи въ то, что изображеніе какой-либо вещи связано физически съ самою вещью, могутъ быть указаны въ обществахъ, находящихся на всѣхъ ступеняхъ развитія. Китингъ, рассказываетъ намъ о Чиппеуоэзахъ, что у нихъ колдунъ переноситъ болѣзнь съ своего пациента на его врага слѣдующимъ образомъ: „онъ дѣлаетъ деревянное изображеніе врага своего пациента“, протыкаетъ ему отверстіе въ самое сердце и вводитъ черезъ отверстіе извѣстные порошки; тожество этого метода съ методами, извѣстными намъ изъ сказокъ о европейскихъ колдунахъ и ихъ приемахъ, такъ очевидно, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ.

При переходѣ отъ этой болѣе простой формы колдовства къ той его формѣ, при которой пускаются въ ходъ сверхъестественные дѣятели, намъ представляются сами собой слѣдующіе вопросы: какая связь существуетъ между этими двумя формами? И не развивается ли вторая форма изъ первой? Есть причины думать, что это дѣйствительно такъ. Припоминая, какъ не значительно то различіе, которое признается первобытнымъ человѣкомъ между живымъ и мертвецомъ, мы можемъ подозревать, что онъ думаетъ, будто-бы и на того и на другаго можно дѣйствовать одинаковымъ образомъ. Если обладаніе какой-либо частью живаго человѣка даетъ власть надъ этимъ человѣкомъ, то не даетъ ли обладаніе какой-либо частью мертваго человѣка такой же власти и надъ нимъ? Выше уже было показано, что нѣкоторые народы предполагаютъ, будто-бы мертвецъ нуждается во всѣхъ частяхъ своего тѣла. Въ § 88 мы видѣли, что Мексиканцы заботились о томъ, чтобы оставить кости покойника въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ легко могъ бы найти ихъ при воскресеніи, и что, на основаніи точно такого же понятія, волосы и ногти умершаго Перуанца тщательно складывались для него въ одно мѣсто его родственниками. По словамъ Бастіана, тоже самое, и на основаніи тѣхъ же самыхъ причинъ, дѣлается неграми внутренности материка, въ Ардрахъ. Не лежитъ ли въ подобныхъ обычаяхъ того скрытаго заключенія, что всякій, владѣвшій этими останками, получаетъ этимъ самымъ надъ ихъ мертвымъ владѣльцемъ такую же власть, какую онъ получилъ бы надъ живымъ человѣкомъ, овладѣвъ нѣкоторыми частями его тѣла? Допустимъ это скрытое заключеніе, и тогда смыслъ чародѣйственныхъ приемовъ колдуновъ станетъ для насъ ясенъ. Обыкновенно они употребляютъ при-этомъ огонь и обыкновенно же сжигаемыя или варимыя вещи суть останки умершихъ людей или животныхъ, но въ-особенности людей. Рассказывая о древнихъ Перуанцахъ, Арриага говоритъ, что у нихъ колдунъ „приводилъ все, находящееся въ домѣ, въ сонное оцѣненіе, съ помощью особеннаго порошка, смолотата изъ костей мертвеца“. Въ древнія времена вообще считалось весьма опаснымъ „оставлять трупы безъ призора, такъ какъ они могли быть обезображены кол-

дуньями, которыя брали изъ нихъ большую часть избраннѣйшихъ ингредиентов для составленія своихъ чародѣйственныхъ снадобій“. Такъ какъ вначалѣ элементами чародѣйскихъ снадобій служили различныя части мертвеца и такъ какъ эти части отличались всего болѣе своей отвратительностью, то мало по малу естественно сложилось то убѣжденіе, что отвратительныя вещи вообще способны усиливать дѣйствительность „адскаго варева“. Не трудно видѣть, что, исходя изъ принудительной власти надъ мертвецомъ, съ помощью чего-либо, принадлежащаго этому мертвецу, колдовство должно было съ теченіемъ времени видоизмѣняться и развиваться, а именно, вмѣстѣ съ дифференцированіемъ тѣней-усопшихъ въ порядокъ духовъ и порядокъ демоновъ, должно было идти и дифференцированіе колдовства въ колдовство простое, съ помощью мертвецовъ (знахарство, вѣдунство, колдовство) и колдовство съ помощью нечистой силы, съ примѣсю „чертовщины“ (волхвованіе, волшебство, чернокнижіе). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло идетъ для колдуна о заклатіи душъ животныхъ или душъ превращенныхъ человѣческихъ существъ (оборотней), и вотъ въ этихъ случаяхъ мы въ-особенности можемъ ожидать встрѣтиться съ такими странными сочетаніями, какъ „глазъ ящерицы и палецъ лягушки“ и тому подобными дикими смѣсями, содержащимися по разсказамъ въ волшебномъ котлѣ колдуній ¹⁾. Предполагаемое могущество именъ даетъ намъ новыя при-

¹⁾ Когда эти строки находились уже въ печати, я получилъ поразительное подтвержденіе выведеннаго въ нихъ заключенія. Въ благодарственномъ письмѣ Банкрофту за присылку перваго тома его сочиненія *Native Races of the Pacific States*, я высказалъ, что придаю большое значеніе для моихъ собственныхъ цѣлей его трудолюбивой компиляціи; въ отвѣтъ на это онъ обязательно началъ посылать мнѣ корректурные оттиски остальныхъ томовъ, доведенныхъ печатаніемъ уже очень далеко.

Въ VIII т. этого сочиненія, на стр. 147, находится параграфъ, описывающій посвященіе въ шаманы у Тлинкитовъ. Готовящійся въ шаманы отправляется въ лѣсъ и живетъ тамъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль «одними только корнями растенія *рапах horridum*», въ ожиданіи того, когда «глава духовъ» (который ничто иное, какъ шаманъ-предокъ) пошлетъ ему «рѣчную выдру, въ языкѣ которой, по мнѣнію Тлинкитовъ, скрыта вся сила и тайна шаманизма»... «Но если духи не являются къ будущему шаману и не даютъ ему никакого случая добыть вышеописанный языкъ выдры, то неопитъ отправляется на могилу усопшаго шамана и предпринимаетъ тамъ ужасное бдѣніе въ теченіе цѣлой ночи, держа въ своемъ живомъ рту палецъ мертвеца или одинъ изъ его зубовъ: этотъ приемъ дѣйствуетъ на духовъ очень могущественнымъ образомъ и заставляетъ ихъ прислать требующуюся выдру».

Я нахожу, что здѣсь всего удобнѣе будетъ указать, что мы получаемъ такимъ образомъ объясненіе амулетовъ. Хотя талисманы и не всегда пред-

чины подозрѣвать существованіе нѣкотораго подобнаго родства между приемами некромантического искусства и идеями дикарей. Первобытное понятіе, что имя имѣетъ свою собственную внутреннюю силу, и производное "отсюда" понятіе, что называніе мертвецовъ по именамъ дѣйствуетъ на нихъ и можетъ оскорбить ихъ, порождаютъ понятіе некроманта о вызываніи покойниковъ и духовъ вообще. Повсюду, какъ напримѣръ въ еврейской легендѣ о Самуилѣ, тѣмъ ко-

ставляютъ непременно части мертвыхъ людей и животныхъ, однакоже въ большинствѣ случаевъ они состоятъ именно изъ такихъ останковъ. На основаніи вышеописаннаго понятія, предполагается, что такой амулетъ, состоящій изъ частицы умершаго, даетъ своему обладателю нѣкоторую силу, принадлежавшую этому умершему существу, или нѣкоторую силу надъ этимъ существомъ, или то и другое вмѣстѣ. То, что употребляется колдуномъ какъ орудіе къ принужденію, превращаясь въ талисманъ, носится какъ обезпеченіе себѣ добрыхъ услугъ духа (человѣка или животнаго) или какъ защита отъ него. Обычай носить на себѣ кости умершихъ родственниковъ, — обычай, свойственный многимъ дикимъ народамъ, — имѣетъ вѣроятно это значеніе; это же значеніе, какъ мы видѣли, прямо признается китобоями изъ племени Коніага, которые сохраняютъ по кусочку тѣла умершаго товарища въ качествѣ талисмана. То же самое понятіе ясно подразумѣвается въ томъ фактѣ, который сообщаетъ намъ Бичамъ, по словамъ котораго «король Ашантиевъ носилъ съ собой въ битву, въ качествѣ талисмана, голову своего предшественника», а Ново-каледонцы, которые «сохраняютъ ногти и зубы покойниковъ въ качествѣ талисмановъ», обнаруживаютъ то же самое понятіе. Племена, находящіеся въ постоянной опасности отъ свирѣпыхъ животныхъ, часто употребляютъ въ качествѣ амулетовъ удобосохранимыя части такихъ животныхъ. Андерсонъ говоритъ о Дамарахъ, что у нихъ «амулетами служатъ обыкновенно зубы львовъ и гіенъ, внутренности животныхъ» и пр. и пр.; а въ другомъ мѣстѣ онъ описываетъ амулеты Намаковъ, какъ «состоящіе обыкновенно изъ зубовъ и когтей львовъ, гіенъ и другихъ дикихъ звѣрей, изъ кусочковъ дерева и кости, изъ сушеного мяса и жира, изъ корней растений» и пр. Подобнымъ же образомъ Бойль даетъ слѣдующее перечисленіе талисмановъ, принадлежащихъ Дайякскому знахарю: нѣсколько зубовъ аллигаторовъ и медвѣдей, нѣсколько кабаньихъ клыковъ, стружки отъ роговъ оленя, перепутанныя пасма цвѣтныхъ нитей, когти нѣкоторыхъ животныхъ и разные обрывки и обломки европейскихъ вещей. Очевидно, что удобосохранимыя части животныхъ занимаютъ здѣсь главное мѣсто. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый мотивъ, побуждающій къ сохраненію такихъ животныхъ останковъ, выраженъ вполне ясно. Перечисляя амулеты бразильскихъ индѣйцевъ, Спиксъ и Марціусъ называютъ «глазные зубы бобровъ и обезьянъ», причемъ они прибавляютъ, что индѣецъ думаетъ, будто-бы его амулеты, кромѣ другихъ приносимыхъ ими выгодъ, «защищаютъ его отъ нападенія дикихъ звѣрей».

торого спрашиваетъ Саула, зачѣмъ онъ потревожилъ ее, или какъ въ той исландской сагѣ, которая описываетъ, какъ тѣни усопшихъ, называемыя одна за другою по имени, отвѣчаютъ на такой призывъ,—повсюду мы находимъ свѣдѣтельства существованія вѣры въ то, будто-бы обладаніе именемъ покойника даетъ надъ этимъ покойникомъ такую же власть, какую обладаніе именемъ живаго человѣка даетъ надъ этимъ человѣкомъ, по вѣрованію тѣхъ же самыхъ людей. Сила, приобретаемая знаніемъ имени, подразумѣвается также и въ такихъ исторіяхъ, какъ извѣстная арабская сказка изъ тысячи и одной ночи объ „откупоренномъ Сезамѣ“; наконецъ, точно такое же признаніе силы называнія по имени мы можемъ видѣть въ существующей еще и теперь поговоркѣ: „стоитъ заговорить о чортѣ, чтобы онъ навѣрное явился“; хотя теперь эта поговорка употребляется только въ шутку.

Впрочемъ, даже оставляя въ сторонѣ спеціальныя объясненія разныхъ частныхъ, мы найдемъ, что общее объясненіе колдовства достаточно очевидно. Первобытная теорія тѣней или духовъ умершихъ, допуская лишь очень мало различія между мертвецомъ и живымъ, благопріятствуетъ появленію и укрѣпленію понятія, что на мертвеца можно дѣйствовать тѣми же самыми пріемами, которые дѣйствуютъ на живаго, а отсюда проистекаетъ тотъ родъ колдовства, который, въ своей древнѣйшей формѣ, есть вызваніе умершаго, чтобы добыть отъ него помощь или какое-либо свѣдѣніе, какъ напримѣръ когда Эндорская волшебница вызываетъ духъ Самуила, а въ своей позднѣйшей формѣ есть вызваніе демоновъ, чтобы заручиться ихъ помощью въ какомъ-нибудь зломъ дѣлѣ.

§ 134. Заклинаніе и колдовство переходятъ нечувствительно въ сверхъестественное дѣйствіе. Существующее здѣсь различіе относится не столько къ природѣ получающихся эффектовъ, сколько къ природѣ производящихъ ихъ дѣятелей. Если чудесныя дѣйствія приписываются сверхъестественному существу, враждебному зрителямъ этихъ дѣйствій, то вызвавшее эти дѣйствія искусство есть колдовство; если же эти удивительныя дѣйствія приписываются дружественному сверхъестественному существу, то они относятся къ разряду явленій высшаго порядка.

Что отношеніе между сверхъестественнымъ явленіемъ высшаго порядка и колдовствомъ именно таково, это ясно обнаруживается изъ состязанія между еврейскими жрецами и египетскими магами. Съ точки зрѣнія Фараона, Ааронъ былъ колдунъ, дѣйствовавшій съ помощью враждебнаго Фараону духа; между тѣмъ какъ его собственные жрецы дѣйствовали съ помощью покровительствовавшихъ ему боговъ и наоборотъ. Но обѣ стороны согласно вѣрили, что каждая изъ нихъ дѣйствовала съ сверхъестественной помощью и что менѣе

могущественный сверхъестественный дѣятель долженъ быть уступить болѣе могущественному.

Что касается до разсказовъ о древнихъ сверхъестественныхъ явленіяхъ другаго порядка, то, судя по разсказамъ путешественниковъ, явленія, параллельныя имъ по своему значенію, ежедневно совершаются еще и теперь въ южной Африкѣ. Бечуаны принимаютъ миссіонеровъ за особенный родъ насылателей дождей; а у Йорубовъ „старикъ-поселянинъ, видя тучу, нерѣдко скажетъ миссіонеру: „пожалуйста, заставь ее пролиться на нашу землю“. Такъ какъ въ этихъ сухихъ областяхъ дождь равнозначущъ съ небеснымъ благословеніемъ, то мы встрѣчаемъ здѣсь состязанія между дожде-насылателями, или „пастырями небесныхъ стадъ“, подобныя состязанію между Ильей и жрецами Ваала. Тутъ мы видимъ такія же испытанія силы и подобныя же наказанія за неуспѣхъ. „Однажды, во время страшной жары и засухи, дожде-насылатель Умквекана говоритъ: „пусть народъ посмотреть на небо въ такое-то время: пойдетъ дождь....“ и когда дѣйствительно пошелъ дождь, народъ сказалъ: „по-истинѣ, онъ знахарь....“ Въ слѣдующемъ году небо было не милостиво и не давало ни капли дождя. Народъ сталъ преслѣдовать знахаря Умквекану чрезвычайно.... Говорятъ, что они отравили его“. Обыкновенно мы встрѣчаемъ то же самое представленіе о вѣдунѣ погоды, какое заключается въ словахъ каноника Коллоуэя, что это есть „жрецъ, который обладаетъ силою могущественнаго посредничества“; и обыкновенно мы находимъ, что и его способность къ посредничеству, и сила того сверхъестественнаго дѣятеля, надъ которымъ онъ имѣетъ вліяніе, испытываются по тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ въ состояніи достигнуть. Одинъ изъ старинныхъ путешественниковъ, Гансъ Стедъ, описывая свой плѣнъ у бразильскихъ индѣйцевъ, говоритъ: „Богъ совершилъ чудо черезъ меня“, и затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ, по требованію двухъ дикарей, онъ остановилъ свою молитвою приближавшуюся бурю, которая угрожала помѣшать ихъ рыбной ловлѣ, и какъ „дикарь Парваа сказалъ: „Теперь я вижу, что ты говоришь съ своимъ богомъ“. Читая этотъ разсказъ, мы видимъ, что и дикарь, и цивилизованный человѣкъ совершенно согласны между собою въ истолкованіи случившагося факта.

Единственное важное различіе состоитъ здѣсь лишь въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ сверхъестественный дѣятель, производящій данное сверхъестественное дѣйствіе по наущенію знахаря, вѣдуна-дожденасылателя, прорицателя или жреца, отклоняется, со стороны приписываемой ему природы, отъ первоначальнаго духа-предка.

§ 135. Теперь мы приближаемся къ другому порядку явленій, развивав-

шемуся одновременно съ тѣми порядками, которые описывались въ этой и въ предшествующихъ главахъ.

Первоначальное вѣрованіе заключается въ томъ, что тѣни умершихъ, или ихъ духи, входя въ тѣла живыхъ людей, производятъ судороги, помѣшательство, болѣзни и смерть; по мѣрѣ того, какъ такое вѣрованіе развивается, эти первобытные сверхъестественные дѣятели, принимаемые за причинителей этихъ бѣдствій, дифференцируются въ сверхъестественныхъ дѣятелей разнообразныхъ родовъ, обладающихъ различными силами. Выше мы уже рассмотрѣли нѣкоторые изъ слѣдствій этой теоріи одержанія. Вмѣстѣ съ вѣрою въ зловерное одержаніе необходимо существуетъ и вѣра въ благотѣльное, котораго люди выпрашиваютъ себѣ въ своихъ молитвахъ и которое принимаетъ формы сверхъестественной силы, сверхъестественнаго воодушевленія, или вдохновенія, и сверхъестественнаго знанія. Далѣе, изъ того понятія, что коль скоро демоны могутъ входить въ человѣка, то они могутъ быть и изгоняемы изъ него, является заклинаніе бѣсовъ. А затѣмъ, вслѣдъ за идеею, что демоны могутъ быть изгоняемы, естественно является идея, что ими вообще можно управлять, — что ихъ можно призывать на помощь: отсюда волхвованія и разныя сверхъестественныя явленія.

Но если тѣни умершихъ, или производные сверхъестественные дѣятели, опредѣляемые какъ-либо по другому, могутъ такимъ образомъ, относясь враждебно къ людямъ, наносить имъ всякія бѣдствія, или же, будучи дружественно расположены къ нимъ, доставлять имъ помощь и покровительство, то не требуетъ ли само благоразуміе вести себя такимъ образомъ, чтобы заслужить ихъ доброе расположеніе? Нѣсколько различныхъ путей представляются при этомъ случаѣ человѣческому уму. Такъ какъ вначалѣ предполагается, что эти души, или духи, сходны съ живыми людьми по своимъ воспріятіямъ и по своимъ умственнымъ способностямъ, то люди могутъ обманывать ихъ и вообще увертываться отъ ихъ преслѣдованій. Или, подобно тому какъ въ описанныхъ нами выше случаяхъ, люди могутъ вызывать ихъ на бой и изгонять. Или, наоборотъ, люди могутъ избрать такой путь: умиловать ихъ, когда они находятся въ гнѣвѣ, и стараться дѣлать пріятное имъ, когда они дружественно расположены къ нимъ.

Этотъ-то послѣдній путь, поражающій религіозные обряды, мы и должны рассмотреть теперь. Мы найдемъ, что весь агрегатъ идей и обычаевъ, составляющихъ религіозный культъ, имѣетъ одинъ и тотъ же корень съ уже описанными выше агрегатами идей и обычаевъ и отходить отъ нихъ лишь самымъ постепеннымъ образомъ.

ГЛАВА XIX.

СВЯЩЕННЫЯ МѢСТА, ХРАМЫ И АЛТАРИ; ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЕ,
ПОСТЬ И УМИЛОСТИВЛЕНІЕ, СЛAVOCЛОВІЕ, МОЛИТВА И ПР.

§ 136. Надписи, украшающія надгробные камни, часто начинаются словами: „посвящается памяти такого-то“. Эта священность, приписываемая такимъ образомъ могила, распространяется на все, что находится или находилось въ тѣсной связи съ мертвымъ. При входѣ въ комнату, въ которой стоитъ покойникъ, люди обыкновенно стараются производить какъ можно меньше шума, необходимыя слова произносятся самымъ тихимъ голосомъ; да и все сдержанное поведеніе присутствующихъ обнаруживаетъ чувство, которое, какъ бы ни были измѣнчивы другіе его элементы, всегда заключаетъ въ себѣ элементъ страха.

Это чувство, возбуждаемое въ насъ мертвецомъ, мѣстомъ погребенія умершихъ и всѣмъ, что непосредственно связано съ мертвымъ, безъ всякаго сомнѣнія отличается отчасти отъ такого же чувства первобытнаго человѣка, но, по существу своему, все-таки сходно съ нимъ. Когда мы читаемъ о всѣхъ вообще дикаряхъ, какъ напримѣръ о Дакотахъ, что „они находятся въ сильномъ страхѣ по отношенію къ духамъ умершихъ“, и что многія племена, какъ напримѣръ Готтентоты, думаютъ, что тѣни умершихъ посѣщаютъ мѣста своей смерти, а потому они „покидаютъ хижину послѣ смерти одного изъ ея обитателей“, оставляя нетронутымъ все, что въ ней находится, то эти факты показываютъ намъ достаточно ясно, что страхъ есть главный составной элементъ этого чувства. Отвращеніе отъ комнаты, въ которой умеръ кто-либо, — отвращеніе, такъ часто встрѣчающееся между нами, — также какъ и отвращеніе отъ прохожденія ночью черезъ кладбище, возникаетъ отчасти изъ чувства неопредѣленнаго страха. Это чувство, общее нецивилизованнымъ и цивилизованнымъ людямъ, окрашиваетъ собою всѣ идеи, которыя возбуждаютъ въ насъ мертвые.

Впрочемъ, отчего бы это ни происходило, но мы имѣемъ многочисленныя доказательства того, что мѣсто нахожденія мертвыхъ возбуждаетъ у дикарей чувство страха; они приближаются къ нему съ боязнью, и оно пріобрѣтаетъ характеръ священнаго мѣста. Маринеръ рассказываетъ, что на островахъ Тонга кладбища, на которыхъ погребены великіе вожди, считаются священными. А отъ Ангаса мы узнаемъ, что когда Ново-зеландскій вождь погребается въ какой-либо деревнѣ, вся эта деревня становится немедленно т а б у: никому не дозволяется приближаться къ ней подъ страхомъ смерти. Таитяне, по словамъ Кука, никогда не исправляли дома, въ которомъ умеръ кто-либо, и не жили въ немъ: этотъ домъ и все принадлежавшее къ нему становились т а б у. Ново-зеландцы оставляютъ пищу для усопшихъ въ „священныхъ кубышкахъ“; въ Апентеумѣ, обитатели котораго „поклоняются духамъ своихъ предковъ“, тѣ рощи, въ которыхъ они оставляютъ пищу и прочія приношенія этимъ предкамъ, считаются „священными рощами“, а Ашантіи „считаютъ городъ Вантаму священнымъ, потому что въ немъ находится жилище фетиша, которое есть ничто иное, какъ гробница королей Ашантіевъ“.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить тотъ фактъ, что страхъ, возбуждаемый мертвыми, вырастаетъ въ чувство, сходное съ тѣмъ, которое возбуждается мѣстами и вещами, употребляемыми для религіозныхъ цѣлей. Это родство само на-сильственно напрашивается на наше вниманіе, когда мы читаемъ такія показанія, какъ показанія Кука объ обитателяхъ Сандвичевыхъ острововъ, у которыхъ, по его словамъ, м о р а и представляетъ повидимому въ одно и тоже время и ихъ пантеонъ, и мѣсто погребенія усопшихъ; или подобное же показаніе его о Таитянахъ, у которыхъ, по его словамъ, м о р а и, или мѣсто погребенія, есть всегда въ тоже время и мѣсто поклоненія богамъ, или мѣсто богослуженія. Но всего яснѣ увидимъ мы это родство изъ разсмотрѣнія генезиса храмовъ и алтарей.

§ 137. Относительно Веддаховъ, живущихъ въ пещерахъ, Байли рассказываетъ намъ, что до очень недавняго времени они имѣли обыкновение оставлять покойника тамъ, гдѣ онъ умиралъ: оставшіеся въ живыхъ отыскивали себѣ другую пещеру, предоставивъ ту, въ которой случилась смерть, духу усопшаго. Швейнфуртъ сообщаетъ тотъ фактъ, уже упомянутый нами выше, въ связи съ другимъ вѣрованіемъ, что ни одного изъ обитателей Бонго нельзя убѣдить войти въ одну мѣстную пещеру, про которую они говорятъ, будто-бы она населена духами умершихъ въ ней бѣглецовъ. А въ другомъ случаѣ Ливингстонъ рассказываетъ намъ, что „ни одинъ человѣкъ не осмѣливался входить въ Логагенгъ, или пещеру, ибо всѣ они вѣрили, будто-бы она была жилищемъ божества“. Припоминая тотъ фактъ, что первобытные люди жили въ пещерахъ и

въ тоже самое время погребали въ нихъ своихъ мертвецовъ, — прибавляя сюда затѣмъ тотъ фактъ, что даже въ то время, когда они перестали уже употреблять пещеры для жилищъ, они все-еще продолжали употреблять ихъ въ качествѣ кладбищъ, — и припоминая вдобавокъ всеобщій обычай приносить частыя приношенія въ тѣ мѣста, гдѣ покоятся усопшіе, мы легко увидимъ, какимъ образомъ возникаетъ священная пещера, или пещера-храмъ.

Что пещеры-храмы Египта возникли именно такимъ образомъ, это довольно ясно. Въ различныхъ частяхъ свѣта постоянно находятъ естественныя пещеры, стѣны которыхъ бывають размазаны грубыми фресками; точно такимъ же образомъ и у этихъ искусственныхъ пещеръ, въ которыхъ хоронились египетскіе цари, ихъ длинные коридоры и погребальныя комнаты были покрыты по стѣнамъ различными рисунками. Если мы допустимъ, что набальзамированнымъ тѣламъ египетскихъ царей, какъ и вообще тѣламъ умершихъ египтянъ, дѣлались приношенія, то мы должны будемъ заключить, что священная погребальная пещера стала пещерою-храмомъ. А узнавъ, что въ другихъ мѣстахъ Египта находятъ пещерныя храмы болѣе развитаго рода, никогда не бывшіе прежде мѣстами погребенія, мы будемъ имѣть право разсматривать ихъ какъ производныя формы; ибо невозможно предположить, чтобы люди стали высѣкать въ цѣльной скалѣ свои богослужебныя зданія безъ того, чтобы эта идея не была внушена имъ какой-либо болѣе ранней привычкой или обычаемъ.

Другой классъ храмовъ имѣтъ другое происхожденіе, обусловленное другимъ видомъ погребенія. Мы уже упоминали выше о чрезвычайно-распространенномъ обычаѣ погребать умершаго въ его собственномъ домѣ. Араукасы, по словамъ Шомбурга, помѣщаютъ трупъ „въ маленькій челнокъ изъ древесной коры и погребаютъ его въ хижинѣ“. Гумбольдтъ рассказываетъ, что у гвіанскихъ племенъ „въ хижинѣ выкапывается яма, въ которую и кладется трупъ“, а у Криковъ жилище умершаго воина служить для него и мѣстомъ погребенія. Также самое находимъ мы и въ Африкѣ. У Фантіевъ „умершій погребается въ его собственномъ домѣ“; Дагомейцы погребаютъ умершаго „въ его собственномъ домѣ или въ жилищѣ одного изъ его предковъ“; такое же погребеніе въ домѣ находимъ мы у Фулаховъ, у Богосовъ и у обитателей Золотого Берега. Стремленіе дома, получившаго такое употребленіе, превратиться въ храмъ зависитъ оттого, будетъ ли онъ покинутъ остальными обитателями или нѣтъ. Въ случаяхъ, подобныхъ приведеннымъ въ § 117, гдѣ оставшіеся въ живыхъ продолжаютъ жить въ хижинѣ, въ которой погребены одинъ или нѣсколько умершихъ, обстоятельство это мѣшаетъ ей приобрести священный характеръ. Когда Ланда рассказываетъ намъ, что центральные американцы Юкатана „обыкновенно покидаютъ хижину послѣ погребенія и оставляютъ ее необи-

таемой, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда число жившихъ въ ней такъ велико, что они могутъ преодолѣть въ компаніи страхъ, внушаемый имъ покойникомъ“, то этотъ разсказъ показываетъ намъ, и какъ возникаетъ занимающее насъ чувство, и къ чему оно можетъ привести, не будучи сдержано другими обстоятельствами. Поэтому, читая о Карибахъ, что, „похоронивъ трупъ посреди его собственнаго жилища“ (если онъ былъ хозяиномъ дома), родственники умершаго покидали домъ совсѣмъ и строили себѣ новое жилище, подальше отъ прежняго“,—или читая о Бразильскихъ индѣйцахъ, что „умершій погребался въ хижинѣ, которая, если онъ былъ взрослый, немедленно покидалась, и оставшіеся въ живыхъ строили себѣ новое жилище“,—а также читая, что „древніе Перуанцы часто погребали своихъ усопшихъ въ ихъ прежнихъ жилищахъ и затѣмъ удалялись изъ нихъ“, — мы необходимо приходимъ къ тому очевидному заключенію, что покинутый домъ, предоставленный духу усопшаго, становится такимъ мѣстомъ, на которое окрестные жители смотрятъ со страхомъ. Сверхъ того, такъ какъ въ такой домъ обыкновенно приносятся отъ времени до времени запасы пищи и такъ какъ подобныя приношенія сопровождаются обыкновенно и другими умиловительными актами, то первоначальный домъ — жилище, превращенный въ домъ — могилу, пріобрѣтаетъ постепенно атрибуты храма.

Гдѣ погребеніе въ дому не въ обычаѣ между жителями, тамъ зародышемъ священнаго строенія становится покрывка, или защитительная постройка, воздвигаемая надъ могилою или надъ подмостками, на которые помѣщается трупъ. Ёрль разсказываетъ, что обитатели Новой Гвиней „воздвигаютъ надъ могилою крышу изъ атасса“. А Кукъ говоритъ, что Таитяне, когда они были открыты имъ, помѣщали трупы своихъ покойниковъ на особенныя носилки, которыя поддерживались снизу высокими колыями и защищались сверху особою крышею; употребленіе этой защитительной крыши продолжалось и до того времени, къ которому относится описаніе Таитянъ, сдѣланное Эллисомъ. Точно тоже можно сказать и о Суматрѣ, гдѣ „надъ могилою строится шалашъ“, равно какъ и о Тонганскихъ островахъ, гдѣ гробница состоитъ изъ гроба, изъ могилы, въ которую онъ опускается, и изъ особеннаго рода шалаша, или крова. Понятно, что такой кровъ, или шалашъ, допускаетъ расширеніе и отдѣлку. Брукъ разсказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дайаки строятъ для умершихъ гробницы, похожія на дома, достигающія до 18 футовъ въ высоту, украшенныя рѣзбою, пустыя внутри и содержащія имущество умершаго: мечъ, щитъ, весло и пр. Слѣдовательно, когда мы читаемъ въ отчетѣ экспедиціи, снаряженной для изслѣдованій Съверо-Американскими Соединенными Штатами, что Фиджійцы кладутъ трупы своихъ вождей и другихъ знатныхъ людей въ

маленькихъ мбурахъ, или храмахъ, то мы ничуть не впадемъ въ заблужденіе, заключивъ, что эти такъ-~~на~~зываемые храмы суть просто болѣе развитыя защитительныя постройки надъ могилами. Обряды, наблюдаемые въ этихъ постройкахъ, заключающихъ въ себѣ мертвеца, доставляютъ дальнѣйшія доказательства существеннаго тождества ихъ природы съ фиджійскими мбурами и съ храмами вообще. Описывая погребальныя обряды при похоронахъ Таитскаго вождя, Эллисъ говоритъ, что „трупъ его былъ одѣтъ и помѣщенъ въ сидячемъ положеніи подъ защитительной крышею; передъ нимъ былъ воздвигнутъ маленький алтарь, на который его родственники или особенный жрецъ, назначенный для услугъ умершаго, ежедневно возлагали разныя приношенія: плоды, разную пищу и цвѣты“. Здѣсь предохранительный кровъ, или шалашъ, очевидно сталъ мѣстомъ совершенія религіозныхъ обрядовъ.

Чтобы видѣть еще болѣе яснымъ образомъ, какъ строеніе, воздвигнутое надъ трупомъ мертвеца, развивается въ храмъ, слѣдуетъ взглянуть на обычаи Перуанцевъ. Акоста сообщаетъ намъ, что „сокровища, помѣстья и доходы каждаго короля—инки оставались его собственностью и послѣ его смерти; они шли на поддержаніе часовни, въ которой ставилось его тѣло, и на прокормленіе огромнаго числа слугъ и всѣхъ тѣхъ членовъ его семейства, которые посвящали себя на служеніе ему“.

Но не у однихъ только этихъ низшихъ расъ можемъ мы прослѣдить этотъ генезисъ храма изъ дома, специально-устроеннаго для покойника. Чтò старинныя испанскіе путешественники рассказываютъ о Перуанцахъ, то старинныя греческіе путешественники рассказываютъ объ Египтянахъ. Чіеза выражаетъ свое изумленіе по поводу того, „какъ мало заботились Колласы объ устройствѣ обширныхъ и красивыхъ домовъ для живыхъ, между тѣмъ какъ они посвящали такъ много хлопотъ и заботъ гробницамъ, въ которыхъ были погребены умершіе“; подобнымъ же образомъ и Діодоръ, объясняя невзрачность египетскихъ жилищъ, по сравненію съ роскошью ихъ гробницъ, говоритъ: „они называютъ дома для живыхъ трактирами, такъ какъ въ нихъ человѣку приходится оставаться лишь недолгое время; гробницы же умершихъ они называютъ вѣчными обиталищами“. Такъ какъ эти египетскія гробницы, — сходныя съ египетскими домами по типу, хотя и превосходившія ихъ въ качественномъ отношеніи, — были такими мѣстами, въ которыхъ дѣлались приношенія умершимъ, то онѣ были въ сущности храмами. На Востокѣ эти погребальныя постройки нерѣдко соединяютъ въ себѣ черты храма-пещеры съ чертами храма-жилаго-дома. Какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Египта, какъ въ Пешрѣ, какъ въ Киренѣ, такъ и въ Этруріи, гробницы располагались вдоль утеса, „подобно домамъ въ улицѣ“, причемъ „каждая изъ нихъ была точнымъ подобіемъ жилой

комнаты". Точно также гробница Дарія, высѣченная въ скалѣ, „есть точное воспроизведеніе“ его дворца, въ томъ же самомъ масштабѣ. Ограничась простымъ упомяновеніемъ объ этой разновидности (средняя форма между храмомъ-пещерою и храмомъ-домомъ), я могу заключить этотъ параграфъ замѣчаніемъ Фергюссона, который, описывая Халдейскіе храмы и указавъ на сходство гробницы Кира съ храмомъ, говоритъ: „самый знаменитый образецъ этой формы часто называется (древними писателями) гробницею, или храмомъ, Вела; вообще у туранскихъ народовъ гробница и храмъ могутъ разсматриваться какъ одно и то же“.

Даже въ позднѣйшія времена мы встрѣчаемъ очевидныя стремленія къ такому генезису храма de novo. Въ оазисахъ Сахары попадаются часовенки, построенныя надъ смертными останками марабуумовъ, или магометанскихъ святыхъ; благочестивые магометане посѣщаютъ эти часовни, въ качествѣ пилигримовъ, и дѣлаютъ имъ посильныя приношенія. — — — . Вообще всякая отдѣльная гробница, заключающая въ себѣ кости знаменитаго человѣка, посѣщается съ чувствами, сродными съ религіознымъ чувствомъ, и представляетъ зачатокъ мѣста для поклоненія, или мѣста богослуженія, т. е. храма.

§ 138. Когда, прослѣдивъ такимъ образомъ происхожденіе священнаго помѣщенія,—будетъ ли то пещера, или покинутый домъ, или специальное погребальное зданіе, или храмъ,—мы перейдемъ къ изслѣдованію происхожденія находящагося въ немъ священнаго сооруженія, алтаря, то мы придемъ прежде всего къ чему-то промежуточному между тѣмъ и другимъ. Въ Индіи мы находимъ даже высоко-развитыя сооруженія, соединяющія въ себѣ заразъ свойства и того и другаго, т. е. и алтаря и храма.

Могильное возвышеніе, вырастающее въ курганъ, высота котораго увеличивается вмѣстѣ съ знатностью умершаго, развивается также и въ томъ отношеніи, что изъ простой кучи земли оно превращается въ возвышеніе, составленное частью изъ камней, частью изъ земли, и, наконецъ, переходитъ въ чисто каменное сооруженіе, которое хотя продолжаетъ оставаться цѣльнымъ, подобно первоначальному могильному холму, и даже сохраняетъ отчасти самую форму такого холма, но допускаетъ высокую архитектурную отдѣлку. Вмѣсто священнаго зданія, развившагося изъ погребальной камеры, въ индійскомъ Топѣ, мы имѣемъ священное сооруженіе, развившееся изъ могильной кучи. „Топъ есть прямой потомокъ кургана“, говоритъ Фергюссонъ; или, какъ опредѣляетъ его Кёнингамъ въ своемъ прекрасномъ сочиненіи, „это есть правильно-построенный кайриъ“ (каменный надгробный курганъ), на что указываетъ самое его названіе. Нѣкоторые изъ этихъ индійскихъ топовъ заключаютъ въ себѣ различныя останки Сакья-Муни; другіе же содержатъ останки его главнѣйшихъ

учениковъ, жрецовъ и святыхъ; я говорю различныя останки, такъ какъ по отношенію къ Сакья-Муни извѣстно, что его смертныя останки были разнесены по различнымъ мѣстамъ и такъ какъ даже по отношенію къ остальнымъ случаямъ можно сказать, что, вслѣдствіе усвоеннаго индійскими буддистами сжиганія умершихъ, гробница служить у нихъ вмѣстилищемъ не самаго трупа, а лишь нѣкоторыхъ священныхъ останковъ. Слѣдовательно, тогъ есть гробница, поскольку это допускается такой переменъ въ погребальныхъ обычаяхъ, т. е. существованіемъ сжиганія труповъ; а молитвы, возносимыя на топахъ, совершаемыя вокругъ нихъ процессіи и воздаваемыя имъ поклоненія (какъ все это явствуетъ изъ скульптурныхъ изображеній, украшающихъ ихъ по сторонамъ) показываютъ, что они суть и храмы, только цѣльные, а не пустые внутри. Ихъ родство съ обыкновенными храмами (а также съ алтарями и могильными насыпями) видно далѣе изъ того многозначительнаго факта, что нѣкоторые изъ нихъ называются Ч а й т а й я; а это слово значитъ по-санскритски „алтарь, храмъ, также какъ и всякій памятникъ, поставленный на мѣстѣ могильной насыпи“.

Возвращаясь отъ этого спеціальнаго развитія могильной насыпи къ ея первоначальной формѣ, мы должны прежде всего припомнить тотъ фактъ (§ 85), что у дикарей, которые погребаютъ въ землю и которые приносятъ мертвымъ запасы пищи, могильная насыпь становится вслѣдствіе этого возвышеніемъ, на которомъ кладутся приношенія. Эта насыпь, состоящая то изъ земли, то изъ дерну, то изъ земли пополамъ съ камнями, то цѣликомъ изъ камня, стоитъ точно въ такомъ же отношеніи къ приношеніямъ покойнику, въ какомъ алтарь стоитъ къ приношеніямъ божеству.

Тамъ, гдѣ трупы помѣщаются на подмосткахъ, на которые кладутся также и запасы, предназначенные для покойника, эти подмости практически становятся тѣми же самыми алтарями; и мы имѣемъ свидѣтельства за то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ алтари, употребляемые для богослуженія, произошли именно изъ такихъ подмостковъ. Кукъ рассказываетъ, что на Таити тѣ алтари, на которые туземцы кладутъ свои приношенія богамъ, сходны съ тѣми одрами, на которыхъ они выставляютъ своихъ покойниковъ: и тѣ и другіе суть маленькіе подмости, стоящіе на деревянныхъ столбахъ, отъ пяти до семи футовъ вышиною. А на Сандвичевыхъ островахъ подобное же сооруженіе было построено для поддержанія запасовъ, принесенныхъ жителями на могилу одного изъ матросовъ Кука. Въ другихъ мѣстахъ роль подставки для приношеній играетъ уже не простая могильная насыпь и не высокіе подмости, на которыхъ лежитъ трупъ. Хименецъ рассказываетъ о центральныхъ американцахъ, что они „клали въ гробницу, рядомъ съ господиномъ, принадлежавшихъ ему рабовъ; если же при-этомъ оставалось свободное мѣсто, то они засыпали его землею и заравни-

вали. Пслѣ того, они воздвигали на могилѣ алтарь изъ камня и извести, вышиною въ локоть. На этомъ алтарѣ обыкновенно сжигалось множество ароматическихъ веществъ и приносились жертвы“. И, наконецъ, у народовъ, которые расширяли размѣры могильной насыпи, это сооруженіе для поддержки пищи и питья помѣщается подлѣ самой могильной насыпи; такъ напримѣръ, такой алтарь стоитъ передъ огромнымъ курганомъ одного изъ китайскихъ императоровъ.

У древнихъ обитателей Востока алтарь имѣлъ такое же происхожденіе. Въ одно изъ египетскихъ празднествъ входила церемонія, состоявшая въ „увѣнчаніи цвѣтами гробницы Озириса“; подобнымъ же образомъ они клали цвѣточныя вѣнки и на гробницы умершихъ людей. Далѣе, мы читаемъ у Вилькинсона, что у египтянъ были алтари „передъ дѣверми, ведшими въ Оивскія катакомбы“. На этихъ алтаряхъ „высѣчены барельефы, представляющіе различные жертвы, приносившіяся на нихъ; эти жертвы оказываются точно такими же, какія изображены на рисункахъ, украшающихъ гробницы“. Этотъ примѣръ наглядно показываетъ намъ, что и тамъ, гдѣ алтарь развился въ подставку для приношеній, помѣщенную впереди жилища мертвыхъ, онъ все-таки сохранилъ слѣды своего первоначальнаго значенія, а именно вмѣстилища для мертваго. Еще одинъ примѣръ. Въ самыхъ древнихъ изъ дошедшихъ до насъ преданій, евреи обнаруживаютъ передъ нами лишь видоизмѣненные формы ихъ первобытныхъ обычаевъ; но хотя, вмѣстѣ съ переходомъ ихъ изъ допастушескаго состоянія къ болѣе прогрессивнымъ формамъ жизни, вѣроятно произошли нѣкоторыя отступленія отъ ихъ первоначальныхъ обрядовъ по отношенію къ погребенію и жертвоприношенію, однакоже ихъ алтари, описанные въ ихъ древнихъ книгахъ, внушаютъ намъ касательно своего происхожденія тѣ же идеи, которыя только-что изложены нами здѣсь. Эти алтари были или изъ дерну, т. е. походили на могильныя насыпи, или же они были изъ необшитыхъ камней, т. е. опять-таки походили на могильныя насыпи. Помня тотъ фактъ, что религиозныя обычаи суть именно тѣ обычаи, которые долѣе всѣхъ сохраняются неизмѣнными (что можно видѣть, напримѣръ, изъ употребленія кремневаго ножа для обряда обрѣзанія), мы можемъ подозрѣвать, что причина ограниченія строительныхъ матерьяловъ алтаря необшитыми камнями состоитъ въ томъ, что употребленіе для этого такихъ камней удержалось съ того времени, когда такіе камни составляли первобытную надгробную насыпь. Правда, что самыя древнія еврейскія легенды указываютъ на погребеніе въ пещерахъ и что въ позднѣйшія времена покойники также погребались въ искусственныхъ пещерахъ, или въ гробницахъ; но пастушескія племена, блуждавшія по обширнымъ равнинамъ, не могли постоянно погребать такимъ образомъ. По всей вѣроятности, обыкно-

веннымъ способомъ погребенія былъ у нихъ тотъ же самый способъ, который практикуется и теперь дикими семитическими племенами, каковы Бедуины, которые, по словамъ Буркгардта, „наваливаютъ надъ могилами своихъ покойниковъ кучи камней“ и которые, по описанію Пальгрева, „совершаютъ жертвоприношенія, во время которыхъ овцы или верблюды набожно закалываются ими на могилахъ ихъ умершихъ родственниковъ“, т. е. куча камней ясно превратилась здѣсь въ алтарь.

Обычаи европейскихъ расъ также доставляютъ доказательства происхожденія алтаря изъ надгробной насыпи. — — — . Фергюссонъ утверждаетъ, что „въ средневѣковой Европѣ саркофагъ превратился въ каменный алтарь“, — утверженіе, къ которому мы можемъ присоединить здѣсь еще тотъ фактъ, что въ нашихъ церквахъ и теперь еще встрѣчаются „гробницы-алтари“.

Такимъ образомъ все то, что такъ ясно выступаетъ изъ обычаевъ первобытныхъ людей, подтверждается также и обычаями людей цивилизованныхъ. Первоначальный алтарь есть подставка, на которую кладется пища для умершаго; отсюда его разнообразныя формы: куча земли, дерновое возвышеніе, груда камней, высокіе подмостки, каменный гробъ.

§ 139. Алтари предполагаютъ жертвоприношенія; а потому отъ генезиса первыхъ мы естественно переходимъ къ генезису вторыхъ.

Въ § 84 я уже приводилъ множество примѣровъ, указывающихъ на обычай оставлять пищу для мертвеца; я могъ бы удвоить количество этихъ примѣровъ, еслибы позволило мѣсто. Я могъ бы привести также примѣры тѣхъ различныхъ мотивовъ, которые, по показаніямъ различныхъ племенъ, побуждаютъ ихъ къ этому; такъ я могъ бы упомянуть о Нижнихъ Калифорнцахъ, у которыхъ „жрецъ требуетъ отъ родственниковъ умершаго всяческихъ запасовъ для путешествія духа умершаго въ страну мертвыхъ“; о мексиканскихъ Корасахъ, которые, послѣ смерти одного изъ своихъ, „разставляли по полямъ куски мяса, воткнутые на палкахъ; дѣлали они это изъ страха, чтобы мертвецъ не пришелъ требовать того скота, который принадлежалъ ему при жизни“; о Дамарахъ, которые, принеся пищу и другіе запасы на могилу родственника, просятъ его „поѣсть и развеселиться“, а взамѣнъ „призываютъ на себя его благословеніе и помощь“, и о многихъ другихъ племенахъ. Но я нахожу ненужнымъ входить въ подробности, считая совершенно достаточнымъ только напомнить читателю тотъ фактъ, что всѣ нецивилизованныя расы вообще сходны между собою съ той стороны, что всѣ онѣ дѣлаютъ приношенія мертвымъ пищею и питьемъ, хотя побуждающіе ихъ къ этому мотивы могутъ быть различными для различныхъ расъ. Затѣмъ, читатель долженъ припомнить еще одну истину, которая также была уже пояснена примѣрами (§ 85), но которую, ради ея пря-

1885
 маго отношенія къ занимающему насъ вопросу, полезно будетъ подкрѣпить новыми фактами; эта истина заключается въ томъ, что такія приношенія повторяются черезъ нѣкоторые промежутки времени; причемъ такія повторенія, или такое систематическое снабженіе умершаго пищею и питьемъ, продолжаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно короткое время, а въ нѣкоторыхъ очень долго. Объ обитателяхъ Нушка-Саунда рассказываютъ, что они, „послѣ смерти одного изъ родственниковъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней сжигаютъ передъ его могилою лососину и оленину“; а у индѣйцевъ изъ племени Москито „вдова обязана снабжать могилу своего мужа всякими припасами въ теченіе цѣлаго года“. Это—тѣ крайніе предѣлы, между которыми могутъ быть расположены различныя степени, продолжительности снабженія мертваго всѣмъ необходимымъ. Когда же, къ обычаямъ этого рода, мы присоединимъ еще такіе обычаи и объясненія, какіе встрѣчаемъ у Карена, который думаетъ, что окруженъ со всѣхъ сторонъ духами умершихъ и что „онъ долженъ умиловлять ихъ непрерывными и разнообразными жертвоприношеніями“, то намъ, трудно будетъ не признать существованія яснаго перехода отъ погребальныхъ даровъ къ религіознымъ жертвоприношеніямъ.

Родство между тѣми и другими становится еще очевиднѣе, когда мы припомнимъ, что въ обоихъ случаяхъ, кромѣ обыкновенныхъ приношеній, существуютъ еще приношенія торжественныя или праздничныя. Только-что упомянутые нами Карены, кромѣ обыкновенныхъ, непрерывно совершаемыхъ ими приношеній, имѣютъ еще годовыя пиршества для умершихъ, при которыхъ они упрасиваютъ духовъ ѣсть и пить. Подобнымъ же образомъ Годжсонъ рассказываетъ о Бодосахъ и Дималахъ, что „когда жатва убрана и свезена во дворы, они приносятъ въ жертву своимъ усопшимъ родителямъ фрукты и домашнихъ птицъ“. Такія годовыя жертвоприношенія, совершавшіяся у туземцевъ мексиканской долины въ ноябрѣ, когда они приносили животныхъ, съѣстные припасы и цвѣты на могилы своихъ умершихъ родственниковъ и друзей, а у Пуэблосовъ—въ августѣ, когда они ставили зерновой и печеный хлѣбъ, мясо и пр. „въ такихъ мѣстахъ, которыя часто посѣщались умершими“, имѣли весьма широкое распространеніе: новѣйшіе Китайцы и теперь еще могутъ приводиться, подобно древнимъ Перуанцамъ и Ацтекамъ, какъ народъ, у котораго мы до сихъ поръ еще можемъ видѣть примѣры такихъ годовыхъ жертвоприношеній умершимъ.

Кромѣ предложенія приношеній умершимъ въ теченіе различныхъ періодовъ времени послѣ ихъ смерти, и кромѣ годовыхъ пиршествъ для умершихъ, мы имѣемъ еще совершеніе такихъ приношеній при различныхъ обстоятельствахъ, которыя особенно вызываютъ подобныя приношенія. Сентъ-Джонъ раз-

сказываетъ о приморскихъ Дайякахъ, что, „проходя черезъ кладбище, они всегда бросаютъ что-нибудь такое, что можетъ, по ихъ мнѣнію, быть пріятнымъ умершему“; а, по словамъ Андерсона, Готтентоты также, проходя черезъ кладбище, бросаютъ какое-нибудь приношеніе и испрашиваютъ покровительства у духа. На островѣ Самоа, обитатели котораго предполагаютъ, что духи усопшихъ бродятъ по кустарникамъ, эти обитатели, „отправляясь на работу далеко во внутренность страны, разбрасываютъ тамъ и сямъ кусочки пищи, въ качествѣ умиротворительной жертвы духамъ, и произносятъ при-этомъ нѣсколько словъ, въ видѣ молитвы о покровительствѣ“. Развѣтіе погребальныхъ даровъ въ обычныя жертвоприношенія заходитъ еще далѣе въ обычаѣ удѣлять для умершихъ часть каждой трапезы. Симонъ рассказываетъ о Фиджійцахъ слѣдующее: „когда туземцы ѣдятъ или пьютъ что-нибудь, они часто бросаютъ въ сторону часть своей трапезы, говоря, что они дѣлаютъ это для своихъ усопшихъ предковъ“. Малькомъ говорить о Вилахъ, что когда они подчуютъ какими-нибудь нашитками, то всегда отливаютъ часть предлагаемаго имъ питья на землю, прежде чѣмъ прикоснутся къ нему сами; а такъ какъ они считаютъ божествами своихъ усопшихъ предковъ, то значеніе такого возліянія не можетъ возбудить никакихъ сомнѣній. Точно также Смитъ говоритъ объ Арауканцахъ, что они отливаютъ на землю небольшую часть всякаго питья и бросаютъ въ сторону кусочки всякой пищи, прежде чѣмъ начать пить и ѣсть; а, по словамъ Дзури, мадагаскарскіе Вирзимбелы, сядя за трапезу, „берутъ кусочекъ мяса и бросаютъ его черезъ голову, говоря: «вотъ тебѣ, духъ, кусочекъ.»“. Подобные же обычаи существовали и у древнихъ историческихъ расъ.

Побудительный мотивъ для такихъ приношеній, совершаемыхъ сначала передъ трупомъ усопшаго, а потомъ на его могилѣ, — побудительный мотивъ этихъ случайныхъ пиршествъ и этихъ ежедневныхъ удѣленій отъ трапезъ, — повсюду одинъ и тотъ же, причѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сами туземцы прямо указываютъ на него. Мы читаемъ у Ливингстона, что „одинъ Беротзе, страдая головной болью, говорилъ: „мой отецъ наказываетъ меня за то, что я не даю ему отъ всякой пищи, которую ѣмъ“. Я спросилъ у него, гдѣ его отецъ. „Онъ живетъ съ Баримо“ (съ богами),—былъ его отвѣтъ“. Тоже самое показываютъ намъ Каффы, которые, по словамъ Гардинера, приписываютъ всякое непріятное событіе духу какого-нибудь покойника и которые закалываютъ скотину, чтобы умиловить его и вымолить себѣ его благосклонность“. Тоже самое дѣлаютъ и Амазулу. „Итакъ, вотъ вамъ пища“, говорятъ они: „вы, всѣ духи нашего племени, зовите другъ друга. Я не намѣренъ говорить: „такой-то, вотъ тебѣ пища“, потому что я знаю, что вы ревнивы.

Но ты, такой-то, дѣлающій этого человѣка больнымъ, позови сюда всѣхъ духовъ. Идите сюда всѣ и ѣшьте эту пищу“.

Приношеніе пищи и питья божеству совершенно параллельно такому же приношенію мертвецу и вполне сходно съ нимъ какъ по своему побудительному мотиву, такъ и по способу своего совершенія. Посмотримъ же на тѣ черты, которыя общи этимъ двумъ случаямъ.

Удѣленіе части трапезы обще имъ обоимъ. Кукъ рассказываетъ о Сандвичевыхъ островахъ, что тамъ жрецы, прежде чѣмъ начать ѣсть, возносятъ родъ молитвы и затѣмъ приносятъ въ даръ божеству часть приготовленныхъ яствъ и питій. Греки временъ Гомера поступали такъ же, какъ эти Полинезійцы: „часть, удѣляемая богамъ отъ вина, льющагося по чашамъ, и отъ мяса, дымящагося на пиршественномъ столѣ“, соответствуетъ части, бросаемой дикарями въ сторону, въ пользу духовъ-предковъ. То же самое справедливо по отношенію къ болѣе обширнымъ приношеніямъ по поводу особенныхъ случаевъ. Жертвоприношенія, совершаемыя для испрошенія милостей или для отвращенія бѣдствій, приносятся въ одномъ случаѣ тѣнямъ усопшихъ, въ другомъ — богамъ. Когда Кафрскій вождь закалываетъ быка, чтобы заручиться помощью своего умершаго предка въ предстоящей ему войнѣ, онъ сильно напоминаетъ намъ „царя Агамемнона, принесшаго въ жертву могущественному сыну Сатурна жирнаго пятилѣтняго быка“. Когда, „послѣ обильной жатвы, глава Амазулуской деревни видитъ иной разъ во снѣ, будто бы ему говорятъ: „какъ же это вамъ послано такъ много пищи; а вы не благодарите за нее?“ и когда вслѣдствіе такого сна онъ приноситъ жертву Амадонго (тѣнямъ умершихъ), его дѣйствія не отличаются ни въ какомъ отношеніи отъ принесенія въ жертву божествамъ перваго сбора отъ плодовъ земли. И когда въ другой разъ, „разсказавъ свой сонъ, онъ говоритъ: „надо принести искупительную жертву за наши грѣхи, чтобы Итонго не разгнѣвался на насъ и не истребилъ насъ“, „то это прямо напоминаетъ намъ объ искупительныхъ жертвахъ за грѣхи, приносившихся различными народами для избѣжанія божественной мести.

Не менѣе полное соотвѣтствіе находимъ мы и между жертвоприношеніями обоихъ этихъ родовъ, совершавшимися въ опредѣленные сроки. Какъ уже сказано выше, въ добавокъ къ другимъ приношеніямъ умершимъ, существуютъ годовыя приношенія, которыя вполне соотвѣтствуютъ празднествамъ въ честь различныхъ божествъ. Сверхъ того, и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково принято руководствоваться астрономическими событіями.

Разсматриваемая нами параллель оказывается существующей и по отношенію къ вещамъ, приносимымъ въ жертву: эти вещи тождественны, поскольку такая тождественность допускается различіемъ естественныхъ произведеній различныхъ областей земнаго шара. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ бы-

ковъ, козъ и пр., являются хлѣбъ и другія печенья; въ обоихъ случаяхъ приносится въ жертву мѣстный напитокъ: вино, гдѣ оно существуетъ, чиха — у американскихъ племенъ, пиво — у различныхъ племенъ Африки; въ обоихъ случаяхъ также мы находимъ употребленіе ароматическихъ веществъ и, наконецъ, въ обоихъ случаяхъ являются цвѣты. Короче сказать, предметами жертвоприношенія служатъ всѣ наиболѣе дорогіе предметы, потребляемые человекомъ, — даже табакъ. Какъ мы уже видѣли выше, африканскій вождь, желая обезпечить себѣ помощь боговъ, высыпаетъ имъ въ жертву все содержимое своей табакерки; а Каффы, „приглашая духовъ поѣсть, прибавляютъ обыкновенно къ трапезѣ пиво и нюхательный табакъ“. Точно также и способъ приготовленія пожертвованнаго не представляетъ въ обоихъ случаяхъ никакихъ различій. И духамъ усопшихъ, и божествамъ, жертвы приносятся иногда въ сыромъ видѣ, иногда же онѣ сжигаются въ ихъ честь.

Мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ сходствѣ между этими двумя случаями. И тѣни усопшихъ, и боги одинаково пользуются приносимыми имъ жертвами и одинаково бывають польщены такими приношеніями. По словамъ Иліады, Зевсъ объясняетъ свое покровительство Троѣ тѣмъ, что его „алтари никогда не испытывали тамъ недостатка ни въ богатыхъ яствахъ, ни въ обильныхъ возліаніяхъ, ни въ сладкихъ ароматахъ“. А въ Одиссееѣ Аѳина представлена являющейся лично для полученія пожертвованной ей телицы и для вознагражденія жертвователя. Такъ что пища, приносимая богамъ, и пища, приносимая предкамъ, утилизовалась ими одинаковымъ образомъ и вызывала одинаковыя послѣдствія для жертвователей.

Наконецъ, мы имѣемъ тотъ знаменательный фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ жертвоприношенія тѣнямъ усопшихъ и жертвоприношенія богамъ существуютъ одновременно, рядомъ другъ съ другомъ, въ совершенно неразличимыхъ между собою формахъ. Сандвичане кладутъ разные припасы передъ усопшими и передъ изображеніями божествъ. У Египтянъ „жертвы, приносившіяся усопшимъ, были сходны съ обыкновенными приношеніями богамъ“. Муміи хранились въ шкафахъ, „откуда онѣ брались младшими служителями храма и переносились на маленькій алтарь, передъ которымъ служилъ жрецъ“; на этомъ алтарѣ приносились „жертвы изъ ароматовъ, возліаній, печеній, цвѣтовъ и плодовъ“.

Итакъ существуетъ нигдѣ непрерывающаяся связь между припасами, приносимыми умершимъ, и религіозными жертвоприношеніями, взятыми въ ихъ цѣломъ. Происхожденіе послѣднихъ отъ первыхъ, выступающее достаточно ясно уже изъ тѣхъ постепенныхъ переходовъ, которые намъ удалось прослѣдить между ними, становится еще болѣе яснымъ изъ того обстоятельства, что и тѣ и другія сохраняютъ повсюду одни и тѣ же существенныя черты.

§ 140. Есть основанія подозревать, что изъ предыдущихъ религіозныхъ обрядовъ вырастаетъ случайно еще одинъ, къ которому мы и перейдемъ теперь. Какъ ни мало приготовлены мы къ тому, чтобы думать, что постъ, какъ религіозный обрядъ, есть слѣдствіе погребальныхъ обрядовъ, тѣмъ неменѣе существуютъ факты, указывающіе именно на такое происхожденіе поста. По всей вѣроятности этотъ обрядъ возникаетъ болѣе, чѣмъ однимъ путемъ. Такъ какъ первобытному человѣку нерѣдко невольно приходится испытывать сильный голодъ и такъ какъ подобное состояніе влечетъ за собою очень живыя сновидѣнія, то мало по малу голодъ становится преднамѣренно-употребляемымъ средствомъ для полученія свиданій съ духами. У многихъ изъ дикихъ племенъ это есть одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ пощенію, подобно тому, какъ это было для евреевъ время составленія Талмуда. Въ другихъ случаяхъ пощеніе вызывается сроднымъ съ этимъ побужденіемъ, а именно желаніемъ привести себя въ то сверхъестественное возбужденіе, которое разсматривается какъ божественное вдохновеніе. Но, кромѣ постовъ этихъ родовъ, существуетъ еще пощеніе, представляющее результатъ отдачи чрезмѣрно большихъ запасовъ всякой пищи и питья умершему. Такой постъ, вслѣдствіе вызвавшей его причины, становится общепринятымъ знакомъ почтенія къ умершему и, подъ конецъ, дѣлается религіознымъ обрядомъ.

Въ § 103 было показано, до какихъ обширныхъ размѣровъ доходитъ во многихъ случаяхъ истребленіе скота, пищи и всякаго имущества на гробницахъ умершихъ. Я приводилъ тамъ тотъ фактъ, что, вслѣдствіе такого истребленія имущества въ пользу умершаго, у Дайяковъ похороны часто доводятъ оставшихся въ живыхъ до совершенной бѣдности, и что на Золотомъ Берегу „похороны обыкновенно въ-конецъ разоряютъ бѣдное семейство“. Если, какъ въ нѣкоторыхъ американскихъ обществахъ, все имущество умершаго, за исключеніемъ принадлежавшей ему земли, клалось съ нимъ въ могилу, — если послѣ смерти одного изъ племени Тода „все его стадо быковъ“ закалывалось ему въ жертву, то необходимымъ послѣдствіемъ такого обычая должны были явиться значительныя лишенія для его вдовы и дѣтей. Когда намъ разсказываютъ о Чипевейцахъ, что „эти несчастные, послѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ, не щадятъ ни одной изъ принадлежавшихъ ему вещей“, когда мы узнаемъ, что у Богосовъ, послѣ смерти ихъ вождя, его вдовы сжигаютъ при похоронахъ всѣ свои запасы пищи, то мы, конечно, не ошибемся, предположивъ, что необходимымъ послѣдствіемъ такого обычая должна быть сильная послѣдующая нужда въ пищѣ. Такъ оно дѣйствительно и бываетъ. Банкрофтъ разсказываетъ намъ, что индѣйцы Скалистыхъ горъ сжигаютъ вмѣстѣ съ умершимъ все его имущество и даже имущество его ближайшихъ родственниковъ, такъ что очень

нерѣдко случается, что вся семья доходитъ до настоящаго голода“; а про вышеупомянутыхъ Богосовъ Калье говорить: „емейство умершаго, разоренное этимъ суевѣрнымъ обычаемъ (сжиганіемъ его имущества), поддерживается до ближайшей жатвы остальными обитателями деревни“. Если теперь, рядомъ съ этими фактами, столь ясно относящимися другъ къ другу какъ причина и слѣдствіе, мы поставимъ тотъ фактъ, передаваемый Круикманномъ, что обитатели Золотого Берега прибавляютъ къ другимъ своимъ погребальнымъ обрядамъ еще постъ; а также тотъ фактъ, сообщаемый Бёртономъ о Дагомейцахъ, что у нихъ „оплакивающіе умершаго родственники должны поститься“, то мы едва ли будемъ въ состояніи избѣжать заключенія, что то, что вначалѣ было естественнымъ результатомъ огромнаго жертвоприношенія умершему, стало подѣлѣ концемъ обычая, лишь знаменующимъ такое жертвоприношеніе и продолжающимся какъ обычай даже тогда, когда такой постъ не вызывается болѣе обѣднѣніемъ. Мы увидимъ еще болѣе основаній для такого заключенія, когда найдемъ, что постъ принадлежалъ къ числу погребальныхъ обрядовъ у тѣхъ вымершихъ народовъ, которые славились изысканностью своихъ попеченій объ умершихъ. По словамъ Ланды, Юкатанцы „постились въ честь умершаго“; подобный же обычай мы находимъ и у Египтянъ: на время траура по царѣ „устанавливался торжественный постъ“. Даже у евреевъ постъ находился въ связи съ траурнымъ одѣяніемъ.

Эта связь между рассматриваемыми нами обрядами и идеями укрѣпляется подобною же связью, являющейся результатомъ ежедневныхъ приношеній мертвымъ. Обычай бросать въ сторону для духовъ часть всякаго яства долженъ часто ассоціировать въ мысли жертвоприношеніе съ пощеніемъ. При той ограниченности запаса пищи, которая часто случается у безпечнаго, непредусмотрительнаго дикаря, отдаваніе части своей трапезы духамъ-предкамъ, уменьшая то малое, которое у него имѣется, ведетъ къ голоду; а потому добровольно переносимый голодъ становится такимъ образомъ живымъ, осязательнымъ символомъ долга по отношенію къ покойникамъ. Какимъ образомъ это понятіе переходитъ отсюда въ понятіе о долгѣ по отношенію къ богамъ, — очень хорошо видно изъ полинезійской легенды о Мацѣ и его братьяхъ. Послѣ чрезвычайно удачнаго рыбнаго лова, Мацѣ говорить своимъ братьямъ: „Во время моего отсутствія будьте мужественны и терпѣливы, не ѣшьте пищи, пока я не возвращусь, и не взрѣзываютъ наловленной нами рыбы, но оставьте ее въ покоѣ, пока я не отнесу приношенія богамъ за эту удачную тоню.... Тогда я возвращусь и мы можемъ безопасно начать потрошить нашу рыбу“. Затѣмъ исторія описываетъ несчастіе, происшедшее вслѣдствіе гнѣва боговъ за то, что братья начали ѣсть прежде, чѣмъ была принесена жертва богамъ.

Возникая такимъ образомъ и будучи хорошимъ средствомъ для самовоспитанія, постъ, весьма естественно, продолжаетъ употребляться какъ средство самовоспитанія и послѣ того, какъ его первоначальная цѣль исчезнетъ изъ памяти людей. Однакоже съ нимъ продолжаетъ неразрывно связываться то понятіе, будто-бы посредствомъ поста можно заслужить благоволеніе сверхъестественной силы, и одно уже это связанное съ нимъ понятіе доставляетъ значительную поддержку тому заключенію, которое мы нашли вѣроятнымъ на основаніи множества другихъ данныхъ.

§ 141. Возвращаясь отъ этого случайнаго, попутнаго результата жертвоприношеній, введеннаго здѣсь, такъ сказать, въ скобкахъ, и обращаясь снова къ нашему изслѣдованію того пути, посредствомъ котораго жертвоприношенія при погребеніи развиваются въ религіозныя жертвоприношенія, мы приходимъ прежде всего къ такимъ обрядамъ, которые едвали могутъ быть отдѣлены отъ вышеописанныхъ, но которые однако могутъ съ удобствомъ разсматриваться какъ особая группа. Я говорю о тѣхъ умиловительныхъ обрядахъ, при которыхъ приносятся въ жертву усопшему человѣческія существа и при которыхъ тотъ, кто не жертвуетъ себя самого цѣликомъ, жертвуетъ какія-либо части собственного тѣла.

Мы уже видѣли, что есть двѣ причины, побуждающія къ закланію людей при похоронахъ: одна изъ этихъ причинъ — снабженіе усопшаго пищею, а другая — снабженіе его прислугою, которая могла бы служить ему въ будущей жизни. Взглянемъ же на оба эти побудительные мотива въ этомъ самомъ порядкѣ.

Принимая въ соображеніе, какъ сильно распространено людоедство между первобытными людьми, а также принимая во вниманіе, что, по мнѣнію этихъ людей, другое я человѣка продолжаетъ любить ту же самую пищу, которую онъ любилъ до своей смерти, мы увидимъ, что у людоедовъ неизбежно должно явиться приношеніе усопшему человѣческаго мяса, въ качествѣ умиловительной жертвы. Такіе свирѣпыя людоеды, какъ Фиджійцы, у которыхъ вмѣстѣ съ умершимъ погребаются и его жертвы и у которыхъ обоготовленный вождь отправляется для соединенія съ прочими богами, „взирающими на человѣческое мясо какъ на самое пріятное и на самое драгоценнѣйшее изъ приношеній“, представляютъ намъ цѣлый рядъ послѣдствій каннибализма: людоедство при жизни, духовъ-людоедовъ, боговъ-людоедовъ и человѣческія жертвы въ числѣ религіозныхъ обрядовъ. Точно тоже мы находимъ и у древнихъ Мексиканцевъ. Людоѣдскіе нравы господствовавшего племени сопровождались здѣсь убиваніемъ рабовъ и другихъ людей при похоронахъ, также какъ и избіеніемъ военноплѣнныхъ передъ ихъ богами; и хотя закланіе людей на могилахъ и не объяснялось прямо въ позднѣйшія времена необходимостью снаб-

дить усопшаго пищу, однакоже мы имѣемъ основанія подозрѣвать, что въ древнѣйшія времена такія закланія вызывались именно этою цѣлью. Основанія эти заключаются въ томъ, что, при закланіи человѣческой жертвы богу, ей придавали характеръ буквально пищи: сердце ея вырывалось и вкладывалось въ ротъ идола, а губы идола вымазывались кровью. Точно также, когда Пьедрагита рассказываетъ намъ о Чипчасахъ, что они предложили въ пищу Испанцамъ людей, и когда Акоста, замѣтивъ по этому поводу, что Чипчасы не были сами людоедами, спрашиваетъ: „не вообразили ли они себѣ, что Испанцы, какъ сыновья солнца (такъ они называли ихъ между собою), должны были любить человѣческія жертвы, которыя Чипчасы приносили этому свѣтилу?“ то эти факты даютъ намъ право подозрѣвать, что закланія людей при похоронахъ, бывшія въ ходу у этого народа, подобно существовавшимъ у нихъ закланіямъ людей въ жертву солнцу, представляли остатки угасшаго людоедства. Имѣя передъ собою такіе факты, какъ тотъ, что нѣкоторые изъ Хондовъ вѣрили, будто-бы богъ ѣсть умерщвленное для него человѣческое существо; или тотъ, что Таитяне думали, будто-бы боги питаются душами умершихъ, а потому они снабжали ихъ такими душами посредствомъ частыхъ избіеній людей; или тотъ, что Тонганцы приносили дѣтей въ жертву богамъ, которые были у нихъ ничто иное, какъ ихъ же обоготворенные вожди, — мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что человѣческія жертвоприношенія на могилахъ имѣли вначалѣ цѣлью снабдить душу усопшаго человѣческимъ мясомъ, наравнѣ съ прочею пищею, и что жертвоприношеніе человѣческихъ существъ, какъ религіозный обрядъ, было слѣдствіемъ такого обычая.

Тоже самое имѣетъ мѣсто и по отношенію къ умерщвленію людей въ качествѣ будущей прислуги умершему. Мы уже видѣли (§ 104), какъ распространено въ нецивилизованныхъ и получивилизованныхъ обществахъ убіеніе военно-плѣнныхъ, рабовъ, женъ и друзей для того, чтобы они могли слѣдовать за усопшимъ; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуютъ даже послѣдующія неоднократныя повторенія этого обряда. Такъ у Мексиканцевъ добавочные рабы умерщвлялись на пятый день послѣ похоронъ; затѣмъ на двадцатый, на сороковой, на шестидесятый и, наконецъ, на восьмидесятый день послѣ погребенія. Въ Дагомеѣ совершаются частыя обезглавленія съ тою цѣлью, чтобы жертва, отправляющаяся на тотъ свѣтъ служить покойному королю, могла отнести ему разныя порученія отъ его живого наслѣдника. Очевидно, что такія повторенныя человѣческія жертвы, совершающіяся ради умиловленія духовъ усопшихъ, переходятъ безъ всякаго чувствительнаго перерыва въ періодическія человѣческія жертвоприношенія, составляющія обыкновенно одинъ изъ элементовъ первобытныхъ религій.

Въ § 89 были сгруппированы прижизненные приношенія крови умершимъ, при-

мѣры, собранные у народовъ всѣхъ частей свѣта. Смыслъ такихъ приношеній въ большинствѣ случаевъ достаточно теменъ, но, будучи найдены у первобытныхъ людоедовъ, такіа приношенія немедленно обнаруживаютъ свой смыслъ и свое происхожденіе и развитіе. Для насъ, въ нашемъ теперешнемъ состояніи, почти невѣроятно, чтобы какіе бы то ни было люди могли наслаждаться, подобно самымъ свирѣлымъ звѣрямъ, упиваніемъ кровью, въ особенности же кровью существъ своего же собственного вида. Но читая, что въ Австраліи „кровомстители ѣдятъ человѣческое мясо сырымъ“; что фиджійскій вождь Таноа отрѣзалъ руку у своего двоюроднаго брата, выпилъ изъ нея кровь, затѣмъ изжарилъ самую руку и съѣлъ ее въ присутствіи ея владѣльца; что людоеды Ватсаны вырываютъ, жарятъ и пожираютъ людскіе трупы, даже погребенные больше чѣмъ за трое сутокъ до того; что у Гайдаховъ тихо-океанскихъ острововъ Таамишъ, ихъ вдохновенный знахарь, „бросается на перваго встрѣчнаго, кусываетъ у него и пожираетъ кусокъ или нѣсколько кусковъ живаго мяса изъ всякаго мѣста, за какое онъ только успѣетъ схватиться зубами, затѣмъ кидается на слѣдующаго, и такъ далѣе“, и что у Путоясовъ знахарь, вмѣсто этого, „довольствуется тѣмъ, что ему удастся оторвать зубами отъ труповъ на кладбищѣ“, мы убѣждаемся, что ужасы, совершаемые первобытными людьми, заходятъ за всѣ вообразимыя для насъ предѣлы возможнаго, и что въ числѣ такихъ совершаемыхъ ими ужасовъ находится и упиваніе теплою человѣческою кровью. На этомъ основаніи мы можемъ заключить, что легенды о вампирахъ, столь распространенныя въ европейской народной демонологіи, по всей вѣроятности взяты изъ фактовъ, относившихся къ первобытнымъ людоедамъ: первоначальный вампиръ былъ вѣроятно ничто иное, какъ воображаемое другое я какого-либо свирѣпаго дикаря, который и послѣ смерти ищетъ случаевъ къ удовлетворенію своей склонности къ высасыванію теплои крови. Мы также не можемъ сомнѣваться въ томъ, что тѣ приношенія крови, которыя описаны въ § 89, представляли вначалѣ тоже самое, что онѣ и до сихъ поръ представляютъ, по показаніямъ Бѣртона, у Дагомейцевъ, а именно: „питье для усопшаго“. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ различіе между питьемъ крови животныхъ и питьемъ человѣческой крови ничуть не больше, чѣмъ различіе между поѣданіемъ мяса животныхъ и поѣданіемъ человѣческаго мяса, то всякое наше колебаніе на этотъ счетъ совершенно исчезаетъ, когда мы узнаемъ изъ описаній путешественниковъ, что даже и теперь Самоѣды съ величайшимъ наслажденіемъ пьютъ теплою кровь животныхъ; а также когда мы вспомнимъ рассказъ Улисса о томъ, какъ тѣни греческаго Гадеса сбѣжались толпами, чтобы напиться жертвенной крови, которую онъ доставилъ имъ, и какъ онѣ освѣжились этою кровью.

Итакъ, если кровь, проливавшаяся при погребеніи усоп-

шаго, предназначалась вначалѣ для освѣженія его тѣни, и если впоследствии, какъ у кровожадныхъ Дагомейцевъ, проливающихъ кровь для обезпеченія себѣ помощи въ предстоящей войнѣ со стороны тѣни усопшаго короля, такое пролитіе крови стало жертвоприношеніемъ крови сверхъестественному существу, въ качествѣ особаго умиловленія, то мы не можемъ сомнѣваться, что жертвоприношеніе человѣческой крови божеству съ подобною же цѣлью есть лишь дальнѣйшее развитіе того же самаго обычая. Мексиканцы представляютъ здѣсь самый типическій примѣръ. У нихъ господствующіе классы были потомками людоедовъ-побѣдителей, у нихъ были боги-людоеды, идолы которыхъ кормились человѣческими сердцами; когда проходило нѣкоторое время безъ новыхъ человѣческихъ жертвъ, жрецы напоминали царямъ, что идолы „отошали отъ голода“, тогда цари завязывали войну, чтобы набрать плѣнныхъ, „потому что ихъ боги заявляли, что они желаютъ ѣсть“; и ради этой-то причины ежегодно приносились тысячи человѣческихъ жертвъ. Если къ этимъ фактамъ мы прибавимъ еще, что кровь жертвъ предлагалась богамъ отдѣльно; что „Индіицы давали лишь идоламъ свою собственную кровь, выпущенную изъ ушей“; что „жрецы и другіе знатные лица выпускали также кровь у себя изъ ногъ и мазали ею храмы“, и что „кровопусканіе совершалось нѣкоторыми жрецами очень часто, даже ежедневно“, то мы легко усмотримъ истинную филіацію всѣхъ этихъ фактовъ.

Разсказы о древнихъ народахъ Востока показываютъ, что и у нихъ жертвоприношенія крови были общи обширнѣ группамъ обрядовъ. Что само-кровопусканіе при похоронахъ существовало у евреевъ, если не какъ туземный обычай, то какъ обычай позаимствованный у сосѣдей, доказывается тѣмъ фактомъ, что во Второзаконіи запрещается наносить себѣ порѣзы въ честь умершаго. А что само-кровопусканіе существовало у ихъ сосѣдей, какъ религіозный обрядъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что жрецы Ваала, ради умиловленія своего бога, рѣзали себя такъ, что „кровь лилась изъ нихъ“.

Теперь намъ остается только рассмотреть тѣ случаи, когда этотъ родъ умиловительнаго жертвоприношенія переходитъ въ другой родъ такого жертвоприношенія, а именно въ приношеніе какой-либо части тѣла въ знакъ подчиненія, или покорности. Въ § 89 было приведено много случаевъ само-изуродованія, какъ одного изъ погребальныхъ обрядовъ; и число такихъ случаевъ легко бы могло быть умножено еще болѣе. У Натеотетайновъ Сѣверной Америки „женщина отрѣзываетъ себѣ по одному суставу отъ пальца руки при смерти каждаго близкаго родственника. Вслѣдствіе такого обычая тамъ нерѣдко можно видѣть старухъ, у которыхъ на всѣхъ пальцахъ обѣихъ рукъ не достаетъ двухъ верхнихъ суставовъ“. У Салишей существуетъ такой обычай, что послѣ смерти вождя вождь-наслѣдникъ и самая храбрая женщина племени вырѣзываютъ

другъ у друга по куску мяса и бросаютъ эти куски въ огонь, вмѣстѣ съ говядиной и кореньями. Параллельно этимъ погребальнымъ само-изуродованіямъ, мы находимъ въ другихъ мѣстностяхъ Америки само-изуродованія въ качествѣ религиозныхъ обрядовъ. Нѣкоторые Мексиканцы совершали для умиловленія своихъ божествъ обрѣзаніе крайней плоти (или нѣчто подобное такому обрѣзанію) и другія подобныя же само-изуродованія, еще болѣе важныя. Гуанкавилкасы, одно изъ перуанскихъ племенъ, вырывали у своихъ маленькихъ дѣтей по три зуба изъ каждой челюсти, считая, что приношеніе этихъ зубовъ было „очень пріятно ихъ богамъ“; въ тоже самое время, какъ мы видѣли выше, выбиваніе одного изъ переднихъ зубовъ составляетъ у Сандвичанъ одинъ изъ погребальныхъ обрядовъ при похоронахъ вождя.

Есть еще одно само-изуродованіе, общее обоимъ классамъ обрядовъ, т. е. и обрядамъ погребальнымъ, и обрядамъ религиознымъ. Доказательства того, что обрѣзываніе у себя волосъ при погребеніи родныхъ и друзей очень обыкновенно между дикарами, были приведены выше въ большомъ изобиліи; здѣсь же достаточно будетъ сказать, что такое обрѣзываніе волосъ совершается и въ видѣ религиознаго жертвоприношенія. Во время вулканическаго изверженія на Сандвичевыхъ островахъ, въ 1799 году, когда всѣ жертвы, принесенныя для умиловленія боговъ, оказались тщетными, король Тамеама, говорятъ, обрѣзалъ наконецъ часть своихъ волосъ, которые населеніе считало священными, и бросилъ ихъ въ потокъ, какъ самую драгоценную жертву. У Перуанцевъ существовало ежедневное приношеніе богамъ волосъ, какъ одинъ изъ актовъ поклоненія богамъ. „Принося жертву, они выдергивали волосокъ у себя изъ бровей“, говоритъ Гарсилассо; а Хозе д'Агоста подобнымъ же образомъ описываетъ приношеніе въ жертву богамъ рѣсницъ и бровей. Даже у Грековъ мы можемъ прослѣдить одинъ изъ обрядовъ этого рода: при сочетаніи бракомъ, невѣста приносила въ жертву Афродитѣ прядь своихъ волосъ.

Итакъ, мы видимъ, что и со стороны закланія человѣческихъ жертвъ, и со стороны приношеній человѣческой крови,—какъ той, что бѣжитъ изъ живаго, такъ и той, что течетъ изъ умирающаго подъ жертвеннымъ ножомъ,—и со стороны приношеній различныхъ частей тѣла, и даже въ приношеніяхъ волосъ, религиозные обряды оказываются совершенно параллельными погребальнымъ ¹⁾.

¹⁾ Такъ какъ пройдетъ еще по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ я дойду до того отдѣла этого труда, въ которомъ будетъ разсматриваться генезисъ и значеніе общественныхъ церемоній, то я нахожу нелишнимъ указать здѣсь вкратцѣ на то заключеніе по отношенію къ тѣлеснымъ изуродованіямъ вообще, которое подтверждается согласнымъ свѣдѣтельствомъ многочисленныхъ фактовъ. Всѣ уродованія берутъ свое начало въ

§ 142. Нѣтъ ли еще какихъ-либо способовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы заслужить себѣ благоволеніе невидимыхъ существъ? Если всѣ вообще дикари думаютъ, какъ обитатели Алеутскихъ острововъ, что тѣни умершихъ должны быть умиловивляемы, потому что онѣ „способны дѣлать чело-вѣку и добро и зло“, то не будетъ ли естественнымъ съ ихъ стороны задать себѣ этотъ вопросъ и отвѣтить на него утвердительно? Если ихъ живымъ родственникамъ нравятся одобренія и похвалы, и если ихъ умершіе родственники, хотя и невидимые, постоянно бродятъ по-близости и могутъ часто слышать то, что о нихъ говорится, то не естественно ли, что они будутъ тоже чувствовать себя польщенными ихъ восхваленіемъ и прославленіемъ? Отсюда является новая группа обрядовъ.

Въ своемъ сочиненіи Туземныя Племена Тихо-Океаническихъ Острововъ, Банкрофтъ рассказываетъ со словъ очевидца одного

военныхъ трофеехъ, приносимыхъ домой побѣдителями въ доказательство совершенныхъ ими подвиговъ. Когда побѣжденный умерщвляется или оставляется на полѣ битвы, или пожирается, тогда трофеемъ берется; конечно, безъ всякаго соображенія со степенью вреда, наносимаго уродованіемъ побѣжденному; но когда побѣжденный дѣлается рабомъ, тогда взятіе трофея не должно ни убивать его, ни уменьшать серьезнымъ образомъ его полезности. Такимъ образомъ уродованія плѣнниковъ, будучи вначалѣ простыми послѣдствіями взятія трофеевъ, необходимо становятся знаками, носимыми на себѣ покоренными, — знаками подчиненія. Эти знаки, отличая вначалѣ лишь тѣхъ, которые взяты въ плѣнъ на войнѣ, становятся въ послѣдствіи знаками подчиненія, обязательными для всѣхъ членовъ покоренныхъ племенъ, а равно и для людей, родившихся въ рабствѣ. Имѣя вначалѣ значеніе знаковъ покорности побѣдителю, или знаковъ подчиненности одного класса общества другому, они входятъ въ употребленіе какъ знаки почтенія передъ умершими, добровольно налагаемые на себя для умиловивленія ихъ тѣней; причемъ вначалѣ подобное средство умиловивленія употребляется только по отношенію къ духамъ умершихъ свирѣпыхъ вождей, внушавшихъ сильный страхъ при жизни; а потомъ этотъ способъ умиловивленія распространяется все далѣе и далѣе книзу, какъ это вообще бываетъ со всѣми общественными церемоніями. Подъ-конецъ, эти внѣшніе знаки становятся просто политико-церковными обрядами, съ которыми связываются однако нѣкоторыя смутныя представленія о подчиненіи и священности даже послѣ того, какъ ихъ специальное значеніе будетъ потеряно. Затѣмъ, какъ это наблюдается во многихъ областяхъ цивилизованной жизни, эти знаки подчиненія часто вырастаютъ въ источники гордости и пріобрѣтаютъ характеръ украшенія. Рубцы располагаются такимъ образомъ, чтобы произвести такія сочетанія шрамовъ, которыя считаются наиболее красивыми и вызываютъ наиболѣе восхищенія; и татуировка развивается въ орнаментальные узоры.

погребенія, какъ человѣкъ, неся на спинѣ трупъ своей жены къ погребальной пещерѣ, выражаетъ свою горестъ о ея потерѣ воспѣваніемъ ея добродѣтелей, и какъ остальные члены племени, слѣдуя за нимъ по пятамъ, вторятъ его воспѣваніямъ. Этотъ обычай, представляя въ значительной степени естественное выраженіе чувства потери, составляетъ весьма распространенный обычай, въ который входитъ также всегда и идея объ умилоствленіи. Соути рассказываетъ намъ о Тунисахъ, что у нихъ во время погребальнаго пиршества „пѣлись пѣсни во славу умершаго“. У обитателей Нижней Калифорніи одна изъ почестей, отдаваемыхъ умершему, состоитъ въ томъ, что „квاما, или жрецъ, воспѣваетъ ему хвалы“; а у Чипшейцевъ подобныя славословія получали даже постоянный характеръ вслѣдствіе того, что у нихъ на могилѣ усопшаго ставился столбъ, на которомъ изображались „знаки, показывавшіе, сколько разъ умершій участвовалъ въ битвахъ и сколько было взято имъ скальповъ“, точно такъ какъ у насъ восхваленіямъ умершему дается постоянный характеръ въ надписяхъ, изображаемыхъ на надгробныхъ камняхъ. У отчасти-цивилизованныхъ американскихъ народовъ погребальныя славословія были развиты въ еще болѣе высокой степени. Палаціо рассказываетъ намъ, что обитатели Санъ-Сальвадора „воспѣвали родословную и дѣла усопшаго въ теченіе четырехъ дней и ночей“; а П. Симонъ сообщаетъ, что Чипчасы „распѣвали печальныя причитанія и прославляли великіе подвиги умершаго“. Точно также, описывая Перуанскіе похороны, Чьеза говоритъ, что хоронившіе, проходя по деревнѣ, „восхваляли въ пѣсняхъ дѣла умершаго вождя“. Подобные же обычаи находимъ мы и въ Полинезій. Эллисъ утверждаетъ, что въ Таити, по поводу смерти, „складывались бардами элегическія баллады, которыя они и распѣвали въ утѣшеніе семейству умершаго“. Тотъ же самый обычай мы можемъ прослѣдить и въ Африкѣ. По словамъ Калье, туземцы изъ племени Мандинго говорятъ при погребеніи похвальное слово умершему; а у великой исторической расы Африки степень развитія этого обычая была пропорціональна выработкѣ ея общественной жизни. Египтяне не только распѣвали поминальные гимны по случаю смерти своего царя, но подобныя же восхваленія были вообще въ обычаѣ при погребеніи всякаго египтянина. У нихъ нанимались особые плакальщики для исчисления и прославленія добродѣтелей покойника; когда же опускался въ могилу древній египтянинъ высокаго общественнаго положенія, жрецъ читалъ по папирусу подробное описаніе всѣхъ его добрыхъ дѣлъ, причемъ толпа присоединялась къ нему въ его восхваленіяхъ умершему, бормоча что-то вроде отвѣтовъ.

Во многихъ случаяхъ, славословія въ честь умершаго не оканчиваются съ его похоронами. Геріотъ замѣчаетъ о бразильскихъ индѣйцахъ, что они „поютъ

пѣсни въ честь своихъ умершихъ каждый разъ, когда проходятъ мимо ихъ могилъ“. Точно также мы узнаемъ отъ Банкрофта, что „въ продолженіе долгаго времени послѣ смерти родственники умершаго отправляются ежедневно, при восходѣ и закатѣ солнца, къ его могилѣ, чтобы пѣть пѣсни печали и хвалы“. Гарсилассо рассказываетъ о Перуанцахъ, что они въ теченіе цѣлаго мѣсяца послѣ кончины Инки „громко воспѣвали военные подвиги покойнаго и то добро, которое онъ сдѣлалъ своимъ владѣніямъ.... По истеченіи перваго мѣсяца, они повторяли тоже самое черезъ каждыя двѣ недѣли, при каждой фазѣ луны, и это продолжалось цѣлый годъ“; а Прескоттъ говоритъ, что у нихъ „назначались особые барды и министры для составленія хроники подвиговъ умершаго Инки и что ихъ пѣсни продолжали распѣваться при большихъ торжествахъ“.

Побудительный мотивъ такихъ славословій совершенно параллеленъ побудительному мотиву религіозныхъ славословій. Амазулусы, по ихъ собственному признанію, повторяютъ свои восхваленія умершихъ для того, чтобы заслужить себѣ ихъ милости или избѣжать наказаній. Отвѣчая на упреки разгнѣванной тѣни своего брата, одинъ Зулусъ говоритъ: „я призываю тебя и восхваляю тебя твоими славными именами“. Точно также, — „если въ деревнѣ свирѣпствуетъ болѣзнь, старшій сынъ умершаго Зулуса восхваляетъ и возвеличиваетъ своего отца его славными именами, заслуженными имъ въ битвахъ съ непріятелями; и въ тоже самое время славословить и всѣхъ другихъ Аматоно“ (духовъ-предковъ). Далѣе дикари прямо приписываютъ духамъ любовь къ восхваленіямъ. Послѣ обильной жатвы, за которую народъ считаетъ себя обязаннымъ духамъ, вождь деревни нерѣдко побуждается къ акту поклоненія духамъ, видѣннымъ во-снѣ, причемъ духъ говоритъ ему: „Какъ же это такъ: вамъ послано такъ много пищи, а вы не возносите благодареній?“ Мы имѣемъ также доказательство того, что эти тѣни-предки, въ ихъ любви къ восхваленіямъ людьми, бываютъ очень ревнивы. Каноникъ Коллоуэй рассказываетъ, что послѣ того, какъ знахарь опредѣлилъ, какой именно изъ духовъ-предковъ причинилъ болѣзнь, этотъ духъ выдѣляется особо въ общемъ славословіи. Вотъ показаніе одного Зулуса по имени Импенгула Мбанда:

«Поэтому его называютъ перваго и говорятъ: «Такой-то, сынъ такого-то!» и затѣмъ величаютъ его хвалебными именами; послѣ того переходятъ къ его отцу и упоминаютъ также и о немъ въ связи съ болѣзнью, и такимъ образомъ въ надлежащее время доходятъ до самаго послѣдняго; конецъ бываетъ тогда, когда знахарь скажетъ: «о, вы, всѣ духи Гвадьскаго народа, произведеніе такого-то (тутъ опять поминаются его великія дѣла), идите всѣ сюда».

Такъ что, начиная наше обозрѣніе съ похвального слова умершему, входящаго въ число погребальныхъ обрядовъ, переходя къ величаніямъ, повторяе-

мымъ въ теченіе извѣстнаго срока послѣ смерти, затѣмъ къ періодическимъ величаніямъ, устанавливающимся по разнымъ случаямъ, мы доходимъ до характеристическихъ отличій настоящихъ религіозныхъ славословій. Кромѣ того, и погребальное и религіозное славословія сходны между собою еще въ томъ, что, по утверженію дикарей, и тѣ и другія прямо требуются сверхъестественными существами; а также въ томъ, что природа и тѣхъ и другихъ одинаково заключается въ повѣствованіи великихъ дѣлъ, и, наконецъ, даже въ томъ, что побудительный мотивъ и тѣхъ и другихъ одинаковъ: и тѣ и другія суть средства къ полученію благодѣяній и избѣжанію бѣдствій.

§ 143. За этой параллельной чертою между погребальными и религіозными обрядами слѣдуетъ непосредственно другая такая же параллельная черта, тѣсно связанная съ предыдущей. Величанія умершихъ всегда сопровождаются обращенными къ нимъ молитвами. Ливингстонъ сообщаетъ намъ, что Баньяи „молятся усопшимъ вождямъ и родственникамъ“; а отъ Рида мы узнаемъ, что въ Экваторіальной Африкѣ, во времена бѣдствій, народъ уходитъ въ лѣсъ и плачется тамъ духамъ тѣхъ, которые оставили этотъ міръ. Амазулусы, побудительный мотивъ которыхъ въ ихъ славословіяхъ духовъ мы только-что видѣли, присоединяютъ къ своимъ жертвоприношеніямъ и молитвы. Одинъ изъ нихъ говоритъ:

«Хозяинъ быка, при-этомъ молится Амагонго, говоря: «Вотъ вамъ быкъ, о! вы, духи нашего народа!» Затѣмъ онъ молится, называя по именамъ своихъ умершихъ дѣдовъ и бабокъ, говоря: «Вотъ вамъ пища; я молю васъ о здравьи, о пріятной жизни, и ты, такой-то, будь милостивъ ко мнѣ; также и ты, такой-то», и такъ далѣе, называя по именамъ всѣхъ умершихъ членовъ своего семейства».

Точно тоже находимъ мы и у Веддаховъ. Они думаютъ, что ихъ охраняютъ духи „ихъ предковъ и ихъ дѣтей“; а потому „при всякомъ бѣдствіи, во всякой нуждѣ, они призываютъ ихъ на помощь“. Они „призываютъ своихъ усопшихъ предковъ поименно“. „Приди и раздѣли съ нами вотъ это! продолжай доставлять намъ средства къ жизни, какъ ты доставлялъ ихъ намъ, когда былъ въ живыхъ!“ По словамъ Скулькрафта, Дакота, отправляясь на охоту, произноситъ такую молитву: „Духи и тѣни, будьте милостивы ко мнѣ и покажите мнѣ, гдѣ найти оленя“. Тёрнеръ, описывая Ватеанцевъ, которые „поклоняются духамъ своихъ предковъ“, говоритъ: „они молятъ ихъ надъ чашею кавы о ниспосланіи имъ здоровья и благоденствія“; а описывая сосѣднихъ Ново-Каледонцевъ, онъ говоритъ, что, принося въ жертву своимъ усопшимъ и обоготовленнымъ вождямъ первый сборъ отъ плодовъ земли, вождь ихъ громко молится въ такихъ словахъ: „сострадательный отецъ, вотъ тебѣ пища, ѣшь ее, и будь добръ къ намъ ради нея“.

Такія молитвы отличаются отъ молитвъ болѣе цивилизованныхъ расъ ихъ божествамъ только предполагаемымъ происхожденіемъ или предполагаемою природою того сверхъестественнаго существа, которому возносится молитва. Въ Иліадѣ Хризесъ, жрецъ Аполлона, представленъ говорящимъ слѣдующимъ образомъ: „О Сминтіусъ, если ты помнишь, какъ я перекрылъ кровлю твоего благодатнаго храма, если ты помнишь, какъ я многократно сжигалъ для тебя жирныя ляшки быковъ и козловъ, исполни мою сегодняшнюю мольбу: пусть твои стрѣлы заставляютъ грековъ заплатить за мои слезы“. Точно также Рамзесъ, призывая Аммона оказать ему помощь въ битвѣ, напоминаетъ ему о 30,000 быковъ, принесенныхъ имъ въ жертву ему. Эти требованія помощи, взаимныя отданныхъ цѣнныхъ вещей, съ существенныхъ своихъ сторонъ совершенно сходны съ тѣми требованіями дикарей, которые приводились нами выше. Между троянцемъ или египтяниномъ съ одной стороны и Зулусомъ или Ново-каледонцемъ—съ другой нѣтъ ни малѣйшаго различія со стороны чувства или идеи, диктующихъ каждому изъ нихъ его молитву. — — — .

§ 144. Существуютъ и другія параллельныя черты между погребальными и религіозными обрядами; но я не могу отвести имъ столько мѣста, чтобы изслѣдовать каждую изъ нихъ въ подробности; а потому и принужденъ ограничиться посвященіемъ каждой изъ нихъ лишь по нѣскольکو словъ.

Ливингстонъ сообщаетъ намъ, что обитатели Восточной Африки вѣрятъ, что „духи усопшихъ знаютъ все, что дѣлаютъ покинутые ими на землѣ родственники и друзья, и что они бываютъ довольны или недовольны, смотря по тому, хороши или дурны ихъ поступки“; а отъ Скулькрафта мы узнаемъ, что Дакоты, въ своихъ погребальныхъ свѣтованіяхъ, обращаются къ духу усопшаго и общаются вести себя хорошо. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ дикари страшатся неодобренія духовъ-предковъ въ такой же мѣрѣ, въ какой цивилизованныя расы страшатся божественнаго неодобренія, и что они ищутъ одобренія духовъ-предковъ по тѣмъ же побудительнымъ причинамъ, по какимъ цивилизованныя расы ищутъ божественнаго одобренія.

Существуютъ также свидѣтельства, указывающія на появленіе раскаянія, вслѣдствіе предполагаемаго неодобренія со стороны духовъ-предковъ. Описывая идеи и чувства туркомановъ, Вамбери говоритъ, что „нѣтъ болѣе тяжелаго наказанія для живаго человѣка, какъ быть обвиненнымъ передъ тѣнью своего усопшаго отца или предка. Такое обвиненіе производится посредствомъ воткнутія копы на вершинѣ могилы предка... Едва Орацъ замѣтилъ копы, торчащее на высокой йоскѣ его дѣда, какъ онъ взялъ лошадь Моллаха и въ слѣдующую же ночь, пользуясь темнотою и безмолвіемъ окрестности, отвелъ ее назадъ къ шатру ея хозяина и привязалъ на прежнее мѣсто, съ котораго онъ ее укралъ. Этотъ актъ

возвращенія похищенной собственности, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, будетъ мучить его долгое время. Но лучше лежать въ черной землѣ, чѣмъ нарушить покой своего предка“.

Въ своемъ описаніи прокезовъ, Морганъ говоритъ, что „весьма важную часть погребальнаго обряда и послѣдующихъ сѣтованій по Сашему составляло повтореніе древнихъ законовъ“. Въ этомъ обычаѣ мы можемъ прослѣдить аналогію съ извѣстнымъ религиознымъ обрядомъ, состоящимъ въ повтореніи божественныхъ повелѣній.

Какъ мы уже видѣли выше, зажиганіе огня на могилахъ, для удобствъ умершаго, составляетъ одинъ изъ весьма нерѣдкихъ погребальныхъ обрядовъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ такой огонь поддерживается непрерывно въ теченіе долгаго времени; или же онъ зажигается періодически, черезъ извѣстные правильные промежутки времени. Присоединяя къ этимъ фактамъ тотъ фактъ, что въ египетскихъ гробницахъ горѣли неугасимыя лампы и что тоже самое имѣло мѣсто и въ римскихъ гробницахъ, мы увидимъ, что поддержаніе священнаго огня въ храмѣ представляетъ новый примѣръ развитія религиознаго обряда изъ обряда погребальнаго.

Выраженіе горя, возникающее искренно и непосредственно у тѣхъ, которые только-что потеряли одного изъ близкихъ родственниковъ, составляетъ весьма естественную и характерную особенность похоронъ, развиваясь въ послѣдствіи въ погребальный обрядъ; причемъ въ болѣе передовыхъ обществахъ оно раздувается иногда еще болѣе воплями наемныхъ плакальщиковъ. Такъ это было у древнихъ египтянъ; и у нихъ же печальное причитаніе, или сѣтованіе, составляло также и одинъ изъ религиозныхъ обрядовъ. Однажды въ годъ они приносили въ жертву на алтарь Изиды первые плоды этого года „съ жалобными сѣтованіями“. Въ Бузирисѣ, предполагаемомъ мѣстѣ погребенія Озириса, происходило ежегодное празднество, на которомъ явившіеся туда поклонники постились, облекались въ траурныя одежды и распѣвали печальныя жалобы вокругъ курившейся жертвы, причемъ предметомъ ихъ сѣтованій была смерть Озириса. Приверженцы теоріи т.-н. природныхъ міеовъ (т. е. теоріи заимствованія міеовъ изъ явленій природы) найдутъ, конечно, въ этомъ обрядѣ нѣкоторый символическій смыслъ; но для другихъ покажется очень знаменательнымъ тотъ фактъ, что это новое сходство между погребальными и религиозными обрядами имѣло мѣсто именно у того народа, который обладалъ столь сложно-изысканной системой жертвоприношенія и служенія даже обыкновеннымъ покойникамъ и который отличался безпримѣрнымъ постоянствомъ въ своихъ обычаяхъ.

Мы уже говорили, что дикарь не любитъ открывать своего имени, предполагая, что это предастъ его во власть того, кому оно станетъ извѣстно; подоб-

нымъ же образомъ дикарь обыкновенно не любитъ называть по имени покойника, предполагая, что приобрѣтеніе той власти надъ покойникомъ, которую будто-бы даетъ человѣку знаніе его имени, можетъ возбудить его гнѣвъ. Други говорятъ, что это чувство такъ сильно у малагазцевъ, что „они считаютъ преступленіемъ, говоря о мертвыхъ, называть ихъ тѣми именами, подъ которыми они были извѣстны при жизни“. Подобнымъ же образомъ у многихъ полудивилизованныхъ расъ называніе божествъ ихъ истинными именами или вовсе запрещалось, или считалось непочтительнымъ. Это мы видимъ, напримѣръ, у индусовъ, которые избѣгаютъ произнесенія священнаго имени Омъ; а Геродотъ тщательно избѣгаетъ называть по имени Озириса.

Въ землѣ Каффовъ могила вождя пользуется правомъ убѣжища; а Маринеръ рассказываетъ о Тонганскихъ островахъ, что тамъ тѣ кладбища, на которыхъ погребены великіе вожди, считаются столь священными, что даже заклятые враги, встрѣчаясь между собою на нихъ, должны вести себя какъ друзья. Въ этомъ мы имѣемъ начало священнаго права убѣжища, принадлежащаго храмамъ божествъ у болѣе передовыхъ народовъ.

Посѣщеніе могилы для приношенія пищи, для воспѣванія славословій и для испрошенія помощи отъ усопшаго, предполагаетъ путешествіе къ ней; конечно, если могила близко, то это путешествіе бываетъ короткимъ, но если могила далеко, то такое путешествіе становится настоящимъ паломничествомъ. Что паломничества дѣйствительно возникаютъ такимъ образомъ, доказывается разсказомъ Вамбери о нѣкоторыхъ хищническихъ туркоманскихъ племенахъ; по его словамъ, эти люди смотрятъ на каждаго изъ своихъ соплеменниковъ, убитаго въ битвѣ, какъ на святаго мученика; они поклоняются его гробу и „совершаютъ благочестивыя путешествія къ этому святому мѣсту, гдѣ они со слезами умоленія молятъ погребеннаго о его святомъ заступничествѣ“. Какъ сыновнее благочестіе принимаетъ болѣе широкіе размѣры, когда духи-предки подпадаютъ подъ власть одного духа какаго-либо знаменитаго человѣка, такъ и посѣщеніе мѣста погребенія родственника переходитъ въ религіозное паломничество. Повсюду, какая-нибудь гробница продолжаетъ быть конечною цѣлью благочестиваго путешествія; мы имѣемъ тутъ: городъ, въ которомъ погребенъ Магометъ, равно какъ и городъ, гдѣ онъ родился; гробницу Бага-Эд-дина, почитаемаго вторымъ Магометомъ; Тонъ, содержащій останки Будды.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одной аналогіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ различныя части тѣла умершаго поѣдаются живыми, которые думаютъ посредствомъ этого проникнуться хорошими свойствами умершаго; мы видѣли также (§ 133), что дѣлающіе это предполагаютъ, что они оказываютъ этимъ умершему извѣстный почетъ. Такое представленіе, скрывающееся въ этомъ

обрядѣ, находится въ связи съ еще однимъ дальнѣйшимъ представленіемъ, а именно съ вѣрою въ то, что природа другаго лица, проникающая всѣ части его тѣла, проникаетъ также и непротребленную часть того, что слилось съ его тѣломъ и вошло въ его составъ; такъ что всякое дѣйствіе надъ остатками отъ съѣденной имъ пищи становится дѣйствіемъ и надъ съѣденною частью пищи, а слѣдовательно, дѣйствіемъ надъ самимъ съѣвшимъ ее лицомъ. Другое скрывающееся здѣсь заключеніе состоитъ въ томъ, что между тѣми, которые поѣли различныхъ частей одной и той же пищи, устанавливается извѣстная общность природы. Отсюда являются такія вѣрованія, какъ вѣрованіе тѣхъ негровъ, которые, по словамъ Бастіана, думаютъ, „что поѣвъ и попивъ освященной пищи, они пили и ѣли свое божество“, — которое есть здѣсь одинъ изъ предковъ, принявшій участіе въ ихъ трапезѣ, въ актѣ ея освященія. Такое представленіе ведетъ дикарей къ многоразличнымъ обрядамъ и обычаямъ, такъ на примѣръ къ тѣмъ, которыми сопровождается избраніе тотема (животное-покровитель и въ тоже время гербъ). У индѣйцевъ изъ племени Москито „способъ пріобрѣтенія этого покровителя состоитъ въ слѣдующемъ: человекъ отправляется въ какое-нибудь уединенное мѣсто и приноситъ тамъ жертву; та птица, или тотъ звѣрь, который являлся ему послѣ этого во снѣ или въ дѣйствительности, считался тотемомъ, и онъ заключалъ съ нимъ союзъ на всю жизнь посредствомъ выпущенія крови изъ различныхъ частей собственнаго тѣла“. Дикари вѣрили, что эта кровь съѣдалась послѣ избраннымъ животнымъ и что она связывала обоихъ участниковъ неразрывными узами; такъ что „жизнь животного до такой степени сливалась съ жизнью человека, что смерть одного изъ нихъ влекла за собою смерть другаго“ ¹⁾. Замѣтимъ себѣ при-этомъ, что въ этихъ самыхъ странахъ эта же самая идея появляется снова въ формѣ религіознаго обряда. Сагагунъ и Перрера описываютъ у Ацтековъ одну религіозную церемонію, называвшуюся „бого-яденіе“. Мендіета, описывая эту цере-

¹⁾ Это даетъ намъ ключъ къ происхожденію различныхъ странныхъ обрядовъ, посредствомъ которыхъ люди связывались между собою. Въ своемъ сочиненіи, *Origines du Droit Français*, Мишле пишетъ: «Boir le sang l'un de l'autre c'était pour ainsi dire se faire même chair. Ce symbole si expressif se trouve chez un grand nombre de peuples» (пить кровь одинъ другаго значило, такъ сказать, достигнуть того, чтобы у обоихъ была одна и та же плоть. Этотъ выразительный символъ встрѣчается у значительнаго числа народовъ); послѣ чего онъ приводитъ примѣры этого обычая у различныхъ древнихъ расъ. Но, какъ мы видимъ здѣсь, этотъ обычай употреблялся вначалѣ вовсе не какъ простой символъ; напротивъ того, дикари вѣрили и вѣрятъ, что помощью этого средства устанавливается общность природы между двумя людьми и получается взаимная власть одного надъ другимъ.

монію, говорить: они изготовляли родъ маленькихъ идоловъ изъ съѣдобныхъ съ-
мянъ.... и ѣли ихъ, какъ-бы символическое изображеніе своихъ боговъ“. Такъ
какъ съмена скрѣплялись отчасти кровью принесенныхъ въ жертву мальчиковъ,
такъ какъ ихъ боги были боги-людоѣды и такъ какъ Гуитцилопоктли, въ
служеніе которому входилъ этотъ обрядъ, былъ тотъ богъ, которому приноси-
лись самыя громадныя человѣческія жертвы, то ясно, что цѣлю этого обряда
было установленіе общенія съ нимъ посредствомъ совмѣстнаго поѣданія крови.
Такъ что тѣ, что у нѣкоторыхъ изъ этихъ сродныхъ между собою американ-
скихъ расъ было однимъ изъ погребальныхъ обрядовъ, посредствомъ котораго
оставшіеся въ живыхъ старались воодушевиться добродѣтелями умершаго и
связать себя тѣсными узами съ его тѣнью, — то самое у болѣе цивилизованныхъ
племенъ видоизмѣнилось въ религіозный обрядъ, имѣющій цѣлю проникновеніе
божествомъ и заявленіе полной преданности ему.

§ 145. Такимъ образомъ множество фактическихъ свидѣтельствъ самаго
разнообразнаго рода вполне подтверждаютъ то, что было высказано въ заклю-
ченіи послѣдней главы. Мы сказали тамъ, что души усопшихъ, разсматриваемыя
дикарями иной разъ какъ благотѣльные дѣятели, по большей же части какъ
причины разныхъ бѣдствій, могутъ вызывать по отношенію къ себѣ различный
образъ дѣйствій: человѣкъ можетъ или обманывать ихъ, или сопротивляться
имъ, или изгонять ихъ, или же, наконецъ, онъ можетъ вести себя съ ними
такъ, чтобы заслужить ихъ благоволеніе и смягчить ихъ гнѣвъ. И мы утверж-
дали, что изъ этого послѣдняго образа дѣйствій берутъ свое начало всѣ рели-
гіозныя обряды. Многочисленные факты, приведенные въ этой главѣ, показали
намъ, какимъ образомъ это происходитъ.

Первоначальное священное мѣсто есть то, гдѣ покоятся умершіе и гдѣ,
по убѣжденію первобытныхъ людей, бродятъ тѣни этихъ умершихъ; пещера
или домъ, охраняющіе трупъ умершаго, или всякое другое помѣщеніе для
трупа, становится священнымъ помѣщеніемъ, или храмомъ; а то, на что кла-
дуться приношенія умершему, становится священной подставкою для жертво-
приношеній, или алтаремъ. Пища, питье и другія вещи, отдаваемыя умершему,
развиваются въ жертвоприношенія и возліянія богамъ; точно также какъ за-
кланія человѣческихъ жертвъ, жертвоприношенія крови, само-изуродованія и
обрѣзываніе себѣ волосъ, совершавшіяся прежде на могилѣ усопшаго, совер-
шаются въ послѣдствіи передъ идолами, въ знакъ преданности божеству. Постъ,
какъ погребальный обрядъ, переходитъ въ постъ, какъ религіозный обрядъ, и
даже печальныя сѣтованія встрѣчаются въ обѣихъ этихъ формахъ. Восхвале-
нія умершихъ, воспѣваемые при погребеніи и послѣ и повторяющіяся на тор-
жественныхъ поминальныхъ пиршествахъ (тризнахъ), переходятъ въ славосло-

вія, составляющія часть религіознаго поклоненія, или богослуженія: точно также какъ моленія, обращаемыя къ умершему о помощи, о благословеніи, о покровительствѣ, становятся молитвами, возсылаемыми къ божествамъ о тѣхъ же самыхъ выгодахъ. Духи-предки, насылающіе разныя болѣзни, подобно тому, какъ боги посылають заразы, язвы, повѣтрія и т. п., могутъ быть умилоstellяемы такимъ же образомъ, какъ и боги, т. е. принесеніемъ особыхъ жертвъ: такъ какъ побудительные мотивы, приписываемые тѣнямъ усопшихъ и богамъ, суть одни и тѣ же, то и способы, обращаемыя къ тѣмъ и другимъ, чтобы добиться отъ нихъ чего-нибудь, также одни и тѣ же. Этотъ параллелизмъ доходитъ до самыхъ мельчайшихъ и самыхъ разнообразныхъ подробностей. — Какъ боги имѣють надзоръ за поведеніемъ людей, такъ точно имѣють его и тѣни умершихъ; и тѣмъ и другимъ люди даютъ обѣты вести себя хорошо; какъ передъ тѣми, такъ и передъ другими люди приносятъ покаяніе въ своихъ проступкахъ. Какъ повелѣнія умершаго возобновляются отъ времени до времени въ памяти живыхъ посредствомъ ихъ церемоніальныхъ повтореній, такъ точно существуетъ обрядъ періодическихъ повтореній божественныхъ повелѣній. Огни поддерживаются на могилахъ и въ гробницахъ точь въ точь такъ, какъ и въ храмахъ. Мѣста погребенія, подобно храмамъ, нерѣдко пользуются правомъ убѣжища. Имя умершаго по большей части держится въ тайнѣ, какъ часто держится въ тайнѣ имя божества. Существуютъ пилигримства къ могиламъ умершихъ родственниковъ, и пилигримства къ гробницамъ воображаемыхъ божественныхъ личностей. Въ Америкѣ, нѣкоторыя менѣе цивилизованныя расы усвоили особенный способъ связывать живаго съ умершимъ, посредствомъ особенныхъ пріемовъ, помощью которыхъ, по ихъ мнѣнію, живой приобретаетъ качества усопшаго; и въ той же Америкѣ, другія болѣе цивилизованныя расы обнаруживаютъ параллельный этому способъ связыванія человѣка съ божествомъ, посредствомъ очень сходныхъ пріемовъ, устанавливающихъ общность природы между тѣмъ и другимъ.

Могли ли столь многочисленныя и столь разнообразныя сходства возникнуть при отсутствіи генетическаго родства? Предположимъ, что обѣ эти группы явленій ничуть не связаны одна съ другой, предположимъ, что первобытные люди, какъ думаютъ нѣкоторые, имѣли съ самаго начала сознаніе о нѣкоторой всеобщей силѣ, составляющей первую причину всѣхъ другихъ вещей. Спрашивается: есть ли какая-нибудь вѣроятность, чтобы эти люди вздумали произвольно и безъ причины выполнять по отношенію къ этой силѣ какой-либо актъ, который они выполняютъ по отношенію къ мертвому тѣлу своего же брата дикаря? Но если одна такая общая черта въ отношеніяхъ къ тому и другому довольно невѣроятна, то какова же должна быть вѣроятность двухъ такихъ

общихъ актовъ? и какова вѣроятность четырехъ такихъ одинаковыхъ актовъ? а что сказать про двадцать такихъ сходствъ, какъ тѣ, какія перечислены нами выше? При отсутствіи причиннаго отношенія, вѣроятность противъ такого соотвѣтствія почти равнялась бы отношенію безконечности къ единицѣ.

Далѣе, если эти двѣ группы обрядовъ имѣютъ одинъ общій корень, то мы можемъ легко усмотрѣть, какимъ образомъ произошло то, что эти двѣ группы обрядовъ постоянно сосуществуютъ одна съ другой въ такихъ формахъ, которыя различаются одна отъ другой только по степени развитія. Но если такого общаго корня не существуетъ, то какъ могло случиться то, что во множествѣ различныхъ обществъ эти двѣ группы обрядовъ выполнялись или выполняются одновременно въ замѣчательно сходныхъ формахъ? Въ Египтѣ были въ обычаѣ славословія и жертвоприношенія покойникамъ и при погребеніи, и впоследствии, когда они лежали въ гробницахъ; въ томъ же Египтѣ такія же славословія и жертвоприношенія были въ обычаѣ и по отношенію къ божествамъ. Въ Мексикѣ можно было видѣть ежедневно приношенія умершимъ пищи, питья и цвѣтовъ и закланія слугъ; въ той же Мексикѣ совершались ежедневно точно такіе же или весьма сходные обряды по отношенію къ богамъ; кромя того мы видимъ, что здѣсь искусственныя изображенія умершихъ сохранялись и служили предметами поклоненія, точь въ точь такъ, какъ и изображенія боговъ. Перуанцы проливали человѣческую кровь на гробницахъ умершихъ и давали ее идоламъ; приносили человѣческія жертвы умершему вождю и точно такія же жертвы божеству; обрѣзывали себѣ волосы для умершаго, и приносили свои волосы въ жертву солнцу; славословили и молились набальзамированнымъ трупамъ, и точно также славословили и молились божествамъ, и вообще поклонялись однимъ почти въ такой же мѣрѣ и въ такой же формѣ, какъ и другимъ. Если между отцемъ, разсматриваемымъ какъ предокъ, и отцемъ, разсматриваемымъ какъ божество, не существуетъ никакой связи, то эта общность обрядовъ совершенно необъяснима.

Но это еще не все. Еслибы религіозные обряды не происходили изъ погребальныхъ, то для насъ было бы совершенно невозможно понять генезисъ многихъ религіозныхъ церемоній, повидимому, совершенно нелѣпыхъ. Какимъ образомъ нѣкоторые люди, какъ напримѣръ мексиканцы, могли дойти до мысли, что каменная чаша, наполненная человѣческой кровью, можетъ быть пріятной солнцу? или что солнце любитъ ароматическія куренія, какъ это думали Египтяне? Какъ вообразить себѣ тотъ путь, какимъ Перуанцы дошли до того убѣжденія, что солнце можетъ быть умиловлено тѣмъ, что человѣкъ вырветъ волосъ у себя изъ бровей и взброситъ его кверху, подувъ на него? или до того убѣжденія, что пославъ, помощью собственнаго дуновенія, такой же воло-

сокъ по направленію къ морю, человѣкъ можетъ смягчить гнѣвъ моря? Какіе antecedенты дали начало столь страннымъ идеямъ, какъ идеи Санталовъ, которые, поклоняясь „Великой Горѣ“, приносили ей въ жертву животныхъ, цвѣты и плоды? Или почему одинъ изъ древнихъ народовъ думалъ угодить божеству, возлагая на алтарь хлѣбъ, вино и ароматы, т. е. какъ разъ тѣ самыя вещи, которыя сосѣдній съ нимъ древній народъ возлагалъ на алтари, воздвигнутые передъ муміями? Предположеніе, будто-бы первобытный человѣкъ произвольно и безпричинно поступаетъ совершенно нераціональнымъ образомъ, рѣшительно не допустимо. Но если эти религіозные обряды, повидимому столь нераціональные, возникли изъ погребальныхъ обрядовъ, то намъ не приходится болѣе удивляться ихъ нескладности.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собою множество рядовъ свидѣтельствъ, которые, сходясь всѣ въ одномъ фокусѣ, оказываются уже сами по себѣ совершенно достаточными, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе касательно этого естественнаго генезиса религіозныхъ обрядовъ. Въ виду тѣхъ многочисленныхъ путей, по которымъ можетъ быть прослѣжено развитіе погребальныхъ обрядовъ въ поклоненіе умершему и, подъ конецъ, въ религіозное поклоненіе, это развитіе становится совершенно яснымъ для насъ. Но мы сейчасъ увидимъ, что это развитіе становится еще яснѣ послѣ разсмотрѣнія еще нѣкоторыхъ другихъ фактовъ и съ другихъ точекъ зрѣнія.

ГЛАВА XX.

ПОКЛОНЕНИЕ ПРЕДКАМЪ ВООБЩЕ.

§ 146. Изъ всѣхъ частей свѣта, и притомъ лицами, принадлежащими къ различнымъ національностямъ и различнымъ вѣроисповѣданіямъ, доставляются намъ факты, доказывающіе, что существуютъ такія племена, которыя или вовсе лишены какихъ бы то ни было идей о сверхъестественныхъ существахъ, или у которыхъ такія идеи отличаются чрезвычайной смутностью. „Когда достопочитенный отецъ Юниперо Серра основалъ въ 1776 году миссію въ Долоресъ, берега залива Санъ-Франциско были густо населены Ауштіями, Олопами, Алтамосами, Ромапонами, Туоломосами и другими племенами. Почтенный отецъ нашелъ поле совершенно незнаемымъ, ибо въ словаряхъ этихъ народцевъ не оказалось ни одного слова для обозначенія бога, ангела или дьявола, точно также какъ они не имѣли никакого ученія касательно происхожденія міра и людскаго жребія“. Это свидѣтельство, приводимое Банкрофтомъ по отношенію къ калифорнскимъ индѣйцамъ, оказывается вполне согласнымъ со свидѣтельствами старинныхъ испанскихъ писателей, относящимися къ нѣкоторымъ южно-американскимъ народамъ. Гарсилассо говоритъ, что „Чиригуанасы и обитатели мыса Назау.... не имѣли никакого стремленія къ поклоненію кому бы то ни было, ни наверху, ни внизу, ни изъ своекорыстныхъ побужденій, ни изъ страха“; Бальбоа упоминаетъ о племенахъ, видѣнныхъ инкою Юнанкви и не имѣвшихъ никакой религіи, а Авенданьо утверждаетъ, что въ его время у Аншисовъ не было никакого богослуженія, никакой религіи. Многіе подобные примѣры приведены у сэра Джона Лэббока; точно также не мало примѣровъ этого рода можно найти и въ Первобытной Культурѣ Тайлора. Но я согласенъ съ Тайлоромъ, что изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ можно обыкновенно заключить о существо-

ваніи у этихъ народовъ нѣкотораго, хотя бы колеблющагося и несостоятельнаго, понятія объ оживающемъ другомъ я. Хотя тамъ, гдѣ это понятіе не приняло еще формы опредѣленнаго вѣрованія, существованіе его, хотя бы лишь въ самыхъ существенныхъ чертахъ, все-таки обнаруживается изъ погребальныхъ обрядовъ и изъ боязни умершихъ.

Оставляя въ сторонѣ нерѣшенный вопросъ о томъ, существуютъ ли такіе люди, у которыхъ сновидѣнія не порождали бы понятія о блуждающемъ двойникѣ, и другаго, вытекающаго отсюда, понятія, что при смерти этотъ блуждающій двойникъ уходитъ куда-то далеко, — мы можемъ однако утверждать съ полною увѣренностью несомнѣнную истинность того факта, что первое представленіе о сверхъестественномъ существѣ, къ которому мы приходимъ, спускаясь въ глубь исторіи первобытнаго человѣчества, есть представленіе о тѣни усопшаго. Это представленіе существуетъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ еще ни одной идеи этого порядка; и оно же существуетъ тамъ, гдѣ есть уже многочисленныя другія идеи этого порядка.

То обстоятельство, что вѣра въ переживающій человѣка двойникъ возникаетъ между дикарями и затѣмъ постоянно воспроизводится снова между цивилизованными народами, представляетъ фактъ очень важнаго значенія. Даже одинъ этотъ фактъ, взятый самъ по себѣ, независимо отъ другихъ доказательствъ, почти достаточенъ для того, чтобы показать, что тѣнь умершаго есть первичный типъ сверхъестественнаго существа. То, что представляетъ общую черту для людскихъ умовъ на всѣхъ ступеняхъ развитія, должно корениться въ мысли гораздо глубже, чѣмъ то, что представляетъ особенность, свойственную людскимъ умамъ лишь на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія; и если болѣе поздній продуктъ мысли можетъ быть достигнутъ видоизмѣненіемъ и разрастаніемъ болѣе ранняго ея продукта, то слѣдуетъ заключить, что онъ былъ достигнутъ именно этимъ путемъ. Допустивъ это заключеніе, мы скоро увидимъ, до какой степени тѣ факты, которые намъ предстоитъ теперь рассмотретьъ, оправдываютъ такое допущеніе.

§ 147. По мѣрѣ того, какъ понятіе о духѣ усопшаго вырастаетъ изъ первичной смутности и измѣчивости, на которыя было указано выше, въ опредѣленную и открыто-заявляемую вѣру, въ людяхъ естественно возникаетъ желаніе и стараніе умилостивить этого духа. Вслѣдствіе этого мы должны ожидать встрѣтить болѣе или менѣе развитое поклоненіе предкамъ почти въ столь же широкомъ распространеніи, какъ и самую вѣру въ тѣни умершихъ. Это мы дѣйствительно и находимъ.

Уже въ предыдущихъ главахъ, въ особенности же въ послѣдней, были приведены многочисленные косвенныя доказательства того, что поклоненіе пред-

камъ господствуетъ не только въ нецивилизованныхъ обществахъ, образованныхъ расами, чрезвычайно удаленными одна отъ другой по своему типу, но что оно существуетъ или существовало также и въ цивилизованныхъ обществахъ, не связанныхъ между собою узами общаго происхожденія. Здѣсь я прибавлю только нѣсколько прямыхъ доказательствъ этого факта.

Тамъ, гдѣ и душевная природа, и общественный прогрессъ стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ, мы обыкновенно находимъ, вмѣстѣ съ отсутствіемъ религіозныхъ идей вообще, отсутствіе и поклоненія предкамъ, или очень слабое его развитіе. Типическій примѣръ такого рода представляютъ Юанги, одно изъ дикихъ племенъ Бенгала, у которыхъ, судя по описаніямъ, нѣтъ никакого слова для обозначенія бога, никакой идеи о будущей жизни, никакихъ религіозныхъ церемоній и у которыхъ, судя по тѣмъ же описаніямъ, не замѣчено также и „никакихъ слѣдовъ поклоненія предкамъ“. Кукъ, рассказывая о томъ, какъ были Огнеземельцы до того времени, когда соприкосновеніе съ европейцами внесло къ нимъ чужеземныя идеи, говорить, что у нихъ не было замѣтно никакихъ виѣшнихъ проявленій какой-либо религіи, и ни онъ, ни другіе не говорятъ, чтобы Огнеземельцы поклонялись предкамъ. Тоже самое, повидимому, должно быть сказано и объ Андаманезцахъ, поскольку можно положиться въ этомъ случаѣ на имѣющіяся у насъ скудные свидѣтельства. Австралійцы, сношенія которыхъ съ цивилизованными людьми безъ сомнѣнія вліяли на ихъ представленія, но которые очевидно обладали мѣстнымъ вѣрованіемъ въ духовъ умершихъ, не обнаруживаютъ большаго усердія къ умиловивленію этихъ духовъ. Тасманійцы хотя и вѣрили въ злобную и благожелательную дѣятельности духовъ умершихъ, но, повидимому, дѣлали очень мало попытокъ къ тому, чтобы обезпечить себѣ ихъ благорасположеніе. У Веддахъ, хотя и стоящихъ дѣйствительно на чрезвычайно низкой ступени развитія, существуетъ дѣятельное, хотя и простое, поклоненіе предкамъ, которое составляетъ здѣсь единственную или почти единственную религію; но здѣсь одною изъ причинъ появленія такого поклоненія было по всей вѣроятности соприкосновеніе съ болѣе цивилизованными Сингалезцами.

Однако, когда отъ кочевыхъ общественныхъ группъ, оставляющихъ далеко за собою тѣ мѣста, гдѣ зарыты ихъ умершіе члены, мы перейдемъ къ осѣдлымъ группамъ, у которыхъ мѣста погребенія находятся по-близости отъ ихъ жилищъ и у которыхъ дѣлается, такимъ образомъ, возможнымъ развитіе погребальныхъ обрядовъ, мы найдемъ, что умиловивленіе тѣней усопшихъ дѣлается здѣсь прочно-установленнымъ обычаемъ. Мы можемъ видѣть это изъ примѣровъ, почерпнутыхъ отъ всѣхъ разновидностей человѣческаго рода.

Обратимся прежде всего къ негритосскимъ племенамъ; здѣсь мы читаемъ, что

„у Фиджийцевъ ихъ возлюбленные родители, немедленно послѣ своей смерти, занимаютъ мѣсто между семейными богами. Въ память ихъ воздвигаются бѣры, или храмы“ и пр., и пр. Подобнымъ же образомъ Тёрнеръ говоритъ о Таннезійцахъ: „то слово, которое они, повидимому, употребляютъ вообще для обозначенія боговъ, есть аремба; слово это значить умершій человѣкъ“. Подобныя же вещи сообщаютъ намъ и о другихъ народахъ Новой Каледоніи.

У болѣе передовыхъ Малайце-Полинезійцевъ мы находимъ тоже самое, съ тою прибавкою, что здѣсь простое поклоненіе предкамъ обыкновенно существуетъ съ болѣе развитымъ поклоненіемъ предкамъ болѣе отдаленнымъ, превратившимся въ божества. Принося жертвы своимъ богамъ, Таитяне приносили также жертвы и духамъ усопшихъ вождей и родственниковъ. Подобныя же свидѣтельства имѣемъ мы и по отношенію къ Сандвичанамъ, Самоанцамъ, Малагазцамъ и Суматранцамъ; объ этихъ послѣднихъ Марсденъ говоритъ: „хотя они не поклоняются ни богу, ни дьяволу, ни идоламъ“, однакоже „почитаютъ почти до степени религіознаго поклоненія гробницы и тѣлес своихъ усопшихъ предковъ“.

Тожѣ самое имѣетъ мѣсто и въ Африкѣ. Ливингстонъ свидѣтельствуется, что обитатели Анголы „постоянно умиловивляютъ гнѣвъ усопшихъ душъ“; онъ же говоритъ, что Вамбири „молятся усопшимъ вождямъ и родственникамъ“. Подобнымъ же образомъ Каффы, по словамъ Шушера, „фактически возвысили души умершихъ до степени божествъ“. Подобныя же свидѣтельства мы имѣемъ по отношенію къ жителямъ Балонды, къ племени Ваника и къ обитателямъ Конго.

Хотя низшія азіатскія расы совершенно различны по своему типу отъ предыдущихъ, тѣмъ неменѣе онѣ доставляютъ намъ подобные же примѣры. По словамъ путешественниковъ, поклоненіе предкамъ встрѣчается здѣсь у Биловъ, Бгансовъ, Кареновъ и Хондовъ. Гёнтъеръ говоритъ о Санталахъ, религія которыхъ „основана на семейномъ началѣ“, что „въ добавленіе къ семейному богу, каждое хозяйство поклоняется еще духамъ своихъ предковъ“. Еслибы у насъ оставалось еще какое-нибудь сомнѣніе относительно того, какимъ образомъ возникъ этотъ семейный богъ, то такое сомнѣніе было бы уничтожено показаніемъ Макферсона касательно поклоненія предкамъ у Хондовъ. „Всѣ наиболѣе замѣчательные отцы племени, его развѣтвленій и его дальнѣйшихъ подраздѣленій помняты жрецами; причѣмъ ихъ святость возрастаетъ пропорціонально давности ихъ смерти“. Изъ числа Сѣверо-азіатскихъ племенъ, подобныя же примѣры доставляютъ намъ Киргизы и Остяки; что же касается до Туркомановъ, то они еще очень недавно были приводимы въ примѣръ того, какимъ образомъ это поклоненіе умершимъ выживаетъ до позднѣйшихъ временъ и спокойно держится рядомъ съ номинальнымъ монотеизмомъ.

Переплывъ океанъ и перескочивъ въ Америку, мы найдемъ,

что точно такія же явленія обнаруживаются здѣсь отъ крайняго Сѣвера до крайняго Юга, отъ Эскимосовъ до Патагонцевъ, достигая, какъ мы это уже видѣли выше, своего самаго утонченнаго развитія у древнихъ цивилизованныхъ расъ этого континента.

Перейдемъ теперь къ древнему историческому міру. Выше было уже показано, что у египтянъ, — этого народа, который, живучи въ долинѣ Нила, первый довелъ цивилизацію до очень высокой ступени, — поклоненіе предкамъ не только господствовало, но и развилось въ очень сложныя формы. Переходя къ другому обширному государству, лежащему на отдаленномъ Востокѣ и достигшему значительной высоты культуры еще въ то время, когда Европа была покрыта варварами, мы едва ли имѣемъ нужду напоминать читателю, что поклоненіе предкамъ существовало тамъ издавна и существуетъ даже до сихъ поръ. Не менѣе достовѣренъ, хотя и менѣе общеизвѣстенъ, тотъ фактъ, что оно характеризовало собою и цивилизацію Индусовъ во все время ея существованія. Въ Индіи, рядомъ съ ея высоко-развитой религіозной системой, существуетъ ежедневное возникновеніе новыхъ божествъ изъ умершихъ людей. По показаніямъ А. К. Ляйолла (A. C. Lyall) въ его „Религія одной индійской провинціи“ (Fortnightly Review, февр. 1872), апотеозъ или обожествленіе, есть тамъ нормальный процессъ, который можетъ быть наблюдаемъ тамъ постоянно. Онъ говоритъ:

«Насколько я былъ способенъ прослѣдить происхожденіе наилучше извѣстныхъ малыхъ провинціальныхъ божествъ, это обыкновенно люди прошедшихъ поколѣній, заслужившіе особенное повышеніе и привилегированный санъ между безтѣлесными тѣнями какими-либо особенными поступками или случаями въ ихъ жизни или при ихъ смерти.... Бунджарасы, племя преданное дорожному разбою, боготворить бандита.... Раймондъ, французскій главнокомандующій, умершій въ Гайдерабадѣ, былъ тамъ канонизированъ по обычаю страны.... Но наибольшая часть многочисленныхъ мѣстныхъ боговъ, относительно которыхъ извѣстно, что они были когда-то живыми людьми, беретъ свое начало изъ обыкновенной канонизаціи личностей святой жизни... Число алтарей, воздвигнутыхъ такимъ образомъ въ Берарѣ однимъ только этимъ отшельникамъ и людямъ, умершимъ святою кончиною, очень велико и притомъ постоянно возрастаетъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже дошли до степени храмовъ.»

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ естественный генезисъ поклоненія предкамъ, его обширное распространеніе по всему свѣту и то упрямство, съ какимъ оно продолжаетъ существовать у передовыхъ расъ, бокъ о бокъ съ болѣе развитыми формами богопоклоненія, обратимся теперь отъ его вѣншихъ сторонъ къ его внутренней сторонѣ. Попробуемъ взглянуть на него, поскольку это возможно для насъ, съ точки зрѣнія тѣхъ, которые предаются такому покло-

ненію. Къ счастью, мы имѣемъ два примѣра такого поклоненія, — одинъ, изображающій его менѣ развитую форму, другой, изображающій его форму болѣе развитую, — причемъ оба эти примѣра выражены словами самихъ людей, поклоняющихся своимъ предкамъ.

§ 148. Первый примѣръ доставляютъ намъ наши старые знакомцы, Амазулу, идеи которыхъ были такъ тщательно собраны изъ ихъ собственныхъ устъ и записаны каноникомъ Коллауэйемъ. Вотъ нѣсколько отличныя по частностямъ, но вполне сходныя во всемъ основномъ, показанія различныхъ свидѣтелей:

«Древніе говорили, что Ункулункулу былъ тотъ, кто далъ начало людямъ и всему остальному, какъ домашнему скоту, такъ и дикимъ животнымъ.

«Солнце и мѣсяцъ мы приписываемъ Ункулункулу, также и всѣ вещи этого свѣта; тому же Ункулункулу приписываемъ мы и небо.

«Когда черный человѣкъ говоритъ Ункулункулу, или Утланга ¹⁾, или творецъ, онъ разумѣетъ одно и тоже.

«Говорятъ, что Ункулункулу явился въ жизнь и породилъ людей; онъ далъ имъ жизнь; онъ породилъ ихъ.

«Онъ породилъ древнихъ давнымъ-давно; они умерли, оставивъ по себѣ дѣтей; эти дѣти породили другихъ дѣтей, своихъ сыновей, которые тоже умерли; эти новыя дѣти породили другихъ; такимъ то образомъ мы, наконецъ, услышали объ Ункулункулу.

«Ункулункулу уже вѣтъ болѣе. Онъ былъ первый человѣкъ; онъ явился въ самомъ началѣ.

«Ункулункулу сказалъ людямъ: «я также вышелъ изъ тростниковой кочки».

«Ункулункулу былъ черный человѣкъ, ибо мы видимъ, что всѣ люди, отъ которыхъ мы произошли, черны, и волосы у нихъ черные.»

Замѣтивъ мимоходомъ, что въ этихъ отрывкахъ, равно какъ и въ описанныхъ нами показаніяхъ, встрѣчаются нѣкоторые противорѣчія (такъ напримѣръ, Ункулункулу беретъ свое начало то изъ тростинки, то изъ тростниковой кочки); а также указавъ на то обстоятельство, что въ этомъ первобытномъ вѣрованіи произошли нѣкоторые видоизмѣненія со времени европейской иммиграціи, какъ это обнаруживается изъ слѣдующаго показанія: «вначалѣ были въ тростниковой кочкѣ двѣ женщины: одна дала жизнь бѣлому человѣку, а другая черному»; мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію значенія слова Ункулункулу. Это слово, по объясненію каноника Коллауэя, «означаетъ древность,

¹⁾ Каноникъ Коллауэй говоритъ, что «Утланга значитъ тростникъ, или, строго говоря, то, что способно «разростаться, давать отпрыски», и онъ думаетъ, что въ силу этой метафоры это слово употребляется «для обозначенія источника всего сущаго». Впослѣдствіи мы увидимъ основательную причину думать, что это преданіе произошло вовсе не вслѣдствіе такой отдаленной метафоры, а гораздо болѣе простымъ путемъ.

преклонный возрастъ, или буквально — старый-престарый, причемъ это повтореніе совершенно соотвѣтствуетъ повторенію частицы пра въ нашемъ словѣ пра-прадѣдъ. Такъ что вѣрованіе Амазулусовъ, выраженное въ самой краткой формѣ, заключается въ томъ, что изъ тростинки или изъ тростниковой кочки явился самый отдаленный ихъ предокъ, давшій начало всѣмъ другимъ вещамъ. Впрочемъ, Амазулусы признаютъ этого самага отдаленнаго предка лишь номинально. Они ограничиваютъ совершаемые ими умиловителія своими ближайшими предками, которые суть второстепенные Ункулункулусы, называемые въ нѣкоторыхъ случаяхъ Онкулункулусами. Чтобы дать понятіе объ идеяхъ туземцевъ касательно болѣе отдаленныхъ и болѣе близкихъ предковъ, а также объ ихъ образѣ дѣйствій по отношенію къ тѣмъ и другимъ, приводимъ слѣдующіе отрывки:

«Говорятъ, что Ункулункулу, который вышелъ изъ тростниковой кочки, давно мертвъ.

«Изъ этого стало очевиднымъ, что Ункулункулу не имѣлъ уже болѣе сына, который могъ бы поклоняться и служить ему... хвалебныя имена Ункулункулу утратились.

«Всѣ народы (т. е. племена) имѣютъ своихъ собственныхъ Ункулункулу: каждый изъ нихъ имѣетъ своего отдѣльнаго Ункулункулу.

«Утшанге есть хвалебное имя нашего бога; онъ былъ первый человѣкъ въ нашемъ семействѣ, — онъ былъ нашъ Ункулункулу, который основалъ нашъ домъ.

«Мы поклоняемся тѣмъ, кого мы видѣли собственными глазами, которые провели свою жизнь между нами и умерли на нашихъ глазахъ.

«Все, что мы знаемъ, это то, что и молодой, и старый умираютъ и что тѣмъ человѣка уходитъ прочь. У насъ, черныхъ людей, Ункулункулу есть тотъ, которому мы молимся о нашемъ скотѣ и которому мы поклоняемся, говоря: «Отецъ!» Мы говоримъ: «Удламини! Уггадебе! Умутимкулу! Утломо! сдѣлай такъ, чтобы я получилъ то, чего я желаю! Господи! сдѣлай такъ, чтобы я не умеръ, но жилъ, и долго еще ходилъ по землѣ». Старики видятъ его по ночамъ во снѣ.»

Итакъ, мы видимъ здѣсь поклоненіе предкамъ въ его слабо-развитой формѣ, такъ-сказать, до-историческое поклоненіе предкамъ. Тутъ не возникло еще личностей, которыя настолько сильно превышали бы остальныхъ и господствовали бы надъ ними, чтобы удержать свою ясно-опредѣленную индивидуальность въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и чтобы подчинить себѣ меньшія индивидуальности, сохраненныя преданіемъ.

§ 149. Народы, еще болѣе осядлые и еще далѣе ушедшіе впередъ, обнаруживаютъ въ поклоненіи предкамъ извѣстный прогрессъ. Въѣсть съ поклоненіемъ недавно-умершимъ и мѣстнымъ предкамъ, здѣсь существуетъ также поклоненіе предкамъ, которые умерли въ болѣе давнія времена и которые, со-

храняясь въ памяти потомковъ въслѣдствіе своего могущества или особеннаго общественного положенія, приобрѣли въ умѣ всего общества извѣстное главенство. Эта истина мало нуждается въ пояснительныхъ примѣрахъ, такъ какъ обычаи древнихъ расъ, описываемые или подразумеваемые въ древнихъ литературныхъ произведеніяхъ, близко познакомили насъ съ нею еще во времена нашихъ школьныхъ дней. Гротъ говоритъ:

«Въ ретроспективной вѣрѣ грека идеи о богопоклоненіи и о предкахъ совпадали одна съ другой: каждая общественная группа, большая или малая, которая сознавала свою нынѣшнюю связь, возводила эту связь къ какому-нибудь общему начальному прародителю; и этотъ прародитель былъ опять-таки или тѣмъ общимъ имъ всѣмъ богомъ, которому они поклонялись, или какимъ-либо полу-божественнымъ существомъ, находившимся въ тѣсномъ родствѣ съ этимъ общимъ богомъ.»

Эта ступень развитія, — гдѣ рядомъ съ поклоненіемъ предкамъ, до которыхъ можно ясно достигнуть, восходя вверхъ по родословной ихъ потомковъ въ теченіе извѣстнаго числа поколѣній, существуетъ болѣе широко-распылчатое поклоненіе нѣкоторымъ предкамъ, родство съ которыми теряется въ отдаленномъ прошедшемъ, — не стоитъ уединеннымъ примѣромъ, но находитъ параллельныя себѣ явленія и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Перу. Здѣсь поклоненіе Солнцу и Инкамъ было соединено съ дѣятельнымъ мѣстнымъ поклоненіемъ предкамъ. Авенданьо, повторяя утвердительные отвѣты на его вопросы, говоритъ:

«Каждый изъ вашихъ предковъ... поклонялся маркайоку, который былъ основателемъ или старѣйшиной деревни и отъ котораго вы произошли. Но индѣйцы другой деревни не поклонялись ему, ибо они имѣли другаго маркайока».

Но главное вниманіе должно быть обращено здѣсь на то обстоятельство, что эти прочно-осядлыя расы Америки, при лучшемъ сохраненіи у нихъ преданій, яснѣе обнаруживаютъ въ исповѣдуемыхъ ими религіяхъ постепенное преобразованіе ихъ наиболѣе отдаленныхъ прародителей въ божества. У Амазулу „старый-престарый“ ихъ преданій, хотя считается давнимъ начало имъ самимъ и всѣмъ другимъ вещамъ, но не вызываетъ по отношенію къ себѣ религіознаго поклоненія: онъ уже окончательно умеръ, и все-поклоненіе сосредоточивается на тѣхъ позднѣйшихъ его потомкахъ, которые считаются, по воспоминаніямъ различныхъ племенъ, ихъ ближайшими основателями. Но у этихъ болѣе передовыхъ народовъ Америки наиболѣе древніе люди, считаясь все-еще живущими гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, вызываютъ къ себѣ поклоненіе, подчиняющее и отодвигающее на второй планъ поклоненіе непосредственнымъ предкамъ. Это очень хорошо вытекаетъ изъ перекрестнаго допроса, произведеннаго мона-

хоть Бобадиллою нѣкоторымъ изъ обитателей Никарагуа. Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ и отвѣтовъ:

«Монахъ: Знаешь ли ты, кто создалъ небо и землю?»

«Индѣецъ: Когда я былъ ребенкомъ, мои родители сказывали мнѣ, что ихъ сдѣлали Тамагастадъ и Ципаттоваль...

«Мон.: Гдѣ они теперь?»

«Инд.: Я не знаю; но они наши великіе боги, которыхъ мы называемъ teotes...

«Мон.: Кто служить этимъ teotes?»

«Инд.: Я слыхалъ отъ стариковъ, что при нихъ есть люди, которые имъ служатъ; что индѣйцы, умершіе дома, отправляются подъ землю, а умершіе въ битвахъ отправляются служить нашимъ teotes.

«Мон.: Что же лучше: пойти подъ землю, или отправиться служить teotes?»

«Инд.: Лучше пойти служить teotes, потому что люди, идущіе къ нимъ, идутъ къ своимъ отцамъ.

«Мон.: Но если ихъ отцы умерли въ постели, то какъ же они могутъ увидѣться съ ними тамъ?»

«Инд.: Наши отцы суть эти teotes».

Вотъ отрывки изъ допроса другаго свидѣтеля, кадика Авагоалтегоана.

«Мон.: Кто сотворилъ небо и землю, и звѣзды, и мѣсяцъ, и человѣка, и все остальное?»

«Инд.: Тамагастадъ и Ципаттоваль; первый изъ нихъ—мущина, а вторая—женщина.

«Мон.: Кто сотворилъ этого человѣка и эту женщину?»

«Инд.: Никто; напротивъ того, всѣ мущины и женщины происходятъ отъ нихъ...

«Мон.: Изъ чего сдѣланы эти боги, которыхъ ты только-что назвалъ: изъ плоти, изъ дерева, или изъ какого-нибудь другаго матерьяла?»

«Инд.: Они составлены изъ плоти; они—мущина и женщина; они молоды и всегда остаются неизмѣнными; они такого же буроватаго цвѣта, какъ и мы индѣйцы: они ходили по землѣ одѣтыми и питались тѣмъ же, чѣмъ питаются индѣйцы...

«Мон.: Чѣмъ живутъ они теперь?»

«Инд.: Они ѣдятъ тоже самое, что ѣдятъ индѣйцы; и растеніе (маисъ?), и всѣ другія съдобныя вещи пришли къ намъ оттуда, гдѣ живутъ наши teotes.»

Другой свидѣтель, Тацотейда, который былъ жрецомъ, которому было, по видимому, около шестидесяти лѣтъ и который отказался сдѣлаться христіаниномъ, далъ подобное же описаніе этихъ боговъ-предковъ, отвѣтивъ на вопросы такъ:

«Мон.: Люди ли они?»

«Инд.: Да, они люди.

«Мон.: Почему ты это знаешь?

«Инд.: Мои предки оказывали мнѣ это.

«Мон.: Гдѣ живутъ эти ваши боги?

«Инд.: Мои предки говорили, что они живутъ тамъ, гдѣ восходитъ солнце...

«Мон.: Являлись-ли они когда-нибудь... къ вашимъ священнымъ гробницамъ, чтобы говорить съ вами?

«Инд.: Наши предки говорили, что въ стародавнія времена они нередко приходили и разговаривали съ ними; но теперь они не приходятъ болѣе.

«Мон.: Ъдятъ ли эти teotes?

«Инд.: Я слышалъ отъ моихъ предковъ, что они ѣдятъ кровь и сердца людей и нѣкоторыхъ птицъ; мы даемъ имъ сальное дерево, ароматы и смолы,—вотъ что они ѣдятъ.»

Изъ другихъ подобныхъ же свидѣтельствъ, полученныхъ отъ тринадцати кациковъ, вождей и жрецовъ, я прибавлю только слѣдующее:

«Мон.: Кто посылаетъ вамъ дождь и всѣ другія вещи?

«Инд.: Воду посылаетъ намъ Квіатеотъ; онъ—мущина; у него есть отецъ и мать; отца его зовутъ Омейатеите, а мать—Омейантецигоатъ; всѣ они живутъ тамъ, гдѣ солнце восходитъ на небо.»

Я могъ бы наполнить цѣлыя страницы свидѣтельскими показаніями подобнаго же значенія. Но и приведенныя нами свидѣтельства, подобно остальнымъ, показываютъ достаточно ясно, что наиболѣе отдаленные предки, сохранившіеся въ памяти своихъ потомковъ, становятся ихъ божествами, оставаясь въ то же время людьми, какъ и всѣ первобытныя божества, и со стороны физическихъ, и со стороны душевныхъ своихъ свойствъ, и отличаясь отъ людей лишь своимъ могуществомъ; что, признаваясь, на основаніи преданій, прародителями существующихъ теперь людей, они начинаютъ безмолвно признаваться причиною и всѣхъ другихъ вещей¹⁾, и что они обитаютъ въ той странѣ, изъ которой пришла данная раса и которая, какъ мы видѣли выше, представляетъ тотъ другой свѣтъ, куда отправляются умершіе члены этой расы.

¹⁾ Во время исправленія корректурнаго оттиска этой главы, я наткнулся на ясный примѣръ того пути, по которому недостаточно дифференцированныя идеи и слова первобытныхъ народовъ приводятъ къ путаницамъ подобнаго свойства. Докторъ Муиръ, говоря въ своихъ Санскритскихъ текстахъ о томъ, что древніе Ришисы приписывали себѣ составленіе гимновъ Ведъ, сводить вмѣстѣ всѣ тѣ различные случаи, въ которыхъ было употреблено какое-либо слово, указывающее на такое составленіе. Различныя слова, употребленныя въ различныхъ случаяхъ для обозначенія этого составленія, суть: «дѣланіе», «составленіе», «порожденіе, или произведеніе». Но если въ такомъ сравнительно-развитомъ языкѣ эти слова

Опредѣленные утвержденія этихъ народовъ указываютъ въ прямой формѣ на то самое превращеніе предковъ въ божества, которое, какъ мы видѣли выше, косвенно указывается уже развитіемъ погребальныхъ обрядовъ въ поклоненіе умершимъ и, подь конецъ, въ религіозное поклоненіе.

§ 150. Многіе думаютъ, что поклоненіе предкамъ составляетъ особенность однихъ только низшихъ расъ. Мнѣ нерѣдко случалось встрѣчать это мнѣніе, въ скрытой формѣ, во многихъ изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ; мнѣ доводилось сталкиваться съ нимъ въ устныхъ бесѣдахъ, и наконецъ въ настоящую минуту я имѣю передъ собою печатное утвержденіе слѣдующаго свойства: „Какъ кажется, ни одинъ индо-европейскій или семитическій народъ, поскольку намъ извѣстно, не дѣлалъ себѣ религіи изъ поклоненія умершимъ“. Повидимому, авторъ хочетъ сказать этимъ, что высшія расы, обладавшія болѣе высокими формами богопоклоненія уже въ самыя древнія времена, о какихъ мы только имѣемъ какія-либо свѣдѣнія, не были предко-поклонниками даже въ еще болѣе древнія времена.

Что приверженцы другой теоріи могутъ истолковывать такимъ образомъ имѣющіяся свидѣтельства, это не особенно неестественно: всякая гипотеза стремится ассимилировать тѣ факты, которые поддерживаютъ ее, и отбросить тѣ, которые не согласимы съ ней. Но что защитники ученія о развитіи допускаютъ и даже утверждаютъ такое глубокое различіе между умами различныхъ человѣческихъ расъ, это по-истинѣ удивительно. Тѣ, кто вѣритъ въ руководъное твореніе, могутъ вполне послѣдовательно принимать, что Аріицы и Семиты были сверхъестественно одарены болѣе высокими представленіями, чѣмъ Туранцы: коль скоро разновидности животныхъ были сдѣланы отдѣльно и одарены основными различіями одна отъ другой, то и разновидности человѣка могутъ быть сдѣланы точно такимъ же образомъ. Но утверждать, что человѣческій типъ развился изъ болѣе низкихъ типовъ, и въ тоже время отрицать, что высшія человѣческія расы развились, какъ физически, такъ и душевно, изъ низшихъ, и что онѣ должны были когда-то обладать тѣми же самыми общими представленіями, которыя отличаютъ еще и до сихъ поръ низшія расы, это значитъ показывать примѣръ изумительнѣйшей непослѣдовательности. Даже при отсутствіи свидѣтельствъ, опровергающихъ такое глубокое различіе между племенами и высшими расами, подобное мнѣніе было бы

специализированы такъ еще несовершенно, что могутъ быть употребляемы безразлично для обозначенія одного и того же дѣйствія, то мы можемъ легко понять, до какой степени болѣе грубые языки должны оказаться неспособными для выраженія различія между порожденіемъ, дѣланіемъ и со-твореніемъ.

поразительнымъ, но оно еще поразительнѣй, когда такія свидѣтельства существуютъ, какъ это и есть въ дѣйствительности.

Если у всѣхъ главнѣйшихъ племенъ арійскаго происхожденія, даже въ позднѣйшіе, болѣе прогрессивные періоды ихъ жизни, рядомъ съ поклоненіемъ ихъ великимъ божествамъ, существовало и поклоненіе предкамъ, которые, соответственно со степенью своей отдаленности, или древности, считались то божествами, то полу-божествами, то людьми, то должны ли мы дѣйствительно заключать отсюда, что, подвигаясь по пути прогресса, эти племена усвоили себѣ эти идеи и обычаи отъ низшихъ расъ? Обращаясь къ грекамъ и находя, что здѣсь всѣ тѣ герои, къ которымъ обитатели каждой отдѣльной мѣстности возводили порознь свое происхожденіе, были предметами религіознаго поклоненія, точь въ точь такъ, какъ это было у древнихъ Перуанцевъ и другихъ низшихъ расъ, должны ли мы сказать, что греки, становясь цивилизованнымъ народомъ, привили къ своей болѣе высокой религіи эту болѣе низкую религію? Припоминая такіе хорошо извѣстные каждому факты, что, кромѣ жертвоприношеній тѣнямъ своихъ недавнихъ умершихъ, римляне приносили также жертвы и тѣнямъ своихъ болѣе древнихъ умершихъ, считавшихся основателями различныхъ семействъ, т. е. поступали точно такъ, какъ поступаютъ теперь Амазуду, должны ли мы заключить, что, будучи еще азіатскими кочевниками, эти римляне не обладали такимъ поклоненіемъ предкамъ, а поклонялись только нѣкоторымъ олицетвореннымъ силамъ природы, и что они усвоили себѣ религію менѣе культивированныхъ народовъ только тогда, когда сами стали болѣе культурными? Такія предположенія были бы недопустимы даже тогда, еслибы мы не имѣли никакихъ указаній на первоначальныя арійскія вѣрованія; тѣмъ менѣе допустимы они послѣ самаго бѣлаго взгляда на то, каковы были первоначальныя арійскія вѣрованія. Эти вѣрованія, воплощенные въ ихъ священныя книги, были существенно сходны съ тѣми, которыя мы находимъ у нынѣ-живущихъ варваровъ. „Герой Индра, который наслаждается восхваленіями“ и которому „воспѣваются при жертвоприношеніи“ гимны, въ надеждѣ побудить „хорошо-вооруженнаго и громко-гремящаго явиться къ намъ на помощь“, есть просто предокъ, принявшій постепенно въ представленіи своихъ потомковъ значительно болѣе широкія формы; и такія слова арійскаго риши, какъ: „друзья, гоните сюда молочную корову съ новымъ гимномъ“, могли бы также хорошо выйти изъ устъ зулусскаго вождя, готовящагося принести жертву. Если человѣческое происхожденіе Индры нуждается еще въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, то мы находимъ такое доказательство въ предложеніи ему опяняющаго напитка, изготовленнаго изъ одного священнаго растенія: „сома не развеселяетъ Индры, пока часть ея не будетъ пролита на землю“;

очевидно, что это есть точно такое же вѣрованіе, какое мы видѣли въ Африкѣ касательно возліанія пива богу-предку. Изъ Ригъ-Веды мы узнаемъ, что люди, которые своими добродѣтелями заслуживали себѣ доступъ на небеса, вели тамъ существованіе, совершенно сходное съ существованіемъ божествъ; мы видимъ также, что эти „древніе благочестивые мудрецы“, „дѣлившіе радости боговъ“, были умоляемы живыми о „милости“ и покровительствѣ. Отрывки изъ законовъ Мену даютъ указанія еще болѣе ясныя. Мы находимъ здѣсь утвержденіе, что manes ѣдятъ за погребальной гризной; мы находимъ здѣсь наставленіе главѣ семейства приносить ежедневную жертву для пріобрѣтенія себѣ благо-расположенія своихъ manes, а также приносить для этого еще особую ежемѣсячную жертву. Здѣсь же мы находимъ еще одно повелѣніе, которое, по своей идеѣ, представляетъ несомнѣнную параллель идеямъ дикарей, верховные боги которыхъ суть лишь наиболѣе могущественныя тѣни умершихъ; я говорю о томъ повелѣніи, которое, въ видахъ обезпеченія за manes пользованія приносимыми имъ жертвами, предписываетъ главѣ дома начинать всегда съ жертвоприношенія богамъ, съ тою цѣлью, чтобы они не присвоили себѣ того, что онъ намѣренъ принести въ жертву своимъ manes!

Слѣдуетъ ли признать, что семитическія расы составляютъ единственное исключеніе изъ общаго правила? Чтобы признать подобную вещь, защитники ея должны привести какія-нибудь неопровержимыя свидѣтельства, а такихъ свидѣтельствъ пока не приведено. Напротивъ того, тѣ положительные факты, которые мы имѣемъ здѣсь, приводятъ къ противоположнымъ заключеніямъ. Когда мы припомнимъ, что кочевой образъ жизни не благопріятствуетъ развитію ученія о тѣняхъ усопшихъ, то для насъ станетъ очевиднымъ, что если древніе евреи, подобно нѣкоторымъ изъ нынѣ-существующихъ народовъ, не достигли представленія о тѣни усопшаго, продолжающей существовать безъ конца за предѣлами смерти, вслѣдствіе чего, конечно, у нихъ не могло установиться и поклоненія предкамъ, то это случилось не потому, что такое представленіе было ниже ихъ, а потому, что въ данномъ случаѣ просто не существовало всѣхъ необходимыхъ условий для обнаруженія такого представленія. Далѣе, очевидно, что молчаніе ихъ легендъ есть лишь отрицательный фактъ, который столько же способенъ приводить къ ошибочнымъ заключеніямъ, какъ и всѣ вообще отрицательные факты; впрочемъ, даже помимо этого общаго соображенія, мы имѣемъ и спеціальныя данныя, чтобы подозрѣвать ненадежность именно этого отрицательнаго факта. Ибо, обращаясь къ другимъ народамъ, мы часто находимъ, что ихъ преданія не даютъ никакого отчета о такихъ обычаяхъ, которые не только существовали у этихъ народовъ, но даже имѣли у нихъ господствующее значеніе; причина этого заключается въ томъ, что преданія раз-

сказываютъ о какихъ-либо чрезвычайныхъ событіяхъ, а не о явленіяхъ обыденныхъ. Ихъ содержаніе составляютъ интересныя личныя приключенія, а не общественные обычаи, которые могутъ быть выведены изъ нихъ только путемъ изслѣдованія заключающихся въ нихъ намековъ и подразумѣваній и которые, въ сжатомъ разсказѣ, могутъ часто не оставить вовсе никакихъ слѣдовъ. Такъ напримѣръ, легенды Полинезійцевъ говорятъ о поклоненіи предкамъ едва ли не такъ же мало, какъ и еврейскія книги, а между тѣмъ предко-поклоненіе находилось у нихъ въ полномъ развитіи.

Далѣе, слѣдуетъ припомнить, что священныя книги номинально-исповѣдуемой религіи могутъ давать очень невѣрныя понятія относительно дѣйствительныхъ вѣрованій исповѣдующаго эту религію народа. Два изъ приведенныхъ нами выше фактовъ показываютъ это достаточно ясно. Туркоманы — ревностные магометане, и однакоже, предпринимая пилигримства къ гробницамъ канонизированныхъ разбойниковъ, они молятся тамъ духамъ своихъ умершихъ. Точно также исповѣдываніе магометанства не удерживаетъ Бедуиновъ отъ принесенія жертвъ на могилахъ своихъ предковъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣлается именно то, что не должно было бы дѣлаться, по нашему убѣжденію, основанному на заключеніяхъ, выведенныхъ нами изъ Корана. Когда, послѣ такихъ соображеній, мы обратимся снова къ еврейскимъ книгамъ, и именно къ обличеніямъ еврейскихъ прорицателей, направленнымъ противъ тѣхъ формъ богопоклоненія, которыя были общими евреямъ съ другими расами, то мы увидимъ въ этихъ обличеніяхъ указаніе на то, что религія, воплощенная въ этихъ книгахъ, различалась въ значительной степени отъ народной религіи. Не говоря уже объ идолопоклонствѣ, которое продолжало держаться, несмотря на всѣ обличенія, у евреевъ существовало поклоненіе деревьямъ; а ихъ церемоніи, столько же низкія, какъ и церемоніи всѣхъ вообще полу-цивилизованныхъ народовъ, включали въ свое число даже проституцію при храмахъ. Кромѣ того, связь траурной одежды съ пощеніемъ, равно какъ и законъ противъ выпусканія изъ себя крови и обрѣзыванія себѣ волосъ въ честь умершихъ, указываютъ на первобытные погребальные обряды, сходные съ такими же обрядами всѣхъ вообще предко-поклонниковъ. Но это еще не все. При принесеніи первыхъ плодовъ даннаго года въ жертву своему богу, отъ приносящаго требовалось завѣреніе, что онъ „не давалъ отъ нихъ умершимъ.“

Поэтому, изъ всѣхъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что поклоненіе предкамъ было развито у евреевъ настолько, насколько это допускалось ихъ кочевымъ образомъ жизни, до самаго того времени, когда оно было подавлено болѣе высокою формою богопоклоненія.

Но будутъ ли признаны достаточными, или недостаточными, тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы

приписываемъ евреямъ отчасти-развитое поклоненіе предкамъ, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ самыя положительныя данныя за то, что такое поклоненіе существовало и теперь еще продолжаетъ существовать у другихъ семитическихъ народовъ. Племена, обитающія въ настоящее время Аравію, доставляютъ намъ неопровержимое доказательство этому. Ленорманъ, въ своей статьѣ, подъ заглавіемъ „Культь обоготворенныхъ предковъ въ провинціи Йеменъ“, помѣщенной въ Отчетахъ Французской Академіи, въ заключеніе своихъ разсужденій по поводу нѣкоторыхъ надписей, говоритъ:

«Итакъ, мы имѣемъ здѣсь передъ собою двойное повтореніе цѣлага ряда человѣческихъ личностей, которые были навѣрное умершими предками или родственниками автора посвященія. Ихъ имена сопровождаются тутъ тѣми титулами, какіе они носили при жизни. Они призываются своими потомками въ то же самое время, въ томъ же самомъ санѣ и съ тою же самою цѣлью, какъ и боги (которые тоже упоминаются въ этой формулѣ); короче сказать, они ставятся совершенно на равную ногу съ обитателями небесъ.... Они неоспоримо суть обоготворенныя личности, предметы семейнаго поклоненія, играющіе роль боговъ или геніевъ въ религіи людей этой расы.»

Подобное же доказательство доставляетъ намъ нижеслѣдующій отрывокъ изъ Опыта исторіи арабовъ Коссенъ-де-Персеваля. Говоря о времени Магомета, онъ замѣчаетъ:

«Большинство народа (т. е. всѣ тѣ, которые не были ни евреями, ни христіанами) были язычники.... Они обладали значительнымъ числомъ божествъ; каждое племя и почти-что каждое семейство имѣло свое особенное божество, которому оно поклонялось отдѣльно отъ другихъ. Впрочемъ, они принимали существованіе Верховнаго Бога (Аллахъ), передъ лицомъ котораго другія божества были могущественными заступниками и ходатаями.... Нѣкоторые изъ нихъ вѣрили, что со смертію кончалось все; другіе же вѣрили въ воскресеніе и въ будущую жизнь.»

Здѣсь содержится нѣсколько знаменательныхъ заключеній. Послѣдній изъ названныхъ тутъ фактовъ напоминаетъ намъ о древнихъ евреяхъ, у которыхъ тоже одни вѣрили, а другіе не вѣрили въ безсмертіе души. Далѣе, существованіе такого различія во мнѣніяхъ между арабами, изъ которыхъ нѣкоторые были осѣдлыми, а нѣкоторые кочевниками, вполне гармонируетъ со сдѣланнымъ нами выше намекомъ на то, что кочевой образъ жизни менѣе благопріятенъ, чѣмъ осѣдлая жизнь, для прочнаго установленія умиловленія успшихъ со всѣми его послѣдствіями. Что касается до идеи о верховномъ божествѣ, сопровождавшей здѣсь поклоненіе предкамъ, то для всякаго очевидно, что кочевыя орды, приходившія въ частыя соприкосновенія съ великими, относительно-цивилизованными народами, неизбежно должны были захватить отъ

нихъ эту идею, подобно тому, какъ нынѣшніе дикари заимствуютъ ее отъ европейскихъ посятителей. Но что приобретенное такимъ образомъ вѣрованіе было смутно-неопредѣленно и поверхностно, это доказываютъ намъ нынѣшніе Бедуины, магометанизмъ которыхъ, по словамъ Пальгрева, самаго призрачнаго свойства; между тѣмъ какъ дѣйствительность ихъ поклоненія предкамъ доказывается тѣми жертвами, которыя они „съ благочестивымъ усердіемъ“ приносятъ на ихъ могилахъ. Итакъ, поклоненіе предкамъ столь же мало можетъ быть отрицаемо по отношенію къ Семитамъ, какъ и по отношенію къ Арійцамъ.

§ 151. Впрочемъ, мѣтологи, повидимому, смотрятъ на эти обычаи и обряды какъ на имѣющіе скорѣе нравственное, чѣмъ религіозное значеніе, т. е. какъ на обычаи и обряды, не входящіе въ составъ собственно такъ-называемой религіи, или богопоклоненія. Взглянемъ же на это предполагаемое различіе въ его конкретныхъ формахъ.

Когда мы слышимъ объ обитателяхъ Никарагуа, что они обожаютъ своихъ *teotes*, которые, по ихъ словамъ, суть древніе люди, давшіе начало ихъ племени, то мы можемъ принять этотъ фактъ какъ онъ есть, ибо эти люди суть люди низшей расы; но когда мы читаемъ въ Законахъ Мену, что „сыновья Маричи и всѣ прочіе Ришисы (древніе мудрецы), составляющіе потомковъ Мену, сына Брамъ, называются собраніемъ Питрисовъ, или предковъ“¹⁾, то мы должны понимать такое родство не буквально, а метафорически; ибо народъ, которому принадлежать Законы Мену, относится къ числу Арійцевъ.

Когда какой-нибудь Амазулу, принеся въ жертву быка, начинаетъ свое воззваніе приглашеніемъ „перваго Итонго, который ему извѣстенъ“ (т. е. самаго древняго духа-предка), или когда, въ другихъ случаяхъ, онъ намѣренно начинаетъ свое воззваніе съ наименованія того духа-предка, который, по его предположенію, гнѣвается на него за то, что онъ не видѣлъ съ его стороны достаточно умиловителнѣй, то эти факты обнаруживаютъ грубыя идеи расы, неспособной къ высокой цивилизаціи. Но когда въ Законахъ Мену говорится: „Да будетъ жертвоприношеніе богамъ совершаемо въ началѣ и концѣ каждой *Sraddha*: она не должна начинаться и кончатся жертвоприношеніемъ предкамъ; ибо тотъ, кто начинаетъ и кончаетъ ее приношеніемъ Питрисамъ, скоро погибнетъ со всѣмъ своимъ потомствомъ“²⁾, то, принимая въ соображеніе доказанныя способности арійскаго духа, мы должны различать здѣсь между чисто религіознымъ чувствомъ, побуждающимъ къ одной части жертвоприношенія, и чисто нравственнымъ чувствомъ, побуждающимъ къ другой его части.

¹⁾ Сочиненія сэра В. Джонса, vol. III, p. 146.

²⁾ Тамъ же, p. 147.

Негры, отправляющіеся, при всякомъ постигшемъ ихъ бѣдствіи, въ лѣсъ и плачущіеся тамъ о помощи духамъ своихъ умершихъ родственниковъ, доказываютъ обнаруживающимися изъ этого факта понятіями низкую природу своей расы, но этихъ понятій отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіями Иранцевъ, обнаруживающимися изъ Хорда-Авесты, въ которой мы находимъ молитвенныя воззванія къ душамъ предковъ ¹⁾; ибо здѣсь эти воззванія выражаютъ только сыновнее чувство. Очевидно, что частыя жертвоприношенія, которыми египтяне чтили память своихъ умершихъ, а именно „три праздника, соотвѣтственно тремъ временамъ года“, двѣнадцать „мѣсячныхъ празднествъ“ и двѣнадцать „полу-мѣсячныхъ празднествъ“, составляли часть ихъ религіи; ибо развѣ они не были Туранцами и предко-поклонниками? Но совершенно иначе должны мы объяснять себѣ тѣ жертвоприношенія, которыя дѣлались римлянами ихъ Ларамъ во время календъ, нонъ и идъ каждаго мѣсяца; ибо здѣсь это были только знаки должнаго уваженія къ предкамъ. Дѣйствіе дикаря, который при каждой трапезѣ бросаетъ въ сторону нѣкоторое количество пищи и питья для духовъ усопшихъ, обнаруживаетъ желаніе умиловить ихъ, — желаніе, которое вовсе не было ощущаемо римлянами, когда они отдѣляли своимъ Ларамъ извѣстную часть отъ каждой своей трапезы. И когда, отправляясь въ путь, римлянинъ молился своимъ Ларамъ о благополучномъ возвращеніи, онъ вовсе не приписывалъ имъ той силы, которую приписываетъ духамъ усопшихъ родственниковъ Индѣецъ или Веддахъ, когда онъ проситъ у нихъ помощи, отправляясь на охоту. Еще менѣе имѣемъ мы права предполагать какое-нибудь сходство между идеями кровожадныхъ Мексиканцевъ, Перуанцевъ, Чичасовъ, Дагомейцевъ, Ашантиевъ и другихъ народовъ, которые закалывали человѣческія жертвы при похоронахъ, и идеями тѣхъ древнихъ римлянъ, которые приносили человѣческія жертвы на могилахъ ²⁾. Принимая въ соображеніе, что римляне принадлежали къ одному изъ благороднѣйшихъ типовъ человѣка, мы должны заключить, что они позаимствовали этотъ обычай отъ окрестныхъ болѣе низкихъ человѣческихъ типовъ.

Что сказать о подобныхъ способахъ объясненія фактовъ? Я нахожу, что наименьшее, что можетъ быть сказано по этому новоду, это то, что при такой свободѣ въ обращеніи съ фактами самый слабый діалектикъ можетъ смѣло взять на себя обязательство — доказать любое предложеніе, какое только можетъ быть названо.

¹⁾ Зенд-Авеста, въ переводѣ Шпигеля, vol. III, p. 231.

²⁾ См. Словарь греческихъ и римскихъ древностей Смита, pp. 559, 560.

§ 152. Чтобы видѣть, до какой степени бездоказательно и неосновательно утверждение, что высшія расы никогда не проходили черезъ болѣе низкій культъ, стоитъ припомнить, что даже въ настоящее время поклоненіе предкамъ еще держится въ слабыхъ и скрытыхъ чертахъ у самыхъ цивилизованныхъ народовъ, ведущихъ начало отъ этихъ расъ. Оно все-еще обнаруживается, то слабо, то съ извѣстною силою, во всей Европѣ, несмотря на вліяніе христіанства.

Даже въ протестантскомъ мірѣ могутъ быть прослѣжены первобытныя идеи и чувства, равно какъ и нѣкоторые такіе же поступки. Я разумѣю здѣсь не одно только украшеніе гробницъ цвѣтами, напоминающее намъ приношеніе цвѣтовъ на гробницы у предко-поклонническихъ народовъ, которые также приносили цвѣты въ жертву своимъ божествамъ; я оставляю этотъ фактъ въ сторонѣ, такъ какъ, основываясь на распространеніи у насъ ритуалистической реакціи, этотъ обычай можетъ быть объясненъ какъ признакъ оживленія католицизма. Но я намѣренъ указать на нѣкоторые факты, не столь рѣзко бьющіе въ глаза. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ нашемъ обществѣ очень часто можно встрѣтить убѣжденіе, будто-бы наши умершіе родственники то одобряютъ, то не одобряютъ наши поступки. Выраженныя ими желанія получаютъ характеръ священности, котораго они не имѣли, когда эти родственники находились въ живыхъ. Родные умершихъ воображаютъ, будто-бы эти умершіе знаютъ, что дѣлаютъ живые, и что они могутъ быть непріятно поражены неуваженіемъ къ ихъ послѣднимъ наказамъ. Бываютъ случаи, когда потому кажется, что портретъ его предка съ упрекомъ смотритъ на него со стѣны за то, что онъ преступилъ его повелѣніе, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что опасеніе нарушить священную волю умершаго служить и въ наше время мотивомъ, удерживающимъ отъ извѣстныхъ поступковъ. Итакъ ясно, что хотя первобытныя понятія о покорности умершимъ и о ихъ умиловленіи и приняли довольно неопредѣленныя формы, тѣмъ не менѣе самыя эти понятія далеко не могутъ еще считаться исчезнувшими совершенно.

Но съ наибольшою ясностью обнаруживается эта первобытная религія у католическихъ народовъ Европы. Тѣ маленькія часовенки, которыя строятся у нихъ на кладбищахъ надъ могилами богатыхъ покойниковъ, очевидно вполне аналогичны гробницамъ-храмамъ древнихъ расъ. Я слышалъ отъ двухъ французовъ-католиковъ, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, — а именно когда живые считаютъ себя въ правѣ предполагать, что ихъ умершій благочестивый родственникъ находился не въ чистилищѣ, а въ раѣ, — эти молитвы могутъ быть обращены и къ самому умершему съ просьбою о его милостивомъ заступничествѣ и предстательствѣ. Одинъ изъ моихъ французскихъ корреспондентовъ сомнѣвается, чтобы это было дѣйствительно такъ;

но и онъ допускаетъ, что нѣкоторые люди, — мужчины и женщины, — пользовавшіеся при жизни репутаціей святости, становятся въ общественномъ мнѣніи предметами поклоненія. „Ainsi, j'ai vu, en Bretagne, le tombeau d'un prêtre très pieux et très charitable: il était couvert de couronnes; on s'y rendait en foule le prier de procurer les guérisons, de veiller sur les enfants“ etc. etc. ¹⁾). Допуская справедливость одного лишь этого послѣдняго показанія, мы и то должны будемъ признать доказаннымъ, что первобытная религія еще держится въ нашемъ обществѣ.

Еще болѣе ясное доказательство того, что эта религія все-еще теплится между нами, мы видимъ въ существующихъ еще и донинѣ обычаяхъ кормить покойниковъ, какъ въ годовщину ихъ смерти, такъ и въ другіе опредѣленные сроки. Если, читая о періодическихъ пиршествахъ въ честь умершихъ у древнихъ народовъ или у нынѣшнихъ Китайцевъ, мы смотримъ на этотъ обычай какъ на одинъ изъ обрядовъ ихъ предко-поклоннической религіи, то, читая о томъ, что празднества въ честь всѣхъ умершихъ (родительскій день) и другіе обряды и обычаи сроднаго характера все-еще продолжаютъ существовать въ различныхъ частяхъ Европы, какъ между Тевтонами, такъ и между Кельтами, можемъ ли мы отвергать, что эти обычаи указываютъ на первоначальное поклоненіе предкамъ? ²⁾

¹⁾ Такъ, я видѣлъ въ Бретани гробницу одного очень благочестиваго и благотворительнаго священника: она была покрыта вѣнками, и къ ней постоянно стекались толпы, чтобы молить его о покровительствѣ ихъ дѣтямъ и пр., и пр.

²⁾ Слѣдующій отрывокъ, представляющій хорошую иллюстрацію сказаннаго въ текстѣ, былъ переведенъ для меня съ нѣмецкаго: «Крестьяне римско-католическаго вѣроисповѣданія въ теченіе круглаго года не забываютъ пешихъ о благополучіи душъ своихъ усопшихъ. Они собираютъ въ теченіе цѣлой недѣли всѣ крошки, остающіяся на столѣ, и затѣмъ въ субботу вечеромъ бросаютъ ихъ въ печь, чтобы онѣ могли служить въ пищу душамъ на завтрашній праздничный день. Супъ, пролитый по столу..., также оставляется въ пользу бѣдныхъ душъ. Когда женщина замѣшиваетъ тѣсто, она всегда бросаетъ себѣ за спину щепотку муки, а также кидаетъ въ печь кусочекъ самаго тѣста; при изготовленіи разныхъ домашнихъ печеній, она кладетъ на сковороду немножко жиру и первое печенье, приготовленное такимъ образомъ, бросаетъ въ огонь. Дровосѣки собираютъ всякіе остатки хлѣба, слишкомъ зачерствѣлые для ѣды, и кладутъ ихъ на древесные пни: и все это дѣлается въ пользу душъ умершихъ... Съ приближеніемъ дня поминованія всѣхъ усопшихъ всѣ эти заботы о душахъ умершихъ становятся еще живѣе. Въ каждомъ домѣ, въ продолженіе всей ночи, горитъ огонь, причемъ лампа наливается не постнымъ масломъ, а жиромъ; дверь,

§ 153. Итакъ, смотрите же, въ какой полной мѣрѣ наша дедукція оправдывается индукціей и какъ эта индукція совершенно подтверждаетъ то заключеніе, которое выяснилось для насъ изъ послѣдней главы.

Разсматривая всю совокупность человѣческихъ группъ, — племена, общества, народы, — мы находимъ, что, если не буквально повсюду, то почти повсюду, имѣется вѣрованіе въ оживающее другое я покойника, — вѣрованіе, то смутное и шаткое, то прочное и ясно-опредѣленное. Внутри этого класса человѣческихъ группъ мы находимъ нѣсколько меньшій классъ, однако почти сопротязженный съ предыдущимъ по своей обширности, члены котораго, обладая вполне опредѣленною вѣрою въ другое я усопшаго, предполагаютъ, что это другое я существуетъ въ теченіе значительнаго промежутка времени послѣ смерти человѣка. Почти столь же многочисленъ дальнѣйшій классъ, заключающійся въ предыдущемъ и характеризующійся тѣмъ, что члены его обнаруживаютъ умиловленіе тѣней усопшихъ, имѣющее мѣсто не только при погребеніи, но и послѣ, въ теченіе извѣстнаго промежутка времени. Затѣмъ, внутри этого послѣдняго члена идетъ новый, болѣе тѣсный классъ, состоящій изъ болѣе осѣдлыхъ прогрессивныхъ народовъ, которые, рядомъ съ развитымъ вѣрованіемъ въ безсмертную душу, существующую вѣчно, обнаруживаютъ правильно-постоянное поклоненіе предкамъ. Послѣ этого мы имѣемъ еще болѣе ограниченный, хотя вовсе не малочисленный, классъ народовъ, у которыхъ поклоненіе предкамъ отличившимся, знаменитымъ, начинается подчинять себѣ поклоненіе незначительнымъ, обыкновеннымъ предкамъ. И, наконецъ, такое подчиненіе, все возрастая и возрастая, становится наиболѣе рѣзко замѣтнымъ тамъ, гдѣ эти знаменитые предки были вождями расъ-побѣдителей.

Даже самыя слова, употребляющіяся въ болѣе прогрессивныхъ обществахъ для обозначенія различныхъ порядковъ сверхъестественныхъ существъ, указываютъ первоначальной общностью ихъ значеній, что таковъ былъ именно тотъ путь, которымъ шелъ генезисъ представленій объ этихъ существахъ. Приведенный выше фактъ, — что у Таннезійцевъ слово, обозначающее бога, значить буквально „умершій человѣкъ“, — есть типъ такого рода фактовъ, которые могутъ быть открыты повсюду. Тѣнь усопшаго, или душа (ghost), духъ, демонъ, — на-

или по крайней мѣрѣ окно, оставляется открытымъ; ужинъ остается на столѣ необруваннымъ на ночь, и даже къ нему дѣлаются кое-какія добавленія; люди отправляются спать ранѣе обыкновеннаго, — и все это для того, чтобы души умершихъ могли входить безпрепятственно... Таковъ обычай у крестьянъ Тироля, старой Баваріи, Верхняго Палатината и нѣмецкой Богеміи». Rochholz, *Deutscher Glaube und Brauch*, I, pp. 323, 324.

званія, прилагаемыя сначала къ другому я совершенно безразлично, безъ всякаго намѣренія отличить какой-нибудь особый родъ этого другаго я,—начинають прилагаться съ различнымъ значеніемъ, по мѣрѣ возникновенія различій, приписываемыхъ разнымъ другимъ я, т. е. по мѣрѣ возникновенія различныхъ родовъ другаго я: тѣнь врага становится дьяволомъ, а дружественная тѣнь дѣлается божествомъ, въ одномъ мѣстѣ — подчиненнымъ и мѣстнымъ, въ другомъ — важнымъ и общимъ. Тамъ, гдѣ относящіеся сюда представленія не развились еще такъ далеко, не существуетъ и соотвѣтственныхъ, ясно-дифференцированныхъ между собою терминовъ, вслѣдствіе чего наши различія не могутъ быть выражены на языкѣ подобнаго народа. Первые испанскіе миссіонеры въ Америкѣ очутились въ очень затруднительномъ положеніи, узнавъ, что единственное туземное слово, которымъ они могли бы передать слово богъ, означало въ тоже время и дьявола. Въ греческомъ языкѣ, слово *δαίμων* и *Θεός* могутъ замѣнять одно другое. У Эсхила дѣти Агамемнона представлены вызывающими къ духу ихъ отца, какъ къ богу. Точно тоже было и у Римлянъ. Кромѣ безразличнаго употребленія слова *dæmon*, для обозначенія ангела или генія, добраго или злаго, мы находимъ здѣсь столь же безразличное употребленіе и слова *deus* для обозначенія бога и духа усопшаго. Въ своихъ воззваніяхъ къ *manes* (духамъ предковъ), совершавшихся у гробницъ, римляне называли ихъ богами; а римскій законъ говорилъ прямо, что „права боговъ Мановъ должны соблюдаться свято“. Также самое находимъ мы и у Евреевъ. Исайя, утверждая, что ему повелѣно бороться противъ общераспространеннаго въ его время вѣрованія, основаннаго на такомъ отождествленіи божества съ духами предковъ, выражается такимъ образомъ: „И когда скажутъ вамъ: „посоветуйтесь съ духовидцами и волхвами“, спрашивающими васъ: неужели люди не должны обращаться за совѣтомъ къ своимъ богамъ, даже усопшимъ, на пользу живыхъ?“ и пр. Когда Саулъ идетъ на совѣщаніе съ тѣнью Самуила, то выраженіе, съ которымъ обращается къ нему волшебница, таково: „я видѣла боговъ (*elohim*), поднимающихся изъ земли“ : т. е. богъ и духъ усопшаго употребляются здѣсь какъ слова совершенно равнозначашія. Первоначальное родство этихъ словъ между собою можетъ быть прослѣжено даже и въ языкѣ нашего времени.

Не даютъ ли всѣ эти разнообразныя фактическія свидѣтельства достаточнаго повода, чтобы подозрѣвать, что изъ духа (усопшаго), понимавшагося вначалѣ вполне единообразно, возникли постепенно всѣ разнообразно-понижаемыя¹ сверхъестественныя существа? Придерживаясь закона развитія, мы можемъ заключить *à priori*, что происшедшія такимъ путемъ представленія дадутъ мѣсто многочисленнымъ развитіямъ. Духи усопшихъ, которые у перво-

бытнаго племени составляютъ изъ себя такую идеальную группу, члены которой отличаются другъ отъ друга лишь въ очень незначительной степени, будутъ становиться все болѣе и болѣе несходными другъ съ другомъ. По мѣрѣ того, какъ общества будутъ становиться все болѣе и болѣе обширными, организованными и сложными, и по мѣрѣ того, какъ преданія, мѣстныя и общія, будутъ накапливаться и усложняться, эти когда-то сходныя человѣческія души, приобретаая въ представленіи народа все больше и больше несходствъ, какъ со стороны общаго характера каждаго изъ нихъ, такъ и со стороны относительной важности, будутъ все болѣе и болѣе дифференцироваться другъ отъ друга, пока общность ихъ натуры сдѣлается почти неузнаваемой.

Итакъ, мы должны напередъ ожидать встрѣтить чрезвычайно-далеко расходящіеся видоизмѣненія ихъ, — видоизмѣненія, которыя будутъ постоянно умножаться въ воображеніи населеній, по мѣрѣ возрастанія этихъ населеній, которыя постоянно будутъ вторгаться въ болѣе и болѣе разнообразныя обиталища и которыя будутъ непрерывно стремиться занять всякое мѣсто въ природѣ, какое только можетъ быть занято; но, приготовившись встрѣтить все это, посмотримъ же теперь на нѣкоторые изъ ихъ наиболѣе отличительныхъ типовъ ¹⁾.

¹⁾ Читатель и самъ, конечно, замѣтилъ, какъ рѣдко ссылается авторъ на факты изъ области германской мифологіи и германскаго народнаго быта, не смотря на то, что эта область представляетъ массу поразительныхъ данныхъ въ подтвержденіе его воззрѣнія. Происходитъ это отъ незнакомства автора съ нѣмецкимъ языкомъ. Но все-таки авторъ пользовался данными изъ области германскаго міра, поскольку такія данныя были находимы имъ въ англійской литературѣ. Зато славянскій міръ остался ему совершенно чуждъ, не смотря на то, что онъ могъ бы черпать изъ этого богатаго источника полными руками. Причина понятна. Европа вообще, и Англія въ частности, знаютъ нашу этнологическую литературу только по наслышкѣ. Все, что вышло въ послѣднее время въ Англіи по этой части, слишкомъ бѣдно, слишкомъ недостаточно, что сознаютъ и сами англійскіе ученые. Такъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей учения о развитіи, въ его приложеніи къ этнологіи, говоритъ въ частномъ письмѣ: *It is a cause of regret to me that I never learnt to read Russian, for there must be very much ethnological material printed in Russia which is never translated.* Въ виду этихъ обстоятельствъ намъ очень хотѣлось снабдить нашъ переводъ подстрочными выносками, указывающими для русскаго читателя на аналогическіе (и часто еще болѣе поразительные, чѣмъ въ подлинникѣ) примѣры изъ области славянскаго міра. Но по разнымъ обстоятельствамъ мы не могли воспользоваться богатѣйшими матерьялами, имѣющимися по этой части въ нашей литературѣ. Пользуясь извѣстнымъ сочиненіемъ А. Афанасьева «Поэтическія Воззрѣнія Славянъ на природу» и изслѣдованіемъ А. Котляревскаго «о Погребальныхъ обычаяхъ у языческихъ славянъ», мы

считаемъ нелишнимъ дополнить данныя, приводимыя Спенсеромъ, хотя нѣсколькими примѣрами изъ области славянскаго міра.

Читатель, конечно, замѣтилъ все значеніе, придаваемое нашимъ авторомъ поклоненію предкамъ, которое онъ ставитъ въ основаніе всѣхъ остальныхъ формъ религіознаго поклоненія. Такое поклоненіе предкамъ имѣло обширное развитіе у всѣхъ славянскихъ племенъ. Вотъ нѣсколько данныхъ изъ только-что упомянутыхъ нами авторовъ. «Съ культомъ домашняго очага тѣснѣйшими узами связано поклоненіе душамъ усопшихъ предковъ... Души усопшихъ сливались для потомковъ съ священною стихіей домашняго очага... Домовой, представитель очага, принимался за праотца, основателя рода, и чествовался именемъ дѣда» (Аф. II, 74—5). «Отожествленіе усопшихъ предковъ съ домовыми-пенатами заставляло признать за ними божественный характеръ... Наши простолюдины называютъ покойниковъ святыми родителями... Въ старину клялись костями и прахомъ родителей» (Аф. II, 86). «Умирая, предки не покидали потомковъ совершенно, не разрывали съ ними связей окончательно: они только сбрасывали съ себя тѣлесныя формы... и какъ геніи-хранители продолжали незримо слѣдить за своими потомками, блюсти ихъ выгоды и помогать имъ въ житейскихъ невзгодахъ. Индусы называли усопшихъ *pitaras*—отцы, предки;... у нашего простонародья принято называть покойниковъ родителями, и названіе это употребляется даже и тогда, когда говорятъ объ умершихъ дѣтяхъ... Вълоруссы называютъ покойниковъ дзѣды, поляки—*dziady*, а въ горахъ Галиціи рассказываютъ о дѣдкахъ, обитающихъ у семейнаго очага, какъ о домовыхъ, которые принимаютъ постоянное участіе въ хозяйствѣ. Чехи до XIV столѣтія подъ именемъ *dědu*, *dědku* разумѣли домашнихъ боговъ... другое названіе, даваемое имъ,—*hospodâřícky* (хозяева, домовладѣльцы)» (Аф. II, 76—7). «Домовой охотнѣ всего принимаетъ видъ хозяина или одного изъ умершихъ членовъ семьи... Домового на Руси называютъ хозяинъ, хозяинушко. Есть указанія, что въ старину ихъ называли убожьями» (Аф. II, 86). «Новопостроенное жилье тогда только будетъ прочно, когда умретъ глава поселившейся въ немъ семьи... Въ нашемъ народѣ существуетъ примѣта, что постройка новаго дома влечетъ за собою смерть хозяина, и другая, что тотъ изъ родичей умретъ раньше, кто прежде всѣхъ войдетъ въ новый домъ (по требованію стариннаго обряда, первымъ входилъ старшій въ родъ)... Поселяне убѣждены, что домъ не иначе можетъ быть выстроенъ, какъ на голову одного изъ тѣхъ, которые будутъ жить въ немъ. Желая, чтобы смерть не коснулась семейства строителя, они убиваютъ при закладкѣ дома какое-нибудь животное, зарываютъ его въ землю и кладутъ на томъ мѣстѣ первое бревно (арханг. губ.). Въ курской губерніи, съ этою цѣлью, при переходѣ на новоселье, отрубаютъ у курицы голову на порогѣ новой избы и отрубленную голову закапываютъ подъ переднимъ угломъ... Пока дѣлается срубъ, крестьяне боятся, какъ бы не оскорбить плотниковъ, и хорошо ихъ угощаютъ, чтобы они не заклали дома на голову хозяина или кого изъ домашнихъ» (Аф. II, 83). «Изъ славянскихъ прибавленій къ переводу X-го

 3041357220
 3041357220

слова Іоанна Богослова видно, какъ высоко чтили славяне своихъ покойниковъ; останки ихъ были мощами, святыней, надъ которой производилась присяга; къ могилѣ, хранившей мощи покойниковъ, прибѣгали въ тяжелыхъ обстоятельствахъ и затруднительныхъ случаяхъ жизни; отъ нихъ ждали помощи, совѣта и благословенія, ихъ вызывали изъ могилъ молитвами и причитаніями» (Котл. 248).

Относительно приношенія славянами жертвъ своимъ усопшимъ предкамъ не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вотъ нѣсколько относящихся сюда цитатъ. «Наши простолюдины называютъ покойниковъ святыми родителями и ставятъ имъ приношенія (блины, горячій хлѣбъ и напитки) на божницѣ, въ чашкахъ и сосудахъ, къ которымъ прилѣплены восковыя свѣчи» (Аф. II, 86). «Въ Ливоніи, прежде чѣмъ семья приступала къ приготовленнымъ яствамъ и напиткамъ, было въ обычаѣ бросать въ огонь кусокъ мяса и плескать на горячіе уголья пивомъ» (Аф. III, 797). «Празднуя родовымъ пенатамъ, вотяки пекутъ блины; домохозяинъ зажигаетъ восковую свѣчу, ставитъ ее въ передній уголъ, беретъ со сковороды блинъ и испрашиваетъ себѣ и всему семейству здоровья, прибыли въ скотинѣ, урожая въ хлѣбѣ, разрываетъ блинъ на части и бросаетъ въ пылающую печь; тоже дѣлаетъ онъ съ мясомъ и со всеми другими яствами, наконецъ, плещетъ въ огонь кумышкою (напиткомъ, приготовленнымъ къ празднику) и затѣмъ уже садится за столъ... У Чеховъ въ обычаѣ отъ каждой яствы полагать часть въ огонь» (Аф. II, 42). «28 января, послѣ ужина оставляется для домового на загниѣть горшокъ каши, который обкладывается вкругъ горячими углями... Въ Великорусскихъ областяхъ думаютъ, что домовый живетъ за или подъ печкою, и кладутъ туда для него маленькіе хлѣбы. У нѣкоторыхъ хозяевъ въ обычаѣ ставить за ужиномъ особый приборъ домовому и откладывать для него небольшую долю отъ всякаго кушанья: когда все уснутъ, онъ приходитъ и ужинаетъ» (Аф. II, 67). «Въ Томской губерніи, въ сочельникъ наканунѣ Крещенія, кладутъ подъ голубешъ нарочно испеченныя для домового маленькія булочки и лепешки. Если хозяйка забудетъ это сдѣлать, то домовый изъ добраго становится «лихимъ»: люди начинаютъ заболѣвать, скотъ—худѣть, въ поляхъ неурожай, со всѣхъ сторонъ напасть! Точно также мстятъ и усопшіе предки, если перестаютъ ихъ чтить поминальными приношеніями» (Аф. II, 105). «На семикъ быють яйца и кладутъ ихъ на могилахъ для покойниковъ, которые, по мнѣнію народа, охотно приѣмлютъ и вкушаютъ такіа приношенія» (Аф. III, 297). «Наканунѣ Рождества Христова и Крещенія поселане жгутъ на дворѣ навозъ, чтобы родители (усопшіе) могли согрѣться на томъ свѣтѣ. Съ наступленіемъ марта у всѣхъ славянъ начинаются обрядовыя постѣнія кладбищъ; въ первый день этого мѣсяца, передъ самымъ восходомъ солнца, дужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбища съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ на могилахъ разныя яства» (Аф. III, 288). «При празднованіи новоселья въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, гости приносятъ съ собою рожь, ячмень и овечью шерсть; зерно высыпаютъ на лавку, а шерсть вмѣстѣ съ мелкими деньгами бросаютъ въ

печь» (Аф. II, 119). «У Сербовъ-Хорватовъ, при погребеніи болѣе богатыхъ людей, закалываютъ какой-нибудь скотъ» (Котл. 245). «Поминальный пиръ состоитъ изъ особыхъ жертвенныхъ яствъ. Болгары для этого обвариваютъ пшеницу, жарятъ барана или теленка и приготавливаютъ вино; у Мазуровъ употребляютъ вино, смѣшанное съ медомъ, и каша съ медомъ; у Сербовъ-Хорватовъ—особый хлѣбъ и калачъ изъ кукурузы» (Котл. 247). «На сербскомъ языкѣ поминки носятъ названіе д а т я, т. е. обѣтъ (чешск.), жертва мертвымъ»... У всѣхъ славянъ, съ глубокой древности, «весною... на мѣстахъ погребенія... собираются потомки (усопшихъ), обливаютъ виномъ или медомъ могилы (у бѣлоруссовъ и хорутанъ), иногда закалываютъ на нихъ барана, пѣтуха или другое животное (у хорутанъ и карпатскихъ горцевъ), возжигаютъ свѣчи, угли или костры соломы и затѣмъ приглашаютъ милыми словами дѣдовъ на пиръ» (Котл. 250). «Болгаре окропляютъ могилу виномъ или водою. Поливаніе и посыпаніе могилы совершается и внѣ поминокъ, при обычныхъ причитаніяхъ матери или сестры на могилѣ» (Котл. 251). «На Руси праздники усопшихъ носятъ названіе Р а д у н и ц ы (ведійское gadan—жертвоприношеніе, отъ корня gad—давать, готовить), т. е. обѣта, сербск. д а т и, и навъскаго Великаго дня» (Котл. 251). По сказанію Мелеція о славянахъ, «въ 3, 6, 9 и 40 день по погребеніи, на нихъ приглашали душу покойника, стоя передъ дверью. Вкушали пищу молча и совѣмъ не употребляли ножей... Двѣ женщины служатъ обряду. Нѣкоторые изъ участниковъ трапезы бросали отъ každого кушанья частицу подъ столъ, гдѣ по ихъ понятіямъ пасутся души; туда же проливали и напитокъ. Чтò случайно было обронено на землю, того не подымали, но оставляли душамъ с и р о т а м ѣ... не имѣющимъ ни друзей, ни знакомыхъ, которые могли бы предложить имъ угощеніе. По окончаніи трапезы, глава обряда... выметалъ жилище вѣникомъ и провожалъ душъ, и тогда только начинался между празднующими разговоръ» (Котл. 150). У пинчуковъ существуетъ такой обычай: «накрываютъ столъ бѣлой скатертью, посрединѣ его зажигаютъ водку, бросаютъ соль на горячіе угли и прислушиваются къ треску. Поминальные яства состоятъ изъ бобовъ, гороха, сваренныхъ въ медовой сытѣ. Для родителей-дѣдовъ раскладываютъ хлѣбы, иногда на видномъ мѣстѣ вѣшаютъ саблю или ожегъ, если поминаемый былъ воинъ; затѣмъ отворяютъ окна и двери. Старшій въ семьѣ обходитъ домъ, глядитъ на недалекія могилы и призываетъ родителей на пиръ; возвратившись—все стоятъ въ тишинѣ, какъ-бы прислушиваясь къ бесѣдѣ душъ; потомъ садятся, вкушаютъ сначала поминальныхъ яствъ, и каждый три первыхъ ложки отливаетъ для души съ každого кушанья; при-пить чашы, подносятъ ее ко рту и прежде часть отливаютъ на полотенце для родителей-дѣдовъ; часть ѣды полагаютъ за окномъ (вѣроятно, для душъ-сиротъ). Поминки оканчиваются на могилахъ. Встарину при-этомъ у пинчуковъ существовалъ обычай завязывать глаза какой-нибудь дѣвушкѣ: ее сажали на пѣд, вкопанномъ въ призбу, около печи, и прорицательница угадывала прибывающихъ душъ и рассказы-вала о судьбѣ и жизни ихъ» (Котл. 249, 250).

Формы погребенія у древнихъ славянъ были различны: иные сожигали своихъ покойниковъ, иные же погребали ихъ въ землѣ. Погребали они ихъ или въ лѣсахъ, по-близости отъ своихъ жилищъ, разбросанныхъ въ этихъ лѣсахъ по-одиночкѣ или небольшими группами, или на распутияхъ, причемъ гробницы покойниковъ играли у нихъ, повидимому, роль терминовъ, или боговъ-охранителей границъ. Иные хоронили усопшихъ на буграхъ; другіе насыпали надъ ними искусственные курганы.—Въ виду ученія Спенсера о развитіи храмовъ и алтарей изъ гробницъ и могильныхъ плитъ, и въ виду значенія, которое онъ придаетъ съ этой стороны обычаю погребать усопшихъ въ ихъ бывшихъ жилищахъ, читателю будетъ безцѣлн интересно увидѣть данныя, указывающія на существованіе этого обычая и у Славянъ. «На Руси принято хоронить некрещеныхъ дѣтей подъ порогомъ дома» (Аф. II, 83). Этотъ обычай получаетъ значеніе въ виду доводовъ, приводимыхъ Котляревскимъ за то, что люди, стоящіе внѣ закона религіознаго и гражданскаго, погребаются обыкновенно по древнему языческому обряду, имѣвшему прежде всеобщее примѣненіе. «Изба для славянина была не только домомъ въ обиходномъ смыслѣ этого слова (жилищемъ, пристанищемъ), но и храмомъ, въ которомъ обитало свѣтлое, дружелюбное божество и совершались ежедневныя жертвоприношенія и молитвы... храмъ, хоромы, хранина (домъ, жилье)—слова буквально тождественныя» (Аф. II, 61). «Гробомъ въ областныхъ нарѣчіяхъ называется домъ, домовина, домовье, домовище. Въ Воронежской губерніи крестьяне не говорятъ идѣ домой, а идѣ ко двору; идѣ домой по ихъ мнѣнію равносильно выраженію идѣ въ могилу» (Аф. II, 83). «Покутъ, покута въ областномъ нарѣчій Смоленской губерніи означаетъ кладбище и служеніе по покойникъ» (Котл. 23). «Кутъ обозначаетъ на Руси передній уголъ избы и мѣсто передъ печью. Крестьяне съ особеннымъ уваженіемъ относятся къ переднему углу» (Аф. II, 111). «Крестьяне до сихъ поръ убѣждены, что душа усопшаго, до тѣхъ поръ пока не будетъ похоронено покинутое ею тѣло, сидитъ въ избѣ за образами, а потому ставятъ ей приношеніе (горячіе блины) на божницѣ» (Аф. II, 112); «Поставивъ эти наименованія (покутъ, покута) въ связь со словомъ кутъ—уголъ внутри избы или дома, можно прийти къ догадкѣ, что прахъ мертвыхъ отцовъ-покровителей роднаго крова, останки ихъ, хоронились въ главномъ углу жилища, какъ домашнія святыни» (Котл. 23). Иногда строилъ для покойника и особый домикъ. Въ сказаніи о началѣ Москвы говорится, какъ отецъ Даніилъ, убѣгая отъ Кучковичей «по прилучаю найде въ дебри струбець малъ стоящъ, подъ нимъ же погребенъ бысть ту нѣкоторый мертвый человекъ, князь же влѣзъ въ струбець той, закрыся въ немъ» и пр. (Котл. 120). «Обыкновеніе ставить постройку надъ могилою продолжается и до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ русской земли (въ Нижегородской, Костромской, Калужской губерніяхъ, въ Землѣ Войска Донскаго); такая постройка называется голубець и дѣлается срубомъ съ крышею, будкой или домикомъ; какъ не со-

гласный съ христіанскими порядками, такой обычай теперь прекращенъ» (Котл. 120). «Есть основаніе думать, что языческіе славяне на могильномъ холмѣ ставили... небольшую деревянную постройку, въ видѣ домика или шатра... У русскихъ такая постройка носила названіе буды, или будына, въ древнеславянскомъ языкѣ она, кажется, называлась жалю, жаліемъ и жу пи щемъ, жу пи ли щемъ (отъ корня гу р—покрывать, санскр. гора—навѣсъ)... Бѣлоруссы Черниговской губерніи до сихъ поръ ставятъ на могилахъ срубъ вмѣсто могильныхъ насыпей» (Котл. 244). На всѣхъ русскихъ кладбищахъ можно видѣть множество крестовъ, снабженныхъ крышею на два ската: быть можетъ, такая крыша не только предназначается для защиты отъ дождя и т. п., но и представляетъ въ тоже время видоизмѣненный остатокъ прежняго домика? «Въ годичные поминки у Бѣлорусовъ и пинчуковъ совершается еще особый обрядъ прикладинъ: на могилѣ усопшаго кладутъ во весь ростъ его дубовую колоду или дѣлаютъ ему надгробникъ, срубъ, бѣ д ы н ь» (Котл. 250).

Славяне, подобно многимъ первобытнымъ народамъ, имѣли обычай полагать въ могилу съ покойникомъ (или сжигать вмѣстѣ съ его трупомъ) его наиболѣе цѣнное имущество, а также его любимыхъ животныхъ, рабовъ и жену. Такъ въ извѣстной былинѣ о Потокѣ жена его Авдотья Лиховидѣвна погребается живою вмѣстѣ съ нимъ. Абу-Атли Ахмедъ бенъ Омаръ Ибнъ-Доста, въ своей «Книгѣ Драгоцѣнныхъ Драгоцѣнностей», писанной около 900 года по Р. Х. и открытой докт. Хвольсономъ между арабскими рукописями Британскаго музея, говоритъ о Славянахъ слѣдующее: «Когда кто изъ нихъ умретъ, они сжигаютъ трупъ его. Ихъ жены изрѣзываютъ ножами свои руки и лица... Если усопшій имѣлъ три жены и одна, по ея увѣренію, особенно любила его, она приноситъ къ его тѣлу два шеста, укрѣпляетъ ихъ въ землѣ стоймя, потомъ кладетъ на концы ихъ перекладину, а въ срединѣ ея привязываетъ веревку; затѣмъ, стоя на скамѣ, обвиваетъ одинъ конецъ веревки вокругъ своей шеи. Послѣ того, какъ она это исполнила, скамью принимаютъ изъ-подъ ногъ ея, и женщина виситъ, пока не задохнется и умретъ. Трупъ ея бросаютъ въ огонь и сжигаютъ» (Котл. 54). Тотъ же писатель говоритъ о Руссахъ: «Когда между ними умираетъ какой знатный, для него вырываютъ могилу въ видѣ просторной комнаты, кладутъ туда мертвеца, кладутъ туда также его одежду, золотые обручи, которые онъ носилъ, много яствъ, кружки съ напитками и другіе неодушевленные предметы цѣнности. Жена, которую онъ любилъ, живою помѣщается въ погребальной комнатѣ; затѣмъ затворяютъ двери, и она тамъ умираетъ» (Котл. 55). Аль-Бекри, въ своей книгѣ «Пути и страны» († 1094) говоритъ о Дунайскихъ Волгарахъ слѣдующее: «Въ числѣ обычаевъ Борджанъ находится такой: когда кто умираетъ, они кладутъ его въ глубокую могилу, погребаютъ вмѣстѣ съ нимъ его женъ и служителей, заставляя ихъ умереть съ голода, другихъ сжигаютъ вмѣстѣ съ мертвецомъ» (Котл. 62). А Ибнъ-Фоцланъ (921) подробно описываетъ погребеніе одного изъ русскихъ купцовъ, умершаго въ Волгаріи: богато-разодѣтый трупъ его былъ сожженъ въ кораблѣ, вмѣстѣ со мно-

жестовъ имущества, яствъ и питей, и вмѣстѣ съ трупами собаки, двухъ лошадей, двухъ коровъ (или быковъ), курицы, пѣтуха и молодой рабыни, умерщвленныхъ въ день погребенія (Котл. 64—69).

Имѣющіеся на-лицо факты показываютъ, что Славяне тоже смотрѣли на переселеніе души въ другую жизнь какъ на путешествіе, подобное земному, вслѣдствіе чего они снабжали покойника необходимыми на то средствами: лодкою или конемъ, а иногда и тѣмъ и другимъ, а также деньгами для уплаты за перевозки. «Свидѣтельство Ибнъ-Фоцлана возстановляетъ намъ любопытный и важный фактъ славянской старины, а именно: о бычѣ хоронить мертвеца въ лодкѣ, спуская ли его въ ней въ открытую воду.... или сожигая въ ней его тѣло» (Котл. 72), или, наконецъ, зарывая его въ ней въ землю (вспомнимъ, что Ольга похоронила древлянскихъ пословъ живыми въ лодкѣ). Ибнъ-Фоцланъ говоритъ о Руси: «Если покойникъ—человѣкъ бѣдный, ему строятъ небольшую ладью и сжигаютъ его въ ней» (Котл. 64). Выше мы уже говорили, что онъ же описываетъ какъ очевидецъ сожженіе трупа богатого купца въ роскошно убранномъ кораблѣ. Польскій священникъ Мелецій (1551 г.) говоритъ о русскихъ: «Покойника одѣтаго и обутаго садили на коня, какъ бы отправляя его въ далекій путь, родственники садились, какъ бываетъ на прощаньи, и пили, потомъ начинались обычные причитанія» (Котл. 149). Ибнъ-Фоцланъ, какъ мы уже сказали выше, упоминаетъ о сожженіи съ трупомъ купца двухъ его лошадей, убитыхъ по этому случаю. Извѣстно, что скифы (если считать ихъ за славянъ) погребали воина съ конемъ и оружіемъ. Понятно, что смыслъ убіенія, зарытія или созженія лошади, зарытія или сожженія лодки заключается въ томъ, чтобы душа лошади или лодки могла служить душѣ вождя въ предстоящемъ ему трудномъ пути. Тотъ же Мелецій говоритъ: «Совершители погребальнаго обряда бросали въ гробъ мертвецу деньги (перевозныя) на дорогу» (Котл. 149). Извѣстно, что наше простонародье закрываетъ глаза мертвецу мѣдными деньгами, которыя и хоронятся съ нимъ. Впрочемъ, есть и прямые указанія на то, что славяне смотрѣли на смерть какъ на начало длиннаго путешествія по сушѣ и водѣ. «Владиміръ Мономахъ (передъ смертью) говорилъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ «на далечи пути» (Лавр. 100). По малорусской поговоркѣ, «смерть—неминучая дорога». На одномъ изъ русскихъ областныхъ нарѣчій (архангельскомъ) странствовать значитъ хворать, у дорожить—довести кого-нибудь побоями до смерти. Въ Сербскомъ причитаніи обращаются къ мертвому съ вопросомъ: «*he ђesh gospodare, na tomъ тамо putu daleko me okleno я никакъ не долази*». Словинцы также причитаютъ надъ умершимъ отцомъ: «*na dalek miti put ode ś kog te neću dopogledati*», въ чешскомъ: «*na daleku cestu se stroiti*»—умирать; душа на пути—человѣкъ умираетъ. Смерть уносила усопшихъ въ страну отцовъ: въ итсѣнъ о Забоѣ два раза упоминается объ отшествіи къ отцамъ въ смыслъ смерти («*Otčik zaide k otcemъ*» v. 26; «*trideset ich otide k otcemъ*» v. 138). Равносильное этому выраженіе встречаемъ и въ «Повѣсти Временныхъ Лѣтъ»: «приблизитися или при-

ложитися ко отцемъ и дѣдомъ» (Лавр. 93, 185), и въ нынѣшнемъ чешскомъ: «k velikemu hejnu se pridružiti» (Котл. 194, 5). «Въ Чешскомъ Велесова страна помѣщается за моремъ. Народныя пословицы говорятъ о покойникахъ, что они находятся по той сторонѣ рѣки или моря (малоросс. по тимъ боцѣ). Въ малорусской пѣснѣ дѣвушка проситъ ангела поплыть «до батеньки (умершаго) по морю» и принести отъ него вѣсти» (Котл. 200).

По ученію о развитіи идеи о безсмертіи вытекаетъ изъ представленія о смерти, какъ о продолжительномъ снѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Афанасьевъ: «Идея о смерти... въ доисторическую эпоху сближалась съ понятіемъ о снѣ... Народная пословица говоритъ, что сонъ смерти братъ» (Аф. II, 36) «Языкъ засвидѣтельствовалъ близость и родство этихъ понятій до осязательной наглядности. Умершихъ называютъ а) усопшими (успшими, успеніе), отъ глагола спать, усыпить, т. е. буквально называютъ уснувшими; б) или покойниками—успокоившимися отъ житейской суеты вѣчнымъ сномъ; о рыбѣ говорятъ, напимѣръ, заснула, вмѣсто подохла... «Мы пріѣхали на жилыхъ», т. е. когда никто еще не спалъ... Кладбище—усыпальница» (Аф. II, 37). «Данныя эти свидѣтельства о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужило основаніемъ—почему сновидѣніямъ придано вѣщее значеніе... Предки наши признавали въ сновидѣніяхъ тоже участіе божества, какъ въ гаданіяхъ и оракулахъ» (Аф. II, 39). «Идея конечнаго уничтоженія, кажется, была чужда языческому міру: славянскія слова *гынуги*, *гынуги*—погибать, судя по другимъ терминамъ одного происхожденія: *гынати*, *гнуги*, обозначали только упадокъ, склоненіе (солнца и) жизни человѣка; равнымъ образомъ то же значеніе имѣетъ глаголѣ *пасти*, *про-падать*» (Котл. 187).

Анализируя «первобытныя идеи», Спенсеръ между прочимъ упоминаетъ о вѣрованіи дикарей въ то, что, имѣя въ своихъ рукахъ какую-либо частицу человѣка, или что-либо находившееся съ нимъ во временной связи, его врагъ можетъ нанести ему всяческій вредъ. Славяне вполнѣ вѣрили этому. По теперешнему простонародному повѣрью, не слѣдуетъ бросать зря ни обрѣзковъ ногтей, ни оческовъ, остающихся на гребнѣ, но надо сжигать ихъ, чтобъ «не болѣла голова», чтобъ «лихой человѣкъ», овладѣвъ ими, не «изурочилъ» ихъ хозяина, не «пустилъ на него порчи» и т. д. Поэтому же вообще слѣдуетъ сжигать всякій соръ. «Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, при переходѣ въ новую избу, переносятъ туда и весь соръ: обичай, возникшій изъ повѣрья, что соръ должно сжигать въ печкѣ, а не выкидывать на дворъ» (Аф. II, 119). «Мы привели это повѣрье только какъ доказательство того, что главы Спенсера, трактующія о «первобытныхъ идеяхъ», могли бы найти для себя массу превосходныхъ пояснительныхъ примѣровъ въ повѣрьяхъ и обычаяхъ славянскаго міра.

Примѣч. перев.

ГЛАВА XXI.

ПОКЛОНЕНИЕ ИДОЛАМЪ И ФЕТИШАМЪ.

§ 154. Изъ фактовъ, приведенныхъ нами выше, читатель уже видѣлъ, какимъ образомъ жертвоприношенія недавно-умершему покойнику переходятъ въ жертвоприношенія его сохраняемому тѣлу. Въ § 137 мы видѣли, что передъ трупомъ Таитянскаго вождя приносятся ежедневныя жертвы особеннымъ жрецомъ, на особо устроенномъ для того алтарѣ, и что древніе обитатели Центральной Америки выполняли подобные же обряды передъ трупами своихъ умершихъ, высушенными помощью искусственнаго жара. Вмѣстѣ съ развитіемъ системы бальзамированія труповъ, этотъ обычай выросъ въ поклоненіе муміямъ, доказательство чему мы уже видѣли на примѣрѣ Перуанцевъ и Египтянъ. Обстоятельство, на которое мы желали бы обратить здѣсь вниманіе читателя, заключается въ томъ, что хотя эти народы вѣрили, что духъ усопшаго покинулъ тѣло, тѣмъ неменѣе у нихъ было случайное представленіе такого рода, будто бы этотъ духъ присутствовалъ въ муміи, или же сама мумія была одарена сознаниемъ по отношенію къ ее окружающему. У Египтянъ это понятіе сквозило совершенно ясно изъ ихъ обычая помѣщать иногда своихъ набальзамированныхъ мертвецовъ за пиршественнымъ столомъ. Перуанцы, — у которыхъ существованіе подобнаго же обычая указывало на существованіе такого же вѣрованія, — обнаруживали его и другими путями. Нѣкоторые изъ нихъ обносили высушенный трупъ родителя вокругъ своихъ полей съ тою цѣлью, чтобы онъ могъ видѣть состояніе посѣвовъ. Умершій предокъ считался не только присутствующимъ, какъ это видно изъ только-что приведеннаго свидѣтельства, но ему приписывалась даже власть надъ живыми, что можно видѣть изъ исторіи, рассказываемой Санта-Крусемъ: когда вторая сестра Гуайны

Капака отказалась выйти за него замужъ, то „Гуайна Капакъ (Ниауна Ссарас) отправился съ подарками и приношеніями къ тѣлу своего отца и просилъ его дать ему ее въ жены, но мертвый трупъ не далъ никакого отвѣта, между тѣмъ какъ на небесахъ появились въ это время страшные знаки“.

Первобытная идея, заключающаяся въ томъ, что всякое свойство какого-либо агрегата соприсуще и каждой изъ его частей, приводитъ дикаря къ слѣдующему выводу изъ только-что указаннаго вѣрованія: душа, присутствующая въ тѣлѣ умершаго, сохраненномъ во всей его цѣлости, присутствуетъ также и въ каждой изъ сохраненныхъ частей этого тѣла. Отсюда вѣра въ реликвіи, или священные остатки. Эллисъ рассказываетъ намъ, что на Сандвичевыхъ островахъ кости ногъ, рукъ, а иногда даже и черепа королей и главныхъ вождей носятся ихъ потомками, въ той увѣренности, что духи этихъ покойниковъ бодрствуютъ надъ ними и охраняютъ ихъ отъ разныхъ бѣдствій. Кризы носятъ кости и волосы умершихъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. У Карибовъ и у нѣкоторыхъ племенъ Гвіаны, послѣ смерти человѣка, его вычищенные кости „распредѣляются между его родственниками“. Тасманійцы обнаруживали „много заботливости, чтобы достать себѣ кость отъ черепа или отъ руки всякаго умершаго родственника“. У Андаманцевъ „можно постоянно видѣть вдовъ, съ черепами ихъ умершихъ мужей, повѣшенными у нихъ на шеѣ“.

Вѣра въ могущество реликвій ведетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ прямому поклоненію имъ. Эрскайнъ рассказываетъ намъ, что обитатели Луфу, одного изъ группы острововъ подъ названіемъ Лойальти Айландсъ, не только „призываютъ духовъ своихъ усоншихъ вождей“, но что они также „сохраняютъ остатки своихъ мертвецовъ... и оказываютъ имъ божескія почести“. О ново-каледонцахъ Тёрнеръ говоритъ: „Въ случаѣ болѣзни и при другихъ бѣдствіяхъ они приносятъ жертвы пищею черепамъ усоншихъ“. Сверхъ того мы имѣемъ здѣсь доказательство, почерпнутое изъ разговоровъ съ священными остатками мертвецовъ. Ландеръ говоритъ: „Въ хижинѣ фетиша, составляющей личную собственность короля Адоли, въ Бадагри, находится черепъ отца этого монарха, сохраняемый въ глиняномъ сосудѣ, стоящемъ въ землѣ“. Онъ „обращается къ этому черепу съ нѣжными укорами всякій разъ, когда его успѣхъ не соотвѣтствуетъ его ожиданіямъ“. Точно также и Манданы, по разсказамъ Каплина, ставятъ черепа своихъ покойниковъ въ кругъ. Каждая жена знаетъ черепъ своего покойнаго мужа или ребенка, «и рѣдко проходитъ день, чтобы она не посѣтила его съ блюдомъ самаго лучшаго кушанья... Въ ясный день почти не бываетъ такого часу, чтобы наблюдатель не видѣлъ большаго или меньшаго числа этихъ женщинъ сидящими и дежащими каждая подлѣ черепа своего ребенка или мужа; причемъ каждая изъ нихъ разговариваетъ съ своимъ черепомъ самымъ пріятнымъ и

ласковымъ языкомъ, на какой только она способна (какимъ она имѣла привычку говорить съ своимъ покойникомъ въ прежніе дни, когда онъ былъ еще въ живыхъ), и какъ будто-бы получаетъ отъ него отвѣтъ».

Такимъ образомъ умиловленіе только-что умершаго человѣка ведетъ къ умиловленію его сохраняемаго тѣла или нѣкоторой сохраненной части этого тѣла; причемъ предполагается, что духъ усопшаго присутствуетъ въ этой части въ такой же мѣрѣ, какъ и въ цѣломъ тѣлѣ.

§ 155. Еслибы кому-нибудь было предложено вообразить себѣ переходъ отъ поклоненія сохраняемому трупу, или какой-либо сохраненной части трупа, къ поклоненію идоламъ, то человѣкъ, взявшійся за эту задачу, вѣроятно, потерпѣлъ бы неудачу въ своей попыткѣ; но подобные переходы, не могущіе быть созданными въ воображеніи, существуютъ однако въ дѣйствительности.

Во многихъ случаяхъ предметомъ поклоненія служить изображеніе усопшаго, сдѣланное отчасти изъ его остатковъ, а отчасти изъ другихъ веществъ. Ланда говоритъ, что Юкатанцы

«отрѣзывали головы древнимъ повелителямъ Кокома, послѣ ихъ смерти, и затѣмъ очищали ихъ отъ мяса, какъ будто-бы собирались варить ихъ въ пищу; послѣ того они отпиливали верхушку черепа, оставляя лишь переднюю часть съ челюстями и зубами. Потомъ, съ помощью извѣстнаго цемента, они воспроизводили на этихъ полу-черепахъ отнятыя прочь мясные части, стараясь при-этомъ сдѣлать каждую голову насколько возможно похожей лицомъ на ея прежняго владѣльца. Послѣ чего они сохраняли такія головы вмѣстѣ со статуями и съ пепломъ усопшихъ. Они держали ихъ въ своихъ домашнихъ часовняхъ, рядомъ съ идолами, причемъ эти головы служили предметомъ величайшаго почитенія и заботливыхъ попеченій. При своихъ пиршествахъ, они имѣли привычку предлагать имъ пищу»...Въ другихъ случаяхъ «они дѣлали деревянные статуи, представлявшія ихъ отцовъ»; причемъ «затылокъ такой статуи бывалъ выдолбленъ внутри»; въ эту пустоту они клали пепелъ отъ сожженнаго трупа и потомъ закрывали ее «кожей, снятой съ затылка трупа.»

Мексиканцы прибѣгали къ другому способу, чтобы соединить кое-что изъ останковъ усопшаго съ его изображеніемъ. Послѣ сожженія усопшаго повелителя, рассказываетъ Камарго, они «тщательно собирали пепелъ и, смѣшавъ его съ человѣческою кровью въ родъ тѣста или размазни, дѣлали изъ него изображеніе усопшаго, которое и хранили въ воспоминаніе о немъ». Отъ того же Камарго мы узнаемъ также и то, что изображенія усопшихъ служили здѣсь предметами поклоненія.

Затѣмъ мы имѣемъ здѣсь переходную комбинацію, отличающуюся нѣсколько отъ только-что приведеннаго нами обычая; а именно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ пепелъ усопшаго сохранялся въ глиняномъ сосудѣ, имѣвшемъ чело-вѣкообраз-

ную форму. Тотъ же писатель, слова котораго мы приводили выше, говоритъ объ Юкатанцахъ, что у нихъ

«трупы повелителей и людей, занимавшихъ высокое общественное положеніе, подвергались сожженію. Пепель складывался въ большія урны, надъ которыми воздвигались храмы.... Пепель великаго повелителя помѣщался въ глиняной статуѣ».

Кромѣ того, есть еще и другіе случаи, въ которыхъ поклоненіе останкамъ усопшаго въ соединеніи съ представляющимъ его изображеніемъ основывалось не на томъ, что такое изображеніе заключало въ себѣ эти останки, но на томъ, что оно находилось въ непосредственной близости отъ нихъ. Такъ Мексиканцы, по словамъ Гомары,

«запирали ящикъ (въ которомъ находились часть волосъ и зубы умершаго короля) и ставили надъ нимъ деревянную фигуру, изображавшую покойника, которой они и поклонялись потомъ, какъ самому королю». Послѣ этого они дѣлали большія жертвоприношенія и помѣщали ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ сожженъ король, передъ ящикомъ съ его пепломъ и передъ изображавшей его фигурой».

Наконецъ, здѣсь можно упомянуть еще объ одномъ изъ обычаевъ египтянъ, обнаруживающемся изъ ихъ фресокъ; а именно о томъ, что они часто поклонялись муміи, не находившейся на виду, но заключенной въ ящикъ, который имѣлъ такую же форму и былъ раскрашенъ такимъ образомъ, что представлялъ собою изображеніе умершаго.

§ 156. Отъ этихъ примѣровъ переходныхъ формъ мы можемъ обратиться теперь къ такимъ случаямъ, гдѣ погребальныя умиловленія обращаются къ изображенію, замѣняющему усопшаго.

У Мексиканцевъ было въ обычаѣ сожиганіе труповъ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда трупы людей, убитыхъ въ битвѣ, не могли быть отысканы, они дѣлали изображенія этихъ людей и, послѣ отданія имъ надлежащихъ почестей, сжигали ихъ и погребали ихъ пепель. Слѣдующіе отрывки взяты мною изъ Клавигеро и Торквемады:

«Когда кто-либо изъ купцовъ умиралъ во время путешествія,.... его родственники.... дѣлали изъ дерева грубое изображеніе покойника, которое они хоронили съ такими же погребальными почестями и обрядами, съ какими они хоронили бы настоящее мертвое тѣло.

«Когда кто-либо утопалъ или умиралъ какимъ-либо другимъ способомъ, исключавшимъ сожженіе и требовавшимъ погребенія, то они дѣлали изображеніе покойника и ставили его на алтарь, гдѣ помѣщались идола, вмѣстѣ съ изобильными жертвоприношеніями виномъ и хлѣбомъ».

Въ Африкѣ существуютъ сродные съ этимъ обряды. Бастіанъ рассказываетъ, что въ то время, когда трупъ умершаго короля Конго бальзамируется, во дворцѣ ставится изображающая его деревянная статуя, которая ежедневно

снабжается пищею и питьемъ. Паркинсъ рассказываетъ, что у Абиссинцевъ погребальныя сѣтованія происходятъ на третій день послѣ смерти человѣка; но такъ какъ покойникъ погребается въ самый день смерти, то во время сѣтованій роль трупа исполняетъ его изображеніе. Ёрльзъ рассказываетъ о нѣкоторыхъ изъ обитателей Папуанскихъ острововъ, что, когда могила засыпается землею, они собираются вокругъ идола и приносятъ ему въ жертву разныя сѣбственные припасы. А отъ Раффльса мы узнаемъ относительно нѣкоторыхъ Яванцевъ, что у нихъ послѣ смерти человѣка устраивается пиршество, во время котораго играетъ очень важную роль человѣкоподобная фигура, одѣтая въ платье усопшаго.

Эти обычаи кажутся намъ странными; но еще болѣе странно то, что мы такъ скоро позабыли подобные же обычаи у цивилизованныхъ народовъ. Въ первой книгѣ хроникъ Монстреле погребеніе французскаго короля Карла VI описывается слѣдующимъ образомъ:

«Надъ гробомъ находилось изображеніе умершаго короля, увѣнчанное золотою короною, украшенной алмазами, въ рукахъ у него было два щита: одинъ золотой, а другой серебряный; на рукахъ были надѣты бѣлые перчатки, а пальцы были унизаны драгоцѣнными перстнями. Это изображеніе было одѣто въ златотканную одежду» и пр. .... «Въ этомъ видѣ онъ былъ торжественно отнесенъ въ соборъ Парижской Богоматери».

Тотъ же обычай былъ соблюдаетъ и по отношенію къ принцамъ царствующаго дома. Рассказывая объ отцѣ великаго Кондэ, госпожа де Мотвилль говоритъ: „Изображенію этого принца прислуживали (servit) въ теченіе трехъ дней, какъ того требовалъ обычай“; первоначально же было въ обычаѣ подавать такому изображенію пищу въ обычные часы въ продолженіе цѣлыхъ сорока дней. Монстреле описываетъ подобную же фигуру, игравшую такую же роль при погребеніи англійскаго короля Генриха V. Говорятъ, что изображенія многихъ англійскихъ монарховъ, бывшія предметами такихъ же погребальныхъ почестей, сохранялись въ Вестминстерскомъ аббатствѣ до тѣхъ поръ, пока не пришли въ полное разрушеніе.

Имѣя такія близкія воспоминанія, мы не должны встрѣтить большихъ затрудненій въ пониманіи первобытныхъ идей касательно подобныхъ изображеній. Когда мы читаемъ, что Береговые Негры, въ нѣкоторыхъ округахъ, „ставятъ надъ могилами глиняныя изображенія“, что Арауканцы ставили на могилѣ чурбанъ, „грубо обтесанный въ видѣ человѣческой фигуры“, что послѣ смерти ново-зеландскаго вождя жители воздвигаютъ ему памятникъ, въ видѣ деревянной человѣкообразной фигуры отъ 20 до 40 футовъ вышиною, то мы не въ состояніи не обратить вниманія на тотъ фактъ, что изображеніе умершаго человѣка есть зачаточная форма идола. Но еслибы мы все-еще сомнѣва-

лись въ этомъ, то всѣ наши сомнѣнія исчезнутъ, когда мы взглянемъ на примѣры постоянного поклоненія человѣческому изображенію. Х. д'Аоста рассказываетъ намъ о Перуанцахъ, что здѣсь

«у каждаго короля, при его жизни,.... имѣлась каменная фигура, изображавшая его самого и называвшаяся Гуанкви, т. е. братъ. Этой фигурѣ воздавалось такое же божеское поклоненіе, какъ и самому Инкѣ, какъ при его жизни, такъ и послѣ его смерти».

Точно также и Андагойа рассказываетъ:

«Когда повелитель умиралъ, его домъ, жены и слуги оставались въ томъ же положеніи, какъ и при его жизни; немедленно изготовлялась золотая статуя, изображавшая умершаго повелителя, и этой статуѣ прислуживали такъ, какъ будто-бы она была живая; въ ея пользу отчислялось нѣсколько деревень, которыя должны были снабжать ее одеждою и другими житейскими необходимостями».

Подобнымъ же образомъ и Коголлудо свидѣтельствуетъ, что Юкатанцы „воздавали божеское поклоненіе идолу челоѣка, который, по ихъ словамъ, былъ однимъ изъ ихъ великихъ военачальниковъ“.

§ 157. Чтобы лучше понять тѣ чувства, съ которыми дикарь смотритъ на изображеніе, попробуемъ припомнить сродныя съ этимъ чувства, производимыя изображениями въ нашей собственной средѣ.

Когда нѣжный любовникъ цѣлуетъ миниатюрный портретъ своей возлюбленной, онъ очевидно находится подъ вліяніемъ ассоціаціи между кажущимся и дѣйствительнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такая ассоціація дѣйствуетъ даже еще болѣе сильнымъ образомъ. Одна знакомая мнѣ молодая дѣвушка признавалась, что не можетъ спать въ комнатѣ, гдѣ на стѣнахъ висятъ портреты, и это отвращеніе вовсе не представляетъ исключительнаго случая. Во всѣхъ этихъ случаяхъ знаніе того, что портреты состоятъ только изъ холста и красокъ, оказывается недостаточнымъ, чтобы изгнать мысль о чемъ-то большемъ. Хорошее изображеніе такъ сильно возбуждаетъ мысль о живой дѣйствительности, что эта мысль не можетъ быть изгнана изъ сознанія.

Теперь предположимъ, что культура отсутствуетъ, — предположимъ, что не существуетъ никакихъ идей о свойствахъ, законѣ, причинѣ, никакихъ различій между естественнымъ и неестественнымъ, возможнымъ и невозможнымъ. Тогда это ассоциированное сознаніе присутствія живаго получить прочное существованіе. Такъ какъ въ умѣ не возникаетъ при-этомъ никакой борьбы противъ установившихся понятій, то это неправильное внушеніе чувствъ, не встрѣчая себѣ сопротивленія, превратится въ убѣжденіе, или вѣрованіе.

Въ § 133 мы уже приводили мимоходомъ нѣкоторыя изъ вѣрованій, вознижающихъ у дикарей этимъ путемъ. Вотъ еще нѣсколько дальнѣйшихъ при-

мѣровъ подобныхъ вѣрованій. Кенъ утверждаетъ, что Чинукъ приписываютъ портретамъ сверхъестественный характеръ и взираютъ на нихъ съ тѣми же обрядами и церемоніями, какъ и на мертвеца. По словамъ Банкрофта, Оканганы „имѣютъ такое же отвращеніе къ снятію съ нихъ портрета, какое было замѣчено у береговыхъ племенъ“. Отъ Кетлина мы узнаемъ, что Манданы думаютъ, что жизнь, вложенная въ картину, отнимается въ той же мѣрѣ у оригинала. Онъ говоритъ также:

«Они провозгласили меня величайшимъ лекаремъ на свѣтѣ, ибо, по ихъ словамъ, я умѣлъ дѣлать живыя существа; они говорили, что могутъ видѣть теперь своихъ вождей въ живомъ видѣ въ двухъ различныхъ мѣстахъ, такъ какъ тѣ, которыхъ я дѣлалъ, были немножко живыми, ибо, по ихъ словамъ, они замѣчали у нихъ движеніе глазъ.»

Впрочемъ, и болѣе передовыя расы не представляютъ недостатка въ фактахъ сроднаго характера. Такъ относительно Малагазцевъ Эллисъ рассказываетъ, что друзья владѣтельнаго принца, увидѣвъ его фотографическій портретъ, сняли передъ нимъ шляпы и привѣтствовали его приличными словами.

То, что мы приводимъ относительно живописныхъ изображеній, можно сказать также и относительно рѣзныхъ или скульптурныхъ изображеній, и даже въ послѣднемъ случаѣ это является еще болѣе естественнымъ, такъ какъ высѣченное изображеніе, представляя тѣло о трехъ измѣреніяхъ, ближе подходитъ къ дѣйствительности. Если же такое изображеніе бываетъ еще раскрашено и снабжено вставными глазами, то вѣра дикаря въ то, что такое изображеніе одарено извѣстной долей жизненности изображаемаго имъ лица, получаетъ большую силу. Всякій, кто припомнитъ себѣ тотъ ужасъ, который обнаруживаетъ ребенокъ, когда взрослый надѣнетъ на себя страшную маску, хотя бы эта маска и была предварительно показана ребенку, легко можетъ представить себѣ тотъ страхъ, который возбуждаетъ въ первобытномъ умѣ грубое скульптурное изображеніе. Такое скульптурное изображеніе умершаго чловѣка возбуждаетъ въ немъ мысль о настоящемъ мертвецѣ, мысль, которая переходитъ въ убѣжденіе, что этотъ мертвецъ дѣйствительно присутствуетъ передъ нимъ.

§ 158. И почему бы этого не могло быть и въ самомъ дѣлѣ? Если другое я можетъ оставлять живое тѣло и снова возвращаться въ него; если духъ можетъ возвращаться назадъ и оживлять снова уже умершее тѣло; если набальзамированный Перуанецъ, чтобы быть мгновенно воскресеннымъ при возвращеніи обратно его отлучившагося и гдѣ-то блуждающаго двойника, нуждался въ тщательномъ сохраненіи его волосъ и ногтей; если относительно души Египтянина ожидалось, что она, послѣ всѣхъ своихъ переселеній, могущихъ продолжиться нѣсколько тысячъ лѣтъ, въ одинъ день вольется снова въ его мумію: то почему бы духъ покойника не могъ войти въ его изображеніе? Въдѣ

живое тѣло отличается по своему сотканію отъ муміи въ большей мѣрѣ, чѣмъ мумія отъ дерева.

Что дикарь дѣйствительно считаетъ изображеніе покойника обитаемымъ его духомъ, на это мы имѣемъ много доказательствъ. Ландеръ, описывая Йорубовъ, говоритъ, что у нихъ мать въ теченіе извѣстнаго времени носитъ деревянное изображеніе потеряннаго ею ребенка и что когда она ѣсть, то подносить кусочекъ своей пищи къ его губамъ. Самоѣды, по словамъ Бастіана, „кормятъ деревянные изображенія своихъ покойниковъ“. Родственники умершаго Остяка

„дѣлаютъ въ честь его грубое деревянное изображеніе, представляющее покойнаго; это изображеніе ставится въ юртѣ и ему оказываются божескія почести въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, смотря по указаніямъ жреца.... При каждой трапезѣ они откладываютъ часть пищи и ставятъ ее передъ изображеніемъ; если же это изображеніе представляетъ умершаго супруга, то вдова обнимаетъ его отъ времени до времени.... Этотъ родъ богопоклоненія по отношенію къ умершему продолжается около трехъ лѣтъ; въ концѣ же этого срока изображеніе погрებაется».

Эрманъ, сообщая это, прибавляетъ тотъ знаменательный фактъ, что потомки умершихъ жрецовъ сохраняютъ изображенія своихъ предковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе,

„и, съ помощью удачно-придуманныхъ прорицаній и другихъ искусственныхъ средствъ, они ухищряются вымогать для этихъ своихъ семейныхъ пенатовъ такія же изобильныя жертвоприношенія, какъ и тѣ, которыя приносятся на алтари всѣми-признанныхъ боговъ. Но для меня кажется неподлежащимъ сомнѣнію, что и эти послѣдніе также имѣютъ историческое происхожденіе, т. е. что они были вначалѣ надгробными монументами знаменитыхъ людей, которымъ предписанія и личныя выгоды шамановъ придали постепенно произвольное значеніе и важность».

Въ самомъ дѣлѣ, Остяки показываютъ намъ самымъ яснымъ и неопровержимымъ образомъ, какъ поклоненіе изображенію умершаго человѣка переходитъ въ поклоненіе божественному идолу, ибо эти двѣ вещи вполне тождественны между собою. При каждой трапезѣ, поставивъ кушанья передъ домашнимъ богомъ, они ждутъ (т. е. постятся), пока „идолъ, который ѣсть невидимо, насытится вдоволь“. Кромѣ того, Бастіанъ сообщаетъ намъ, что когда Самоѣдъ отправляется въ путешествіе, „его родственники поворачиваютъ идола лицомъ въ ту сторону, куда онъ ушелъ, чтобы онъ могъ смотрѣть за нимъ въ пути“. Чтобы видѣть, какъ долго держатся идеи этого рода, даже между болѣе цивилизованными народами этой области, приплетаясь во всей своей грубости къ обрядамъ и понятіямъ болѣе высокой религіи, стоитъ вспомнить разсказъ Эрмана о русскихъ обитателяхъ Иркутска:

«Какъ бы ни велика была короткость, могущая быть допущенной, по здѣшнимъ нравамъ, между лицами разнаго пола, существуетъ одинъ пунктъ, къ которому они относятся съ большою щекотливостью и который имѣетъ безусловное вліяніе на поведеніе молодыхъ женщинъ при нѣкоторыхъ исключительныхъ условіяхъ; это—суевѣрный страхъ остаться наединѣ съ своимъ любовникомъ въ присутствіи иконъ. Впрочемъ, затрудненія, зависящія отъ совѣстливости этого рода, устраняются часто самымъ простымъ образомъ,—они задергиваютъ занавѣси передъ глазами этихъ свидѣтелей.»

Подобныя же вѣрованія обнаруживаются и другими расами, ничуть не родственными съ предыдущими. О Сандвичанахъ Эллисъ рассказываетъ, что послѣ смерти, случившейся въ какомъ-либо семействѣ, оставшіеся въ-живыхъ поклоняются изображенію, которое, по ихъ понятіямъ, связано какимъ-то образомъ съ духомъ умершаго; а также, что „между ними было распространено убѣжденіе, что Оро, ихъ великій національный идолъ, отвѣчаетъ на вопросы жрецовъ.“ Относительно Юкатанцевъ Фанкуртъ говоритъ, со словъ Коллудо, что „когда Ицаексы совершали какой-либо подвигъ военной доблести, то ихъ идолы, съ которыми они постоянно совѣщались, имѣли обыкновеніе давать имъ отвѣты;“ онъ описываетъ также, со словъ Виллагутьерре, какъ они били одного идола, который, говорятъ, хотя и предсказалъ прибытіе испанцевъ, но обманулъ ихъ касательно послѣдствій этого событія. Еще болѣе поразительнымъ образомъ выступаетъ тотъ же самый внутренній смыслъ изъ легенды, относящейся къ области Квише. Вотъ отрывокъ изъ Банкрофта:

«И они поклонялись богамъ, превратившимся въ камни,—Тогилу, Авиликсу и Гакавицу; и они приносили имъ въ жертву кровь животныхъ и птицъ; и протыкали свои собственныя уши и плечи въ честь этихъ боговъ, собирали губкою вытекавшую кровь, и выжимали ее изъ губки въ чашу, поставленную передъ ними... И эти три бога, хотя и окаменѣвшіе, какъ говорили намъ жители, тѣмъ неменѣе могли принимать движущуюся форму всякій разъ, когда этого желали, что они дѣйствительно и исполняли довольно часто.»

Впрочемъ, представленія этого рода могутъ быть найдены не только между одними низшими расами. Въ своей Исторіи Испанскихъ Мусульманъ Доли, описывая идеи и обычаи арабовъ-идолопоклонниковъ, говоритъ:

„Отправившись въ путь, чтобы отмстить за смерть своего отца, Амроккаисъ остановился у храма идола Дгауль-Холозы, чтобы испросить его совѣта посредствомъ трехъ стрѣлъ, называвшихся: приказаніе, запрещеніе и выжиданіе. Вытащивъ запрещеніе, онъ сталъ гадать снова. Но цѣлыхъ три раза сряду ему выходило запрещеніе. Тогда онъ поломалъ стрѣлы и, побросавъ обломки въ лице идолу, закричалъ страшнымъ голосомъ: «Негодяй! еслибы убитый былъ твой отецъ, тебѣ бы не пришлось въ голову запрещать мстить за него“».

Примѣръ существованія подобныхъ же вѣрованій въ классическія времена можетъ быть почерпнуть изъ разсказовъ о такъ-называемой звучащей статуѣ Мемнона. Между надписями, оставленными путешественниками на ея пьедесталѣ находится одна, подписанная Gemellus и гласящая слѣдующее: „Нѣкогда сынъ Сатурна, великій Юпитеръ, сдѣлалъ тебя монархомъ Востока, теперь ты только камень, и изъ камня же слышится твой голосъ.“ Такія же представленія видятся и изъ вѣрованій христіанскихъ писателей, — вѣрованій, о которыхъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ чудесъ, приписываемыхъ нѣкоторымъ апостоламъ въ апокрифическихъ евангеліяхъ. „Придя въ Индію, апостолъ Варооломей вошелъ въ храмъ, въ которомъ находился идолъ Астарота...“ По желанію короля, онъ соглашается изгнать этого демона и на слѣдующій день вступаетъ съ нимъ въ разговоръ. „Тогда апостолъ сказалъ ему повелительнымъ голосомъ: „если ты не желаешь быть низвергнутымъ въ бездну, то выйди изъ идола, разбей его и ступай въ пустыню.“ — S. Bartholomæi, caps. 1—6.

Итакъ, имѣющіяся доказательства многочисленны и убѣдительны. Не будучи способнымъ отдѣлить кажущагося отъ дѣйствительнаго, дикарь думаетъ, что въ изображеніи умершаго человѣка обитаетъ и его духъ, и, соотвѣтственно этому, обращается къ такому изображенію съ умиловленіями; когда же изображеніе умершаго развивается въ идолъ бога, то возлагаемая передъ нимъ жертвоприношенія совершаются подъ вліяніемъ сроднаго съ этимъ убѣжденія, — что матерьяльный идолъ имѣетъ духовнаго обитателя.

§ 159. Какая степень сходства съ человѣческимъ существомъ достаточна для внушенія идеи о присутствіи въ изображеніи человѣческой души? Изображенія, изготовляемыя дикарями, очень грубы. Грубо-отесанный столбъ, поставляемый дикаремъ на могилѣ, или маленькое каменное изображеніе, носимое имъ на шеѣ, вмѣсто настоящихъ останковъ умершаго родственника, походить лишь весьма отдаленно на человѣческое существо и вовсе не похоже на то отдѣльное лице, памяти котораго оно посвящено. Тѣмъ неменѣе оно оказывается достаточнымъ для своей цѣли. А принимая въ соображеніе, какъ легко первобытный умъ, не сдерживаемый скептицизмомъ, поддается самому слабому внушенію, мы имѣемъ право ожидать, что даже меньшія сходства окажутся достаточными. Засохшее дерево, распростирающее пару оставшихся у него вѣтвей какимъ-нибудь страннымъ образомъ, на-манеръ человѣческихъ рукъ; или скала, боковое очертаніе которой, вырисовываясь на небѣ, нѣсколько напоминаетъ профиль человѣческаго лица, легко возбуждаютъ въ дикарѣ идею о человѣческомъ обитателѣ внутри каждаго изъ этихъ предметовъ. Впрочемъ, достаточно будетъ только замѣтить здѣсь мимоходомъ, что такія случайныя сходства помогаютъ распространенію на множество разнообразныхъ предметовъ вѣ-

рованія въ заключающійся въ нихъ духъ; но, независимо отъ этихъ случайныхъ сходствъ, фетишистическія вѣрованія имѣютъ еще и другія, болѣе существенныя, причины, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ теперь.

Въ § 54 мы уже видѣли, какимъ образомъ открытіе растений и животныхъ, заключенныхъ въ горныхъ породахъ, готовится умъ къ тому, чтобы подозрѣвать одушевленность во многихъ неодушевленныхъ предметахъ. Здѣсь первобытный человѣкъ видитъ ископаемую раковину, тамъ — останки рыбы, превратившейся въ камень. Если дерево можетъ, удерживая вполнѣ свое волокнистое строеніе, превратиться въ кремень, какъ это мы видимъ на многочисленныхъ примѣрахъ силифицированныхъ деревьевъ, то не можетъ ли и человѣкъ превратиться подобнымъ же образомъ въ это плотное вещество? И если иссохшее, твердое тѣло муміи можетъ принять въ себя душу, — если душа можетъ входить въ деревянное изображеніе, — то не могутъ ли души находиться и въ тѣхъ окаменѣлыхъ массахъ, которыя дикарь находитъ иногда и которыя такъ похожи на разныя части человѣческаго тѣла? Взгляните на эти кости, вырытыя изъ земли, — тяжелыя, каменистыя, но тѣмъ не менѣе достаточно похожія по своей формѣ на человѣческія, чтобы ввести въ обманъ дикаря; какъ онѣ и на самомъ дѣлѣ повсемѣстно вводили въ обманъ въ прошедшія времена даже людей цивилизованныхъ и подавали поводъ къ разсказамъ о старинной расѣ Гигантовъ. Чтѣ слѣдуетъ думать о нихъ? Не посѣщаются ли и онѣ, подобно другимъ человѣческимъ останкамъ, двойниками тѣхъ людей, которымъ онѣ когда-то принадлежали? И не оживутъ ли онѣ въ одинъ прекрасный день?

Таково ли дѣйствительное происхожденіе почитанія камней, или не таково, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что это почитаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождается вѣрованіемъ, что они были когда-то людьми и что современемъ они оживутъ снова въ человѣческомъ видѣ. Я уже приводилъ показаніе Пьедрагиты, что „Личизы поклонялись всякому камню, какъ богу, и говорили, будто-бы всѣ камни были когда-то людьми.“ Арриага говоритъ, что Перуанцы „поклоняются нѣкоторымъ высотамъ и горамъ, а также очень большимъ камнямъ... увѣряя, что они были когда-то людьми.“ Авенданьо увѣщевалъ ихъ такъ:

«Ваши мудрецы говорятъ, что встарину въ Нурмупаха жили люди; а теперь мы видимъ сами собственными глазами, что они суть или камни, или холмы, или утесы, или морскіе острова... Если эти гуакасы (духи предковъ) были вначалѣ людьми и имѣли отца съ матерью, какъ и мы, и если Коптивиракоха превратилъ ихъ въ камни, то значить они теперь не могутъ имѣть никакого значенія».

Эти камни стоятъ къ обитающимъ внутри ихъ духамъ усоншихъ точно въ та-

комъ же отношеніи, какъ и муміи, свидѣтельствомъ чего можетъ служить показаніе Аріага, который говоритъ, что Маркайокъ, которому поклоняются какъ покровителю деревни, „бываетъ иногда камень, а иногда мумія“. Эти камни стоятъ къ обитающимъ внутри ихъ духамъ усопшихъ въ такомъ же самомъ отношеніи, какъ и идолы, свидѣтельствомъ чему можетъ служить показаніе Монтезиноса, который рассказываетъ слѣдующее: „Инка Рокка велѣлъ сбросить одного идола съ горы, на которой тотъ стоялъ... Туземцы говорятъ, будто-бы при-этомъ изъ идола выпорхнулъ попугай, который влетѣлъ потомъ въ другой камень, показываемый еще и теперь въ долину. Послѣ этого индѣйцы держали этотъ камень въ великомъ почтеніи и теперь еще поклоняются ему.“ Это же вѣрованіе выразилось также весьма опредѣленнымъ образомъ въ рассказѣ Молина о нѣкоторомъ поворотѣ назадъ, къ древней вѣрѣ, обнаружившемся въ 1560 году, когда туземные жрецы, увѣряя, что духи-предки, или Гуакасы, разгнѣваны противъ тѣхъ, которые окрестились, говорили, что „времена Инковъ возстанутся снова и что Гуакасы не будутъ болѣе входить въ камни и источники, чтобы говорить съ людьми, но воплотятся сами въ людей и будутъ говорить устами этихъ людей.“ Подобнымъ же образомъ Винтерботтомъ рассказываетъ намъ о Береговыхъ Неграхъ, что въ нѣкоторыхъ изъ ихъ городовъ, послѣ смерти всякаго человѣка, берется камень и переносится въ извѣстный, особо-приготовленный для того домъ, а у Булломовъ женщины „отъ времени до времени приносятъ ризъ въ жертву камнямъ, которые сохраняются въ память усопшихъ. При-этомъ онѣ сами расстилаются ницъ передъ этими камнями.“ Такіе факты, если и не предполагаютъ непременно вѣры въ то, что самъ умершій превратился въ камень, то во всякомъ случаѣ предполагаютъ вѣрованіе, что его духъ присутствуетъ въ немъ.

Этотъ послѣдній примѣръ приводитъ насъ къ новому способу возникновенія фетишистическихъ представленій. Уже приемы чародѣевъ познакомили насъ съ первобытнымъ вѣрованіемъ въ то, что природа каждаго человѣка соприуща не только каждой части его тѣла, но даже и его одеждѣ и всѣмъ тѣмъ вещамъ, которыя употреблялись имъ. По всей вѣроятности это вѣрованіе возникло изъ первобытнаго истолкованія явленій запаха. Если дыханіе есть духъ, или другое я, то не составляетъ ли также части другаго я человѣка и то невидимое истеченіе, которое проникаетъ собою его одежду и по которому онъ можетъ быть выслѣженъ? Многія словопроисхожденія указываютъ намъ на такую связь идей: по-англійски perfume (благоуханіе) и fume (дымъ, запахъ), происходя отъ слова означающаго дымъ, или паръ, приводятся такимъ образомъ въ связь съ видимымъ паромъ дыханія. *Exhalation* (испареніе, пахучее отдѣленіе) означаетъ то, что выдыхается. По-латини *nidor* приложимо одинаково и къ пару, и

къ запаху. А нѣмецкое duft, употребляемое для обозначенія благоуханнаго запаха, означало первоначально паръ. Подобно тому, какъ въ нашемъ теперешнемъ языкѣ выраженіе „дыханіе цвѣтовъ“ равнозначуще благоуханію цвѣтовъ, такъ точно въ первобытной рѣчи люди ассоціировали запахъ съ выдыхаемымъ воздухомъ, а этотъ послѣдній отождествляли съ душою. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы сами не дошли до употребленія слова Spirit (духъ, спиртъ) ¹⁾, стоящаго въ подобномъ же отношеніи къ дыханію, для обозначенія пахучаго пара, получающагося отъ перегонки различныхъ вещей, а слѣдовательно, развѣ дикарь не можетъ вполне естественно думать, что духъ (spirit) вошелъ и держится въ той вещи, отъ которой исходитъ извѣстный запахъ? Впрочемъ, какъ бы это ни явилось, но мы имѣемъ ясное доказательство того, что дикари предполагаютъ, что не только одежда, но даже камни способны проникаться этими невидимымъ истеченіемъ, являющимся то какъ дыханіе, то какъ запахъ. По свидѣтельству Хименеца, когда въ Вера-Пацъ умиралъ какой-нибудь важный членъ племени, то „первое, что дѣлалось послѣ его смерти, состояло въ томъ, что клали ему въ ротъ драгоценный камень. Другіе же говорятъ, что это дѣлалось не тотчасъ послѣ его смерти, но при его послѣднихъ минутахъ. Цѣль этого обычая заключалась въ томъ, что этотъ драгоценный камень долженъ былъ принять въ себя его душу.“ Подобное же представленіе скрывается и въ обычаѣ Мексиканцевъ, которые, вмѣстѣ съ останками покойника, „клали драгоценный камень большаго или меньшаго достоинства; этотъ камень, по ихъ словамъ, долженъ былъ служить покойнику на томъ свѣтѣ вмѣсто сердца“; причемъ слѣдуетъ замѣтить, что сердце и душа были, у нѣкоторыхъ изъ этихъ американскихъ народовъ, словами, замѣщавшими одно другое по произволу говорившаго. Та же самая идея, только въ другой формѣ, попадаетъ намъ и у Ново-Зеландцевъ. Уайтъ, который въ своемъ Te Raop воплотилъ множество Ново-Зеландскихъ суевѣрій, передаетъ одинъ разговоръ касательно духовъ усопшихъ, въ которомъ изображенный имъ старикъ говорить такъ:

«Развѣ не всѣ вещи суть отпрыски божествъ? Развѣ кумара не богъ, который спрятался отъ страха? А развѣ вы не ѣдите кумары? Развѣ рыбы не суть воплощенія другаго бога, который ушелъ въ воду? А развѣ вы не ѣдите рыбы? Развѣ птицы также не боги? Развѣ боги не духи (т. е. тѣни умершихъ)? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы не боитесь вещей, которыя вы ѣдите? Всякая вещь, въ то время какъ ее жарятъ, посылаетъ свой духъ въ тѣ камни, на которыхъ ее жарятъ. Въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ старые люди ѣдятъ изъ ганги и съ камней, которые заключаютъ въ себѣ духъ изготовленный на нихъ пищи?»

¹⁾ А у насъ слова духи.

Такимъ образомъ, первоначальное вѣрованіе таково, что духъ можетъ войти въ безформенный камень также точно, какъ онъ входитъ въ мертвое тѣло, въ мумію, или въ человѣческое изображеніе. Всѣ фактическія свидѣтельства согласно показываютъ, что обожаніе неодушевленныхъ предметовъ, одержимыхъ подобнымъ образомъ духами усопшихъ, есть на самомъ дѣлѣ обожаніе обитающихъ въ нихъ духовъ; и тѣ силы, которыя приписываются такимъ предметамъ, суть силы, приписываемыя этимъ дѣхамъ.

§ 160. Естественно, что, разъ установившись, это понятіе начинаетъ развиваться по всѣмъ направленіямъ. Оно доставляетъ объясненіе для всякой сколько-нибудь замѣчательной вещи. Когда духи умершихъ, возрастая въ числѣ и утрачивая каждый свою особенную индивидуальность, когда-то вспоминавшуюся вполнѣ ясно, начинаютъ мыслиться людьми какъ толпа невидимыхъ существъ, — когда ихъ начинаютъ представлять себѣ то такими многочисленными, что обитатели всякаго дома ежеминутно сталкиваются съ ними и задѣваютъ ихъ локтями, то толпящимися цѣлыми стаями, во всѣхъ закоулкахъ лѣсовъ, то распространенными такъ повсемѣстно, что нельзя бросить въ сторону никакой вещи, не опасаясь попасть въ кого-либо изъ нихъ, — то неизбѣжно случается, что, находясь такимъ образомъ повсюду и всегда подъ рукою, они становятся причинами, приводимыми для объясненія всѣхъ сколько-нибудь незнакомыхъ вещей. Примѣры этого могутъ быть найдены у всѣхъ расъ.

Въ Африкѣ, Булломы смотрятъ со страхомъ, какъ на результатъ дѣятельности духовъ, „рѣшительно на все, что кажется имъ страннымъ или необыкновеннымъ“. „Обитатели Конго называютъ невиданныя ими раковины „дѣтьми бога“, а Негры племени Нуффи (на Нигерѣ), изумленные размѣрами европейскаго корабля, воздали ему божескія почести. Тоже самое мы видимъ въ Полинезій. Эллисъ рассказываетъ, что сани, оставленные Кукомъ или его спутниками, сдѣлались предметомъ поклоненія для туземцевъ. Одно кокосовое дерево въ Фиджи, раздѣлившееся въ противность обыкновенному порядку на двѣ вѣтви, „было въ слѣдствіе этого предметомъ величайшаго почтенія“. Тоже находимъ мы въ Америкѣ. Скулькрафтъ говоритъ, что сверхъестественность приписывается „всему, чего Дакота не въ состояніи понять“, и что Манданы считаютъ сверхъестественными всѣ необыкновенныя вещи. Бухананъ рассказываетъ о Чипевейцахъ, что „если они не понимаютъ чего-либо, то немедленно говорятъ: это духъ.“ То же самое понятіе господствовало между древними Перуанцами, которые, по словамъ Х. д'Акосты, „поклонялись всему въ природѣ, что только казалось имъ замѣчательнымъ и отличнымъ отъ другихъ, воображая, что въ подобной вещи должно быть заключено нѣкоторое особое божество.“

Такимъ образомъ дикарь предполагаетъ, что необыкновенность, дѣлающая

для него данный предметъ фетишемъ, указываетъ на присутствіе въ этомъ предметѣ нѣкотораго духа, — т. е. такого дѣятеля, при отсутствіи котораго такое отступленіе отъ обыкновенности было бы необъяснимымъ. Мы не видимъ тутъ ни малѣйшаго стремленія сочинять произвольно двойственность природы: только въ тѣхъ случаяхъ, когда является какой-нибудь незнакомый внѣшній признакъ, или движеніе, или звукъ, или перемѣна въ данной вещи, возникаетъ эта идея объ одержащемъ духѣ. Симонъ рассказываетъ о Чипчасахъ, что многіе изъ нихъ молились „при озерахъ, рѣчкахъ, утесахъ, холмахъ и другихъ мѣстахъ поразительнаго или необычайнаго вида“, объясняя при-этомъ, что въ прежнихъ случаяхъ „демонъ показывалъ имъ знакомъ, что они должны молиться ему въ такихъ мѣстахъ“. Изъ этого отрывка ясно до очевидности, что во всѣхъ этихъ случаяхъ предметомъ поклоненія служитъ одно изъ невидимыхъ существъ, живущихъ въ подобныхъ мѣстахъ; къ тому же заключенію приводятъ насъ также и нѣкоторыя наблюденія надъ Индусами. Хотя Лайолъ придерживается общераспространеннаго взгляда на фетишизмъ, который я считаю ошибочнымъ, однакоже, въ недавно-цитированномъ нами очеркѣ этого писателя, онъ выражаетъ результаты наблюденій, произведенныхъ имъ въ Индіи, такимъ образомъ, что они вполне гармонируютъ съ тѣмъ объясненіемъ фетишизма, которое я поддерживаю въ этомъ сочиненіи. Онъ говоритъ:

«Не трудно замѣтить, какимъ образомъ видоизмѣняется первоначальное прямое обожаніе предметовъ странной наружности, перехода въ болѣе высокій порядокъ фантастическаго суевѣрія. Вопервыхъ, камень есть жилище какого-то духа; его странная форма или положеніе указываютъ на одержаніе. Затѣмъ, эта странная форма или видъ доказываютъ нѣкоторый умъ селъ или работу сверхъестественныхъ существъ,» и пр., и пр.

Такъ что косвенныя свидѣтельства, стекающіяся со всѣхъ сторонъ, согласно приводятъ насъ къ тому заключенію, что поклоненіе фетишу есть поклоненіе нѣкоторой особенной душѣ, которая, по предположенію дикаря, выбрала этотъ фетишъ жилищемъ для себя; причемъ эта душа, подобно всѣмъ сверхъестественнымъ дѣателямъ вообще, есть первоначально ничто иное, какъ двойникъ какого-либо умершаго человѣка.

§ 161. Но намъ нѣтъ никакой надобности довольствоваться косвенными свидѣтельствами этого, когда прямыя свидѣтельства находятся въ изобиліи.

Много страницъ тому назадъ уже были приведены факты, показывающіе, что фетишъ есть ничто иное, какъ духъ усопшаго. Такъ въ § 58 мы уже видѣли, что Абионы боятся духа умершаго и думаютъ, что „эхо есть его голосъ“; мы видѣли также, что африканецъ на вопросъ: зачѣмъ онъ принесъ жертву эхо? отвѣчалъ: „развѣ вы не слышали фетиша?“ Бёртонъ, описывая шалаши фетишей въ Восточной Африкѣ, говоритъ, что въ нихъ ставятъ пищу и пиво

„для умилостивленія тѣней усопшихъ“. Береговые Негры, которые, поклоняясь умершимъ, предпринимаютъ „благочестивыя путешествія къ ихъ гробницамъ для совершенія возліяній и жертвоприношеній“, которые вылѣпляютъ изъ глины фигуры своихъ умершихъ вождей, у которыхъ мы находимъ иногда трубки, доходящія до зарытаго въ могилѣ трупа и служащія къ тому, чтобы доставлять черезъ нихъ умершему ежедневныя возліянія, показываютъ намъ многими связанными между собою обрядами, что фетишъ есть мѣстопробываніе духа усопшаго. По словамъ Винтерботтома, туземцы, живущіе въ окрестности Сьерра-Леоне, „рѣдко или даже никогда не станутъ пить водки или вина и т. п., не выплеснувъ предварительно нѣсколькихъ капель на землю и не помочивъ напитокомъ своего гругру, или фетиша“; Круикшанкъ упоминаетъ нѣкоторые роды пищи, отъ которыхъ воздерживаются, согласно указанію фетиша; Бичамъ говорить, что хижина фетиша составляетъ родъ святилища; Бастіанъ рассказываетъ о человѣкъ-фетишѣ, который игралъ роль оракула и прибѣгалъ къ чревоушачеству для выраженія своихъ предсказаній и указаній: — всѣ эти факты предполагаютъ понятія подобныя тѣмъ, какія мы встрѣчаемъ во всѣхъ другія мѣстахъ, рядомъ съ поклоненіемъ духамъ усопшихъ. Ландеръ, рассказывая объ одной деревнѣ на Нигерѣ, гдѣ находилось рѣзное изображеніе, почитавшееся фетишемъ, говоритъ: „отъ насъ потребовали, чтобы мы жарили нашего быка у его подножія для того, чтобы онъ могъ насладиться вкуснымъ запахомъ“, а въ Дагомеѣ, по словамъ Вильмота, „дороги, деревни и дома наполнены статуями-фетишами и жертвоприношеніями фетишу“. Будетъ ли играть роль фетиша связка вещей, принадлежащихъ умершему родственнику, или изображеніе этого умершаго, или идолъ, потерявшій уже свою историческую индивидуальность, или что-либо другое, — во всякомъ случаѣ духъ-обитатель фетиша есть ничто иное какъ видоизмѣненіе духа-предка, уклонившееся отъ первоначальной формы въ большей или меньшей степени, сообразно обстоятельствамъ. Достоверность этого заключенія обнаруживается всего лучше изъ общаго очерка фетишей, дѣлаемаго Бигашомъ:

«Про фетишей вѣрять, что это одухотворенныя, разумныя существа, избирающія себѣ жилищемъ разные замѣчательные предметы, или входящія при разныхъ случаяхъ въ статуи и другія искусственныя изображенія, освященныя должнымъ образомъ посредствомъ извѣстныхъ церемоній. Народъ вѣрять, что фетиши нерѣдко являются передъ смертными въ видимой формѣ... Они вѣрять, что эти фетиши бываютъ обоихъ половъ и что они нуждаются въ пищѣ».

Но если и это появленіе отъ времени до времени въ видимой формѣ, и эта потребность въ пищѣ, и это различіе въ полѣ еще не достаточны для доказательства первоначальной человѣческой натуры фетиша, то натура эта обнаружится

самымъ убѣдительнымъ образомъ изъ нижеслѣдующаго разсказа Бастиана о жителяхъ Конго:

«Туземцы говорятъ, что великій фетишъ Башбы живетъ въ кустарникахъ, гдѣ ни одинъ человѣкъ не видитъ его и не можетъ видѣть. Когда онъ умираетъ, жрецы, служащіе фетишамъ, тщательно собираютъ его кости, чтобы снова оживить ихъ, и кормятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ снова одѣнется плотью и кровью».

Такъ что фетишъ, такъ сильно схожій съ духомъ усопшаго въ другихъ отношеніяхъ, сходенъ съ нимъ также и съ той стороны, что отъ него тоже ожидаютъ, что онъ восприметъ современемъ подобнымъ же образомъ свою первоначальную тѣлесную форму.

§ 162. Теперь мы постараемся вывести изъ этого истолкованія фетишизма необходимо вытекающія заключенія и посмотримъ, насколько полно будутъ они гармонировать съ фактами.

Выше были приведены фактическія данныя, свидѣтельствующія за то, что многіе низшіе человѣческіе типы или вовсе не имѣютъ никакихъ идей объ оживленіи человѣка послѣ смерти, или имѣютъ на этотъ счетъ идеи весьма смутныя и шаткія, такъ какъ у нихъ не успѣло еще развиться понятіе о духѣ усопшаго. Если справедливо то, что мы защищали выше, т. е. если поклоненіе фетишу есть поклоненіе живущему въ немъ духу усопшаго, или нѣкоторому сверхъестественному существу, развившемуся изъ духа усопшаго, то въ такомъ случаѣ ученіе о фетишахъ, находясь въ зависимости отъ ученія о духахъ усопшихъ, должно явиться въ порядкѣ времени позднѣе этого послѣдняго. Фетишизмъ долженъ отсутствовать тамъ, гдѣ не существуетъ никакого ученія о духахъ усопшихъ, и онъ можетъ возникать только послѣ возникновенія этого ученія. И мы имѣемъ изобильныя доказательства, что дѣло происходитъ дѣйствительно такимъ образомъ.

Самое низшее изъ извѣстныхъ намъ горныхъ племенъ Индіи есть племя Джуанговъ, у которыхъ не имѣется ни одного слова для обозначенія сверхъестественнаго существа, никакой идеи о будущей жизни и у которыхъ не существуетъ поклоненія предкамъ; но у нихъ нѣтъ также и фетишизма; при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на одновременное отсутствіе у нихъ колдовства. Жители Андаманскихъ острововъ, причисляемые къ самымъ низкостоящимъ представителямъ человѣческаго рода, не имѣющіе даже „никакого представленія о ихъ собственномъ происхожденіи“ и ни малѣйшаго понятія „о будущемъ существованіи“, не обнаруживаютъ также и фетишистическихъ вѣрованій; до крайней мѣры поскольку это можно вывести изъ молчанія, описывавшихъ ихъ наблюдателей. Никто также не указывалъ на существованіе фетишизма и у Огнеземельцевъ, у которыхъ Кукъ не нашелъ ни-

какихъ признаковъ какой-либо религіи. Точно также и Австраійцы, эти дикари, стоящіе на очень низкой ступени развитія, хотя и вѣрятъ въ духовъ усопшихъ, однакоже оказываются недостижими той ступени, на которой ученіе о духахъ усопшихъ порождаетъ это производное ученіе о фетишахъ: извѣстно, что они не умиловивляютъ неодушевленныхъ предметовъ. Ихъ уже вымершіе теперь сосѣди, Тасманійцы, будучи сходными съ ними по степени развитія, сходствовали съ ними и въ этомъ отношеніи. Даже Веддахи, которые вѣрятъ, что души ихъ умершихъ родственниковъ разсѣяны повсюду кругомъ, и у которыхъ поэтому господствуетъ поклоненіе предкамъ, но умственное развитіе которыхъ и общественное состояніе находятся еще на чрезвычайно низкой ступени, не обнаруживаютъ этого дальнѣйшаго распространенія ученія о духахъ усопшихъ.

Заключенія, подразумѣвающіяся въ ученіи о духахъ усопшихъ, не приходятъ въ голову людямъ совершенно тупымъ; но они представляются ясно всѣмъ тѣмъ, которые мало-малъски начинаютъ думать. Поэтому, пропорціонально укрѣпленію и усовершенствованію способности къ разсужденію, возрастаетъ и число ошибочныхъ заключеній, выведенныхъ изъ ошибочныхъ посылокъ. Такъ мы показали въ §§ 57 и 96, что многія странныя для насъ идеи сочинены вовсе не такими дикарями, которые лишены почти всякой мыслительности; но, напротивъ того, такими, которые стоятъ такъ высоко въ умственномъ отношеніи, какъ Фиджійцы, вѣрующіе, напримѣръ, что у человѣка двѣ души: одна—его тѣнь, а другая — его отраженіе, и которые принимаютъ такое заключеніе: такъ какъ неодушевленные предметы тоже имѣютъ тѣни, то они также должны обладать душами. Достаточно даже взять одни только африканскіе народы, чтобы видѣть, что фетишизмъ возникаетъ лишь тогда, когда достигнута извѣстная ступень умственного и общественного развитія. Никто не приписываетъ фетишизма Бушменамъ, а изъ всѣхъ африканскихъ расъ, состояніе которыхъ сколько-нибудь извѣстно намъ, Бушмены представляютъ самую низшую. Дамары, у которыхъ, по словамъ Андерсона, умный человѣкъ представляетъ „необыкновенное явленіе“, и тупость которыхъ обрисована Гальтономъ съ такою живостью, не вывели еще изъ своихъ чуть-чуть намѣченныхъ вѣрованій въ духовъ усопшихъ тѣхъ заключеній, изъ которыхъ возникаетъ фетишизмъ; Гальтонъ говоритъ: „у нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ фетишистическихъ суевѣрій“. Мы встрѣчаемся съ фетишизмомъ лишь у болѣе высоко-стоящихъ африканскихъ расъ,—у обитателей Конго, у Негровъ материка (Inland Negroes), у Береговыхъ Негровъ (Coast Negroes) и у Ашантиевъ. Мы находимъ его укоренившимся тамъ, гдѣ существуютъ укрѣпленные города, большія постоянныя арміи, тюрьмы, полиція, законы противъ роскоши,

значительное раздѣленіе труда, ярмарки, постоянныя лавки и базары и всяческія приспособленія, указывающія на нѣкоторый прогрессъ въ цивилизаціи.

Еще болѣе яснымъ образомъ обнаруживается это отношеніе въ Америкѣ. Мы ничего не знаемъ о фетишизмѣ у грубыхъ Чиригуановъ (Chiriguano) древняго Перу; но у цивилизованныхъ Перуанцевъ онъ имѣлъ обширное развитіе. И ранѣе, и послѣ покоренія ихъ инками, они „поклонялись травамъ, растеніямъ, цвѣтамъ, всякаго рода деревьямъ, высокимъ холмамъ, большимъ утесамъ и находящимся въ нихъ щелямъ, пустымъ пещерамъ, голышамъ и другимъ мелкимъ камешкамъ различныхъ цвѣтовъ.“ Когда же мы спросимъ, гдѣ фетишизмъ достигъ до своего кульминаціоннаго пункта, то насъ отошлутъ къ народу, цивилизація котораго, по времени болѣе древняя, чѣмъ наша, создала обширные города, развитую промышленность, высоко-организованный языкъ, великія поэмы, утонченныя философскія системы. Въ Индіи

«женщина поклоняется корзинѣ, которая служитъ ей для ношенія, или для храненія разныхъ необходимыхъ вещей, точно также какъ и мельницѣ для размалыванія риса, равно какъ и другимъ орудіямъ, помогающимъ ей въ ея домашнихъ трудахъ. Плотникъ воздастъ подобное же божеское поклоненіе своему топору, пилѣ и другимъ инструментамъ, и подобнымъ же образомъ приносить имъ жертвы. Тоже самое дѣлаетъ и Браминъ по отношенію къ стилету, которымъ онъ собирается писать; солдатъ—по отношенію къ оружію, которое онъ готовится употребить на полѣ битвы, каменщикъ—по отношенію къ своей лопаткѣ».

И это показаніе Дюбуа, приведенное у сэра Джона Лёббока, вполне согласуется съ показаніемъ Лайола (Lyal) въ его сочиненіи: „Религія одной изъ Индійскихъ провинцій“. „Не только—говоритъ онъ — земледѣлецъ молится своему плугу, рыбакъ—своей сѣти, ткачъ—своему станку, но и писецъ точно также воздастъ божеское поклоненіе своему перу, а банкиръ — своимъ конторскимъ книгамъ.“

Послѣ этого для насъ становится очевиднымъ, до какой степени не состоятельна идея, будто-бы фетишизмъ представляетъ собою первую ступень въ ряду суевѣрій. Предположимъ на минуту, что факты говорятъ совершенно противоположное тому, что мы только-что видѣли. Предположимъ, что у Джуанговъ, Андаманцевъ, Огнеземельцевъ, Австралійцевъ, Тасманійцевъ и Бушменовъ поклоненіе неодушевленнымъ предметамъ было бы доведено до послѣднихъ своихъ предѣловъ, что у племенъ, нѣсколько болѣе подвинувшихся со стороны умственнаго склада и общественнаго состоянія, оно имѣло бы нѣсколько болѣе ограниченное развитіе; что оно постоянно уменьшалось бы параллельно съ возрастаніемъ знанія и цивилизаціи, и что, наконецъ, въ такихъ высоко-развитыхъ обществахъ, какъ древнее Перу или новѣйшая Индія, оно становилось

бы совершенно незамѣтнымъ. Развѣ мы не сказали бы въ такомъ случаѣ, что общепринятое положеніе подтверждается фактами самымъ убѣдительнымъ образомъ? Слѣдовательно, ясно, что коль скоро факты говорятъ какъ разъ противоположное, то значить, что это положеніе опровергается ими не менѣе убѣдительнымъ образомъ.

§ 163. Послѣ того, какъ мы убѣдились индуктивнымъ путемъ въ невѣрности этого общепринятаго ученія, мы можемъ считать себя достаточно приготовленными, чтобы видѣть, до какой степени совершенно опровергается оно и дедуктивнымъ путемъ.

Основанное на силѣ свидѣтельствъ, доставленныхъ самими ранними путешественниками, приходившими въ соприкосновеніе главнѣйшимъ образомъ съ такими племенами, которыя могли считаться подвинувшимися довольно далеко впередъ и даже полу-цивилизованными, это утвержденіе, — что фетишизмъ есть первичное явленіе въ области религіи, — овладѣло умами людей; а такъ какъ предубѣжденіе составляетъ девять десятыхъ долей вѣрованія, то оно продолжало держаться, почти не встрѣчая по отношенію къ себѣ никакихъ сомнѣній. Я самъ принималъ его когда-то, хотя, сколько я помню, и не безъ нѣкотораго смутнаго чувства неудовлетворенности, происходившаго вѣроятно оттого, что я не былъ въ состояніи видѣть, какимъ образомъ возможно такое странное истолкованіе. Эта смутная неудовлетворенность перешла въ сомнѣніе, какъ только я ближе познакомился съ идеями дикарей. Когда же свидѣтельства путешественниковъ о самыхъ низшихъ людскихъ расахъ представились передо мною въ видѣ сравнительныхъ таблицъ, мое сомнѣніе перешло въ невѣріе, а дальнѣйшее размышленіе сдѣлало очевиднымъ для меня, что это утвержденіе, опровергаемое *a posteriori*, противорѣчитъ и апіорической вѣроятности.

Въ главѣ подъ названіемъ „Идеи объ Одушевленномъ и Неодушевленномъ“ было показано, что прогрессъ мыслительной силы увеличиваетъ способность различать живое отъ неживаго, что высшія животныя рѣдко смѣшиваютъ одно съ другимъ и что предполагать, будто-бы животное, стоящее такъ много выше остальныхъ по своей разсудительности и проницательности, безпричинно спутываетъ эти два порядка вещей, значить дѣлать ничѣмъ неоправдываемое предположеніе. Еслибы фетишистическое воззрѣніе имѣло первичный характеръ, то было бы возможно показать, какимъ образомъ развитіе мысли необходимо обуславливало его появленіе прежде всѣхъ остальныхъ; между тѣмъ какъ, насколько я знаю, показать это совершенно невозможно. Взгляните на умъ дикаря, — на тотъ умъ, который былъ очерченъ нами въ предыдущихъ главахъ, — умъ, чуждый умозрѣній, чуждый критики, неспособный къ обобщенію и не обладающій почти никакими другими понятіями, кромѣ тѣхъ, какія доставляются

ему непосредственными воспріятіями. Спросите себя, что могло повести его къ тому, чтобы думать о неодушевленномъ предметѣ какъ объ обладающемъ какимъ-то другимъ существованіемъ, кромѣ того, съ которымъ познакомили дикаря его внѣшнія чувства? У него нѣтъ никакихъ словъ для обозначенія отдѣльныхъ свойствъ и еще менѣе для обозначенія свойства вообще; но если онъ не можетъ даже вообразить себѣ свойства независимо отъ представляющаго его агрегата, — если онъ не можетъ составить себѣ понятія о цвѣтѣ независимо отъ различныхъ окрашенныхъ предметовъ, то какимъ же образомъ можетъ онъ вообразить себѣ какую-то вторую невидимую сущность (entity), будто-бы составляющую причину дѣйствій видимой сущности? Онъ не имѣетъ ни той склонности къ мышленію, которая должна предшествовать подобному представленію, ни той умственной силы, которая требуется, чтобы схватить такое представленіе. Только тогда, когда прогрессъ мысли разовѣетъ ученіе о духахъ усопшихъ, можетъ возникнуть, тамъ, гдѣ обстоятельства внушаютъ ее, эта идея объ одушевленномъ дѣятелѣ въ неодушевленномъ предметѣ. Я говорю нарочно: тамъ, гдѣ обстоятельства внушаютъ ее; ибо сначала дикарь не предполагаетъ безъ всякаго повода одержанія духомъ. Требуется нѣчто аномальное, чтобы внушить идею о присутствіи духа. И если въ послѣдствіи, на высшихъ ступеняхъ прогресса, онъ распространяетъ далѣе и далѣе такія истолкованія, такъ что считаетъ, наконецъ, одержимыми духами множество обыкновеннѣйшихъ предметовъ, то antecedentъ этого лежитъ въ постепенномъ накопленіи тѣней усопшихъ и производныхъ отъ нихъ духовъ, кишачихъ цѣлыми роями повсюду кругомъ.

Собственно говоря, для того, чтобы заподозрить, что фетишизмъ есть слѣдствіе ученія о духахъ усопшихъ, могло бы быть достаточно даже тѣхъ свидѣтельствъ, которыя доставлялись намъ, и доставляются еще и до сихъ поръ, нашими собственными соотечественниками. Я намекаю здѣсь главнѣйшимъ образомъ не на сохранившееся еще и доннынѣ ученіе о дѣйствительномъ присутствіи, — — — даже не на понятія тѣхъ людей, которые въ прежнія времена считали „одержимыми“ всѣ предметы, которые вели себя страннымъ и непонятнымъ образомъ, хотя тѣ же люди не прибѣгали къ „одержанію“ для объясненія обыкновенныхъ силъ и свойствъ предметовъ, но я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ тѣ свидѣтельства, которыя доставляются намъ новѣйшими спиритами. Когда столы и стулья приходятъ въ движеніе безъ помощи какого-нибудь видимаго дѣятеля, они принимаютъ, что дѣятелями въ этихъ случаяхъ бываютъ духи. Т. е., въ присутствіи нѣкотораго непонятнаго дѣйствія, является оживаніе фетишистическаго объясненія: причиной такого

дѣйствія принимается сверхъестественное существо, и это сверхъестественное существо есть именно духъ усопшаго.

§ 164. Такимъ образомъ, умиловленіе умершаго, — которое, породивъ погребальныя обряды, развивается въ богослуженіе вообще, — порождаетъ также, вмѣстѣ съ другими расходящимися отъ него результатами, и идолопоклонство и фетишизмъ, которые могутъ быть прослѣжены черезъ всѣ стадіи ихъ постепеннаго развитія.

Существуютъ жертвоприношенія недавно-умершему тѣлу, высушенному тѣлу, или муміи, или реликвіямъ; существуютъ жертвоприношенія изображенію умершаго, сдѣланному отчасти изъ его останковъ, или реликвій, и отчасти изъ другихъ веществъ; существуютъ жертвоприношенія изображенію умершаго, утвержденному надъ ящикомъ, заключающимъ въ себѣ его останки; существуютъ жертвоприношенія изображенію, поставленному надъ могилою, въ которой зарытъ усопшій. Останки усопшаго и изображающая его фигура, въ только-что перечисленныхъ комбинаціяхъ, служили предметами жертвоприношеній и весьма сходныхъ между собою обрядовъ у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ: у Египтянъ, Этрусковъ, Римлянъ, вплоть даже до средневѣковыхъ Христіанъ, ибо развѣ благоговѣнно чествуемая фигура католическаго святаго, лежащая надъ его могилою, не соответствуетъ самымъ неопровержимымъ образомъ грубо-изваянному человѣческому изображенію, которое помѣщается некультурнымъ человѣкомъ надъ могилою и къ которому онъ обращается потомъ съ умиловительными моленіями и жертвами?

Что такое изображеніе покойника развивается въ идолъ, на это мы имѣемъ ясное доказательство. Поклоненіе, продолжающееся въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ постояннымъ, и тогда оно переходитъ у дикаря въ установленное обычаемъ и преданіемъ правильное идолопоклонство, которое развивается подѣ-конецъ въ сложныя вычурныя религіозныя церемоніи, выполняемыя передъ наводящими ужасъ статуями въ храмахъ. Далѣе, изъ убѣжденія первобытнаго человѣка въ томъ, что наружное сходство должно сопровождаться сходствомъ и въ внутренней природѣ, является вѣрованіе, что въ изображеніи усопшаго обитаетъ его духъ, а изъ этого вѣрованія естественно рождается современемъ другое, а именно, что божества входятъ въ идоловъ и по-временамъ говорятъ изъ нихъ.

Между поклоненіемъ идоламъ и поклоненіемъ фетишамъ не существуетъ ни малѣйшаго сколько-нибудь рѣзкаго перерыва или скачка. Въ Африкѣ видимымъ фетишемъ часто служить человѣкообразная фигура; иногда же эта фигура менѣе похожа на человѣка, и всего болѣе похожа на наши воронья пугала, а иногда это есть вещь, которая можетъ считаться человѣческой только по

какой-либо связи съ человѣкомъ, причемъ она имѣетъ характеръ амулета, вѣра въ который, какъ мы видѣли (§ 133), вырастаетъ изъ вѣры въ реликвию, а слѣдовательно ведетъ свое начало отъ ученія о духахъ усопшихъ.

Что поклоненіе предметамъ, имѣющимъ странныя размѣры, или форму, или положеніе, или представляющимъ какія-либо странныя особенности въ своемъ поведеніи, имѣетъ производный характеръ, и что оно является всегда совмѣстно съ вѣрою въ присутствіе въ этихъ вещахъ духа, имѣющаго человеческое происхождение, — это становится вполне ясно изъ разсмотрѣнія относящихся сюда фактовъ. Такое расширеніе приложений ученія о духахъ усопшихъ, замѣчаемое, какъ мы видѣли, повсюду, гдѣ умственное развитіе сдѣлало значительный прогрессъ, сопровождается постоянно возрастаніемъ, разработку и развитіе этого ученія; оно является всегда, какъ скоро духи усопшихъ начинаютъ приниматься за постоянно и повсюду присутствующія причины болѣзней, исцѣленій, несчастныхъ случайностей, счастливыхъ стеченій обстоятельствъ и пр.; — мы видимъ тутъ просто широкое, ничѣмъ не сдерживаемое приложеніе гипотезы, которая кажется человѣку на этой ступени развитія годною для объясненія всего на свѣтѣ.

Возникающія этимъ путемъ вѣрованія находятъ себѣ помощь въ идеѣ, что тѣни суть души. Какъ мы уже видѣли выше (§ 96), эта идея, въ которую первобытные люди впадаютъ весьма естественнымъ путемъ, распространяется ими на другія тѣни, а не на одни лишь тѣ, которыя отбрасываются ихъ собственными тѣлами. По мѣрѣ того, какъ они подвигаются впередъ въ своемъ развитіи, разумъ насильственно навязываетъ имъ это заключеніе, а принятіе его укрѣпляетъ тѣ представленія о предметахъ (object-souls), которыхъ они достигли другими путями.

Доказательство того, что вещь, служащая объектомъ поклоненія въ какомъ-нибудь замѣчательномъ предметѣ, есть духъ усопшаго, соединяется въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ доказательствомъ, что этотъ духъ есть именно духъ-предокъ. Перуанскіе гуаки, — слово, которымъ обозначались какъ самые предметы, такъ и духи усопшихъ, предполагавшіеся присутствующими въ этихъ предметахъ и говорящими изъ нихъ, — были предками Перуанцевъ. Гарсилассо говоритъ, что „ни одинъ Индѣецъ не считается почтеннымъ, если онъ не происходитъ отъ какого-нибудь родника, рѣки или озера (или даже моря), или отъ какого-нибудь дикаго животнаго, какъ напримѣръ отъ медвѣдя, льва, тигра, орла, отъ птицы, называющейся у нихъ кунтуръ (кондоръ), или отъ какой-нибудь другой хищной птицы, или же отъ горы, пещеры или лѣса“, а Чieza показываетъ намъ, что они поклонялись этимъ самымъ гуакамъ, отъ которыхъ вели свою родословную.

Я полагаю, что приведенные факты и разсужденія убѣдили насъ съ доста-

точной ясностью въ томъ, что идолопоклонство и фетишизмъ суть уклонившіяся въ сторону развитія поклоненія предкамъ; но это станетъ еще болѣе очевиднымъ для насъ послѣ разсмотрѣнія новыхъ группъ фактовъ, которыя близко сродны съ предыдущими и которыя составляютъ предметъ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

ГЛАВА XXII.

ПОКЛОНЕНИЕ ЖИВОТНЫМЪ.

§ 165. Въ главѣ, трактовавшей о „первобытныхъ идеяхъ“, было уже указано, что метаморфозы, дѣйствительно происходящія въ животномъ царствѣ, на первый взглядъ, гораздо изумительнѣе тѣхъ, существованіе которыхъ ошибочно признавалось здѣсь когда-либо: такъ контрастъ между червеобразной личинкой и мухой, между яйцемъ и птицей, между головастикомъ и лягушкой гораздо сильнѣе, чѣмъ контрастъ между ребенкомъ и щенкомъ, или между человѣкомъ и быкомъ.

Поэтому, ободряемый тѣми переменами, которыя онъ видитъ передъ собой повседневно, и нисколько не сдерживаемый такими понятіями, которыя могли установиться только какъ результатъ опытовъ, накопившихся въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій, дикарь безъ сопротивленія поддается всему, что внушаетъ ему мысль, будто-бы извѣстное существо приняло другую, отличную отъ прежней, форму. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предполагаемая переменна состоитъ въ превращеніи одного изъ низшихъ животныхъ въ другое такое же; такъ на примѣръ, въ Бразиліи, по словамъ Бёртона, „въ народѣ существуетъ общераспространенное повѣрье, что птица-муха (колибри) способна превращаться въ бабочку, сходную съ ней по своей окраскѣ“. Но въ большинствѣ случаевъ такіа переменны заключаются въ превращеніи людей въ животныхъ и животныхъ въ людей.

Пересматривая относящіяся сюда свидѣтельства, собранныя ото всѣхъ человѣческихъ племенъ, мы выберемъ изъ нихъ сначала извѣстное число примѣровъ, а потомъ сообразимъ, какія могутъ быть выведены изъ нихъ объясненія.

§ 166. Вѣрованіе въ то, что человѣческія существа могутъ скрываться

подъ видомъ животныхъ, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ формою положеній общаго характера; такъ про Тлинкитовъ Сѣверной Америки разсказываютъ, что „они убиваютъ медвѣдя лишь въ случаѣ величайшей нужды, ибо думаютъ, что медвѣдь есть человѣкъ, принявшій форму животнаго“. Обратная этому идея, но облеченная въ столь же общую форму, встрѣчается у Кареновъ, которые думаютъ, что „воды населены существами, настоящая форма которыхъ есть форма дракона (? крокодила), но отъ времени до времени эти существа облачаются въ человѣческую форму и берутъ себѣ женъ между дѣтьми людей“. Впрочемъ, обыкновенно эта способность превращаться въ животныхъ приписывается только нѣкоторымъ классамъ мужчинъ и женщинъ, отличающимся особаго рода силою или облеченныхъ этою силою въ воображеніи вѣрующихъ.

Считая всякое особенное искусство сверхъестественнымъ, многіе африканскіе народы думаютъ, что кузнецъ (который ставится ими тотчасъ вслѣдъ за знахаремъ или лекаремъ) дѣйствуетъ съ помощью духовъ; а въ Абиссиніи „кузнецовъ считаютъ способными обращаться въ гіенъ и въ другихъ животныхъ“. Это вѣрованіе такъ сильно, что оно заражаетъ даже попадающихъ туда европейцевъ: такъ Вилькинсонъ цитируетъ одного путешественника, который утверждалъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ такого превращенія.

Но въ большинствѣ случаевъ эта способность исключительно приписывается однимъ только колдунамъ. Кэмпбелль разсказываетъ, что Хонды вѣрятъ, будто бы „колдуны имѣютъ способность превращаться въ тигровъ“. Винтерботтомъ говоритъ: „когда аллигаторъ схватитъ ребенка, во время купанья въ рѣкѣ, или леопардъ утащитъ козу“, Буломы „придерживаются того мнѣнія, что это разбойническое нападеніе сдѣлано не настоящимъ леопардомъ или аллигаторомъ, но какой-нибудь колдуней, принявшей на себя видъ одного изъ этихъ животныхъ“. Мендіета говоритъ, что у Мексиканцевъ „были колдуны и вѣдмы, относительно которыхъ народъ вѣрилъ, что они могутъ обращаться въ животныхъ“. Описывая обитателей Гондураса, Геррера сообщаетъ намъ, что они „наказывали тѣхъ колдуновъ, которые дѣлали зло, ибо многіе изъ нихъ, по словамъ жителей, рыскали по горамъ въ видѣ тигровъ или львовъ, и убивали людей, пока мѣстнымъ жителямъ не удавалось, наконецъ, схватить ихъ и повѣсить“. Пьедрагита и П. Симонъ согласно повѣствуютъ, что Чипчасы „увѣрили, будто между ними есть великіе колдуны, которые могутъ превращаться въ львовъ, медвѣдей и тигровъ и которые пожираютъ людей подобно этимъ звѣрямъ“.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта способность приписывается вождямъ, которые владѣютъ ею въ такой же мѣрѣ, какъ и колдуны. Пьедрагита разсказываетъ, что Чипчасы увѣрили его, будто бы у Тундми Томагаты, одного изъ ихъ вождей, „былъ длинный хвостъ, какъ у

льва или тигра, и что онъ волочилъ его за собой по землѣ“. У африканцевъ мы находимъ подобные же факты. Вотъ одинъ изъ нихъ (къ сожалѣнію я потерялъ замѣтку о томъ, откуда я его взялъ):

«Здѣсь также очень много львовъ и гіенъ. Что касается до первыхъ, то мѣстные жители не ставятъ никакихъ препятствій къ увеличенію ихъ числа. Ибо народъ, вѣря, что души вождей входятъ во львовъ, никогда не покушается убить котораго-либо изъ нихъ. Они даже вѣрятъ, будто-бы живой вождь можетъ обратиться въ льва, умертвить кого ему заблагоразсудится, и затѣмъ снова обратиться въ человѣческую форму. Поэтому, когда увидать льва, они начинаютъ хлопать въ ладоши, что служитъ здѣсь обычнымъ знакомъ привѣтствія».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта воображаемая способность распространяется народомъ и на родственниковъ вождя. Швейнфуртъ рассказываетъ, что однажды въ Галабамъ онъ застрѣлилъ гіену и что онъ долженъ былъ выслушать за это не мало упрековъ со стороны шейха, потому что, по словамъ шейха, его собственная мать была „женщина-гіена“.

Въ другихъ случаяхъ, вмѣсто вѣры въ перемѣну формы, мы встрѣчаемъ вѣру въ одержаніе. Мы уже видѣли, какимъ образомъ первобытное ученіе о сновидѣніяхъ, съ его блуждающимъ двойникомъ, то оставляющимъ тѣло, то снова возвращающимся въ него, приводитъ, вмѣстѣ съ другими своими послѣдствіями, къ вѣрованію, что блуждающій двойникъ можетъ входить не только въ свое собственное тѣло, но и въ тѣла другихъ людей; а въ послѣдней главѣ было указано на нѣкоторыя еще болѣе широкія распространенія этого ученія, а именно на то, что человѣческія изображенія и даже неодушевленные предметы, не имѣющіе человѣческой формы, могутъ служить жилищами для человѣческихъ духовъ. Поэтому, весьма естественно, что и животныя включаются въ число тѣхъ предметовъ, въ которые могутъ входить людскія души. Ливингстонъ рассказываетъ намъ, что въ Тете народъ вѣритъ, что „люди, находящіеся еще въ-живыхъ, могутъ входить въ львовъ и аллигаторовъ и затѣмъ снова возвращаться въ свои собственные тѣла“. А Брештъ говоритъ, что обитатели Гвіаны считаютъ ягуаровъ „одержимыми духами людей“.

Понятно, что, рядомъ съ вѣрою въ одержаніе двойниками живыхъ людей, существуетъ и вѣра въ одержаніе двойниками людей умершихъ. Марсденъ говоритъ, что Сумаатранцы воображаютъ, будто-бы

«тигры вообще дѣйствуютъ подъ вліяніемъ духовъ умершихъ людей; поэтому никакое соображеніе не можетъ заставить туземца изловить или ранить тигра иначе, какъ въ защиту своей собственной личности или непосредственно послѣ умерщвленія имъ близкаго человѣка.»

Изъ нынѣ существующихъ американскихъ племенъ, Апахи, по словамъ Банкрофта, думаютъ, что „въ каждой гремучей змѣѣ сидитъ душа дурнаго че-

ловѣка, или что такая змѣя есть посланецъ злаго духа“. Тотъ же самый писатель свидѣтельствуетъ, что „Калифорнцы, живущіе въ окрестности Санъ-Діега, не ѣдятъ мяса крупной дичи, вѣря, что въ подобныхъ животныхъ обитаютъ души людскихъ поколѣній, умершихъ много вѣковъ тому назадъ. Слово „дичиноѣдъ“ служить у нихъ ругательной кличкой“. У древнихъ американскихъ расъ имѣло мѣсто тоже самое. Изъ числа многихъ относящихся сюда свидѣтельствъ достаточно будетъ привести здѣсь показаніе Клавигеро:

«Обитатели Тласкалы вѣрили, что души знатныхъ людей переселялись, послѣ ихъ смерти, въ тѣла красивыхъ и сладкогласныхъ птицъ, а также въ тѣла болѣе благородныхъ четвероногихъ, души же людей низкаго званія переходили въ жуковъ, червей» и т. д.

Подобныя же вѣрованія встрѣчаются и между Африканцами. Когда Гутчинсонъ выразилъ сомнѣніе въ томъ, что души людей переходятъ въ обезьянъ и крокодиловъ, ему отвѣчали: „это калабарская вѣра, и бѣлый человѣкъ ничего въ ней не понимаетъ“.

Оставимъ въ сторонѣ многочисленныя видоизмѣненія и развитія этого общаго понятія, равно какъ и его филиальныя отпрыски, которые мы встрѣчаемъ въ описаніяхъ раннихъ цивилизацій и которые обнаруживаются, напримѣръ, въ средневѣковыхъ легендахъ объ оборотняхъ, волко-людяхъ или волко-длакахъ, и обратимся прямо къ относящимся сюда объясненіямъ и истолкованіямъ. Мы уже видѣли, что опыты, составляющіе умственное достояніе дикаря, приготовляютъ его къ предположенію превращеній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обстоятельства внушаютъ ему идею о нихъ; но мы не должны воображать себѣ, будто дикарь предполагаетъ превращенія безъ такихъ обстоятельствъ, которыя внушали бы ему эту идею. Итакъ, какія же обстоятельства приводятъ его къ подобнымъ предположеніямъ? Мы увидимъ, что эти обстоятельства бываютъ трехъ родовъ, приводящихъ къ тремъ группамъ хотя и сродныхъ, но отчасти различныхъ между собою, вѣрованій.

§ 167. „Аматонго суть змѣи“, говоритъ Зулусъ; а мы уже не разъ видѣли, что Аматонго есть названіе, означающее у нихъ духовъ-предковъ. Но почему же этотъ народъ призналъ именно въ змѣяхъ своихъ превращенныхъ предковъ? Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ перекрестнаго допроса капитана Коллауэя, расположенныхъ мною въ такомъ порядкѣ, который подготовитъ читателя къ отвѣту на этотъ вопросъ.

«Змѣй, въ которыхъ обращаются люди, не много; онѣ отличны отъ остальныхъ и хорошо извѣстны. Онѣ суть: черная Имамба и зеленая Имамба, называемая Иньяндезулу. Вожди обращаются въ этихъ змѣй. Простые же люди обращаются въ Умтлави.

«Мы узнаемъ тѣхъ изъ этихъ змѣй, которыя суть люди, когда онѣ впол-

зають въ шалаши; онѣ не всегда вползають черезъ дверь; можетъ быть, онѣ заползають, когда въ шалаши нѣтъ никого, забираются на верхнюю часть шалаша и остаются тамъ свернувшись козломъ.

«Если змѣя имѣетъ шрамъ на какой-нибудь сторонѣ, то тотъ изъ насъ, кто знавалъ какого-либо покойника изъ мѣстныхъ жителей, имѣвшего подобный же шрамъ, выходитъ впередъ и говоритъ: «это такой-то. Развѣ вы не видите шрама вотъ тутъ?» Послѣ того мы оставляемъ змѣю въ покоѣ и идемъ спать.

«Тѣ змѣи, которыя суть люди, узнаются по частому посѣщенію ими людскихъ жилищъ, потому что онѣ не бѣдятъ мышей, а также потому, что не пугаются людскаго шума».

Сопоставимъ теперь эти показанія съ фактами, изложенными въ §§ 110, 137, и генезисъ этого вѣрованія станетъ для насъ яснымъ. На всемъ земномъ шарѣ господствуетъ идея, что призракъ усопшаго постоянно бродитъ вокругъ прежняго жилища. Итакъ, что же означаетъ заползаніе этихъ змѣй въ людскіе шалаши? Не вернувшіеся ли онѣ родственники? И не доказывается ли это тѣми особенными примѣтами, которыя замѣчаются у этихъ змѣй въ нѣкоторыхъ случаяхъ? Припомнимъ, какъ одинъ австралійскій поселенецъ, имѣвшій сведенную руку, былъ принятъ за второе я одного умершаго туземца, у котораго тоже одна рука была сведена (§ 92); такъ точно и здѣсь, присутствіе у змѣи шрама, отличавшаго когда-то одного изъ умершихъ туземцевъ, принимается за доказательство тождества обоихъ. Итакъ, когда Зулусъ говоритъ: „точно также и та змѣя, которая есть Итонго, не возбуждаетъ страха въ людяхъ... Когда человѣкъ видитъ такую змѣю, она держится такъ, какъ будто-бы хочетъ сказать смотрящему на нее: „не пугайся,—это я“, то мы видимъ въ этихъ словахъ опять-таки признаніе въ змѣѣ человѣческаго существа, только являющагося въ другой формѣ; причемъ такое признаніе внушается многими обстоятельствами, изъ которыхъ самое главное—частое посѣщеніе человѣческаго жилья.

Это признаніе утилизируется и подтверждается гадалеями. Вотъ слова нѣкоторыхъ людей, которые искали сверхъестественной помощи черезъ посредство такихъ гадалей: „мы изумлялись, постоянно слыша, какъ духи говорили въ плетняхъ, изъ которыхъ была сдѣлана хижина, и рассказывали намъ много вещей, хотя мы не видѣли ихъ“. Въ другомъ мѣстѣ говорится: „Голосъ былъ похожъ на голосъ очень маленькаго ребенка; онъ не можетъ говорить громко, потому что говорить вверхъ, между плетнями, составляющими крышу хижины“. Фокусъ, употребленный гадалемъ, слишкомъ очевиденъ. Съ помощью чревоушанія гадалель дѣлаетъ такъ, что отвѣты духа-предка кажутся исходящими изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ скрываются обыкновенно змѣи, посѣщающія человѣческія жилища.

Хотя, согласно вѣрованію дикарей, большинство людей обращается въ

безвредныхъ змѣй, часто посѣщающихъ людскія хижины, однако нѣкоторые люди обращаются въ „Имамбу, водящуюся въ открытыхъ мѣстахъ“. Относительно этой змѣи мы читаемъ: „про Имамбу говорятъ, что въ нее обращаются вожди“; это „ядовитая змѣя“, у нея „враждебный взглядъ, пугающій смотрящаго на нее человѣка“. Отсюда мы можемъ заключить, что подобно тому, какъ извѣстныя тѣлесныя примѣты внушаютъ идею о тождествѣ съ людьми, обладавшими подобными примѣтами, такъ точно и извѣстныя черты въ характерѣ и поведеніи змѣй извѣстнаго вида ведутъ къ отождествленію змѣй этого вида съ извѣстнымъ классомъ индивидовъ. Какъ мы сейчасъ увидимъ, это заключеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ другихъ мѣстахъ Африки.

У Амазулузовъ это вѣрованіе въ возвращеніе предковъ, обратившихся въ змѣй, не повело къ поклоненію самимъ змѣямъ, какъ змѣямъ: здѣсь умилоствленія, обращенныя къ нимъ, перемѣшаны, неопредѣленнымъ образомъ съ умилоствленіями духовъ-предковъ. Точно также и другіе народы представляютъ намъ подобныя же идеи, которыя возникли вѣроятно подобнымъ же образомъ и которыя также не приняли еще ясно-религіозныхъ формъ, свидѣтельствомъ чему можетъ служить показаніе Нуньо де Гуцмана, что „въ провинціи Куліаканъ въ жилищахъ туземцевъ были находимы ручныя змѣи, которыя для жителей были предметами страха и почтенія.“ Но, запасшись только-что даннымъ ключемъ, мы найдемъ, что съ развитіемъ культа и съ прогрессомъ искусствъ является опредѣленное поклоненіе змѣямъ. Змѣепоклоненіе (ophiolatria) господствуетъ въ-особенности въ жаркихъ странахъ, и въ нихъ же нѣкоторые роды змѣй имѣютъ привычку прятаться въ темныхъ углахъ комнатъ и даже въ постеляхъ. Индія доставляетъ намъ очень яркій случай этого рода. Боги-змѣи здѣсь очень многочисленны, причѣмъ кобра есть та змѣя, скульптурнымъ изображеніемъ которой всего чаще воздаются божескія почести. Изображеніе кобры, или въ ея естественномъ видѣ, или въ соединеніи съ человѣческимъ тѣломъ, можетъ быть найдено во множествѣ храмовъ, причѣмъ она обыкновенно представлена съ раздутымъ капюшономъ и въ томъ положеніи, которое принимаетъ готовясь броситься на врага. И что же?—ислѣдованіе показываетъ, что кобра принадлежитъ къ числу тѣхъ змѣй, которыя всего чаще забираются въ человѣческія жилища. ¹⁾

¹⁾ Послѣ того какъ это было уже написано, я снова перечиталъ опытъ Макъ-Леннана «о поклоненіи животнымъ» и нашелъ въ немъ фактъ, подтверждающій изложенное въ текстѣ соображеніе. Самыя знаменательныя слова я подчеркиваю. «Два изъ статей трактата, заключеннаго и утвержденнаго консуломъ ея Британскаго Величества, 17 ноября 1856 года, по отношенію къ бухтѣ Біафра и къ островамъ Фернанда По, направлены

Подобныя же идеи имѣютъ мѣсто и по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ животнымъ, часто посѣщающимъ человѣческія жилища. Во многихъ странахъ ящерицы часто бываютъ находимы внутри человѣческихъ жилищъ, и вотъ мы видимъ, что Амазулусы предполагаютъ, что старухи принимаютъ форму „Изалу-казаны, которая есть родъ ящерицы“. Ново-зеландцы также вѣрятъ, что духи ихъ предковъ являются къ нимъ снова въ видѣ ящерицъ; но мнѣ не удалось узнать, находится ли это вѣрованіе въ соотношеніи съ посѣщеніями ящерицами ихъ жилищъ.

Затѣмъ мы имѣемъ осу, которая также принадлежитъ къ числу тѣхъ животныхъ, подъ видомъ которыхъ, по мнѣнію Амазулусовъ, могутъ являться умершіе люди, а мы знаемъ, что оса есть такое насѣкомое, которое часто присоединяется къ домашнему кругу и беретъ свою часть пищи за общимъ столомъ. Я могу привести, рядомъ съ этимъ вѣрованіемъ, очень любопытный отрывокъ изъ Вавилонской легенды о потопѣ. Газизадра, описывая жертвоприношеніе, совершенное имъ послѣ потопа, говорить: „боги собрались при его сожженіи, боги собрались при его добромъ сожженіи, боги слетѣли на жертву, точно мухи.“

Наконецъ, въ числѣ животныхъ, посѣщавшихъ человѣческія жилища и возбуждавшихъ по отношенію къ себѣ подобныя же идеи, мы имѣемъ еще голубя. Описывая поклоненіе животнымъ у древнихъ, Макъ-Леннанъ замѣчаетъ, что „въ дѣйствительности, голубь... былъ столь же великимъ богомъ, какъ и змѣя“.

§ 168. Теперь читатель легко пойметъ дальнѣйшую группу идей, весьма сродную съ предыдущей. Пока господствуетъ погребеніе въ дому, существуетъ только одно мѣсто, около котораго будетъ бродить духъ усопшаго; но при погребеніи во всякомъ другомъ мѣстѣ призракъ усопшаго будетъ стремиться то къ оставленному имъ жилищу, то къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ его тѣло. Итакъ, если животныя, посѣщающія людскія жилища, считаются превращенными предками, то не будутъ ли и тѣ животныя, которыя обыкновенно встрѣчаются въ мѣсто-нахожденіяхъ труповъ, считаться животными формами, принятыми на себя умершими? Мы должны заключить, что такое вѣрованіе имѣетъ всѣ шансы возникнуть, и мы имѣемъ доказательства того, что это дѣйствительно бываетъ такъ.

къ поддержанію мѣстныхъ суевѣрій. Одна изъ этихъ статей такова: «статья 12. Такъ какъ истребленіе бѣлыми людьми, по ихъ невѣдѣнію, извѣстнаго вида удава, посѣщающаго жилища туземцевъ и считаемаго Брасманами джу-дзу, т. е. священнымъ возбудило чувство величайшаго озлобленія между туземцами и повело за собой долгую остановку въ торговлѣ, поэтому симъ запрещается всѣмъ британскимъ подданнымъ убивать такую змѣю или наносить ей какой-либо вредъ.»

Преобладаніе погребенія въ пещерахъ у всѣхъ древнихъ народовъ было уже показано выше. Но какія животныя всего чаще попадаютъ въ этихъ темныхъ убѣжищахъ? Чаще всего встрѣчаются тамъ тѣ животныя, которыя избѣгаютъ свѣта,—непопыри и совы. Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ съ дуплистыми деревьями, трещины скалъ и пещеры суть самыя любимыя мѣста этихъ твореній, вылетающихъ по ночамъ, и перѣдко въ этихъ мѣстахъ они бываютъ необыкновенно многочисленны. Одинъ изъ изслѣдователей извѣстной египетской пещеры, называющейся, вслѣдствіе характера хранящихся въ ней мумій *crocodilopolis* (городъ крокодиловъ), рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ почти задушенъ пылью, поднятой летучими мышами, летаніе которыхъ едва не погасило факеловъ. Теперь сопоставимъ эти факты съ слѣдующимъ отрывкомъ изъ Издубарскихъ легендъ, переведенныхъ Смитомъ:

«Мы возвращаемся изъ Аида, страны моего знанія, изъ дома усопшихъ, изъ мѣстопребыванія бога Иркалы, изъ дома, откуда нѣтъ исхода, изъ дороги, съ которой нѣтъ возврата, изъ мѣста, гдѣ жаждутъ свѣта, изъ мѣста, гдѣ прахъ есть свѣдь и грязь—пища. Повелители этого мѣста также, подобно птицамъ, одѣты крыльями.»

Въ Тальботовскомъ переводѣ легенды о нисхожденіи Иштаръ въ Аидъ, Аидъ описывается какъ „утесистая пещера“; далѣе говорится, что это — „обиталище мрака и голода, гдѣ земля—свѣдь, а глина—пища; свѣта не видно тамъ; во тмѣ живутъ они; дѣхи усопшихъ, подобно птицамъ, хлопаютъ своими крыльями.“ Оставляя въ сторонѣ мелкія различія, это сходство по отношенію къ пещерной природѣ мѣста, его мраку, отсутствію пищи, его праху и крылатому устройству его обитателей, ясно указываетъ на развитіе погребальной пещеры, съ обитающими въ ней животными, въ Аидѣ, съ обитающими его духами. Раньше мы уже видѣли, какъ еврейскій Шеоль, означавшій первоначально пещеру, разросся въ подземный міръ, точно такимъ же образомъ и здѣсь мы видимъ, какъ крылатыя существа, находимыя обыкновенно вмѣстѣ съ трупами въ пещерахъ и принимаемыя за превращенныхъ мертвецовъ, породили крылатыхъ духовъ, населяющихъ подземный міръ. Подтвержденіе этого мы находимъ въ одномъ отрывкѣ изъ еврейскихъ книгъ, который былъ уже однажды приводимъ нами и въ которомъ говорится, что волшебники, при своихъ совѣщаніяхъ съ духами умершихъ, издавали звуки, подобные крикамъ непопырей: объясненіе этого факта заключается въ томъ, что ихъ уловки, подобныя уловкамъ недавно упоминавшихся нами Зулусскихъ колдуновъ, имѣли подобную же цѣль. „Эти чревоушители“—говоритъ Деличъ—„подражали пisku летучихъ мышей, который былъ принимаемъ окружающими за производимый тѣнями Аида“. Дальнѣйшее подтвержденіе мы имѣемъ въ греческихъ легендахъ, которыя

развились въ сосѣднихъ странахъ при подобныхъ же условіяхъ. По словамъ этихъ легендъ, духи усопшихъ пицать и лепечуть ¹⁾).

Наблюденіе того факта, что нетопыри обыкновенно встрѣчаются въ пещерахъ съ большимъ постоянствомъ и въ значительномъ числѣ, между тѣмъ какъ совы вообще гораздо чаще попадаются въ темныхъ уголкахъ покинутыхъ зданій, могло породить стремленіе къ дифференцированію представленій, ассоціировавшихся съ этими двумя разрядами существъ. „Матерью развалинъ“ арабы называютъ сову. Въ Тальботовскихъ переводахъ, содержащихъ воплощеніе религіозныхъ вѣрованій ассирійцевъ, находится слѣдующая молитва, произносимая послѣ смерти человѣка: „да возлетитъ она (душа), подобно птицѣ, въ горнее мѣсто!“ Мы можемъ сопоставить съ этимъ тотъ фактъ, что, подобно новѣйшимъ арабамъ, ихъ древніе родичи предпочитали погребать на высокихъ мѣстахъ, если только это было возможно. Мы можемъ также присоединить сюда слѣдующій отрывокъ изъ Опыта Исторіи Арабовъ де-Персеваля:

«По ихъ мнѣнію, душа, покинувъ тѣло, улетала въ видѣ птицы, называемой Гама, или Сада (родъ совы) и не переставала нослѣ летать вокругъ могилы съ жалобными криками».

Египтяне, богатые подобными же наблюденіями надъ животными, прячущимися въ пещерахъ и скрывающимися въ развалинахъ, также вѣрили въ крылатыхъ души. Кромѣ того, ихъ символъ вѣчности, помѣщавшійся надъ входомъ въ ихъ священныя строенія (они называли гробницы „вѣчными обиталищами“), также былъ снабженъ крыльями. Такимъ образомъ, повидимому, не лишено вѣроятія, что и они также предполагали, что существа, постоянно попадавшіеся въ мѣстонахожденіяхъ умершихъ, были животными формами, которыя принимали на себя умершіе ²⁾).

¹⁾ Когда эти страницы были уже готовы къ печати, я наткнулся еще на одинъ подтвердительный фактъ въ сочиненіи Ф. Джагора—Путешествіе по Филиппинскимъ островамъ. Прежде покоренія этихъ острововъ европейцами идеи и обычаи поклоненія предкамъ были высоко развиты въ средѣ ихъ обитателей; причемъ въ древности они погребали своихъ покойниковъ въ пещерахъ, которыя считались у нихъ священными. Джагоръ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи одной такой пещеры, «обитавшей множествомъ летучихъ мышей». Немногіе туземцы, осмѣлившіеся послѣдовать за нимъ, «находились въ состояніи сильнаго возбужденія и, прежде чѣмъ вступить въ нее, заботливо уговаривали другъ друга соблюдать должное почтеніе по отношенію къ Калапнитумъ»,—слово, означающее буквально «повелитель нетопырей».—Стр. 169.

²⁾ Этотъ египетскій символъ вѣчнаго существованія состоитъ изъ крылататаго круга или диска; еслибы въ этомъ центральномъ дискѣ нарисовать глаза и клювъ, то весь символъ могъ бы считаться довольно хорошимъ

Весьма возможно, что эти древніе народы Востока не имѣли достаточно познаній по части метаморфозъ насѣкомыхъ, чтобы быть пораженными той призрачной аналогіей, на которой съ такой любовью останавливаются новѣйшіе теологи; однако между этими метаморфозами есть одна, которая, если только имъ случалось наблюдать ее, должна была показаться совершенно параллельной возстанію другого я человѣка въ видѣ крылатого существа. Есть множество родовъ ночныхъ бабочекъ, личинки которыхъ имѣютъ привычку зарываться передъ окукленіемъ въ землю; причемъ, по истеченіи нѣкотораго времени, мы находимъ, подлѣ пустой оболочки куколки, новое крылатое существо. Почему же послѣ этого нельзя заключить и по отношенію къ тому крылатому существу, которое находимъ подлѣ человѣческаго трупа, погребеннаго въ темной пещерѣ, что оно взялось изъ этого трупа?

§ 169. Чтобы перейти къ изслѣдованію воображаемыхъ превращеній третьяго рода,—сходныхъ съ предыдущими въ томъ, что и здѣсь животныя отождествляются съ умершими людьми, и несходныхъ въ томъ, что здѣсь эта идея внушается инымъ образомъ,—намъ потребуется предварительно остановиться на двухъ объяснительныхъ описаніяхъ, изъ которыхъ одно относится къ первобытному языку, а другое—къ первобытному способу давать имена.

Группа словъ, употребляемыхъ дикаремъ, въ качествѣ знаковъ для идей, очень не велика. Отсюда долженъ проистечь одинъ изъ двухъ результатовъ: или лишь немногія изъ числа окружающихъ его вещей и дѣйствій будутъ имѣть особые, обозначающіе ихъ знаки; или же такіе знаки будутъ прилагаться безразлично ко многимъ различнымъ вещамъ и дѣйствіямъ, откуда неизбежно должны явиться неправильныя разумѣнія. Если „цвѣта могутъ быть выражены

изображеніемъ летящей совы, но былъ ли онъ дѣйствительно, при своемъ началѣ, такимъ изображеніемъ,—это вопросъ, на который я не въ состояніи найти отвѣта; очевидно только одно, что этотъ символъ гораздо менѣе отклоняется отъ формы летящей совы, чѣмъ символы животныхъ, употреблявшіеся въ іероглифическомъ письмѣ, отклонялись отъ своихъ оригиналовъ. Тутъ есть еще одинъ вопросъ, стоящій того, чтобы коснуться его хотя мимоходомъ. Если мы припомнимъ, что вначалѣ духи усопшихъ не раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ и совершенно безразлично обозначались названіями бога, демона или ангела,—если мы припомнимъ, что возникшая подъ-конецъ дифференціація естественно должна была сопровождаться тѣми особенными вѣрованіями, которыя составились относительно различныхъ крылатыхъ формъ, принимаемыхъ на себя умершими, то намъ ничуть не покажется невѣроятнымъ, что отъ совы, съ ея крыльями изъ перьевъ, могло произойти представленіе о добромъ духѣ, а изъ нетопыря, съ его перепончатыми крыльями, вышло представленіе о зломъ духѣ.

только посредством сравненія съ однимъ изъ находящихся въ виду предметовъ“, какъ говоритъ Бёртонъ о Дакотахъ, въ такомъ случаѣ утвержденье, относящееся къ цвѣту, должно быть часто принимаемо за утвержденье относительно пояснительнаго предмета. Если одно и то же слово означаетъ то „тѣнь“, то „облако“, или то „дождь“, то „небо“, или же то „ночь“, то „сегодня“, — какъ это имѣетъ мѣсто, по словамъ Швейнфурта, въ нарѣчїи Бонго, въ такомъ случаѣ смыслъ утвержденья долженъ быть отчасти результатомъ догадки, а такія догадки должны нерѣдко оказываться ошибочными.

Та неопредѣленность, которая является результатомъ такой немногочисленности словъ, должна возрастать еще болѣе вслѣдствіе недостатка терминовъ, выражающихъ степень. Дамарецъ не можетъ понять вопроса: какое изъ двухъ разстояній длиннѣе, — только-что пройденное или то, которое предстоитъ теперь пройти? Вопросъ долженъ быть поставленъ такъ: „последнее не велико; слѣдующее велико ли?“ А отвѣтъ будетъ: „Оно такое же“ или „оно не такое“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ у Абионовъ, единственный способъ для выраженія превосходной степени есть возвышеніе голоса. Затѣмъ, эта неточность смысла, истекающая изъ такихъ неопредѣленностей, увеличивается еще болѣе вслѣдствіе быстроты переимѣнъ, происходящихъ въ первобытныхъ нарѣчїяхъ. Сувѣрія дикарей ведутъ къ частымъ замѣщеніямъ новыми словами тѣхъ, которыя были въ употребленіи ранѣе, а потому утвержденья, обращавшіяся въ одномъ поколѣніи, будучи выражены въ слѣдующемъ другимъ образомъ, понимаются неправильно.

Дальнѣйшая добавочная причина путаницы есть отсутствіе связности, вслѣдствіе отсутствія грамматическихъ формъ, связующихъ слова между собою опредѣленнымъ образомъ. Спиксъ и Марціусъ сообщаютъ, что въ первобытныхъ языкахъ южной Бразилїи „нѣтъ ничего похожего на склоненія и спряженія и еще менѣе на какія-либо правила касательно построенія фразъ. Они всегда говорятъ въ неопредѣленномъ наклоненіи, съ приставкою къ нему мѣстоименій и существительныхъ, а еще чаще безъ такихъ приставокъ. Удареніе, находящееся по большей части на второмъ слогѣ, медленность или быстрота произношенія, и извѣстные знаки рукою или ртомъ, или другіе жесты совершенно необходимы для пополненія смысла ихъ фразъ. Такъ напримѣръ, если Индѣецъ хочетъ сказать: я пойду въ лѣсъ, онъ скажетъ: лѣсъ и идти, и при-этомъ вытянетъ губы по тому направленію, куда онъ намѣренъ отправиться.“ Ясно, что такой народъ не въ состояніи сообщить ни одного предложенія, требующаго даже умѣренной степени различенія. Эта относительная однородность первобытной рѣчи, обусловленная отсутствіемъ видоизмѣняющихъ окончаній словъ или замѣняющихъ ихъ вспомогательныхъ частей рѣчи увеличивается еще болѣе отсутствіемъ общихъ и отвлеченныхъ словъ. Даже

первыя степени общности и отвлеченности не могутъ быть выражены на первобытномъ языкѣ. Добрицгоферъ говоритъ, что и у Абипоновъ, и у Гуаранисовъ „не достаетъ существительнаго глагола „быть“, у нихъ нѣтъ также глагола „имѣть“. Они не имѣютъ ни одного слова для выраженія понятій: человекъ, тѣло, богъ, мѣсто, время, никогда, всегда, повсюду.“ Подобнымъ же образомъ и Лихтенштейнъ, описывая языкъ Каффровъ, говоритъ, что въ этомъ языкѣ нѣтъ „ни члена, ни вспомогательныхъ глаголовъ, ни окончаній, соответствующихъ спряженіямъ глаголовъ или склоненіямъ существительныхъ. Простое отвлеченное предложеніе—я есмь—не можетъ быть выражено на ихъ языкѣ.“

Познакомившись съ этими апостериорными подтвержденіями нашего апіорнаго ожиданія, что первобытный языкъ долженъ быть скуденъ, безсвязенъ и неопредѣленъ, мы можемъ заранѣе предвидѣть теперь, что неправильныя разумѣнія, составляющія неотъемлемую принадлежность такого языка, должны породить безчисленное множество ошибочныхъ вѣрованій. Мы читаемъ у Добрицгофера, что у Гуаранисовъ „слово абаче имѣетъ три значенія; оно можетъ значить: я—гуаранисъ, я—человѣкъ (мужчина) и я—супругъ, причемъ истинное значеніе этого выраженія въ данномъ случаѣ можетъ быть понято только изъ общаго характера разговора.“ Спросивъ себя, что произойдетъ съ преданіями, передаваемыми на такомъ языкѣ, мы должны будемъ отвѣтить, что долженствующія возникнуть тутъ искаженія будутъ чрезвычайно сильны и многочисленны.

§ 170. Люди не всегда обладали собственными именами; такія имена составляютъ произрастенія постепенной культуры. Неизобрѣтательному дикарю никогда не приходило на умъ отличать одно лицо отъ другаго особенными звуками. Каждый индивидъ обозначался вначалѣ чѣмъ-либо такимъ, что было связано съ его особой и что, будучи названо въ разговорѣ, приводило его на память; такимъ обозначеніемъ могло служить что угодно: любое происшествіе, случайное содѣйствіе или какая-либо личная черта.

Обыкновенно принимаютъ, что самыя древнія имена — имена описательныя. Мы предполагаемъ, что подобно тому, какъ предметы и мѣстности нашего собственнаго острова пріобрѣли свои имена вслѣдствіе удержанія того, что было вначалѣ экспромптнымъ или скородѣльнымъ описаніемъ, такъ точно и такія имена дикарей, какъ „Широкое лицо“, „Голый черепъ“, „Кудрявая голова“, „Лошадиный хвостъ“, суть именно тѣ знаменательныя прозвища, или клички (*sobriquets*), которыми начинается даваніе собственныхъ именъ. Но это не вѣрно. Принужденные необходимостью дать какое-нибудь обозначеніе ребенку въ то время, когда онъ не представляетъ еще никакихъ особенностей, родители его обращаются въ этихъ видахъ къ какимъ-либо обстоятельствамъ,

имѣющимъ связь съ его рожденіемъ. Ангасъ рассказываетъ, что Австралійцы, обитающіе по Нижнему Муррею, берутъ свои имена или отъ какого-нибудь ничтожнаго событія, или отъ того мѣста, гдѣ произошло рожденіе, или отъ какого-нибудь предмета природы, попавшагося на глаза матери вскорѣ послѣ рожденія ребенка. Это примѣръ типическій. По словамъ Андерсона, „дѣти Дамаровъ получаютъ имена въ память крупныхъ общественныхъ событій.“ Годжсонъ утверждаетъ, что „большинство Бодосовъ и Дималовъ носятъ ничего незначащія имена; иногда же какое-нибудь случайное событіе данной минуты можетъ внушить знаменательное имя.“ Имя, даваемое каффрскому ребенку вскорѣ послѣ его рожденія, — говоритъ Шутеръ, — обыкновенно относится къ какому-нибудь обстоятельству, связанному съ его рожденіемъ, или случившемуся около этого времени“; а Паркъ говоритъ тоже самое о Мандингахъ. Скулькрафтъ сообщаетъ намъ, что у Команчей „дѣти называются по какимъ-нибудь случаямъ, имѣвшимъ мѣсто въ ихъ раннемъ возрастѣ“; а Гирнъ, рассказывая объ именахъ Чиппевейскихъ мальчиковъ, говоритъ, что „они обыкновенно производятся отъ какой-нибудь мѣстности, времени года, или какого-либо животнаго.“ Даже у такого высокаго типа, какъ Бедуины, мы видимъ тоже самое. Буркгардтъ говоритъ: „имя дается младенцу немедленно послѣ рожденія. Оно берется отъ какого-нибудь пустаго происшествія, или отъ какого-либо предмета, поразившаго воображеніе матери или какой-нибудь изъ женщинъ, присутствовавшихъ при рожденіи ребенка. Такимъ образомъ, если при этомъ случаѣ очутится гдѣ-нибудь по-близости собака, то младенецъ вѣроятно будетъ названъ К е ла б ѣ (отъ К е л ь б ѣ — собака)“ ¹⁾.

---

¹⁾ У нашихъ Калмыковъ существуетъ подобный же обычай: послѣ рожденія ребенка, отецъ выходитъ изъ кибитки на воздухъ и первое животное или какой-нибудь другой особенный предметъ, который бросится ему при этомъ въ глаза, опредѣляетъ имя ребенка. Между Калмыками сплошь да рядомъ встрѣчаются такіе имена, какъ Собака, Осетръ и т. п. «Тунгузы, говоритъ Кривошапкинъ (Енисейскій округъ и его жизнь. Спб. 1865, Т. II, стр. 35), даютъ имена дѣтямъ преоригинально, и у иного ихъ по три. Первое дано шаманомъ, либо родителями и соответствуетъ времени года или какимъ-нибудь обстоятельствамъ, совпавшимъ рожденію... Такъ я зналъ одну женщину, которая называлась «подпаль», потому что родилась въ то время, какъ бѣлка была не въ лучшей порѣ своей шерсти, и называлась подпалью... Второе дается уже тогда, какъ человекъ начнетъ приходить въ возрастъ и проявляться особенностями своихъ свойствъ и характера; это имя есть въ тоже время названіе какого-нибудь качества... Третье имя есть уже христіанское.»

За этимъ грубымъ способомъ отличенія отдѣльныхъ личностей, который возникаетъ первымъ въ исторіи племени и который выживаетъ еще долго въ жизни каждаго индивида въ формѣ имени, получаемого при рожденіи, постепенно является въ большинствѣ случаевъ вторичное переименованіе болѣе спеціальнаго характера; причемъ поводомъ для втораго имени бываетъ какая-нибудь личная особенность, выяснившаяся съ лѣтами, или какой-нибудь странный случай, или какой-либо замѣчательный подвигъ. Изъ числа только-что видѣнныхъ нами народностей примѣры такого переименованія можно найти у Команчей, Дамаровъ и Каффровъ. Рассказывая о Каффрахъ, Маннъ говоритъ: „такимъ образомъ „Умгоди“ значить просто „мальчикъ, родившійся въ ямѣ“. Это—имя, полученное при рожденіи. „Умгинкизаго“ значить „охотникъ, отъ котораго не уйдетъ ни одно встрѣчное животное“. Это есть позднѣйшее почетное имя.“ Оставляя въ сторонѣ многочисленные примѣры этого рода, сосредоточимъ наше вниманіе только на тѣхъ, которые представляютъ для насъ здѣсь непосредственный интересъ.

Рассказывая о прибавочныхъ именахъ, приобретаемыхъ Туписами послѣ военныхъ успѣховъ, Суоти говоритъ: „Они заимствовали такіа прозвища отъ разныхъ видимыхъ предметовъ, причемъ гордость и жестокость постоянно вліяли на выборъ имени“: откуда очевидно проистекаетъ прозываніе именами дикихъ звѣрей. Описывая Кареновъ, Масонъ перечисляетъ много именъ, заимствованныхъ отъ животныхъ: „Тигръ“, „Желтый тигръ“, „Свирѣпый тигръ“, „Пантера“, „Серно-быкъ“, „Клюворогъ“ (калао), „Соколы“, „Королевскій орелъ“, „Рыба-Манго“; предпочтеніе къ именамъ свирѣпыхъ животныхъ тутъ прямо бросается въ глаза. Въ Новой-Зеландіи туземца, очень легкаго на ногу, называютъ „Кавау“, т. е. птица. А Бертонъ приводитъ слѣдующія имена Дакотскихъ женщинъ: „Бѣлый горностаѣ“, „Молодая куница“, „Выхухолья лапка“. Такое прозваніе по именамъ животныхъ составляетъ самое обыкновенное явленіе во всемъ свѣтѣ. Ландеръ говоритъ о немъ у Йорубановъ, Тендеръ — у Готтентотовъ, а распространенность его въ Сѣверной Америкѣ извѣстна каждому.

Изъ перечисленныхъ примѣровъ можно видѣть, что причинами такихъ прозвищъ должно было быть или самовозвеличеніе или возвеличеніе другими. Ливингстонъ рассказываетъ, что когда повелитель Макололо является въ какое-либо селеніе, народъ привѣтствуетъ его титуломъ „Великаго Льва“. Авторы Четырехъ лѣтъ въ Землѣ Ашантиевъ описываютъ, какъ свита короля Коффи восклицаетъ къ нему: „Взгляни передъ собою, о Левъ!“ Въ папирусѣ Гарриса король Менчиперра (Тотмесь III) называется „свирѣпый левъ“. Въ древнихъ ассирійскихъ надписяхъ мы читаемъ: „подобно быку, ты будешь господствовать надъ вождами“, — сравненіе, которое, какъ мы увидимъ при другомъ случаѣ, легко переходитъ въ

метафору. Такъ въ третьемъ папирусь Сальера говорится о Рамзесѣ: „Онъ поднялся, ужасный, подобный быку съ острыми рогами“; затѣмъ, въ одномъ изъ слѣдующихъ параграфовъ, побѣжденные обращаются къ нему такъ: „Горусъ, побѣдоносный быкъ!“

Припомнивъ, что эта привычка живеть еще и до сихъ поръ даже въ нашемъ собственномъ обществѣ, такъ что хитраго человѣка называютъ лисицей, неуклюжаго — медвѣдемъ, коварнаго — змѣю, грязнаго — свиньею, зоркаго — соколомъ и такъ далѣе, и замѣтивъ, что даже у тѣхъ изъ древнихъ расъ, которыя обладали собственными именами весьма развитаго свойства, прозваніе по именамъ животныхъ все-таки продолжало играть господствующую роль, — спросимъ себя теперь, какія слѣдствія должны были проистечь отсюда на древнѣйшихъ ступеняхъ развитія.

§ 171. Если мы припомнимъ крайнюю неопредѣленность первобытной рѣчи, то отвѣтъ будетъ очевиденъ для насъ. Такъ какъ словесные знаки бываютъ вначалѣ столь недостаточны, что для дополненія ихъ требуются еще вышіе знаки, или жесты, то различіе между метафорой и фактомъ не можетъ быть выражено, и еще менѣе можетъ быть сохранено въ преданіи. Если даже высшія расы, — какъ это показываютъ примѣры, приводимые Тайлоромъ, — ошибочно принимаютъ метафоры за факты, — если слова Корана, что Богъ вынулъ и очистилъ сердце Магомета, становятся вѣрованіемъ, что его сердце было дѣйствительно вытасчено изъ груди, вымыто и затѣмъ снова вложено въ нее, — если племена людей, не имѣющія правителей и описывавшіяся какъ племена безъ главъ, подали поводъ къ возникновенію у цивилизованнаго народа вѣрованія въ существованіе безголовыхъ породъ людей, — то мы не должны удивляться, если у дикаря, лишеннаго знаній и одареннаго лишь грубымъ языкомъ, является идея, что его предокъ, прозывавшійся „тигромъ“, былъ дѣйствительно тигръ. Съ самаго дѣтства онъ всегда слышитъ, какъ его дѣда называютъ этимъ именемъ. Никто изъ взрослыхъ не думаетъ, что онъ можетъ неправильно истолковать себѣ это прозваніе, такъ какъ понятіе о заблужденіи есть въ дѣйствительности такое общее понятіе, которое едва ли могло быть достигнуто дикаремъ. Ктому-же, еслибы и была замѣчена необходимость исправить такое неправильное представленіе, то въ распоряженіи дикаря нѣтъ такихъ словъ, съ помощью которыхъ могло бы быть достигнуто подобное исправленіе. Итакъ, молодой дикарь неизбежно растетъ въ той вѣрѣ, что его отецъ происходитъ отъ тигра, вслѣдствіе чего онъ считаетъ и самого себя принадлежащимъ къ потомству тигра. Обращаясь къ фактамъ, мы встречаемся повсюду съ послѣдствіями подобныхъ недоразумѣній.

„Характерная особенность средне-азиатскихъ преданій“ — говоритъ Мит-

цель — „заключается въ томъ, что они производятъ различныя людскія племена отъ животныхъ“. По словамъ Брука, приморскіе Дайяки суевѣрно страшатся ѣсть нѣкоторыхъ животныхъ, на основаніи того предположенія, будто-бы эти животныя состоятъ въ родствѣ съ нѣкоторыми изъ ихъ предковъ, которые или были порождены ими, или сами породили ихъ. Говоря о Бечуанскихъ племенахъ, Ливингстонъ сообщаетъ, что «слово „Бакатла“ значитъ „рожденные отъ обезьяны“, „Бакуена“ — „рожденные отъ аллигатора“, „Батласси“ — „рожденные отъ рыбы“, причемъ каждое племя пропитано суевѣрнымъ страхомъ по отношенію къ тому животному, по имени котораго оно называется». Фалькнеръ говоритъ, что у Патагонцевъ „множество такихъ божествъ, изъ которыхъ каждое считается покровителемъ одной какой-либо касты или семьи Индѣйцевъ, которую оно будто-бы сотворило. Нѣкоторые считаютъ себя изъ касты тигра, другіе — изъ касты льва, третьи — изъ касты Гуанако, а иные — изъ касты страуса“.

Оставляя въ сторонѣ многочисленныя примѣры изъ области другихъ странъ, мы взглянемъ здѣсь нѣсколько поближе только на тѣ, которые доставляетъ намъ Сѣверная Америка. Россъ говоритъ, что племена сѣверной Колумбіи „заявляютъ претензію на происхожденіе отъ вуххоли“. По словамъ Пауэрсъ, „всѣ туземные обитатели Калифорніи, безъ исключенія, вѣрятъ, что ихъ первые предки были созданы прямо изъ земли той области, въ которой живетъ теперь каждое изъ этихъ племенъ, и, во многихъ случаяхъ, они вѣрятъ, что эти предки были койоты“ (луговые волки). А вотъ отрывки подобнаго же значенія изъ основательнаго труда Банкрофта. О Запотокахъ говорится, что „нѣкоторые изъ нихъ, чтобы похвастаться своимъ мужествомъ, выдаютъ себя за сыновей львовъ и другихъ дикихъ животныхъ“. Гайдахи „совершенно серьезно утверждаютъ и твердо поддерживаютъ свое происхожденіе отъ воронъ“. „У Атовъ Ванкувероваго острова, быть можетъ, наиболѣе распространенное понятіе о происхожденіи человѣка заключается въ томъ, что люди существовали вначалѣ въ видѣ птицъ, животныхъ и рыбъ“. Чиппевейцы „ведутъ свое начало отъ собаки. Одно время они были такъ сильно пропитаны уваженіемъ къ своимъ собакообразнымъ предкамъ, что совершенно перестали употреблять собакъ въ санную упряжку“. Въ легендахъ Копаговъ „также фигурируютъ птица и собака, причемъ эта послѣдняя занимаетъ здѣсь то мѣсто, которое въ мифологіяхъ многихъ другихъ племенъ занято волкомъ или койотомъ“.

Эти вѣрованія такъ хорошо организованы, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы находимъ даже отчетъ о способахъ перехода изъ одного состоянія въ другое. Такъ Калифорнскіе Индѣйцы, происходящіе отъ луговаго волка, объясняютъ утрату своихъ хвостовъ слѣдующимъ образомъ: „пріобрѣтеніе привычки сидѣть прямо совершенно стерло и уничтожило этотъ прекрасный членъ“. Нѣкоторые

изъ стверныхъ Калифорнцевъ, ведущіе свое происхожденіе отчасти отъ стрыхъ медвѣдей, утверждаютъ объ этихъ послѣднихъ, что въ старыя времена они ходили „на заднихъ лапахъ, подобно людямъ; они говорили, носили палицы и употребляли свои переднія лапы точно такъ, какъ люди употребляютъ свои руки“. Еще болѣе страннымъ образомъ выступаютъ эти идеи о родствѣ съ животными изъ разсказа Франклина объ Индѣйцахъ изъ племени Собачье Ребро:

«Эти люди заимствуютъ свои имена прежде всего отъ своихъ собакъ. Каждый молодой человѣкъ считается отцомъ извѣстной собаки; но когда онъ женится и приживетъ сына, то называетъ себя отцомъ мальчика. Ихъ женщины имѣютъ привычку, увидя дерущихся собакъ, упрекать ихъ самымъ ласковымъ образомъ. «Не стыдно ли тебѣ» — говорятъ онѣ, обращаясь къ какому-нибудь большому псу, — «обижать своего маленькаго братца?»»

§ 172. Этотъ послѣдній примѣръ приводитъ насъ къ различнымъ послѣдствіямъ, проистекающимъ изъ этого представленія о родствѣ съ животными, возникшаго изъ неправильнаго пониманія прозвищъ.

Животныя должны думать и понимать совершенно такъ, какъ и люди; ибо развѣ они произошли не отъ тѣхъ же самыхъ прародителей, какъ и данное людское племя, или другія племена? Отсюда вѣрованіе Панагосовъ, что въ первоначальныя времена „люди и животныя разговаривали между собою, такъ какъ, вслѣдствіе общаго языка, всѣ они были другъ другу братьями“. Отсюда же нѣкоторые обычаи Камчадаловъ, которые, по словамъ Грива, отправляясь на рыбную ловлю, „умоляютъ китовъ и моржей не опрокидывать ихъ лодокъ; а отправляясь на охоту, управиваютъ волковъ и медвѣдей не вредить имъ“. Отсюда нѣкоторые обычаи Дакотовъ, которые просятъ змѣй вести себя съ ними дружелюбно и о которыхъ Скулькрафтъ разсказываетъ: „мнѣ случалось слышать, какъ Индѣйцы разговаривали и разсуждали съ лошадью, точно съ чело-вѣкомъ“. Отсюда тѣ понятія, которыя были выражены неграми, спутниками Ливингстона, который передаетъ о нихъ слѣдующее: „я спросилъ у моихъ людей, надъ чѣмъ хохочутъ гіены, такъ какъ негры всегда приписываютъ животнымъ извѣстную долю ума. Они отвѣчали, что гіены смѣются тому, что мы не могли забрать всего (убитаго слона) и что имъ хватитъ поѣсть до-сыта, какъ и намъ“.

Второе послѣдствіе вѣрованія въ родство людей съ животными выражается въ томъ, что люди часто выказываютъ по отношенію къ животнымъ извѣстное уваженіе. Скулькрафтъ утверждаетъ, что Чиппевейцы, рассчитывая встрѣтиться на томъ свѣтѣ съ духами убитыхъ ими животныхъ, извиняются передъ убитымъ медвѣдемъ, просятъ у него прощенія и увѣряютъ его, что онъ долженъ винить въ своей смерти бѣлыхъ Американцевъ. Подобнымъ же образомъ и Остяки, по разсказу Гарриса, убивъ медвѣдя, „просятъ у него прощенія“ и говорятъ ему,

что его убили Русскіе. Точно также и у племени Куки, по свидѣтельству Макъ Куллоха, „поймка слона, тигра, медвѣдя, кабана и всякаго другаго дикаго звѣря сопровождается умилостивительнымъ пиршествомъ въ честь его мановъ“ (духовъ-покровителей). Подобные же обычаи существуютъ у Камбодійскихъ Стинсовъ, Суматранцевъ, Дайяковъ, Каффровъ, Сіамцевъ и даже у Арабовъ.

Дальнѣйшимъ естественнымъ послѣдствіемъ этого вѣрованія является особое уваженіе къ тому животному, которое дало племени его имя и на которое это племя смотритъ какъ на родственника. Какъ предокъ, представляемый себѣ въ человѣческой формѣ, считается способнымъ приносить добро и зло своимъ потомкамъ, такъ точно и предокъ, представляемый въ животной формѣ, считается способнымъ и на то, и на другое. Вслѣдствіе этого, какъ свидѣтельствуєтъ Банкрофтъ, „ни одинъ Индѣецъ, ведущій свое начало только-что описаннымъ нами способомъ отъ духа матери и сѣраго медвѣдя, никогда не убьетъ такого медвѣдя“. Подобнымъ же образомъ Осаги не убиваютъ бобровъ, вѣря въ свое происхожденіе отъ нихъ. „Никакое племя не ѣстъ того животнаго, по имени котораго оно называется“, говоритъ Ливингстонъ о Бечуанахъ. Подобные же идеи и обычаи встрѣчаются и въ Австраліи, только въ менѣе установившейся формѣ. „Ни одинъ членъ извѣстнаго семейства не убьетъ своего кобонга (т. е. того животнаго, по имени котораго прозывается это семейство), если застанетъ его спящимъ; да и вообще онъ убиваетъ его неохотно и всегда даетъ ему нѣкоторую возможность спастись“. Рядомъ съ этимъ уваженіемъ къ животному-тезкѣ, какъ къ родственнику, существуетъ всегда вѣра въ покровительство и охрану съ его стороны, а отсюда возникаетъ вѣра, распространенная столь повсемѣстно, въ предзнаменованія, даваемыя птицами и животными. Предполагается, что животное-предокъ печется о благосостояніи родни, а потому указываетъ ей знаками и звуками на предстоящую опасность.

§ 173. Неужели въ этихъ обычаяхъ не видно ясныхъ зачатковъ поклоненія, или обожанія? Коль скоро Восточные Африканцы, по свидѣтельству Ливингстона, вѣрятъ, что души ихъ усопшихъ вождей входятъ во львовъ и дѣлаютъ ихъ священными, то мы можемъ заключить напередъ, что такой же священный характеръ будетъ приданъ и тѣмъ животнымъ, человѣческія души которыхъ считаются душами предковъ племени. Коль скоро обитатели Конго, основываясь на этомъ вѣрованіи относительно львовъ, утверждаютъ, что „левъ щадитъ встрѣтившагося ему человѣка, если тотъ почтительно привѣтствуетъ его“, то мы можемъ напередъ ожидать встрѣтить умилостивленія по отношенію къ животному-вождю, которое было прародителемъ племени. Мы должны ожидать, что молитвы и жертвоприношенія разовьются въ культъ, а животное-тезка обратится въ божество.

Слѣдовательно, когда мы находимъ, что у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, у которыхъ обычай называть людей по именамъ животныхъ продолжается еще и донынѣ и преданія которыхъ о животныхъ-предкахъ отличаются такою обстоятельностью и подробностью, — животные занимаютъ мѣсто творцевъ и божествъ; — когда читаемъ у Банкрофта, что „воронъ и волкъ суть имена двухъ боговъ Клиннитовъ, считающихся основателями Индѣйской расы“, то мы находимъ какъ разъ тѣ результаты, которыхъ должны были ожидать напередъ. И когда мы читаемъ далѣе объ этомъ племени, что „колѣно ворона снова раздѣляется на под-колѣна Лягушки, Гуся, Морского льва, Совы и Лосося“, а „колѣно Волка раздѣляется на под-колѣна Медвѣдя, Орла, Дельфина, Акулы и Альки“, то мы видимъ, что обожествленіе предка, подъ формою животнаго, идетъ тѣмъ же путемъ, какъ и обожествленіе предка, подъ формою человѣка. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, болѣе недавніе прородители под-племени облакаются священнымъ характеромъ, представляющимъ меньшую важность, сравнительно съ тѣмъ священнымъ характеромъ, которымъ облакаются болѣе древніе прородители всего племени.

Руководясь даннымъ здѣсь ключемъ къ разумнѣю фактовъ, мы можемъ, какъ мнѣ кажется, не колеблясь заключить, что значительная доля весьма развитаго поклоненія животнымъ у древнихъ историческихъ расъ выросла изъ этого неправильнаго пониманія прозвищъ. Даже и въ настоящее время мы можемъ наблюдать у разныхъ полу-цивилизованныхъ народовъ примѣры зарожденія снова (ре-генезиса) такого поклоненія. Въ приложеніи къ Четыремъ Годамъ въ землѣ Ашантиевъ мы читаемъ, какъ нѣкоторые члены королевской свиты, обязанность которыхъ заключается въ восхваленіи короля и въ „даваніи ему именъ“, восклицаютъ между прочимъ: „О, боръ! (названіе одной ядовитой змѣи) ты самое красивое созданіе, но твое укушеніе смертельно“. Такъ какъ послѣ смерти такого африканскаго короля наступаетъ обыкновенно его апотеозъ, т. е. онъ возводится въ число божествъ, — такъ какъ можно ожидать, что это хвалебное прозвище „боръ“ переживетъ, вмѣстѣ съ прочими титулами, смерть короля и удержится въ умиловительныхъ моленіяхъ къ нему, какъ божеству, — такъ какъ Зулусы, вѣрящіе, вслѣдствіе внушеній другаго рода, что умершіе люди становятся змѣями, отличаютъ нѣкоторыхъ ядовитыхъ змѣй и называютъ ихъ вождями: то мы должны допустить, что изъ этого лстиваго прозвища короля, ставшаго богомъ, можетъ легко развиваться поклоненіе змѣѣ, — змѣѣ, имѣющей тѣмъ неменѣе человѣческую исторію. Подобный же результатъ получится, если мы спросимъ себя, какія послѣдствія имѣютъ вѣроятность возникнуть изъ того животнаго имени, которымъ величаютъ на Мадагаскарѣ короля въ знакъ почета. „Богъ отправился на западъ, Радама могучій быкъ“, —

вотъ тѣ выраженія, которыя употреблялись Малагазскими женщинами въ ихъ пѣсняхъ, воспѣвавшихся во славу ихъ короля, отправившагося въ военную экспедицію“, говоритъ Эллисъ въ своей исторіи. Здѣсь мы имѣемъ три титула, прилагающіеся одновременно къ королю: богъ, король и быкъ. Слѣдовательно, когда мы знаемъ, что у Египтянъ, даже въ позднѣйшія времена ихъ исторіи, король обыкновенно возводился, послѣ своей смерти, въ разрядъ божествъ, — когда тотъ же самый папирусъ, который описываетъ Рамзеса II въ зовающимъ къ своему отцу какъ къ богу, содержитъ въ тоже самое время титулъ „побѣдоносный быкъ“, приданный Рамзесу побѣжденными имъ людьми, то можемъ ли мы сомнѣваться, что и поклоненіе Апису возникло въ болѣе древнія времена изъ подобныхъ же обстоятельствъ? Можемъ ли мы сомнѣваться, что божества-быки Индусовъ, Ассиріянъ и другихъ древнихъ народовъ произошли подобнымъ же образомъ?

Такъ что если мы разъ допустимъ существованіе неправильныхъ истолкованій метафорическихъ титуловъ, совершенно неизбѣжныхъ въ первобытной рѣчи, то возникновеніе поклоненія животнымъ явится у насъ просто какъ естественное слѣдствіе такихъ истолкованій. Млекопитающія, птицы, пресмыкающіяся, рыбы, однимъ словомъ, всѣ животныя доставляютъ имена для прозвищъ, или кличекъ; всѣ они разсматриваются въ томъ или другомъ мѣстѣ какъ прародители, всѣ они считаются тѣмъ или другимъ народомъ священными, причемъ этотъ священный характеръ доходитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до настоящаго обожанія. Даже тамъ, гдѣ прозвище выражаетъ неодобреніе, — даже тамъ, гдѣ существо, имя котораго послужило для прозвища, возбуждаетъ скорбѣ презрѣніе, чѣмъ уваженіе, мы видимъ, что отождествленіе животнаго съ предкомъ вызываетъ поклоненіе этому животному. Ведахи, господствующая религія которыхъ есть поклоненіе предкамъ, поклоняются также черепахѣ. Хотя у нихъ и нельзя прослѣдить причины этого поклоненія, но зато въ другомъ мѣстѣ мы находимъ нѣкоторое указаніе на эту причину. Бѣтсъ, во время своихъ путешествій по Амазонкѣ, имѣлъ двухъ слугъ, называвшихся Черепахами; эта кличка перешла къ нимъ отъ ихъ отца, который получилъ ее за свою медлительность. Здѣсь мы видимъ первый шагъ къ образованію племени Черепахи, которое будетъ имѣть еѣ своимъ предкомъ, тотемомъ, божествомъ.

§ 174. Сюда можно прибавить нѣсколько странныхъ фактовъ, которые только-что развитая гипотеза объясняетъ вполне удовлетворительно. Я разумю поклоненіе существамъ, представляющимъ полу-человѣка и полу-животное.

Когда, какъ въ генеалогіи королей Ашантиевъ, преданіе утверждаетъ, что ихъ предкомъ была ядовитая змѣя „боръ“, — когда до отдаленнаго потомства доходитъ тотъ фактъ, что „боръ“ была когда-то ихъ правителемъ, законо-

дательмъ и лицомъ, говорившимъ членораздѣльнымъ языкомъ, — когда легенда утверждаетъ одновременно, что король-предокъ былъ одновременно и змѣей и человѣкомъ, то что имѣетъ вѣроятность произойти отсюда? Вѣра безъ разсужденій во все, что ему говорятъ старшіе, дикарь приметъ оба эти утвержденія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ будетъ довольствоваться ими, ничуть не заботясь объ ихъ взаимномъ противорѣчій; но въ другихъ случаяхъ онъ попытается помирить ихъ между собою. Въ особенности, если ему вздумается сдѣлать графическое или скульптурное изображеніе предка, то придется соединить, по его крайнему разумѣнію, эти противорѣчивыя свойства, вслѣдствіе чего онъ произведетъ фигуру, которая будетъ полу-человѣкъ и полу-змѣя. Невозможно рационально сомнѣваться въ томъ, что коль скоро Малагазскія преданія и пѣсни говорятъ о побѣдоносномъ Радамъ какъ о „могучемъ быкѣ“, какъ о королѣ и какъ о богѣ, то развитіе имѣющаго возникнуть отсюда культа, въ соединеніи съ развитіемъ пластическихъ искусствъ, можетъ окончиться изображеніемъ бога Радамы, представляющимъ или человѣка, или быка, или человѣка съ бычачьей головой, или существо, имѣющее тѣло быка и голову человѣка.

Неправильное истолкованіе метафорическихъ титуловъ внушаетъ идею объ этомъ типѣ божествъ еще и другимъ образомъ. Коль скоро предокъ выживаетъ въ преданіи подъ своимъ животнымъ прозвищемъ и коль скоро то же преданіе приписываетъ ему жену, носившую другое животное имя, или имя человѣческое, то для потомства естественно будетъ предположить, что плодъ этого союза соединялъ въ себѣ свойства обоихъ своихъ родителей. Слѣдующій отрывокъ изъ разсказа Банкрофта о жителяхъ Алеутскихъ острововъ показываетъ первую ступень подобнаго вѣрованія.

«Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что въ самомъ началѣ жила на Уналашкѣ Сука и что съ острова Кадьяка приплылъ къ ней большой Кобель; отъ этой-то пары произошло людское племя. Другіе же называютъ эту Суку, мать своего племени, Магахъ, и говорятъ, что однажды къ ней явился съ сѣвера нѣкій старецъ, по имени Иракдадахъ; результатомъ этого посѣщенія было рожденіе на свѣтъ двухъ существъ, одного мужскаго, а другаго женскаго пола, представлявшихъ необыкновенную смѣсь различныхъ элементовъ природы, ибо каждое изъ нихъ было полу-человѣкъ и полу-лисица».

Такая легенда, или столь сродная съ ней легенда Квичесовъ, считающихъ, что человѣческій родъ произошелъ отъ пещерной женщины и отъ собаки, умѣвшей превращаться въ красиваго юношу, или, наконецъ, какъ легенда Дикокаменныхъ Киргизовъ, которые ведутъ свое происхожденіе „отъ краснаго борзатаго кобеля и одной царицы, съ ея сорока прислужницами“, едва ли можетъ просуществовать безъ того, чтобы не породить идей о составныхъ

богахъ. Коль скоро народъ, имѣющій подобныя преданія, подвинется настолько впередъ, что грубыя изображенія предковъ, поставляемыя надъ ихъ могилами, разовьются у него въ идоловъ, стоящихъ въ храмахъ, то онъ будетъ, по всей вѣроятности, изображать творца своего племени или въ видѣ человѣка съ собачьей головой, или въ видѣ собаки съ человѣческимъ лицомъ.

Такимъ образомъ мы получаемъ понятное объясненіе происхожденія ублюдочныхъ божествъ, существовавшихъ у столь многихъ изъ полу-цивилизованныхъ народовъ. Халдеи и Вавилоняне поклонялись сообща богу Нергалу, который былъ ничто иное, какъ крылатый человѣко-левъ, а также богу Нину, который былъ рыбо-человѣкъ: это была рыба, съ человѣческой головой и ногами, выходившими у ней подлѣ хвоста. Сосѣдніе Филистимляне имѣли подобнаго же бога Дагона, съ человѣческимъ лицомъ и руками и съ рыбьимъ хвостомъ. Затѣмъ въ Ассиріи былъ крылатый человѣкъ-быкъ, представлявшій Нина, а въ Финикіи была Астарта, которая тоже изображалась въ формѣ полу-человѣка и полу-быка. Египетъ обладалъ большимъ количествомъ этихъ составныхъ сверхъестественныхъ существъ очень разнообразнаго характера. Въ придачу къ богу Амону, изображавшемуся въ видѣ человѣка съ головою барана, къ Горусу — съ головою ястреба, къ богинѣ Мумъ — съ головою льва, Гамору — съ головою коровы, Тоту — съ головою ибиса, Тифону — съ головою осла и ко многимъ дехонамъ съ головами животныхъ, которые слишкомъ многочисленны, чтобы перечислять ихъ здѣсь, мы находимъ тутъ множество разнообразныхъ сфинксовъ, которые съ тѣломъ льва соединяли голову человѣка, барана, ястреба, василиска и пр. Мы имѣемъ здѣсь составныя существа еще болѣе сложнаго свойства, а именно крылатыхъ млекопитающихъ съ головою ястреба и крылатыхъ крокодиловъ тоже съ ястребиною головою. Мало того, здѣсь существовалъ даже одинъ богъ, по имени Сакъ, про котораго Вилькинсонъ говоритъ, что онъ „соединялъ въ своемъ лицѣ птицу, четвероногое и произведеніе растительнаго царства“.

Эти нелѣпыя созданія фантазій, не поддающіяся повидимому никакому сколько-нибудь подходящему объясненію, объясняются достаточно удовлетворительно изъ неправильнаго истолкованія нѣсколькихъ метафорическихъ прозваній, носившихся однимъ и тѣмъ же лицомъ. Мы уже видѣли, что нынѣшній король Ашантиевъ называется въ знакъ почести и „Львомъ“ и „Змѣею“; у Египтянъ же, какъ мы сейчасъ увидимъ, эта многочисленность хвалебныхъ, или величальныхъ именъ доходила до весьма значительныхъ предѣловъ.

§ 175. Чтобы сократить по-возможности остальную часть этого длиннаго изслѣдованія, я укажу только вкратцѣ на добавочныя группы подтвердительныхъ фактовъ.

Египтяне, обычаи которых были такъ стойки и у которыхъ поклоненіе предкамъ было развито въ такой высокой степени, обнаруживаютъ передъ нами, какъ разъ тамъ, гдѣ мы могли этого ожидать, всѣ результаты такого неправильнаго истолкованія животныхъ прозваній. Они раздѣлялись на кланы, имѣвшіе каждый свое отдѣльное священное животное, причемъ каждый кланъ относился къ священнымъ животнымъ другихъ клановъ съ отвращеніемъ и враждою, — фактъ, указывающій на ту древнюю ступень, на которой эти животныя дали свои имена вождямъ племенъ, враждовавшихъ между собою. Прозываніе по именамъ животныхъ, имѣвшее мѣсто, судя по этимъ фактамъ, въ первобытныя времена Египта, продолжало существовать и въ позднѣйшіе періоды его исторіи; даже послѣ того, какъ короли Египта имѣли уже человѣческія собственныя имена, они все-еще продолжали присоединять къ нимъ имена животнаго происхожденія. Египтяне имѣли священныхъ животныхъ и нѣкоторыя изъ именъ этихъ животныхъ тождественны съ тѣми, которыя придавались ими ихъ королямъ въ видѣ почетныхъ прозвищъ. Они бальзамировали животныхъ, какъ бальзамировали людей. Они имѣли боговъ-животныхъ. У нихъ были божества полу-человѣческаго и полу-животнаго характера. У нихъ имѣлись изображенія и другихъ существъ составнаго характера.

Тамъ, гдѣ обычай прозывать людей именами животныхъ господствуетъ съ наибольшею силою, гдѣ возникаютъ легенды о происхожденіи людей отъ животныхъ и гдѣ животныя возводятся поэтому въ разрядъ божествъ, тамъ же находимъ мы и наиболѣе значительное развитіе легендъ касательно вмѣшательства животныхъ въ людскія дѣла. Банкрофтъ говоритъ объ Индѣйцахъ Тихо-океанскихъ штатовъ: „звѣри, птицы и рыбы сходятся здѣсь, разговариваютъ и дѣйствуютъ такъ, что оставляютъ далеко за собою даже Езоповскихъ героев“. Понятно, что всѣ многочисленныя сказки и басни этого класса, находимыя у множества народовъ, объясняются, на основаніи вышеразсмотрѣнной гипотезы, самымъ естественнымъ образомъ.

Эта гипотеза объясняетъ также и тѣ случаи, гдѣ порядокъ генезиса оказывается совершенно обратнымъ. Банкрофтъ сообщаетъ намъ, что „Салиши, Нискваллы и Якимасы... всѣ держатся того мнѣнія, что звѣри, рыбы и даже съѣдобные корни произошли отъ человѣческихъ прародителей“. Ясно, что такое представленіе весьма могло произойти изъ неправильнаго истолкованія прозвищъ. Если основатель племени, сохранившійся со своими дѣлами въ его преданіяхъ, прозывался „Медвѣдь“, то послѣдующія неправильныя истолкованія этого прозвища могли явиться въ двоякой формѣ: или это былъ медвѣдь, отъ котораго произошли люди, или же это былъ человѣкъ, отъ котораго произошли медвѣди. Многія изъ метаморфозъ классической мифологіи возникли,

по всей вѣроятности, именно этимъ путемъ, т. е. поводы къ нимъ были поданы такими случаями, гдѣ antecedentes (со стороны ли родства, или со стороны приключений) были до такой степени ясно-человѣчны, что совершенно устранили противоположный взглядъ.

Конечно, и ученіе о метемпсихозѣ (переселеніи душъ), зачатки котораго уже видны въ приведенныхъ примѣрахъ, также становится понятнымъ при помощи этой гипотезы, и различныя развитія его уже не кажутся намъ болѣе такими смѣшными. Когда о человѣкѣ, имѣвшемъ нѣсколько различныхъ животныхъ именъ, говорится въ одной легендѣ какъ объ орлѣ, а въ другой — какъ о волкѣ, то у слушателя естественно явится идея, что онъ бывалъ то однимъ, то другимъ изъ этихъ животныхъ; а изъ этой идеи ничѣмъ не сдерживаемое легковѣріе можетъ довольно естественно выработать вѣрованіе въ послѣдовательныя превращенія.

Исторіи о женщинахъ, разрѣшившихся отъ бремени животными, также находятъ свое мѣсто при этой гипотезѣ. Сентъ-Джонъ говоритъ, что „Дайяки материка считаютъ дурнымъ убивать змѣй, называемыхъ кобрами (*cobra de capella*); они рассказываютъ, что одна женщина изъ числа ихъ предковъ была беременна въ теченіе семи лѣтъ и, наконецъ, родила на свѣтъ двойни: одно человѣческое существо, и одну змѣю, кобру“. Точно также и Батавійцы, по словамъ Кука, „вѣрятъ, что женщины, разрѣшаясь отъ бремени, очень часто родятъ, вмѣстѣ съ ребенкомъ, еще и молодаго крокодила, котораго повитуха немедленно относитъ въ рѣку“. Развѣ мы не имѣемъ права заключить, что легенда, давшая начало этому чудовищному вѣрованію, сама явилась изъ рассказа о судьбѣ двойней, одинъ изъ которыхъ получилъ въ послѣдствіи прозвище крокодила?

Если прозываніе людей по именамъ животныхъ было такимъ способомъ отличенія другъ отъ друга отдѣльныхъ индивидовъ, который предшествовалъ употребленію человѣческихъ собственныхъ именъ, — если, послѣ возникновенія этихъ послѣднихъ, они не вытѣсняли вначалѣ животныхъ именъ, а только присоединяли ихъ къ себѣ, — если, на еще болѣе поздней ступени, животныя имена исчезли вовсе изъ употребленія и замѣнились господствомъ условныхъ прозвищъ, — то, мнѣ кажется, мы имѣемъ право заключить отсюда, что богъ-животное возникаетъ первымъ, что богъ полу-животное и полу-человѣкъ принадлежитъ болѣе позднѣйшей ступени и что человѣкообразный (антропоморфный) богъ является самымъ послѣднимъ. Благодаря путаницѣ, зависящей отъ выживанія древнихъ вѣрованій среди новыхъ, а также благодаря смѣшенію различныхъ мифологій, доказать это было бы довольно трудно, но мнѣ кажется, что есть причины подозрѣвать, что это дѣйствительно было такъ у тѣхъ наро-

довъ, у которыхъ прозваніе людей по именамъ животныхъ было развито первоначально въ очень обширныхъ размѣрахъ.

§ 176. Такимъ образомъ множество болѣе мелкихъ группъ фактовъ являются на помощь къ болѣе крупнымъ для подтвержденія того, что поклоненіе животнымъ есть скрытая форма поклоненія предкамъ. Существуетъ три пути, посредствомъ которыхъ первобытный человѣкъ приводится къ отождествленію животного съ предкомъ.

Онъ вѣрить, что другое я умершаго родственника держится постоянно около прежняго жилища или, по крайней мѣрѣ, является туда отъ времени до времени: ибо какимъ инымъ способомъ могутъ объяснить себѣ оставшіеся въ-живыхъ, спящіе въ этомъ жилищѣ, тотъ фактъ, что они видятъ его въ своихъ сновидѣніяхъ? Существуютъ такіа животныя, которыя, въ противоположность всѣмъ другимъ дикимъ тварямъ, постоянно забираются въ человѣческія жилища и притомъ тайно, по ночамъ. Смыслъ, скрывающійся въ этихъ двухъ фактахъ, ясенъ. Поэтому народы Африки, Азіи и Америки прямо заключаютъ, что змѣи, отличающіяся въ особенности этою привычкою, суть возвратившіеся покойники. Замѣтимъ, что посѣщеніе человѣческихъ жилищъ есть общая черта для всѣхъ родовъ змѣй, пользующихся въ разныхъ мѣстахъ почтеніемъ или служащихъ предметами религіознаго поклоненія. Та же черта отличаетъ тѣхъ насѣкомыхъ и птицъ, къ которымъ существуетъ въ разныхъ мѣстахъ подобное же отношеніе.

Духъ усопшаго, посѣщающій отъ времени до времени свое прежнее жилище, бродитъ также по сосѣдству отъ того мѣста, гдѣ лежитъ трупъ покойника. Вслѣдствіе этого, животныя, находимыя обыкновенно въ тѣхъ пещерахъ, которыя употреблялись вначалѣ для погребенія, считаются за новыя формы, принятыя на себя душами умершихъ. Летучія мыши и совы принимаются за крылатыхъ духовъ; а отсюда возникаютъ традиціонныя идеи о злыхъ и добрыхъ духахъ.

Напослѣдокъ, и главнымъ образомъ, является тотъ родъ отождествленія животного съ предкомъ, причиной котораго бываетъ буквальное истолкованіе метафорическихъ именъ. Мы видѣли, что первобытная рѣчь не способна передать потомству разницу между животнымъ и человѣкомъ, носившимъ имя этого животного. Отсюда — смѣшиваніе этихъ двухъ вещей; отсюда — уваженіе къ животному, какъ къ прародителю; отсюда — постепенное развитіе поклоненія животному какъ божеству. Эта гипотеза, кромѣ объясненія животныхъ-боговъ, объясняетъ также многія аномальныя вѣрованія: божества полу-животнаго и полу-человѣческаго характера; животныхъ, способныхъ говорить и играющихъ дѣятельную роль въ человѣческихъ дѣлахъ; ученіе о метемпсихозѣ и пр.

Посредствомъ накопленія видоизмѣненій за видоизмѣненіями, ведущихъ къ усложненіямъ и расхожденіямъ безъ конца, развитіе вызываетъ на свѣтъ такіе продукты, которые чрезвычайно не сходны съ своими зародышами; примѣръ такого рода мы видимъ и здѣсь, въ этомъ происхожденіи поклоненія животнымъ изъ умиловленія духовъ усопшихъ.

ГЛАВА XXIII.

ПОКЛОНЕНИЕ РАСТЕНИЯМЪ.

§ 177. Въ §§ 123.—31 мы уже видѣли, что всякое чрезвычайное возбужденіе, будетъ ли оно вызвано голодомъ, горячкою, истеричностью или помѣшательствомъ, приписывается дикими и полудивилизованными народами одержанію духомъ. Подобнымъ же образомъ истолковываютъ они себѣ и то необычайное душевное состояніе, которое производится принятіемъ возбуждающихъ веществъ. Они думаютъ, что это состояніе производится сверхъестественнымъ существомъ, заключавшимся въ проглоченной жидкости или въ съѣденномъ веществѣ.

Описывая курильщиковъ опиума, Вамбери говоритъ: „Всего болѣе поразилъ меня тотъ фактъ, что эти несчастные вызываютъ къ себѣ величайшее уваженіе, какъ люди въ высшей степени религіозные: окружающіе воображаютъ, что они дошли до помѣшательства отъ своей великой любви къ богу и погасили въ себѣ разумъ для того, чтобы имѣть возможность приблизиться къ тѣмъ существамъ, которыхъ они такъ сильно любили“. Бастіанъ рассказываетъ, что Мандинги умышленно опьяняютъ себя для того, чтобы вступить въ сношеніе съ главою божества; очевидно, что вѣрованіе, лежащее въ основаніи этого обычая, заключается въ томъ, что испытываемое при-этомъ возбужденное состояніе есть божественное вдохновеніе. Этотъ взглядъ былъ вполне опредѣленно высказанъ Арафурою (на Папуанскихъ островахъ), который, выслушавъ рассказъ о христіанскомъ Богѣ, сказалъ: „Въ такомъ случаѣ этотъ Богъ навѣрное сидитъ въ вашемъ аракѣ, потому что я никогда не чувствовалъ себя счастливымъ, какъ когда напивался имъ вволю“.

Не можемъ ли мы, на этомъ основаніи, ожидать нѣкоторыхъ производныхъ

вѣрованій по отношенію къ растеніямъ, доставляющимъ опьяняющіе напитки? Очевидно, что — да; и наши поиски за такими вѣрованіями не будутъ безплодными.

§ 178. Мы можемъ взять здѣсь, какъ типическій случай, поклоненіе Сомѣ. Про это растеніе разсказываютъ, что оно растетъ на извѣстныхъ горахъ, что его собираютъ при свѣтѣ луны, отвозятъ съ извѣстными церемоніями на мѣсто жертвоприношеній и растираютъ тамъ между камнями, послѣ чего вытекающій изъ него сокъ отжимается и фильтруется. Выбродившійся, этотъ сокъ (которому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приписывается сладкій вкусъ) даетъ опьяняющій напитокъ, который и пьется благочестивыми поклонниками Сомы; эти люди, судя по выраженію: „ришисъ, постоянно пьющій Сому“, принадлежали къ жреческому классу. По причинамъ, указаннымъ выше, развлекающее дѣйствіе этого напитка приписывалось вдохновенію, или проникновенію, нѣкоторымъ сверхъестественнымъ существомъ, которому и приносились за это хвалы и поклоненіе. Виндишманъ, въ своемъ очеркѣ этого предмета, переведенномъ, хотя и не сполна, докторомъ Муйромъ (Muir), описываетъ Сому какъ „самое священное приношеніе въ древнѣмъ индійскомъ богослуженіи“. А, по словамъ самого Муйра, „ришисы дошли дотого, что стали смотрѣть на Сому какъ на бога и, повидимому, были страстно преданы служенію ему“. Мы приведемъ здѣсь изъ Санскритскихъ текстовъ этого автора нѣсколько отрывковъ, изъ которыхъ можно усмотрѣть генезисъ этого вѣрованія. На первомъ мѣстѣ всего лучше будетъ поставить тѣ тексты, которые указываютъ на возбужденіе, производимое перебродившимъ сокомъ сомы.

Ригъ-Веда vi. 47, 3. «Онъ (Сома), будучи выпить, возбуждаетъ мою рѣчь (или гимнъ); онъ вызываетъ пылкую мысль».

Р.-В. ix. 25, 5. «Румяный Сома, порождающій гимны, возбуждаетъ въ пьющемъ могучія поэтическія силы».

Р.-В. viii. 48, 3. «Мы напѣлись Сомы, мы стали бессмертными; мы осѣялись свѣтомъ; мы познали боговъ».

Не только ришисы вдохновляются Сомою, но и сами ихъ божества. „Боги пьютъ принесенный имъ въ жертву напитокъ“ и „повергаются въ веселое опьянѣніе“. Индра „выполняетъ свои великіе подвиги подъ его вліяніемъ“. Въ одномъ мѣстѣ говорится: „Мы призываемъ его душу (душу Варуны) съ помощью Сомы“. Въ другихъ мѣстахъ мы находимъ прямое обращеніе къ сверхъестественному существу, заключенному въ Сомѣ.

Р.-В. ix. 110, 7. «Первый (жрецъ), разсыпавъ, по алтарю священную траву, воспѣвъ гимнъ тебѣ, о Сома, прося у тебя здоровья, крѣпкой силы и пищи».

Р.-В. ix. 96, 11. «Ибо съ твоей помощью, о чистый Сома, наши мудрые праотцы стараго времени выполняли свои священныя обряды».

Р.-В. 96, 18. «Сома, преисполненный духомъ ришиса, дѣлающій ришисомъ, подаватель благъ, властитель тысячи пѣснопѣй, вождь мудрецовъ».

До какой степени буквально понимался тотъ фактъ, что глотокъ Сомы дѣлалъ выпившаго человѣка одержимымъ имъ, доказывается слѣдующей молитвою: „Сома.... войди въ насъ, преисполненный доброты“. А чтобы убѣдиться въ томъ, что являющееся вслѣдствіе опьянѣнія сомою душевное настроеніе рассматривалось какъ божественное вдохновеніе, открывающее одержимому тайны трансцендентальнаго знанія, стоитъ взглянуть на слѣдующій отрывокъ изъ Ригъ-Веды (ix. 97, 7): „Проявляя въ рѣчахъ, подобно Узасасу, глубокія знанія мудреца, богъ (Сома) открываетъ передъ нами тайны рожденій боговъ“. Въ другихъ отрывкахъ, рядомъ съ обожествленіемъ Сомы, видится вѣрованіе, что онъ присутствуетъ въ напитокѣ, употребляемомъ одинаково какъ богами, такъ и людьми. Это видно, напримѣръ, хотя бы изъ слѣдующихъ словъ (Р.-В. ix. 42, 2): „Этотъ богъ, возливаемый богамъ, съ древнимъ гимномъ, льется всеочищающимъ потокомъ“. Далѣе, есть мѣста, изъ которыхъ можно видѣть, что это сверхъестественное существо было когда-то жившимъ на землѣ человѣкомъ. Въ одномъ изъ наименѣе обстоятельныхъ съ этой стороны отрывковъ (Р.-В. 107, 7) говорится: „Ришисъ, мудрецъ, разумный, ты (Сома) былъ поэтомъ, самымъ пріятнымъ богамъ“. Въ другихъ мѣстахъ личность его описывается болѣе обстоятельно. Такъ, въ Таиттирія Брамана, ii, 3, 10, 1, говорится: „Прайалати создалъ короля Сому. Послѣ него были созданы три Веды“. Еще болѣе обстоятельны тѣ легенды, которыя сообщаютъ, что король Сома былъ женатъ, и которыя рассказываютъ разныя непріятности, бывшія у него съ нѣкоторыми изъ его женъ. Впрочемъ, въ другихъ мѣстахъ ему приписывается гораздо болѣе возвышенный характеръ. „Онъ безсмертенъ и сообщаетъ безсмертіе богамъ и людямъ“; онъ — „творецъ и отецъ боговъ“, „король боговъ и людей“. Однакоже, рядомъ съ этимъ приписываніемъ ему верховной божественности, продолжаетъ утверждаться, что онъ присутствуетъ въ сокѣ Сомы. Вотъ отрывокъ, въ которомъ являются соединенными всѣ его атрибуты:

Р.-В. ix. 96, 5 и 6. «Сому очищаютъ, очищаютъ породителя гимновъ, породителя Дайуса, Притивы, Агни, Суріа, Индры и Вишну. Сома, — который есть жрецъ-браманъ между богами (или жрецами), вождь между поэтами, ришисъ между мудрецами, буйволъ между дикими звѣрами, соколъ между коршунами, сѣкира между лѣсами, — звучно приближается къ фильтру».

Начало этихъ представленій относится къ тѣмъ древнимъ временамъ, когда Арійскія расы еще не расходились далеко отъ общаго корня, ибо подобныя же представленія мы находимъ и въ Зендавестѣ. Хотя, вмѣсто Сомы, священное растеніе называется здѣсь Гаома, тѣмъ неменѣе общее сходство съ только-что рассмотрѣнными вѣрованіями здѣсь такъ полно, что не оставляетъ никакого со-

мѣнія относительно тожества какъ самаго растенія, такъ и поклоненія ему. Виндишманъ говоритъ, что Гаома — „не только растеніе, но и могущественное божество“, а также, что „въ обоихъ памятникахъ (въ Ригъ-Ведѣ и въ Зендавестѣ) представленія о богѣ и о священномъ сокѣ сливаются между собою самымъ изумительнымъ образомъ“.

Приведенные примѣры даютъ намъ право заключить, что опьяняющія вещества, содержащіяся въ нѣкоторыхъ растеніяхъ, порождаютъ вѣрованіе, будто-бы эти растенія заключаютъ въ себѣ какія-то сверхъестественныя существа. Этотъ выводъ подтверждается и другими примѣрами, къ числу которыхъ можетъ быть отнесенъ и тотъ, который доставляетъ намъ вино (виноградное). Докторъ Муйръ, называя Сому „Индійскимъ Діонисіемъ“, приводитъ изъ Васчае Еврипида нѣсколько отрывковъ, указывающихъ на существованіе у Грековъ весьма аналогическихъ представленій по этому предмету. О Діонисіѣ говорится:

«Онъ открылъ и ввелъ въ употребленіе между людьми жидкій сокъ виноградныхъ гроздьевъ, полагающій конецъ печальмъ несчастныхъ смертныхъ».

«Онъ, рожденный богомъ, течетъ при возліяніяхъ богамъ».

«И это божество слѣдуетъ назвать прорицающимъ. Ибо вакхическія неистовства и бредъ имѣютъ въ себѣ много прорицающаго. Когда этотъ богъ входитъ въ силу въ тѣлѣ человѣка, онъ заставляеть людей, находящихся въ пьяномъ бреду, предсказывать будущее».

Для доказательства того, что эти факты должны быть истолковываемы именно такъ, можно привести вѣрованія, находимыя въ другихъ мѣстахъ, — вполне сродныя съ вышеразсмотрѣнными, хотя и менѣ развитыя. Гарсилассо рассказываетъ, что „табакъ назывался въ Перу священою травою“; т. е. что жители Перу смотрѣли на этотъ нервный возбуждатель съ религіознымъ почтеніемъ. Подобнымъ же образомъ относились они и къ другому растенію, имѣвшему, по ихъ показаніямъ, укрѣпляющее дѣйствіе, а именно къ кока. По словамъ Маркгама, „Перуанцы до сихъ поръ смотрятъ на кока съ чувствомъ суевѣрнаго почтенія. Во времена Инковъ его приносили въ жертву Солнцу, причемъ Гуиллакъ Уму, или Великій жрецъ, жевалъ во время церемоніи листь этого растенія“. Также и у Чипчасовъ гайо (кока) употреблялась жрецами въ качествѣ вдохновляющаго дѣятеля; а нѣкоторые изъ нихъ жевали и курили табакъ для возбужденія въ себѣ дара ясновидѣнія. Въ сѣверной Мексикѣ существуютъ сродныя съ этимъ понятія, что можно видѣть изъ факта, сообщаемаго Банкрофтомъ: нѣкоторые изъ туземцевъ „имѣютъ великое почтеніе къ скрытнымъ свойствамъ ядовитыхъ растеній; они вѣрятъ, что если одно изъ такихъ растеній будетъ растоптано или уничтожено, то

изъ этого непременно произойдетъ какой-либо вредъ для виновника". А на Филиппинскихъ островахъ, по словамъ новѣйшаго путешественника Джагора (Jagor), еще и въ настоящее время жители носятъ, въ видѣ амулетовъ, бобы св. Игнатія (содержащія въ себѣ стрихнинъ и употребляющіеся въ медицинѣ) и считаютъ ихъ способными творить чудеса ¹⁾.

§ 179. Приписываніе растенію человѣческой личности и вытекающее отсюда стремленіе къ поклоненію ему имѣютъ и другія начала. Вотъ одно изъ нихъ.

¹⁾ Оканчивая изслѣдованіе этой группы вѣрованій, я позволю себѣ прибавить въ заключеніе объясненіе одного общеизвѣстнаго вѣрованія, которое мнѣ кажется весьма возможнымъ. Про Сому, производящую душевное возбужденіе, говорится въ гимнахъ Ведъ, что она даетъ знаніе. Мы имѣемъ тамъ такіа выраженія: «Сома, источникъ несравненной мудрости»; «румяный Сомъ» одаренъ «пониманіемъ мудреца», «мы напились Сомы... и осіялись свѣтомъ». На основаніи всего этого можно сказать, что хотя Сомъ и не называется «древомъ познанія», однакоже онъ представляетъ несомнѣнно растеніе познанія. Далѣе про Сому говорится, что онъ даетъ жизнь богамъ; радостное восклицаніе ришиса таково: «Мы напились Сомы, мы стали безсмертными». Такимъ образомъ Сомъ, какъ источникъ оживляющаго напитка, есть также и «дерево жизни». Чтобы показать, какъ естественно является такое понятіе вслѣдствіе дѣйствія нервнаго возбудителя, стоитъ только припомнить, что водка называется французами eau de vie (вода жизни). Теперь присоединимъ къ этому еще тотъ фактъ, что тамъ, гдѣ постоянная доставка драгоцѣннаго продукта не велика, высшіе классы весьма естественно запрещаютъ его употребленіе низшимъ: побѣжденнымъ, рабамъ, подданнымъ. Такъ, въ Перу употребленіе нервнаго возбудителя кока или кука было ограничено членами царствующаго дома: «только Инкѣ и его родственникамъ дозволялось ѣсть траву, называвшуюся кука, да еще чѣмъ-то Куракасамъ, на которыхъ Инкѣ угодно было распространить эту милость». Въ этомъ обстоятельстве мы можемъ признать довольно вѣроятную побудительную причину запрещенія употреблять растеніе, изъ плода или изъ сока котораго получается вещество, производящее душевное возбужденіе; и, конечно, эта побудительная причина гораздо удобопонятнѣе, чѣмъ желаніе, чтобы подданные продолжали смѣшивать добро со зломъ. Такимъ образомъ извѣстная всему міру древняя легенда становится понятною. (Послѣ того, какъ это было уже написано, я нахожу, что священное дерево Вавилонянъ, фигурирующее въ ихъ скульптурныхъ произведеніяхъ, признано археологами—которые не имѣютъ интереса отстаивать какую-либо гипотезу—за пальму; къ этому показанію археологовъ мы можемъ присоединить здѣсь тотъ фактъ, что еще и до сихъ поръ, въ нѣкоторыхъ странахъ, перебродившій пальмовый сокъ доставляетъ особый родъ опьяняющаго напитка).

Приведа (въ § 148) нѣсколько отрывковъ изъ космогоніи Амазулусовъ и, между прочимъ, тотъ, что ихъ творецъ, Ункулункулу, произошелъ изъ тростника, или изъ тростниковой кочки, или изъ тростниковаго ложа, я упомянулъ и о томъ объясненіи, которое было высказано по этому поводу каноникомъ Коллауэйемъ, замѣтивъ при-этомъ, что въ послѣдствіи мы найдемъ болѣе естественное объясненіе. Это болѣе естественное объясненіе не можетъ быть выведено изъ тѣхъ данныхъ, которыя доставляютъ сами Амазулусы, но оно можетъ быть легко открыто изъ сравненія ихъ преданій съ преданіями нѣкоторыхъ сосѣднихъ племенъ.

Выше было уже показано, что въ Южной Африкѣ, и въ другихъ частяхъ свѣта, преданія, очевидно, дошедшія отъ предковъ-троглодитовъ, указываютъ на пещеры, какъ на мѣста, въ которыхъ произошло когда-то сотвореніе. Примѣры тому, приведенные выше, могутъ быть легко подкрѣплены многими другими. Рассказывая о Бечуанахъ, Моффатъ говоритъ:

«Моримо (туземное названіе бога), точно также какъ и человѣкъ, какъ и всѣ многоразличные виды животныхъ, вышелъ изъ отверстія, или пещеры, находящейся на сѣверѣ, въ странѣ Боконъ, гдѣ, по словамъ туземцевъ, и до сихъ поръ видны еще ихъ слѣды на отвердѣвшихъ камняхъ, которые были въ то время мягкимъ пескомъ».

А Казались передаетъ слѣдующимъ образомъ вѣрованія Базутосовъ:

«Легенда говоритъ, что и люди, и животные вышли изъ нѣдръ земли, черезъ огромную дыру; отверстіе которой выходило въ одну пещеру, и животные вышли первыми. Другое преданіе, имѣющее болѣе обширное распространеніе у Базутосовъ, утверждаетъ, что человѣкъ появился изъ болотистаго мѣста, заросшаго тростникомъ».

Посмотрите же, какимъ неожиданнымъ образомъ эти два преданія Базутосовъ приводятся къ согласію не только между собою, но и съ преданіями Бечуановъ и Амазулусовъ. Вотъ отрывокъ изъ разсказа Арбруссе и Дома:

«Это мѣсто пользуется большою знаменитостію у Базутосовъ и Лигойасовъ, не только потому, что здѣсь находятся лигасусы этихъ племенъ, но и вслѣдствіе нѣкоторыхъ мифовъ, утверждающихъ, будто-бы ихъ предки вышли первоначально изъ этого мѣста. Тутъ находится пещера, окруженная тинистымъ болотомъ, заросшимъ тростникомъ, и они вѣрятъ, будто-бы всѣ они вышли оттуда».

Такъ что всѣ эти различныя утвержденія относятся къ одному и тому же мѣсту, — къ мѣсту, гдѣ Ункулункулу „вскрылся (broke off) въ самомъ началѣ“, — гдѣ онъ „оторвалъ (broke off) народы отъ Утланга“, — гдѣ племена разстались между собою (слово, употребленное въ подлинникѣ, значитъ буквально разлучать). Въ то время какъ, въ нѣкоторыхъ преданіяхъ, пещера осталась главнымъ воспоминаніемъ, въ другихъ приобрѣло господство окружающее ее трост-

никовое ложе, которое, при несовершенствѣ туземныхъ языковъ, было спутано съ тростникомъ. Люди вышли изъ тростниковъ; люди произошли изъ тростника, — вотъ одна изъ тѣхъ формъ, подъ которыми явилась эта легенда.

У Амазулусовъ не вытекло, повидимому, изъ этого вѣрованія никакого поклоненія тростнику, но такъ какъ, поклоняясь своимъ ближайшимъ предкамъ, они не поклоняются своему самому первому предку, Ункулункулу, то съ ихъ стороны вполне послѣдовательно не поклоняться и тому растенію, изъ котораго онъ вышелъ, по утвержденію ихъ преданій. Зато другое южно-африканское племя дѣйствительно поклоняется одному растенію, на которое оно смотритъ какъ на своего перваго предка. Гальтонъ говоритъ о Дамарахъ, что „они считаютъ своимъ общимъ родоначальникомъ дерево и что эту честь дѣлятъ между собою два различныхъ дерева“ (Андерсонъ говоритъ даже, что такихъ деревьевъ гораздо больше). Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: „Мы проходили мимо великолѣпнаго дерева. Это былъ прародитель всѣхъ Дамаровъ... Дикари принялись плясать вокругъ него въ великомъ восторгѣ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ излагаетъ вѣрованія Дамаровъ слѣдующимъ образомъ: „Въ началѣ вещей было дерево, и изъ этого-то дерева вышли Дамары, Бушмены, быки и зебры... Дерево же породило и всѣ остальные живущія твари“. Разсматриваемое безъ всякой связи съ чѣмъ бы то ни было, это вѣрованіе кажется намъ совершенно необъяснимымъ. Но нижеприведенный отрывокъ изъ Андерсоновскаго описанія озера Нгами даетъ намъ ключъ къ понятію его происхожденія. „Во время моего путешествія къ озеру Нгами... мы попадались цѣлые лѣса деревьевъ, принадлежащихъ къ тому виду, который называется туземцами Омумборомбонга и который считается прародителемъ Дамаровъ“. Если мы сдѣлаемъ теперь вполне разумное предположеніе, что эти племена произошли отъ народа, который жилъ въ лѣсахъ, состоявшихъ изъ такихъ деревьевъ (а низшіе типы, каковы Веддахи, Джуанги и дикія племена внутренней части Борнео — дѣйствительно лѣсные жители), то мы увидимъ, что это понятіе о происхожденіи отъ дерева могло явиться отъ такого же смѣшенія словъ, какъ и смѣшеніе тростника съ тростниковымъ ложемъ, или тростниковымъ болотомъ.

Заключеніе, выведенное нами изъ этихъ двухъ родственныхъ случаевъ, могло бы показаться сомнительнымъ, еслибы оно не подкрѣплялось заключеніемъ, выведеннымъ изъ гораздо болѣе сильнаго случая. Мы узнаемъ отъ Бастиана, что „туземные обитатели Конго, по словамъ ихъ преданій, произошли отъ деревьевъ“, и отъ него же мы узнаемъ далѣе, что „тотъ лѣсъ, изъ котораго вышла, по словамъ туземцевъ, первая царствующая фамилія Конго, подчинившая себѣ всю страну, сдѣлался впоследствии предметомъ религіознаго почтенія

для туземцевъ“. Итакъ, здѣсь появленіе изъ лѣсу очевидно смѣшано съ происхожденіемъ изъ деревьевъ; и здѣсь мы имѣемъ вытекшее изъ такого смѣшенія quasi-поклоненіе какъ самому лѣсу, такъ и извѣстному виду дерева, сажаемому туземцами на ихъ рыночныхъ площадяхъ.

Припоминая тотъ фактъ, указанный уже нами выше, что даже санскритъ безразлично прилагаетъ къ одному и тому же процессу слова дѣлать и порождать, мы не усумнимся и въ томъ, что низшему языку никогда не удастся сохранить въ преданіи различія между выходомъ изъ лѣса деревьевъ и выходомъ изъ самихъ деревьевъ, и что появленіе изъ-за деревьевъ извѣстнаго рода непременно будетъ смѣшано съ появленіемъ изъ извѣстнаго рода дерева. Впрочемъ, еслибы у насъ и осталось какое-либо сомнѣніе по этому поводу, то оно совершенно исчезнетъ, когда мы дойдемъ до многихъ аналогическихъ случаевъ смѣшиванія той мѣстности, изъ которой вышло извѣстное племя, съ какимъ-либо замѣчательнымъ предметомъ, находящимся въ этой мѣстности, причемъ этотъ предметъ становится, вслѣдствіе такого смѣшенія, предполагаемымъ прародителемъ племени.

§ 180. Прежде чѣмъ перейти къ третьему способу происхожденія поклоненія растеніямъ, который, подобно третьему способу происхожденія поклоненія животнымъ, коренится въ недостаткахъ первобытнаго языка, я долженъ еще разъ остановиться на нихъ и прибавить къ указаннымъ уже нами выше примѣрамъ еще нѣсколько новыхъ.

Эти нѣсколько добавочныхъ случаевъ снова напомнятъ читателю, какимъ образомъ бѣдность, неопредѣленность и безсвязность первобытной рѣчи неизбежно приводятъ къ неправильной передачѣ преданій. По словамъ Пальгрева, „цвѣта зеленый, черный и бурый постоянно смѣшиваются въ обыкновенномъ арабскомъ разговорѣ“. Гёнтеръ говоритъ: „Санталы, не обладая отвлеченными терминами, не имѣютъ слова для выраженія „времени“.“ А Гилль рассказываетъ о Камчадалахъ, что у нихъ „солнце и мѣсяцъ обозначаются однимъ и тѣмъ же словомъ“ и что у нихъ „почти не существуетъ особенныхъ названій для рыбъ или птицъ, и они различаютъ ихъ только по тѣмъ мѣсяцамъ, когда они являются въ наибольшемъ изобиліи“. Подобные приѣмъ не могутъ не укрѣпить нашего заключенія, что неразвитый языкъ не въ состояніи выразить различія между извѣстнымъ предметомъ и лицомъ, названнымъ по имени этого предмета.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что это заключеніе не имѣетъ нужды оставаться въ этой формѣ, — въ формѣ скрытаго вывода, подразумевающагося въ разсмотрѣнныхъ нами фактахъ, — но можетъ быть поставлено въ формѣ совершенно прямой. На древнѣйшихъ ступеняхъ лингвистическаго прогресса, не можетъ существовать такого отвлеченнаго слова, какъ имя, и еще менѣе можетъ

существовать слово для обозначенія процесса наименованія; такъ какъ даже древнй Египетскй языкъ не возвысился еще до того, что бы быть въ силахъ выразить разницу между „мое имя“ и „я именую или я зову“. Представить себѣ имя, какъ имя, значитъ представить символъ символовъ. Для составленія себѣ такого представленія прежде всего долженъ быть наблюдень тотъ фактъ, что извѣстные членораздѣльные звуки, прилагаемые къ извѣстнымъ вещамъ, стоятъ къ нимъ въ одинаковомъ отношеніи во всѣхъ случаяхъ этого рода. Прежде чѣмъ какое-нибудь слово можетъ быть представлено себѣ въ мысли какъ имя, оно должно быть представлено себѣ не просто какъ группа звуковъ, находящаяся въ связи съ извѣстнымъ предметомъ, но еще и какъ группа звуковъ, имѣющая нѣкоторую общую черту сходства со многими другими группами подобнаго же рода. Способность именъ напоминать другимъ лицамъ наименованные предметы должна быть признана за общее свойство именъ, и затѣмъ оно должно быть отвлечено въ мысли отъ его конкретныхъ обнаруженій, — прежде чѣмъ можетъ возникнуть представленіе объ имени. Если мы припомнимъ теперь, что въ языкахъ низшихъ расъ успѣхи по части обобщенія и отвлеченія такъ слабы, что, рядомъ съ существованіемъ слова для обозначенія особыхъ породъ деревьевъ, не существуетъ ни одного для обозначенія дерева вообще и что у нихъ, какъ на примѣръ у Дамаровъ, рядомъ съ существованіемъ особыхъ названій для каждаго колѣна рѣки, не существуетъ имени для всей рѣки, и еще менѣе слова, означающаго рѣку вообще; или, еще лучше, если мы обратимъ вниманіе на то, что Чирокезы имѣютъ тринадцать различныхъ глаголовъ для выраженія мытья различныхъ частей тѣла и различныхъ вещей и ни одного слова для мытья вообще, независимо отъ части тѣла или вещи, которыя моютъ, то мы увидимъ ясно, что общественная жизнь должна пройти черезъ много ступеней, сопровождаемыхъ соответственными ступенями въ лингвистическомъ прогрессѣ, прежде чѣмъ станетъ возможнымъ представленіе объ имени.

Это заключеніе не имѣетъ недостатка и въ индуктивныхъ подтвержденіяхъ. Къ несчастью, въ большинствѣ словарей нецивилизованныхъ народовъ, путешественники приводятъ эквиваленты только тѣхъ нашихъ словъ, которыя находятся въ употребленіи даннаго народа, не обращая никакого вниманія на тѣ слова, которыя имѣются у насъ, но для которыхъ данный языкъ не имѣетъ никакихъ эквивалентовъ. Впрочемъ, есть словарь, чуждый этого недостатка, а именно — Словарь Нарѣчій Никобарскихъ и Андаманскихъ Острововъ, составленный Ф. А. де Рёпсторфомъ¹⁾. Изъ этого словаря видно, что

¹⁾ F. A. de Röpstorff: Vocabulary of Dialects spoken in the Nicobar and Andaman Isles. Calcutta. 1875.

племена, населяющія большой Никобаръ, Малый Никобаръ, Терессу и Андаманскіе острова, не имѣютъ словъ, соответствующихъ нашему слову имя.

Итакъ, сдѣланное выше заключеніе неизбежно. Коль скоро не существуетъ никакого слова для выраженія понятія „имя“, то для рассказчиковъ легендъ совершенно невозможно выразить различіе между извѣстнымъ лицомъ и тѣмъ предметомъ, по имени котораго это лицо называлось. Обратимся же теперь къ разсмотрѣнію результатовъ такой путаницы, въ ихъ связи съ поклоненіемъ растеніямъ.

§ 181. Описывая Тасманійцевъ, докт. Миллиганъ говоритъ: „Имена мужчинъ и женщинъ заимствуются у нихъ отъ окрестныхъ предметовъ природы и событій, каковы напримѣръ: кенгуру, клейное дерево (gum-tree), снѣгъ, градъ, громъ, вѣтеръ, растенія въ цвѣтѣ и т. п“. У горныхъ племенъ Индіи мы находимъ тоже самое: „хлопчатникъ“ и „бѣлый хлопокъ“ служатъ у Кареновъ людскими именами. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ Америкѣ. Между Арауаксами встрѣчается не мало людей, называющихся „Табакъ“, „Табачный Листъ“, „Табачный цвѣтокъ“, а у древнихъ Перуанцевъ одинъ изъ Инковъ называется „Саири“, т. е. табачный кустъ.

Если мы присоединимъ къ этому факту еще тотъ, что Пуэблосы называютъ одно изъ тѣхъ племенъ, на которыя они раздѣляются, „Поколѣніе Табачнаго Куста“, то для насъ трудно будетъ не усмотрѣть въ этомъ прямого слѣдствія такого называнія людей по именамъ растений. При тѣсной связи этого племени съ остальными племенами Пуэблосовъ, называющимися именами медвѣдя, лугового волка, гремучей змѣи и зайца и происходящими отъ людей, которые назывались именами этихъ животныхъ и, подъ конецъ, отождествлялись съ ними, невозможно сомнѣваться въ томъ, что и „Поколѣніе Табачнаго Куста“ подобнымъ же образомъ произошло отъ человѣка, который назывался по имени этого растенія, а впослѣдствіи былъ отождествленъ съ нимъ. Подобнымъ же образомъ, слѣдуетъ принять, что и другое племя этого же самаго народа, „Поколѣніе Зеленаго Тростника“, имѣло подобное же происхожденіе, равно какъ и одно изъ племенъ Бразильскихъ Индѣйцевъ, называющееся „Мандіокка“.

Но если животное, считавшееся первоначальнымъ прародителемъ племени, окружалось вслѣдствіе этого религіознымъ почтеніемъ, то мы вправе ожидать того же самаго и по отношенію къ растеніямъ-предкамъ, хотя, можетъ быть, и не въ столь замѣтной степени, такъ какъ способность растений вліять на судьбу людей далеко не такъ замѣтна, какъ у животныхъ. Тѣмъ неменѣе идея о священности извѣстныхъ растений имѣетъ всѣ вѣроятія появиться этимъ путемъ и породить за собою quasi-религіозные обряды.

Здѣсь будетъ вполне уместно указать тотъ путь, посредствомъ котораго

неправильное истолкованіе именъ приводитъ къ вѣрованію не въ происхожденіе людей отъ животныхъ и растений, а въ происхожденіе животныхъ и растений отъ людей. Выше было уже показано (§ 175), что Салиши, Нискваллы и Якимасы предполагають, что не только птицы и звѣри, но даже и съѣдобные корни происходятъ отъ человѣческихъ предковъ; причемъ мы высказали ту мысль, что неправильное истолкованіе именъ могло повести къ этому предположенію такъ же легко, какъ и къ предположенію обратнаго свойства. Но существуетъ одинъ обычай, который въ особенности способенъ приводить къ вѣрованіямъ именно этого класса. У многихъ нисколько не родственныхъ между собою народовъ встрѣчается обычай, вслѣдствіе котораго родители заимствуютъ имя отъ своего ребенка и называются, послѣ его рожденія, отецъ такого-то или мать такого-то, примѣры чему были уже приведены въ § 171; впрочемъ, еслибы ихъ оказалось недостаточно, мы могли бы присовокупить сюда Малайцевъ и Дайяковъ, у которыхъ также существуетъ этотъ обычай. Но если ребенокъ назывался по имени какого-нибудь животного или растения, то буквальная передача въ преданіи того факта, что такой-то былъ „отцемъ черепахи“, или такая-то „матерью манса“, легко можетъ повести къ вѣрованію, что это животное или это растение имѣли человѣческихъ прародителей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, фигуральное употребленіе этихъ или подобныхъ родительскихъ именъ ведетъ еще болѣе страннымъ образомъ къ тому же самому заблужденію или къ другимъ заблужденіямъ сроднаго характера. Извѣстно, что у нѣкоторыхъ народовъ въ обычаѣ смотрѣть на извѣстнаго индивида какъ на производителя, или породителя, извѣстнаго свойства, которымъ онъ или она отличается отъ другихъ, и называть его или ее, вслѣдствіе этого, отцемъ или матерью этого свойства, которое можетъ быть выражено или прямо или метафорически. Такъ, на примѣръ, Масонъ разсказываетъ намъ о Каренахъ слѣдующее:

«Когда дитя подрастетъ и обнаружитъ какую-нибудь особенность въ своемъ характерѣ, друзья даютъ ему другое имя, съ присовокупленіемъ къ нему слова «отецъ или мать». Такъ на примѣръ, если мальчикъ очень проворенъ въ работѣ, его назовутъ «Отецъ Проворотства»; если онъ хорошо стрѣляетъ изъ лука, его назовутъ «Отецъ Стрѣльбы». Если дѣвочка особенно искусна на разныя домашнія выдумки, ее называютъ «Мать Выдумокъ»; если она охотница болтать, она становится «Матерью Болтовни». Иногда имя дается на основаніи наружности человѣка. Такъ очень бѣлую дѣвочку называютъ «Мать бѣлага Хлопка», а дѣвочку изящной наружности назовутъ «Мать Фазана».»

Въ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ такія формы именъ, которыя, подвергшись въ послѣдствіи неправильнымъ истолкованіямъ, могутъ дать начало вѣрованіямъ въ человѣческое происхожденіе не только животныхъ и растений, но и другихъ предметовъ.

§ 182. Здѣсь слѣдуетъ присовокупить еще косвенное доказательство того, что приписываніе растеніямъ душъ и явившееся отсюда поклоненіе растеніямъ возникли именно однимъ изъ показанныхъ выше способовъ. Всматриваясь въ факты, мы видимъ повсюду ясныя указанія на то, что во всѣхъ случаяхъ этого рода всегда имѣетъ мѣсто ближайшее или отдаленное отождествленіе растенія съ нѣкоторымъ человѣческимъ существомъ.

Еслибы поклоненіе растеніямъ возникало изъ приписываемаго первобытному человѣку фетишизма, еслибы оно было однимъ изъ тѣхъ анимистическихъ истолкованій, которыя являются, согласно общепринятому мнѣнію, результатомъ стремленія неразвитыхъ умовъ къ приписыванію двойственности всѣмъ окружающимъ предметамъ, въ такомъ случаѣ у насъ не было бы никакого объясненія для той формы, въ которой духъ растенія представляется дикарю. Дикарь всегда воображаетъ себѣ другое я мужчины, женщины или ребенка похожимъ по наружности на этого мужчину, женщину или ребенка, т. е. онъ представляетъ себѣ это другое я настоящимъ двойникомъ, вполне сходнымъ съ даннымъ индивидуомъ и могущимъ быть принятымъ за него. Слѣдовательно, еслибы понятіе о растительныхъ духахъ было, какъ это утверждаютъ, слѣдствіемъ первобытнаго анимизма, предшествующаго ученію о духахъ усопшихъ, а не являющагося послѣ него, въ такомъ случаѣ духи растений должны были бы представляться дикарю похожими по наружности на растенія; кромѣ того, дикарь былъ бы долженъ придавать имъ въ своемъ воображеніи и разныя другія свойства, наблюдаемыя у растений. Но въ дѣйствительности мы не находимъ ничего подобнаго. Духамъ растений не приписывается никакихъ растительныхъ свойствъ; и, наоборотъ, имъ приписывается множество свойствъ, не имѣющихъ ничего общаго со свойствами растений. Это можетъ быть показано и прямо и косвенно.

На Востокѣ существуетъ множество исторій о говорящихъ деревьяхъ, т. е. двойникамъ, обитающимъ деревья, приписывается здѣсь такая способность, которой сами деревья вовсе не имѣютъ. Обитатели Конго ставятъ калабаши (кубышки) съ пальмовымъ виномъ у подножія своихъ священныхъ деревьевъ, на тотъ случай, когда имъ захочется выпить; т. е. приписываютъ имъ такіе вкусы, которые никогда не обнаруживаются деревьями, и угощаютъ ихъ точъ въ точъ такъ, какъ угощаютъ своихъ покойниковъ. Подобное же значеніе имѣютъ и слѣдующіе факты: Ольдфильдъ видѣлъ въ Аддакудахъ куръ и разныя другія вещи подвѣшенными, въ качествѣ жертвоприношеній, къ вѣтвямъ гигантскаго дерева; Тайлоръ видѣлъ въ Мексикѣ старый кипарисъ, на которомъ было навѣшано Индѣйцами множество зубовъ и клочковъ волосъ; Гентеръ въ своихъ *Annals of Rural Bengal* рассказываетъ, что, въ Бирбумѣ, однаж-

ды въ годъ, народъ „приноситъ жертвы духу, живущему въ деревѣ Бела:“ всѣ эти факты согласно показываютъ, что умиловленія приносятся не дереву, но живущему въ немъ существу и что это существо обладаетъ свойствами, не имѣющими ничего общаго со свойствами дерева, а, напротивъ того, совершенно сходными съ тѣми, которыя приписываются дикарями другому и человѣческому существу.

Еще болѣе убѣдительно прямые свидѣтельства. Въ сочиненіи Лоу—Sarawak—мы читаемъ, что тамошній народъ вѣритъ, что люди иногда превращаются въ деревья. Затѣмъ онъ говоритъ:

«Дайки материка почитаютъ нѣкоторые растенія; они строятъ подлѣ нихъ маленькіе бамбуковые алтари, или жертвенники, къ которымъ представляются лѣстницы, чтобы облегчить духамъ поднятіе къ жертвамъ, состоящимъ изъ пищи, воды и пр. и возлагаемымъ на эти жертвенники въ торжественныхъ случаяхъ».

Столь же специфическій характеръ имѣетъ и представленіе Ирокезовъ объ этомъ предметѣ, сообщаемое намъ Морганомъ. Онъ говорилъ, что духи хлѣбныхъ растений, духъ бобовъ и духъ тыквы „представляются ими въ видѣ прекрасныхъ женщинъ“. Этотъ послѣдній примѣръ напоминаетъ намъ о дриадахъ классической міеологіи, которыя тоже представлялись въ видѣ человѣкообразныхъ духовъ женскаго пола и которымъ приносились жертвы въ точно такой же формѣ, въ какой онѣ приносились человѣческимъ духамъ вообще.

Всѣ эти факты гармонируютъ вполне съ вышеизложенными истолкованіями и оказываются совершенно несогласными съ анимистическимъ объясненіемъ.

§ 183. Итакъ, поклоненіе растеніямъ, подобно поклоненію идоламъ и животнымъ, есть уклонившійся въ сторону типъ поклоненія предкамъ, — типъ, нѣсколько болѣе замаскированный снаружи, но представляющій ту же самую внутреннюю природу. Хотя онъ и разрастается по тремъ различнымъ направленіямъ, однакоже всѣ эти направленія имѣютъ одинъ общій корень.

Токсическія дѣйствія, производимыя нѣкоторыми растеніями, добытыми изъ нихъ ядовитыми веществами, или же ихъ перебродившими соками, уподобляются другимъ нервнымъ возбужденіямъ и считаются, какъ и тамъ, причиненными духами или демонами. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое возбужденіе имѣетъ пріятный характеръ, одержавшій духъ, принятый въ себя вмѣстѣ съ напиткомъ и считающійся присутствовавшимъ предварительно въ самомъ растеніи, разсматривается какъ благотворное существо, — существо, отождествляемое иногда съ человѣческимъ предкомъ и развивающееся постепенно въ божество, къ которому обращаются съ восхваленіями, моленіями и поклоненіемъ.

Племена, переселившіяся или вышедшія изъ мѣстностей, отличавшихся какими-либо особенными деревьями или растеніями, измѣняютъ незамѣтнымъ

для нихъ самихъ образомъ легенду о выходѣ изъ-за этихъ деревьевъ въ легенду о происхожденіи отъ нихъ, такъ какъ въ ихъ словаряхъ не содержится словъ, способныхъ выразить это различіе. Отсюда — вѣрованіе, что такіа деревья—ихъ предки, и отношеніе къ нимъ какъ къ священнымъ.

Далѣе, называніе отдѣльныхъ личностей именами растений становится новой причиной для такой путаницы. Отожествленіе въ преданіи человѣка съ растеніемъ можетъ быть устранено только посредствомъ употребленія такихъ словесныхъ ограниченій и опредѣленій, которыя совершенно невозможны для грубаго языка; а изъ этого отожествленія возникаютъ по отношенію къ растенію предку идеи и чувства, сродныя съ тѣми, которыя возбуждаетъ къ себѣ животное-предокъ или даже предокъ, представляемый себѣ въ человѣческой формѣ.

Такимъ образомъ, ученіе о духахъ усопшихъ, доставившее намъ ключъ къ пониманію другихъ группъ суевѣрій, доставляетъ намъ также ключъ къ пониманію суевѣрій, составляющихъ эту группу; между тѣмъ какъ при всякомъ другомъ объясненіи эти суевѣрія предполагали бы существованіе у дикарей такихъ ни на чемъ неоснованныхъ нелѣпостей, какихъ мы не вправѣ приписывать даже первобытнымъ людямъ.

ГЛАВА XXIV.

ПОКЛОНЕНИЕ ПРИРОДѢ.

§ 184. Подъ этимъ заглавіемъ, — которое, при буквальномъ его пониманіи, обнимаетъ собою и содержаніе двухъ послѣднихъ главъ, но которое условно употребляется въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, — намъ остается разсмотрѣть тѣ суевѣрія, понятія и чувства, которыя относятся къ наиболѣе замѣтнымъ неорганическимъ предметамъ и силамъ.

Читатель, чуждый предубѣжденій, навѣянныхъ другими теоріями, долженъ естественно ожидать заранѣе, что генезисъ этихъ вѣрованій и чувствъ окажется параллельнымъ генезису тѣхъ вѣрованій и чувствъ, которыя уже описаны нами. Для него должно казаться невѣроятнымъ, чтобы ихъ происхожденіе было совершенно не сходно съ тѣми, которыя были прослѣжены нами до сихъ поръ. Конечно, онъ сразу увидитъ, что нѣкоторые поводы для отождествленія обожяемаго предмета съ умершимъ человѣкомъ не могутъ прилагаться болѣе къ этому случаю. Солнце и Мѣсяцъ не заходятъ въ прежнее жилище усопшаго и не бродятъ около погребальной пещеры, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя животныя; а слѣдовательно, они не могутъ быть приняты на этомъ основаніи за духовъ умершихъ. Моря и горы не обладаютъ тѣмъ свойствомъ, чтобы части ихъ, будучи проглочены, производили нервное возбужденіе, — свойствомъ, которое мы видѣли у нѣкоторыхъ растений; а потому приписываніе имъ божественной природы не можетъ быть объяснено этимъ способомъ. Но одна изъ причинъ появленія подобныхъ вѣрованій, видѣнная нами въ преждеразсмотрѣнныхъ случаяхъ, остается въ силѣ и здѣсь: эта причина — неправильное истолкованіе утвержденій и столь же неправильное истолкованіе именъ. Прежде чѣмъ перейти къ этимъ лингвистическимъ источникамъ поклоненія Природы, да будетъ мнѣ позволено указать

еще на одно несовершенство неразвитой рѣчи, которое присоединяется къ прочимъ ея несовершенствамъ въ произведеніи интересующихъ насъ результатовъ.

Госпожа Сомервилъ, въ своемъ жизнеописаніи, говоритъ, что ея маленький братъ, увидѣвъ большой метеоръ 1783 года, воскликнулъ: „О, мама, смотри, — мѣсяцъ убѣжалъ съ неба!“ Это описаніе неорганическаго движенія посредствомъ слова, могущаго быть приложеннымъ правильно только къ органическому движенію, представляетъ хорошій пояснительный примѣръ той особенности, которая наблюдается въ языкѣ дѣтей и дикарей. Словарь ребенка состоитъ главнымъ образомъ изъ словъ, относящихся къ тѣмъ живымъ существамъ, которыя играютъ главную роль въ его жизни; а потому въ утвержденіяхъ ребенка о неживыхъ вещахъ и движеніяхъ обнаруживается недостатокъ словъ, свободныхъ отъ подразумѣваній жизненности. Утвержденія нецивилизованныхъ людей отличаются подобнымъ характеромъ. Негры внутренности материка, сопровождавшіе Ливингстона въ его путешествіи къ западному берегу, возвратившись домой и рассказывая землякамъ о своемъ путешествіи, описывали свое прибытіе къ морю слѣдующими словами: „Міръ сказалъ намъ: „Я кончился: отъ меня не осталось болѣе ничего“.“ Подобною же формою и подобными же подразумѣваніями отличаются и тѣ отвѣты, которые были получены на вопросы корреспондента, посѣтившаго землю Ашантиевъ во время нашей войны съ ними:

«Я воскликнулъ: «мы, конечно, должны уже быть теперь около Бѣлаха. Но что это такое?» Отвѣтъ былъ данъ проводникомъ. «Это, сэръ, множество воды, которое живетъ тутъ и которое мы должны перейти». «Гдѣ же въ такомъ случаѣ Бѣлахъ?» «О, Бѣлахъ живетъ на другой сторонѣ вонъ того большаго холма» ¹⁾».

Подобнымъ же характеромъ отличается и замѣчаніе, сдѣланное Казалису однимъ Вечуанскимъ вождемъ: „Каждое событіе есть всегда сынъ какого-нибудь другаго событія, и мы никогда не должны забывать этого родства“. Та общая истина, что чѣмъ бѣднѣе языкъ, тѣмъ болѣе онъ метафориченъ, равно какъ и та производная истина, что языкъ, развившійся сначала для выраженія человѣческихъ дѣлъ, сохраняетъ въ послѣдствіи нѣкоторыя человѣческія подразумѣванія и тогда, когда онъ распространяется на окружающій міръ, обнаруживаются очень хорошо изъ того, что даже до настоящаго времени нашъ глаголь „to be“ (быть) можетъ быть прослѣженъ назадъ, до слова, означаю-

¹⁾ Во многихъ мѣстностяхъ Россіи можно постоянно услышать такіа фразы: «въ непогоду, здѣсь живетъ большой валъ» (т. е. ходятъ большія волны); или «объ это мѣсто даже въ самое жаркое лѣто мокро живетъ» (т. е. эта болотина не просыхаетъ въ самые сильные жары) и т. п.

щаго „to breathe“ (дышать).

Очевидно, что этот недостаток древней рѣчи, соединяясь съ указанными нами другими ея недостатками, благоприятствуетъ олицетворенію (personalization). Если что-либо возбуждаетъ подозрѣніе, что извѣстная неорганическая масса была когда-то человѣческимъ существомъ, или въ ней обитаетъ духъ умершаго человѣка, то необходимость употреблять слова, подразумевающія жизнь, будетъ лишь благоприятствовать этому подозрѣнію. Взятый одинъ, самъ по себѣ, этотъ недостатокъ, вѣроятно, имѣетъ мало вліянія. Хотя фетишистическая система, проведенная логически, можетъ повести къ заключенію, что кипящая вода есть живое существо, однакоже я не знаю ни одного примѣра, гдѣ бы ребенокъ, замѣчающій о кипящей водѣ, что „она говоритъ: буль, буль“, былъ приведенъ употребленіемъ слова „говорить“ къ убѣжденію, что вода есть живое существо; точно также я не встрѣтилъ никакого указанія на то, чтобы Негръ, разсказывающій о землѣ, что она сказала ему: „я окончилась“, представлялъ себѣ вслѣдствіе этого землю въ видѣ говорящаго существа. Все, что мы можемъ сказать здѣсь съ полною увѣренностью, состоитъ въ томъ, что, при данныхъ хъ ошибочныхъ олицетвореніяхъ, явившихся другимъ путемъ, употребленіе этихъ словъ, подразумевающихъ жизнь, будетъ несомнѣнно укрѣплять ихъ. Въ области поклоненія Природѣ, какъ и въ области поклоненія животнымъ и растеніямъ, неправильныя вѣрованія, обусловленныя несовершенствами языка, возникаютъ изъ положительныхъ утвержденій, принимаемыхъ на вѣру въ авторитетъ и неизбежно истолковываемыхъ неправильнымъ образомъ.

Читателю можетъ показаться, что, намекая такимъ образомъ на заключеніе, что поклоненіе замѣчательнымъ предметамъ и силамъ высшаго міра, представляемымъ себѣ въ формѣ личностей, происходитъ изъ лингвистическихъ ошибокъ, я схожусь, повидимому, во взглядѣ на этотъ предметъ съ современными міеологами. Но хотя обѣ гипотезы указываютъ на неправильное истолкованіе словъ какъ на причину данного явленія, тѣмъ неменѣе оно совершенно различно по роду въ двухъ данныхъ случаяхъ, и ошибочный путь мысли имѣетъ въ нихъ совершенно противоположное направленіе. Міеологи придерживаются того мнѣнія, что силы природы представляются вначалѣ и служатъ предметами поклоненія какъ безличныя силы, и что онѣ олицетворяются лишь впоследствии, подъ вліяніемъ извѣстныхъ особенностей тѣхъ словъ, которыя употребляются для ихъ обозначенія; при-этомъ они думаютъ, что и легенды о личностяхъ, отождествляемыхъ съ этими силами, возникаютъ только впоследствии. Взглядъ же, защищаемый здѣсь, наоборотъ, состоитъ въ томъ, что человѣческая личность есть первичный элементъ; что отождествленіе ея съ извѣстною силою природы или съ извѣстнымъ предметомъ возникаетъ вслѣдствіе одинаковости имени, и что по-

клоненіе этой силѣ природы возникаетъ такимъ образомъ лишь въслѣдствіи, т. е. оказывается явленіемъ вторичнаго порядка.

§ 185. Чтобы лучше понять тотъ контрастъ, который представляютъ эти два способа истолкованія однихъ и тѣхъ же вѣрованій, возьмемъ какой-нибудь пояснительный примѣръ.

Въ теченіе всей зимы прелестный Солнечный Свѣтъ, преслѣдуемый мрачною Бурею, прятался отъ нея то за облако, то за горы. Онъ не могъ показаться изъ своего убѣжища на самое короткое время, безъ того, чтобы Буря вновь не погналась за нимъ на своихъ быстрыхъ ногахъ, оглашая воздухъ своимъ грозно-гремящимъ голосомъ. Однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Буря, переставъ преслѣдовать его такъ свирѣпо и рассмотрѣвъ его лучше, стала мягче къ нему, и Солнечный Свѣтъ, ободрившись немного, сталъ по-временамъ дольше оставаться на виду. Буря, не успѣвъ овладѣть имъ путемъ преслѣдованія и смягчившись его прелестями, стала стараться овладѣть имъ путемъ болѣе нѣжныхъ ухаживаній. Подъ-конецъ состоялся союзъ. Тогда Земля возвеселилась подъ вліяніемъ влажной теплоты и покрылась растеніями, которыя родились отъ этого союза и которыя убрали ее въ веселый нарядъ изъ цвѣтовъ. Но каждую осень Буря снова начинать хмуриться и ворчать; Солнечный Свѣтъ убѣгаетъ отъ нея, и преслѣдованія поднимаются снова.

Предположимъ, что Тасманійцы были бы открыты нами въ полувцилизированномъ состояніи, съ развитою мифологіею, которая содержала бы нѣчто подобное этой легендѣ; въ такомъ случаѣ, на основаніи нынѣ принятаго метода, эта легенда не колеблясь была бы истолкована какъ фигуральное выраженіе наблюденныхъ дикарями результатовъ попеременныхъ и совокупныхъ дѣйствій солнечнаго свѣта и бури; что же касается до позднѣйшаго представленія Солнечнаго Свѣта и Бури въ видѣ личностей, жившихъ когда-то на землѣ, то оно явилось слѣдствіемъ естественнаго митопеического (мифослагательнаго) стремленія, принявшаго именно это направленіе въ силу родовъ употребленныхъ словъ ¹⁾.

Спросимъ себя теперь, наоборотъ, какимъ образомъ должна быть объяснена эта легенда, еслибы она была найдена, на основаніи той гипотезы, которую мы защищали выше? Мы уже видѣли ранѣе, что у нецивилизованныхъ племенъ имена, даваемые при рожденіи, заимствуются отъ случайныхъ обстоя-

¹⁾ По-русски роды употребленныхъ словъ иные, а потому полны дѣйствующихъ лицъ оказались какъ разъ обратными тѣмъ, что въ подлинникѣ: т. е. преслѣдуемый Солнечный Свѣтъ оказался мужчиною, а преслѣдователь Буря—женщиною; но, конечно, пониманіе значенія приведеннаго примѣра ни чуть не затрудняется этимъ обстоятельствомъ.

тельствъ данной минуты и очень часто указываютъ на время и на погоду. Между именами Кареновъ, перечисляемыми у Масона, есть такія, какъ „Вечеръ“, „Лунный Восходъ“ и т. п. Поэтому, не было бы ничего аномальнаго или исключительнаго, еслибы слово „Плу-ра-на-лу-на“, означающее солнечный свѣтъ, оказалось собственнымъ именемъ какой-нибудь Тасманійской женщины; точно также не было бы ничего исключительнаго и въ томъ, еслибы у сосѣднихъ съ ними Австралійцевъ слова „Градъ“, „Громъ“ и „Вѣтеръ“ оказались мужскими именами. Слѣдовательно, заключеніе, которое мы вывели бы здѣсь, по аналогіи со всѣми предшествовавшими заключеніями, состояло бы въ томъ, что начальнымъ шагомъ въ генезисѣ этого міва было существованіе человѣческихъ личностей, называвшихся Буря и Солнечный Свѣтъ и что, вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ дѣятелями природы, называющимися тѣми же самыми именами, — смѣшенія, возникающаго въ преданіи неизбѣжнымъ образомъ, — явилось олицетвореніе этихъ дѣятелей природы; причѣмъ легенда, разъ зародившись такимъ образомъ, постоянно разрабатывалась послѣдующими поколѣніями и получала постепенно такія формы, въ которыхъ она оказывалась все болѣе и болѣе соотвѣтствующей относящимся сюда явленіямъ природы.

Посмотримъ же теперь поближе, которая изъ этихъ двухъ гипотезъ оказывается болѣе согласною съ законами духа и съ фактами, представляемыми намъ различными человѣческими племенами.

§ 186. Мыслительная способность человѣка, цивилизованнаго и дикаго, какъ и мыслительная способность вообще, гдѣ бы она ни встрѣчалась, дѣйствуетъ посредствомъ классифицированія предметовъ, свойствъ и дѣйствій, — cadaго съ ему подобнымъ. Слѣдовательно, самая природа мыслительности, или ума, не допускаетъ предположенія, будто-бы первобытный человѣкъ будетъ склоненъ безъ всякаго повода классифицировать несходныя вещи, какъ сродныя другъ съ другомъ. И если первобытные люди и связываютъ насильственно совершенно несродныя вещи, какъ вещи одной и той же природы, то для этого должно существовать у нихъ въ каждомъ случаѣ какое-нибудь сильное умственное предубѣжденіе, способное доставить необходимую для этого принудительную силу.

Велико ли то сходство, которое мы въ состояніи открыть между человѣкомъ и горою? Исключая того, что оба они состоятъ изъ вещества, мы едва ли можемъ указать еще какую-либо родственную между ними черту. Одна — громадна, другой — относительно малъ; одна не имѣетъ опредѣленной формы, другой представляетъ симметрическое сложеніе; одна — неподвижна, другой — подвиженъ; одна — холодна, другой — тепелъ; одна состоитъ изъ твердаго вещества, другой — совершенно мягокъ; у одной внутреннее устройство просто и

неправильно, другой отличается чрезвычайно сложнымъ и опредѣленнымъ внутреннимъ строеніемъ. Поэтому, классифицированіе ихъ въ мысли, какъ вещей сродныхъ между собою, противно всѣмъ законамъ мысли; и ничто, кромѣ одной лишь безграничной вѣры, не въ состояніи породить вѣрованія въ приписываемое имъ родство и заставить смотрѣть на нихъ, на одну — какъ на предка, а на другаго — какъ на потомка. Однакоже существуютъ утверженія, которыя, будучи истолкованы себѣ неправильно, приводятъ къ принятію этого вѣрованія.

Прочтемъ сначала слѣдующіе отрывки изъ сочиненія Банкрофта — Туземныя Племена Тихо-Океанскихъ Штатовъ.

«Иканамъ, творецъ вселенной, признается Чинуками могущественнымъ божествомъ; у нихъ есть гора, называемаяся этимъ именемъ, потому что они вѣрятъ, что онъ обратился тамъ въ камень».

«Калифорнскія племена вѣрятъ, что Навахоcы явились на свѣтъ изъ нѣдръ большой горы, находящейся вблизи отъ рѣки Санъ-Хуанъ».

«У гражданъ Мехико и Тлателолко было въ обычаѣ посѣщать одинъ холмъ, по имени Какатепекъ, который они считали своей матерью».

Точно также и Прескоттъ пишетъ о Мексиканцахъ: „дѣтское суевѣріе индѣйцевъ взирало на эти знаменитыя горы какъ на божества и принимало гору Ицтачхиуатль за жену ея болѣе страшнаго сосѣда, Попокатепетль.“ О Перуанцахъ, которые, по показанію Арриаги, поклонялись снѣжнымъ горамъ, мы читаемъ: „подлѣ Потози находился другой холмъ, очень похожій на предыдущій, но меньшаго размѣра; Индѣйцы считаютъ его сыномъ предыдущаго и называютъ.... Потози Младшій“. Теперь взглянемъ на ключъ къ этимъ вѣрованіямъ, который мы можемъ найти въ показаніяхъ Молины. Онъ говоритъ, что главнымъ гуакою Инковъ былъ гуака холма Гуанакаури, откуда, по словамъ ихъ преданій, началось путешествіе ихъ предковъ. Этому гуаку они представляютъ себѣ въ видѣ „человѣческой фигуры огромнаго роста“. „Этотъ гуака былъ Айаръ-Какли, одинъ изъ четырехъ братьевъ, вышедшихъ, по словамъ преданій, изъ пещеры, находящейся въ Тампу. Молина приводитъ и молитву, обращаемую къ этому гуакѣ: „О, Гуанакаури! отецъ нашъ, пусть.... твой сынъ, Инка, сохранить навсегда свою молодость, и пусть онъ всегда преуспѣваетъ въ своихъ предпріятіяхъ. И дай намъ, твоимъ сыновьямъ и потомкамъ“ .... и пр.

Эти цитаты дѣлаютъ достаточно яснымъ одинъ изъ тѣхъ путей, посредствомъ которыхъ гора можетъ стать предметомъ поклоненія, какъ предокъ извѣстнаго племени. Она есть то мѣсто, откуда вышло это племя, источникъ этого племени или его родитель: ибо различія, существующія между употребленными сейчасъ различными словами, не могутъ быть выражены на грубыхъ

языкахъ. Древнѣйшіе прародители даннаго племени или обитали въ пещерахъ данной горы,—или же эта гора, будучи самымъ замѣчательнымъ предметомъ той возвышенной области, изъ которой они пришли, стала въ послѣдствіи въ ихъ глазахъ тѣмъ предметомъ, изъ котораго они произошли. Мы находимъ эту связь идей не только у сейчасъ упомянутыхъ племенъ, но и въ другихъ мѣстахъ. Многіе народы Индіи, спустившіеся въ долины съ Гималайскихъ горъ, указываютъ на ихъ снѣжныя вершины какъ на тотъ другой свѣтъ, куда возвращаются ихъ покойники. У нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ преданіе о переселеніи превратилось въ преданіе о происхожденіи и породило соотвѣтственную форму религіознаго поклоненія. Такъ Санталы смотрятъ на восточный Гималай какъ на свою родную страну; а Гентеръ рассказываетъ намъ, что „національнымъ богомъ Санталовъ считается Нурангъ Буру, большая гора.... божество, которое бодрствовало надъ ними при ихъ рожденіи.... и которое они призываютъ теперь помощью кровавыхъ жертвоприношеній“.

Когда мы припомнимъ, что даже въ настоящее время, въ нашемъ собственномъ государствѣ, шотландскій лердъ (laird), называемый по имени своего замка, отождествляется такимъ образомъ на словахъ съ этимъ замкомъ, а потому, въ прежнія времена, когда языкъ отличался неопредѣленностью, а идеи хаотичностью, онъ легко могъ быть смѣшанъ въ преданіи съ самой горной крѣпостцей, въ которой жилъ,—когда мы припомнимъ, что даже теперь, въ нашемъ развитомъ языкѣ, слово „descend“ означаетъ одновременно и нисхождение съ болѣе высокаго мѣста, и происхожденіе отъ предка, и что пониманіе этого слова зависитъ отъ смысла другихъ сопутствующихъ ему словъ,—когда мы припомнимъ все это, говорю я, то я полагаю, что, въ присутствіи вышеприведенныхъ фактовъ, для насъ едвали будетъ возможно какое-либо сомнѣніе относительно того, что поклоненіе горамъ дѣйствительно возникаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе ошибочнаго принятія традиціоннаго источника даннаго племени за его традиціонное родство, т. е. вслѣдствіе принятія преданій о мѣстѣ, изъ котораго вышло это племя, за преданія о предкѣ, отъ котораго оно произошло. Это истолкованіе подкрѣпляетъ, и въ свою очередь само подкрѣпляется, сродными истолкованіями, предложенными въ предыдущей главѣ по отношенію къ поклоненію растеніямъ.

Появленіе представленій этого рода можетъ быть объяснено еще другою причиною, тоже лингвистическаго свойства. Слова „Гора“ и „Великая гора“ часто употребляются первобытными людьми въ видѣ прозвищъ, изображающихъ метафорически большой объемъ или большую важность извѣстнаго чело-
вѣка. Въ другомъ мѣстѣ я уже высказалъ однажды предположеніе, что занимавшее насъ тогда вѣрованіе могло имѣть свое начало въ собственномъ имени,

возникшемъ именно этимъ путемъ; я говорю о вѣрованіи того ново-зеландскаго вождя, который утверждалъ, что онъ происходитъ отъ сосѣдняго вулкана Тонгариро: весьма возможно, что одинъ изъ его предковъ дѣйствительно носилъ это метафорическое имя, приобретенное имъ за его гордый нравъ и за его внезапныя и страшныя вспышки гнѣва. Впрочемъ, въ доказательство того, что поклоненіе горамъ дѣйствительно возникаетъ этимъ путемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, я могу привести только одинъ положительный фактъ. Описывая Арауканіанъ и заявляя, что „едвали существуетъ такой матеріальный предметъ, отъ котораго они не заимствовали бы своихъ фамиліальныхъ именъ“, Томпсонъ упоминаетъ въ числѣ такихъ фамиліальныхъ именъ и „горы“.

§ 187. Если не принимать въ расчетъ движеній моря, которыя, впрочемъ, совершенно отличны по своему характеру отъ движеній человѣка, то море окажется имѣющимъ еще менѣе общаго съ человѣкомъ, чѣмъ даже гора; и по своей формѣ, и по жидкому своему составу, и по отсутствію въ немъ всякаго строенія, оно еще болѣе непохоже на человѣческую личность. Тѣмъ неменѣе море было олицетворяемо и служило предметомъ поклоненія не только на древнемъ Востокѣ, но и на Западѣ. Арріага рассказываетъ намъ о Перуанцахъ, что „всѣ, спускающіеся изъ Сьерры въ долины, прибывъ къ морю, воздаютъ ему религіозное поклоненіе: они выдергиваютъ волосы изъ бровей и приносятъ ихъ ему въ жертву, умоляя его не иссыхать никогда“. Спрашивается: какимъ путемъ могло возникнуть понятіе, приведшее къ подобному обычаю?

Мы уже видѣли, что смѣшеніе происхожденія изъ извѣстнаго мѣста съ происхожденіемъ въ смыслѣ родства повело къ поклоненію и горамъ, и деревьямъ, составлявшимъ тотъ лѣсъ, въ которомъ жило когда-то данное племя. Поклоненіе Океану имѣло, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ параллельный этому генезисъ. Правда, что когда мы называемъ матросовъ „sea-men“ (моряками, морскими людьми), то наше организованное знаніе и развитый языкъ предохраняютъ насъ отъ той ошибки, къ которой могло бы повести буквальное пониманіе этого названія; но первобытный народъ, къ берегамъ котораго пристали извѣстные люди, явившіеся неизвѣстно откуда, и который прозвалъ ихъ „морскими людьми“, будетъ очень склоненъ создать изъ этого преданіе, описывающее этихъ людей явившимися изъ моря, или произведенными моремъ. Переходъ отъ „морскихъ людей“ (men of the sea) къ „дѣтямъ моря“ (children of the sea) очень легокъ, — это такой переходъ, примѣры котораго мы можемъ найти въ фигуральныхъ выраженіяхъ нашего собственнаго языка, а изъ названія „дѣти моря“ легенда разовьетъ самымъ естественнымъ образомъ представленія о морѣ какъ о породителѣ, или родителѣ. Я не могу представить достовѣрныхъ свидѣтельствъ въ поддержку этого заключенія. Хотя Венцони, описывая Перуан-

цевъ и выражаясь свойственнымъ Испанцамъ стилемъ, и говоритъ: „они считали насъ происшедшими отъ замерзанія моря и думали, что мы были вскормлены морскою пѣною“, однакоже это показаніе, напоминающее намъ греческій мифъ объ Амфитридѣ, приписывается многими неправильному истолкованію самимъ авторомъ слышанныхъ имъ словъ. Тѣмъ неменѣе мы можемъ утверждать, что дикіе и полудивилизованные народы, не имѣющіе даже ни малѣйшей идеи о земляхъ, находящихся ниже горизонта Океана, едвали могли составить себѣ какое-либо другое представленіе о морскихъ пришельцахъ, которые не имѣли никакого видимаго начала, кромѣ самаго Океана.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это вѣрованіе въ происхожденіе отъ моря, какъ прародителя, возникаетъ также и путемъ неправильнаго пониманія индивидуальныхъ именъ. Косвенное доказательство этого можно видѣть въ томъ фактѣ, что какой-то религіозный учитель (по всей вѣроятности, миссіонеръ), появившійся между Ирокезами около 1800 года, былъ прозванъ „Красивое Озеро“; но если „Озеро“ можетъ стать собственнымъ именемъ, то мы можемъ предположить, не выступая особенно сильно изъ предѣловъ вѣроятія, что и „Океанъ“ можетъ явиться въ той же роли. Впрочемъ, мы имѣемъ и прямое доказательство этому. А именно, мы имѣемъ здѣсь свидѣтельство Гарсилассо, уже приведенное нами въ связи съ другимъ обстоятельствомъ (§ 164), что нѣкоторые кланы Перуанцевъ считали море своимъ фамильнымъ предкомъ.

§ 188. Еслибы насъ попросили назвать какое-нибудь обыденное явленіе природы, еще менѣе сходное съ человѣкомъ по своимъ свойствамъ, чѣмъ гора или море, то, по нѣкоторомъ размышленіи, мы могли бы, можетъ быть, натолкнуться въ мысли какъ разъ на то явленіе, съ которымъ мы будемъ имѣть дѣло сейчасъ, а именно на разсвѣтъ (или Утреннюю Зорю), такъ какъ это явленіе такъ далеко отстоитъ отъ человѣческой личности, какъ только можно себѣ вообразить, ибо оно не представляетъ даже ни осязаемости, ни опредѣленной формы, ни продолжительности. Слѣдовательно, не приходится ли принять, что первобытный человѣкъ былъ приведенъ къ олицетворенію Утренней Зори недостатками своего языка? И что, разъ олицетворивъ ее, онъ избобрѣлъ для нея безъ всякой нужды специальную біографію, или, лучше сказать, нѣсколько такихъ біографій? Общепринятый взглядъ отвѣчаетъ на эти вопросы утвердительно, хотя, какъ мнѣ кажется, на чрезвычайно слабыхъ основаніяхъ.

Разсматривая мифъ объ утренней зорѣ, проф. Максъ Мюллеръ, въ своихъ Читеніяхъ по Наукѣ о Языкѣ, беретъ прежде всего Сараму, которую онъ принимаетъ за одно изъ воплощеній этого мифа. Онъ соглашается, съ нѣкоторыми оговорками, съ заключеніемъ проф. Куна, что „слово сарама озна-

тало бурю". Онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что „корень слова Сарама есть саръ, — идти". Онъ говоритъ: „Допустимъ, что слово сарама значило первоначально бѣгунъ; но какимъ образомъ можно вывести отсюда, что слово бѣгунъ значило буря"? Признавъ тотъ фактъ, что другое, сродное съ этимъ слово означало вѣтеръ и облако, онъ возражаетъ, что этому послѣднему слову обыкновенно придается въ санскритскомъ языкѣ мужескій родъ; впрочемъ, говоритъ онъ, еслибы Веда и придавала сарамѣ „качества вѣтра", то эта несообразность „все-таки не могла бы считаться непреодолимымъ препятствіемъ". Затѣмъ онъ пересказываетъ приключенія Сарамы, въ ея поискахъ за коровами, и говоритъ, что вся эта исторія не доставляетъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу того, чтобы Сарама была „представленіемъ бури". Сообщивъ далѣе, что въ другой, болѣе полной, редакціи этой исторіи Сарама описывается какъ „собака боговъ", посланная Индрою „поискать коровъ", и пересказавъ по третьему источнику о томъ, какъ Сарама, повстрѣчавшись съ разбойниками, отказывается раздѣлить съ ними коровъ, но проситъ ихъ напоить её молокомъ, какъ она возвращается къ Индрѣ и говоритъ ему свою собственную лживую выдумку, какъ Индра даетъ ей пинка и она извергаетъ вонъ выпитое молоко, — проф. Максъ Мюллеръ приступаетъ къ своему собственному истолкованію этого мифа. Онъ говоритъ:

«Вотъ почти всѣ свидѣтельства, на основаніи которыхъ мы должны составить себѣ мнѣніе о томъ, какъ представлялась себѣ первоначально Сарама; разсмотрѣніе ихъ не оставляетъ почти никакого сомнѣнія въ томъ, что она означала утреннюю зорю, а никакъ не бурю».

Итакъ, вотъ передъ нами примѣръ истолкованія мифовъ. Всѣ мифологи согласны, что корень разсматриваемаго слова есть саръ, идти; изъ чего одинъ знаменитый филологъ выводитъ, что Сарама означало бѣгунъ, и слѣдовательно буря (такъ какъ сродныя съ нею слова означаютъ вѣтеръ и облако), между тѣмъ какъ другой знаменитый филологъ думаетъ, что это заключеніе ошибочно. Въ легендѣ Сарамы—женщина, въ другихъ же вариантахъ этой легенды она—собака. Но это не мѣшаетъ вывести заключеніе, что она есть утренняя зоря, — заключеніе, основанное лишь на томъ, что одинъ изъ относящихся къ ней эпитетовъ значить быстрая, а другой счастливая, и что она является передъ Индрою, а также на нѣсколькихъ метафорахъ, которыя, если принимать, что коровы означаютъ облака, могутъ считаться приложимыми въ фигуральномъ смыслѣ къ утренней зорѣ. Въ силу этихъ туманныхъ совпаденій, проф. Максъ Мюллеръ думаетъ:

«Мифъ, отрывки котораго собраны здѣсь, довольно ясенъ. Это есть новое воспроизведеніе старой исторіи о разсвѣтѣ дня. Свѣтлыя коровы, т. е. солнечные лучи или дождевыя облака, — ибо и тѣ и другія ходятъ подъ

этимъ именемъ, — были украдены силами тьмы, т. е. Ночью, съ ея многочисленнымъ и разнообразнымъ потомствомъ», и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ несогласія и противорѣчія, — несмотря на то, что корень данного имени не даетъ никакого повода для объясненія, и только лишь на основаніи нѣкоторыхъ метафоръ (которыя въ первобытномъ языкѣ употреблялись такъ свободно, что могли означать почти все, что угодно), отъ насъ требуютъ, чтобы мы повѣрили, что люди олицетворяли преходящее явленіе природы, столь далекое отъ человѣческой личности, какъ только можно себя вообразить.

Каковы бы ни были трудности, стоящія на пути того истолкованія, которое защищается нами, но оно имѣетъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что отправляется отъ фактовъ, а не отъ гипотезъ. Весьма возможно, что Утренняя Зоря является въ нѣкоторыхъ случаяхъ метафорическимъ именемъ, даваемымъ, въ видѣ комплимента, какой-нибудь краснощекой дѣвушкѣ, — хотя я и не могу представить доказательствъ этому. Но зато у насъ есть ясныя доказательства того, что утренняя зоря служить именемъ, даваемымъ при рожденіи. Мы уже видѣли, что названіе новорожденныхъ по событіямъ того момента, когда они явились на свѣтъ, принадлежитъ къ числу первобытныхъ обычаевъ. Говоря объ именахъ Кареновъ, Масонъ приводитъ, въ числѣ именъ, произведенныхъ этимъ путемъ, слѣдующія: „Жатва“, „Февраль“, „Возвращеніе Отца“. Онъ говоритъ также, какъ мы видѣли уже выше (§ 185), что названія различныхъ временъ дня также утилизируются подобнымъ образомъ; въ числѣ именъ, происшедшихъ такимъ путемъ, онъ приводитъ имя „Солнечный Восходъ“. Южная Америка доставляетъ подобный же примѣръ. Въ разсказѣ о плѣнѣ Ганса Стеда, недавно изданномъ обществомъ, носящимъ названіе Nakluyt Society, разсказчикъ сообщаетъ, что онъ присутствовалъ при наименованіи ребенка у Туписовъ, который былъ названъ Коема, т. е. утро (одинъ изъ предковъ этого ребенка также назывался этимъ именемъ), а издатель этого сочиненія, капитанъ Вертонъ, прибавляетъ въ сноскѣ, что К о е м а п и р а н г а означаетъ буквально утренняя розовая окраска неба, или Аврора. Слѣдовательно, если утренняя зоря есть дѣйствительное имя какой-нибудь личности, или если тамъ, гдѣ господствуетъ такой способъ наименованія дѣтей, это имя по всей вѣроятности, нерѣдко давалось дѣтямъ, рожденнымъ рано поутру, то преданія, относящіяся къ какой-либо личности, носившей это имя и ставшей почему-либо извѣстной, приведутъ дикаря, съ его умомъ, лишеннымъ всякой критики, и съ его твердой и буквальной вѣрой во все, что говорятъ ему его отцы, къ отождествленію этой личности съ утренней зорею, и приключенія этой личности будутъ истолкованы такимъ образомъ, чтобы они соотвѣтствовали по-

возможности явленіямъ утренней зори. Далѣе, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ это имя было носимо или членами различныхъ сосѣднихъ племенъ, или членами хотя и одного и того же племени, но жившими въ различные времена, должны будутъ возникнуть вслѣдствіе этого различныя, несогласныя другъ съ другомъ генеалогіи зори, и ей будутъ приписаны различныя, взаимнопротиворѣчащія приключенія,—что мы и находимъ въ самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности.

§ 189. Не имѣетъ ли и поклоненіе звѣздамъ подобнаго же начала? Не могутъ ли звѣзды быть отождествляемы съ предками? Намъ кажется труднымъ представить себѣ это, и однакоже существуютъ факты, которые оправдываютъ подозрѣніе, что это дѣйствительно было такъ.

Мы читаемъ, что Евреи смотрѣли на звѣзды какъ на живыя существа, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершали преступленія и подвергались наказаніямъ, и что подобныя же понятія объ одушевленности звѣздъ существовали и между Греками. Эрскинъ говоритъ, что „на Фиджійскихъ островахъ крупныя „падающія звѣзды“ (Shooting Stars) считаются богами, а болѣе мелкія—душами отшедшихъ людей“. Здѣсь мы имѣемъ опредѣленное указаніе на то, что человѣческія существа попадаютъ какимъ-то образомъ на небеса. Подобное же указаніе заключено въ Тасманійскомъ преданіи, рассказывающемъ, что огонь былъ принесенъ имъ двумя черными людьми, которые, сунувъ его Тасманійцамъ и помедливъ немножко на землѣ, превратились въ двѣ звѣзды, Касторъ и Поллуксъ. Весьма возможно, что генезисъ этой исторіи основанъ на томъ, что эти парные свѣточіи двухъ звѣздъ явились въ воображеніи дикарей двумя огнями, зажженными этими людьми, послѣ ихъ ухода. Что такой генезисъ не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, можно видѣть изъ сроднаго этому представленія Сѣверо-американцевъ, которые называютъ Млечный путь „Тропинкою Духовъ“ и „Дорогою Душъ“, по которой онѣ отправляются въ загробную страну и на которой можно видѣть ихъ лагерные огни, сверкающіе оттуда въ видѣ болѣе яркихъ звѣздъ“. Этотъ генезисъ гармонируетъ также съ еще болѣе конкретнымъ вѣрованіемъ нѣкоторыхъ Сѣверо-Американцевъ, которые рассказываютъ, что ихъ знахари пролѣзали на небо сквозь находящіяся въ немъ отверстія и встрѣчали тамъ солнце и мѣсяцъ прогуливающимися подобно человѣческимъ существамъ, что они гуляли тамъ вмѣстѣ съ ними и смотрѣли внизъ, на землю, сквозь щели, продѣланныя въ небѣ съ этою цѣлью.

Опредѣленное объясненіе подобныхъ идей очень трудно, пока мы довольствуемся построеніемъ однихъ только гипотезъ, но оно становится менѣе труднымъ, какъ только мы обращаемся къ фактамъ. У этихъ же самыхъ народовъ есть легенда, доставляющая довольно вѣроятное рѣшеніе этого вопроса. Она

помѣщена въ сочиненіи Банкрофта, Туземныя племена Тихо-Океанскихъ Штатовъ, т. III, стр. 138—9, и позаимствована имъ изъ Помо Пауэра. Прежде всего замѣтимъ, что Робинзонъ говоритъ: „другія же Калифорскія племена имѣли своимъ главнымъ богомъ нѣчто похожее по своей формѣ на чучелу койота“ (лугового волка), а теперь прочтемъ нижеслѣдующую легенду о койотѣ, распространенную у одного изъ калифорнскихъ племенъ, а именно у Кароковъ.

«Койотъ былъ такъ гордъ, что вознамѣрился протанцевать по самому небу, избравъ для этого своимъ товарищемъ одну звѣзду, имѣвшую обыкновеніе проходить совсѣмъ близко отъ горы, на которой онъ проводилъ значительную часть своего времени. И вотъ, онъ сталъ просить звѣзду, чтобы она взяла его за лапу и протанцевала вмѣстѣ съ нимъ, въ продолженіе ночи, вокругъ всего свѣта; но звѣзда только смѣялась да подмигивала ему отъ времени до времени самымъ вызывающимъ образомъ. Койотъ сердито настаивалъ на своемъ требованіи и лаялъ на звѣзду все время, пока она шла кругомъ по небу; наконецъ, мерцающая звѣзда утомилась отъ производимаго имъ шума и сказала ему, чтобы онъ успокоился и замолчалъ, и что она возьметъ его съ собою въ слѣдующую ночь. На слѣдующую ночь звѣзда взошла совсѣмъ близко отъ того утеса, на которомъ стоялъ Койотъ, такъ что онъ, подпрыгнувъ, могъ схватиться за нее. И вотъ они пошли плясать вмѣстѣ по голубымъ небесамъ. Славно это было вначалѣ, но, увы! какъ мучительно холодно стало на небѣ бѣдному койоту земли, и что за странное для него было зрѣлище смотреть внизъ, туда, гдѣ широкій Кламатъ извивался подобно ослабленной тетивѣ лука и гдѣ деревни Кароковъ казались подобными наконецникамъ стрѣлъ! Горе Койоту! его окоченѣвшія лапы скользятъ и выпускаютъ свѣтлаго товарища; темень тотъ товарищъ, съ которымъ онъ танцуетъ теперь, и имя ему Смерть. Десять разъ принимался идти снѣгъ, и шель подолгу, и койотъ все летѣлъ внизъ, и когда, наконецъ, онъ ударился о землю, то «распаулся въ такую плоскую массу, какъ ивовая циновка».—Койоты не должны танцевать съ звѣздами».

Когда мы припомнимъ, что представленіе небесъ покоящимися на вершинахъ горъ или проходящими по-близости отъ такихъ вершинъ, составляетъ общее достояніе всѣхъ нецивилизованныхъ и получивилизованныхъ расъ и что доступъ на небеса посредствомъ какого-либо способа, подобнаго только что описанному, не представляетъ никакой трудности для непривычнаго къ критикѣ ума первобытнаго человѣка, то отождествленіе звѣздъ съ человѣческими личностями покажется менѣ непонятнымъ для насъ. Хотя предокъ-койотъ и встрѣчается здѣсь съ роковой катастрофой, но такія катастрофы во все не приписываются необходимымъ образомъ и всѣмъ другимъ предкамъ-животнымъ, забирающимся подобнымъ способомъ на небеса. Какъ скоро существуютъ преданія о восхожденіяхъ животныхъ предковъ на небеса и какъ

скоро извѣстные холмы и извѣстныя группы звѣздъ, восходящія изъ-за холмовъ, признаются за тѣ самыя, о которыхъ разсказывается въ преданіяхъ, то эти два обстоятельства легко могутъ повести къ наименованію созвѣздій именами различныхъ животныхъ-предковъ, восшедшихъ, по словамъ этихъ преданій, на небеса съ вершинъ этихъ холмовъ. Такое предположеніе даетъ намъ по крайней мѣрѣ сколько-нибудь подходящее объясненіе того страннаго факта, что съ самыхъ древнѣйшихъ временъ различнымъ группамъ звѣздъ придавались имена животныхъ и людей, между тѣмъ какъ эти группы, или созвѣздія, своимъ наружнымъ видомъ, никакъ не могли внушить идеи объ этихъ животныхъ или о человѣкѣ.

Весьма возможно, что неправильное истолкованіе собственныхъ именъ и метафорическихъ прозвищъ также имѣло свою долю участія въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ. Уоллесъ сообщаетъ, что одно изъ именъ, обитающихъ на Амазонкѣ, называется „Звѣзды“. Раджа Брукъ переводитъ имя одного Дайякского вождя словами „Небесный Медвѣдь“. А въ Ассирійскихъ надписяхъ Тиглатъ Пилезаръ именуется „яркимъ созвѣздіемъ“ и „правлящимъ созвѣздіемъ“. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что буквальное пониманіе легендъ, заключающихъ подобныя имена, приводило людей, на древнѣйшихъ ступеняхъ развитія, къ отождествленію человѣческихъ личностей съ звѣздами и созвѣздіями.

Но если дѣйствительно существовало такое отождествленіе предковъ животнаго или человѣческаго характера, переселившихся, по увѣренію преданій, вышеописаннымъ способомъ на небеса, съ извѣстными группами звѣздъ, то въ этомъ обстоятельствѣ мы получаемъ ключъ къ разумнѣю различнымъ вымысловъ астрологій. Прародитель даннаго племени, претерпѣвшій подобное превращеніе, будетъ представляться продолжающимъ и понынѣ заботиться о своихъ потомкахъ; а предки другихъ племенъ (коль скоро покореніе соединило нѣсколько такихъ племенъ въ одинъ народъ), претерпѣвшіе ту же участь, будутъ представляться какъ существа, враждебныя членамъ даннаго племени. Результатомъ этого можетъ явиться ожиданіе счастливой или несчастной судьбы для новорожденнаго, смотря по тому, явится ли онъ на свѣтъ подъ тою или другою звѣздою.

§ 190. Воображаемая доступность небесъ дѣлаетъ столь же легкимъ и отождествленіе Луны съ мужчиною или женщиною. Поэтому мы можемъ ожидать встрѣтить повсюду множество легендъ, представляющихъ Луну въ видѣ существа, имѣющаго земное происхожденіе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ относительно героя преданія утверждается, что онъ живетъ въ Лунѣ; такое вѣрованіе существуетъ напримѣръ у Лушо, пред-

ставляющих одну из вѣтвей племени Тиннегъ: обращаясь съ молитвами къ этому миѳическому существу и испрашивая у него успѣха въ охотѣ, они напоминаютъ ему, что „онѣ жилѣ нѣкогда между ними—бѣднымъ, оборваннымъ мальчикомъ“. Но чаще преданіе указываетъ на настоящее превращеніе. По свидѣтельству Гейса (Hays), Эскимосы думаютъ, будто-бы солнце, мѣсяцъ и звѣзды „суть души усопшихъ Эскимосовъ и разныхъ низшихъ животныхъ“; подобнымъ же образомъ Ангаъ сообщаетъ намъ, что „Южные Австралійцы вѣрятъ, будто солнце, мѣсяцъ и пр. суть живыя существа, обитавшія нѣкогда на землѣ“. Изъ этого явствуетъ, что нѣкоторыя низшія расы хотя и не поклоняются небеснымъ тѣламъ, но тѣмъ не менѣе придаютъ имъ человѣческую природу, вслѣдствіе смутнаго отождествленія ихъ съ предками вообще. У этихъ расъ мы не встрѣчаемъ біографій Луны, но зато у другихъ эти біографіи весьма обыкновенны, въ особенности же у тѣхъ, которыя достаточно подвижались впередъ, чтобы хранить преданія. Чипчасы рассказываютъ, что нѣкогда Чаяя учила злу на землѣ и что Бочика, ихъ божественный учитель, „отправилъ ее на небеса, чтобы она сдѣлалась тамъ женою солнца и освѣщала землю по ночамъ, но чтобы не появлялась днемъ (вслѣдствіе того, что она учила людей дурному), и что съ этого времени явилась Луна“. Подобнымъ же образомъ и Мендіета говоритъ, что Мексиканцы объясняли себѣ слѣдующимъ образомъ сотвореніе Луны: „одновременно съ тѣмъ человѣкомъ, который бросился въ огонь и вышелъ оттуда солнцемъ, другой человѣкъ отправился въ пещеру и вышелъ оттуда мѣсяцемъ“.

Слѣдуетъ ли думать, что отождествленія Луны съ человѣческой личностью, жившей когда-то на землѣ, могли произойти вслѣдствіе ложныхъ истолкованій собственныхъ именъ? Такое предположеніе могло бы быть оправдано уже одними косвенными доказательствами, еслибы даже не имѣлось ни одного прямого свидѣтельства. Въ міѳологіяхъ дикихъ и полудицилизованныхъ племенъ Луна представляется чаще въ видѣ женщины, чѣмъ въ видѣ мужчины; но читатель легко припомнить, безъ всякихъ цитатъ съ нашей стороны, какъ часто прекрасная женщина сравнивается въ поэтическихъ произведеніяхъ съ Луною или даже просто называется метафорически Луною. Мнѣ кажется, что мы имѣемъ полное право заключить изъ этого, что и въ первобытныя времена слово Луна употреблялось въ качествѣ лестнаго женскаго имени. Если же это такъ, то ошибочное отождествленіе личности, называвшейся этимъ именемъ, съ предметомъ, носящимъ его, должно было порождать лунный міѳъ повсюду, гдѣ женщина этого имени выживала въ преданіи.

Къ этому гипотетическому аргументу можетъ быть присоединенъ здѣсь аргументъ, основанный прямо на фактѣ. Служила ли Луна или нѣтъ лестнымъ, или

почетнымъ, именемъ, — этого мы не знаемъ навѣрное, но зато знаемъ навѣрное, что Луна служила и служить для тѣхъ именъ, которые даются дѣтямъ при рожденіи. Въ числѣ Каренскихъ именъ, приводимыхъ Масономъ, есть имя „Полная Луна“. Очевидно, что тѣ народы, у которыхъ существуетъ въ обычаѣ отличать дѣтей именами, намекающими на различныя случайности, имѣвшія мѣсто при ихъ появленіи на свѣтъ, и которые употребляютъ съ этою цѣлью, въ качествѣ человѣческихъ именъ, названія дней недѣли (какъ это принято въ Африкѣ) или названія различныхъ временъ дня (какъ это мы видѣли во многихъ изъ приведенныхъ выше случаевъ), будутъ употреблять въ этомъ смыслѣ и названія различныхъ фазъ Луны, а такъ какъ такой способъ наименованія дѣтей имѣется у многихъ народовъ, то наименованіе людей по различнымъ фазамъ Луны не представляло, вѣроятно, ничего необыкновеннаго, а слѣдовательно и отождествленія людей съ Луною не должны были быть рѣдкими.

Здѣсь будетъ вполне уместно указать на одно знаменательное совпаденіе нашего предположенія съ дѣйствительными фактами. Имена, даваемые при рожденіи и произведенныя отъ Луны, будутъ въ большинствѣ случаевъ относиться или къ восхожденію ея, или къ ея закату, или же будутъ указывать на какую-либо ея фазу, — на рожденіе, полноту, или ущербъ, т. е. они будутъ указывать скорѣе на извѣстное состояніе Луны, чѣмъ на самую Луну, на Луну вообще. Но мы знаемъ, что Египетская богиня Бубастисъ представляла, повидимому, Новолуніе (нѣкоторые данныя указываютъ, что она изображала Полнолуніе), — во всякомъ случаѣ какую-то фазу Луны. Символическое изображеніе Артемиды также указываетъ на такое ограниченіе, равно какъ и символическое изображеніе Селены. Въ своей Аріійской Мифологіи Коксъ говоритъ, что Іо есть „по преимуществу рогатый“, или молодой, Мѣсяцъ, между тѣмъ какъ Пандія — полный Мѣсяцъ, или Полнолуніе. Какимъ образомъ эти факты могутъ быть приведены въ гармонію съ тѣмъ истолкованіемъ, котораго придерживаются современные мифологи? Неужели тираннія метафоры такъ сильна, что она въ состояніи, одною собственною силою, вынудитъ замѣну одной личности другою?

§ 191. Послѣ всего этого, для насъ вполне естественно ожидать встрѣтить такія данныя, которыя доказываютъ, что и Солнце, подобно звѣздамъ и Лунѣ, было олицетворяемо, вслѣдствіе отождествленія его съ какимъ-либо человѣческимъ существомъ, фигурирующимъ въ преданіи.

На это указывали уже, хотя и не прямо, даже тѣ цитаты, которыя были приведены нами по отношенію къ Лунѣ, но болѣе прямые указанія на это мы найдемъ въ тѣхъ фактахъ, которые будутъ рассказаны сейчасъ. Первый родитель Романчей, совершенно сходный съ ними во всемъ, за исключеніемъ своего

гигантскаго роста, живетъ, по ихъ словамъ, въ Солнцѣ. Точно также и „Че-
 чекекасы называли Солнце своимъ отцомъ“. Описывая Ольхоновъ, Банкрофтъ
 говоритъ: „Солнце начинаетъ связываться здѣсь, или отождествляться по име-
 ни, съ тѣмъ великимъ духомъ или, скорѣе, съ тѣмъ Большущимъ Человѣкомъ,
 который сдѣлалъ землю и который правилъ въ небесахъ“; онъ также говоритъ
 о Тиннегахъ, что „нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ въ добраго духа, называемаго
 Тигугунъ— „мой старый другъ“, и предполагаютъ, что онъ живетъ въ Солнцѣ
 и въ Мѣсяцѣ“. На языкѣ Саливовъ, одного изъ племенъ, живущихъ на Оре-
 ноко, названіе Солнца означаетъ буквально: „человѣкъ земли на верху“. Итакъ,
 у менѣе цивилизованныхъ американскихъ народовъ указаніе на первоначальное
 существованіе на землѣ и на послѣдующее переселеніе на небо имѣется лишь
 въ самомъ общемъ видѣ. Ихъ представленія въ этой области находятся почти
 на одномъ уровнѣ съ представленіемъ того Баротзе, который, на вопросъ Ли-
 вингстона, не предвѣщаетъ ли дождя тотъ свѣтлый кругъ, который ви-
 денъ вокругъ солнца, отвѣчалъ: „о нѣтъ, это просто Бармио (боги или отшед-
 шіе духи), собравшіеся на пичо; развѣ вы не видите сидящаго посреди ихъ
 вождя?“ этотъ отвѣтъ исходилъ, безъ сомнѣнія, изъ того вѣрованія, что какъ
 остальные члены небснаго сборища жили когда-то на землѣ, такъ точно жилъ
 на ней нѣкогда и ихъ вождь. Но у народовъ, подвинувшихся далѣе на пути
 цивилизации и обладающихъ пропорціональнымъ этому развитіемъ преданій, зем-
 ная личность Солнца описывается болѣе опредѣленнымъ образомъ. Въ своемъ
 описаніи Мексиканцевъ Камарго говоритъ:

«По словамъ Индѣйцевъ (Тласкалы) Солнце былъ богъ, до такой сте-
 пени страдавшій отъ проказы и другихъ болѣзней, что онъ не могъ дви-
 гаться. Другіе боги сжалились надъ нимъ: построили чрезвычайно большую
 печь и развели въ ней огромный огонь, чтобы или умертвить его, изба-
 вивъ этимъ заразъ отъ всѣхъ мученій, или же очистить его».

Одно изъ преданій Индѣйцевъ Квише, передаваемое Банкрофтомъ, говоритъ,
 что

«послѣ того, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ не существовало никакого
 солнца, боги собрались, въ шести лигахъ отъ Мексико, на мѣстѣ, называе-
 момъ Теотигуаканъ; они уѣлились вокругъ большого огня и сказали своимъ
 поклонникамъ, что тотъ изъ нихъ, кто бросится первый въ этотъ огонь,
 будетъ почтенъ превращеніемъ въ солнце».

Цапотеки рассказываютъ слѣдующую легенду объ одномъ изъ своихъ предковъ,
 кацикѣ Улицтека: этотъ кацикъ былъ великій стрѣлокъ изъ лука;

«онъ стрѣлялъ въ великое свѣтило до тѣхъ поръ, пока оно не опустилось
 книзу; тогда онъ взялъ въ свое владѣніе всю эту страну, видя, что онъ тя-
 жело ранилъ Солнце и принудилъ его спрятаться за горы».

Еще болѣе обстоятельна одна мексиканская легенда, весьма сродная съ пре-

дыдущей и составляющая продолженіе той, которая приведена нами выше, со словъ Комарго. Когда богъ, ставшій Солнцемъ, вслѣдствіе того, что бросился въ огонь, поднялся впервые на небо, то онъ остановился и продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ. Когда же остальные боги послали къ нему посла съ приказаніемъ идти далѣе,

«то Солнце отвѣчало, что оно не пойдетъ далѣе, пока не истребитъ ихъ. Въ то время, какъ боги были и перепуганы и разгнѣваны этимъ отвѣтомъ, одинъ изъ нихъ, Цитли, схватилъ лукъ и три стрѣлы и пустилъ первую изъ нихъ въ пламенную голову Солнца; но оно наклонило голову и такимъ образомъ избѣжало удара. Вторымъ выстрѣломъ Цитли удалось ранить его въ туловище, а также и третьимъ. Въ бѣшенствѣ, Солнце схватило одну изъ стрѣлъ и пустило ее въ Цитли, пробивъ ему лобъ и убивъ его такимъ образомъ на мѣстѣ».

Но эта легенда не исчерпываетъ еще всѣхъ относящихся сюда исторій, доставляемыхъ намъ преданіями Мексиканцевъ. Вайцъ, послѣ изложенія тѣхъ Солнечныхъ мифовъ, въ которыхъ играетъ роль Квецалькоатль, выражаетъ такое заключеніе: „Квецалькоатль былъ первоначально человѣкомъ, а именно это былъ жрецъ изъ Тулы, явившійся между Толтеками въ качествѣ религіознаго реформатора, но изгнанный приверженцами Тецкатлипоки“.

Наши мифологи утверждаютъ, ничуть не колеблясь, что всѣ эти исторіи, равно какъ и подобныя имъ исторіи арійцевъ, составляютъ результатъ олицетвореній, выражающихъ въ фигуральной формѣ дѣятельность Солнца; они, по видимому, безъ малѣйшихъ затрудненій вѣрятъ тому, что люди не только безпричинно приписывали Солнцу человѣческую природу, но столь же безпричинно отождествляли его съ извѣстнымъ человѣкомъ, — съ извѣстнымъ жрецомъ или съ извѣстнымъ вождемъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мифологи ухитряются, при помощи того или другаго хитраго объясненія, привести въ гармонію съ своей гипотезой даже такой фактъ, какъ слѣдующее мексиканское преданіе, сообщаемое Мендіетою: „въ одно время было пять Солнцъ, и плоды земли росли плохо, и люди умирали“. Но мы принимаемъ здѣсь такое объясненіе, которое, подобно предыдущимъ нашимъ истолкованіямъ, не считаетъ, будто-бы всѣ эти легенды выросли изъ чистыхъ фикцій, но, напротивъ того, принимаемъ, что какъ ни сильно измѣнились и преобразовались онѣ въ теченіе своего существованія, тѣмъ неменѣе развились изъ фактовъ. Еслибы мы даже не имѣли ни одного прямого свидѣтельства за то, что солнечные мифы возникли изъ ложныхъ пониманій разсказовъ о дѣйствительныхъ личностяхъ или о дѣйствительныхъ событіяхъ человѣческой исторіи, то одно уже доказательство, которое доставляетъ намъ аналогія, было бы достаточно для укрѣп-

ленія насъ въ нашемъ убѣжденіи. Но и прямые свидѣтельства имѣются здѣсь въ достаточномъ изобиліи.

Однимъ изъ источниковъ этихъ солнечныхъ мифовъ служить буквальное пониманіе утвержденій относительно той стороны свѣта, съ которой пришла данная раса. Мы уже видѣли, что появленіе извѣстнаго народа изъ извѣстнаго лѣса, спутанное въ преданіи съ происхожденіемъ этого народа отъ деревьевъ, составлявшихъ этотъ лѣсъ, приводило къ поклоненію деревьямъ, какъ предкамъ; а исторія о переселеніи съ отдаленной горы превращалась, вслѣдствіе недостатковъ языка, въ исторію о происхожденіи отъ этой горы, какъ отъ прародителя. Подобныя же вещи случались съ народами, переселившимися изъ мѣстности, отмѣченной отношеніемъ ея къ Солнцу. Припоминая § 112, гдѣ были приведены идеи различныхъ народовъ относительно другаго свѣта, изъ котораго пришли ихъ праотцы и куда они надѣяты вернуться послѣ смерти, мы убѣдимся, что этотъ воображаемый другой свѣтъ лежитъ обыкновенно либо въ восточномъ, либо въ западномъ направленіи отъ нынѣшняго мѣстожителѣства даннаго народа; причина этого очевидна: она заключается въ томъ, что мѣсто солнечнаго восхода и мѣсто его заката занимаютъ очень значительныя углы горизонта съ двухъ его сторонъ, а потому они служатъ главными странами горизонта, къ которымъ неточный дикарь легко приурочиваетъ, при отсутствіи рѣзко обозначенныхъ границъ, болѣе сѣверныя и болѣе южныя положенія. Обитатели Центральной Америки указываютъ, какъ на мѣсто жительства своихъ боговъ, которые были въ тоже время и ихъ предками (§ 149), на ту сторону, „откуда восходитъ Солнце на небеса“; тоже самое мы встрѣчаемъ и во множествѣ другихъ случаевъ. Въ своемъ описаніи Диннеговъ (или Тиннеговъ) Франклинъ говоритъ, что каждое племя, или орда, прибавляетъ къ этому общему имъ всѣмъ имени какой-либо отличительный эпитетъ, заимствованный отъ имени рѣки, или озера, при которомъ это племя охотится, или же отъ того округа, изъ котораго оно выселилось въ послѣдній разъ. Тѣ, которые поселились около форта Чиппеуэйана, называютъ себя „Со-исо-диннегъ—Индѣйцы съ Солнечнаго восхода“. Но не имѣемъ ли мы право предположить, что такое названіе, какъ „Индѣйцы отъ (from) Солнечнаго восхода“, передаваясь въ легендахъ народа, обладающаго лишь очень неразвитою рѣчью, породить вѣрованіе въ происхожденіе отъ солнца? Мы сами употребляемъ такое выраженіе, какъ „дѣти свѣта“; мы называемъ описательнымъ именемъ „дѣтей тумана“ людей, живущихъ въ очень туманной мѣстности; мало того, мы нерѣдко прилагаемъ выраженіе „дѣти Солнца“ къ племенамъ, живущимъ подъ тропиками; а первобытный человѣкъ, съ его языкомъ, страдающимъ страшною бѣдностью, еще скорѣе назоветъ „дѣтьми Солнца“ тѣхъ людей, которые явились съ той стороны,

гдѣ восходитъ Солнце. Мы имѣемъ ясное доказательство того, что это дѣлали даже такіе относительно передовые народы, какъ Перуанцы. Пусть читатель взглянетъ на слѣдующій отрывокъ изъ Разсказовъ Маркгама (стр. 12):

«Общераспространенное преданіе указывало, какъ на колыбель, или какъ на мѣсто происхожденія Инковъ, на мѣстность, называющуюся Пеккари-тамбу. Это мѣсто было отъ Куско ближайшею точкою къ мѣсту солнечнаго восхода; а такъ какъ солнце было признаваемо за пакариска (начало) Инковъ, то и мѣстомъ ихъ происхожденія признавалось вначалѣ Пеккари-тамбу. Но когда завоеванія Инковъ простерлись до Коллао, то для нихъ получилась возможность приблизиться къ Солнцу ближе, чѣмъ прежде; пока наконецъ они не увидали его восходящимъ изъ озера Титикака, послѣ чего это внутреннее море стало вторымъ традиціоннымъ мѣстомъ происхожденія перуанскихъ королей».

Если къ этому разсказу мы присоединимъ еще то, что Инки, доводившіе и въ другихъ отношеніяхъ поклоненіе предкамъ до столь обширной степени, поклонялись также, — и притомъ даже главнѣйшимъ образомъ, — Солнцу, какъ своему предку, и что когда Инка умиралъ, то про него говорили, что онъ „отзывался назадъ, въ домъ своего отца, Солнца“, то во всемъ этомъ мы будемъ имѣть, какъ я полагаю, достаточно данныхъ, чтобы заключить, что это вѣрованіе въ происхожденіе отъ Солнца явилось результатомъ ложнаго пониманія того сохраненнаго преданіемъ факта, что раса Инковъ появилась впервые съ той стороны, откуда восходитъ Солнце. Дальнѣйшій фактъ того же значенія мы имѣемъ въ тѣхъ именахъ, которыя были даны Испанцамъ Мексиканцами и Чипчасами. По словамъ Герреры, Мексиканцы „называли Кортеса порожденіемъ Солнца“. А такъ какъ Испанцы пришли къ нимъ изъ той области, откуда восходитъ Солнце, то и здѣсь, значить, подобная же причина предшествовала подобному же результату. Чипчасы также сдѣлали изъ Испанцевъ солнечныхъ героевъ, хотя, повидимому, не по той причинѣ, какъ Мексиканцы. Геррера говоритъ: „когда Испанцы вошли впервые въ эту область, обитатели ея были повергнуты ихъ видомъ въ величайшее изумленіе и смотрѣли на нихъ какъ на дѣтей Солнца и Мѣсяца“. Тоже самое, хотя и другими словами, свидѣтельствуетъ и П. Симонъ, а также и Люго, по словамъ котораго, „Суа означаетъ на Чипчаскомъ языкѣ Солнце, а Суге—Испанецъ. Причина того, что это слово Суге произведено отъ суа, заключается въ томъ, что древніе индѣйцы, увидавъ впервые Испанцевъ, порѣшили, что они—дѣти Солнца“.

Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предшествующихъ, дѣйствующій факторъ заключается, очевидно, въ ложномъ истолкованіи индивидуальныхъ именъ. Въ изданномъ мною опытѣ, содержавшемъ въ себѣ грубый очеркъ того разсужденія,

которое разработано мною въ предыдущихъ главахъ, я защищать мысль, что мы можемъ съ большою вѣроятностью ожидать со стороны дикихъ и полудицилизованныхъ людей употребленіе слова „Солнце“ какъ почетнаго прозвища, или жилища знаменитаго человѣка. Я ссылаясь на то, что подобныя лестныя метафоры постоянно употребляются поэтами, и приводилъ въ примѣръ выраженіе изъ Генриха VIII: „эти солнца славы, эти два свѣточа между людей“,—выраженіе, къ которому я могъ бы прибавить слѣдующія строки изъ Юлія Цезаря:

O setting Sun,
As in thy red rays thou dost sink to-night,
So in his red blood Cassius' day is set
The Sun of Rome is set! ¹⁾.

Я доказывалъ тамъ, что у первобытныхъ народовъ, которые по необходимости выражаются болѣе фигуральнымъ языкомъ, чѣмъ мы, и которые сильно склонны къ лести, слово „Солнце“ будетъ, по всей вѣроятности, очень часто встрѣчаться въ качествѣ хвалебнаго имени ²⁾. Въ то время у меня не было фактовъ въ подтвержденіе этого заключенія: но теперь я могу привести ихъ нѣсколько. Вотъ отрывокъ изъ Мексики Прескотта, кн. III, гл. 5:

«Чистосердечный и веселый нравъ Альварадо сдѣлалъ его любимцемъ Тласкалановъ, а его ясное, открытое лицо, прекрасный цвѣтъ кожи и золотые кудри пріобрѣли ему имя Тонатіугъ, что значитъ «Солнце».

Перуанцы, дѣйствуя въ томъ же духѣ, измѣняли имена тѣхъ людей, за которыми они признавали умственное превосходство, какъ это можно видѣть изъ словъ Гарсилассо, который говоритъ, что они „были такъ просты, что всякій,

¹⁾ О солнце заходящее! какъ ты
Склоняешься въ лучахъ своихъ багряныхъ
На западъ, такъ жизнь Кассія теперь
Въ крови его багряной потонула.
Погасло солнце Рима!

²⁾ Здѣсь можетъ — быть кстати будетъ напомнить читателю о нашемъ «Бнязѣ Владимірѣ—красномъ солнышкѣ», или хотя слѣдующія строки изъ романсовъ въ народномъ духѣ:

«Матушка голубушка, солнышко мое!»

или:

«Ты душа ль моя, красна дѣвица,
«Ты звѣзда ль моя ненаглядная!»

Красавица русскихъ сказокъ часто описывается такъ: «во лбу у нея—красное солнце, подъ косою—свѣтелъ мѣсяцъ, вокругъ темени частыя звѣзды», или «а очи словно ясныя звѣзды».

Примѣч. перев.

изобрѣтавшій какую-нибудь новую вещь, охотно признавался ими сыномъ солнца“. Затѣмъ мы имѣемъ свидѣтельство въ пользу того, что въ этихъ странахъ занимающій насъ титулъ не только давался другими въ качествѣ комплимента, но и надменно принимался иной разъ на себя самую личность. Такъ, въ исторической легендѣ центральныхъ американцевъ, называющейся Пополь-Вугъ, описывается гордость нѣкоего Вукубъ-Какикса, который хвастался, будто-бы онъ былъ Солнце и Мѣсяцъ.

Затѣмъ, въ числѣ корней солнечнаго міа мы опять-таки имѣемъ имена, даваемые при рожденіи. Между Каренскими именами, перечисляемыми Масономъ, мы находимъ; „Желтое Восходящее Солнце“, и хотя Масонъ говоритъ, что это имя принадлежало „хорошенькой молодой особѣ“, и тѣмъ какъ-будто намекаетъ, что это есть лестное прозвище, однакоже, принимая въ соображеніе, что эти люди употребляютъ слова „Вечеръ“, „Мѣсячный Восходъ“, „Солнечный восходъ“, „Полнолуіе“ и пр. въ качествѣ именъ, даваемыхъ при рожденіи, намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что и „Восходящее Солнце“ принадлежитъ также къ числу такихъ именъ. Было бы крайне аномальнымъ, еслибы изъ числа небесныхъ перемѣнъ, употреблявшихся съ этою цѣлью, была исключена изъ нихъ одна наиболѣе поразительная.

Обратимъ теперь вниманіе на одно замѣчательное совпаденіе, при нашемъ взглядѣ на дѣло, и на столь же замѣчательное несовпаденіе, при взглядѣ на дѣло, защищаемомъ современными міеологами, — совпаденіе и несовпаденіе, совершенно параллельныя тѣмъ, которыя мы уже отмѣтили по отношенію къ фазамъ Луны. Имена, даваемые при рожденіи и заимствованныя отъ солнца, должны указывать на солнце, какъ находящееся на какой-нибудь опредѣленной стадіи своего пути, — т. е. или на солнце восходящее, или на полуденное, или на заходящее — смотря по тому, въ какомъ часу произошло рожденіе ребенка. Что же касается до почетныхъ или хвалебныхъ именъ, заимствованныхъ отъ солнца, то они могутъ выражать различныя его свойства, какъ напримѣръ: „величіе солнца“, „солнечный блескъ“ и пр. Поэтому наша гипотеза не встрѣчаетъ ни малѣйшихъ для себя затрудненій въ томъ фактѣ, сообщаемомъ Вилькинсономъ, что „Египтяне дѣлали изъ солнца нѣсколько различныхъ божествъ, какъ-то: умственное солнце, физическій шаръ, причину теплоты, источникъ свѣта, могущество солнца, животворящую причину, солнце на небесной тверди, и солнце на мѣстѣ его покоя“ (Сравни это съ именами царей, см. далѣе). Но какимъ образомъ возможно для міеологовъ согласить такіе факты съ ихъ гипотезой? Неужели же потребность языка въ олицетвореніи такъ велика, что ему требуется восемь различныхъ личностей для воплощенія различныхъ свойствъ и состояній солнца? Нужно ли думать, что одна лишь

гипостазія описаній привела также и Аріїцевъ къ предположенію, что Гиперіонъ, „высоко-парящее солнце“ (Полуденное солнце), есть одна личность, а Эндиміонъ, — „Заходящее солнце“, — совсѣмъ другая: причѣмъ обѣ эти личности совершенно независимы отъ „отдѣльнаго божества, Феба Аполлона“? Неужели же одно только простое стремленіе къ облеченію отвлеченностей въ конкретныя формы принудило Грековъ думать, что когда солнце стояло на высотѣ тридцати градусовъ надъ горизонтомъ, то оно было одною личностью, совершившей такіа-то дѣла и испытавшей такіа-то приключенія, а когда оно спукалось до высоты десяти градусовъ надъ горизонтомъ, то оно превращалось за это время совсѣмъ въ другую личность, имѣвшую совсѣмъ иную біографію? Я не рѣшусь утверждать, что міеологи не будутъ въ состояніи повѣрить этому, ибо запасъ вѣры у нихъ очень великъ; но что касается до остальныхъ людей, то, я думаю, ихъ вѣра остановится передъ этимъ испытаніемъ, если она уже не утрачена ими ранѣе.

§ 192. Какъ я уже сказалъ, генезисъ солнечныхъ міеовъ по только-что описанному способу былъ указанъ мною вкратцѣ впервые въ упомянутомъ выше опытѣ, гдѣ онъ былъ представленъ какъ одна изъ частей изложеннаго тамъ ученія, при-этомъ тамъ были указаны и многія соотвѣтствія между выводами, вытекающими изъ представленной гипотезы, и нѣкоторыми дѣйствительными особенностями такихъ міеовъ. Такъ, тамъ было показано, что приписываніе то мужескаго, то женскаго пола крупнымъ небеснымъ тѣламъ, какъ и другимъ силамъ природы, составляетъ прямое послѣдствіе такого генезиса астрономическихъ міеовъ. Тамъ дано было также объясненіе того факта, что въ міеологіяхъ солнцу даются такіа взаимно-исключающія имена, какъ „Сладостный“, „Левъ“, „Волкъ“, — имена, которыя ничуть не внушаются намъ чувственными свойствами Солнца; мы выразили тамъ, что такой фактъ можетъ быть объясненъ съ помощью предположенія, что эти имена были добавочными хвалебными именами, прилагавшимися къ тому же самому индивиду, по обычаю варварскихъ народовъ, которые обыкновенно стараются умножать лстивыя метафоры. Далѣе, тамъ объяснялось странное смѣшеніе небесныхъ явленій съ похождениями чисто земныхъ личностей, какъ неизбежное послѣдствіе постоянныхъ попытокъ къ соглашенію свидѣтельствъ преданія съ показаніями собственныхъ внѣшнихъ чувствъ. Сверхъ того тамъ высказана была та идея, что, вслѣдствіе сліянія многихъ мѣстныхъ легендъ, относившихся къ различнымъ личностямъ этого имени, въ одну общую міеологію для всѣхъ именъ, соединившихся въ одинъ народъ, должны были возникнуть взаимно противорѣчивыя генеалогіи и біографіи Солнца. Хотя я могъ тогда подкрѣпить всѣ эти положенія пояснительными примѣрами лишь въ очень несовершенной степени, од-

накоже я намекалъ уже на свидѣтельства, имѣющія быть представленными въ послѣдствіи. Въ настоящее время я представилъ такое количество этихъ свидѣтельствъ, которое совершенно достаточно для выполненія безмолвно данного мною обѣщанія и которое подтверждаетъ въ очень значительной степени сдѣланное мною заключеніе. Впрочемъ, тогда я не надѣялся достигнуть чего-либо большаго, какъ только сдѣлать это заключеніе въ высшей степени вѣроятнымъ. Но, при собираніи матерьяловъ для предыдущихъ главъ, я наткнулся на одинъ отрывокъ изъ древне-египетскихъ повѣствованій, который, какъ мнѣ кажется, даетъ моей аргументаціи заключительную убѣдительность. Это третій Салие-ровскій Папирусъ, переведенный проф. Лѣшингтономъ въ Трудахъ Общества Библейской Археологіи, т. VIII. Этотъ документъ, повѣствующій о триумфахъ Рамзеса II, былъ уже цитированъ мною выше; такъ я приводилъ отрывки изъ него для поясненія примѣромъ древняго вѣрованія въ сверхъестественную силу, доставляемую духомъ-предкомъ, ставшимъ богомъ, а еще позднѣе я цитировалъ изъ него фразу, иллюстрировавшую хвалебное приложеніе животнаго имени къ побѣдоносному монарху. Здѣсь я привожу сполна, изъ хвалебнаго обращенія къ нему побѣжденныхъ, умоляющихъ о милосердіи и пощадѣ, слѣдующія строки:

«Горусъ, побѣдительный быкъ, любимецъ Ма, Царя-охранителя твоей арміи, доблестно дѣйствующій мечомъ, оплотъ своихъ войскъ въ день битвы, царь могучій силою, великій Совранъ, Солнце по-истинѣ могущественное, одобряемый отъ Ра, сильный въ побѣдахъ, Рамзесъ Міамонъ».

Весь тотъ процессъ, который описывался выше, какъ весьма вѣроятный, является здѣсь какъ дѣйствительно существующій. Взглянемъ на всѣ тѣ соотвѣтствія, которыя обнаруживаются въ приведенномъ примѣрѣ. Божество, которому Рамзесъ, по его словамъ, принесъ въ жертву 30,000 быковъ и котораго онъ молить о сверхъестественной помощи, есть его предокъ: „я взываю къ моему отцу, Аммону“, — говоритъ онъ, а побѣжденные говорятъ ему: „по-истинѣ, ты рожденъ отъ Аммона, ты вышелъ изъ его тѣла“. Далѣе, самъ Рамзесъ описывается совершающимъ подвиги совершенно божественнаго характера, и о немъ говорится въ такихъ выраженіяхъ, какъ о богѣ: побѣжденные взываютъ къ нему: „податель жизни навѣкъ, подобный своему отцу Ра“. Итакъ на него смотрятъ какъ на божество, и онъ получаетъ вслѣдствіе этого, — какъ это случается еще и теперь со знаменитыми воинами у многихъ дикихъ и полудицилизованныхъ народовъ, — множество лестныхъ титуловъ и метафорическихъ именъ, причемъ всѣ эти имена, относясь къ одному и тому же лицу, тѣмъ самымъ становятся связанными другъ съ другомъ: Рамзесъ есть въ одно и тоже время — Царь, Быкъ и Солнце. Этотъ рассказъ, излагая человѣческую

генеалогію Рамзеса и описывая его подвиги на землѣ, даетъ намъ въ то же время возможность, вслѣдствіе употребленныхъ въ немъ выраженій, предвидѣть напередъ позднѣйшую апотеозу Рамзеса, т. е. возведеніе его въ санъ божества, и намекаетъ, что его дѣла будутъ передаваться впослѣдствіи какъ дѣла „побѣдоноснаго быка“ и „Солнца“. Припоминая, что послѣ смерти даже обыкновеннаго египтянина обычай требовалъ обрядовыхъ восхваленій умершаго жрецами и другими лицами и что такіа восхваленія повторялись и впослѣдствіи, черезъ извѣстные промежутки времени, мы не можемъ сомнѣваться, что въ прославленіяхъ царя, ставшаго послѣ своей смерти богомъ, совершавшихся въ еще болѣе напыщенныхъ и преувеличенныхъ выраженіяхъ, чѣмъ при его жизни, эти метафорическіе титулы должны были удержаться во всей своей силѣ. А такъ какъ выше было уже показано, что даже уже въ историческія времена египетскій языкъ не былъ въ состояніи выразить различія между именемъ и актомъ наименованія, то ясно, что для этого языка было очень трудно выразить различіе между извѣстнымъ лицомъ и тою вещью, по имени которой оно называлось, и что, когда языкъ этотъ былъ развитъ еще менѣе, эти два предмета должны были неизбѣжно смѣшиваться одинъ съ другимъ ¹⁾.

¹⁾ Одинъ изъ моихъ помощниковъ изслѣдовалъ эти документы съ болѣею подробностью, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать самъ, и наткнулся при этомъ на нѣкоторые новые подтвердительные факты.

Въ Папирусъ Гарриса (большомъ, переведенномъ проф. Эйзендоромъ), на листѣ 76, строчки 1 и 2, Рамзесъ III представленъ говорящимъ слѣдующее: «(Мой отецъ) стоящій на своемъ горизонтѣ, подобно девяти богамъ. Ему были оказаны тѣ же обрядовыя почести, какъ Озирису, когда тотъ плыветъ на своей царственной ладѣ по поверхности рѣки. Онъ снизшелъ въ свой вѣчный домъ на западной сторонѣ Оивъ».

А вотъ нѣсколько царскихъ именъ, взятыхъ изъ предисловія Эдуарда Гаукинса ко второму тому Избранныхъ Папирусовъ:

Царь, сынъ Солнца, Ханаа.

Царь, Солнце твореній, сынъ Солнца, Ханнутеръ.

Царь, первый пособникъ земли, сынъ Солнца, Себакемшафъ.

Царь, Солнце становящееся побѣдоноснымъ, сынъ Солнца, Та-аа.

Царь, Солнце распорядитель творенія, сынъ Солнца, Камесъ.

Хотя употребленіе слова «Солнце» во всѣхъ этихъ случаяхъ въ качествѣ обыкновеннаго царскаго титула и въ соединеніи съ собственными именами, не имѣющими никакого реального значенія, и мѣшаетъ пороженію преданія о тождествѣ солнца съ каждою изъ этихъ личностей, однакоже прежде, когда такіа собственные имена не входили еще въ употребленіе, такое отождествленіе не встрѣчало себя препятствій.

Что «отецъ Аммонъ», упоминаемый въ текстѣ въ качествѣ верховнаго бога, былъ отдаленнымъ предкомъ, можетъ быть выведено также и изъ

Мнѣ кажется совершенно яснымъ, что, въ этой легендѣ о побѣдоносномъ Рамзесѣ, царѣ, побѣдителяхъ, быкахъ, солнцѣ и, подѣ конецъ, богѣ, мы имѣемъ всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ на ранней ступени цивилизаціи рождается солнечный мифъ, подобный мифу объ Индрѣ. Утверждать, что такая исторія, какъ эта, при устной ея передачѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, у еще менѣе цивилизованнаго народа, не превратится въ человѣческую біографію Солнца, значить отрицать такой процессъ, который вполне сходенъ съ процессами, происходящими еще и теперь на нашихъ глазахъ, и допускать для тѣхъ временъ и для подобныхъ народовъ такую историческую точность, которая не была тогда возможною. Утверждать же, вмѣсто этого, что Солнце не только можетъ быть усыновлено человѣческимъ родителямъ, но что ему могутъ быть приписаны даже военные подвиги, какъ земному царю-человѣку, хотя это есть въ тоже время и дикое животное, и все это единственно въ силу нѣкоторыхъ лингвистическихъ внушеній, значить утверждать, что люди презираютъ свидѣтельства собственныхъ чувствъ подѣ вліяніемъ относительно ничтожныхъ причинъ.

§ 193. Итакъ, какъ ни мало можно было ожидать этого съ перваго взгляда, намъ приходится признать справедливость заключенія, подтверждаемаго всѣми разсмотрѣнными фактами, — что поклоненіе природѣ, подобно всѣмъ остальнымъ родамъ поклоненія, анализированнымъ нами ранѣе, есть ничто иное, какъ одна изъ формъ поклоненія предкамъ, только форма эта утратила еще въ большей степени, чѣмъ всѣ предыдущія, внѣшніе признаки своего первоначальнаго происхожденія.

Частію вслѣдствіе смѣшенія прародителей даннаго племени съ какимъ-либо замѣчательнымъ предметомъ, характеризующимъ родную страну этого племени; частію вслѣдствіе буквального пониманія даваемыхъ при рожденіи именъ; частію же вслѣдствіе столь же буквального пониманія именъ, даваемыхъ впоследствии ради восхваленія и прославленія, проистекли вѣрованія въ происхожденіе отъ Горъ, отъ Океана, отъ Зори, отъ животныхъ, превратившихся въ Созвѣздія, и отъ личностей, жившихъ когда-то на землѣ и ставшихъ впоследствии Мѣсяцемъ и Солнцемъ. Вѣря безъ разсужденій въ слова предковъ, дикари и полудицилизованные люди были вынуждены совокуплять самымъ стран-

---

словъ Бругша, который говоритъ, что «культъ Аммона Рамессеумскаго имѣлъ погребальный характеръ».

Я могу прибавить сюда еще тотъ знаменательный фактъ, что въ гіероглифахъ одно и тоже «опредѣлительное» слово означаетъ, смотря по смыслу другихъ употребленныхъ съ нимъ словъ, — богъ, предокъ и августѣйшая особа (царственная личность).

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

нымъ образомъ естественныя силы природы съ человѣческими свойствами и исторіями, и были приведены такимъ образомъ къ страннымъ обычаямъ умиловленія этихъ великихъ земныхъ и небесныхъ предметовъ помощью приношеній имъ въ жертву пищи и крови, т. е. такихъ приношеній, которыя они обыкновенно дѣлали другимъ своимъ предкамъ.

Итакъ, между этою группою явленій и предшествовавшими существуетъ полное соотвѣтствіе, и приложимость одного и того же истолкованія ко всѣмъ этимъ группамъ, несмотря на его кажущуюся неприменимость, доставляетъ новое доказательство въ пользу того, что это истолкованіе дѣйствительно справедливо.

ГЛАВА XXV.

Б О Ж Е С Т В А.

§ 194. Въ пяти предыдущихъ главахъ генезисъ божествъ былъ изложенъ съ такою полнотою, хотя и не въ прямой своей формѣ, что посвященіе прямому изложенію этого предмета особой главы можетъ показаться излишнимъ. Но хотя мы и рассмотрѣли тѣ классы божествъ, въ которыхъ человѣческая личность является чрезвычайно замаскированной, тѣмъ неменѣе намъ остается еще рассмотреть тотъ классъ божествъ, который возникъ изъ простой идеализаціи и, если можно такъ выразиться, раздутья человѣческой личности. Ибо, въ то время, какъ индивидуальности нѣкоторыхъ людей, вслѣдствіе ложнаго пониманія преданій, такъ сказать потонули въ индивидуальностяхъ различныхъ предметовъ природы, индивидуальности другихъ людей выжили въ преданіи со всѣми ихъ антропоморфическими атрибутами.

Этотъ послѣдній классъ, всегда сосуществующій рядомъ съ другими классами, подѣ-конецъ становится господствующимъ надъ остальными; какъ мы уже намекнули выше, это происходитъ, по всей вѣроятности, подѣ вліяніемъ появленія собственныхъ именъ, становящихся все менѣе и менѣе соознающими и все болѣе и болѣе обозначающими. Пока люди именовались названіями различныхъ предметовъ природы, они не имѣли возможности выжить въ преданіи въ своей человѣческой формѣ, и поклоненіе имъ, какъ предкамъ, становилось поклоненіемъ тѣмъ предметамъ, съ которыми они отождествлялись по имени. Но когда возникли такія имена, которыя не принадлежали въ то же время и предметамъ природы, люди начали сохраняться въ преданіи, какъ люди. Для тѣней усопшихъ получилась возможность удерживать ихъ антропоморфическія индивидуальности въ теченіе очень долгаго времени послѣ смерти современниковъ

усопшихъ, и такимъ образомъ явился на свѣтъ антропоморфическій пантеонъ.

Въ главѣ „О поклоненіи предкамъ вообще“ было уже указано начало этого класса божествъ; теперь же, прослѣдивъ развитіе другихъ классовъ, мы должны обратиться къ изученію развитія этого самаго важнаго класса.

§ 195. Подобно животному, дикарь боится всего, что кажется ему страннымъ по своему ви́шнему виду или по своему образу дѣйствій. Видя какое-нибудь необычайное свойство, онъ не знаетъ, не обнаружатся ли далѣе еще какія-нибудь другія необычайныя свойства. Онъ чувствуетъ себя въ опасности со стороны этихъ свойствъ, выходящихъ изъ области тѣхъ, съ которыми онъ знакомъ; а потому онъ ведетъ себя по отношенію къ обладателю или такимъ способомъ, который ясно обнаруживаетъ присутствіе у него сознанія какой-то опасности. Какъ мы уже видѣли, онъ считаетъ сверхъестественнымъ все то, чего онъ не можетъ понять. Это умственное настроеніе дикаря очень хорошо выражается на примѣрѣ двухъ Круменовъ, о которыхъ упоминаетъ Томпсонъ и которые, послѣ того какъ имъ показали весь корабль, сказали: „навѣрное, это — несотворенная вещь, — вещь, вышедшая сама изъ себя, а не сдѣланная человѣческими руками“. И эта предполагаемая сверхъестественность всего непостижимаго прилагается ими одинаково какъ къ замѣчательному предмету, такъ и къ замѣчательному человѣку. Когда Чиппеуозъ „не понимаетъ чего-нибудь, онъ немедленно говоритъ, что это духъ“; Бухананъ, сообщая это, прибавляетъ, что и человѣкъ необыкновеннаго таланта также „прославляется у нихъ за духа“.

Во многихъ случаяхъ мы находимъ, что туземное слово, обозначающее богъ, постоянно прилагается такимъ неразборчивымъ образомъ ко всякому непостижимому предмету и ко всякой личности, одаренной непостижимыми силами. Фиджійское слово Калу, означающее божественное существо, означаетъ также „все великое и удивительное“. Подъ вліяніемъ такого представленія, Фиджійцы объявили богомъ нашъ типографскій станокъ; они примѣняютъ это слово также и къ своимъ европейскимъ посѣтителямъ: „вы — калу“, „ваши земляки — боги“, говорятъ они. Тоже самое можно сказать и о Малагазцахъ, которые говорятъ о своемъ королѣ, какъ о богѣ, и которые, по словамъ Эллиса, объявляютъ богомъ все, что покажется имъ новымъ, или полезнымъ, или чрезвычайнымъ. „Шолкъ, рисъ, деньги, громъ и молнія, землетрясенія, — все это у нихъ боги. Тѣмъ же именемъ называютъ они своихъ предковъ и умершаго короля“. Книга у нихъ также богъ, а „бархатъ они называютъ очень страннымъ именемъ, а именно — сыномъ боговъ“. Тоже самое мы находимъ у чело́вѣко-поклонниковъ Тодасовъ. Маршаллъ, говоря о широкомъ употребленіи у нихъ

словъ Деръ, Свами (боги, господа), замѣчаетъ: „все удивительное или невиданное обнаруживаетъ у нихъ стремленіе превратиться въ Деръ; скотъ, священные останки, жрецы и пр. смѣшиваются ими въ одной и той же категоріи, такъ что всякому невольно покажется, что Деръ, подобно Свами, есть на самомъ дѣлѣ только прилагательное, означающее величіе или превосходство.

Послѣ этого намъ уже болѣе не покажется труднымъ понять, какимъ образомъ, на древнихъ ступеняхъ прогресса, титулъ бога дается людямъ съ такою легкостью, которая кажется намъ просто чудовищною. Дикари вовсе не разумѣютъ подѣ этимъ титуломъ того, что мы разумѣемъ подѣ нимъ, или даже чего-нибудь похожаго на это, и совершенно естественно употребляютъ его для обозначенія разнаго рода могущественныхъ личностей, живыхъ и умершихъ. Взглянемъ же теперь на различные классы такихъ божественныхъ личностей.

§ 196. Всего удобнѣе для насъ будетъ начать нашъ обзоръ съ такихъ индивидовъ, превосходство которыхъ имѣетъ наименѣ опредѣленный характеръ, — т. е. съ индивидовъ, на которыхъ другіе, или они сами, смотрятъ какъ на лучшихъ, чѣмъ всѣ остальные.

Типическій случай такого рода доставляютъ только-что упоминавшіеся нами Тодасы. Маршаллъ описываетъ у нихъ родъ священнаго торговца молокомъ (milkman), или жреца, называемаго палалъ, и передаетъ слѣдующимъ образомъ часть своего разговора съ однимъ изъ нихъ:

«Правда ли, что Тодасы привѣтствуютъ Солнце?» спросилъ я его. «Лшахъ!» отвѣчалъ онъ. — «Эти бѣдняки дѣйствительно дѣлаютъ это; но я», — ударяя себя въ грудь, — «я богъ! съ чего же я буду привѣтствовать Солнце?» Въ то время я счелъ эту выходку за простой взрывъ тщеславія и гордости; но впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться въ истинности его словъ. Палалъ у нихъ въ настоящее время не есть только сосудъ, заключающій въ себѣ божественныя свойства, но есть самъ богъ».

Маршаллъ прибавляетъ далѣе: „такъ какъ палалъ — самъ богъ, то онъ можетъ, не нарушая приличій, упоминать въ разговорѣ имена своихъ товарищей-боговъ, — вольность, которая не разрѣшается никому другому“. Центральные американцы доставляютъ намъ другой примѣръ такого возведенія въ божественное достоинство живаго члена даннаго племени, обладающаго какимъ-то неопредѣленнымъ превосходствомъ. Монгомери рассказываетъ, что индѣйцы Талтики поклоняются такому богу со всѣми обычными обрядами; вотъ какъ онъ описываетъ это поклоненіе:

«Это былъ никто другой, какъ какой-то старый Индѣецъ, котораго они нарядили особеннымъ образомъ и поселили въ особой хижинѣ, куда приходять поклоняться ему, принося съ собой, какъ жертву, плоды своихъ трудовъ, и совершая въ его присутствіи извѣстные религіозные обряды, согласно съ ихъ древнимъ обычаемъ».

Ясно, что люди, взирающие со страхом на одного из своих собратьев, по какой-то неуказываемой ясно причинѣ, и умиловляющие его, вѣроятно, въ томъ убѣжденіи, что онъ можетъ причинить имъ добро и зло, могутъ создать этимъ способомъ настоящее божество. Ибо, если духи усопшихъ вообще внушаютъ страхъ, то тѣмъ болѣе страхъ будетъ внушать духъ человѣка, отличавшагося при жизни такъ сильно отъ остальныхъ членовъ племени. По всей вѣроятности, не существуетъ ни одного случая поклоненія предкамъ, въ которомъ не обнаруживалось бы этого стремленія къ развитію главнаго духа изъ человѣческаго существа, пользовавшагося извѣстнымъ превосходствомъ надъ другими при жизни. Мы видѣли уже, что Амазулусы умиловляютъ главнымъ образомъ того изъ предковъ, который, по воспоминаніямъ данной семьи, считается основателемъ ея; но самый этотъ фактъ сохраненія въ памяти потомковъ его имени подразумеваетъ, что этотъ основатель былъ съ какой бы то ни было стороны выше остальныхъ. Мы видѣли также, что у центральныхъ американцевъ самыми отдаленными извѣстными имъ предками были Тамагастадъ и Ципаттоваль; слѣдовательно, дѣла этихъ двухъ личностей были, вѣроятно, достаточно необыкновенны, чтобы сохранить ихъ имена въ памяти потомковъ. Здѣсь я могу присоединить еще къ этимъ примѣрамъ бога Камчадаловъ, который, очевидно, имѣетъ сродное происхожденіе. Гривъ говоритъ, что эти люди „разсказываютъ, будто-бы Кутъ, котораго они зовутъ то богомъ, то своимъ первымъ отцемъ, жилъ по два года на каждой рѣкѣ и оставилъ въ законное наслѣдство каждому изъ своихъ дѣтей ту рѣку, на которой это дитя было рождено“.

Такіе факты показываютъ намъ въ самой общей формѣ, какимъ образомъ представленіе о божествѣ начинаетъ отходить отъ представленія о замѣчательной личности, внушавшей страхъ при своей жизни и внушающей еще болѣе страхъ послѣ своей смерти. Теперь мы перейдемъ къ тѣмъ специальнымъ формамъ, въ которыхъ обнаруживается генезисъ этого представленія.

§ 197. Если вначалѣ высшій и божественный суть двѣ совершенно равнозначія идеи, то всякій вождь, или глава племени, будетъ стремиться стать божествомъ еще при жизни и еще болѣе божествомъ послѣ своей смерти. Факты дѣйствительно подтверждаютъ это заключеніе.

Въ § 112 я уже упоминалъ о вождѣ Маорисовъ, который презрительно отвергалъ для себя земное происхожденіе и надѣялся современемъ соединиться съ своими предками, богами. Тоже самое мы видимъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ Полинезій. „Я—богъ“, сказалъ Тункилакила, вождь племени Сомосома. А о Фиджійцахъ Вильямсъ говоритъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, различіе между вождемъ высокаго порядка и однимъ изъ божествъ второстепеннаго порядка очень не значительно. Первый смотритъ на себя въ значительной степени какъ на бога, да и подданные его нередко говорятъ о немъ какъ о богѣ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ публично требуетъ для себя божественныхъ правъ».

Точно также и про Таити Эллисъ рассказываетъ, что тамъ король и королева считались священными личностями. Эллисъ приводитъ при-этомъ косвенныя восхваленія имъ, которыя по своему характеру совершенно подобны тѣмъ прославленіямъ, которыя совершаются при служеніи божествамъ:

«жилища короля назывались аораи, т. е. небесныя облака; лодка, въ которой онъ ѣздилъ, называлась анданца, т. е. радуга; его голосъ именовался громомъ; мерцаніе факеловъ въ его жилищѣ именовалось молніею; и когда простонародье, проходя вечеромъ мимо его жилища, замѣчало свѣтъ этихъ факеловъ, то, вмѣсто того, чтобы сказать: вонъ во дворцѣ горятъ факелы, они говорили: вонъ, молнія блещетъ въ небесныхъ облакахъ¹⁾».

Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ Африкѣ. Бастианъ рассказываетъ намъ, что король Бенины есть не только представитель бога на землѣ, но и самъ богъ, и подданные его поклоняются ему и какъ королю, и какъ богу. У Баттеля мы читаемъ, что „король Лоанго почитается какъ божество и называется Самба и Понго, что значитъ — богъ“. По словамъ Крапфа, обитатели Мзамбара говорятъ: „Мы всѣ рабы Цумбы (короля), который есть нашъ Малунгу (богъ)“. Подобныя же свидѣтельства мы имѣемъ и относительно древнихъ американскихъ расъ. Мы видѣли, что въ Перу жители поклонялись изображеніямъ Инковъ, находившихся еще въ-живыхъ. Ф. де Хересь говоритъ, что Гуайана Капакъ „внушалъ такой страхъ и пользовался такимъ повиновеніемъ, что подданные его смотрѣли на него почти какъ на своего бога, и изображеніе его стояло во многихъ городахъ“; а д'Акоста сообщаетъ намъ про него же, что „народъ поклонялся ему какъ богу еще во время его жизни“. Бальбоа подтверждаетъ показаніе Гарсилассо, что изъ множества различныхъ повелителей и мелкихъ

¹⁾ Я особенно рекомендую вниманію миеологовъ этотъ отрывокъ изъ сочиненія Эллиса (Polynesian Researches, vol. III, p. 113, 114, new edition). Онъ показываетъ намъ другой способъ, путемъ котораго поклоненіе природѣ можетъ очень легко возникать изъ поклоненія предкамъ. Такъ какъ восхваленія человѣка послѣ его смерти способны скорѣе увеличиться, чѣмъ уменьшиться, то ясно, что это косвенное прославленіе тайтскаго короля, выживъ въ какой-нибудь легендѣ, будетъ служить доказательствомъ его божественной природы; а если кому-же этотъ прославляемый король обладалъ уже хвалебнымъ именемъ, произведеннымъ отъ какого-нибудь небснаго свѣтила или явленія, то эти описанія окружающей его обстановки, въ соединеніи съ его именемъ, породятъ космическій мифъ.

королей наиболѣе хорошіе были боготворимы своими подданными какъ настоящіе боги. Впрочемъ не одни только низшіе типы человѣческаго племени представляютъ примѣры такого обоготворенія еще живущихъ людей. Слѣдующій разсказъ Пальгрева представляетъ примѣръ такого обоготворенія у Семитовъ.

«Кто вашъ богъ?» спроситъ одинъ знакомый мнѣ арабскій путешественникъ у одного кочевника изъ Мезалекха, неподалеку отъ Басры. «У насъ былъ богомъ Фади», отвѣчалъ кочевникъ (Фади—имя могущественнаго губернатора этихъ странъ, умершаго незадолго передъ этимъ), но послѣ того, какъ онъ умеръ, я право не знаю, кто у насъ богомъ въ настоящую минуту».

Чтобы убѣдиться, что и Арійцамъ не были чужды подобныя представленія, стоитъ припомнить только такіе факты, какъ тотъ, что греческіе цари на Востоку не только имѣли алтари, воздвигнутые имъ ихъ подданными, но и выбивали на своихъ монетахъ слово *Θεός* (богъ); или тотъ, что римскіе императоры были возводимы въ божеское достоинство еще при жизни: факты, которые вовсе не должны считаться явленіями аномальными, какъ это обыкновенно предполагается, но которые должны разсматриваться просто какъ выживанія (или оживанія) обычаевъ, зачавшихся еще въ дикомъ состояніи человѣчества и развивавшихся въ состояніи варварства.

Понятно, что отождествленіе всего высокопоставленнаго съ божественнымъ, ведущее къ умиловленію живыхъ вождей и царей, ведетъ, какъ сказано выше, къ еще болѣе усиленному умиловленію ихъ послѣ ихъ смерти. Въ Перу, по словамъ д'Акосты, «умершій царь немедленно становился богомъ въ глазахъ населенія: ему воздвигались статуи, приносились жертвы и пр.» Коголлудо, описывая Юкатанцевъ и сказавъ, что Итцамаъ былъ великій царь, прибавляетъ: «когда этотъ царь умеръ, ему воздвигли алтари, и онъ сталъ оракуломъ, дававшимъ имъ отвѣты». Подобнымъ же образомъ и Мендіета пишетъ о Мексиканцахъ: «народъ Холулы смотрѣлъ на Кветцалкоатля („Пернатая змѣя“) какъ на высочайшаго изъ боговъ, и далѣе: „Индійцы говорили, что Кветцалкоатль, будучи самъ уроженцемъ Тулы, ушелъ изъ этой страны, чтобы населить области Тлакскалы“. Вайцъ также утверждаетъ, что „Гуитцилопоктли („покинутая колибри“), ставшій впослѣдствіи верховнымъ божествомъ Аптекковъ,... былъ первоначально человѣкомъ, апотеозъ котораго можетъ быть прослѣженъ очень ясно“.

Полинезія доставляетъ намъ подобныя же пояснительныя примѣры. Эллисъ, въ своемъ трудѣ: Гавайя, говоритъ: «Жители Сандвичевыхъ острововъ смотрѣли на духъ одного изъ своихъ древнихъ королей какъ на божество-покровителя». По словамъ Маринера, Тонганцы вѣрятъ, что «существуютъ еще и другіе Готуасы, или боги, а именно: души всѣхъ усопшихъ дворянъ (nobles) и матабуловъ и что эти боги имѣютъ подобную же силу приносить добро и зло, но только въ меньшей степени». А Томпсонъ говоритъ:

„Ново-зеландцы вѣрили, что многіе важные вожди, послѣ своей смерти, превратились въ божества и что ими насылаются всѣ наказанія на этомъ свѣтѣ за дурныя дѣла.“

Въ Африкѣ мы находимъ тоже самое. Мы уже видѣли, какъ у береговыхъ Негровъ король Адоли ожидаетъ успѣха отъ вмѣшательства тѣни своего умершаго отца и какъ въ Дагомеѣ царствующій король почтительно закалываетъ одну жертву за другой, чтобы онѣ могли отнести на тотъ свѣтъ покойному королю свѣдѣнія о томъ, что дѣлается здѣсь на землѣ, — обычай, показывающій, что и здѣсь умирающіе короли становятся богами. Къ этимъ доказательствамъ я могу присовокупить еще показаніе Гарриса, что „король Шоа молится на гробницѣ своего отца“, и показаніе Бастіана, что „у Йорубовъ Шанго, богъ грома, считается могущественнымъ и жестокимъ королемъ, взятымъ когда-то на небо“.

Имѣя передъ глазами такія свидѣтельства, мы не въ состояніи удержаться отъ заключенія, что апотеозъ умершихъ властителей, имѣвшій мѣсто у древнихъ историческихъ расъ, былъ лишь продолженіемъ первобытнаго обычая. Когда мы читаемъ у проф. Эйзенлора, что „Рамзесь-Чекъ-Ань (имя Рамзеса III) значить „рожденный отъ Ра (Солица), царь Аны (Гелиополиса, — града Солица)“; когда мы находимъ въ папирусѣ Гарриса, что этотъ Рамзесь III говорить о своемъ отцѣ: „боги повелѣли своему сыну, вышедшему изъ ихъ плоти, быть царемъ всей страны и править въ ихъ столицѣ“, то мы не можемъ не признать въ этихъ фактахъ болѣе развитую форму тѣхъ самыхъ представлений, которыя обнаруживаются по всему свѣту дикими и полудицизованными народами. Когда въ Вавилонской легендѣ о потопѣ мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, такія выраженія: «боги испугались бури и стали искать убѣжища», или: «боги растянулись подобно собакамъ, запертымъ въ загонѣ» (выраженія, показывающія, какъ мало отличались боги отъ людей и по своимъ силамъ, и по своимъ чувствамъ), и когда, съ другой стороны, мы находимъ, что Издубаръ, герой легенды, становится впослѣдствіи богомъ и что Бель, произведшій потопъ, былъ „воинъ Бель“, то у насъ пропадаетъ всякое сомнѣніе относительно того, что Вавилоняне также поклонялись своимъ властителямъ, которые, будучи богами еще при жизни, становились еще болѣе важными богами послѣ своей смерти ¹⁾.

¹⁾ Позднѣйшія вѣрованія Вавилонянъ, относящіяся къ этому же классу, могутъ быть усмотрѣны изъ нижеслѣдующаго отрывка изъ большой Навуходносоровской надписи, переведенной Менантомъ:

«Я есмь Набу-кudur-узуръ,... старшій сынъ Набу-пал-узуръ, царя Бабылу, Я!» «Богъ Бель самъ создалъ меня; богъ Мардукъ, породившій меня, самъ положилъ зерно моей жизни въ нѣдро моей матери».

§ 198. Сила, находящаяся въ рукахъ политическаго главы племени или, на болѣе высокихъ ступеняхъ прогресса, въ рукахъ короля, не есть единственный родъ силы. А поэтому, если вначалѣ „божественный“ значить просто „высшій другихъ“, то и люди, отличившіеся чѣмъ-либо другимъ, а не политическимъ главенствомъ, также могутъ вызвать по отношенію къ себѣ божеское поклоненіе. Свидѣтельство фактовъ подтверждаетъ это заключеніе. Колдунъ, равно какъ и люди, оказывавшіе какое-либо необычайное искусство, возводятся въ санъ божества.

Прямые доказательства того, чтобы знахари, не обладающіе никакимъ другимъ превосходствомъ надъ остальными своими соплеменниками, кромѣ своего искусства, были обоготворяемы еще при своей жизни, очень малочисленны и недостаточны. Въ иныхъ случаяхъ, когда знахарь есть въ тоже время и политическая глава своего племени, къ нему обращаются, повидимому, съ умиловленіями съ обѣихъ этихъ сторонъ, т. е. и какъ къ вождю, и какъ къ знахарю; такъ бываетъ, напримѣръ, въ Лоанго, гдѣ король есть богъ и гдѣ жители „вѣрятъ, что онъ можетъ подавать дождь, когда ему это угодно. Въ декабрѣ его подданные сходятся просить его о дождѣ, причемъ каждый приноситъ свой подарокъ“. Зато мы имѣемъ очень основательныя свидѣтельства въ пользу того, что знахарь становится божествомъ послѣ смерти. Дѣйствительно, нѣкоторые факты даютъ даже поводъ подозрѣвать, что его духъ первый вырастаетъ до извѣстнаго значенія, въ качествѣ существа, внушающаго страхъ. Огнеземельцы, у которыхъ съ другихъ сторонъ не подмѣчено никакихъ опредѣленныхъ религіозныхъ идей, вѣрятъ „въ большаго горнаго человѣка“, „блуждающаго по лѣсамъ и горамъ“, и „измѣняющаго погоду соотвѣтственно съ поведеніемъ людей“: очевидно, что это никто иной, какъ какой-то умершій знахарь, умѣвшій управлять погодою. Точно также и о сосѣднихъ съ ними Патагонцахъ Фалькнеръ рассказываетъ, что ихъ блуждающіе демоны суть „души ихъ колдуновъ“. Гораздо болѣе обстоятельно свидѣтельство Скулькрафта о Чинчевейцахъ. По ихъ словамъ, Мана Бошо, одинъ изъ ихъ боговъ, прибѣгаетъ къ своему магическому барабану и погремушкамъ „для призванія къ себѣ на помощь сверхъестественныхъ силъ“, т. е. онъ употребляетъ на томъ свѣтѣ тѣ же самыя орудія, которыя употреблялъ здѣсь на землѣ, въ качествѣ колдуна, или шамана. Также и Банкрофтъ сообщаетъ намъ, что Кагроки имѣютъ „нѣкоторое представленіе о какомъ-то великомъ божествѣ, называемомъ ими Чарейна (Старый Человѣкъ Наверху)... это божество, по ихъ описанію, одѣто въ узкую одежду и имѣетъ при себѣ мѣшокъ съ знахарскими снадобьями“. Въ Америкѣ Дамары доставляютъ намъ очень опредѣленный примѣръ. Гальтонъ говоритъ: „Мы шли мимо могилы бога Омакурна; всѣ Дамары, проходя, броса-

ли камни на могильную насыпь и восклицали: „отецъ Омакурнъ!“ Онъ подаетъ дождь и насылаетъ засуху“. Обогащеніе знахарей въ Полинезіи явствуетъ изъ показаній Эддиса, который говоритъ, что „у жителей Сандвичевыхъ острововъ есть преданіе, будто-бы всѣ ихъ цѣлебныя травы были получены отъ боговъ однимъ человѣкомъ, который былъ обогащенъ послѣ своей смерти. Къ этому человѣку ихъ знахари обращаются съ своими молитвами“. Въ древней Мексикѣ, сила, обнаруживавшаяся колдуномъ, также вела къ обогащенію этого послѣдняго, какъ это можно вывести изъ слѣдующихъ словъ Мендіеты: „Другіе же говорили, что только такіе люди признавались богами, которые умѣли превращаться... или которые являлись въ какой-либо иной формѣ и которые говорили или дѣлали въ этомъ новомъ видѣ что-нибудь такое, что превышало человѣческую силу“. Но самые лучшіе примѣры доставляютъ намъ наши собственные скандинавскіе предки (если только мы не рѣшимся смотрѣть на всѣ исторіи, собранныя въ Геймъ-Крингла, какъ на чистые вымыслы). Если судить объ Одинѣ по описанію его въ этомъ памятникѣ (главы 4 — 10), то онъ былъ несомнѣнно знахаремъ. Мы читаемъ тамъ, что „когда Одинъ изъ Азаланды пришелъ на сѣверъ, вмѣстѣ съ богами“, то онъ „былъ самымъ искуснымъ изъ нихъ и отъ него-то всѣ другіе боги научились своимъ чародѣйскимъ искусствамъ“. Далѣе мы читаемъ, что когда Ваналандцы обезглавили Мемира, человѣка великаго разумѣнія, то Одинъ взялъ его голову, намазалъ ее разными зельями, чтобы предохранить ее отъ гніенія, и сталъ пѣть надъ ней заклинанія. При помощи этихъ средствъ онъ далъ ей способность говорить, и она открыла ему множество тайнъ.

«Одинъ умеръ на своей постелѣ, въ Швеціи; будучи уже близокъ къ смерти, онъ велѣлъ сдѣлать на своемъ тѣлѣ извѣстный знакъ остриемъ копья и сказалъ, что идетъ въ Годгеймъ (домъ боговъ) и будетъ привѣтствовать тамъ всѣхъ своихъ друзей; и Шведы вѣрили, что онъ ушелъ въ древній Асгардъ и будетъ жить тамъ вѣчно. Тогда началась вѣра въ Одина и призваніе его... Одинъ былъ сожженъ и при его погребальномъ кострѣ все было совершено съ большимъ блескомъ»..

Въ главѣ XI того же памятника сообщается, что Нюртъ продолжалъ послѣ Одина совершать жертвоприношенія и что Шведы вѣрили, что онъ „управлялъ погоду и сѣною времени года“.

«Въ его время всѣ діары, или боги, перемерли и въ ихъ честь приносились кровавыя жертвы. Нюртъ умеръ на одрѣ болѣзни; но, передъ смертью, онъ велѣлъ сдѣлать на себѣ знакъ въ честь Одина остриемъ копья».

«Послѣ Нюрта принялъ королевство Фрей... При немъ по всей странѣ стояла благопріятная погода, которую Шведы приписывали Фрею, за что они и поклонялись ему гораздо болѣе, чѣмъ другимъ богамъ... Когда же Фрей умеръ, они тайно отнесли его въ гору, а Шведамъ сказали, что онъ

живъ; и они стерегли его тамъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Всѣ подати были приносимы ими въ эту гору... Миръ и благопріятная погода продолжались во все это время».

Изъ этихъ отрывковъ можетъ быть извлечено нѣсколько поучительныхъ фактовъ. Господствующая раса, вышедшая съ Востока, возвращалась туда послѣ смерти. Члены ея были обожаемы еще при жизни, какъ это мы видѣли и въ другихъ мѣстахъ (въ исторіи древнихъ народовъ и у современныхъ дикарей) по отношенію къ людямъ, считающимся почему-либо выше остальныхъ. Тѣ изъ нихъ, которые считались могущественными чародѣями, пользовались особеннымъ поклоненіемъ. Послѣ своей смерти эти послѣдніе пріобрѣтали, въ силу установившейся за ними еще при жизни репутаціи великихъ знахарей, характеръ великихъ боговъ: къ нимъ обращались съ умиловительными жертвами и съ моленіями о продолженіи ихъ сверхъестественной помощи. Понятно, что для мифологовъ эти обстоятельныя повѣствованія о жизни и смерти этихъ прославленныхъ чародѣевъ и объ обрядахъ, которыми сопровождалось ихъ погребеніе, не имѣютъ никакого значенія. Они считаютъ ихъ продуктами мифотворческаго стремленія прежнихъ людей и ничуть не удивляются замѣчательному соответствію между этими яко-бы выдумками и тѣми фактами, которые мы находимъ у нынѣ существующихъ дикарей. Я думаю, что они не прочь отдѣлаться тѣмъ же самымъ способомъ и отъ такихъ фактовъ, какъ тотъ, что потомки Эскулапа поклонялись ему какъ богу и въ тоже время вели точный счетъ степенямъ родства, связывавшимъ съ нимъ различныхъ членовъ этого рода. Но что касается до насъ, то, имѣя предъ глазами доказательство, что даже въ настоящее время, въ обоихъ полушаріяхъ, знахари-лекаря и знахари-погододѣлатели сплошь рядомъ становятся богами, мы будемъ считать, что эти легенды выросли изъ дѣйствительности.

Различіе между знахаремъ и учителемъ какимъ-нибудь новымъ искусствомъ только номинальное; ибо, какъ мы уже видѣли, первобытный человѣкъ считаетъ сверхъестественной всякую способность, выходящую изъ обыкновеннаго уровня: для африканцевъ даже кузнецъ представляется чѣмъ-то вродѣ чародѣя. Вслѣдствіе этого, мы должны ожидать встрѣтить обоготвореніе такихъ людей, превосходство которыхъ обнаружилось въ ихъ большихъ знаніяхъ или въ ихъ большемъ искусствѣ, — что мы дѣйствительно и находимъ во многихъ мѣстахъ. Вайцъ говоритъ, что „Бразильцы приписываютъ положеніе начала земледѣлію своему наставнику Тупану, который, повидимому, тождественъ съ основателемъ... этого племени, а также и съ Верховнымъ Существомъ, поскольку у нихъ имѣется идея о такомъ существѣ“. По словамъ Банкрофта Чинуки говорятъ, что „добрый и могущественный духъ, называющійся Ика-

намъ.... научилъ ихъ дѣлать лодки, также какъ и другія орудія и утварь. Онъ же набросалъ въ рѣки огромные утесы и понадѣлалъ водопадовъ, чтобы воспрепятствовать лососямъ подниматься вверхъ по рѣкѣ и такимъ образомъ облегчить ихъ ловъ“. Мексиканскій богъ „Кветцалкоатль, во время проживания своего на землѣ, обучилъ туземцевъ употребленію металловъ, земледѣлію и правительственному искусству“. Кроме того Мексиканцы обоготворили Чикомекоатль, какъ первую женщину, начавшую печь хлѣбъ; Тцапутлатену, какъ изобрѣтательницу укситловаго масла; Опучтли, какъ изобрѣтателя разныхъ рыболовныхъ снарядовъ; Якатекутли, какъ зачинщика торговли, и Напатекутли, какъ изобрѣтателя тростниковыхъ циновокъ. Центральные американцы также имѣли своихъ боговъ и богинь, — Чака, Иксазальвога, Итцамну, Икчебеліаска, — которые были изобрѣтателями земледѣлія, тканья хлопчатой бумаги, письма и живописи, — какъ рассказываетъ Коголлудо. Подобные же факты встрѣчаются намъ и въ древнѣйшихъ повѣствованіяхъ историческихъ народовъ. Про египетскихъ боговъ Озириса, Омбте, Нефа и Тота рассказывается, что они обучили Египтянъ житейскимъ искусствамъ; точно также и про Вавилонскаго бога Оаннеса утверждается, что онъ былъ учителемъ этого народа. Что касается до Греческихъ и Римскихъ боговъ, то міеологія этихъ народовъ слишкомъ общеизвѣстна, чтобы стоило перечислять здѣсь всѣ ихъ божества, составшіяся учителями тому или другому новому процессу или изобрѣтателями того или другаго новаго снаряда.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь ту же самую истину, только подъ другой формой. Всякая сила, превосходящая прежде-извѣстныя, возбуждаетъ страхъ, и обладатель этой силы, возбуждающій страхъ въ продолженіе своей жизни, возбуждаетъ еще болѣйшій страхъ послѣ своей смерти.

§ 199. Говоря о тѣхъ, которые, въ качествѣ знахарей или людей необыкновенной способности, пріобрѣтаютъ въ своемъ племени извѣстную славу, ведущую къ обоготворенію, я, совершенно незамѣтнымъ для меня самого образомъ, перешелъ къ слѣдующему за этимъ классу фактовъ, а именно, къ тѣмъ, которые показываютъ, какимъ образомъ членъ чуждой и болѣе высокой расы, вступивъ въ число членовъ болѣе низкаго племени, становѣтся богомъ для этого племени.

Даже въ наши времена ялены нашей собственной расы, — каковы: потерпѣвшіе кораблекрушеніе моряки, бѣглые преступники и пр., попавъ въ среду дикарей, пріобрѣтаютъ господство надъ ними, въ силу обнаруживаемыхъ ими знаній и искусства; и если мы припомнимъ, что, послѣ смерти такихъ людей, ихъ могущество, преувеличенное относящимися къ нимъ легендами, непременно должно повести къ тому, что ихъ духи будутъ внушать болѣйшій страхъ, чѣмъ

остальные обыкновенные духи усопших, то мы должны будемъ признать въ этомъ обстоятельстве новый источникъ для возникновенія божествъ. Что люди низкаго типа даже и теперь причисляютъ чужеземцевъ высокаго типа къ разряду боговъ, — на это мы имѣемъ много доказательствъ. Въ Африкѣ, по рассказамъ Чапмана, Бушмены говорятъ: „Эти бѣлые люди—дѣти бога: они знаютъ все на свѣтѣ“. По словамъ Ливингстона, Восточные Африканцы восклицали, обращаясь къ Европейцамъ: „поистинѣ, вы—боги!“ а Тѣки и Бастіанъ утверждаютъ, что въ Конго о бѣлыхъ говорятъ точно такимъ же образомъ. Одинъ вождь на рѣкѣ Нигерѣ, увидѣвъ въ первый разъ бѣлыхъ, подумалъ, что это „дѣти неба“. Когда Томпсонъ и Моффатъ пожелали увидѣть одну религиозную церемонію, исполняемую у Бечуановъ одними женщинами, то женщины сказали: „вѣдь они боги, такъ пусть ихъ войдутъ“. Даже по отношенію къ такой высокой африканской расѣ, какъ Фулахи, извѣстны факты этого рода: нѣкоторые изъ деревенскихъ жителей, говоритъ Бартъ, „заходили такъ далеко, что дѣлали мнѣ честь принимать меня за своего бога „Фете“, который, по ихъ мнѣнію, можетъ являться къ нимъ, чтобы провести съ ними день, другой“ (и можетъ остаться обѣдать съ ними: подобно тому, какъ Зевсъ обѣдалъ съ Эѳіопами). Другія расы доставляютъ подобные же примѣры. Женщины Хондовъ говорили о палаткѣ Кэмпбелля: „это домъ бога“. Барбъ утверждаетъ, что „Никобарцы имѣютъ такое высокое понятіе о могуществѣ Европейцевъ, что приписываютъ имъ даже сотвореніе Никобарскихъ острововъ и думаютъ, будто-бы они въ состояніи подавать имъ хорошую погоду“ ¹⁾.

Замѣтивъ, что у Фиджійцевъ „не существуетъ, повидимому, опредѣленной разграничительной черты между богами и живыми людьми“, Эркинъ рассказываетъ далѣе, какъ одинъ изъ ихъ вождей сказалъ Генту: „Если ты умрешь первый, то я сдѣлаю изъ тебя моего бога“. Альфредъ Уоллесъ, имѣвшій такъ много случаевъ изучать первобытныхъ людей, говоритъ объ обитателяхъ острова Ару:

«Я ничуть не сомнѣваюсь, что въ слѣдующемъ поколѣніи, или даже раньше, я самъ превращусь въ чародѣя, или полу-бога, творца чудесъ и въ существо, одаренное сверхъестественными знаніями. Они уже и теперь вѣрятъ, что всѣ тѣ животныя, которыхъ я сохраняю въ своей коллекціи, оживутъ нѣкогда снова; а своимъ дѣтямъ они расскажутъ, что они дѣйствительно оживали. Необыкновенное наступленіе прекрасной погоды, случившееся какъ разъ во время моего прибытія къ нимъ, заставило ихъ вѣрить въ мою власть надъ погодой».

¹⁾ Недавно мнѣ удалось достать изъ тѣхъ мѣстъ фотографическіе снимки съ Никобарскихъ идоловъ, между которыми я нашелъ смѣшныя, но очень характеристическія изображенія англичанъ.

Наконецъ, мы имѣемъ здѣсь тотъ фактъ, что такой апотеозъ, который предвидить для себя съ теченіемъ времени, уже случился на сосѣднемъ островѣ. Лоу, въ своемъ сочиненіи *Sagawak*, говоритъ, что Дайяки приписываютъ сверхъестественное могущество Раджѣ Бруку. Они призываютъ его въ молитвахъ вмѣстѣ съ прочими богами.

При такомъ обиліи свидѣтельствъ, показывающихъ, что генезисъ боговъ изъ чужеземцевъ болѣе высокаго типа происходитъ еще и теперь, мы не можемъ, не высказывая неосновательнаго упрямства, смотрѣть какъ на чистые вымыслы на многочисленныя исторіи, находимыя нами въ разныхъ странахъ и описывающія принесеніе извѣстными богами знанія и искусствъ изъ чужбины. Мендіета говоритъ, что главный богъ мексиканцевъ, Кветцалкоатль, пришедшій къ нимъ съ запада, былъ „высокій бѣлый человѣкъ, съ широкимъ лбомъ, большими глазами, длинными черными волосами и большой, окладистой бородой“; научивъ Мексиканцевъ житейскимъ искусствамъ и исправивъ ихъ нравы, онъ удалился тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ. Точно также и о Бочикѣ, великомъ богѣ Чипчасовъ, мы читаемъ, что онъ былъ бѣлый человѣкъ, съ бородою, что онъ далъ имъ законы и учрежденія и исчезъ послѣ долгаго пребыванія въ Согамозо. Къ Южной Америкѣ мы находимъ тоже самое. Гумбольдтъ разсказываетъ, что „Амаливака, отецъ Таманаковъ, т. е. творецъ человѣческаго племени (ибо каждый народъ считаетъ себя корнемъ всѣхъ остальныхъ народовъ), прибылъ на лодкѣ“. Впослѣдствіи онъ снова сѣлъ въ лодку и отплылъ. „Амаливака былъ чужеземецъ, подобно Манко-Копаку, Бочикѣ и Кветцалькоатлю.“

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, замѣчательные чужеземцы, становящіеся такимъ образомъ богами даннаго народа, считаются этимъ народомъ вернувшимися духами ихъ собственныхъ замѣчательныхъ людей. Такъ какъ духи усопшихъ и боги первоначально не различаются въ мысли человѣка одни отъ другихъ и такъ какъ и тѣ и другія не всегда строго отличаются отъ живыхъ людей, поэтому случается, какъ это было уже показано въ § 92, что бѣлые люди принимаются нѣкоторыми дикарями, какъ-то: Австралийцами, Полинезійцами и Африканцами, за двойниковъ ихъ собственныхъ умершихъ соотечественниковъ. Когда мы читаемъ, что у Ваниковъ „Мулунга“,—слово, означающее подобно каффрскому „Улунга“, высокій и, верховный, —означаетъ также всякаго пришельца съ того свѣта, хорошаго или дурнаго“, то понимаемъ, какимъ образомъ происходитъ то, что Европейцевъ называютъ безразлично и духами усопшихъ и богами. Отсюда естественность факта, передаваемого Эллисомъ о Сандвичанахъ, которые, увидя прибывшаго къ нимъ капитана Кука, вообразили себѣ и распространили повсюду, что это—богъ Роно, вернувшійся об-

ратно"; вслѣдствіе чего „весь народъ простерся передъ нимъ ницъ“. Отсюда также то вѣрованіе Мексиканцевъ, которое мы видимъ изъ разсказа Комарго о прибытіи къ нимъ Испанцевъ: „какъ только Испанцы сошли на землю, повсюду разнеслась вѣсть, что прибыли боги,—вѣсть, долетѣвшая даже до самыхъ маленькихъ деревушекъ“; всѣ вообразили себѣ, что „ихъ богъ Кветцалкоатль вернулся назадъ“ съ своими товарищами. Отсюда же, наконецъ, объясняется свѣдѣтельство Пьедрагиты о Чипчасакъ, которые, по его словамъ, при Тюрмекѣ „оказали Испанцамъ такое почтеніе и поклоненіе, какое они оказываютъ богамъ, и даже курили предъ ними ароматы“.

Такимъ образомъ, всѣ эти примѣры поясняютъ, при другихъ условіяхъ, ту же самую общую истину, а именно—что первобытный богъ есть человѣкъ, туземецъ или чужеземецъ, превосходящій остальныхъ людей даннаго племени, умиловливаемый ими при жизни и еще болѣе умиловливаемый послѣ своей смерти.

§ 200. Отъ этого обоготворенія единичныхъ личностей, принадлежащихъ къ болѣе высокому племени, самый естественный переходъ будетъ къ обоготворенію расы побѣдительницы, не индивидуально, но цѣликомъ. Такое обоготвореніе доставляетъ намъ очень легкое объясненіе выраженія „боги и люди“ такъ часто встрѣчающагося въ преданіяхъ различныхъ народовъ.

Мы обыкновенно предполагаемъ, что у каждаго племени дикарей безъ сомнѣнія существуетъ слово „человѣкъ“, приложимое въ одинаковой мѣрѣ какъ къ членамъ этого племени, такъ и къ членамъ другихъ племенъ; но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ нашихъ сужденій о дикаряхъ, мы сильно заблуждаемся, вслѣдствіе того, что всегда невольно воображаемъ, будто-бы мысли и языкъ дикарей подобны нашимъ собственнымъ. Вѣсьма часто у дикарей слово, означающее „человѣкъ“, есть ничто иное, какъ имя ихъ собственнаго племени. Мы уже имѣли случай видѣть, что у Гуаранисовъ Южной Америки одно и то же слово означаетъ и „человѣкъ“ и „гуаранисъ“. Точно также и въ Сѣверной Америкѣ народъ, называющій себя Тлинкитами, не имѣетъ никакого другаго слова, кромѣ этого, для передачи слова „люди“. Сосѣднее съ ними племя Тиннеговъ представляетъ точно такой же случай. Подобнымъ же образомъ и въ Африкѣ Каффрикскія племена называютъ сами себя Абанту, Ванту (множественное число отъ слова Нту, человѣкъ), а Готтентотскія племена называютъ себя кон-коинъ (т. е. „люди людей“, отъ кон, человѣкъ). Переходя къ Азіи, мы находимъ, что Масонъ говоритъ о Каренахъ: „лишь очень немногія изъ этихъ племенъ имѣютъ отличительныя названія для себя; и всѣ они, говоря другъ о другѣ, обозначаютъ себя словомъ человѣкъ“. По словамъ Коцебу, у Камчадаловъ „нѣтъ особаго названія ни для себя, ни для своей

страны. Они называютъ себя просто людьми, какъ-бы считая себя или единственными обитателями земли, или настолько превосходящими всѣхъ другихъ, что этотъ титулъ можетъ быть приложенъ только къ нимъ однимъ“. И въ самомъ дѣлѣ, Нильсонъ, въ своемъ Каменномъ Вѣкѣ, обобщая такіе факты, говоритъ, что „всѣ грубые народы прилагаютъ названіе „людей“ только къ себѣ самимъ, обозначая всѣ другіе народы другими, отличными отъ этого названіями“.

Спросимъ себя теперь, чтò должно произойти, если дикари, называющіе себя людьми, будутъ покорены дикарями, которыхъ они называютъ иначе, но превосходство которыхъ,—равносильное въ умѣ первобытнаго человѣка съ божественностью,—доказывается уже самымъ фактомъ ихъ побѣды? Ясно, что имена побѣдителей и побѣжденныхъ стануть равнозначущими по своему смыслу словамъ „боги и люди“. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, самое имя, которымъ называютъ себя побѣдители, необходимо приводить къ этому. Такъ Соути рассказываетъ намъ о Туписахъ, что „слово Тупа означаетъ у нихъ отецъ, Верховное Существо и громъ; не трудно видѣть тотъ процессъ, помощью котораго это слово перешло отъ перваго своего значенія къ послѣднему; а варварское тщеславіе нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ сдѣлало изъ этого слова названіе для самихъ себя“. Такъ что еслибы эти дѣти Тупы, что значить „дѣти Бога“, покорили какой-нибудь народъ, названіе котораго означало бы просто „люди“, то различіе между побѣдителями и побѣжденными неизбежно выразилось бы въ словахъ „боги и люди“.

Имѣя передъ собою такія данныя, чтò должны мы думать о выраженіи „боги и люди“, фигурирующемъ въ легендахъ болѣе высокихъ расъ? Читая въ Каменномъ Вѣкѣ Нильсона, что въ Скандинавіи, уже со времени каменнаго и бронзоваго періода, можно видѣть ясныя слѣды борьбы туземныхъ племенъ съ племенами колонистами, и читая послѣ того въ Скандинавскихъ легендахъ объ Одинѣ, Фреѣ, Ніормѣ и другихъ, что они пришли изъ Годгейма (жилища или страны боговъ) въ Менгеймъ (жилище или страну людей), что они управляли Менгеймомъ и были тамъ предметами обожанія и поклоненія и что они умерли тамъ, вѣря, что возвращаются назадъ въ Годгеймъ, — точь въ точь такъ, какъ всѣ первобытныя расы вѣрятъ, что онѣ возвращаются послѣ смерти въ страну своихъ отцевъ, — мы должны заключить, что эти „боги и люди“ были просто раса-побѣдительница и раса-побѣжденная, что бы ни старались внушить намъ на этотъ счетъ всѣ міеологическія истолкованія. Когда мы видимъ, что у Грековъ существовало народное преданіе, дошедшее до насъ черезъ названія, что древніе Аркадцы „были гостями и застольными собесѣдниками боговъ“, то мы не должны считать его чистымъ вымысломъ, сочи-

ненным послѣ того, какъ боги были уже сотворены посредствомъ олицетворенія различныхъ силъ природы; но мы должны заключить, что корень этого преданія лежитъ въ тѣхъ покореніяхъ древнихъ расъ болѣе поздними, на которыя намекаетъ Гезіодъ,—покореніяхъ, которыя навѣрное должны были происходить въ этихъ мѣстахъ и оставить по себѣ преувеличенные рассказы. Подобное же объясненіе приходится приложить также и къ выраженію „сыны божіи и дочери человѣческія“, находимому нами въ исторіи Евреевъ. Если мы припомнимъ то неодобреніе, которое повсюду и всегда встрѣчалъ бракъ лица изъ касты побѣдителей съ лицомъ изъ касты побѣжденныхъ, или что, по вѣрованію Грековъ, было преступленіемъ для расы боговъ влюбляться въ представителей людской расы,—если мы припомнимъ, что въ нашей собственной странѣ, въ теченіе феодальнаго періода, бракъ дворянина съ рабыней былъ уголовнымъ преступленіемъ, и если сообразимъ все это, то намъ будетъ не особенно трудно представить себѣ, какимъ образомъ возникла исторія о нападѣніи небожителей.

Разсмотрѣвъ приведенныя свидѣтельства и припомнимъ, что имена и свойства, приписываемыя европейцамъ нынѣ живущими дикарями, даютъ еще и въ настоящее время поводъ къ возникновенію легендъ о „богахъ и людяхъ“, никто, я думаю, не поколеблется признать несомнѣнность происхожденія боговъ изъ членовъ расы-покорительницы. Остающіяся еще сомнѣнія могутъ быть уменьшены въ значительной степени прочтеніемъ Квишесской легенды, излагающей съ достаточною ясностью исторію одной вторгнувшейся расы, которая, захвативъ самую высокую область покоренной страны и держа оттуда въ страхѣ туземныхъ обитателей болѣе низкихъ областей, превратилась для окрестной страны въ расу божествъ, а ея горное убѣжище стало мѣстнымъ Олимпомъ. (См. *приложеніе*).

§ 201. Это приводитъ насъ еще разъ къ Арійскимъ богамъ, разсматриваемымъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ прежде. Чтобы судить о томъ, какая гипотеза всего лучше согласуется съ фактами, рассмотримъ сначала, какъ древніе Греки дѣйствительно представляли себѣ своихъ боговъ, и отложимъ на-время въ сторону вопросъ о томъ, какимъ образомъ взялись у нихъ эти представленія. При-этомъ попробуемъ сравнить ихъ пантеонъ съ пантеономъ какого-нибудь другаго племени, напримѣръ Фиджійцевъ.

Греческій богъ повсюду представляется намъ въ видѣ могущественнаго чело-вѣка, какъ и Фиджійскій богъ. У Фиджійцевъ боги „принимаютъ иной разъ чело-вѣческую форму и становятся такимъ образомъ видимыми для людей“; но И л и а д а показываетъ намъ страница за страницей, насколько обыкновенна была такая теофанія у Грековъ. Греческій богъ былъ такъ похожъ на чело-вѣка, что

для того, чтобы отличить его от человека, требовалась особая прозорливость, полученная свыше, путем сверхъестественным; но мы уже видели выше, как трудно найти у Фиджийцев, в чем состоит различие между богом и вождемъ. Въ фиджийскомъ пантеонѣ существуютъ различныя степени божественности и довольно значительное подраздѣленіе божественныхъ функций: тамъ есть главный богъ, посредствующіе боги и боги, заведующіе различными вещами и мѣстностями; очевидно, что это устройство совершенно параллельно устройству Греческаго пантеона, который также представлялъ цѣлую іерархію боговъ, со многими степенями и съ раздѣленіемъ обязанностей. Фиджийскія божества могутъ быть раздѣлены на боговъ собственно и на обоготворенныхъ смертныхъ, т. е. на такихъ, апотеозъ которыхъ уже исчезъ изъ памяти народа, и на такихъ, апотеозъ которыхъ еще припоминается народомъ; но и между греческими божествами также были обоготворенные смертные. Къ имени одного изъ Фиджийскихъ боговъ прилагается обыкновенно описательный титулъ: „Прелюбодѣй“, — титулъ, который былъ бы вполне приложимымъ ко многимъ изъ греческихъ боговъ. Имя другаго Фиджийскаго бога есть „Жено-крадъ“, — имя, которое не было бы незаслуженнымъ для Зевса. Третій Фиджийскій богъ называется „Только что съ побоища“; очевидно, что это имя вполне подошло бы къ Арею, который называется у грековъ „Кровопролитель“. Фиджийскіе боги любятъ и ненавидятъ, они горды и мстительны, они воюютъ между собою, убиваютъ и ѣдятъ другъ друга; но если мы возьмемъ въ расчетъ и древнѣйшія поколѣнія Греческихъ боговъ, то найдемъ, что подобныя же жестокости приписываются и имъ. Хотя людоедство и не составляетъ характеристической черты Греческихъ боговъ, однакоже Посейдонъ любитъ своего сына-каннибала, Полифема; и хотя войны между богами и не замѣтно въ послѣднее время, однакоже мы находимъ здѣсь заговоръ противъ Зевса, отъ котораго онъ былъ спасенъ Ѳетисомъ; кромѣ того, мы видимъ, что между богами происходятъ постоянныя ссоры и распри: даже Зевсъ былъ избранъ своею дочерью Аѳиною и божественной сварливицею, Герою. Фиджийскіе боги подстраиваютъ другъ другу разныя штуки; тоже самое дѣлали и боги Грековъ. Иногда Фиджийцы „распаляются гнѣвомъ на своихъ боговъ, ругаютъ ихъ и даже вызываютъ ихъ на бой“; у Грековъ смертные тоже не разъ бранили боговъ и даже били ихъ по лицу, какъ напримѣръ Елена—Афродиту; и если у Грековъ смертные не вызывали боговъ на бой, то все-таки они дрались съ ними и даже побѣждали ихъ, какъ напримѣръ Діомедъ Арея; угрозы богамъ также не были здѣсь рѣдкою: такъ Лаомедонъ, отказавшись платить Посейдону его жалованье, пригрозилъ ему сверхъ того, что обрѣжетъ ему уши. У Фиджийцевъ есть рассказъ о томъ, какъ боги вывалились изъ лодки и какъ, будучи вытащены одной женщиной, они были приняты въ домъ одного вождя,

чтобы обсушиться; этому разсказу можетъ быть съ успѣхомъ противопоставленъ разсказъ о Діонисіѣ, который, испугавшись Оракіица Янкурга, бросился отъ него въ море и, будучи схваченъ пиратами, содержался связаннымъ на ихъ кораблѣ. Хотя Діонисій и развязался, однако не слѣдуетъ забывать, что въ другихъ случаяхъ боги оставались въ рукахъ людей, какъ это было съ Протеемъ, какъ это было даже съ Ареемъ, котораго Отусъ и Эфіалтъ держали въ тюрьмѣ въ продолженіе тринадцати мѣсяцевъ, и какъ это было съ Аполлономъ, который жилъ въ рабствѣ у Лаомедона. Итакъ, какъ бы ни были матерьяльны и человѣкоподобны Фиджійскіе боги, которые живутъ, дѣятъ и дѣйствуютъ точъ въ точъ какъ люди, Греческіе боги оказываются не менѣе матерьяльными и человѣкообразными. Они болтаютъ, пируютъ, пьютъ и забавляются весь день, а на закатѣ солнца отправляются въ постель: „Олимпійскій громовержецъ Зевсъ отправился на свое ложе“ и заснулъ. Людское оружіе наноситъ имъ раны. Къ ранѣ Арея былъ приложенъ „болеутоляющій пластырь“, а Афродита, потерявъ нѣсколько крови и испугавшись боли, выпросила у своего брата его колесницу и поскакала на Олимпъ, чтобы подвергнуться такому же леченію. Всѣ свойства и дѣйствія боговъ находятся въ полной гармоніи съ такимъ представленіемъ о нихъ. Гера, въ битвѣ, поддѣляется подъ наружный видъ и голосъ Стентора; Аполлонъ выпускаетъ изъ Пергама бранный крикъ, чтобы ободрить Троянцевъ; Ирида „прибѣгаетъ бѣгомъ съ Олимпа“; а небесныя колесницы, сдѣланныя на земной образецъ и изъ земныхъ матерьяловъ, влекутся конями, на которыхъ надо покрикивать и погонять ударами бича, и когда эти колесницы проносятся черезъ ворота Небесъ, то ворота эти скрипятъ. Уже тотъ одинъ фактъ, что Зевсъ живетъ въ дружескихъ отношеніяхъ „съ млекоядущими людьми Оракіи“ и обмѣнивается съ ними взаимными посѣщеніями, совершенно достаточенъ самъ по себѣ, чтобы показать, какъ мало божественное отличалось здѣсь отъ человѣческаго и какъ полна въ сущности параллель между греческими представленіями и тѣми, которыя мы находимъ теперь у Фиджійцевъ.

Итакъ, вотъ вопросъ, который представляется намъ теперь: видя такое полное сходство между этими представленіями, нужно ли думать, что они и произошли подобнымъ же образомъ въ обоихъ случаяхъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что фиджійскій пантеонъ возникъ посредствомъ обоготворенія людей, продолжавшагося даже въ то время, когда между ними уже явились европейскіе путешественники; поэтому, если мы скажемъ, что и у Грековъ, которые также обоготворяли людей, происхожденіе ихъ пантеона совершилось точно такимъ же путемъ, то заключеніе это будетъ вполне логично и послѣдовательно. Однакоже намъ запрещаютъ дѣлать подобное предположеніе. Греческіе

боги, съ ихъ человѣческимъ тѣлосложеніемъ, склонностями, поступками, біографіями, произошли путемъ олицетворенія предметовъ и силъ природы. Такъ что, — странно сказать, — совершенно тождественныя представленія были произведены въ этихъ двухъ случаяхъ путемъ діаметрально противоположныхъ процессовъ! Въ одномъ случаѣ, мы видимъ восходящее разростаніе людей въ боговъ, а въ другомъ — нисходящее сокращеніе космическихъ силъ въ боговъ, и эти два ряда боговъ, созданные такими двумя противоположными методами, оказываются существенно тождественными другъ съ другомъ!

Еслибы мы даже не читали всѣхъ предшествовавшихъ главъ, то и тогда, я думаю, всякій человѣкъ, не отдавшійся заранѣе душой и тѣломъ принятой нынѣ гипотезѣ, сказалъ бы, что для доказательства того, что такое изумительное совпаденіе есть только совпаденіе и ничего больше, требуются такія свидѣтельства, которыя и по количеству, и по качеству своему значительно превосходятъ то, что предлагаютъ намъ по этой части наши міеологи.

§ 202. — — — .

§ 203. Итакъ всеобщность антропоморфизма объясняется достаточно удовлетворительно, тою причиною, что представленіе (conception) о божественномъ человѣкѣ имѣетъ повсюду своимъ неизбѣжнымъ antecedentомъ воспріятіе (perception) могущественнаго человѣка. Многочисленные доказательства того, что первобытный умъ составляетъ себѣ понятіе о богѣ именно этимъ путемъ, могутъ быть еще болѣе усилены фактами, показывающими, что онъ не въ силахъ составить себѣ никакого другаго понятія въ этомъ направленіи.

Когда Бёртонъ рассказываетъ намъ, что, во время его стоянки между Изами, онъ слышалъ однажды, какъ одна старуха, мучившаяся зубной болью, восклицала: „О Аллахъ, пусть твои зубы поболѣютъ какъ мои!“; когда мы узнаемъ далѣе отъ него же, какъ еще болѣе дикіе Бедуины справлялись, гдѣ они могутъ найти Аллаха, чтобы заколотъ его пиками „за то, что онъ опустошаетъ ихъ дома и убиваетъ ихъ скотъ“; когда Моффатъ сообщаетъ намъ, что Готтентоты, несмотря на всѣ поученія миссіонеровъ, считаютъ христіанскаго Бога „знаменитымъ воиномъ, одареннымъ огромною физическою силою“; когда мы узнаемъ отъ Гентера, какъ одинъ Санталъ, выслушавъ рассказъ миссіонера о всемогуществѣ Божіемъ, воскликнулъ: „а чтѣ, если этотъ сильный съѣстъ меня?“ — когда мы узнаемъ эти и другіе подобные факты, то поневолѣ убѣждаемся, что неразвитый умъ не только представляетъ себѣ Бога въ видѣ могущественнаго человѣка, но что онъ и не способенъ къ какому-либо высокому представленію.

Къ такому же заключенію принуждаетъ насъ повсюду первобытное вѣрованіе въ смертность боговъ. Въ одной Квишесской легендѣ, переведенной Бан-

крофтомъ, мы читаемъ: „такъ они умирали, точно боги; и каждый изъ нихъ оставлялъ изумленнымъ и опечаленнымъ людямъ, бывшимъ его слугами, свои одежды на память.“ Муйръ говоритъ, что писатели гимновъ Ведъ „смотрѣли на боговъ... положительно какъ на простыя сотворенныя существа“ и что эти боги, подобно людямъ, становились безсмертными отъ питья Сомы. Въ легендѣ о Буддѣ говорится, что, на вопросъ этого князя объ увидѣнномъ трупѣ, его проводникъ сказалъ ему: „Это конечный жребій всякой плоти: боги и люди, богатый и бѣдный, одинаково должны умереть“. Мы видѣли, что скандинавскіе боги умирали и были погребаемы, послѣ чего возвращались въ Асгардъ. Точно также и Египетскіе боги жили и умирали: въ Филахъ есть фрески, представляющія погребеніе Озириса. И хотя въ греческомъ пантеонѣ мы имѣемъ только одинъ примѣръ смерти боговъ, а именно примѣръ Пана, тѣмъ неменѣе греческія легенды даютъ намъ поводъ вѣрить въ первоначальную смертность ихъ боговъ; ибо какимъ же образомъ Лаомедонъ могъ держать въ рабствѣ Аполлона, еслибы этотъ послѣдній уже и тогда обладалъ способностью то принимать на себя матерьяльную форму, то сбрасывать ее, смотря по своему желанію, — способностью, которая принадлежитъ греческому богу наравнѣ съ первобытнымъ духомъ усоншаго.

Какъ глубоко коренятся эти идеи о божествахъ, доказывается далѣе той медленностью, съ которою удавалось культурѣ измѣнять ихъ. Греки считали своихъ боговъ матерьяльными личностями уже въ цивилизованныя времена: около 550 г. до Р. Х. они вѣрили въ живую женщину, выдававшую себя за Аонну; а въ 490 г. до Р. Х. Филиппидесъ, на пути изъ Аонны въ Спарту, повстрѣчался съ Паномъ, который жаловался ему на пренебреженіе къ нему со стороны народа. Магометъ долженъ былъ воспретить божеское поклоненіе, съ какимъ обращались къ нему нѣкоторые изъ его послѣдователей; а въ 1000 г. по Р. Х. Калифъ Гакемъ попалъ въ боги еще при жизни; онъ и теперь боготворится Друзами. Скульптура, живопись и литература средневѣковой Европы показываютъ намъ, какъ грубо-антропоморфично было тогдашнее представленіе о божествѣ, которое держалось, впрочемъ, до самыхъ послѣднихъ столѣтій. Въ примѣръ этого грубаго представленія о божествѣ могли бы быть приведены средневѣковыя мистеріи, которыя, впрочемъ, настолько общеизвѣстны, что достаточно лишь упомянуть о нихъ. Чтобы не увеличивать числа излишнихъ примѣровъ, я ограничусь здѣсь только указаніемъ еще на одно провансальское стихотвореніе, въ которомъ описывается, какъ Богъ выздоровѣлъ отъ своей болѣзни вслѣдствіе того, что расхохотался надъ пляшущимъ рюмоплетомъ (См. *Приложеніе*). Впрочемъ, у нѣкоторыхъ католическихъ народовъ, даже и въ настоящее время, дѣло стоитъ немногимъ лучше. Какъ совре-

менный дикарь колотитъ своего идола въ случаѣ неисполненія возложенныхъ на него надеждъ, — какъ древній Аркадіецъ готовъ былъ „заковать Пана и бичевать его, если только возвращался съ охоты съ пустыми руками“, такъ точно Итальянскій крестьянинъ или ремесленникъ нерѣдко разбиваетъ въдребезги статую Мадонны, чтобы дать исходъ своему гнѣву, — какъ это случилось, напримѣръ, въ Миланѣ въ сентябрѣ 1873 года, или въ Римѣ незадолго передъ этимъ. Итакъ, изслѣдованіе не только не подтверждаетъ справедливости утвержденія, будто-бы тѣ идеи о божествѣ, которыя существуютъ у образованныхъ людей, врождены человѣку, но оно доказываетъ, напротивъ того, что эти идеи появляются только на сравнительно высокой ступени развитія, какъ результатъ накопленія знаній, большей умственной широты и болѣе высокаго чувства.

§ 204. Итакъ, мы видимъ, что позади сверхъестественнаго существа сепитовъ, какъ и позади сверхъестественныхъ существъ всѣхъ другихъ разсмотрѣнныхъ нами народовъ, находится всегда какая-нибудь человѣческая личность.

Все, что выходитъ изъ области обыкновеннаго, считается дикаремъ сверхъестественнымъ, или божественнымъ; причемъ и замѣчательный человѣкъ испытываетъ ту же участь, какъ и все остальное, кажущееся дикарю необычайнымъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ можетъ быть просто самымъ отдаленнымъ предкомъ, сохранившимся въ памяти потомковъ въ качествѣ основателя или родоначальника племени; или это можетъ быть какой-нибудь вождь, прославившійся своей силою и храбростію; или это можетъ быть какой-нибудь знахарь, заслужившій громкую репутацію; или, наконецъ, это можетъ быть какой-нибудь изобрѣтатель чего-либо новаго; при-этомъ, вмѣсто того, чтобы быть членомъ даннаго племени, онъ можетъ быть чужестранцемъ, который, принадлежа къ болѣе высокой расѣ, получившей господство надъ даннымъ племенемъ путемъ побѣды. Будучи вначалѣ одною изъ перечисленныхъ сейчасъ личностей, внушающихъ дикарю болѣе или менѣе сильный страхъ, этотъ человѣкъ внушаетъ ему еще болѣе большой страхъ послѣ своей смерти; и умиловленіе его духа, принимая большіе размѣры, чѣмъ умиловленіе духовъ, внушающихъ меньшій страхъ, развивается постепенно въ прочно-установленное поклоненіе, или богослуженіе.

Итакъ разсмотрѣнная нами истина не представляетъ ни одного исключенія. Употребляя выраженіе „поклоненіе предкамъ“ въ самомъ широкомъ его значеніи, обнимающемъ всякое поклоненіе умершему, будетъ ли этотъ умершій единокровенъ съ поклоняющимся, или — нѣтъ, мы приходимъ къ заключенію, что поклоненіе предкамъ есть корень всякой религіи ¹⁾.

¹⁾ Нѣкоторые добавочные факты и разсужденія, относящіеся прямо или косвенно къ этому заключенію, будутъ найдены читателемъ въ приложеніи.

ГЛАВА XXVI.

ПЕРВОБЫТНОЕ МИРОСОЗЕРЦАНІЕ.

§ 205. Такимъ образомъ, этотъ кажущійся хаосъ ребяческихъ предположеній и чудовищныхъ умозаключеній, слагающихся въ цѣлую обширную массу суевѣрныхъ предразсудковъ и вѣрованій, открываемыхъ нами на всѣхъ точкахъ земнаго шара, принимаетъ въ нашихъ глазахъ правильную форму и позволяетъ намъ усмотрѣть въ немъ извѣстный порядокъ, если только мы, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него назадъ, съ нашей собственной прогрессивной точки зрѣнія, взглянемъ на него впередъ, съ точки зрѣнія первобытнаго чело-вѣка.

Истолкователи древнѣйшихъ человѣческихъ представленій заблуждаются въ ту же самую сторону, какъ и наставники юношества. Никогда не изучавъ психологіи, педагогъ имѣетъ лишь самое туманное понятіе о духѣ своего ученика, и, воображая, будто-бы его неразвитый умъ обладаетъ уже такими представленіями, которыми можетъ обладать только умъ развитый, онъ преподноситъ ему совершенно непонятные для него факты; онъ пичкаетъ его обобщеніями, когда въ немъ не существуетъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ должны получаться эти обобщенія; онъ начиняетъ его отвлеченіями, когда у него нѣтъ еще достаточнаго запаса тѣхъ конкретныхъ опытовъ, изъ которыхъ получаются эти отвлеченія; и, такимъ образомъ, онъ вызываетъ въ немъ страшную путаницу и кажущуюся глупость. Подобнымъ же образомъ и разсказчики первобытныхъ легендъ и изслѣдователи суевѣрій дикарей переносятъ съ собою въ эту область идеи и чувства, порожденныя цивилизаціей, и, одаривъ дикаря этими идеями и чувствами, или выражаютъ неразумное удивленіе тому, какъ онъ можетъ думать такъ, какъ онъ думаетъ, или же, стараясь объяснить его

мысли, даютъ такія толкованія, которыя приписываютъ дикарю совершенно невозможныя для него представленія и понятія.

Но какъ только мы перестаемъ воображать себѣ душевные процессы дикаря въ терминахъ нашихъ собственныхъ процессовъ, эта путаница немедленно исчезаетъ. Когда, провѣривъ наши апіорные выводы апостеріорными данными, мы убѣждаемся въ томъ, что первобытный человѣкъ не имѣетъ такихъ идей, какъ естественное и неестественное, возможное и невозможное, или такихъ, какъ законъ, порядокъ, причина и пр., и что при отсутствіи у него разумнаго удивленія и любознательности, побуждающихъ къ изслѣдованію, онъ не обладаетъ также и словами, пригодными для такого изслѣдованія, равно какъ и требующейся для этого способностью къ продолжительному мышленію, то для насъ становится ясно, что дикарь не только не есть умозрительный мыслитель и сочинитель объясненій, но что онъ есть прежде всего почти пассивный воспріимникъ заключеній, насильственно напрашивающихся къ нему извнѣ. А, задавшись вопросомъ, каковы же эти заключенія, — мы видимъ, что дикарь неизбѣжно приводится къ одному начальному заблужденію и что это заблужденіе опять-таки неизбѣжно порождаетъ цѣлую ложную систему мысли, которая развивается въ своихъ подробностяхъ по мѣрѣ того, какъ онъ самъ подвигается впередъ.

Чтобы увидѣть, до какой степени естественно развитіе этой системы мысли, попробуемъ пересмотрѣть теперь въ самой краткой формѣ тѣ результаты, до которыхъ мы достигли въ предыдущихъ осьмнадцати главахъ.

§ 206. Перемены на небѣ и на землѣ, происходящія изъ часу въ часъ, изъ дня въ день, или въ другіе, то болѣе короткіе, то болѣе длинныя, промежутки времени, совершаются по такимъ законамъ, о которыхъ дикарь ровно ничего не знаетъ: для него существуютъ тутъ только неожиданныя появленія и исчезанія, да превращенія внутреннія и внѣшнія. Всѣ эти явленія, клонящіяся какъ-будто къ убѣжденію человѣка въ томъ, что всѣ совершающіяся вокругъ него дѣйствія отличаются произвольностью, воспитываютъ въ немъ понятіе о двойственности вещей, которыя, на его глазахъ, то становятся видимыми, то исчезаютъ, то превращаются одна въ другую; и это понятіе подкрѣпляется тѣми опытами, которые онъ имѣетъ относительно тѣней, отраженій предметовъ въ водѣ и эхо.

Впечатлѣнія, полученныя такимъ образомъ изъ сношеній съ внѣшнею природою, благопріятствуютъ тому вѣрованію, которое порождаетъ въ дикаря болѣе опредѣленные и болѣе знакомые ему опыты, а именно сновидѣнія. Не имѣя никакого представленія о духѣ, первобытный человѣкъ смотритъ на сновидѣніе какъ на рядъ дѣйствительныхъ приключеній: по его мнѣнію, онъ дѣйстви-

тельно дѣлать тѣ вещи, былъ въ тѣхъ мѣстахъ и видѣлъ тѣхъ людей, которые снились ему. Не смущаемый несообразностями, онъ принимаетъ факты такъ, какъ они есть, и чѣмъ болѣе думаетъ относительно этого предмета, тѣмъ болѣе является для него необходимымъ признать существованіе двойника, который уходитъ во время сна и возвращается назадъ къ моменту пробужденія. Такое представленіе о своей собственной двойственности находитъ себѣ новое кажущееся подтвержденіе въ фактахъ сомнамбулизма.

Это представленіе находитъ себѣ, повидимому, еще болѣе рѣшительное подтвержденіе въ случаяхъ нѣкоторыхъ другихъ ненормальныхъ безчувственностей. При обморокѣ, апоплексіи, каталепсіи и при безчувственности, являющейся результатомъ механическаго насилія, оказывается, что другое я, вмѣсто того, чтобы возвратиться немедленно на призывы окружающихъ, не возвращается въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, колеблющагося для разныхъ случаевъ отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ дней. Иной разъ, послѣ одного изъ такихъ состояній, другое я даетъ отчетъ о томъ, что съ нимъ было въ этотъ промежутокъ времени; иной же разъ отъ него нельзя бываетъ добиться никакихъ свѣдѣній о его приключеніяхъ за это время; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ продолжительность отсутствія другаго я возбуждаетъ подозрѣніе, что оно ушло на неопредѣленное время.

Различіе между этими состояніями временной безчувственности и вѣчной, ускользающее иной разъ даже отъ людей спеціальнаго образованія, совершенно не познаваемо для дикаря. Нормальная безсознательность сна, при которой другое я легко можетъ быть призвано назадъ, соединяется, — помощью ненормальныхъ родовъ безсознательности, изъ которыхъ другое я можетъ быть призвано назадъ лишь съ большимъ или меньшимъ трудомъ, точно помощью непрерывнаго ряда звеньевъ, — съ тѣмъ родомъ вѣчной безсознательности, изъ которой другое я вовсе не можетъ быть призвано назадъ. Тѣмъ неменѣе аналогія заставляетъ дикаря заключить, что и тутъ другое я когда-нибудь вернется. Если читатель припомнить, что даже у насъ, послѣ смерти человѣка, нерѣдко можно услышать такую фразу: какъ трудно повѣрить, что этотъ человѣкъ, лежащій передъ нами не съ большимъ спокойствіемъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ прежнихъ случаяхъ, уже никогда болѣе не встанетъ и не заговоритъ съ нами, то онъ пойметъ и самъ, съ какимъ могуществомъ должна была владѣть первобытнымъ умомъ такая ассоціація между этимъ сну-подобнымъ состояніемъ и пробужденіемъ, обыкновенно слѣдующимъ за сномъ; не трудно видѣть, что уже одна эта ассоціація, сама по себѣ, должна была внушать въ очень значительной степени идею о воскресеніи. Эта идея о воскресеніи существуетъ въ смутной формѣ даже у самыхъ низшихъ расъ, что дока-

зывается всеобщей боязнью мертвецовъ; но въслѣдствіи она становится все болѣе и болѣе ясною, пропорціонально тому, какъ идея о блуждающемъ двойникѣ получаетъ все болѣе и болѣе опредѣленную форму подъ вліяніемъ развитія первобытнаго ученія о сновидѣніяхъ.

Второе я, приписываемое каждому человѣку, вначалѣ не различается отъ своего оригинала рѣшительно ничѣмъ. Оно представляется столь же видимымъ, столь же матеріальнымъ, какъ и онъ; оно не менѣе его способно испытывать голодъ, жажду, усталость, боль и пр. Неотличимая вначалѣ отъ самой личности, могущей быть убитой, утопленной или истребленной какимъ-либо инымъ путемъ во второй разъ, первоначальная тѣнь усопшаго, или душа, или духъ, лишь медленно дифференцируется и получаетъ свою воображаемую природу. Стараясь согласить между собою свои заключенія, прогрессирующая мысль приписываетъ духу усопшаго все менѣе и менѣе грубую матеріальность: этотъ духъ усопшаго, обладавшій вначалѣ лишь временной второй жизнью, постепенно пріобрѣтаетъ вѣчную вторую жизнь; причемъ онъ все болѣе и болѣе уклоняется по своей сущности отъ тѣла и, наконецъ, превращается въ какое-то эфирное существо.

Такъ какъ первобытный человѣкъ представляетъ себѣ вначалѣ двойникъ умершаго сходнымъ съ своимъ оригиналомъ во всѣхъ отношеніяхъ, то онъ представляетъ себѣ, что этотъ двойникъ, послѣ ухода своего, въ моментъ смерти, продолжаетъ вести ту же жизнь и предаваться тѣмъ же занятіямъ, какимъ предавался при жизни его оригиналъ. Если оригиналъ принадлежалъ къ хищнической расѣ, то его двойникъ продолжаетъ сражаться и охотиться, какъ прежде; если онъ принадлежалъ къ пастушеской расѣ, то двойникъ продолжаетъ пасти скотъ и питаться молокомъ; если онъ былъ земледѣлецъ, то двойникъ принимается, какъ и прежде, сѣять, жать и пр. Изъ такого вѣрованія во вторую жизнь, сходную съ первой также и по своей правительственной формѣ, равно какъ и по общественному устройству, возникаетъ обычай оставлять подлѣ трупа пищу, питье, одежду, оружіе, а также приносить въ жертву на могилахъ домашнихъ животныхъ, женъ и рабовъ.

Характеръ той мѣстности, въ которой, по вѣрованію разныхъ дикарей, проводится эта посмертная жизнь, измѣняется сообразно съ антецедентами каждой расы, т. е. съ ея предшествующей исторіей. Часто духи усопшихъ, по мнѣнію живыхъ, бродятъ тутъ же, на старомъ мѣстѣ, посреди своихъ потомковъ; которые, вслѣдствіе этого, ежедневно отдѣляютъ для нихъ часть каждой трапезы; въ другихъ случаяхъ воображаемымъ жилищемъ для нихъ служатъ сосѣдніе лѣса, и ихъ близкіе вѣрятъ, что они поѣдаютъ пищу и другія приношенія, которыя оставляютъ для нихъ въ этихъ лѣсахъ, и, наконецъ, въ

иных случаях, господствует мысль, что они ушли назадъ въ ту страну, откуда пришла данная раса. До этого другаго свѣта можно достигнуть только послѣ путешествія, то сухопутнаго, то морскаго, то направляющагося внизъ по рѣкѣ, причемъ направленіе горизонта, по которому удаляются отбывающія души, можетъ также быть очень различнымъ, смотря по указаніямъ преданія о переселеніи данной расы изъ ея первоначальнаго мѣста жительства. Въ виду такого путешествія, на могилѣ оставляются всѣ необходимыя для него вещи: челноки для плаванія по водѣ, лошади чтобы ѣхать верхомъ, собаки для указанія пути, оружіе для защиты, деньги и паспорта ради безопасности. Тамъ же, гдѣ обычай погребать на горахъ приводитъ къ вѣрованію, что горы суть мѣста пребыванія духовъ предковъ, или тамъ, гдѣ горныя вершины служатъ обиталищемъ расы покорительницы, тамъ понемногу развивается вѣрованіе, что небо, которое считается доступнымъ съ вершинъ горъ, есть тотъ другой міръ, куда отходятъ души усопшихъ, или, скорѣе, одинъ изъ этихъ другихъ міровъ.

Двойники умершихъ, которымъ приписывается вначалѣ лишь временная вторая жизнь, не стремятся въ этомъ случаѣ сложиться въ вѣрованіи народа въ громадную толпу, постоянно возрастающую въ своей численности; но такое стремленіе является немедленно послѣ того, какъ имъ начинаютъ приписывать вѣчную вторую жизнь. Кишащіе повсюду, способные, по желанію, то появляться то исчезать и дѣйствующіе такими путями и способами, которые никакъ не могутъ быть предвидѣны заранѣе, эти двойники начинаютъ считаться причинами всего, что кажется страннымъ, неожиданнымъ или необъяснимымъ. Всякое отступленіе отъ обыкновеннаго порядка вещей приписывается ихъ вмѣшательству, и ихъ дѣятельность принимается даже тамъ, гдѣ такъ-называемая нами естественная причинность представляется, повидимому, вполне очевидною.

Считаемые судьями всѣхъ замѣчательныхъ явленій во внѣшнемъ мірѣ, они считаются также причинителями и всѣхъ необыкновенныхъ дѣйствій, выполняемыхъ живыми людьми. Тѣло, покинутое его двойникомъ въ продолженіе нормальной или ненормальной безчувственности, можетъ дать въ это время убѣжище другому я какому-нибудь другаго человѣка, живущаго или умершаго; вслѣдствіе этого падучая, разнообразныя судороги, горячечный бредъ и сумасшествіе приписываются злобнымъ двойникамъ мертвецовъ. Кромѣ того, эта теорія одержанія, объясняющая всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаются противъ желанія самого индивида, дѣлаетъ понятными такіа дѣйствія, какъ чиханіе, зѣвота и т. п., и распространяется понемногу на всѣ болѣзни вообще, равно какъ и на смерть, которая обыкновенно приписывается какому-то невидимому врагу.

Въ то время, какъ вхожденіе въ живыхъ людей дружественныхъ духовъ, доставляющихъ имъ сверхъестественную силу и знаніе, представляется жела-

тельнымъ и служить, поэтому, предметомъ моленій, — вхожденіе злобныхъ духовъ, причиняющихъ физическія и душевныя страданія, понятно, внушаетъ имъ страхъ, и если такое вхожденіе, по мнѣнію дикаря, уже совершилось, то тутъ не остается никакого другого средства, кромѣ изгнанія вошедшаго духа. Заклинатель берется выгнать злобнаго пришельца и старается достигнуть этого помощью громкаго шума, страшныхъ гримасъ, отвратительной вони и т. п. За такой простѣйшей формой заклинанія появляется другая болѣе развитая его форма, состоящая въ призываніи на помощь другого болѣе могущественнаго духа. Изъ этой-то послѣдней формы постепенно развиваются всѣ приемы волшебства, или чародѣйства, которое, употребляя по отношенію къ душамъ усопшихъ извѣстныя принудительныя мѣры, заставляетъ ихъ служить злымъ зачѣмамъ колдуна, или чародѣя.

Но хотя первобытные люди, считая себя постоянно подверженными нападеніямъ окрестныхъ духовъ, и стараются защититься отъ нихъ при помощи заклинателя или колдуна, которые употребляютъ противъ духовъ враждебныя мѣры, однакоже въ тоже самое время эти люди прибѣгаютъ и къ другому способу обращенія съ духами, а именно къ умиловителію ихъ. Два противоположные способа обращенія съ трупомъ указываютъ намъ на основное расхожденіе этихъ двухъ противоположныхъ образовъ дѣйствій по отношенію къ душамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, явная цѣль живыхъ состоитъ въ томъ, чтобы воспрепятствовать оживленію умершаго для того, чтобы онъ не могъ тревожить оставшихся въ живыхъ: при существованіи такихъ намѣреній, если усопшій, по мнѣнію дикарей, все-таки оживаетъ, то они употребляютъ по отношенію къ его беспокойному духу враждебныя мѣры. Но въ большинствѣ случаевъ живые обнаруживаютъ явную заботливость объ обезпеченіи благосостоянія умершаго послѣ его воскресенія, и эти наиболѣе распространенныя стремленія порождаютъ позднѣйшіе умиловительные обряды.

Изъ этого стремленія и изъ этихъ обрядовъ развиваются формы богопоклоненія. Страхъ, внушаемый духомъ усопшаго, дѣлаетъ священной надстройку, охраняющую его гробницу, и эта надстройка развивается въ храмъ, между тѣмъ какъ самая гробница превращается въ алтарь. Изъ мѣстныхъ припасовъ, приносимыхъ усопшему, то постоянно, то въ опредѣленные сроки, возникають религіозныя жертвоприношенія, обыкновенныя и чрезвычайныя, т. е. ежедневныя и совершаемыя только по торжественнымъ днямъ. Закланія и уродованія людей на гробницѣ переходятъ въ жертвенныя закланія и приношенія крови на алтарь божества. Воздержаніе отъ пищи, ради предоставленія большаго ея количества духу усопшаго, развивается въ постъ, имѣющій значеніе религіознаго обряда, а посѣщенія гробницы съ принесенными съ собою подар-

ками становятся благочестивыми пилигримствами къ священнымъ останкамъ и мѣстамъ. Восхваленія усопшаго и обращенія къ нему съ просьбами возрастаютъ въ религіозныя славословія и моленія. Такимъ образомъ всякій религіозный обрядъ происходитъ отъ какого-нибудь погребальнаго обряда.

Найдя, что древнѣйшее представленіе о сверхъестественномъ существѣ, и притомъ такое, которое обще для всѣхъ расъ, есть представленіе о духѣ усопшаго, и найдя, что способы умилоствленія духовъ усопшихъ послужили во всѣхъ случаяхъ образцами для способовъ умилоствленія божествъ, мы задали себѣ вопросъ, не былъ ли духъ усопшаго тѣмъ типомъ сверхъестественнаго существа, изъ котораго развились впослѣдствіи всѣ другіе типы сверхъестественныхъ существъ. Въ оправданіе утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ было приведено нами нѣсколько различныхъ классовъ фактовъ. Мы привели доказательства изъ устъ самихъ первобытныхъ народовъ въ пользу того, что изъ поклоненія духамъ усопшихъ вообще выросло поклоненіе духамъ отдаленныхъ предковъ, принимавшихся за творцевъ, или за божества. Мы нашли, что поклоненіе божествамъ, развившимся этимъ путемъ, составляло отличительную черту древнихъ обществъ обоихъ полушарій и что оно сосуществовало тамъ съ сложною системою поклоненія недавно умершимъ. Были приведены доказательства, что поклоненіе предкамъ существовало одинаково какъ у самыхъ высшихъ, такъ и у самыхъ низшихъ расъ, и что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ оно одинаково приводило къ возникновенію божествъ, а также, что такое поклоненіе предкамъ выжило даже до настоящаго времени у самыхъ высшихъ расъ, хотя и затемненное болѣе высокими формами богопоклоненія. Заключивъ на основаніи этого, что поклоненіе умершимъ послужило, по всей вѣроятности, началомъ всѣхъ другихъ формъ религіознаго поклоненія, мы начали изслѣдовать всѣ эти различныя формы поклоненія, столь несходныя по внѣшности съ поклоненіемъ умершимъ, чтобы убѣдиться, не существуетъ ли между ними и этимъ послѣднимъ какихъ-нибудь слѣдовъ прежней родственной связи.

Отъ трупа, получающаго ежедневныя приношенія передъ погребеніемъ, мы перешли къ набальзамированному тѣлу, служащему предметомъ подобныхъ же попеченій, а отсюда — къ изображеніямъ, дѣланнымъ отчасти изъ остатковъ умершаго, а отчасти изъ другихъ веществъ, и, наконецъ, — къ вполне искусственнымъ изображеніямъ, найдя такимъ образомъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ, вмѣсто умершаго, умилоствляется его изображеніе, которому и приносится пища, и т. д. Мы нашли доказательства тому, что это изображеніе умершаго становится въ нѣкоторыхъ случаяхъ идоломъ, а это непрерывное умилоствленіе превращается въ установленное богопоклоненіе. Но такъ какъ дѣйствительными предметами поклоненія служатъ во всѣхъ

этихъ случаяхъ двойники умершихъ, заключенные, по мнѣнію вѣрующихъ, въ этихъ изображеніяхъ, и такъ какъ всѣ приносимыя жертвы относятся въ дѣйствительности къ этимъ двойникамъ умершихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что всякое идолопоклонство (которое всегда возникаетъ этимъ путемъ) есть ничто иное, какъ уклонившееся въ сторону развитіе поклоненія предкамъ. Такъ какъ это вѣрованіе распространяется также и на предметы, походящіе въ грубыхъ чертахъ на человѣческія существа или на воображаемыя части человѣческихъ существъ, равно какъ и на предметы, которые, вслѣдствіе соприкосновенія съ человѣческимъ тѣломъ, могли впитать въ себя его запахъ, или духъ, то, на основаніи этого, присутствіе духовъ начинается предполагаться не въ однихъ только идолахъ, но и во многихъ другихъ предметахъ; въ особенности же въ представляющихъ необыкновенный видъ, или необыкновенныя свойства, или дѣйствующихъ какимъ-либо необыкновеннымъ образомъ. Въ доказательство того, что умилостивленіе духовъ, вселившихся въ различные предметы,—составляющее сущность фетишизма, есть такимъ образомъ ничто иное, какъ побочный результатъ ученія о духахъ усопшихъ, было приведено нами множество разнообразныхъ данныхъ, но въ особенности то, что фетишизма нѣтъ тамъ, гдѣ не существуетъ ученія о духахъ усопшихъ, или гдѣ это ученіе развито лишь въ слабой степени, и что степень его развитія пропорціональна степени развитія ученія о духахъ усопшихъ.

Мы привели доказательства тому, что поклоненіе животнымъ есть другая производная форма поклоненія предкамъ. Дѣйствительныя и кажущіяся превращенія, встрѣчающіяся въ опытности дикаря, благопріятствуютъ вѣрованію въ превращеніе всякій разъ, когда что-либо внушаетъ эту идею: мы видѣли, что у всѣхъ расъ идея о превращеніи людей въ животныхъ и животныхъ въ людей предствалаетъ одну изъ обыкновеннѣйшихъ идей. Вслѣдствіе этого, животныя, любящія посѣщать человѣческія жилища, легко даютъ поводъ къ предположенію, что это суть умершіе люди, вернувшіеся въ свои жилища въ другой формѣ; точно также и животныя, попадающіяся постоянно въ мѣстахъ погребенія, принимаются за новыя формы, принятыя на себя душами усопшихъ. Затѣмъ, чрезвычайно широко распространенный обычай называть людей именами животныхъ ведетъ, вслѣдствіе неизбежности ложнаго истолкованія преданій, къ вѣрованіямъ въ происхожденіе отъ животныхъ. А отсюда слѣдуетъ, что священное животное, служащее предметомъ, въ одномъ мѣстѣ—особенно почти-тельнаго обращенія, въ другомъ—жертвенныхъ умилостивленій, а въ иномъ—и настоящаго поклоненія, получаетъ свой божественный характеръ вслѣдствіе отождествленія его съ предкомъ, близкимъ или отдаленнымъ.

Тоже самое видѣли мы и по отношенію къ поклоненію растеніямъ. Въ каж-

домъ случаѣ оно оказывалось поклоненіемъ духу человѣческаго происхожденія, предполагавшемуся заключеннымъ въ растеніи: причѣмъ такое предположеніе основывалось или на возбуждающемъ дѣйствиі его продуктовъ, или на ложномъ истолкованіи преданія, дававшимъ поводъ къ вѣрованію въ происхожденіе данной расы отъ извѣстнаго растенія, или на ложномъ истолкованіи имени народа, названнаго именемъ какого-нибудь растенія. Повсюду, гдѣ мы ни находили поклоненіе растеніямъ, мы видѣли, что духъ, умиловливаемый въ данномъ растеніи, представляется его поклонниками въ человѣческой формѣ и одаряется человѣческими желаніями, что явно указываетъ на его начальное происхожденіе отъ человѣческой личности.

Даже поклоненіе великимъ явленіямъ и силамъ природы оказалось выросшимъ изъ того же самого корня. Отмѣчая собою ту мѣстность, изъ которой вышла данная раса, извѣстная гора описывается въ преданіи какъ источникъ, или прародитель, этой расы; вѣроятно, тоже самое имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ случаяхъ и относительно моря; кромѣ того и отъ горы и отъ моря заимствуются нерѣдко людскія имена: такимъ образомъ, поклоненіе имъ, какъ предкамъ, возникаетъ двумя различными путями. Факты показываютъ, что представленіе о зорѣ, какъ о личности, составляетъ результатъ того, что зоря принадлежитъ къ числу именъ, даваемыхъ новорожденнымъ дѣтямъ дикарей. Что касается до олицетворенія звѣздъ и созвѣздій, то мы нашли, что оно связано у низшихъ расъ съ вѣрованіемъ, что они суть люди и животныя, жившіе когда-то на землѣ. Точно тоже мы нашли и по отношенію къ мѣсяцу. Преданія народовъ, стоящихъ на низкихъ ступеняхъ развитія, утверждаютъ, что мѣсяцъ былъ прежде человѣкомъ (иные говорятъ—мужиною, другіе—женщиною), а намъ извѣстно, что и въ настоящее время мѣсяцъ служитъ еще однимъ изъ именъ, даваемыхъ нецивилизованными людьми новорожденнымъ; эти обстоятельства позволяютъ заключить, что почтеніе къ мѣсяцу есть почтеніе къ отошедшей изъ этого свѣта человѣческой личности. Наконецъ, мы нашли, что поклоненіе солнцу происходитъ двумя путями изъ поклоненія предкамъ. Въ одномъ случаѣ, побѣдители, явившіеся со стороны солнечнаго восхода и называемые, вслѣдствіе этого, „дѣтьми Солнца“, начинаютъ смотрѣть на Солнце какъ на своего предка, въ другихъ случаяхъ Солнце служитъ метафорическимъ прозвищемъ, даваемымъ извѣстному лицу или ради его наружности, или ради его подвиговъ, или ради его высокаго положенія: а отсюда является отождествленіе въ преданіи этой личности съ самимъ Солнцемъ, вслѣдствіе чего является въ свою очередь поклоненіе Солнцу.

Кромѣ этихъ уклонившихся въ сторону развитій поклоненія предкамъ, явившихся результатами отождествленій предковъ съ идолами, животными, растені-

ями и силами природы, существуют и прямые развитія этого поклоненія. Изъ всей совокупности духовъ усопшихъ, нѣкоторымъ удастся развиться въ божества съ удержаніемъ своего антропоморфическаго характера. Такъ какъ для первобытнаго ума высшій и божественный суть идеи совершенно равнозначашія, — такъ какъ живой человѣкъ и вновь-появившійся духъ усопшаго сдѣшиваются имъ вначалѣ въ своихъ вѣрованіяхъ, и такъ какъ духъ усопшаго и богъ представляютъ вначалѣ такіе термины, которые свободно замѣщаютъ другъ друга, — то мы легко можемъ понять, какимъ образомъ божество развивается изъ могущественной человѣческой личности и изъ духа такой личности, послѣ ея смерти, путемъ послѣдовательныхъ, нечувствительныхъ шаговъ. Вождь, колдунъ, или человѣкъ, отличающійся какимъ-либо другимъ необычайнымъ искусствомъ, внушая сильный страхъ своему племени еще при жизни обнаруженіемъ этихъ способностей, ни происхожденіе которыхъ, ни предѣлы не извѣстны его соплеменникамъ, внушаетъ имъ еще болѣе страхъ послѣ своей смерти, когда къ тѣмъ силамъ, которыми онъ обладалъ при жизни, прибавятся еще тѣ, которыя свойственны вообще всѣмъ духамъ усопшихъ; но еще болѣе страхъ долженъ внушать чужеземецъ, принесшій данному племени новыя искусства, равно какъ и покоритель, принадлежащій къ болѣе высокой расѣ; такая личность почитается еще при жизни за сверхъестественное существо, а послѣ своей смерти становится предметомъ поклоненія, какъ еще болѣе высокое сверхъестественное существо. Припоминая, что наиболѣе удивительный пересказъ какого-либо событія получаетъ обыкновенно наибольшее распространеніе и что, вслѣдствіе этого, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, дѣла героевъ преданія должны постоянно все болѣе и болѣе возрастать въ своихъ размѣрахъ, вслѣдствіе ничѣмъ не сдерживаемыхъ преувеличеній, всегда находящихъ себѣ ревностныхъ слушателей, мы должны согласиться, что съ теченіемъ времени можетъ быть достигнута любая степень возвеличенія и идеализаціи.

Такимъ образомъ для насъ становится яснымъ, что, исходя изъ блуждающаго двойника, идея о которомъ внушается впервые свидѣніями; переходя затѣмъ къ двойнику, уходящему прочь въ моментъ смерти, и поднимаясь отъ этого духа, одаряемаго вначалѣ лишь временною второю жизнью, къ духамъ, существующимъ вѣчно, а потому постоянно возрастающимъ въ своей численности, — первобытный человѣкъ постепенно приходитъ къ тому, что населяетъ все окружающее его пространство сверхъестественными существами, которыя неизбѣжно становятся для его ума причинными дѣателями всего необычайнаго. И, проводя послѣдовательно зачавшійся этимъ путемъ способъ истолкованія окружающихъ явленій, онъ оказывается неизбѣжно осужденнымъ на постоянное созданіе все болѣе и болѣе многочисленныхъ суевѣрій, занимавшихъ насъ въ предыдущихъ главахъ.

§ 207. Чтобы видѣть всю совершенную естественность генезиса этихъ вѣрованій, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что онъ представляетъ такой же ясный образчикъ Закона Развитія, какъ и всякій другой естественный процессъ. Я хочу этимъ сказать не только то, что система суевѣрій возникаетъ, какъ мы видѣли, путемъ непрерывнаго возростанія, каждая ступень котораго нечувствительно ведетъ къ слѣдующей, но также и то, что это возростаніе доказывается всегда и повсюду вполне согласнымъ съ общою формулою развитія.

Во первыхъ, процессъ интеграціи обнаруживается уже въ простомъ разро-
 станіи массы. У племень, стоящихъ на чрезвычайно низкой ступени развитія, обладающихъ лишь слабыми и шаткими вѣрованіями по отношенію къ двойникамъ умершихъ, не существуетъ никакой опредѣленно-установившейся группы воображаемыхъ сверхъестественныхъ существъ. У народовъ, подвинувшихся впередъ нѣсколько далѣе, одаряющихъ своихъ духовъ усопшихъ лишь временною второю жизнью, умершіе члены ихъ племени образуютъ извѣстное воображаемое сборище, которое хотя и увеличивается постоянно новыми пришельцами, но зато и уменьшается столь же постоянно съ другаго своего конца, такъ что эта воображаемая группа постоянно сохраняетъ приблизительно одинъ и тотъ же размѣръ, вслѣдствіе того, что ея прибыль болѣе или менѣе равняется убыли. Но когда, вполнѣдствіи, возникаетъ вѣрованіе въ духовъ усопшихъ, одаренныхъ вѣчною жизнью, эта группа необходимо разрастается, и ея возростаніе становится все болѣе и болѣе значительнымъ, пропорціонально, съ одной стороны, возростанію самаго общества, а съ другой—болѣе продолжительному сохраненію преданій. Отсюда является такое умноженіе сверхъестественныхъ существъ, что даже высшія изъ нихъ едва ли могутъ быть перечислены. Го-
 мара сообщаетъ намъ, что „число боговъ въ Мексикѣ доходило, говорятъ, до 2000“; но къ этому числу слѣдуетъ еще присоединить несравненно большее число демоновъ, духовъ и тѣней знаменитыхъ личностей, признававшихся въ различныхъ мѣстностяхъ. Подобное же громадное возростаніе массы сверхъестественныхъ существъ, въ силу простой интеграціи, имѣло мѣсто въ древнихъ мифологіяхъ и происходитъ еще и теперь въ мифологіи Индіи, равно какъ и въ мифологіи Японіи.

Рядомъ съ этимъ возростаніемъ массы, согласно съ Закономъ Развитія, происходитъ и возростаніе внутренней связности. Суевѣрія первобытнаго человѣка отличаются безсвязностью и взаимными противорѣчіями: различные члены племени высказываютъ различныя утвержденія, и тотъ же самый индивидъ измѣняетъ свои объясненія, смотря по обстоятельствамъ. Но съ теченіемъ времени вѣрованія слагаются въ прочно связанную систему. За-
 тѣмъ гипотеза, къ которой приводитъ первобытнаго человѣка ученіе о духахъ

усопшихъ и приложеніе которой ограничивается вначалѣ лишь аномальными случаями, распространяется постепенно на всѣ явленія, такъ что свойства и дѣйствія окружающихъ предметовъ, равно какъ мысли и чувства людей, начинаютъ приписываться невидимымъ существамъ, которыя слагаются такимъ образомъ въ цѣлый сложный механизмъ причинности.

Возрастая въ объемѣ и въ связности, группа сверхъестественныхъ существъ возрастаетъ и со стороны разнородности. Вначалѣ духи усопшихъ представляются дикаремъ весьма сходными между собою во всѣхъ существенныхъ чертахъ; но по мѣрѣ того, какъ данное племя возрастаетъ, усложняется и начинаетъ имѣть исторію, и духи усопшихъ въ его представленіяхъ начинаютъ все болѣе и болѣе отличаться другъ отъ друга: сверхъестественная фауна, почти однородная вначалѣ, начинаетъ понемногу дифференцироваться. Въ самомъ началѣ двойники умершихъ раздѣляются на добрыхъ и злыхъ лишь постольку, поскольку подобное различіе обнаруживается и признается между живыми людьми; точно также и различіе по силѣ и могуществу между двойниками умершихъ ничуть не больше того различія, которое можетъ быть наблюдаемо здѣсь на землѣ, въ средѣ людей. Но уже вскорѣ возникаетъ различіе со стороны благожелательности и доброты между духами родственниковъ и духами другихъ личностей; равно какъ и еще болѣе сильное различіе между дружественными духами, принадлежащими къ данному племени, и злобными духами, принадлежащими къ другимъ племенамъ. За установленіемъ въ племени общественныхъ классовъ, являются и между духами многочисленныя различія по положенію и по связанному съ нимъ могуществу, — различія, которыя, съ дальнѣйшимъ развитіемъ легендъ, становятся все болѣе и болѣе рѣзкими. Подъ-конецъ тутъ слагается этимъ путемъ цѣлая іерархія почти - обоготворенныхъ предковъ, полубоговъ, боговъ, всякихъ боговъ, посреди которыхъ возвышается высшее божество; въ тоже самое время слагается подобная же іерархія и дьявольскихъ силъ.

Затѣмъ появляются дальнѣйшія дифференціаціи, состоящія въ специальномъ обособленіи занятій и мѣстообитаній всѣхъ этихъ сверхъестественныхъ существъ, пока въ каждой міоологіи, для управленія всевозможными областями, крупными и мелкими, важными и пустыми, не явятся всевозможные великіе и малые дѣятели, отъ Аполлона до дріады, отъ Тора до водяника, отъ Одина до феи. Такъ что изъ первоначального небольшого и почти единообразнаго агрегата сверхъестественныхъ существъ является постепенно агрегатъ столь же многообразный, какъ и обширный.

Не менѣе ясно обнаруживается тутъ и перемѣна отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному. То древнѣйшее состояніе людей, на которомъ они обнаруживаютъ страхъ передъ мертвецами и, въ тоже время, не рассчитываютъ для себя на

загробное существованіе, показывае намъ крайнюю степень неопредѣленности въ ученіи о духахъ усопшихъ. Даже послѣ того, какъ это ученіе устанавливается уже достаточно хорошо, вѣрованія въ созданныя имъ сверхъестественныя существа бываютъ хотя и сильны, но недостаточно ясны. Обитатели Анголы, по описанію Ливингстона, „постоянно хлопочутъ объ умилоствленіи гнѣва отшедшихъ душъ“; и въ тоже время онъ говоритъ, что у нихъ „имѣются полуразвитыя идеи и преданія о чемъ-то, чего они сами толкомъ не знаютъ“. Подобныя же свѣдѣнія доставляютъ намъ различные путешественники и объ остальныхъ нецивилизованныхъ расахъ всего свѣта. Но, съ теченіемъ прогресса, ясность этихъ представленій возрастаетъ все болѣе и болѣе. Различные роды сверхъестественныхъ существъ получаютъ постепенно все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, склонности, силы и привычки, и, наконецъ, въ разныхъ міеологіяхъ, мы находимъ видовыя и индивидуальныя различія между ними, такъ что каждое изъ нихъ вполне отличается отъ другихъ извѣстными точно-опредѣленными признаками.

Итакъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что вѣрованія, составляющія систему суевѣрій, развиваются по тому же самому способу, какъ и все остальное. При помощи процесса непрерывной интеграціи и дифференціаціи, они слагаются въ агрегатъ, который, возрастая въ объемѣ, переходитъ въ тоже время отъ неопредѣленной, безсвязной однородности къ опредѣленной, связной разнородности. Впрочемъ, это соотвѣтствіе совершенно неизбѣжно. Тотъ законъ, который управляетъ развитіемъ человѣческаго существа, а слѣдовательно и развитіемъ человѣческой мыслительности, долженъ необходимо управлять всѣми продуктами этой мыслительности. Выражаясь въ строеніяхъ (структурахъ) и, какъ слѣдствіе, въ отправленияхъ (функціяхъ) этихъ строеній, этотъ законъ не можетъ выразиться и въ конкретныхъ обнаруженіяхъ этихъ отпращиваній. Подобно тому, какъ языкъ, рассматриваемый какъ объективный продуктъ, несетъ на себѣ отпечатокъ этого субъективнаго процесса, такъ точно несетъ на себѣ этотъ отпечатокъ и система идей, относящихся къ природѣ вещей, — система, точно также составляющая постепенно сложившійся продуктъ дѣятельности человѣческаго духа. Теорія Космоса, начинающаяся представленіемъ о капризной дѣятельности духовъ усопшихъ и оканчивающаяся понятіемъ о правильной дѣятельности всеобщей неизвѣстной силы, представляетъ намъ новый примѣръ дѣйствія того закона, по которому совершаются всѣ прогрессивно-восходящія преобразованія.

Итакъ, гипотеза развитія поглощаетъ предшествовавшія ей и несогласныя съ ней гипотезы и еще болѣе укрѣпляется сама посредствомъ ассимиляціи себѣ ихъ отдѣльныхъ элементовъ.

ГЛАВА XXVI.

ОБЛАСТЬ СОЦИОЛОГИИ.

§ 208. У многих из моих читателей, привыкших относиться критически къ логическому порядку изложенія, безъ сомнѣнія, давно уже шевелится мысль, что предыдущія главы, вмѣстѣ съ данными социологіи, прихватили много такого, что должно составлять часть самой социологіи. Допуская кажущуюся справедливость этого возраженія, я отвѣчу на него лишь то, что ни въ одномъ случаѣ данныя какой-либо науки не могутъ быть изложены безъ того, чтобы имъ не предшествовало напередъ нѣкоторое знакомство съ самой этой наукой, и что анализъ, раскрывающій передъ нами эти данныя, не можетъ быть произведенъ безъ постоянныхъ ссылокъ на тотъ агрегатъ, въ который слагаются анализируемые явленія. Напримѣръ, въ біологіи, истолкованіе отправленій предполагаетъ предварительное знакомство съ разнообразными физическими и химическими процессами, совершающимися въ организмѣ. Но эти физическіе и химическіе процессы могутъ быть поняты только послѣ того, какъ намъ уже сколько-нибудь извѣстны взаимныя отношенія строеній и взаимныя связи отправленій; кромѣ того, эти физическіе и химическіе процессы не могутъ быть описаны безъ постоянныхъ ссылокъ на жизненныя дѣятельности, которыя объясняются помощью этихъ самыхъ процессовъ. Подобнымъ же образомъ, и въ социологіи, нѣтъ никакой возможности объяснить начала и развитія тѣхъ идей и чувствъ, которыя представляютъ собою руководящіе факторы общественнаго развитія, безъ того, чтобы не дѣлать постоянно прямыхъ и косвенныхъ ссылокъ на различныя фазы самого общественнаго развитія.

Необходимость этого предварительнаго установленія данныхъ, въ особенности же необходимость послѣдней его части, станетъ ясной для читателя, какъ

только мы соберем вмѣстѣ, обобщимъ и сформулируемъ полученные нами до сихъ поръ результаты.

§ 209. Послѣ установленія той истины, что явленія общественнаго развитія опредѣляются отчасти тѣми внѣшними дѣйствіями, которымъ подверженъ общественный агрегатъ, а отчасти различною природою составляющихъ его единицъ, и послѣ наблюденія того обстоятельства, что эти двѣ группы факторовъ сами измѣняются въ прогрессивномъ направленіи подъ вліяніемъ развитія общества, мы сдѣлали краткій обзоръ этихъ двухъ группъ факторовъ, въ ихъ первоначальныхъ формахъ.

Читателю былъ представленъ краткій очеркъ различныхъ условій, неорганическихъ и органическихъ, встрѣчающихся на различныхъ частяхъ поверхности земнаго шара, причемъ были указаны дѣйствія холода и жара, влажности и сухости, вертикальнаго рельефа поверхности, ея горизонтальнаго очертанія, почвы, минеральныхъ богатствъ, флоры и фауны. Послѣ того, какъ читатель убѣдился, до какой степени полно зависитъ общественное развитіе, на своихъ самыхъ раннихъ ступеняхъ, отъ благоприятной комбинаціи внѣшнихъ обстоятельствъ, и послѣ того, какъ онъ убѣдился также, что, несмотря на возрастаніе независимости отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вмѣстѣ съ поступательнымъ движеніемъ по пути прогрессивнаго развитія, эти обстоятельства все-таки постоянно продолжаютъ сохранять роль весьма важныхъ факторовъ, — ему было показано, что, при разсмотрѣніи принциповъ развитія, общихъ для всѣхъ обществъ, мы можемъ пренебречь тѣми специальными внѣшними факторами, которые опредѣляютъ нѣкоторые изъ ихъ специальныхъ отличительныхъ чертъ въ различныхъ случаяхъ.

Послѣ того, наше вниманіе было направлено на внутренніе факторы, въ ихъ обнаруженіяхъ у первобытныхъ обществъ. Въ главѣ подъ заглавіемъ „Первобытный человѣкъ. Сторона физическая“ было показано, что по своему росту, тѣлосложенію и силѣ, равно какъ по своей загрубѣлости и недостатку энергіи, первобытный человѣкъ былъ дурно приспособленъ для преодоленія трудностей на пути къ прогрессу. Въ главѣ подъ названіемъ „Первобытный человѣкъ. Чувство“ было показано, что его непредусмотрительность и вспыльчивость, сдерживаемыя лишь въ очень незначительной степени общественностью и альтруистическими чувствами, дѣлали его неспособнымъ къ сотрудничеству. Наконецъ, въ главѣ, называвшейся „Первобытный человѣкъ. Умъ“, мы видѣли, что, несмотря на дѣятельность и остроту его воспріятій, отлично приспособленныхъ къ первобытнымъ нуждамъ, въ типѣ его ума не доставало тѣхъ способностей, которыя требуются для прогресса въ области знанія.

Признавъ эти особенности за общія черты первобытной общественной еди-

ниці, мы нашли, что намъ слѣдовало отмѣтить еще нѣкоторыя болѣе спеціальныя ея черты, на которыя намъ указывали идеи первобытнаго человѣка и сопровождающія ихъ чувства. Это повело насъ къ изслѣдованію его вѣрованій касательно его собственной природы и природы окружающихъ его вещей, которыя и были суммированы нами въ послѣдней главѣ. Взглянемъ же теперь на то общее заключеніе, къ которому мы пришли этимъ путемъ. Заключеніе это состояло въ томъ, что поведеніе первобытнаго человѣка опредѣляется отчасти тѣми чувствами, съ какими онъ смотритъ на окружающихъ его людей, а отчасти тѣми чувствами, съ какими онъ смотритъ на людей, отошедшихъ въ вѣчность. Изъ этихъ двухъ порядковъ чувствъ возникаютъ два порядка общественныхъ факторовъ величайшей важности. Страхъ передъ живыми становится корнемъ политическаго контроля, а страхъ передъ мертвыми становится корнемъ религіознаго контроля. Припоминая, какъ обширно было участіе вытекающаго отсюда поклоненія предкамъ въ регулированіи жизни того народа, который первый достигъ, въ долину Нила, до высокой цивилизаціи; припоминая, что древніе Перуанцы находились подъ властью сурово-непреклонной общественной системы, коренившейся въ поклоненіи предкамъ, развитомъ до такихъ обширныхъ предѣловъ, что живые поистинѣ могли быть названы рабами умершихъ; припоминая, что въ Китаѣ также существовало, да и донинѣ еще существуетъ подобное же поклоненіе предкамъ, приводящее къ подобнымъ же стѣсненіямъ для живыхъ, — мы должны будемъ признать въ страхѣ передъ мертвыми такой общественный факторъ, который вначалѣ играетъ не менѣе важную роль, чѣмъ страхъ передъ живыми, если только его роль на самомъ дѣлѣ еще не важнѣе.

Итакъ, теперь для насъ ясно, почему было необходимо все предыдущее изслѣдованіе о началѣ и развитіи этой черты въ общественныхъ единицахъ, дѣлающей возможною взаимную координацію ихъ различныхъ дѣятельностей.

§ 210. Исходя из общественных единиц, поставленных в такие внешние условия, обладающих такою физическою, эмоциональною и умственною природою и находящихся под властью таких рано-приобретенных идей и соотносительных им чувств, наука социологии должна дать нам объяснение всех явлений, оказывающихся результатом комбинированных действий этих общественных единиц.

Самыя простѣйшія изъ такихъ комбинированныхъ дѣятельности суть тѣ, посредствомъ которыхъ послѣдовательныя, поколѣнія общественныхъ единицъ производятся на свѣтъ, вскармливаются и доводятся до того состоянія, на которомъ они становятся способными къ общественному сотрудничеству. Поэтому развитіе семьи стоитъ первымъ въ порядкѣ нашего изслѣдованія. Мы должны будемъ прослѣдить тѣ пути, которыми вліяютъ на воспитаніе ребенка безпоря-

дочное половое сожителство взрослыхъ, многомужество, многоженство и единобрачiе (моногамiя); точно также мы должны будемъ взглянуть съ этой точки зрѣнiя и на результаты эндогамическихъ и экзогамическихъ браковъ, т. е. браковъ, въ которыхъ брачующiеся принадлежать къ одному племени или къ разнымъ племенамъ. Разсмотрѣвъ сначала эти обычаи со стороны ихъ влiянiя на поддержанiе расы съ количественной и качественной точки зрѣнiя, мы должны будемъ разсмотрѣть ихъ также и со стороны ихъ влiянiя на домашнюю жизнь взрослыхъ. Сверхъ того, послѣ разсмотрѣнiя того, какимъ образомъ различныя формы половыхъ отношенiй видоизмѣняютъ семейную жизнь, мы должны будемъ разсмотрѣть ихъ еще въ ихъ связи съ общественной жизнью, на которую они также влiютъ и которая, въ свою очередь, влiяетъ на нихъ. Затѣмъ, послѣ отношенiй половъ, намъ придется разсмотрѣть подобнымъ же образомъ отношенiя родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ и другъ къ другу.

Вслѣдъ затѣмъ социологiя должна описать и объяснить возникновенiе и развитiе той политической организацiи, которая регулируетъ общественныя дѣла многими различными путями: которая комбинируетъ дѣятельности индивидовъ для цѣлей народной обороны и нападенiя; которая ограничиваетъ индивидовъ въ нѣкоторыхъ изъ ихъ поступковъ по отношенiю другъ къ другу, и которая ограничиваетъ также каждого индивида и въ нѣкоторыхъ изъ его дѣйствiй по отношенiю къ самому себѣ. Она должна прослѣдить отношенiе этого координирующаго и контролирующаго аппарата къ занимаемой обществомъ странѣ, къ численности и распредѣленiю населенiя и къ средствамъ сообщенiя. Она должна указать на различiя тѣхъ формъ, подъ которыми является этотъ дѣятель въ различныхъ общественныхъ типахъ, — кочевомъ и осѣдломъ, военномъ и промышленномъ. Она должна описать измѣнчивыя отношенiя между этимъ регулятивнымъ аппаратомъ, который самъ по себѣ не производителенъ, и тѣми аппаратами, помощью которыхъ выполняется производство и которые дѣлаютъ возможной народную жизнь. Она должна также выяснитъ взаимныя связи между учрежденiями, выполняющими гражданское управленiе, и другими правительственными учрежденiями, развивающимися одновременно съ предыдущими, — т. е. съ учрежденiями церковными и съ учрежденiями, извѣстными подъ названiемъ общественныхъ обычаевъ и приличiй, или общественныхъ церемонiй; показавъ взаимныя связи всѣхъ этихъ учреждений, должна выяснитъ и ихъ взаимныя влiянiя другъ на друга. Послѣ всего этого, она должна еще показать тѣ видоизмѣненiя, которыя непрерывно вырабатываются путемъ воздѣйствiя измѣненныхъ характеровъ общественныхъ единицъ на политическую организацiю.

Подобнымъ же образомъ должно быть описано развитiе церковныхъ аппаратовъ и отпращиваеваемыхъ. Начинаясь совмѣстно съ политическими аппаратами и

отправленіями, будучи вначалѣ тѣсно соединенными съ ними и часто почти вовсе неотличимыми отъ нихъ, они въ послѣдствіи отклоняются въ сторону и получаютъ свое самостоятельное развитіе, которое должно быть прослѣжено во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ. Мы должны рассмотреть, какимъ образомъ участіе церковныхъ дѣятельностей въ дѣятельностяхъ политическихъ становится все менѣе и менѣе значительнымъ и какимъ образомъ политическія дѣятельности, въ свою очередь, играютъ все меньшую и меньшую роль въ церковныхъ дѣятельностяхъ. Мы должны также показать, какимъ образомъ внутренняя организація жречества, дифференцируясь и интегрируясь съ возрастаніемъ общества, находится постоянно въ тѣсномъ соотношеніи, по своему типу, съ сосуществующей съ нею политической организаціей, равно какъ и съ другими сосуществующими съ нею общественными организаціями, и какимъ образомъ всякія перемѣны въ ея устройствѣ связаны съ измѣненіями въ устройствѣ остальныхъ организацій. Затѣмъ намъ придется показать прогрессивное расхожденіе, обнаруживающееся между совокупностью правилъ, слагающихся постепенно въ гражданское законодательство, и совокупностью правилъ, налагаемыхъ церковною организаціею; послѣ того, въ этой второй совокупности правилъ намъ придется прослѣдить подобное же расхожденіе между тѣми правилами, которыя превращаются въ уставъ церковной обрядности, и тѣми, которыя превращаются въ уставъ нравственныхъ предписаній. Кромѣ того, соціологія должна отмѣтить, какимъ образомъ церковная дѣятельность, рассматриваемая въ ея устройствѣ, отправленіяхъ, законахъ, вѣрованіяхъ и нравственныхъ предписаніяхъ, находится всегда въ извѣстномъ соотношеніи съ духовною природою гражданъ, причемъ она должна показать, каково именно это соотношеніе; наконецъ, она должна показать также, какъ дѣйствія и воздѣйствія этихъ двухъ элементовъ взаимно видоизмѣняютъ другъ друга.

Вслѣдъ за этимъ намъ придется рассмотреть развивающуюся одновременно съ предыдущими систему ограниченій, регулирующую менѣе важныя дѣйствія гражданъ, имѣющія мѣсто ежедневно и ежечасно въ ихъ будничной жизни. Эта система контроля, играющая служебную роль по отношенію къ политическому и церковному контролю и вначалѣ почти неотдѣлимая отъ этихъ послѣднихъ, воплощается современемъ въ особый кодексъ приличій, обычаевъ и общественныхъ церемоній, которые, начинаясь съ правилъ, управляющихъ взаимными отношеніями господствующаго и подчиненнаго классовъ общества, разрастаются въ правила для взаимнаго обращенія между отдѣльными болѣе или менѣе равноправными личностями. Различныя изуродованія, которыми сопровождается покореніе и которыя служатъ въ послѣдствіи знакомъ рабства; поклоны, реверансы и т. п., бывшіе первоначально выраженіями покорности и подчиненности со

стороны покоренных; титулы, выражающіеся словами, которые всегда прямо или косвенно приписываютъ тому, къ кому обращаются, господство надъ тѣмъ, кто обращается, всяческія привѣтствія, которыя также представляютъ всегда льстивыя заявленія подчиненности и подразумѣваемаго болѣе низкаго положенія говорящаго, — всѣ эти, и еще многіе другіе, общественные обычаи и приличія должны быть прослѣжены нами въ ихъ генезисѣ и развитіи, въ качествѣ добавочной регулятивной дѣятельности. Мы должны будемъ прослѣдить отдѣльно: возростаніе того общественного аппарата, который сохраняетъ и поддерживаетъ эти общественные обряды; постепенное накопленіе, усложненіе и возрастающую опредѣленность этихъ обрядовъ и возникающій отсюда кодексъ побочныхъ законовъ поведенія, являющійся какъ-бы въ добавокъ къ кодексамъ гражданскому и религіозному. Эти регулятивныя устройства должны быть разсмотрѣны также въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ сосуществующимъ съ ними регулятивнымъ устройствамъ, съ которыми они сходны съ той стороны, что какъ тѣ, такъ и другія обладаютъ извѣстной принудительностью. Наконецъ, намъ придется выяснитъ взаимныя вліянія, вытекающія, съ одной стороны, изъ дѣйствія этихъ стѣсненій на природу людей и, съ другой, изъ обратнаго дѣйствія природы людей на эти ограничительныя предписанія.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ координирующія строенія и отправленія, намъ придется обратитъ къ строеніямъ и отправленіямъ, координируемымъ предъидущими. Въ каждомъ обществѣ можно различитъ вообще два главные отдѣла: регулятивный или управительный, и оперативный или производительный; и можно сказать, что самыя важныя изслѣдованія социальной науки занимаются именно отношеніями между этими двумя отдѣлами. Намъ придется изучитъ тѣ ступени, черезъ которыя проходитъ промышленная часть, отъ ея первоначальнаго союза съ правительственною до ея конечнаго отдѣленія отъ нея. Дальнѣйшимъ предметомъ нашего изученія, хотя и тѣсно связаннымъ съ предъидущимъ, будетъ возростаніе тѣхъ регулятивныхъ устройствъ, которыя промышленная часть развиваетъ внутри самой себя. Для достиженія цѣлей производства, дѣйствія участвующихъ въ немъ единицъ должны подчиняться извѣстному управленію; а потому намъ придется разсмотрѣть различныя формы управляющаго аппарата, взглянуть на различные роды правленія, подъ которыми трудятся отдѣльныя группы работниковъ, на различные роды правленія, подъ которыми комбинируются работники одного и того же производства и одного и того же класса (дифференцирующіеся подъ-конецъ въ гильдіи и цехи) и, наконецъ, на тотъ родъ правленія, который удерживаетъ въ равновѣсіи дѣятельности различныхъ промышленныхъ аппаратовъ. Отношенія между формами этихъ промышленныхъ правительствъ и формами политическихъ и церковныхъ правительствъ будутъ из-

слѣдованы нами на каждой изъ ихъ послѣдовательныхъ ступеней, также какъ и отношенія между каждой изъ этихъ послѣдовательныхъ формъ и природою гражданъ, такъ какъ и здѣсь существуетъ взаимность влiяній. Покончивъ съ регулятивной частью промышленной организаціи, мы перейдемъ къ ея оперативной части, причемъ прослѣдимъ и эту часть черезъ всѣ послѣдовательныя ступени ея дифференціаціи и интеграціи. Прежде всего будетъ прослѣжено отдѣленіе распредѣлительной системы отъ производительной; послѣ этого мы постараемся прослѣдить за раздѣленіемъ труда въ предѣлахъ каждой изъ этихъ системъ, т. е. покажемъ постепенное возникновеніе различныхъ степеней и родовъ распредѣлителей, равно какъ и различныхъ степеней и родовъ производителей. Послѣ этого, намъ придется еще присовокупить сюда изслѣдованіе тѣхъ влiяній, которыя оказываютъ другъ на друга развивающіяся и дифференцирующіяся промышленности, — т. е. тѣхъ успѣховъ въ самихъ промышленныхъ искусствахъ, которые являются результатомъ помощи, доставляемой каждому искусству всякими улучшеніями въ другихъ искусствахъ.

Послѣ разсмотрѣнія этихъ строеній и отпавленій, составляющихъ собою организацію и жизнь каждаго общества, надо будетъ разсмотрѣть нѣкоторыя ассоціированныя съ ними развитія, помогающія общественному развитію и вспомошествоуемыя имъ, а именно: развитія языка, знанія, нравственности и эстетики.

Лингвистическій прогрессъ долженъ быть разсмотрѣнъ сначала въ его обнаруженіи въ самомъ языкѣ, который переходитъ изъ состоянія относительной безсвязности, неопредѣленности и однородности къ такимъ состояніямъ, которыя становятся послѣдовательно все болѣе и болѣе связными, опредѣленными и разнородными. Мы должны отмѣтить, какимъ образомъ возрастаніе общественной сложности ведетъ къ возрастанію сложности языка и какимъ образомъ, съ переходомъ общества въ ослѣднее состояніе, становится возможнымъ для языка этого общества пріобрѣтеніе прочнаго постоянства. Затѣмъ мы должны обратить вниманіе на связь между развитіемъ словъ и предложений и соотносительнымъ съ нимъ развитіемъ мысли, которому первое оказываетъ сильную помощь и которое, въ свою очередь, помогаетъ первому; причемъ эта взаимность должна быть прослѣжена со стороны многочисленности, многообразія и точности, которыя каждое изъ нихъ помогаетъ пріобрѣсти другому.

Прогрессъ мыслительности, оказывающійся такимъ образомъ тѣсно ассоціированнымъ съ прогрессомъ языка, также долженъ быть разсмотрѣнъ нами какъ спутникъ общественнаго прогресса, который постоянно споспѣшествуетъ ему и, въ то же время, споспѣшествуется имъ самъ. Изъ опытовъ, постепенно накапливающихся все въ большемъ и большемъ числѣ и передаваемыхъ путемъ разсказовъ, являются сравненія, ведущія къ обобщеніямъ простыхъ

родовъ. Постепенно зарождающіяся идеи о единообразіи, порядкѣ и причинѣ, съ установленіемъ каждой новой истины, пріобрѣтають все большую и большую ясность. Мы должны будемъ отмѣтить тутъ не только ту связь, которая существуетъ между каждою фазою науки и сопутствующей ей фазою общественной жизни, но также и тѣ ступени, черезъ которыя происходитъ, въ предѣлахъ самой науки, переходъ отъ немногочисленныхъ, простыхъ и безсвязныхъ истинъ къ извѣстному числу специализировавшихся наукъ, образующихъ всѣ вмѣстѣ цѣлый агрегатъ истинъ, отличающихся многочисленностью, разнообразіемъ, точностью и связностью.

Эмоціональные видоизмѣненія, которыя, какъ уже сказано выше, всегда сопровождаютъ общественныя видоизмѣненія, одновременно и какъ ихъ причины, и какъ ихъ слѣдствія, также требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія. Кромѣ изслѣдованія взаимодѣйствій, имѣющихъ мѣсто между общественнымъ состояніемъ съ одной стороны и нравственнымъ съ другой, мы должны еще разсмотрѣть соединенныя съ этимъ видоизмѣненія въ тѣхъ нравственныхъ кодексахъ, въ которыхъ моральныя чувства находятъ свое интеллектуальное выраженіе. Каждый *régime* необходимо требуетъ поведенія извѣстнаго рода, и этотъ родъ поведенія въ каждомъ случаѣ находитъ себѣ оправданіе, пріобрѣтающее этический характеръ; вслѣдствіе этого различныя этики должны быть разсматриваемы въ связи и въ зависимости отъ обусловливающихъ ихъ общественныхъ состояній.

Затѣмъ является группа феноменовъ, называемыхъ нами эстетическими, которые, обнаруживаясь въ произведеніяхъ искусствъ и въ соотносительныхъ имъ чувствахъ, должны быть изучаемы какъ со стороны внутренняго развитія каждаго изъ нихъ, такъ и со стороны отношеній этихъ развитій къ сопутствующимъ имъ общественнымъ феноменамъ. Архитектура, скульптура, живопись, танцы, музыка и поэзія, выросшія въ дѣйствительности изъ одного общаго корня, должны быть разсмотрѣны по-одиночкѣ, въ связи съ современными имъ въ разныхъ случаяхъ состояніями политическаго и церковнаго развитія, съ сосуществующими съ ними фазами нравственнаго чувства и съ сопутствующими имъ степенями умственнаго прогресса.

Наконецъ, мы должны разсмотрѣть зависимость другъ отъ друга общественныхъ строеній, отправленій и продуктовъ, взятыхъ во всей ихъ совокупности, какъ одно цѣлое. Всѣ перечисленные выше организаціи, — семейная, политическая, церковная, церемоніальная и промышленная, — не только вліяютъ другъ на друга посредствомъ своихъ отдѣльныхъ дѣятельностей, но и подвергаются еще всѣ вмѣстѣ и каждая порознь ежедневнымъ вліяніямъ со стороны различныхъ состояній языка, знанія, нравственности и искусствъ; а эти послѣднія не только подвергаются постояннымъ вліяніямъ со стороны первыхъ, но и сами не-

прерывно влияют друг на друга. Между всеми этими группами явлений существует известный consensus, — и последняя, высочайшая задача социологии состоитъ въ такомъ уразумѣннн этого обширнаго агрегата, при которомъ можно было бы видѣть, какъ каждая группа, на каждой ступени своего развитія, опредѣляется отчасти своими собственными antecedентами, а отчасти прошедшими и настоящими дѣйствіями на нее остальныхъ группъ.

§ 211. Но прежде, чѣмъ мы отважимся на попытку объяснить эти въ высшей степени сложныя явленія, мы должны познакомиться, путемъ наблюденія, съ тѣми отношеніями сосуществованія и послѣдовательности, въ которыхъ они стоятъ другъ къ другу въ дѣйствительности. Мы должны обратиться къ сравненію между собою обществъ различныхъ родовъ, равно какъ и обществъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ развитія, чтобы узнать, какія особенности размѣра, строенія, отправленія и пр. являются обыкновенно вмѣстѣ. Другими словами, дедуктивному истолкованію общихъ истинъ должно быть предпослано индуктивное установленіе.

Итакъ, покончивъ съ предварительными замѣчаніями и изслѣдованіями, обратимся теперь къ разсмотрѣнію фактовъ соціологін и посмотримъ, въ какія эмпирическія обобщенія они могутъ быть расположены.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе А.

Примѣчанія къ I части.

(Чтобы избѣжать переполненія текста иллюстраціями,—которыя и то, пожалуй, чрезчуръ многочисленны,—я не помѣстилъ многихъ изъ тѣхъ, которыя могъ бы прибавить къ приведеннымъ уже мною; сдѣлалъ я это потому, что нѣкоторыя изъ нихъ показались мнѣ излишними, а нѣкоторыя—слишкомъ длинными. Это приложеніе прибавляется мною теперь отчасти для того, чтобы привести наиболѣе поразительныя изъ этихъ опущенныхъ иллюстрацій, а отчасти для того, чтобы дать читателю новыя свидѣтельства, которыя явились на свѣтъ послѣ напечатанія текста и которыя подтверждаютъ нѣкоторыя изъ высказанныхъ нами заключеній, не подкрѣпленныхъ въ текстѣ достаточнымъ числомъ фактовъ).

Первобытное легковѣріе. — Одинъ изъ факторовъ въ генезисѣ суевѣрій, — факторъ, значеніе котораго едвали можетъ быть оцѣнено въ достаточной степени,—состоитъ въ той чуждой всякихъ сомнѣній вѣрѣ, съ какой принимаются всякія утвержденія. Мы находимъ нелишнимъ привести здѣсь одинъ или два случая, раскрывающіе передъ нами первобытную духовную природу, благопріятствующую самымъ нелѣпымъ вѣрованіямъ и дающую ходъ самымъ дикимъ преданіямъ.

Винтерботтомъ говоритъ о береговыхъ Неграхъ (т. I, стр. 255):

«Они такъ сильно убѣждены въ дѣйствительности этихъ охранительныхъ средствъ (амулетовъ и пр.), что одинъ африканецъ, человекъ относительно очень высокаго ума, предложилъ одному изъ моихъ друзей, мѣткость котораго онъ только-что расхваливалъ, выстрѣлить въ него изъ пистолета, заряженнаго пулей».

Лердъ и Ольдфильдъ, рассказывая о Неграхъ внутренности материка (Inland Negroes), говорятъ (т. II, стр. 10), что одна женщина изъ племени Нуффи «вообразила, что она обладаетъ магои (заклятіемъ), которое дѣлаетъ ее неуязвимой для всѣхъ колющихъ и рѣжущихъ орудій. Она была такъ положительно убѣждена въ дѣйствительности своего заклѣтія, что охотно соглашалась держать свою ногу въ то время, какъ кто-либо изъ присутствующихъ будетъ рубить ее топоромъ. Король того города, гдѣ она жила, услышавъ объ этомъ, пожелалъ испытать силу ея заклѣтія и велѣлъ одному изъ своей свиты вооружиться топоромъ—посмотрѣть, дѣйствительно ли заклѣтіе этой женщины можетъ охранить ее отъ дѣйствія удара... Нога ея была положена на плаху и ей былъ нанесенъ сильный ударъ пониже колѣна.... Къ ужасу бѣдной женщины и къ страху всѣхъ присутствующихъ, ея нога отлетѣла на другой конецъ комнаты».

Этой безусловной вѣрѣ въ догматы, внушаемой старшими въ ранній періодъ жизни, слѣдуетъ приписать и ту готовность, съ какою прислуга, жены и даже друзья убиваютъ себя при погребеніи, чтобы имѣть возможность соединиться съ усопшимъ на томъ свѣтѣ. Банкрофтъ рассказываетъ намъ (т. I, стр. 288), что вождь племени Валла-Валла „велѣлъ зарыть себя живаго въ могилу съ послѣднимъ изъ своихъ пяти сыновей“; этотъ примѣръ, напоминающій намъ о Фиджійцахъ и Таннезіяцахъ, — которые съ весельемъ идутъ навстрѣчу добровольной смерти, — обнаруживаетъ передъ нами крайнюю степень той душевной особенности, которая дѣлаетъ возможными самыя чудовищныя вѣрованія.

Естественныя иллюзіи.—Въ § 53 я защищалъ мысль, что иллюзіи, вызываемая нѣкоторыми явленіями природы, укрѣпляютъ тѣ представленія о вещахъ, которыя составляетъ себѣ первобытный человѣкъ. Слѣдующій отрывокъ изъ Очерковъ Центральной Азіи Вэмбери (стр. 72, 73) показываетъ, какую роль играютъ онѣ въ этихъ случаяхъ:

«Когда мы проходили чрезъ высокую плоскую возвышенность Кауланъ Киръ, образующую часть Устиорта, тянущагося по направленію къ сѣверо-востоку, нашъ горизонтъ часто бывалъ украшенъ самыми прелестными образчиками Фаты-Морганы. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что наиболѣе поразительныя явленія этого рода могутъ быть наблюдаемы именно здѣсь, въ жаркой, но сухой атмосферѣ степей Центральной Азіи; и дѣйствительно, они представляютъ здѣсь самыя роскошныя зрительныя иллюзіи, какія только можно вообразить себѣ. Я каждый разъ чувствовалъ себя очарованнымъ этими картинами пляшущихъ въ воздухѣ городовъ, башенъ и замковъ, видомъ этихъ обширныхъ каравановъ, сражающихся между собою всадниковъ и отдѣльных лицъ гигантскаго роста, которые исчезаютъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы появиться въ другомъ. Что касается до моихъ спутниковъ-кочевниковъ, то они смотрѣли на мѣстности, изобиловавшія этими явленіями, съ немалымъ страхомъ. По ихъ мнѣнію, это были духи людей и городовъ, которые существовали здѣсь прежде и которые теперь по-временамъ носятся здѣсь въ воздухѣ».

Сонъ и сновидѣнія. Послѣ выхода въ свѣтъ выпуска, содержащаго въ себѣ X главу, одинъ изъ моихъ подписчиковъ обратилъ мое вниманіе на замѣ-

чательный примѣръ выживанія первобытной идеи, что душа покидаетъ тѣло во время сна. Этотъ примѣръ можетъ быть найденъ на стр. 56 сочиненія досто-почтеннаго Джона Миллса о Британскихъ Семитахъ.

«Они смотрятъ на сонъ какъ на родъ смерти, при которомъ душа удаляется изъ тѣла; но она снова возвращается въ него при пробужденіи. Вслѣдствіе этого, отъ Семита требуется, чтобы, пробудившись, онъ произнесъ слѣдующія слова: Я признаю предъ лицомъ твоимъ, живой и вѣчный царь, что ты вернулъ въ меня мою душу, по твоему великому милосердію и вѣрности своему завѣту.... Во время сна когда душа отсутствуетъ изъ тѣла, на немъ, по народному мнѣнію, разсаживаются злые духи; поэтому, немедленно по пробужденіи, Семитъ долженъ совершить родъ очищенія, а именно онъ долженъ омыть лице и руки, чтобы очистить себя отъ всѣхъ сквернъ этой малой смерти».

Оживаніе труповъ. — Эйриджская сага показываетъ намъ, что у нашихъ скандинавскихъ предковъ господствовало первобытное понятіе, что матерьяльное тѣло, оживотворенное вновь своимъ блуждающимъ двойникомъ, можетъ оставлять мѣсто своего погребенія и совершать разныя злыя дѣла. Вотъ краткая сущность относящагося сюда мѣста:

«Послѣ смерти Аравелла, Бегифотъ снова сталъ безпокойнымъ: онъ выходилъ изъ своей могилы и уходилъ далеко отъ нея, къ великому ужасу и вреду окрестнаго населенія, ибо онъ избивалъ стада и служителей и выгонялъ изъ кантона его обитателей. Вслѣдствіе этого было рѣшено сжечь его трупъ огнемъ; ибо..... онъ, или же какой-то злобный демонъ, употреблялъ его смертныя останки, какъ оболочку, при совершеніи этихъ чудовищныхъ дѣлъ. Трупъ былъ сожженъ».

Замѣтивъ мимоходомъ подразумѣвающееся здѣсь вѣрованіе, — сходное съ тѣмъ, которое мы нашли господствующимъ у всѣхъ дикихъ и полудивилизованныхъ народовъ, — что разрушеніе тѣла мѣшаетъ этого рода воскресенію, обратимъ наше особенное вниманіе на другое подразумѣвающееся тутъ вѣрованіе, также встрѣчавшееся уже намъ въ другихъ случаяхъ, а именно на то, что обладаніе какой-либо частью мертваго тѣла даетъ обладателю власть надъ умершимъ лицомъ; ибо если истребленіе всего тѣла парализуетъ волю духа усопшаго, то вредъ, нанесенный какой-либо одной части тѣла, долженъ также вредить духу усопшаго.

Колдовство. Въ § 133 мы уже высказали свой взглядъ на отношеніе предыдущаго вѣрованія къ тѣмъ пріемамъ, помощью которыхъ чародѣи будто бы поднимаютъ мертвецовъ изъ могилъ и управляютъ демонами. Послѣ напечатанія этого параграфа, явились на свѣтъ новыя доказательства того, что болѣе развитыя формы колдовства возникаютъ этимъ путемъ. Нижеслѣдующій отрывокъ изъ Полинезійской міеологіи сэра Джорджа Грея (стр. 114, 115) показываетъ, какъ сильно хотѣлось сыну выручить смертныя останки своего отца изъ рукъ чародѣевъ:

«Рата, не останавливаясь ни на минуту, поползъ прямо къ огню и спрятался за густыми кустами Гаракики: тогда онъ увидѣлъ, что, по другую сторону этихъ кустовъ, на мѣстѣ, считающемся у нихъ священнымъ, нахо-

дилось нѣсколько жрецовъ, которые держали въ рукахъ кости Вагіероа и помощью ихъ совершали свои чародѣйскія дѣла, а именно, читая могущественное заклетіе, они постукивали ими одна о другую и такимъ образомъ выбивали тактъ..... тутъ онъ стремительно бросился на жрецовъ.... тогда онъ поворотно схватилъ кости своего отца Вагіероа и поспѣшилъ съ ними назадъ къ челноку».

На стр. 34—35 того же сочиненія находится другое мѣсто, указывающее подобнымъ же образомъ на могущество, даваемое обладаніемъ смертными останками:

«Когда животь Мури-ранга-венуа спокойно опустился и принялъ свой обыкновенный видъ и величину, снова былъ слышенъ ея голосъ, говорившій: Ты ли это Мауи? а онъ отвѣчалъ: точно такъ. Тогда она спросила его: Зачѣмъ ты поступилъ такъ лживо и злобно съ своей старой прабабкой (old ancestress)? А Мауи отвѣчалъ: Я желалъ, чтобы мнѣ была дана твоя челюсть, съ помощью которой можно творить великія чародѣйства. Она же отвѣчала: возьми ее; она хранилась для тебя. И Мауи взялъ ее и, совершивъ это, возвратился въ то мѣсто, гдѣ онъ жилъ съ своими братьями».

Когда къ этимъ примѣрамъ, а равно и къ тѣмъ, которые были приведены нами ранѣе, мы прибавимъ, что въ Италіи даже и въ настоящее время ходятъ въ народѣ рассказы о „колдуньяхъ, которыя похищаютъ дѣтей, зарываютъ ихъ въ землю до подбородка и затѣмъ замучиваютъ до смерти, чтобы дѣлать изъ ихъ печени адское варево“ (Fortnightly Review, февр. 1873, стр. 220), то для насъ едвали останется возможнымъ сомнѣваться въ томъ, что некромантія, начинаясь изъ первобытнаго вѣрованія, что духъ живаго человѣка, проникающій собою всѣ части его тѣла, способенъ страдать отъ дѣйствій на отдѣлившуюся часть его тѣла, и переходя затѣмъ къ еще далѣе подвинувшемуся вѣрованію, что духъ мертвеца подобнымъ же образомъ испытываетъ страданія отъ дурнаго обращенія съ его смертными останками, укрѣпляется вѣрованіемъ въ то, что современемъ мертвецу понадобятся всѣ его части, и что поэтому всякій, обладающій какою-либо изъ его частей, можетъ повелѣвать его духомъ.

Когда эти строки находились уже въ типографіи, я наткнулся на фактъ, подтверждающій этотъ взглядъ еще болѣе сильнымъ образомъ. Онъ находится въ только-что вышедшемъ трудѣ д-ра Генри Ринка, — Сказки и Преданія Эскимосовъ, — переведенномъ съ Датскаго на Англійскій самимъ авторомъ и издателемъ д-ромъ Робертомъ Брауномъ. Нижеслѣдующіе отрывки изъ этого труда размѣщены мною въ такомъ порядкѣ, который позволяетъ лучше видѣть ихъ значеніе:

«Нѣкоторыя сказки указываютъ, повидимому, на существованіе у нихъ вѣрованія, что способъ обращенія съ трупомъ умершаго съ стороны оставшихся въ живыхъ вліяетъ на судьбу его души». — Стр. 43. «Но убитый, какъ говорятъ, имѣетъ силу отомстить за себя своему убійцѣ, тѣмъ, что войдетъ въ него; для того, чтобы воспрепятствовать этому, существуетъ только одинъ способъ, а именно — съѣсть кусокъ печени убитаго». —

Стр. 45. Затѣмъ, въ числѣ матерьяловъ, необходимо требующихся для колдовства, упоминаются на первомъ мѣстѣ «части человѣческихъ труповъ или предметы, находившіеся какимъ-нибудь образомъ въ связи съ мертвыми тѣлами». — Стр. 49.

Здѣсь мы имѣемъ три взаимно-согласныя идеи: дѣйствіе на духа усопшаго посредствомъ дѣйствія на принадлежащее ему тѣло; защита отъ духа усопшаго посредствомъ введенія въ свою собственную плоть и кровь части его тѣла, т. е. посредствомъ установленія между собою и имъ общности существованія; принудительное дѣйствіе на духа усопшаго посредствомъ насильственныхъ дѣйствій надъ частью его тѣла.

Фетишизмъ. — Мнѣ кажется, что Контъ выражалъ мнѣніе, что фетишистическія представленія составляютъ даже высшими животными. Придерживаясь, на основаніи данныхъ, приведенныхъ мною выше, того убѣжденія, что фетишизмъ есть явленіе не начальное, а производное, я, конечно, не могу раздѣлить этого взгляда. Тѣмъ неменѣе я думаю, что поведеніе смысленныхъ животныхъ поясняетъ генезисъ фетишизма. Я самъ былъ свидѣтелемъ двухъ случаевъ такихъ дѣйствій собакъ, которыя могутъ служить подобными пояснительными примѣрами.

Одинъ случай былъ съ огромной собакой очень страшнаго вида, представлявшей помѣсь меделянки съ ищейкой и принадлежавшей одному изъ моихъ друзей. Играя однажды съ данною ей тростью, которую она держала за нижній конецъ, она, при одномъ изъ своихъ прыжковъ, толкнула ее какъ-то рукою о землю; при-этомъ, конечно, тотъ конецъ, который она держала во рту, съ силою ткнулъ ее въ небо. Испустивъ громкій визгъ, она уронила палку на землю, проворно отскочила отъ нея на нѣкоторое разстояніе и начала смотрѣть на нее съ такимъ изумленіемъ и страхомъ, который было ужасно смѣшно видѣть въ такомъ громадномъ и страшномъ животномъ. Только послѣ осторожныхъ подходовъ и многихъ колебаній рѣшилась она послушаться увѣщаній хозяина и взять снова трость. Этотъ фактъ показывалъ очень ясно, что до тѣхъ поръ, пока трость обнаруживала только такія свойства, съ которыми собака была хорошо знакома, она не смотрѣла на нее какъ на активнаго дѣятеля; но когда она причинила ей боль такимъ путемъ, какимъ ей не причинялъ еще ни одинъ неодушевленный предметъ, собака была приведена на минуту къ мысли отнести ее къ одушевленнымъ предметамъ и готова была счесть ее способной причинить ей снова что-нибудь непріятное. Подобнымъ же образомъ и въ умѣ первобытнаго человѣка аномальный образъ дѣйствій предмета, считавшагося имъ прежде неодушевленнымъ, внушаетъ мысль объ одушевленности. У него зарождается идея о произвольномъ дѣйствіи и является стремленіе смотрѣть на этотъ предметъ съ опасеніемъ, какъ бы онъ не поступилъ какимъ-либо другимъ, столь же неожиданнымъ, а можетъ быть и вредоноснымъ образомъ. Очевидно, что возникшее такимъ образомъ смутное понятіе объ одушевленности превратится въ понятіе гораздо болѣе опредѣленное, какъ только развитіе ученія о духахъ усопшихъ доставитъ первобытному человѣку того специфическаго дѣятеля, которому можетъ быть приписанъ замѣченный аномальный образъ дѣйствій.

Второй случай заключается въ одной привычкѣ, существовавшей у очень умной и добронравной ищейки, принадлежавшей другому моему другу, въ домѣ котораго ее очень баловали. Встрѣчаясь поутру или послѣ нѣскольکو-часовой разлуки съ кѣмъ-либо изъ лицъ, къ которымъ она относилась дружелюбно, она къ обыкновенному въ этихъ случаяхъ маханью хвостомъ присоединяла еще одинъ необыкновенный родъ привѣтствія, именно, она раздвигала какъ-то губы, такъ что у ней выходило нѣчто въ-родѣ улыбки, или радостнаго оскаливанья; когда же дѣло происходило на открытомъ воздухѣ, то она прибавляла къ этому еще одинъ особенный родъ заявленія преданности. Ея охотничьи обязанности выработали въ ея мозгу тѣсную ассоціацію идей между актомъ схватыванія и принесенія дичи и заявленіемъ удовольствія того лица, которому она ее подавала, такъ что этотъ актъ подаванія превратился въ ея умѣ въ родъ умиловленія, — поэтому, ослабившись и помахавъ хвостомъ, она еще вдобавокъ выполняла этотъ актъ умиловленія въ той формѣ, въ какой это оказывалось возможнымъ при отсутствіи мертвой птицы; поискавъ кругомъ, она хватала сухой листъ или какой-нибудь другой маленькій предметъ и подавала его съ новыми выраженіями дружелюбности. Я думаю, что подобныя же состоянія духа побуждаютъ дикаря къ нѣкоторымъ фетишистическимъ обрядамъ аномальнаго характера. Иной разъ, ища сверхъестественной помощи, дикарь схватываетъ, можетъ быть, первый попавшійся ему на глаза камень, вымазываетъ его красной краской и приносить ему жертвы. Полный заботы о томъ, чтобы угодить какому-нибудь духовному дѣятелю, онъ чувствуетъ необходимость выразить кѣмъ-нибудь это состояніе своего духа, и онъ хватается за этотъ способъ какъ за такое выполненіе умиловительнаго акта, какое только позволяютъ обстоятельства. Въѣду духи усопшихъ распространены повсюду, такъ что въ каждой вещи можетъ сидѣть одинъ изъ такихъ духовъ, — быть можетъ, одинъ изъ нихъ сидитъ въ этомъ камнѣ, даже очень вѣроятно, что въ немъ сидитъ одинъ изъ нихъ. И вотъ, первобытный человѣкъ, у котораго фантазія легко переходитъ въ вѣрованіе, хватается за этотъ способъ выраженія своей покорности. Ежедневныя происшествія въ нашей собственной средѣ показываютъ намъ, что непремѣнное желаніе сдѣлать хотя что-нибудь при какомъ-нибудь неожиданномъ случаѣ постоянно ведетъ къ самымъ неподходящимъ дѣйствіямъ. „Какъ знать, — быть можетъ, оно послужитъ къ добру, а вреда-то въѣдъ оно не можетъ сдѣлать“, — вотъ тотъ аргументъ, который постоянно приводится въ пользу многихъ дѣйствій, отличающихся почти такою же рачительностью, какъ и поклоненіе раскрашенному камню.

Духъ усопшаго, заключенный въ фетишѣ. Въ §§ 159—163 были приведены факты, доказывающіе, что сверхъестественный дѣятель, заключающійся въ неодушевленномъ предметѣ, которому поклоняется дикарь, былъ первоначально духомъ умершаго человѣка; я полагаю, что эти свидѣтельства достаточно убѣдительны, даже и безъ дальнѣйшихъ прибавленій. Тѣмъ неменѣе, просматривая названное выше сочиненіе д-ра Генри Ринка объ Эскимосахъ, я натолкнулся на свидѣтельство еще болѣе убѣдительное. Въ знаменательномъ отрывкѣ, приводимомъ мною ниже, тожество заключеннаго въ фетишѣ сверхъестественнаго дѣятеля съ духомъ умершаго человѣка видно изъ

словопроизводства того названія, которымъ обозначается скрытый въ фетишѣ дѣйтель.

«Весь видимый міръ управляется сверхъестественными силами, или «обладателями», принимая это слово въ болѣе высокомъ его значеніи; каждый изъ этихъ «обладателей» имѣетъ власть лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ и называется инуа (т. е. его или ея инукъ, — слово означающее «человѣкъ», а также «обладатель».)». — Стр. 37.

Такимъ образомъ, воображаемый одержавшій дѣйтель, которому приписываются свойства данного предмета, называется здѣсь его человѣкомъ, т. е. человѣкомъ, заключеннымъ въ этомъ предметѣ, или духомъ умершаго человѣка, заключеннымъ въ этомъ предметѣ. „Инуе“ нѣкоторыхъ небесныхъ тѣлъ были личности, извѣстныя по имени, а отсюда слѣдуетъ заключить, что „инуе“ другихъ предметовъ также представляются эскимосами какъ человѣческія личности, но только безъ индивидуальныхъ отличій.

Поклоненіе пресмыкающимся. — Факты, приведенные въ § 167, доказывали, что въ различныхъ частяхъ земнаго шара поклоненіе змѣямъ возникаетъ изъ отождествленія змѣй, любящихъ посѣщать человѣческія жилища, съ возвратившимися предками. Тамъ было прибавлено также нѣсколько случаевъ касательно посѣщающихъ человѣческія жилища ящерицъ, которыя подобнымъ же образомъ приобретаютъ священный характеръ. Здѣсь я могу присоединить къ этому еще одинъ примѣръ, указанный мнѣ послѣ напечатанія этого параграфа.

«Страна самогитская (Samogita) изобилуетъ лѣсами и рощами, въ которыхъ можно иной разъ быть свидѣтелемъ ужасныхъ зрѣлищъ, ибо въ нихъ живетъ значительное число идолопоклонниковъ, которые ухаживаютъ за однимъ видомъ пресмыкающихся, играющимъ у нихъ роль домашнего бога; это пресмыкающееся имѣетъ четыре короткихъ лапы, какъ ящерица, и черное плоское тѣло, не превышающее трехъ ладоней въ длину. Эти животныя называются «givoites»; въ извѣстные дни имъ позволяется ползать по всему дому, разыскивая себѣ пищу, которая нарочно кладется для нихъ съ величайшимъ суевѣрнымъ почтеніемъ, пока они, насытивъ свой голодъ, не отправятся назадъ, въ свое собственное мѣсто». — Herberstein, Res Moscovit. (Англ. перевод. Майора).

Поклоненіе лотусу. — Излагая поклоненіе растеніямъ, я не упомянулъ о поклоненіи лотусу, потому что не хотѣлъ подвергать опасности всю свою аргументацію введеніемъ въ нее хотя одного сомнительнаго доказательства. Однакоже имѣющіяся у насъ данныя вполне достаточны для возбужденія подозрѣнія, что поклоненіе лотусу возникло тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и поклоненіе сомѣ.

Намъ извѣстно навѣрное, что какое-то растеніе этого имени, или какой-то продуктъ растенія этого имени, принимался прежде въ пищу въ качествѣ нервнаго возбуждителя, для произведенія состоянія блаженнаго равнодушія ко всему; хотя мы и не рѣшили еще до сихъ поръ, какое это было растеніе изъ числа тѣхъ, которыя назывались этимъ именемъ. Далѣе, намъ извѣстно, что на Востокѣ существовало вѣрованіе въ какое-то божество, обитавшее въ водяномъ

растении, называвшемся лотусомъ, а въ Тибетѣ еще и въ настоящее время поклонение божеству, заключенному въ лотусѣ, составляетъ господствующую религію. Въ своемъ сочиненіи Страна Снѣговъ Вильсонъ говоритъ, что ежедневная и ежечасная молитва Тибетцевъ заключается въ словахъ: „Ом-мани-падме-гаунъ“, что значитъ буквально: „О, бже! драгоцѣнность въ лотусѣ. Аминь“. Слово мани означаетъ вообще всякую драгоцѣнную вещь и прилагается къ различнымъ священнымъ предметамъ, — къ длиннымъ каменнымъ насыпямъ, или курганамъ, къ молитвеннымъ мельницамъ (исполняющимъ роль четоковъ) и пр., такъ что, если постараться проникнуть сквозь фигуральное выраженіе до первоначальнаго смысла этой фразы, то онъ окажется, повидимому, слѣдующимъ: „О, бже! драгоцѣнная, или священная сила, скрытая въ лотусѣ“! Трудность объясненія древней легенды о яденіи лотуса, равно какъ и этого суевѣрія, удержавшагося и понынѣ, возникаетъ изъ того факта, что растеніе, извѣстное нынѣ подъ названіемъ лотуса, не имѣетъ никакихъ токсическихъ свойствъ. Впрочемъ, тутъ все-таки возможно одно объясненіе. Лотусъ обладаетъ сладкимъ корнемъ; даже въ настоящее время жители Камшира добываютъ этотъ корень крючьями со дна озеръ и употребляютъ его въ пищу. Но всякій сладкій корень содержитъ въ себѣ вещества, способныя къ броженію, т. е. сахаристыя и крахмалистыя вещества, какъ это мы можемъ видѣть на примѣрѣ свекловичнаго корня, изъ котораго готовится алкоголь и въ настоящее время. Поэтому, весьма возможно, что сокъ и крахмалъ лотусоваго корня употреблялись въ древнія времена для приготовленія какого-нибудь опьяняющаго напитка, подобно тому, какъ сокъ пальмы употребляется съ этой цѣлью еще и въ настоящее время, а вѣрованія, сложившіяся этимъ путемъ о лотусѣ, могли выжить и до тѣхъ временъ, когда этотъ напитокъ замѣнился другими, приготовленіе которыхъ представляетъ большую легкость. Намъ извѣстно, что въ древнѣйшій періодъ поклоненія сомъ сокъ ея былъ подвергается броженію, но что въ болѣе позднія времена, послѣ введенія въ употребленіе другихъ сортовъ опьяняющихъ жидкостей, это употребленіе сока сомы прекратилось, но поклоненіе сомѣ не исчезло; этотъ фактъ доставляетъ намъ сильное добавочное доказательство въ пользу только-что высказаннаго нами предположенія. Впрочемъ, какъ бы это ни было на самомъ дѣлѣ, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ здѣсь несомнѣнныя доказательства того, что какое-то растеніе, доставлявшее продуктъ, вызывавшій въ человѣкѣ пріятное душевное настроеніе, было тождественно по имени съ растеніемъ, считавшимся священнымъ ради обитавшаго въ немъ божества.

Обыкновенно утверждають, что въ Египтѣ лотусъ боготворился, какъ символъ Нила, и что въ Индіи онъ стоялъ точно въ такомъ же отношеніи къ Гангесу. Я упоминаю объ этомъ объясненіи, чтобы замѣтить мимоходомъ, что не вѣрю, чтобы какой-нибудь древній обычай возникъ когда-либо путемъ символизаціи. Это есть одно изъ тѣхъ многочисленныхъ ошибочныхъ толкованій, которыя возникаютъ вслѣдствіе приписыванія развитыхъ идей неразвитымъ умамъ. Никто изъ тѣхъ, которые, вмѣсто того, чтобы предаваться фантазіямъ о томъ, какъ могли возникнуть первобытные обычаи, стараются наблюдать ихъ дѣйствительное возникновеніе, никогда не повѣритъ, чтобы первобытный человѣкъ могъ когда-либо намѣренно принять какой-нибудь символъ,

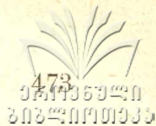
или чтобы онъ могъ когда-либо даже составить себѣ идею о символѣ, какъ о таковомъ. Всѣ символическія дѣйствія суть видоизмѣненія тѣхъ, которые первоначально преслѣдовали практическія цѣли, т. е. всѣ символическія дѣйствія не изобрѣтены, а выросли. Примѣръ изуродованій поясняетъ этотъ процессъ достаточно хорошо.

Люди на небесахъ.—Въ текстѣ мы уже позаимствовали у Эскимосовъ примѣръ вѣрованія, что звѣды и пр. были первоначально людьми и животными, жившими на землѣ (§ 130). Въ названномъ мною выше сочиненіи д-ра Ринка я нахожу обстоятельное описаніе идей Эскимосовъ касательно физической связи между верхнимъ и нижнимъ мірами, а также и относительно соединяющаго ихъ пути.

«Земля, вмѣстѣ съ моремъ, которое она поддерживаетъ, покоится на столбахъ и покрываетъ собою нижній міръ, въ который можно попасть различными входами какъ черезъ море, такъ и черезъ горныя трещины. Надъ землею находится верхній міръ, а надъ нимъ, подобно наружной раковинѣ, изгибается голубой сводъ неба, который они представляютъ себѣ состоящимъ изъ твердаго вещества; этотъ сводъ, по словамъ нѣкоторыхъ, вращается вокругъ вершины какой-то высокой горы, находящейся на далекомъ сѣверѣ. Верхній міръ представляетъ настоящую земную страну, съ горами, долинами и озерами. Послѣ смерти, человѣческія души идутъ либо въ верхній, либо въ нижній міръ. Послѣдній, конечно, предпочтительнѣе, такъ какъ въ немъ тепло и такъ какъ онъ изобилуетъ пищей. Въ немъ находятся жилища счастливыхъ мертвецовъ, которыхъ называютъ арсисутъ, т. е. «живущіе въ изобиліи». Наоборотъ, кто попадетъ въ верхній міръ, будетъ страдать отъ холода и голода; ихъ называютъ арсартутъ, т. е. «игроки въ мячъ», «потому что они играютъ въ мячъ головою моржа, отчего происходитъ сѣверное сіяніе. Верхній міръ долженъ быть разсматриваемъ какъ непосредственное продолженіе земли по направленію вверхъ, хотя тѣ люди, или, по крайней мѣрѣ, тѣ души, которыя, разлучившись временно съ тѣломъ, посѣщали этотъ міръ, проходили туда по большей части черезъ воздухъ. Какъ кажется, верхній міръ и та гора, вокругъ вершины которой постоянно вращается небесный сводъ, есть одно и то же, но только настоящая дорога, ведущая къ этому міру, отъ подножія горы вверхъ, слишкомъ отдаленна или слишкомъ крута. Въ одной изъ сказокъ упоминается также о человѣкѣ, который въ своемъ каякѣ (челнокѣ) доплылъ до края океана, гдѣ небо спускается до соприкосновенія съ нимъ».—Стр. 37, 38.

«Въ верхнемъ мірѣ, кромѣ душъ усопшихъ, живутъ еще многіе властители. Между этими властителями находятся «обладатели», или «обитатели» небесныхъ свѣтилъ, которые были когда-то людьми, но потомъ еще при жизни своей были удалены съ земли: тѣмъ менѣе они все-еще связаны съ нею различными образомъ и по-временамъ посѣщаютъ ее. Иногда ихъ представляютъ также нетолько какъ и н у е небесныхъ свѣтилъ, но и какъ самыя небесныя свѣтила, такъ-что въ сказкахъ они упоминаются въ обихъ этихъ формахъ. «Обладатель» мѣсяца былъ первоначально человѣкомъ, называв-

шимся Анингаутъ, а инуа Солнца была его сестрою... Эр дла ве е р с и с-
сокъ, т. е. «похитительница внутренностей», есть женщина, которая
живетъ на пути къ мѣсяцу и которая вытаскиваетъ внутренности у каждаго,
кого ей удастся размышлѣть. С i а г т у т ь, или три звѣзды, находящіяся въ
поясѣ Орiona, были тоже когда-то людьми, которые погибли, отправившись
на охоту по льду.—Стр. 48, 49.

Едва ли можно найти болѣе специфическое свидѣтельство въ пользу того, что олицетвореніе небесныхъ свѣтилъ произошло изъ воображаемаго переселенія на небо земныхъ существъ, — людей и животныхъ. Здѣсь мы имѣемъ верхній міръ, считаеый непосредственнымъ продолженіемъ здѣшняго и совершенно сходнымъ съ нимъ по своимъ физическимъ свойствамъ; мы имѣемъ здѣсь также переселеніе послѣ смерти въ этотъ міръ, совершенно параллельное тѣмъ переселеніямъ послѣ смерти въ разныя отдаленныя части земной поверхности, которыя находимъ почти у всѣхъ первобытныхъ расъ. Хотя мы не имѣемъ здѣсь никакихъ фактовъ, которые доказывали бы существованіе здѣсь поклоненія природѣ, тѣмъ неменѣе мы имѣемъ ясныя доказательства отождествленія небесныхъ свѣтилъ съ героями человѣческихъ преданій. Это значитъ, что олицетвореніе небесныхъ свѣтилъ предшествуетъ поклоненію имъ, а не слѣдуетъ за ними, какъ утверждаютъ мѣологи. Когда мы присоединимъ эти факты къ тѣмъ, которые уже даны въ текстѣ, то происхожденіе названій созвѣздіи и гевезисъ астрологіи стануть, какъ мнѣ кажется, достаточно ясными.

З в ѣ з д ы - б о г и. — Когда эти страницы лежали уже передо мною въ корректурныхъ листахъ, я получилъ возможность прибавить къ нимъ еще одно важное свидѣтельство, гармонирующее вполне съ тѣмъ, что сказано въ текстѣ и подтверждающее нѣкоторыя изъ выведенныхъ тамъ заключеній. Это свидѣтельство заключается въ одной вавилонской надписи (iii, Rawlinson, 53, № 2, строка 36), которая, въ переводѣ проф. Шредера, читается такъ:

«Звѣзда Венера, при восходѣ солнца, есть Иштаръ между богами;
«Звѣзда Венера, при закатѣ солнца, есть Баалтисъ между богами».

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь новый случай множественности личности въ одномъ и томъ же небесномъ свѣтилѣ,—случай, вполне аналогичный съ прежде указанными по отношенію къ Солнцу и мѣсяцу, но отличающійся большей опредѣленностью, ибо тамъ вѣрованіе, что одно и то же свѣтило, въ различныхъ своихъ фазахъ, представляетъ двѣ или болѣе различныхъ личностей, было выведено нами путемъ заключенія, здѣсь же оно утверждается въ прямой формѣ. Не трудно видѣть, что это вѣрованіе, совершенно необъяснимое съ точки зрѣнія общепринятой теоріи, объясняется вполнѣ, если смотрѣть на него какъ на результатъ первобытнаго способа даванія именъ новорожденнымъ дѣтямъ.

Другіе міры. — Въ § 113 -мы рискнули высказать предположеніе, что покореніе одной расы другою приводитъ къ вѣрованіямъ въ различные другіе міры для высшаго и низшаго классовъ общества, т. е. что каждый изъ этихъ классовъ отправляется послѣ смерти въ свой особенный будущій свѣтъ; это предположеніе подтверждается теперь слѣдующимъ отрывкомъ.

«При существованіи сильныхъ кастовыхъ различій, души вождей и благородныхъ идутъ, по вѣрованію туземцевъ, въ лучшую страну, чѣмъ души остальныхъ людей. По этой-то причинѣ, въ Кохинхинѣ, простой народъ не угощаетъ душъ своихъ друзей въ торжественный день всѣхъ усопшихъ, т. е. въ тотъ день, когда высшія сословія угощаютъ своихъ душъ, потому что, въ противномъ случаѣ, души благородныхъ, явившіяся на призывъ своихъ живыхъ родственниковъ, заставили бы своихъ прежнихъ слугъ тащить за ними полученные ими подарки». — Бастіанъ, Сравнительная Психологія, 89.

Горныя божества. — Въ § 114 я высказалъ мысль, что есть два пути, которыми поклоненіе предкамъ порождаетъ вѣрованія въ боговъ, живущихъ на высочайшихъ вершинахъ горъ и имѣющихъ доступъ на небеса. Первый путь заключается, по моему мнѣнію, въ погребеніи усопшихъ на горныхъ утесахъ, а второй, по всей вѣроятности—въ занятіи расами-покорительницами горныхъ укрѣпленій. Послѣ напечатанія этого параграфа я нашелъ новыя подтвержденія обоихъ этихъ предположеній.

Первое изъ этихъ подтвержденій содержится въ недавно вышедшемъ сочиненіи Джагора, Путешествіе по Филиппинамъ. Показавъ, что, передъ появленіемъ тамъ Испанскихъ поселенцевъ, жители этихъ острововъ обладали обыкновенными идеями и обычаями предко-поклонниковъ, онъ описываетъ ихъ священные погребальныя пещеры и приводитъ примѣры выживанія того религіознаго страха, который внушали первоначально эти пещеры. Онъ посѣтилъ нѣкоторыя изъ нихъ на Ниша-Нипа и говоритъ (стр. 259), что „многочисленные гробы, утварь, оружіе и всяческія бездѣлки, охраняемые суетвѣрнымъ страхомъ, продолжаютъ лежать тамъ, никѣмъ нетронутые, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Ни одна лодка не рискнетъ проплыть мимо такой пещеры, не выполнивъ религіознаго обряда, унаслѣдованнаго отъ языческихъ временъ, чтобы умиловитъ духовъ пещеры, которые, по вѣрованію туземцевъ, наказываютъ за пренебреженіе этимъ обрядомъ бурю и кораблекрушеніемъ“. Въ видѣ доказательства, онъ рассказываетъ, что лодочники, провожавшіе пастора мѣстечка Базе въ одну изъ этихъ пещеръ для собиранія хранившихся въ ней остатковъ, смотрѣли на грозу, поднимающуюся во время обратнаго пути, какъ на „наказаніе за ихъ святотатство“. Изложивъ такимъ образомъ народныя вѣрованія, продолжающія существовать тамъ и нынѣ, несмотря на католическую пропаганду, онъ старается показать, на основаніи свидѣтельствъ прежнихъ писателей, каковы были эти вѣрованія первоначально. Оказывается, что туземцы, передъ смертію, часто выбирали сами мѣсто для своего погребенія; при-этомъ онъ приводитъ весьма авторитетныя свидѣтельства, доказывающія, что „люди, сколько-нибудь пользовавшіеся извѣстностью“, приказывали иногда поставить свой гробъ „на какомъ-нибудь возвышенномъ мѣстѣ, или на утесѣ, на берегу рѣки, гдѣ благочестивые мѣстскіе могли бы почтить ихъ выраженіями благоговѣнія“. Онъ говоритъ, что, по описанію Тевено, они „поклонялись тѣмъ изъ своихъ предковъ, которые наиболѣе отличились мужествомъ или гениемъ; на такихъ предковъ они смотрѣли какъ на божества.... Даже ихъ старики умирали подъ впечатлѣніемъ этой мысли и выбирали для своего погребенія особенныя мѣста, по преимуществу на

самомъ берегу моря, для того, чтобы проплывающіе мимо моряки принимали ихъ за божества и выражали передъ ними знаки своего почтенія; таково, на-примѣръ, одно изъ подобныхъ мѣстъ погребенія на островѣ Лейти. Онъ цитируетъ также Гемелліа Карери, который говорить, что „самые старыя изъ нихъ избираютъ какое-нибудь замѣчательное мѣсто въ горахъ, въ особенности же на мысахъ, вдающихся въ море, чтобы быть предметами поклоненія моряковъ“. Совокупность всѣхъ этихъ фактовъ, какъ мнѣ кажется, весьма знаменательна. Мы имѣемъ здѣсь отличившихся личностей, становящихся богами послѣ своей смерти; мы видимъ, что они заранее готовятъ себѣ такой апофеозъ и, въ известномъ смыслѣ, заявляютъ требованіе на поклоненіе; мы находимъ, что они выбираютъ возвышенныя и замѣтныя мѣста погребенія, чтобы облегчить установленіе такого поклоненія; мы видимъ, что прикосновеніе къ мѣстамъ погребенія считается святотатствомъ, и мы видимъ, что духи усопшихъ обоготворяются въ такой мѣрѣ, что ихъ считаютъ способными выражать свой гнѣвъ грозою. Т. е. мы имѣемъ передъ собою всѣ элементы, изъ которыхъ могъ бы возникнуть Филиппинскій Олимпъ.

Что касается до упомянутого мною примѣра, показывающаго, что раса пришельцевъ, занявшая какую-нибудь горную твердыню, можетъ дать начало небесной іерархіи, имѣющей свое мѣстопробываніе на вершинѣ горы, то я взялъ этотъ примѣръ изъ Квишеской легенды, въ ея изложеніи у Банкрофта. Она начинается свой разсказъ съ того времени, когда не было еще никакого солнца (что представляетъ, быть можетъ, отрывокъ изъ еще болѣе древняго преданія, принесеннаго на югъ бывшими обитателями Арктическихъ странъ); и прежде всего описываетъ переселеніе, предпринятое для разысканія Солнца.

«Такимъ образомъ, четыре человѣка и ихъ люди вышли изъ Туланъ-Зуива, иначе называемой Семь-Пещеръ, или Семь-Овраговъ, и тамъ они получили себѣ боговъ: каждый глава семьи получилъ по богу; но такъ какъ четвертый человѣкъ, Ики-Баламъ, не имѣлъ дѣтей и не основалъ семьи, то его богъ обыкновенно не принимается въ расчетъ.... Также и многія другія испытанія претерпѣли они въ Туланъ: голодъ и тому подобное, равно какъ повсемѣстную сырость и холодъ,—ибо земля была влажна, такъ какъ солнца тогда еще не существовало.... Они рѣшились покинуть Туланъ, и большая часть ихъ, подъ начальствомъ и управленіемъ Точила, отправилась посмотрѣть, гдѣ они могли бы избрать себѣ мѣсто жительства. Они продолжали свой путь среди самыхъ крайнихъ лишеній, вслѣдствіе недостатка въ пищѣ.... Наконецъ они пришли къ горѣ, которую и назвали Гакавитцъ, по имени одного изъ своихъ боговъ, и здѣсь остановились, ибо имъ дано было понять какимъ-то образомъ, что они увидятъ солнце.... И солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды были теперь установлены всѣ. Но солнце не было тогда, въ своемъ началѣ, такимъ самымъ, какъ теперь: въ теплотѣ его не доставало силы и оно походило скорѣе на свое отраженіе въ зеркалѣ. (Это очень хорошо объясняется, если мы предположимъ переселеніе къ Югу.)... Когда солнце взошло, то свершилось другое чудо! Три племенные бога, Тогиль, Авиликъ и Гакавицъ, оказались обращенными въ камень, равно какъ и боги, находившіеся въ связи съ Львомъ, Тигромъ,

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
СВЯТЫХ ПИСАНИЙ

Виперою, и съ другими свирѣпыми и опасными животными.... И народъ размножился на этой горѣ Гакавитцѣ, и здѣсь они построили свой городъ.... И они поклонялись богамъ, обращеннымъ въ камни, Тогилу, Авилику и Гакавитцу... Они начали орошать ихъ алтари кровью изъ сердца человѣческихъ жертвъ. Изъ своей горной твердыни они стерегли одинокихъ путниковъ, принадлежащихъ къ окрестнымъ племенамъ; бросались на нихъ, одолѣвали, хватали и убивали ихъ въ жертву своимъ богамъ.... Такимъ образомъ обитатели деревень утомились преслѣдовать неизвѣстныхъ враговъ. Но, напоследокъ, стало яснымъ, что боги Точили, Авилике и Гакавитцѣ и служеніе этимъ богамъ были тѣмъ или другимъ образомъ причиною ихъ несчастій: итакъ, обитатели деревень вступили въ заговоръ противъ нихъ. Много нападеній, и открыто и съ помощью хитрыхъ уловокъ, дѣлали они на боговъ, и на четырехъ человѣкъ, и на дѣтей ихъ, и на подчиненныхъ имъ людей; но ни одно изъ нихъ не имѣло успѣха, — такъ велики были мудрость, и сила, и храбрость четырехъ человѣкъ и ихъ божествъ.. Наконецъ, война окончилась. ...И племена признали свою покорность передъ лицомъ Баламъ-Квитце, Баламъ-Агаба и Магукутаха.... И вотъ, случилось такъ, что приблизилось время смерти Баламъ-Квитце, Баламъ-Агаба, Магукутаха и Ики-Балама.... И они сказали: мы возвращаемся къ нашему народу.... Такимъ образомъ старики простились съ своими сыновьями и ихъ женами.... Тогда мгновенно не стало четырехъ старыхъ человѣкъ, и на мѣсто ихъ очутился большой свертокъ.... Такимъ образомъ онъ былъ названъ Завернутымъ Величествомъ.... и они курили предъ нимъ ароматы». (Говорятъ, что подобный же свертокъ, или узелъ, «заключалъ въ себѣ останки Камактли, главнаго бога Тласкалы»). Т. iii, стр. 49—54.

Фиджійскіе боги.—Послѣ выхода въ свѣтъ §. 201, въ которомъ было приведено сравненіе между греческимъ Пантеономъ и пантеономъ Фиджійцевъ, какой-то неизвѣстный корреспондентъ имѣлъ любезность прислать мнѣ нѣкоторые данныя, задѣвающія весьма интереснымъ образомъ этотъ вопросъ. Эти данныя содержатся въ парламентскомъ отчетѣ о перепискѣ касательно уступки острововъ Фиджи, представленномъ 6 февр. 1875, на стр. 57. Этотъ документъ касается до туземныхъ правъ на владѣніе страной, и тотъ отрывокъ, который я привожу ниже, приложенъ къ нему, повидимому, для того, чтобы показать, что туземныя идеи о правѣ владѣнія страной находятся подъ вліяніемъ туземныхъ религіозныхъ вѣрованій:

«Примѣчаніе.—Ихъ отцы, или ихъ боги.—Быть можетъ, для болѣе яснаго пониманія предыдущаго меморандума, будетъ не совсѣмъ неумѣстнымъ привести здѣсь одинъ или два факта, показывающіе, что глава племени, т. е. самый старшій изъ его членовъ мужскаго пола, находящійся въ живыхъ, считается отцомъ племени. Онъ пользуется безусловною властью надъ личностью, имуществомъ и жизнью cadaго изъ членовъ своего племени, которое воздастъ ему, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти, такое же почтеніе, какъ Богу.

«Фиджійскій языкъ не дѣлаетъ никакого различія въ выраженіяхъ между знаками почтенія и благоговѣнія, воздаваемыми вождю, и знаками почтенія

и благоговѣнія, воздаваемыми богу. Вотъ нѣсколько словъ, съ ихъ значеніемъ, выбранныхъ мною изъ Фиджійскаго Словаря Газельвуда: 1) Тама—отецъ. 2) Тама-ка—почитать, хлопать въ ладоши, выражаться о богѣ или вождѣ. 3) Кабара—приносить свое имущество въ жертву богу или въ даръ вождю. 4) Аи-севу — перво-вырытый ямъ, начатки плодовъ, жертвуемые обыкновенно богамъ и отдаваемые вождю своего племени. 5) Тауу и Вентауу означаетъ буквально имѣть одинъ и тотъ же корень, пріостекать изъ того же самаго источника; употребляется же это выраженіе для означенія народа, поклоняющагося тому же самому богу»....

«По манеру клясться и ругаться Фиджійцы сходны съ народами Верхней Азіи. Два человѣка, повздоривъ между собою, никогда не клянутъ лично одинъ другаго и даже не произносятъ имени другъ друга, но каждый изъ нихъ клянеть отца другаго, его дѣдовъ и самыхъ отдаленныхъ его предковъ. Причина этого заключается въ томъ, что обругать отца Фиджійца значить обругать его бога.... Вотъ послѣдовательныя ступени власти у Фиджійцевъ: во первыхъ, отдѣльная семья; во вторыхъ, союзъ нѣсколькихъ семей, составляющій Кали; въ третьихъ, союзъ такихъ Кали, подъ властью признаваемого ими всѣми наслѣдственнаго вождя, — союзъ, составляющій Матаниту. Это есть ничто иное, какъ Семья, Родъ и Племя древней исторіи, выжившіе вплоть до сегодня и составляющіе систему, наблюдаемую съ величайшей строгостью во всей Полинезій еще и въ настоящее время.»

Поклоненіе предкамъ у Аріійцевъ.—Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ факты, тѣмъ болѣе изумляютъ меня тѣ, которые, въ интересахъ міеологической теоріи, утверждаютъ, будто-бы Аріійцы отличаются отъ низшихъ расъ тѣмъ, что они никогда не были предко-поклонниками, и которые приписываютъ тѣ случаи предко-поклонства у нихъ, которые никакъ не могутъ быть незамѣченными или отвергнутыми, простому подражанію низшимъ расамъ. Когда мы узнаемъ, что американскій флибустьеръ Уордъ считается теперь въ Китаѣ въ числѣ боговъ и что ему воздвигнутъ тамъ храмъ, то мы принимаемъ этотъ фактъ, находя, что онъ не представляетъ ничего неестественнаго для предко-поклонниковъ Китайцевъ. Но когда мы находимъ такой фактъ въ Индіи, между аріійцами, какъ напримѣръ, когда мы слышимъ о храмѣ, воздвигнутомъ въ Бенаресѣ англійскому флибустьеру Уоррену Гастингу (Парламентская Исторія, ххvi, стр. 773 — 777), то мы должны приписать этотъ случай дурному примѣру низшихъ типовъ.

Я не нахожу рѣшительно ничего, кромѣ такихъ ни на чемъ неоснованныхъ предположеній, что можно было бы выставить противъ ясныхъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что поклоненіе предкамъ имѣло полное господство у первобытныхъ Аріійцевъ, продолжало долго господствовать между цивилизованными Аріійцами, держалось съ значительною силою въ средніе вѣка и не вымерло еще совершенно и теперь. Когда мы узнаемъ, что въ Авестѣ описываются жертвоприношенія умершимъ и что она содержитъ молитвы, вызывающія къ нимъ, когда мы читаемъ въ Учрежденіяхъ Мену (переводъ сэра В. Джонса, т. iii, стр. 203), что „приношеніе Браминами (Brahmens) жертвъ своимъ предкамъ превосходитъ по

важности жертвоприношеніе божествамъ, потому что жертвоприношеніе божествамъ считается началомъ и заключеніемъ жертвоприношенія предкамъ"; когда, обратясь къ Арійцамъ, переселившимся на Западъ, мы припомнимъ, съ какою силою господствовало у нихъ умиловленіе усопшихъ, вызвавшее у Грота слова: „божества гробницъ, священныя превыше всѣхъ прочихъ въ глазахъ Грека“; когда мы вспомнимъ, какъ древніе Римляне, приписывавшіе своимъ богамъ мана мъ любовь къ человѣческой крови, доставляли имъ ее съ соблюденіемъ должныхъ обрядовъ, то мы найдемъ, что требуется обладать большою смѣлостью въ предположеніяхъ, чтобы рѣшиться сказать, что поклоненіе у Арійцевъ не было туземнымъ, но усвоеннымъ отъ другихъ народовъ.

Еслибы это было справедливо, что некролатрія, или поклоненіе усопшимъ, не имѣла корней въ первобытномъ арійскомъ духѣ, хотя она и коренилась въ духѣ всѣхъ другихъ первобытныхъ народовъ (различіе до крайности изумительное, еслибы оно только дѣйствительно существовало), то нельзя было бы не признать страннымъ, что такое поверхностное вѣрованіе представляло и представляло столько трудностей для своего искорененія. Христіанство распространилось, но не истребило некролатріи: Карлъ Великій, въ 742 капитуляріѣ, запрещаетъ „жертвоприношенія усопшимъ“. Точно также не была она истреблена и въ новѣйшія времена христіанствомъ, какъ было показано въ § 152. А вотъ еще свидѣтельства этому, взятые изъ Славянскихъ Мѣстовъ Гануша (стр. 408).

«По свидѣтельству Гебгарди, Лужичане, Чехи, Силезцы и Поляки, каждаго перваго марта, рано поутру, выходили съ зажженными факелами и направлялись на кладбища, съ приношеніями пищи своимъ предкамъ. По словамъ Гримма, Эстонцы оставляютъ пищу для усопшихъ въ ночь на второе ноября, и очень радуются, если на другое утро изъ оставленной пищи сколько-нибудь оказывается съѣденнымъ.... У всѣхъ Славянъ было въ обычаѣ дѣлать трапезу для усопшихъ не только въ день погребенія покойника, но и ежегодно: первая предназначалась для извѣстнаго покойника, вторая же—для всѣхъ усопшихъ вообще.... Они вѣрили, что души присутствуютъ лично на годовой трапезѣ въ честь усопшихъ. Застольники молча бросали подъ столъ для душъ маленькіе кусочки всякой пищи. Они воображали, будто-бы они слышатъ шорохъ душъ и видятъ, какъ они кормятся паромъ и запахомъ пищи».

Я могу заключить это примѣчаніе весьма убѣдительнымъ свидѣтельствомъ человѣка, который находился въ необыкновенно благоприятныхъ условіяхъ для изученія современнаго возникновенія Арійскихъ суевѣрій, и статьи котораго въ *Fortnightly Review* достаточно показываютъ его компетентность и какъ наблюдателя, и какъ мыслителя, а именно А. Ч. Лайолла. Въ письмѣ къ мнѣ, онъ говоритъ: „я не знаю, кто тотъ авторъ, котораго вы цитируете и который утверждаетъ, „какъ кажется, ни одинъ Индо-Европейскій народъ не дѣлалъ религіи изъ поклоненія усопшимъ“; но я знаю, что это обобщеніе совершенно не можетъ быть поддерживаемо. Здѣсь, въ Райпунтаѣ, посреди чистѣйшихъ арійскихъ племенъ, поклоненіе знаменитымъ предкамъ господствуетъ въ полной силѣ, и всѣ ихъ герои превращаются въ большей или меньшей степени въ боговъ“.

Религія Иранцевъ.—Когда это приложеніе было уже совѣстьмъ готово для отсылки въ печать, докт. Шеппигъ обратилъ мое вниманіе на чрезвычайно важные факты, содержащіеся въ сочиненіи Фр. Шпигеля—Познаніе Иранской Древности (1873, т. ii, стр. 91 и пр.). Эти факты, доставляя новое подтвержденіе высказанному выше мнѣнію касательно роли поклоненія предкамъ въ Зенд-Авестѣ, представляютъ въ тоже время въ высшей степени знаменательныя данныя касательно идей о духахъ усопшихъ (фравашисахъ) и о духовномъ механизмѣ вселенной, существовавшихъ у Персидской вѣтви Арійскаго племени.

Природа Фравашы (стр. 92).—„Фравашы прежде всего есть часть человѣческой души. Въ этомъ смыслѣ слово это употребляется въ Авестѣ.... Позднѣйшіе памятники Парсовъ доставляютъ намъ болѣе точныя и обстоятельныя свѣдѣнія относительно дѣятельности Фравашисовъ. Фрогаръ или Фравашы,—говорится въ одномъ изъ этихъ памятниковъ, Саддеръ-Бундешъ,—имѣетъ своей задачей претворять въ пользу то, что человѣкъ ѣстъ, и удалять болѣе тяжелыя части пищи. Сообразно этому, фравашы есть часть, играющая роль посредника между тѣломъ и душой; но она представляется какъ личность, независимая вообще, и въ особенности независимая отъ тѣла. Саддеръ-Бундешъ признаетъ, кромѣ нея, еще и другія психическія силы: жизненную силу (джанъ), сознаніе (ахо), душу (реванъ) и совѣсть (бой). Изъ нихъ жизненная сила такъ тѣсно связана съ тѣломъ, что какъ только она исчезаетъ, тѣло немедленно же погибаетъ. Въ тѣлѣ, осужденномъ такимъ образомъ на гибель, не можетъ оставаться также ни одна изъ остальныхъ психическихъ силъ; всѣ онѣ оставляютъ его; сознаніе, какъ не сдѣлавшее ничего дурнаго, идетъ прямо на небеса; но душа, совѣсть и фравашы остаются вѣстѣ, чтобы отвѣтствовать за дѣла человѣка и получить или вознагражденіе, или наказаніе“.

Фравашисы боговъ и людей (стр. 94).—„Каждое живое существо, принадлежащее ли оно къ земному міру или къ міру духовъ, имѣетъ своего фравашы. Даже Агура-Мазда (главный богъ) не изъять изъ этого правила; его фравашы очень часто упоминается въ древнихъ памятникахъ (Vd. 19, 46, Yt. 13, 80), равно какъ и фравашы Амеша-Цпентас'а и другихъ Язатас'овъ (Yc. 23, 3, Yt. 13, 82). Всего чаще призываются фравашисы Паойриоткаешасовъ, т. е. тѣхъ благочестивыхъ людей, которые жили до появленія закона. Къ нимъ обыкновенно прибавляются фравашисы ближайшихъ родственниковъ и фравашы самого молящагося лица.... Нѣкоторымъ можетъ показаться удивительнымъ призваніе фравашисовъ „рожденныхъ и перерожденных“ (Yc. 26, 20). Ключъ къ разясненію этого можетъ быть найденъ въ Yt. 13, 17, гдѣ утверждается, что фравашисы благочестивыхъ людей, жившихъ ранѣе закона, и тѣхъ существъ, которыя еще явятся въ будущемъ, могущественнѣе фравашисовъ остальныхъ людей, живыхъ и мертвыхъ. Здѣсь поклоненіе героямъ смѣшано съ поклоненіемъ манамъ. Вмѣстѣ съ поклоненіемъ фравашисамъ героевъ поклоняются также фравашисамъ и даннаго семейства клана, или племени“ (стр. 97). „Предыдущіе факты взяты изъ Авесты. Въ западныхъ памятникахъ названіе фравашисовъ не встрѣчается. Но я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что ихъ авторы

были знакомы съ ними. По моему мнѣнію, фравашисы соотвѣтствуютъ племеннымъ божествамъ (*vithibis bogaiabis*), нѣсколько разъ упоминаемымъ Даріемъ въ его надписи Н; а эти послѣднія суть опять *Zeoi patrbosi* древнихъ“.

Силы фравашисовъ (стр. 95).— У фравашисовъ не было недостатка въ силѣ. Главною задачею ихъ было покровительство живымъ существамъ. Только помощью ихъ блеска и величія Агура-Мазда могъ охранять Ардвигура-Апагита (Yt. 13, 4) [извѣстный источникъ и въ тоже время богиня] и землю, по которой бѣжитъ вода и на которой растутъ деревья. Фравашисы охраняютъ дѣтей въ утробѣ матери.... Они играютъ очень важную роль въ дѣлѣ справедливаго распредѣленія земныхъ благъ. Только съ ихъ помощью молочный и выюнный скотъ можетъ ходить по землѣ; и безъ ихъ помощи солнце, мѣсяцъ и звѣзды, равно какъ и вода, не могли бы находить своего пути, а деревья не могли бы расти (Yt. 13, 53 и пр.) (стр. 96). На этомъ основаніи, земледѣлецъ поступитъ хорошо, обезпечивъ себѣ содѣйствіе этихъ могущественныхъ божествъ. Тоже самое справедливо и по отношенію къ воину; ибо фравашисы лучшіе помощники въ битвахъ: Митра, Рашунъ и побѣдный вѣтеръ принадлежатъ къ ихъ обществу. Чрезвычайно важно, чтобы фравашисы пребывали въ тѣсной связи съ своими семействами на землѣ; ибо они предъявляютъ требованія на воду для своихъ племенъ, каждый для своихъ родныхъ, когда вода берется изъ Озера Вурукаша.... Каждый изъ нихъ сражается на своемъ мѣстѣ въ защиту дома и очага своихъ кровныхъ; а потому цари и военачальники, нуждающіеся въ ихъ помощи противъ наступающихъ враговъ, должны особенно взывать къ нимъ; они тогда являются и даютъ помощь, если только они были удовлетворены и не были оскорблены чѣмъ-нибудь (Yt. 13, 69—72). Фравашисы доставляютъ помощь не на одной только войнѣ: ихъ можно призывать противъ всего страшнаго и пугающаго, противъ злыхъ людей и злобныхъ духовъ“....

Фравашисы и Звѣзды (стр. 94).— Мы читаемъ въ Мино-Хиредъ: „Всѣ безчисленныя звѣзды, какія только мы видимъ, называются фравашисами и земнородныхъ (спудей?), ибо очевидно, что для всего творенія, созданнаго творцемъ Ормуздомъ, для всего рожденнаго и нерожденнаго, всегда существуетъ фравашисъ, одинаковый по существу со всеми остальными“. Отсюда ясно, что фравашисы, или звѣзды, образуютъ небесное полчище.... сражающиеся противъ демоновъ.....“

Поклоненіе фравашисамъ (стр. 97).— „Какъ и по отношенію къ другимъ геніямъ Зороастровой религіи, здѣсь многое зависитъ отъ удовлетворительнаго умиловленія фравашисовъ, ибо ихъ сила, а слѣдовательно и дѣятельность, зависитъ отъ жертвоприношеній. По всей вѣроятности, имъ поклонялись въ 19-й день каждаго мѣсяца, но главныя торжества въ честь фравашисовъ совершались въ добавочные дни, прибавлявшіеся въ концѣ каждаго года. Въ это время фравашисы спускались на землю и оставались тутъ въ теченіе 10 ночей, въ ожиданіи приличныхъ жертвоприношеній пищею и одеждой (Yt. 13, 49). [Пусть читатель сравнитъ это съ германскими и славянскими суевѣріями]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поклоненіе фравашисамъ играло весьма важную роль у Иранцевъ, хотя, можетъ быть, поклоненіе это имѣло

болѣе семейный, чѣмъ общественный характеръ. Повидимому, существовали два различные рода такого поклоненія. Впервыхъ, тутъ имѣлось поклоненіе героямъ, — поклоненіе Паоироткаешасамъ (благочестивымъ людямъ, жившимъ равнѣ закона), — которое имѣло, конечно, всеобщій характеръ. Къ этому поклоненію присоединялось, можетъ быть, въ нѣкоторые вѣка поклоненіе ф р а в а ш и с а м ъ царствующаго дома. Вовторыхъ, тутъ было поклоненіе предкамъ, которое имѣло строго-семейный или частный характеръ“.

Арійскія аналогіи (стр. 98). — „Обычай чтить память предковъ жертвоприношеніями, какъ кажется, отличалъ Индо-германскія племена съ самаго начала. По этой-то причинѣ мы находимъ такія поразительныя сходства въ ихъ культѣ, который, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ быть отнесенъ къ очень древнимъ временамъ..... Другіе уже указали весьма вѣрно, что подобно тому, какъ ф р а в а ш и с ы представляются Иранцами въ видѣ звѣздъ, такъ точно, въ представленіи древнихъ Индусовъ, ихъ блаженные люди испускали изъ себя лучи наподобіе звѣздъ (смотри въ С л о в а р ѣ Джуги слово ф р а в а ш и). — — —

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь, по отношенію къ этимъ древнимъ арійцамъ Персін, показанія одного изъ величайшихъ авторитетовъ по этой части, доказывающія совершенно ясно, что у нихъ господствовало поклоненіе предкамъ; кромѣ того, эти показанія доставляютъ подтвержденія для многихъ изъ ученій, изложенныхъ нами въ первой части. Ф р а в а ш и представляетъ одну изъ нѣсколькихъ душъ, которыми обладаетъ каждый человѣкъ (а мы видѣли, что нѣкоторые дикари вѣрятъ въ существованіе у каждого человѣка двухъ, трехъ и даже четырехъ душъ, — тѣнь, отраженіе, дыханіе и сердце), и въ тоже время это главный духъ усопшаго, къ которому обращаются всѣ умиловленія. Вѣрятъ, что онъ нуждается въ пищѣ, подобно другому я умершаго дикаря. Нетолько обыкновенные люди, но даже божества, вплоть до самаго главнаго изъ нихъ, имѣютъ каждое своего духа, чтѣ показываетъ, что каждый изъ боговъ былъ вначалѣ человѣкомъ. Мы видимъ также, что эти ф р а в а ш и с ы, которые суть духи предковъ, становятся тѣми дѣятелями, которымъ приписываются силы и свойства окружающихъ предметовъ, т. е. они становятся духами фетишей. Мы видимъ, что они населили собою небеса, — что они стали дѣятелями, обитающими въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. И мы видимъ, что поклоненіе имъ, начинаясь съ поклоненія тѣмъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ данному семейству, роду и племени, порождаетъ современемъ поклоненіе знаменитымъ личностямъ преданій, какъ древнимъ героямъ и богамъ, т. е. что здѣсь происходило тоже самое, что мы видимъ у Фиджійцевъ и другихъ дикарей еще и въ настоящее время. — — —

Приложение В.

(Хотя уже въ самомъ текстѣ, при изложеніи той отрицательной критики мифологической теоріи, которая состояла въ установленіи противоположной ей теоріи, я высказалъ мнѣстами нѣсколько критическихъ замѣчаній положительнаго свойства, тѣмъ менѣе я предпочелъ не загромаждать общаго хода аргументаціи слишкомъ большимъ числомъ такихъ замѣчаній; да и здѣсь я не имѣю ни времени, ни мѣста для обстоятельнаго изложенія доводовъ, требующихъ отверженія мифологической теоріи; поэтому пусть читатель смотритъ на все нижеслѣдующее какъ на простое оглавленіе аргументаціи, полное развитіе которой должно быть предоставлено ему самому).

1. Что специальная наука не можетъ быть понята вполне, пока не понята болѣе общая наука, обнимающая ее собою, — понятно безъ всякихъ объясненій; а отсюда слѣдуетъ тотъ прямой выводъ, что, при отсутствіи заключеній, выведенныхъ изъ болѣе общихъ данныхъ, нельзя полагаться на заключенія, выведенныя изъ болѣе специальныхъ данныхъ. Вслѣдствіе этого, филологическія доказательства не могутъ считаться достовѣрными, если они не поддерживаются доказательствами психологическими. Отказываться отъ изученія феноменовъ духа путемъ непосредственнаго наблюденія, чтобы изучать ихъ путемъ посредственнымъ, помощью изученія феноменовъ языка, значитъ вводить необходимымъ и неизбѣжнымъ образомъ добавочные источники ошибокъ. Въ истолкованіи развитія мыслей существуютъ свои причины для заблужденій и ошибокъ. Въ истолкованіи словъ и грамматическихъ формъ также существуютъ свои особенныя причины для заблужденій и ошибокъ. А потому, созерцать развитіе духа черезъ развитіе языка значитъ идти навстрѣчу двойному риску, двойному ряду вводящихъ въ заблужденіе причинъ. Конечно, свидѣтельства, почерпнутыя изъ развитія словъ, полезны какъ побочныя, вспомогательныя свидѣтельства, но сами по себѣ они имѣютъ лишь очень незначительную полезность и не могутъ быть сравниваемы по своему значенію со свидѣтельствами, почерпнутыми изъ развитія идей. Вслѣдствіе этого, методъ мифологовъ, исходящихъ въ своей аргументаціи изъ тѣхъ явленій, которыя представляютъ намъ символы, вмѣсто того, чтобы исходить изъ тѣхъ явленій, которыя представляютъ намъ самыя вещи, изображаемыя этими символами, есть методъ ошибочный, ведущій къ заблужденіямъ.

Съ насъ довольно будетъ по этому поводу и одного примѣра. На лекціи, читанной въ Королевскомъ Институтѣ, 31 марта 1871 года, проф. Максъ Мюллеръ сказалъ: „Зулусы называютъ душу тѣнью, и вліяніе языка такъ сильно, что они вѣрятъ, даже въ противность свидѣтельству собственныхъ

чувствъ, что мертвое тѣло не можетъ отбрасывать тѣни, такъ какъ тѣнь, — или, какъ мы сказали бы, духъ, — уже покинула его“. Очевидно, что авторъ считаетъ такое чисто лингвистическое объясненіе происхожденія этого вѣрованія вполне достаточнымъ. Онъ совершенно игнорируетъ весь тотъ путь мысли, который приводилъ столь многія расы къ отождествленію души съ тѣнью и изъ котораго само собою вытекаетъ заключеніе, что въ моментъ смерти душа, или тѣнь, оставляетъ тѣло. Тѣ, которые хорошо усвоили себѣ смыслъ многочисленныхъ свидѣтельствъ, приведенныхъ по этому поводу въ текстъ, могутъ видѣть и сами, какъ глубоко ошибочно получающееся этимъ путемъ представленіе.

2. Есть еще и другой приѣмъ, — хотя и отличный отъ предыдущаго, но тѣмъ неменѣе сродный съ нимъ, — въ силу употребленія котораго методъ міеологовъ идетъ въ-разрѣзъ съ истиннымъ методомъ. Міеологи исходятъ изъ идей и чувствъ, составляющихъ достояніе цивилизованныхъ людей. Заручившись ими, они истолковываютъ съ помощью ихъ идеи и чувства полудицизованныхъ расъ. А отсюда они спускаются, путемъ заключеній, къ идеямъ и чувствамъ расъ нецивилизованныхъ. Начавъ съ явленія сложнаго, они выкраиваютъ изъ него факторы, дѣйствующие въ простомъ. Слѣдующая аналогія покажетъ намъ, какъ велики тѣ заблужденія, которыхъ мы должны ожидать отъ употребленія этого приѣма. До тѣхъ поръ, пока біологи почерпали свои основныя представленія изъ изученія высокоразвитыхъ организмовъ, ихъ объясненія были совершенно ложны; и они были исправлены лишь тогда, когда начали изучать малоразвитые организмы: низшіе типы и зародыши высшихъ типовъ. Извѣстно, что зубы, хотя и коренящіеся въ челюстяхъ, не принадлежатъ къ скелету, но представляютъ аппараты кожного происхожденія; не трудно видѣть, что эта истина такова, что ее не могъ бы даже и вообразить анатомъ, имѣющій дѣло лишь съ взрослыми млекопитающими; и это лишь одинъ ничтожный примѣръ тѣхъ многочисленныхъ откровеній, которыя явились вслѣдствіе изученія животныхъ въ порядкѣ восходящаго развитія. Тоже самое приложимо и къ общественнымъ феноменамъ, включая сюда и тѣ системы вѣрованій, которыя сложились у людей различныхъ расъ. И здѣсь необходимо слѣдовать порядку восходящаго развитія: ключъ ко всѣмъ этимъ вѣрованіямъ можетъ быть найденъ только въ идеяхъ самыхъ низшихъ расъ.

3. Въ примѣръ искажающаго вліянія того метода, вслѣдствіе котораго изслѣдователь слѣдитъ за генезисомъ вѣрованій сверху внизъ, вмѣсто того чтобы слѣдить за нимъ снизу вверхъ, можно привести отпавное положеніе Макса Мюллера, утверждающее, что вначалѣ существовало высокое понятіе о божествѣ, но что это понятіе было испорчено вполнѣ вслѣдствіемъ міеологіею. Онъ говоритъ: „я увѣренъ, что чѣмъ далѣе будемъ мы подвигаться назадъ, чѣмъ болѣе древни будутъ изслѣдуемые нами зародыши какой бы то ни было религіи, тѣмъ чище будутъ открываемыя нами понятія о божествѣ“. Но если только мы не предположимъ, что проф. Максъ Мюллеръ совершенно не знакомъ съ фактами, подобными тѣмъ, которые сгруппированы нами въ I части, то мы должны будемъ признать въ этомъ утвержденіи настоящую превратность мысли, причиненную разсмотрѣніемъ этихъ фактовъ въ недостодолжномъ порядкѣ. Мы еще болѣе должны будемъ признать это, если припомнимъ, что его собственныя

лингвистическія изысканія доставляютъ ему многочисленныя доказательства въ пользу того, что люди, находящіеся на низкихъ ступеняхъ исторіи, не имѣютъ никакихъ терминовъ, пригодныхъ для выраженія идеи о Всеобщей Силѣ, а слѣдовательно, согласно его же собственному учению, не могутъ имѣть и такой идеи. Коль скоро дикарю не хватаетъ словъ для выраженія даже самыхъ начальныхъ обобщеній и отвлеченій, то совершенно невозможно, чтобы онъ могъ обладать словами, въ которыхъ онъ могъ бы выразить, или при помощи которыхъ могъ бы построить представление, соединяющее высокую обобщенность съ высокою отвлеченностью. Коль скоро проф. Максъ Мюллеръ держится такой отправной посылки, то крайне невѣроятно, чтобы его мнѳологическія объясненія, — безъ сомнѣнія, гармонирующія съ этой отправной посылкою, — могли быть истинными.

4. Законъ ритма, въ его приложеніяхъ къ явленіямъ общественной жизни, предполагаетъ, что, въ по-очередной смѣнѣ общественныхъ мнѣній, отступленіе отъ предшествовавшаго мнѣнія будетъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ большею крайностью отличалось это мнѣніе. Примѣры этому мы можемъ найти повсюду, — и въ политикѣ, и въ религіи, и въ нравственности. — — — Послѣ вѣры въ легенды классическаго міра, какъ совершенно истинныя, является полное отрицаніе ихъ, какъ совершенно ложныхъ; т. е. ихъ то прославляютъ за историческіе факты, то отбрасываютъ совсѣмъ, какъ чистѣйшія выдумки. Но оба эти сужденія оказываются одинаково ошибочными. Будучи убѣждены, что моментъ реакціи всегда заводитъ мнѣніе слишкомъ далеко въ сторону, противоположную прежнему заблужденію, мы должны заключить, что эти легенды не слѣдуетъ считать ни вполне истинными, ни вполне ложными.

5. Предполагать, будто-бы между легендою и исторіею можетъ быть проведена рѣзкая разграничительная черта, значить утверждать такую вещь, которая совершенно не выдерживаетъ критики. Воображать себѣ, будто-бы на извѣстной ступени мы внезапно переходимъ отъ мѳа къ исторіи, просто нелѣпо. Прогрессъ, развитіе искусствъ, возрастаніе знанія, болѣе и болѣе осѣдлая и стройная общественная жизнь предполагаютъ постепенный переходъ отъ преданій, содержащихъ мало фактовъ и много фантазіи, къ преданіямъ, заключающимъ мало фантазіи и много фактовъ. Тутъ не можетъ быть никакого перерыва, никакой рѣзко замѣтной перемѣны. Вслѣдствіе этого, та теорія, которая принимаетъ, будто-бы преданія до того момента, съ котораго они считаются историческими, были совершенно неисторическими, есть теорія неизбѣжно ложная. Мы должны смотрѣть на это дѣло такъ, что чѣмъ древнѣе какое-нибудь повѣствованіе, тѣмъ мельче его историческое зерно, но что какое-нибудь историческое зерно обыкновенно существуетъ. Мнѳологи же игнорируютъ это положеніе.

6. Если мы взглянемъ на игнорированіе этого положенія съ другой точки зрѣнія, то будемъ еще болѣе поражены этимъ обстоятельствомъ. Всякое развивающееся общество, достигнувшее наконецъ до правильныхъ хроникъ, излагающихъ совершающіяся событія, должно было пройти черезъ длинный рядъ незаписывавшихся событій. Наиболѣе поразительныя изъ этихъ событій передавались устно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это значить, что каждый древній народъ, имѣющій писанную исторію, имѣлъ раньше ея исторію неписанную, наиболѣе замѣчательныя части которой выжили въ болѣе или менѣе

искаженныхъ преданіяхъ. Теперь, если мы признаемъ за эти искаженные преданія имѣющіеся у насъ рассказы о дѣлахъ героевъ, полу-боговъ и божествъ, предшествовавшихъ опредѣленной исторіи, то этимъ самымъ требованіе непремѣннаго существованія такихъ преданій будетъ совершенно удовлетворено. Если же мы не признаемъ этихъ рассказовъ за искаженные историческія преданія, если мы скажемъ, что эти рассказы просто мифы, то у насъ сейчасъ же явится вопросъ:—а гдѣ же всѣ искаженные преданія о дѣйствительныхъ событіяхъ? Всякая гипотеза, которая не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, должна считаться осужденной заранѣе.

7. Природа до-историческихъ легендъ внушаетъ намъ здѣсь еще одно возраженіе. Въ жизни дикарей и нецивилизованныхъ народовъ войны составляютъ главнѣйшія занятія и интересъ. Отсюда объясняется та черта, общая всѣмъ мифологіямъ, — индійской, греческой, вавилонской, тибетской, мексиканской, полинезійской и т. д., — что самыя древнія изъ рассказываемыхъ ими дѣлъ, включая сюда и событія творенія, принимаютъ форму битвъ, вполне гармонирующую съ гипотезою, что они суть возвеличенные и идеализированные повѣствованія о человѣческихъ дѣлахъ. Но эта черта совершенно не вяжется съ гипотезою, что они суть фикціи, сочиненныя для объясненія генезиса и порядка природы. Хотя мифологъ и воображаетъ, будто-бы явленія природы весьма естественно облекаются въ эту форму, однако мы не имѣемъ ни малѣйшаго доказательства того, чтобы эти явленія стремились облечься въ эту форму въ неразвитомъ умѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ спросить себя, неужели неученый ребенокъ, глядя на окружающій его міръ и на происходящія въ немъ перемѣны, представляетъ ихъ себѣ какъ рядъ битвъ и ихъ послѣдствій?

8. Изученіе суетвѣрій посредствомъ нисходящаго анализа, вмѣсто изученія ихъ посредствомъ восходящаго синтеза, вводитъ насъ въ ошибку еще другимъ путемъ. Такое изученіе подсказываетъ намъ такія причины для объясненія поклоненія природѣ, которыхъ не существуетъ въ дѣйствительности. Неразвитый духъ не обладаетъ ни тѣми эмоціональными наклонностями, ни тѣми умственными стремленіями, которыя навязываются ему мифологами.

Замѣтимъ прежде всего одну вещь, уже показанную нами въ этой части, а именно, что тѣ идеи и чувства, изъ которыхъ дѣйствительно вырастаетъ поклоненіе, проявляются всѣми формами неразвитаго духа, т. е. и духомъ дикаря, и духомъ цивилизованнаго ребенка, и духомъ цивилизованнаго взрослого, лишеннаго надлежащей культуры. Боязнь призраковъ свойственна всѣмъ этимъ людямъ. Ужасъ, ощущаемый ребенкомъ, когда онъ остается одинъ въ темнотѣ, и страхъ, испытываемый простолюдиномъ, когда ему доводится пройти ночью черезъ кладбище, представляютъ для насъ выживание того чувства, которое, какъ мы нашли выше, составляетъ существеннѣйшій элементъ первобытныхъ религій. Итакъ, если это чувство, возбуждаемое воображаемыми невидимыми существами и побуждающее дикаря къ поклоненію, оказывается существующимъ и въ нашей расѣ, между молодыми и невѣжественными ея представителями, то мы должны заключить изъ этого, что если у дикаря имѣется еще какое-нибудь другое подобное же чувство, побуждающее его къ поклоненію, то и это чувство, будучи обнаруживаемо дикаремъ, должно будетъ,

какъ и въ предыдущемъ случаѣ, обнаруживаться также и у молодыхъ невѣжественныхъ представителей нашей собственной расы.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и объ элементахъ мысли, приписываемыхъ дикарю мисологами. По ихъ мнѣнію, причина первобытныхъ истолкованій природы лежитъ въ умозрительныхъ наклонностяхъ первобытнаго человѣка, но въ такомъ случаѣ эта наклонность къ умозрѣнію должна постоянно обнаруживаться дикаремъ и въ настоящее время, равно какъ она должна обнаруживаться также и между наименѣ развитыми членами цивилизованныхъ обществъ. Взглянемъ же на факты изъ обихъ этихъ областей, т. е. и изъ области чувства и изъ области мышленія.

9. Привычное для насъ солнце не возбуждаетъ въ ребенкѣ ни малѣйшаго страха. Припоминая свое дѣтство, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи вспомнить, чтобы онъ когда-либо испытывалъ страхъ передъ этимъ наиболѣе поразительнымъ предметомъ природы; точно также никто не припомнитъ, чтобы замѣчалъ когда-либо хотя у одного изъ своихъ товарищей какіе-нибудь признаки подобнаго страха. Далѣе, — какой мужикъ, или какая служанка обнаруживаютъ когда-либо хотя бы самые слабые признаки особаго почтенія по отношенію къ солнцу? Человѣкъ взглядываетъ на солнце при случаѣ, иногда даже любитъся имъ, какъ напримѣръ во время заката, но никогда въ отношеніи ребенка или современнаго невѣжественнаго человѣка, къ солнцу нѣтъ даже и тѣни того чувства, которое называется поклоненіемъ. Единственное чувство, возникающее иногда здѣсь и могущее считаться сроднымъ съ чувствомъ поклоненія (но только сроднымъ, а не болѣе), возникаетъ лишь въ умахъ людей образованныхъ, передъ которыми наука открыла обширность вселенной. Тоже самое можно сказать и о другихъ привычныхъ намъ предметахъ и явленіяхъ. Рабочій земледѣлецъ не имѣетъ даже уваженія къ землѣ, которую онъ копаетъ; тѣмъ менѣе могли бы мы искать у него такого чувства, которое могло бы повести его къ отношенію къ землѣ какъ къ божеству. Правда, ребенокъ можетъ быть перепуганъ громовымъ ударомъ и невѣжда можетъ глядѣть на комету съ суевѣрнымъ страхомъ; но громъ и комета не суть обыденныя и правильныя явленія природы. Ежедневный опытъ доказываетъ намъ, что окружающіе насъ предметы и силы, несмотря иной разъ на все ихъ величіе, не возбуждаютъ никакого религіознаго чувства въ неразвитыхъ душахъ, если только они обыкновенны и не считаются почему-либо опасными.

Аналогія подсказываетъ, что такое же должно быть состояніе духа и отношеніе къ подобнымъ предметамъ и у дикарей, и описанія путешественниковъ дѣйствительно подтверждаютъ это представленіе. Низшіе типы людей чужды изумленія. Какъ уже было показано въ § 45, они не изумляются даже такимъ замѣчательнымъ вещамъ, которыхъ они не видали прежде ни разу въ жизни, если только въ этихъ вещахъ нѣтъ ничего пугающаго. Но если ихъ изумленіе не возбуждается этими незнакомыми имъ вещами, то тѣмъ менѣе можетъ оно быть возбуждено вещами, созерцаемыми ими ежедневно съ самаго рожденія. Что можетъ быть изумительнѣе пламени, являющагося не извѣстно откуда, движущагося, производящаго звуки, неосязаемаго и однакоже обжигающаго руки,

пожирающего вещи и затѣмъ исчезающаго богъ вѣсть куда? И однакоже огне-поклонничество не составляетъ отличія самыхъ низшихъ расъ.

Такимъ образомъ, и прямыя, и непрямые свидѣтельства согласно показываютъ намъ, что въ первобытномъ человѣкѣ не существуетъ того чувства, котораго требуетъ поклоненіе природѣ. И задолго до того, когда душевное развитіе положить начало этому чувству, земля и небеса оказываются уже населенными сверхъестественными существами, произведенными изъ духовъ усопшихъ, на которыхъ дѣйствительно покоятся надежды и страхи первобытнаго человѣка и которые дѣйствительно побуждаютъ его къ жертвоприношеніямъ и молитвамъ.

10. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о приписываемыхъ мнѳологами дикарю умственныхъ стремленій. Всѣ наши невѣжды—не охотники до умозрѣній. Они не обнаруживаютъ почти ни малѣйшей разумной любознательности даже по отношенію къ самымъ важнымъ явленіямъ природы. Какому мужику придетъ въ голову задать вамъ вопросъ о строеніи солнца? Когда является у него охота подумать о причинѣ лунныхъ перемѣнъ? Въ чемъ проявляется у него желаніе узнать, какъ образуются облака? Гдѣ доказательства того, чтобы его умъ былъ занятъ когда-либо мыслью касательно происхожденія вѣтровъ? Мы нѣтъ-только видимъ у него полное отсутствіе какого-либо стремленія къ изслѣдованію подобныхъ вопросовъ, но постоянно наталкиваемся здѣсь на полнѣйшее равнодушіе даже въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь другой предлагаетъ ему объясненіе этихъ явленій. Онъ считаетъ всѣ эти привычныя для него предметы и явленія самыми обыкновенными вещами, которыя нѣсколько не нужны для него въ какихъ-либо объясненіяхъ.

Тоже самое находимъ мы и у дикаря. Еслибы мы даже не имѣли доказательствъ этому, мы все-таки могли бы заключить и сами, что коль скоро большинство умовъ въ нашей собственной средѣ отличается такимъ отсутствіемъ стремленія къ умозрѣніямъ, то умы людей низшихъ расъ должны быть еще менѣе склонны къ умозрительности. Но, какъ уже сказано въ § 46, мы имѣемъ и прямыя доказательства этому. Путешественники постоянно указываютъ на отсутствіе разумной любознательности между низшими расами. То, что говорится д-мъ Ринкомъ объ Эскимосахъ,—которые, по его словамъ, „принимаютъ существованіе свое и всего міра просто какъ фактъ, безъ всякихъ разсужденій о его первоначальномъ происхожденіи“,—говорится другими путешественниками въ подобныхъ же выраженіяхъ о многихъ грубыхъ народахъ. Мало того, дикари даже смѣются надъ вопросами, касающимися обыкновенныхъ предметовъ и процессовъ природы, какъ бы ни были важны и замѣтны эти предметы и процессы; всѣ подобные вопросы кажутся имъ глупыми.

Такимъ образомъ и умственный факторъ, предполагаемый тѣмъ мнѳотворческимъ стремленіемъ, которое приписывается мнѳологами первобытному человѣку, также отсутствуетъ на раннихъ ступеняхъ развитія челоѳчества, и прогрессирующая мыслительность начинаетъ обнаруживать этотъ фактъ лишь черезъ долгое время послѣ того, какъ ученіе о духахъ усопшихъ сложилось уже въ цѣлый стройный механизмъ причинности.

11. Къ этимъ двумъ ошибочнымъ предположеніямъ присоединяется у мнѳологовъ еще третье предположеніе, столь же ошибочное, будто-бы первобытный чело-

вѣкъ наклоненъ къ „игрѣ воображенія“, къ „созданію всевозможныхъ фантастическихъ фикцій“. Эта новая ошибка опять-таки пронстекаетъ изъ приписыванія неразвитымъ натурамъ такихъ чертъ, которыя обнаруживаютъ только натуры развитыя. Въ § 47 было показано, что дикарь отличается недостаткомъ воображенія, а потому фикція, выдумка, какъ предполагающая воображеніе, возникаетъ только съ прогрессомъ цивилизаціи. Человѣкъ низкаго типа также мало плодovitъ на изобрѣтеніе разныхъ исторій, какъ мало плодovitъ онъ на изобрѣтеніе разныхъ инструментовъ и процессовъ; но, какъ въ послѣднемъ случаѣ, такъ и въ первомъ, продукты его дѣятельности развиваются лишь путемъ мелкихъ видоизмѣненій. У низшихъ расъ, единственнымъ зерномъ того, что становится въ послѣдствіи литературой, служатъ рассказы о дѣйствительныхъ событіяхъ. Дикарь рассказываетъ о происшествіяхъ сегодншней охоты, о военныхъ подвигахъ, совершенныхъ во вчерашней битвѣ, объ успѣхахъ своего недавноумершаго отца, о побѣдахъ своего племени въ прошломъ поколѣніи. Не имѣя ни малѣйшаго намѣренія сочинять удивительныя исторіи, онъ сочиняетъ ихъ не замѣчая того самъ. Обладая лишь весьма грубымъ языкомъ, преисполненнымъ метафоръ, побуждаемый тщеславіемъ и несдерживаемый уваженіемъ къ истинѣ, безмѣрно легковѣрный самъ и находящій въ слушателяхъ безусловную вѣру въ каждое свое слово, онъ очень быстро доходитъ въ своихъ разсказахъ до самыхъ чудовищныхъ преувеличеній; такъ что подъ-конецъ эти разсказы заходятъ такъ далеко за предѣлы возможнаго, что кажутся намъ простыми вымыслами фантазій.

Если мы, вмѣсто того чтобыдовѣряться гипотезамъ, будемъ изучать факты, то увидимъ, что таково именно было происхожденіе первобытныхъ легендъ. При разсмотрѣніи фактическихъ свидѣтельствъ, безъ предвзятыхъ убѣжденій, эти свидѣтельства показываютъ намъ (См. въ Описательной Соціологіи „эстетическіе продукты“), что первоначально не существуетъ никакой мнѳотворческой тенденціи, никакого стремленія къ создаванію мнѳовъ; но что такъ-называемый мнѳъ всегда начинается разсказомъ о какомъ-нибудь человѣческомъ событіи. Итакъ, и этого предполагаемаго мнѳологами фактора также не существуетъ въ дѣйствительности.

12. Мнѳологи дѣлають еще одно предположеніе, для котораго подобнымъ же образомъ не существуетъ никакого основанія. Аргументація мнѳологовъ исходитъ изъ допущенія того, что первобытные народы неизбѣжно стремятся къ олицетворенію отвлеченныхъ существительныхъ. Мнѳологи утверждаютъ, будто-бы варварскіе народы, пріобрѣвъ уже извѣстные символы для выраженія отвлеченій (путемъ ли развитія, или путемъ произведенія отъ сверхъестественно полученныхъ ими корней, что, повидимому, вѣрнѣе съ точки зрѣнія мнѳологовъ), а слѣдовательно, пріобрѣвъ уже и соотвѣтственную способность къ отвлеченному мышленію, вдругъ начинаютъ лишать свои словесные символы ихъ отвлеченности. Читатель, конечно, вправѣ ожидать убѣдительныхъ и ясныхъ доказательствъ существованія такого замѣчательнаго процесса; но никакихъ доказательствъ на это ему не представляютъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Chips etc., т. ii, стр. 55), проф. Максъ Мюллеръ утверждаетъ, что „до тѣхъ поръ, пока люди думали словами, для нихъ было просто невозможно говорить объ утрѣ или вечерѣ, о веснѣ или зимѣ, не придавая этимъ

представленіямъ, хотя бы лишь въ нѣкоторой мѣрѣ, индивидуальнаго, дѣятельнаго, полового или, по крайней мѣрѣ, личнаго характера“ (т. е. добывъ себѣ первоначально, неизвѣстно какимъ образомъ, эти представленія, безъ конкретныхъ значеній, они очутились въ послѣдствіи въ невозможности избѣгать придаванія имъ конкретныхъ значеній); но я полагаю, что для доказательства выраженной тутъ невозможности желательно нѣчто большее, чѣмъ это авторитетное утвержденіе. И, принимая въ соображеніе, что состоятельность всей теоріи зависитъ отъ истинности этого предположенія, каждый вправе ожидать обстоятельнаго его доказательства. Конечно, думаетъ всякій, языкъ нецивилизованныхъ людей доставляетъ массу матерьяловъ для подтвержденія этого положенія.

Вмѣсто того, я нахожу, что, въ доказательство этого положенія, приведено нѣсколько примѣровъ олицетворенія отвлеченій изъ языка, употребляемаго въ нашемъ собственномъ обществѣ. Проф. Максъ Мюллеръ цитируетъ изъ Уордсворта тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о религіи какъ о „матери“, объ „отцѣ-Времени“, о „неумолимомъ зубѣ Мороза“, о „зимѣ, похожей на стараго путника“ и объ „улыбающихся часахъ“. Но, во первыхъ, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти метафоры, даже тамъ, гдѣ онѣ не могутъ быть прямо прослѣжены до личностей классической міеологіи, возникли очевидно изъ сознательнаго или безсознательнаго подражанія классическимъ формамъ вѣрованія, подражанія, къ которому наши поэты пріучаются съ самаго дѣтства. А во вторыхъ, мы не можемъ прослѣдить ни въ одномъ случаѣ, чтобы это фантастическое олицетвореніе выказывало стремленіе къ порожденію вѣрованія въ дѣйствительныя личности, а пока не доказано здѣсь такого стремленія, можно считать, что ничего не доказано.

13. Впрочемъ, говорятъ, что санскритъ доставляетъ доказательства такого олицетворенія. Но эти доказательства представляютъ не прямые свидѣтельства фактовъ, а заключенія, полученные довольно длиннымъ путемъ; кромѣ того, эти заключенія выведены изъ матерьяловъ, выбранныхъ совершенно произвольно.

4 Какъ мало можно положиться на способъ обращенія съ языкомъ Ведъ, можно заключить уже изъ способа обращенія съ показаніями Ведъ. Міеологіи, для доказательства своихъ теорій, открыто и увѣренно ссылаются на идеи самой глубокой древности, такъ какъ эти идеи, по ихъ теоріи, наиболѣе свободны отъ міеотворческихъ искаженій. Но они берутъ только такія изъ этихъ идей, которыя приходится къ ихъ гипотезѣ, и, умышленно или неумышленно, не замѣчаютъ тѣхъ, которыя ей противорѣчатъ, хотя бы идеи эти представляли такую же или даже еще болѣе глубокую древность. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ этого рода. Такъ какъ поклоненіе Сомѣ находится одновременно и въ Ригъ-Ведѣ, и въ Зенд-Авестѣ, то мы можемъ считать доказаннымъ, что оно существовало ранѣе разселенія Арійцевъ. Далѣе, въ § 178 было показано, что сама Ригъ-Веда называетъ Сому „создателемъ и отцемъ боговъ“, „породителемъ гимновъ, и породителемъ Діауса, Притиви, Агни, Суріа, Индры и Вишну“. Итакъ, по свидѣтельству этого высочайшаго авторитета, эти такъ называемые космическіе боги (nature-gods) не были самыми древними. Имъ предшествовалъ Сомъ, „царь боговъ и людей“, „одаряющій безсмертіемъ бо-

говъ и людей“; и даже про Индру, считаемаго богомъ-солнцемъ, разсказывается, что онъ совершалъ свои великіе подвиги подъ вдохновеніемъ сомы. Отсюда слѣдуетъ, что если древность идеи должна считаться критеріемъ въ этихъ случаяхъ, то древность идеи о сомѣ, доказанная заранѣе и прямыми показаніями Ригъ-Веды и одновременно нахожденіемъ этой мысли и въ Ригъ-Ведѣ, и въ Зендъ-Авестѣ,—дѣлаетъ несомнѣннымъ, что поклоненіе природѣ не было первичною формою религіи у Аріицевъ.

Если мы взглянемъ поближе въ тѣ данныя, которыя почерпаются міеологами изъ этой „книги за семью печатами“ (довольно странное названіе, даваемое проф. Максомъ Мюллеромъ той самой книгѣ, изъ которой онъ извлекаетъ такія положительныя заключенія), и посмотримъ, какъ они обращаются съ этими данными, то мы не почувствуемъ себя нисколько разувѣренными и успокоенными. Говорятъ, что слово діаусъ, служащее кардинальнымъ словомъ міеологической теоріи, происходитъ отъ корня діу—лучить, испускать лучи. Въ своемъ опытѣ „Сравнительной міеологіи“ проф. Максъ Мюллеръ говоритъ по этому поводу: „корень такого богатаго и обширнаго значенія можетъ быть приложимымъ ко множеству представленій: къ зорѣ, солнцу, небу, дню, звѣздамъ, глазамъ, океану и лугѣ“. Развѣ мы не вправѣ прибавить къ этому, что корень, обладающій столь разнообразными значеніями и отличающійся неопредѣленностью, пропорціональною ихъ многочисленности, легко поддается истолкованіямъ, представляющимъ соотвѣтственную степень неопредѣленности? То же самое замѣчаніе приложимо повсюду. Однимъ изъ олицетворенныхъ ведическихъ боговъ, бывшихъ вначалѣ, по мнѣнію міеологовъ, чисто-космическими богами, служить земля. Намъ сообщаютъ, что въ Ведѣ существуетъ двадцать одно названіе для земли. Кромѣ того, намъ говорятъ, что эти названія прилагаются одновременно и къ множеству другихъ разнообразныхъ предметовъ и что, слѣдовательно „земля, рѣка, небо, зоря, корова и рѣчь могутъ являться гомонимами“. Мы можемъ замѣтить по этому поводу, что такъ какъ гомонимныя слова, по самому опредѣленію своему, суть слова двусмысленныя и неопредѣленныя, то и переводъ ихъ въ различныхъ частныхъ случаяхъ долженъ представлять соотвѣтственную степень сомнительности. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такіе „богатые“ корни оставляютъ широкое поле воображенію и очень сильно облегчаютъ достиженіе желаемыхъ результатовъ. Но чѣмъ шире то поле, которое они оставляютъ для всевозможныхъ заключеній, тѣмъ менѣе вѣроятность какого бы то ни было изъ нихъ.

Но это еще не все. Міеологическое толкованіе, получаемое путемъ такого произвольнаго обращенія съ дурно-понимаемыми матеріалами, исходитъ изъ ученія, которое оказывается въ противорѣчій съ самимъ же собою. Съ одной стороны, намъ говорятъ, что древніе Аріицы обладали языкомъ, составившимся изъ корней такимъ образомъ, что отвлеченная идея о покровительствѣ предшествовала конкретной идеѣ объ отцѣ. Съ другой стороны, намъ говорятъ, что древніе Аріицы, явившіе послѣ этихъ первобытныхъ Аріицевъ, „не могли говорить и думать иначе, какъ только съ помощью“ личныхъ фигуръ,— что они необходимымъ образомъ должны были говорить: не солнечный закатъ, но „старѣющее солнце“, не солнечный восходъ, но „ночь, рождающая на свѣтъ блестящее дитя“, не весна, но „солнце и небо, сжимающія землю въ

своихъ обятіяхъ". Такъ что та же самая раса, которая произвела свои конкретныя слова изъ абстрактныхъ, описывается намъ какъ такая, которая была доведена до этихъ космическихъ міоовъ своею неспособностью выражать абстракты иначе, какъ въ конкретныхъ терминахъ!

Итакъ, не имѣемъ ли мы права сказать, что ученіе объ олицетвореніи отвлеченностей, не находящее себѣ ни малѣйшей поддержки въ фактахъ, представляемыхъ существующими людскими расами, не дѣлается нисколько вѣроятнѣе и при пособіи заключеній, полученныхъ только-что описаннымъ способомъ изъ фактовъ, почерпнутыхъ въ памятникахъ древности?

14. Впрочемъ, намъ нѣтъ необходимости ограничиваться простымъ заключеніемъ, что гипотеза міоологовъ не имѣетъ за себя достаточно данныхъ. Къ счастью, міоологи даютъ намъ въ руки весьма определенное орудіе испытанія, которое, какъ мнѣ кажется, совершенно опровергаетъ эту гипотезу.

Объясняя, почему отвлеченныя и собирательныя имена должны были подвергаться олицетворенію, проф. Максъ-Мюллеръ говоритъ между прочимъ: „Но, въ древнемъ языкѣ, каждое изъ этихъ словъ имѣло необходимымъ образомъ окончаніе, выражавшее его родъ; а такое окончаніе естественно вызывало въ умѣ соотвѣстную идею о полѣ“. Ясно, что авторъ хочетъ сказать этимъ, что употребленіе названія, привязывавшаго къ называемой этимъ названіемъ вещи идею о полѣ, тѣмъ самымъ привязывало къ этой вещи и идею о чемъ-то живомъ, такъ какъ къ однимъ только живымъ существамъ обладаютъ тѣми различіями, которыя выражаются родовымъ окончаніемъ. Не трудно видѣть, что, рядомъ съ этимъ предложеніемъ, должно быть справедливымъ и обратное предложеніе. Не трудно видѣть, что это предложеніе подразумѣваетъ, что при отсутствіи окончанія, которое указывало бы на мужскую или женскую природу даннаго отвлеченнаго существительнаго, какъ бы ни было велико стремленіе языка придать всякому отвлеченному существительному возможно болѣшую конкретность, это стремленіе никогда не выразится въ приписываніи ему пола. Т. е. стремленіе къ конкретности не будетъ сопровождаться здѣсь стремленіемъ къ олицетворенію, такъ что отвлеченное существительное превратится въ конкретное существительное средняго характера. Не подлежитъ сомнѣнію, что если родовое окончаніе, подразумѣвающее полъ и, вслѣдствіе того, подразумѣвая еще жизнь, внушаетъ, на этомъ основаніи, идею о личности, то тамъ, гдѣ не существуетъ вовсе родового окончанія, подразумѣвающего полъ, не можетъ возникнуть и внушенія о присутствіи жизни и личности. Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что народы, слова которыхъ не имѣютъ родовыхъ окончаній, не должны олицетворять силъ природы. Но факты прямо противорѣчатъ этому заключенію. „Въ Квичуа (языкъ древнихъ Перуанцевъ) не существуетъ окончаній для обозначенія родовъ“; однакоже древніе Перуанцы олицетворяли предметы и силы природы: горы, солнце, мѣсяцъ, землю, море и пр.; подобное же отсутствіе родовыхъ окончаній въ языкѣ и присутствіе поклоненія природѣ имѣло мѣсто у Чипчасовъ и у племенъ центральной Америки. Итакъ, мы имѣемъ неопровержимое доказательство того, что олицетвореніе великихъ неодушевленныхъ предметовъ и дѣятелей природы не зависѣло отъ той причины, на которую указываютъ міоологи.

15. Такимъ образомъ доводы за отверженіе тѣхъ толкованій, которыя предлагаютъ намъ міоологи, распадаются на нѣсколько различныхъ группъ.

Нѣкоторые изъ этихъ доводовъ могутъ быть названы апіорными. Методъ, усвоенный міеологами, вдвойнѣ ложенъ: ложенъ потому, что они ищутъ въ свойствахъ словъ тѣхъ объясненій, которыхъ слѣдуетъ искать въ самыхъ душевныхъ явленіяхъ, символически представляемыхъ этими словами; и ложенъ потому, что они ищутъ въ развитыхъ мысляхъ и чувствахъ ключей къ объясненію неразвитыхъ мыслей и чувствъ, вмѣсто того, чтобы поступать какъ разъ наоборотъ. Къ этому методу они присоединяютъ еще предположеніе, будто-бы человѣческій духъ обладалъ въ самомъ началѣ такимъ представленіемъ о божествѣ, которое мы называемъ въ настоящее время самымъ чистымъ, — предположеніе, опровергаемое прямо и положительно всѣми фактами, которые представляютъ намъ нецивилизованныя расы; кромѣ того, это предположеніе самоубійственно подразумѣваетъ, что отвлеченныя мысли существовали раньше, чѣмъ у человѣчества появились слова настолько отвлеченныя, чтобы быть способными хотя къ приблизительной передачѣ этихъ мыслей.

Вторая группа апіорныхъ доводовъ добыта нами другимъ путемъ. Міеологическая теорія безмолвно принимаетъ, что между легендою и исторіею можетъ быть проведена нѣкоторая ясная разграничительная черта, вмѣсто того, чтобы признать истину, что въ повѣствованіяхъ о событіяхъ замѣчается постоянное, хотя и очень медленное, возрастаніе перевѣса истины надъ заблужденіемъ. Не замѣчая или не признавая того необходимаго заключенія, что, передъ появленіемъ опредѣленной исторіи, должно было существовать множество лишь частью справедливыхъ разсказовъ, эта теорія не указываетъ, гдѣ искать обширную группу искаженныхъ преданій о дѣйствительныхъ событіяхъ, и, повидимому, даже не подозреваетъ, что такая группа должна существовать непременно. Наконецъ, видя, что всѣ такъ-называемыя міеы имѣютъ ту общую черту, что они постоянно описываютъ взаимныя битвы существъ, употребляющихъ для этого оружіе, она, вмѣсто того чтобы признать въ этой общей отличительной чертѣ міеовъ доказательство, что они возникли изъ человѣческихъ дѣлъ, принимаетъ, будто-бы порядокъ природы естественнo представляется неразвитому уму въ терминахъ побѣдъ и поражений.

Что касается до апостеріорныхъ доводовъ за отверженіе міеологической теоріи, то самые первые изъ нихъ замѣчаются въ отрицаніи посылокъ, или неправныхъ положеній этой теоріи. Неправда, будто-бы первобытный человѣкъ, — какъ это безмолвно утверждаетъ міеологическая теорія, — взираетъ на силы природы со страхомъ. Неправда, будто-бы онъ пускается въ умозрѣніе насчетъ ихъ свойствъ и причинъ, Неправда, будто-бы онъ наклоненъ къ сочиненію фикцій. Каждый изъ этихъ предполагаемыхъ факторовъ міеотворческаго процесса присутствуетъ лишь въ развитомъ духѣ, но никакъ не въ неразвитомъ, гдѣ помѣщаетъ его міеологическая теорія.

Къ этому были прибавлены нами еще и другіе доводы. Исходя изъ посылокъ, не подтверждаемыхъ фактами, міеологическая теорія добываетъ изъ нихъ свои заключенія помощью такихъ приѣмовъ, которые совершенно незаконны. Она подразумѣваетъ, будто-бы люди, обладавшіе вначалѣ извѣстными символами отвлеченныхъ представленій, а слѣдовательно и способностью къ составленію ихъ оказались вынужденными въслѣдствіи говорить и думать въ болѣе конкретныхъ терминахъ, — т. е. принимаетъ такое направленіе развитія, которое со-

вершено обратно естественному его ходу, и должна быть подтверждена чрезвычайно сильными фактическими доказательствами. Созданіе воображаемыхъ личностей изъ отвлеченныхъ существительныхъ, приписываемое этой необходимости, должно быть ясно доказано изъ языка низшихъ расъ, чего эта теорія однако не сдѣлала. Въмѣсто того, она даетъ намъ выводы, сдѣланные ею изъ древняго Санскритскаго произведенія, которое она сама же признаетъ настолько непонятнымъ, что называетъ его книгою за семью печатями; это обстоятельство однако не мѣшаетъ ей выводить изъ него заключенія, считаемыя ею несомнѣнными, посредствомъ принятія однихъ его показаній и игнорированія другихъ и посредствомъ придаванія словамъ, имѣющимъ десятки значеній, того именно смысла, который окажется наиболѣе согласнымъ съ желаемымъ заключеніемъ.

Наконецъ, мы имѣемъ здѣсь одинъ фактъ, который былъ бы роковымъ для аргументаціи міеологовъ даже въ томъ случаѣ, еслибы она была настолько же строга и сильна, насколько она теперь слаба, а именно тотъ фактъ, что олицетвореніе силъ природы, приписываемое ею внушеніямъ родовыхъ окончаній словъ, какъ-бы указывающихъ на полъ, происходитъ точно въ такой же мѣрѣ и тамъ, гдѣ не имѣется вовсе такихъ окончаній.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

КЪ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

1. Въ главѣ XII (стр. 183—184) Спенсеръ оставляетъ въ неизвѣстности вопросъ о воскресеніи умершихъ; такъ какъ съ его точки зрѣнія не имѣется данныхъ для его рѣшенія. Истина воскресенія умершихъ можетъ быть объяснена только при высшихъ свидѣтельствахъ Божественнаго откровенія; тамъ она возвышается въ неразрывной связи съ искупленіемъ грѣшнаго человечества, совершеннымъ чрезъ воплотившагося Христа Спасителя (1 Корин. 15, 14—23), съ нравственнымъ порядкомъ человеческой жизни (2 Кор. 5, 10) и съ будущимъ обновленіемъ всего видимаго міра (Римл. 8, 19—22).

2. Въ главѣ XIV (стр. 211—214) Спенсеръ усиливается представить „загробную жизнь“ не болѣе, какъ воспроизведеніемъ „настоящей“. Чтожъ? ужели загробная жизнь должна считаться за одну иллюзію? Нимало. Божественное откровеніе, котораго Спенсеръ не признавалъ для себя руководствомъ, свидѣтельствуешь, что загробную жизнь и ея вѣчныя блага не возможно теперь — при настоящихъ условіяхъ нашего познаванія — изобразить для насъ въ ихъ сущности (2 Кор. 12, 4; 1 Корин. 2, 9), а потому онѣ представляются намъ подъ разными образами, взятыми отъ настоящей жизни и здѣшняго міра (Апок. 7, 17), съ указаніемъ на міръ Ангельскій (Матѣ. 22, 30) и на сущность духовно-благодатной жизни (Римл. 14, 17).

3. Въ главѣ XV (стр. 227—232) идея „о загробномъ мірѣ“ выводится Спенсеромъ не изъ внутреннихъ стремленій человеческого духа и не изъ свидѣтельствъ Божественнаго откровенія, а изъ механическаго накопленія представленій, восходящихъ постепенно до легендарныхъ преувеличеній путемъ идеализаціи. Такая теорія, извѣстная подъ именемъ „психическо-механической“, признается одностороннею даже въ научномъ отношеніи; тѣмъ болѣе она оказывается несостоятельною въ приложеніи къ міру загробному. Въ самомъ дѣлѣ, что побуждало людей всегда идеализировать представленія о загробномъ мірѣ, еслибъ онъ не имѣлъ реальности, напоминаемой врожденнымъ человѣку стремленіемъ къ вѣчнымъ благамъ и особенно первоначальнымъ преданіемъ, которое было несомнѣнно сообщено первымъ людямъ? На это Спенсеровъ теорія, — игнорирующая высшіе источники человеческихъ стремленій и принимающая за первобытнаго человѣка не того, кто вышелъ изъ рукъ Творца и получилъ отъ Него первыя понятія о своемъ назначеніи, а какія-то массы дикихъ людей (нужно бы сказать: одичавшихъ, вслѣдствіе удаленія отъ первобытнаго откровенія Божія), — не въ состояніи дать твердаго рѣшенія; а чрезъ это ея выводы являются произвольными, не имѣющими прочной основы, построенными на пескѣ, по выраженію Евангелія (Матѣ. 7, 21).

4. Въ главѣ XIX (стр. 295 — 300) объясняется „генезисъ религіозныхъ обрядовъ“ тѣми же приемами „психическо-механической“ школы, которые мы назвали выше несостоятельными даже въ логическомъ смыслѣ. Внѣшніе случаи могутъ пробуждать только такую идею, которая прирождена человѣческому духу; но не въ состояніи дать ничего такого, что не имѣетъ корня въ глубинѣ нашей души. Священное писаніе прямо и ясно утверждаетъ, что корень религіи скрывается въ существѣ духовной природы человѣка, созданнаго по образу и по подобию Божію (Быт. 1, 26) и вслѣдствіе сего естественно стремящагося къ своему Первообразу (Ефес. 4, 24). Не признающіе этого указанія и сомнѣвающіеся въ самой духовности человѣческой души, конечно, вынуждены придумывать свои основанія для религіозныхъ обрядовъ, которые своею фиктивностію заявляютъ себя вездѣ, даже въ средѣ загрубѣлыхъ и одичавшихъ поколѣній первозданнаго Адама. Но подобныя основанія, имѣющія въ послѣднемъ выводѣ разрушить существующіе обряды религіи, а не утвердить ихъ, являются неосновательными и безсодержательными при свѣтѣ Божественнаго откровенія.

5. Въ главѣ XX (стр. 318 — 321), XXI (стр. 337 — 353) и XXV (стр. 440 — 441) Спенсеръ представляетъ примѣры почитанія умершихъ предковъ и желаетъ увѣрить читателей, будто-бы „поклоненіе предкамъ есть корень всякой религіи“. Мы уже сказали выше (въ прим. 4) объ основаніи религіи; а потому замѣтимъ только, что заключеніе Спенсера, расчитывающее низвести религію до степени иллюзіи и суевѣрія, не имѣетъ для себя прочныхъ посылокъ и можетъ быть признано за иллюзію.

6. Въ главѣ XXVI (стр. 452 — 454) Спенсеръ выражаетъ ясно, что онъ въ своихъ сужденіяхъ держится школы эмпиристовъ, обязанной своимъ происхожденіемъ Гербарту, Бенеке и др. и доведенной до послѣдней степени матеріалистами. Поэтому читатели должны знать, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Самостоятельный мыслитель можетъ изъ попытокъ Спенсера убѣдиться, что трактовать о социологіи безъ признанія высшаго откровенія Божественнаго и духовныхъ стремленій человѣческаго духа значить напрасно тратить трудъ. Объ этомъ съ убѣдительностію говоритъ система Мартензена, напечатанная въ Православномъ Обзорѣніи (за 1876 г., за м. февраль). Желательно, чтобъ теорія Спенсера еще болѣе склонила читателей къ этому взгляду Мартензена и тѣмъ оказала мыслящимъ людямъ отрицательную пользу.

7. Въ 3-мъ пунктѣ „Приложенія В“ (стр. 483) Спенсеръ напрасно вооружается противъ теоріи Макса Мюллера и напрасно желаетъ убѣдить всѣхъ, что нужно идти „снизу вверхъ“ въ изслѣдованіи религіозныхъ истинъ. Если главный источникъ этихъ истинъ Божественное откровеніе и духовная природа человѣческаго духа, то само собою слѣдуетъ, что нужно искать ихъ происхожденія въ этомъ источникѣ, т. е. вверху, а не внизу — въ средѣ дикихъ племенъ, удалившихся отъ первоначальнаго преданія, или извратившихъ истинный смыслъ его, по своему невѣжеству и одичалости.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать:
22	11 св.	побѣдныя	побѣдоносныя
48	3 св.	прогорѣлаго	прогорклаго
62	11 св.	Уэллесь	Уоллесь
63	19 св.		
73	12 св.		
121	12 св.		
127	1 св.		
127	13 св.		
86	5 св.	воспроизводительности	воспроизведенности
125	18 »	невозможенъ	возможенъ
130	3 св.	кажущемся и дѣйствительномъ	видимомъ и невидимомъ
131	7 св.	свѣта	освѣщенія
138	5 »	могъ бы	желалъ бы
142	10 св.	Мы должны	Поэтому мы должны
148	22 св.	фигуры людей.	изображенія людей,
179	12 св.	кости	ногти
181	15 св.	косы	пряди волосъ
195	6 св.	для привидѣній въ формѣ еще жи- ваго человека	для привидѣній еще живыхъ людей
207	12 св.	законодателя	судью
209	2 »	въ міръ	въ міръ
214	13 св.	все болѣе	все болѣе и болѣе
215	11 »	все менѣе	все менѣе и менѣе
222	8 »	устранять	устранить
236	17 св.	наружной своей поверхностью	на наружной своей поверхности
239	7 »	священно-дѣйствующій небожитель	ангелъ хранитель
243	21 »	Нарквиса	Паркинса
248	14 »	посылають	насылають
251	5 »	«на» послѣ «духа» лишнее	
253	11 св.	могуществовъ	всемогуществовъ
254	16 св.	виспосланіи	одержаніи
265	18 св.	удобосохраняемыя	удобосохраняемыя
—	8 »	удобосохраняемыя	удобосохраняемыя
267	10 »	говоришь	говорилъ
274	12 св.	марабутовъ	марабутовъ
281	1 св.	послѣ «и пр.» пропущено «въ обоихъ	случаяхъ»
283	8 св.	Мади	Маун
—	7 »	Мади	Маун
286	16 св.	у Нутюасовъ	у сосѣднихъ съ ними Нуткасоевъ
287	16 »	лишь	пять
291	23 »	духамъ	духомъ

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
292	4 сн.	послѣ «жертву» слово «своимъ» лишнее	
294	9 »	природныхъ	космическихъ
295	6 »	Тонъ	топъ
302	2 св.	Хотя	Даже
311	6 сн.	послѣ «между» пропущено «дикими»	
314	20 св.	прорицателей	пророковъ
—	7 сн.	своему богу	Иеговъ
316	18 св.	и всѣ прочіе Ришисы (древніе мудрецы), составляющіе потомковъ Мену,	и всѣхъ прочихъ ришисовъ (древнихъ мудрецовъ), потомковъ Мену
319	19 сн.	послѣ «его» пропущено «объ исцѣленіяхъ».	
—	10 »	бѣднѣнскихъ	бѣдныхъ
321	25 св.	волхвами, спрашивающими васъ: неужели	волхвами, которые бормочутъ и цыркаютъ (подражая писку летучихъ мышей); неужели же
325	20 »	послѣ «по погребеніи» пропущено «совершались поминки»:	
326	21 »	Гробомъ	Гробъ
330	12 сн.	случайное	смутное
338	8 »	послѣ «отмстить» пропущено «Бени-Азаду»	
345	11 »	Бичагомъ	Бичагомъ
352	16 »	предметахъ	предметныхъ душахъ
357	8 »	капитана	каноника
366	3 св.	послѣ слова «событія» пропущено «современнаго рожденію ребенка»,	
381	12 »	развлекающее	развеселяющее
388	17 »	слова	словъ
—	18 »	послѣ «ни одного» пропущено «слова»	
389	18 »	Этому факту	Этимъ фактамъ
396	5 »	послѣ «или» пропущено «что»	
406	15 »	послѣ «лаялъ» пропущено «да лаялъ»	
—	14 сн.	и	а
407	13 св.	именъ	племенъ
410	5 »	правилъ	правятъ
—	15 »	Бармио	Баримо
411	12 сн.	хитраго	замысловатаго
415	18 св.	изъ нихъ одна наиболѣе поразительная.	только одна, и притомъ наиболѣе поразительная изъ нихъ.
416	4 сн.	именъ	племенъ
435	2 »	названія	Названія
441	25 св.	который, принадлежа	принадлежащимъ
447	8 сн.	мѣстныхъ	сѣстныхъ

